

902
Д-18

Даниленко В. Н.

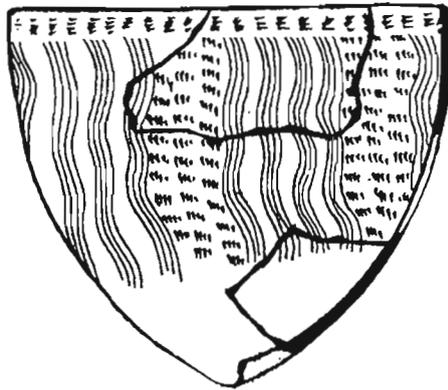
НЕОЛИТ УКРАИНЫ

В. Н. ДАНИЛЕНКО

НЕОЛИТ УКРАИНЫ

ГЛАВЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА» • КИЕВ • 1969 г.

Шканыбаб jaroshenko777

9(С2)11
Д18

902.6
Д18

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
доктор исторических наук
Н. Я. МЕРПЕРТ

816186 ✓

1-6-2
25-69M

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателя работа «Неолит Украины» представляет собою первое обобщающее исследование на названную тему.

Несмотря на то что открытия Н. Ф. Беляшевского, А. В. Городцова и др. в области неолита Украины относятся еще к концу прошлого и к началу нынешнего века, еще в предвоенные годы картина неолитической эпохи на Украине, а также и ряда сопредельных стран оставалась во многих отношениях неполной и неясной. Исключалась, например, возможность создания единой системы неолита Европы, не были раскрыты механизм его сложения, историческое содержание и, особенно, его этнокультурная и этноисторическая характеристики.

Перспективы создания настоящей работы наметились в послевоенные годы, в частности после выделения автором в 1946—1949 гг. приазовской, сурско-днепровской, днепро-донецкой и буго-днестровской культур, а также в результате развития исследований в области неолита Украины, осуществлявшихся на протяжении двух последних десятилетий М. Я. Рудинским, А. В. Добровольским, Д. А. Крайновым, Т. С. Пассек, Ю. Г. Колосовым, В. И. Неприной, Д. Я. Телегиным, А. А. Формозовым, Е. К. Черныш, А. Д. Столяром и др.

Как это раскрывается содержанием настоящей работы, неолит, допалеометаллический этап в развитии человеческой культуры, представляет собой следующий за палеолитом период историко-культурного развития общества, основанный на сложении первобытной воспроизводящей скотоводческо-земледельческой экономики, на челново-сетевом рыболовстве и позднейших формах охотничьего производства. Известные по истории культуры признаки неолита, включая появление топора, посуды и пр., по отношению к изменениям в экономической основе представляют собой явления более внешнего порядка.

Неолит не только стадия в развитии человеческого общества, но и совокупность конкретных событий и процессов, получивших в условиях Восточной Европы неповторимую социально-экономическую, культурную и этноисторическую окраску.

В ходе изучения неолита Украины выяснилось, что в условиях Восточной Европы становление его было равнозначно становлению скотоводства, сменившего переживавшее здесь острый кризис охотничье производство (IX—VII тысячелетие до н. э.). Вместе с тем было установлено, что юго-запад Украины в своем развитии, в частности по признаку раннего возникновения мотыжного земледелия, стоял ближе к

балкано-дунайскому и, в конечном итоге, к восточно-средиземноморскому ареалу (с конца VII тысячелетия до н. э.).

Таким образом, развитие неолита на территории современной Украины в определенном смысле было процессом многоступенчатых этно-исторических скрещиваний, важных, как оказывается, для понимания процесса сложения и первоначального развития индоевропейского этноглобтогонического массива.

В плане социальном неолит раскрывается как время доминирования матриархального племени, как апогей первобытности, когда в мире обрисовывались основные контуры современных этнических массивов, в иных случаях и поныне сохраняющих черты той самой хозяйственной специализации, которая определилась еще в эпоху неолита. В этом смысле можно сказать, что неолит является самым далеким началом современности.

По убеждению автора, неолит, наряду с обрисованными выше чертами, был периодом сложения переживаемых и в настоящее время космологических и религиозных систем, которым были присущи не только заблуждения или поэтические воззрения «варвара», но и зародыши современных положительных знаний и даже этики и эстетики.

Автор выражает благодарность тем лицам, помощь которых при проведении экспедиционных и кабинетных исследований или же при подготовке работы к печати была особенно ценной. Это учитель автора П. П. Ефименко, старшие коллеги — М. Я. Рудинский, И. Ф. Левицкий, А. В. Добровольский, Т. С. Пассек, Д. А. Крайнова, Н. Н. Гурина и М. И. Артамонов.

В процессе подготовки настоящей монографии к изданию автору была оказана существенная помощь ленинградскими и московскими сотрудниками Института археологии АН СССР, особенно Т. С. Пассек, П. И. Борисковским и Н. Я. Мерпертом. С благодарностью он отмечает помощь сотрудников отдела первобытной археологии Института археологии АН УССР, а также М. Л. Макаревича, немало потрудившегося над иллюстрированием книги.

Чувства глубокой признательности автор выражает своей жене и другу Е. А. Даниленко, оказывавшей ему неоценимую и разнообразную помощь на всех этапах создания настоящего труда.

НЕОЛИТ УКРАИНЫ КАК СОВОКУПНОСТЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЕДИНСТВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Понятие неолита как ступени в развитии культуры, характеризующейся распространением глиняной посуды, широким использованием совершенных кремневых орудий, сверлением и пилением камня и пр., сформулированное около 100 лет назад Дж. Леббоком¹ и развитое Ф. Энгельсом², как показывают современные исследования, больше подходит для характеристики периода раннего металла Западной Европы, чем для эпохи неолита.

Для неолита также характерна неравномерность общественно-экономического развития. Если в границах Большого Восточного Средиземноморья неолит начал складываться значительно раньше, чем в Европе, и развивался в ускоренном темпе, то на удаленных от Восточного Средиземноморья территориях он развивался медленно, а сами формы развития были более примитивными. Несмотря на то что возникновение и развитие неолита представляет собой глобальный процесс, по мере распространения неолитической культуры возникали новые неолитические очаги, развитие которых хотя и происходило в определенной зависимости от исторических судеб Восточного Средиземноморья, в целом было уже самостоятельным.

Во времена Дж. Леббока, Л. Моргана и Ф. Энгельса роль Восточного Средиземноморья как мирового очага неолитической культуры еще не была ясна, хотя научный лозунг «Ex Oriente Lux» уже существовал. Именно в силу существовавшей неясности в вопросе о месте первичного эпицентра неолитической культуры продолжительное время господствовали «европоцентристские» тенденции, а германские расисты в качестве центра мировой цивилизации называли «протогерманскую» Северо-Западную Европу.

Несмотря на то что с течением времени стали очевидны технические достижения, приписывавшиеся Дж. Леббоком неолитической эпохе и в

действительности принадлежавшие последующему периоду, в буржуазной историографии даже в настоящее время понятие неолита распространяется на весьма поздние периоды, например не только на время культуры расписной керамики или синхронных с ней явлений, но и на период так называемых культур шнуровой керамики³.

Вместе с тем нельзя не отметить и ту прогрессивную тенденцию, которая появилась в науке на западе после раскопок Дж. Гарстанга и К. Кеньона в Иерихоне⁴, Брейдвуда — в Джармо⁵, Куна — в Бельте⁶, А. Милойчича — в Аргисе⁷ и др. и выразилась в выделении так называемого докерамического неолита.

В советской литературе параллельно с вышеназванной тенденцией в работах А. В. Добровольского⁸ и автора уже давно предлагалось различать особый протонеолитический, докерамический этап, который в одной из ранних работ автора получил наименование «архаического неолита»⁹. Ставя в настоящей работе знак равенства между понятиями «докерамический неолит» и «архаический неолит», мы отстаиваем большую научную целесообразность последнего, так как становится все более очевидным, что «керамичность» неолитической культуры не является ее обязательным признаком.

Мысль о восточноевропейском архаическом (докерамическом) неолите на Украине получила дальнейшую разработку в ходе создания коллективного труда Института археологии АН УССР «Нариси стародавньої історії Української РСР», так как возникла необходимость исторического осмысления определенных И. Г. Пидопличко остатков домашней фауны в докерамических слоях древних поселений Приазовья (Каменная Могила) и Надпорожья (Сурской остров)¹⁰.

После публикации работ К. Кеньона, Брейдвуда и других западных ученых понятие «докерамический неолит» прочно утвердилось в науке и получило распространение в отечественной литературе, например в работах А. Я. Брюсова¹¹.

Докерамический неолит, как и неолит вообще, характеризуется возникновением земледелия и скотоводства — «экономической революцией», по определению Г. Чайльда¹², принявшего важное положение исторического материализма о том, что возникновение воспроизводящих форм хозяйства кладет рубеж между палеолитом и неолитом¹³.

Определение содержания неолита как эпохи и в настоящее время остается делом незавершенным. Оно в значительной степени зависит от полноты археологических источников.

В отличие от простого, по составу материальных остатков, неолита лесной полосы Восточной Европы, неолит Украины, и особенно неолит ее азово-черноморской части, представляет собою явление развитое, примыкающее к неолиту Восточного Средиземноморья и даже составляющее его особую северную периферию. Все значение этого факта и с точки зрения возможности раскрытия процесса возникновения и развития неолита в Восточной Европе, и с точки зрения уточнения его исторического содержания трудно переоценить, ибо только теперь становится очевидной особая ценность материалов по неолиту Украины для создания единой историко-хронологической системы неолита Европы.

Таким образом, прежде чем попытаться дать развернутое определение неолита как исторической эпохи, возникает необходимость дать краткую характеристику различным открытым на территории Украины неолитическим культурам, оценить их как с точки зрения присущей им историко-культурной специфики, так и с точки зрения того, что давало исследование этих культур для понимания неолита как исторического периода.

Первые упоминания о находках неолитического времени на Украине встречаются в трудах А. А. Бобринского¹⁴, Н. Ф. Беляшевского¹⁵ и В. В. Хвойки¹⁶, опубликованных в конце XIX и в начале XX в.

Эти работы нередко содержали ошибки в определении научного материала и представляют скорее историографический, чем непосредственный научный интерес. Несколько выше уровень небольших публикаций В. А. Городцова¹⁷, которые, наряду с заметками И. А. Федоровского и В. Спесивцева¹⁸, являются первыми научными исследованиями по неолиту Донеччины.

Следует отметить, что отсутствие систематических работ по неолиту Украины, для которого иная керамика, кроме исследованной В. А. Городцовым ямочно-гребенчатой, долгое время оставалась неизвестной, обусловило неправильное представление о том, что вся территория Украины якобы входит в зону неолита ямочно-гребенчатой керамики. Нет необходимости доказывать, что подобное представление о неолите Украины

заметно извращало картину реального исторического процесса и, вопреки фактам, обедняло ее.

20-е и 30-е годы на Украине в области разработки мезолитической и неолитической тематики неразрывно связаны с именами П. П. Ефименко¹⁹, М. Я. Рудинского²⁰, А. А. Спицына²¹, А. В. Добровольского²², Б. С. Жукова²³, О. Н. Бадера²⁴, Н. В. Сибилева²⁵ и других. Вклад названных исследователей в науку различен. В одних работах доминирует описательный, в других — аналитический и синтетический элементы, но все они и поныне имеют научное значение. Следует, однако, признать, что почти никто из названных авторов не выступил против тенденции считать неолит ямочно-гребенчатой керамики единственной неолитической культурой Украины. Исключение составляют работы Б. С. Жукова и О. Н. Бадера, поставивших вопрос о керамическом мезолите Крыма. Их значение несколько снижается признанием особой исторической роли культуры кьеккенмеддингов, что, впрочем, находилось в соответствии с общераспространенными тогда в археологической науке «европоцентристскими» взглядами.

С конца 30-х годов, приняв участие в раскопках открытого им поселения у Каменной Могилы, в изучение неолита Украины включился автор. Тогда же Д. А. Крайнов и С. Н. Бибииков вели интенсивное изучение пещерных мезолито-неолитических памятников предгорного Крыма — Таш-Аира²⁶ и Шан-Кобы²⁷.

Наиболее интенсивное изучение неолита Украины началось после Великой Отечественной войны. В разработке проблемы принимали участие М. Я. Рудинский²⁸, А. В. Добровольский²⁹, А. В. Бодянский³⁰, автор, с начала 50-х годов — Д. Я. Телегин³¹, а несколько позднее — Ю. Г. Колосов³².

Для автора 1946—1949 гг. были временем усиленных поисков объектов для стационарных работ, временем раскопок найденных памятников и выделения таких неолитических культур Украины, как сурско-днепровская (1946 г.)³³, приазовская (1947 г.), днепро-донецкая (1949 г.)³⁴ и буго-днестровская (1949 г.)³⁵. О 50-х и о начале 60-х годов в плане изучения неолита Украины следует говорить уже как о периоде монографического исследования отдельных неолитических культур. Так, неолит крымской неолитической культуры изучали Д. А. Крайнов³⁶, А. А. Формозов³⁷ и Ю. Г. Колосов³⁸. Приазовской культурой занялся автор³⁹ и отчасти В. Н. Гладилин. Вопросы буго-днестровской культуры разрабатывал автор⁴⁰, а применительно к Поднепровью также и В. И. Маркевич. Неолит линейно-ленточной керамики изучали Т. С. Пассек и Е. К. Черныш⁴¹. Днепро-донецкой культурой занимались Д. Я. Телегин⁴², В. И. Неприна и автор. Наконец, неолит ямочно-

гребенчатой керамики изучали Д. Я. Телегин⁴³, И. Т. Розенфельдт⁴⁴, В. И. Неприна и отчасти автор.

В 1957 г. появилось первое, основанное главным образом на материалах и выводах автора построение по неолиту Украины⁴⁵, получившее позднее отражение в вузовских программах⁴⁶.

В настоящее время буго-днестровская культура является наиболее полно исследованной неолитической культурой Украины, что и дает основание рассматривать ее в качестве основы не только для решения вопроса о местном земледельческом субстрате триполья, но и для создания системы периодизации неолитических культур Украины. Именно в силу этого обстоятельства буго-днестровская культура уже может считаться монографически исследованной, а столь же полное изучение других неолитических культур Украины, например приазовской и сурско-днепровской, является делом ближайшего будущего.

В связи с тем, что нас особо должно интересовать содержание самого исторического процесса, краткий очерк неолитических культур Украины все же следует начинать именно с того наиболее древнего и активного звена в цепи развития неолитических культур, которое возникло первым и поэтому оказало формирующее воздействие на развитие культуры восточноевропейских племен времени перехода от мезолита к неолиту. Таким звеном в нашем представлении является неолитическая культура, именуемая нами приазовской.

ПРИАЗОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Сведения о приазовской культуре опираются на материалы нескольких поселений, находящихся в Украинском Приазовье и в низовьях Дона: многослойное неолитическое поселение у Каменной Могилы на Мелитопольщине, исследовавшееся автором⁴⁷ и О. Н. Бадером⁴⁸, поселение в районе Бердянска, исследовавшееся А. Я. Огульчанским⁴⁹, поселение у с. Подгоровка на Айдаре, отчасти исследовавшееся В. Н. Гладилиным⁵⁰, а также на материалы находящегося на Нижнем Дону поселения Ракушечный Яр, исследованного Т. Д. Белановской⁵¹, и, наконец, на материалы поселения в районе станицы Цимлянская, опубликованные Г. И. Горецким⁵².

Самым значительным среди названных выше памятников, несомненно, является поселение у Каменной Могилы, фиксирующее почти все этапы развития неолита и энеолита Степного Приазовья. Другие памятники, в целом имеющие меньшее значение, важны для уточнения отдельных черт развития культуры и для восстановления локальной историко-культурной периодизации.

Поселение у Каменной Могилы занимает участок надпойменной террасы р. Молочной, расположенный между коренным правым берегом реки и старицей, примыкающей с севера к древнему порогу — Каменной Могиле, известной своими наскальными изображениями. Нижнюю часть толщи надпойменной террасы занимают два горизонта лессообразного суглинка мощностью около 2 м, разделенные горизонтом ископаемой почвы, из которых верхний перекрыт вторым, более поздним, перекрытым, в свою очередь, современной почвой, имеющей характер мощного слоя темной гумусированной супеси.

В толще нижнего суглинка зафиксировано несколько тонких археологических слоев, образовавшихся в результате кратковременного обитания. Это остатки открытых костров, изредка — оснований каменных очагов, сложенных из обломков песчаника.

Основу собранного здесь инвентаря составляют кремневые орудия; отходы от их производства, расколотые кости животных, изредка раковины речных моллюсков и кости рыб. Полученная из этих слоев коллекция кремневых изделий содержит так называемые карандашевидные нуклеусы, большое число обычных и микролитических пластинок, много округлых скребков, сформованных на отщепях, боковые резцы, сформованные на правильных пластинках, особый тип резцов с очень плоским сколом, резцы срединного и бокового типов, сформованные на отщепях, прорезыватели — инструменты с режущими выступами на лезвии, которые снимались с брюшка или спинки плоской ретушью.

Описанные выше орудия можно разделить на три историко-культурные группы. Наиболее архаическую среди них составляют резцы, сформованные на пластинах, отличающиеся от палеолитических лишь меньшими размерами и правильностью огранения заготовочного материала. Затем следуют округлые скребки из отщепов, появляющиеся на юге Украины где-то около середины мезолита и уступающие место крупным концевым скребкам только в энеолите. Примерно одинаковы хронологические рамки таких кремневых изделий, как карандашевидные нуклеусы, микропластинки и др.

Несомненно более показательными в хронологическом плане оказываются резцы с уплощенным сколом и прорезыватели. Последние еще очень грубы, но затем становятся более совершенными. Типичны неизвестные прежде разнообразные резцы из отщепов. Имея специфически кукрекскую форму, резцы с плоским сколом, резцы на отщепях и прорезыватели чутко фиксируют раннюю пору неолита, его наиболее архаический этап.

Выше описанной свиты лессообразного суглинка и перекрывающего его горизонта сероватой

ископаемой почвы, местами образующего толщу до 50 см, следует верхняя часть лессообразного суглинка. От нижней она отличается заметной гумусированностью, что можно объяснить как вымыванием гумусовых частиц из покровного почвенного горизонта, так и слабым древним почвообразовательным процессом.

В этом суглинке, толщиной до 60 см, удалось определить три архаико-неолитических слоя, лишенных керамики и залегающих в нижней и средней части толщи породы, а также установить раннеолитический керамический слой, залегающий почти на границе суглинка с верхним горизонтом ископаемой почвы. В нижнем слое этой части суглинка встречаются спорадические следы обитания. Средний и верхний архаико-неолитические слои представлены большим количеством открытых кострищ с археологическим материалом вокруг них, скоплениями раковин *Unio*, что в целом говорит об относительной оседлости населения и преобладании жилищ наземного типа.

По составу комплекса материальной культуры все три архаико-неолитических слоя, происходящие из верхней толщи лессообразного суглинка, представляют собой прямое продолжение той же культуры, наиболее архаическое звено которой зафиксировано в архаико-неолитических слоях нижней части лессовидного суглинка поселения у Каменной Могилы.

Однако налицо и некоторые различия. Кремневый инвентарь, происходящий из верхней толщи суглинка, фиксирует апогей развития микролитической техники и представляет собой почти полное повторение инвентаря памятников ку-крекского комплекса⁵³.

Изящество микролитической техники изготовления орудий получает полное отражение в карандашевидных нуклеусах, в многочисленных микропластинках, сравнительно тонких прорезывателях, мелких скребках и др. По-прежнему характерно почти полное отсутствие вкладышей геометрических форм, представленных небольшими трапециями и вкладышами ромбической формы. Незначительное употребление геометрических вкладышей, казалось бы, противоречит строгой микролитичности описываемого комплекса кремневых орудий. Однако это противоречие в действительности оказывается мнимым. Дело в том, что любой геометрический вкладыш — трапеция, сегмент или треугольник, — если он не используется как наконечник стрелы, получает наиболее целесообразное использование лишь в виде несколько выступающего зуба гарпунообразных орудий. Такие вкладыши должны были помещаться в короткие пазики, сделанные резцом в оправе — костяной или деревянной. Микрокладышевая техника, в данном случае, развивалась на иных основаниях, когда создава-

лись не гарпунообразные орудия, а орудия типа дротиков, оснащенные микропластинками. Не противоречит такому мнению и почти полное исчезновение резцов, которые, по-видимому, вытесняются прорезывателями.

Полным подтверждением иного характера вкладышевых орудий, а заодно и особо высокого уровня, достигнутого микрокладышевой техникой, являются довольно многочисленные находки костяных, овального профиля наконечников дротиков с двумя, а чаще с одним продольным пазом, оснащенным рядом микропластинок, закрепленных с помощью смолы.

Далеким прототипом подобных орудий возникли еще в приазовском позднем палеолите (Амвросиевка) и получили некоторое распространение в приледниковой части Днепровского Левобережья (Мезин)⁵⁴. В последние годы удалось установить особую, вероятно раннемезолитическую разновидность наконечников, занимающих промежуточное положение между амвросиевскими и описанными выше*. Употребление орудий, подобных нашим, характерно для мезолитических памятников Крыма (Шан-Коба)⁵⁵, Надпорожья (III Васильевский могильник)⁵⁶, для раннего неолита Донеччины⁵⁷ и, наконец, для Днепровского Надпорожья⁵⁸.

Как показывает находка в Васильевском могильнике, подобные орудия в случае необходимости легко превращались в оружие. Но в целом, начиная от амвросиевских и кончая каменномогильскими, эти орудия, несомненно, являлись принадлежностью охотничьего гона.

Эта мысль получает полное подтверждение как в составе установленного для поселения у Каменной Могилы фаунистического комплекса, так и в его документальном отражении — в рисунках из гротов Каменной Могилы.

Таким образом, в целом набор кремневых орудий описанного выше типа был в определенном смысле псдчинен необходимости изготавливать костяные наконечники дротиков, оснащенные вкладышами из кремня, имевшими характер микролитических пластинок.

В связь с изготовлением подобных орудий — как самых наконечников, дротиков и копий, так и древков к ним — следует поставить найденный в верхнем докерамическом слое вместе с наконечниками дротиков, стеатитовый полировальник челновидной формы с поперечным желобком. Самые древние аналогии для подобных орудий известны по докерамическому неолиту Переднего Востока, а самые поздние — по неолитическим местонахождениям днепро-донецкой культуры, Казахстана и Урала.

* Находка наконечника дротика круглого сечения с двумя рядами имитированных из кости пластинчатых вкладышей в районе Нововоронцовки на Херсонщине принадлежит Г. И. Молявко.

Особняком стоит найденное в этом же слое костяное грузило для сложного крючка рыболовной уды. Эта находка, помимо того, что указывает на существование удочной рыбной ловли, интересна и в другом отношении. Дело в том, что наряду с типологически близким набором кремневых орудий, со сходными наконечниками дротиков и с полировальниками, такие же грузики встречаются в раннеолитических комплексах соседней сурско-днепровской культуры⁵⁹.

Исключительно важен для понимания процесса формирования неолитической культуры Юго-Востока Европы первый керамический слой поселения у Каменной Могилы. Он отделен от описанного выше слоя стерильной прослойкой суглинка мощностью около 15—20 см.

Как указывалось, геолого-стратиграфическое положение этого слоя определяло залегание его в верхней части лессообразного суглинка, почти на контакте с перекрывающим его нижним серозеленым по цвету горизонтом ископаемой почвы.

Подобно нижележащим архаико-неолитическим слоям поселения, описываемый слой не представлял собой образование значительной мощности. Находки залегали в одной плоскости и концентрировались вокруг многочисленных в этом слое открытых кострищ, что в целом, по-видимому, отвечает существованию многочисленных наземных жилищ легкого типа, также и местам обитания под открытым небом.

Помимо присутствовавших во всех слоях поселения костей животных и скоплений *Uro*, первый керамический слой поселения у Каменной Могилы характеризуется многочисленными изделиями из кремня и, что особенно важно, находкой древнейшей в причерноморско-азовском ареале глиняной посуды.

Набор кремневых изделий, происходящих из этого слоя, по-прежнему сохраняет кукрекский облик. Но в то же время к нему очень близок достигший ювелирного совершенства комплекс кремневых орудий, который был открыт М. Я. Рудинским⁶⁰ на острове Кизлевом.

На поселении близ Каменной Могилы кремнь этого времени характеризуется наличием карандашевидных и небольших уплощенных нуклеусов, многочисленных пластинок, нередко микролитических, небольших и совсем миниатюрных округлых и овальных скребков из отщепов и обломков массивных пластинок, а также совершенных режущих-пилящих орудий — прорезывателей.

Несмотря на то что раскопки поселения проводились дважды — в 1938 и 1947 гг., остатки глиняной посуды были найдены только во время работ первого сезона, так как залегали они компактным скоплением, состоявшим из развалов нескольких сосудов.

Особого внимания заслуживают глубокий прямостенный шиподонный горшок, воткнутый шипом в грунт, а также остатки от нескольких находившихся тут же невысоких чашеобразных круглодонных сосудов. Вся посуда сравнительно тонкостенная, изготовленная из глины с обильной примесью толченой речной раковины. Поверхность стенок подлощена и кроме лощения ничем не украшалась. Вероятно, в этом горшке варили пищу, а для распределения ее использовали чаши.

К сожалению, во время Великой Отечественной войны почти вся коллекция из довоенных раскопок поселения у Каменной Могилы была утрачена, и поэтому нам приходится пользоваться полевыми записями и зарисовками. Однако не остается сомнений не только в том, что мы имеем дело с наиболее древним типом местной посуды, но и в том, что, возникнув где-то в каспийско-азовском ареале, подобная посуда распространилась в Северном Приазовье, а также внедрилась в культурные комплексы целого ряда европейских культур: крымской, сурско-днепровской, буго-днестровской.

Неолитическая посуда таких нижнедонских памятников, как Цимлянская ГЭС и нижние слои Ракушечного Яра у ст. Раздорская, представляет собою ближайшую аналогию описанной посуды. Это обстоятельство следует оценивать как указание на вхождение всех трех названных выше памятников в ареал единой приазовской неолитической культуры, а также и как указание на то, что Восточное Приазовье является именно тем передаточным центром, через который с Древнего Востока шло распространение древнейших приемов керамического производства.

Как уже отмечалось, выше первого раннеолитического слоя поселения у Каменной Могилы следует мощный серозеленый слой ископаемой почвы, достигающий 30 см. Этот слой скорее всего формировался в условиях сильного заболачивания местности, и обитание на месте поселения на какое-то время прервалось. Далее следует слой сходной, но более светлой породы примерно той же мощности, насыщенный остатками времени развитого неолита и раннего энеолита.

Для того чтобы образовался стерильный слой толщиной в 30 см, потребовался немалый срок — не менее нескольких столетий. Решить вопрос о том, был ли перерыв в обитании частным случаем в истории заселения ближайшей периферии Каменной Могилы и примыкающей к ней части долины р. Молочной или же он связан с событиями большей исторической емкости, помогает анализ как более поздних археологических напластований самого поселения у Каменной Могилы, так и анализ данных других археологических памятников Северного Приазовья.

Изменения условий жизни, по-видимому, были

все же значительными. Об этом, в частности, говорит то, что с момента возобновления заселения территории поселения археологические остатки резко меняют свой характер. В размещении находок нет той определенности, которая наблюдалась прежде. Исчезают кострища, вокруг которых были сосредоточены находки. Нет и определенным образом локализованных скоплений раковин *Unio*. Археологический материал обнаруживает признаки некоторой смешанности, что в известной мере затрудняло его культурно-хронологическое расчленение, особенно на том этапе исследований, когда поселение у Каменной Могилы оставалось одиночным археологическим фактом, не подкрепленным данными таких памятников, как Ракушечный Яр и Подгровка.

Анализ археологического материала позволяет утверждать, что к моменту возобновления обитания на территории поселения приазовская культура продолжала еще существовать. Развивалась она и в бассейне р. Молочной. Из состава археологического материала, несмотря на некоторое смещение его делювиально-аллювиальными факторами, без особого труда удастся выделить комплекс кремневых орудий относительно архаического облика, указывающий на принадлежность его к приазовскому культурно-историческому комплексу.

Судя по наличию микролитических карандашевидных нуклеусов, микропластинок, мелких округлых и овальных скребков, сходных с кизлевскими, микровкладышевая техника все еще продолжает сохраняться. В то же время нельзя не отметить, что такие специфически кукрекские формы, как резцы из отщепов и прорезыватели, находятяся в очевидном упадке.

Данные о найденной на поселении глиняной посуде этого времени неполны. Однако ясно, что сюда следует отнести венчиковую часть горшка S-видного профиля, острое доньшко, украшенное рядами наколов, обломки широкооткрытых сосудов — гладкостенных или украшенных под венчиком рядами редко поставленных оттисков скобочного штампа, обломки стенок, украшенных мелкими овальными углублениями, и другие остатки посуды.

На этом, собственно говоря, и заканчивается неолитический период в истории поселения у Каменной Могилы. Выше, уже в современной подпочве, следуют отложения энеолитической азово-днепровской культуры, примыкающей к культурному облику Мариупольского могильника, а также несколько слоев, отражающих этапы становления и развития древнеямной культуры, т. е. археологические остатки другой культурной принадлежности.

Этим, казалось бы, можно было бы и закончить характеристику материалов приазовской

культуры, определяющих ее развитие начиная с архаического и заканчивая развитым неолитом, когда наметились черты упадка этой культуры. Однако приведенная характеристика была бы неполной, если бы не был рассмотрен вопрос о присущих этой культуре формах экономического развития, которые в значительной степени определяли специфику всего ее облика.

Как показывает анализ фаунистических остатков поселения у Каменной Могилы⁶¹ и главных групп древних изображений, имеющихя в ее многочисленных гротах⁶², весь строй экономического развития местного населения — от докерамического неолита и до медного века включительно — определяется почти безраздельным доминированием скотоводства. Так, например, уже в нижних слоях архаического (докерамического) неолита И. Г. Пидопличко определил 915 костей быка, 136 — овцы-козы, 3 — собаки, а из числа костей диких животных — 140 — коня, 68 — других животных: зубра, кулана, благородного оленя, зайца, лисы, волка и т. д., а также 5 костей речной черепахи, 5 — рыбы и 1 — птицы⁶³.

Дальнейшее развитие местного скотоводства определяется следующими данными. Сначала в составе фаунистического материала безраздельно доминируют кости крупного рогатого скота, с явными признаками доместикации, и только им противостоят немногочисленные кости диких животных. В средней части нижней свиты докерамических слоев группа костей домашних животных расширяется за счет костей овцы-козы; численность и состав костей диких животных в основном остаются прежними; прибавляются только кости коня⁶⁴. Сходную картину дают и все последующие слои, вплоть до раннего энеолита (азово-днепровская культура), когда численность костей домашних животных — крупного рогатого скота, овцы-козы — снова возрастает. Резко увеличивается количество костей лошади, по-видимому уже к этому времени прирученной.

Таким образом, фаунистический материал поселения у Каменной Могилы говорит о двух периодах в развитии скотоводства. Первый из них охватывает неолитическую эпоху, включая докерамические и керамические слои, и характеризуется безраздельным преобладанием крупного рогатого скота и незначительной ролью охоты и рыбной ловли.

Второй период, совпавший с поворотом в культурном развитии с началом энеолита, ознаменованным возникновением азово-днепровской культуры, характеризуется заметным повышением удельного веса скотоводства; но главным его приобретением, по-видимому, все же является приручение коня.

Наскальные изображения из гротов Каменной Могилы уже были предметом исследования⁶⁵.

Спустя многие годы после первых публикаций этих изображений, мы можем только подтвердить основные моменты ранее предложенной схемы их культурно-хронологического расчленения. По-прежнему остается неясным определение так называемого «мамонта», который занимал место вожака в стаде рогатого скота, включавшего быков, коров и «теленка». И вместе с тем характер трактовки хоботообразной «морды» слишком слабо походит на другие находящиеся рядом очевидные изображения быков и коров.

Хотелось бы подчеркнуть несколько фактов, касающихся толкования схематических изображений, что даст возможность понять условия хозяйственного развития местного населения.

Наиболее древняя группа изображений Каменной Могилы, состоящих из композиции реалистически переданных фигур крупного рогатого скота, сопровождается несколькими типами дополнительных символов — короткими вертикальными линиями, отделяющими группы изображений. В последних нетрудно видеть деревянные загородки. Просверленные на фигурах животных округлые углубления, несомненно, передают раны, а следы постукивания на них острыми орудиями можно истолковать как следы ритуального «убивания» изображенных животных.

Все это говорит о доминировании той самой охотничьей тематики, которая возникла еще в палеолите.

Подобное отношение к стаду противоречит нормам скотоводческой жизни, для которой бережливое отношение к скоту было первым условием благосостояния. Будучи палеолитическими по стилю, содержанию, а возможно, и по возрасту, рассматриваемый древнейший комплекс изображений Каменной Могилы вместе с тем является ценнейшим доказательством того, что скотоводство на юго-востоке Европы возникает на базе загонной охоты и что приручение крупного рогатого скота без особого вольерного этапа было делом немыслимым.

Преобладающее большинство изображений Каменной Могилы, от явно неолитических до явно относящихся к раннему металлу, имеет, как известно, так называемый линейно-геометрический характер. Во всех тех довольно многочисленных случаях, когда мы встречаемся с фигурками животных — быков и лошадей, вписанных в подавляющие их по размерам линейно-геометрические композиции, приходится думать об изображениях скотоводческих загонных с находящимся в них скотом.

Даже на тех сравнительно поздних, уже относящихся к раннему металлу композициях, на которых имеются изображения арб с парной упряжкой быков, изображения скотоводческих загонных не только сохраняются, но и приобрета-

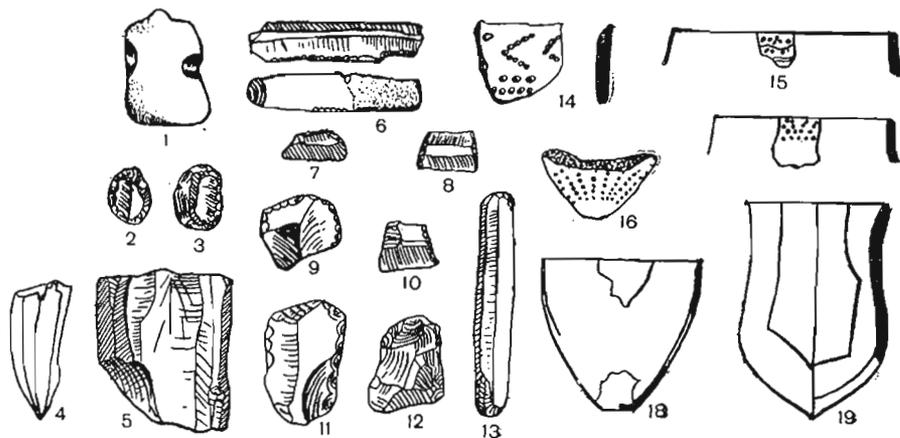
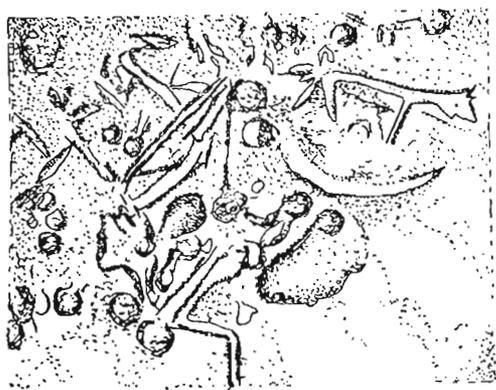
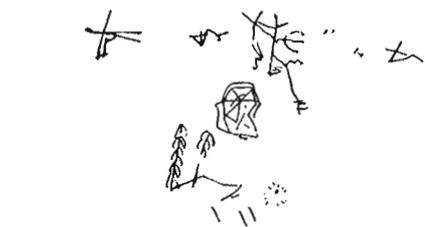
ют подчеркнута большие размеры. Сохраняются они и на изображениях, относящихся к развитому металлу, где преобладают изображения лошади, несомненно воспринимаемой как солнечное животное.

Из сказанного может быть сделан только один вывод — большинство так называемых линейно-геометрических изображений Каменной Могилы представляет собой культовые изображения, восходящие к реальным скотоводческим загонам, которые в целом символизируют богатство и силу древних скотоводов и, несомненно, отвечают каким-то еще недостаточно раскрытым религиозно-мифологическим сюжетам, возможно связанным с попытками осознать пути и фазы движения солнца, связать их со скотоводческими производственными циклами и пр. Естественно предположить, что система идеологических представлений древних приазовских племен включала в себя помимо утилитарно-реальных сюжетов также сюжеты большой идеологической емкости, связывающие ее с циклом других культур.

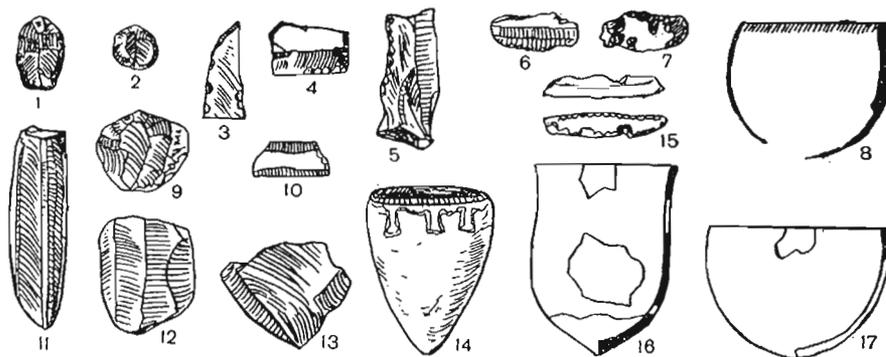
Все вопросы, связанные с развитием религиозно-космогонических представлений населения эпох неолита и энеолита, автором рассматриваются особо. Здесь уместно назвать только те линейно-геометрические композиции, на которых можно видеть стилизованные воспроизведения целых поселений, состоящих из ряда жилищ шалашевидного типа, т. е. таких жилищ, следы которых опознаются в различных слоях поселения у Каменной Могилы или открыты в комплексах сурско-днепровской культуры⁶⁶ (рис. 1, фаза V—VI).

Изображения Каменной Могилы и находящегося рядом многослойного поселения, включающего свиту археологических слоев — от докерамического неолита и до сармат, — в конечном итоге являются двуединым памятником древнейшей истории тех же самых коллективов древности, которые сменяли здесь друг друга на протяжении веков и даже тысячелетий. Названные памятники — Цимлянская, Ракушечный Яр только дополняют воссозданную здесь картину.

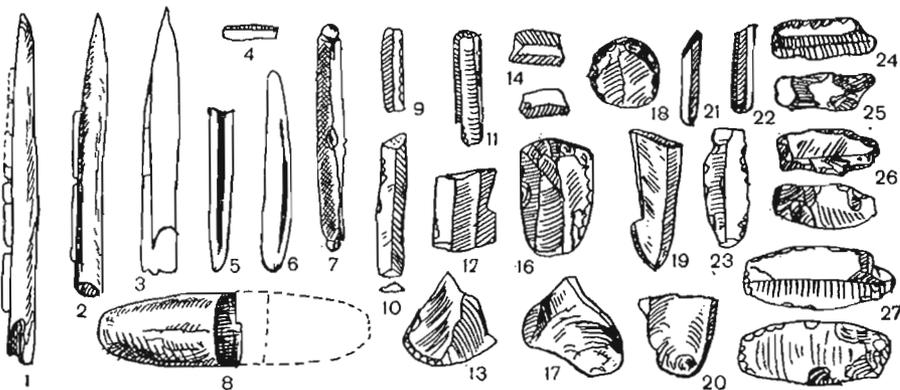
Приведенные выше факты отнюдь не говорят о том, что развитие древнего населения Приазовья на протяжении всей первобытной истории шло эволюционным путем. Отнюдь нет. С полной определенностью, на основании данных поселения у Каменной Могилы и Ракушечного Яра, время существования приазовской культуры в чистом виде может быть определено как время архаического и раннего керамического неолита, так как в более поздних неолитических слоях обоих памятников присутствует особый тип широкооткрытых плоскодонных сосудов, которым сопутствует распространение геометрических микролитов — трапеций.

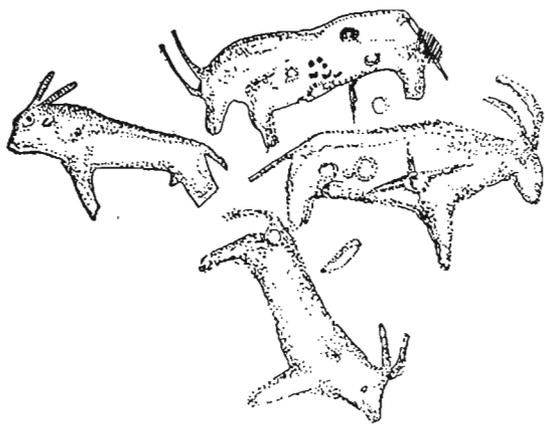

Фаза IV. Ранний керамический неолит (Каменная Могила, станица Цимлянская)

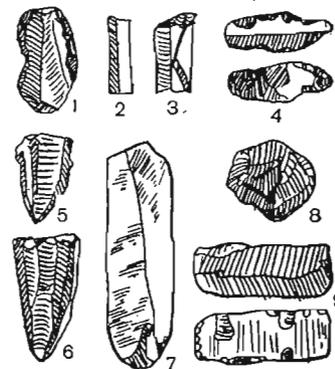

Фаза III. Архаический неолит (Каменная Могила, верхний докерамический слой)

Фаза II. Архаический неолит (Наменная Могила, средний докерамический слой)

Фаза I. Архаический неолит (Наменная Могила, нижний докерамический слой)

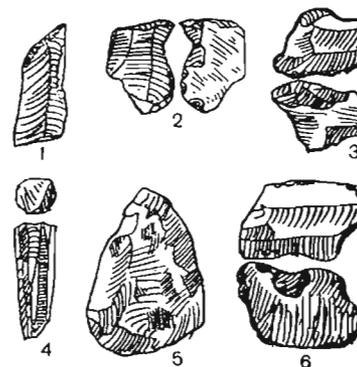
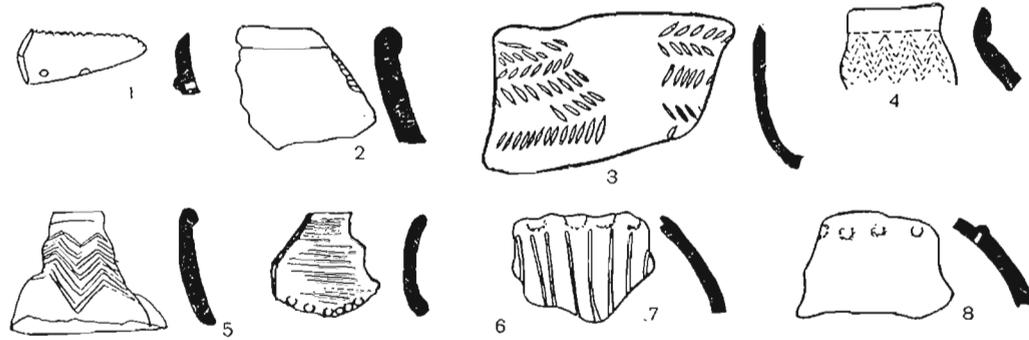

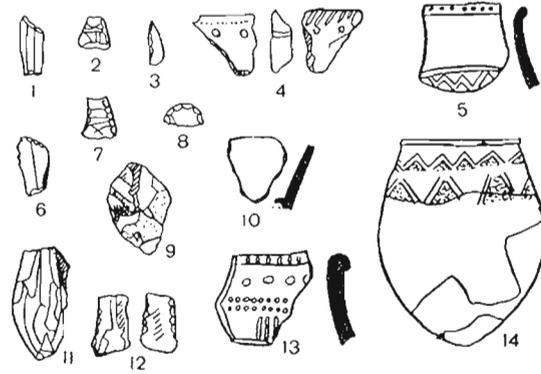
Рис. I. Приазовская культура. Комплекс в развитии.

Фаза I. 1 — острие; 2 — резец с плоским сколом; 3, 6 — грубые прорезыватели; 4 — карандашевидный нуклеус; 5 — скребок. Фаза II. 1, 3, 8 — типичные скребки; 2 — микропластинка; 4, 9 — прорезыватели; 5, 6 — характерные нуклеусы; 7 — обычная пластина. Фаза III. 1—3, 5—7 — костяные орудия; 8 — обломок стеатитового полировальника; 4, 9—27 — кремневые орудия. Фаза IV. 1—7, 9—13, 15—17 — Каменная Могила, первый керамический слой; 8, 14 — станица Цимлянская. Фазы V—VI. 1, 4—13, 15, 17 — Подгоровка; 2, 3, 14, 16 — Каменная Могила, верхний неолитический слой; 18, 19 — Ракушечный Яр, нижние слои (по Белановской). С левой стороны — изображения из гротов Каменной Могилы, условно связываемые с различными периодами одноименного поселения.

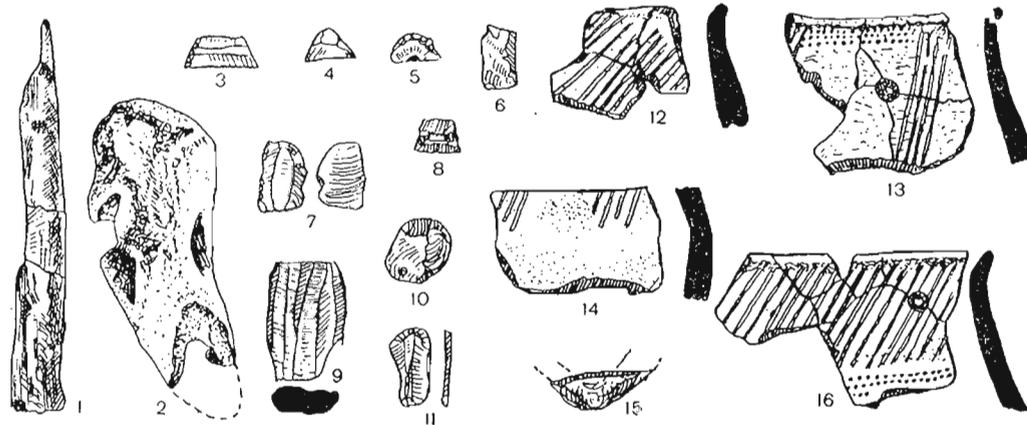
фаза V. Энеолит (Фатма-Ноба, аналогии - Хаджох)

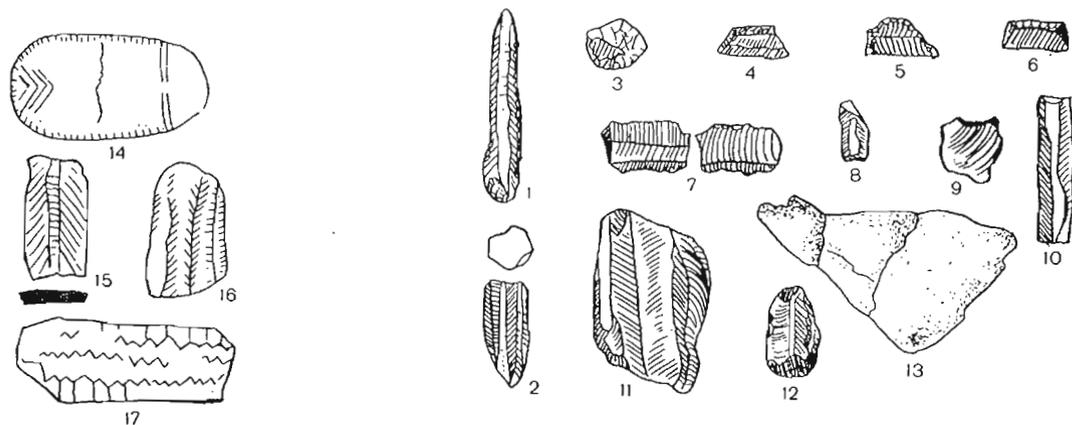
фаза IV. Поздний неолит (Шан-Ноба, верхний слой, Грот Водопадный)

фаза III. Развитый неолит (Таш-Аир I, средние слои, Ная Арасы и другие)

Фаза II. Ранний керамический неолит (Балин-Кош, Ат-Баш, Таш-Аир)

Фаза I. Архаический неолит (Фронтное III, Шан-Коба-докерамический период)

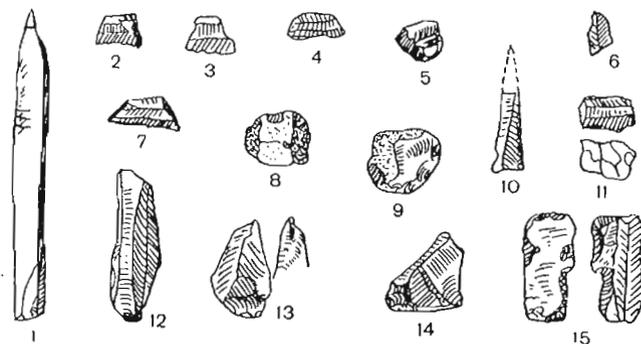

Рис. 2. Крымская культура. Комплекс в развитии.

Фаза I. 1 — Шан-Коба (кость); 2-15 — Фронтное III (кремь). Фаза II. Ат-Баш: 1-5, 11, 12 — кремь; 13 — обломок сосуда; Таш-Аир, слои IX-VIII (кремь): 6-10; Балин-Кош (камень): 14-17. Фаза III. Таш-Аир I: 1, 2 — кость, рог; 6-8, 10 — кремь; 14 — керамика; Кая Арасы: 3-5, 4, 11 — кремь; 12, 13, 15, 16 — керамика. Фаза IV. Грот Водопадный: 1-3, 6-8, 11, 12 — кремь; 4, 5 — керамика; Шан-Коба: 9 — кремь; 10, 13, 14 — керамика. Фаза V. 1-4, 7, 8 — Фатма-Коба; 5 — Хаджох; 6 — Шан-Коба.

816186

Столь заметное изменение состава культуры не могло происходить в обстановке сохранения и неприкосновенности прежних этнических массивов и скорее свидетельствует о проникновении в Приазовье новых этнических волн, которые в той или иной мере обуславливали возникновение иной этнокультурной обстановки. Последняя, надо думать, была связана с переселением прежнего населения Приазовья на новые территории, на порожистый Днепр и в Побужье, где с этого времени появляются сходные комплексы кремневых орудий и глиняной посуды. Менее уверенно можно предполагать сохранение части населения приазовской культуры в степном Предкавказье.

Для того чтобы определить местоположение эпицентра, из которого произошла инфильтрация в Приазовье нового населения, приведшая к повороту в развитии неолитического Приазовья, прежде всего необходимо выяснить, откуда произошло распространение плоскодонных банкообразных сосудов без примеси раковины в глине и что подтолкнуло развитие техники изготовления геометрических микролитов.

Лучше всего обратиться к территории, где оба названные выше элемента культуры, т. е. баночные сосуды и техника изготовления геометрических микролитов, долгое время сосуществуют. Такой территорией, где эти признаки налицо, может быть только Кавказ с его памятниками типа Анасеули — Кистрик, Нижнешиловская и др.⁶⁷

Исходя из того, что древнейшей керамикой всего восточного мира, включая и Кавказ, была лощеная круглодонная посуда⁶⁸, можно думать, что интересующий нас тип плоскодонных, банкообразных сосудов для Кавказа явление вторичное. Первоначально подобные сосуды должны были возникнуть в каком-то ограниченном районе Кавказа, скорее всего в удобном для земледелия Закавказье, и уже оттуда, вероятно, вместе с самими ее создателями, переживавшими относительное перенаселение территории, распространились в различных направлениях. Наличие памятников типа Анасеули в Закавказье и памятников типа Нижнешиловская, Кистрик на пограничье Грузии и приморской части Северного Кавказа фиксирует как этапы, так и направление расселения в Восточную Европу какой-то части племен древнего Закавказья. Без признания такого движения нельзя было бы объяснить целый ряд явлений, охвативших обширные территории — последовавшие в послекукрекское время приток микролитов и появление плоскодонной керамики в Крыму, на нижней Волге (Досанг), на Нижнем Дону (Ракушечный Яр), в Среднем Приазовье (Каменная Могила) и даже в Степном Поднепровье (отразилось в каменной посуде Подпорожья).

Начавшееся на Нижнем Дону около середины неолита изменение характера приазовской культуры и следовавшее за ним значительно позднее сложение азово-днепровской культуры, классическими представителями которой являются ранний энеолитический слой поселений у Каменной Могилы, а также Никольский и Лысогорский могильники и т. д., были, по-нашему мнению, различными звеньями одной и той же цепи развития.

Однако Кавказ не был единственным источником, обуславливавшим постепенную ассимиляцию приазовской культуры. Уже такие исключительно ранние явления энеолита, как четвертый и третий слои Ракушечного Яра и соответствующие подразделения Подгоровки, и даже Александрии на Северском Донце, где получает распространение посуда с ракушечной примесью в глине со штамповым и линейным орнаментом, говорят об иных, т. е. о волго-каспийских связях того времени, когда и эти территории находились в зоне культурного соприкосновения с Кавказом. То же отмечается и несколько позднее, когда в степях Восточной Европы существовало две сходные, но все же различные локальные культуры — доно-азовская и азово-днепровская, входившие в единую азово-днепровскую этнокультурную область.

Совсем другие течения преобладают в следующем периоде, когда началось формирование древнейших звеньев ямной культуры. Как оказывается, этот процесс, с одной стороны, был в значительной степени адекватен процессу ассимиляции инородных по происхождению днепродонецкой и азово-днепровской культур, а с другой — означал восстановление на новой, преимущественно волго-донской основе тех форм культуры, которые и в эти позднейшие времена сохранялись в виде переживаний приазовской, крымской и сурско-днепровской культур.

Для того чтобы лучше разобраться в сложных процессах, определивших специфику главных линий этнокультурного развития Юго-Восточной Европы, следует рассмотреть такие явления древности, которые находятся в наиболее тесных генетических связях с приазовской культурой.

В этом смысле наибольший интерес представляют три неолитические культуры, возникшие на юге Украины: крымская, сурско-днепровская, а на раннем этапе развития — буго-днестровская. В связи с тем что для последней отводится достаточно места в других разделах, в данной главе будем говорить о ней только в меру крайней необходимости, а главное внимание уделим историко-археологическим характеристикам двух первых культур, и прежде всего характеристике крымской культуры.

Отправные данные для получения краткой характеристики крымской культуры получены благодаря раскопкам таких стратифицированных, в основном мезолитических, пещерных поселений, как Шан-Коба⁶⁹ и Фатьма-Коба⁷⁰, Таш-Аир⁷¹ и Замиль-Коба⁷², открытых поселений вроде эпонимного местонахождения Кукрек⁷³, Кая-Арасы⁷⁴, Ат-Баш⁷⁵, Балин-Кош⁷⁶, Фронтное III⁷⁷ и др.

Возможности осуществления более широкой программы полевого изучения памятников крымского неолита в значительной степени лимитировались тем, что большинство открытых здесь неолитических поселений, особенно находящихся на яйлах, были сильно подвержены деятельности делювиальных факторов и в основном разрушены. Тем не менее существующие данные вполне достаточны, чтобы составить представление о специфических чертах местной культуры, об основных хронологических этапах ее развития, о территории распространения наиболее характерных памятников и, наконец, о генетических связях этой культуры.

Насколько об этом можно судить, на основании сопоставления таких позднеатардуазских памятников, как поздние слои Шан-Кобы, Фатьма-Кобы, Замиль-Кобы и др., с синхронными памятниками Северного Кавказа, например с поздними слоями грота Сосруко⁷⁸, развитие культуры на заключительном этапе мезолита в Предгорном Крыму и на Северном Кавказе произошло в более или менее единообразных формах.

В вопросе о характере начального этапа развития крымского неолита нет еще полной ясности. Вероятно, в Предгорном Крыму генетическая связь местного раннего неолита с местным поздним мезолитом была более тесной, чем в Степном Крыму. Для последнего естественно предполагать раннее проникновение из Северного Приазовья ранненеолитического населения, что и обусловило сложение культуры кукрекского типа.

Исключительно важным, в плане раскрытия процесса внедрения кукрекских (северных) элементов в местный позднейший мезолит, является поселение на Керченском полуострове — Фронтное III, материальные остатки которого обладают как всеми чертами финального мезолита провинциально-каспийского облика, так и чертами неолитической приазовской культуры.

Деление Крыма на две устойчиво обособленные зоны — степную и горную — применительно к началу неолита едва ли являлось правильным, так как ранненеолитические поселения с индустрией кукрекского типа в виде яйлинских местонаждений Ала-Чук, Су-Ат, Караби-Яйла⁷⁹

и др. находятся вблизи южного берега полуострова.

В пользу доминирования в начале неолита пришедшей с севера культуры кукрекского типа говорит и характер индустрии нижнего слоя такого стратифицированного неолитического поселения, как Таш-Аир⁸⁰. Материала в этом слое немного. Его кремневый инвентарь составляют нуклеусы неправильной пирамидальной формы, мелкие и правильные пластины и пластинки с ретушью («резчики») и среди них орудие типа концевой скребка с ретушью, заходящей на края и в одном месте образующей режущий зубец, т. е. комбинированный прорезыватель, и, наконец, довольно многочисленная и выразительная группа резцов, сформированных на отщепках.

Микропластинки, резчики, прорезыватели и, главное, серия разнообразных резцов из отщепов говорят не в пользу палеолита, а в пользу культурной и хронологической близости IX слоя Таш-Аира I к Кукреку. Такому определению возраста нижнего слоя Таш-Аира I не противоречит характер многих кремневых орудий, происходящих из выше лежащих VIII и VII слоев, возраст которых, соответственно сказанному выше, следует определять первой половиной неолитической эпохи.

Насколько известно, в материалах кукрекских раскопок Г. А. Бонч-Осмоловского фауна домашних животных определена не была⁸¹. Возможно, будущие раскопки внесут ясность в этот вопрос, и в Кукреке будут обнаружены остатки одомашненных животных, хотя уже в настоящее время ясно, что в экономике крымских племен этого времени охота все еще играла ведущую роль.

Между тем IX слой Таш-Аира I совокупностью происходящих из него фаунистических остатков доказывает, что скотоводство в Предгорном Крыму уже сделало свои первые шаги.

В составе происходящих отсюда костных остатков заметно преобладают кости кабана, свиньи, 48 из них принадлежат одомашненной форме, 26 — дикой, а 19 более точно неопределимы. Только 7 костей принадлежало заведомо дикому виду — косуле⁸².

В пользу того, что развитие скотоводства в Крыму шло главным образом по пути доместики свиней, говорит тот факт, что кости одомашненного крупного и мелкого рогатого скота в обоих памятниках появляются не раньше слоев раннего (докерамического) неолита. Едва ли приходится сомневаться, что распространение этих видов домашних животных в Крыму было вызвано установлением постоянных связей с Северным Приазовьем, где разведение крупного рогатого скота определяло развитие местной экономики, начиная с глубин архаического неолита.

Итак, Таш-Аир I и его аналоги уже с самых нижних слоев дают указания на довольно интенсивное развитие у местного населения скотоводства.

Хотя скотоводство развивалось здесь несколько слабее, чем в Приазовье, и в ранне-неолитических слоях Таш-Аира I было обнаружено от 48 до 26% костей домашних животных⁸³, очевидно, что все они вполне подходят под рубрику неолитических.

Как видно на примере Таш-Аира I и Замиль-Кобы, даже в Предгорном Крыму неолит развивался как культурно-исторический комплекс, близкий к кукрекскому. О дальнейшем развитии неолита Крыма говорит археологический материал более позднего возраста, происходящий из того же Таш-Аира I, Кая-Арасы⁸⁴ и др.

Начиная с VIII слоя поселения Таш-Аир I, в большом количестве встречаются геометрические формы — трапеции и сегменты, из которых некоторые уже с уплощенной ретушью. Даже в позднетарденуазское время, когда доминировали небольшие, изредка ассиметрические трапеции, не было такого многообразия форм геометрических микролитов и, в частности, почти отсутствовали сегменты. Между тем, начиная с названного слоя Таш-Аира I и позднее, вероятно, вплоть до начала палеометаллической эпохи, во всем Крыму, включая и его степную часть, развивается примерно тот же комплекс производственного кремневого инвентаря, который существовал здесь в глубокой древности — в развитом тарденуазе. Различия относятся только к некоторым деталям, в частности, в появлении эволюционно развивавшейся так называемой плоской ретуши, которая применялась здесь при изготовлении геометрических вкладышей — трапеций и сегментов.

Подобная регенерация архаических форм распространилась не только на геометрические микролиты, но и на другие категории кремневого инвентаря. Особо надо отметить скребки — орудия исключительно многочисленные и поэтому показательные. В отличие от комплексов кремневых изделий приазовской культуры и родственного с ней Кукрека, начиная с VI слоя Таш-Аира I и близких к нему памятников, например Алимовского Навеса, Юсуповского бассейна, Кая-Арасы и др., определенно преобладают скребки концевой типа. Из сказанного можно сделать вывод, что в Крыму, позднее времени Кукрека, на протяжении которого происходило формирование неолитической культуры и доминировали северные — приазовские связи, наступил период восстановления традиционных связей Крыма с Северным Кавказом. Хотя в силу недостатка археологического материала мы и лишены возможности провести детальные сопоставления, сравнение инвентаря уже таких ме-

золитических памятников, как грот Сосруко, и таких неолитических поселений, как Нижнешиловская, Одиши и др., вновь убеждают в том, что Кавказ был постоянно действующим очагом периферийно-каспийских форм развития и что доминирование последних привело к повороту в культурном развитии древнего населения не только Крыма, но, как мы видели выше, также Нижнего Дона и Северного Приазовья. Особенно это относится к Крыму, который с этого времени находится с Кавказом в самом тесном этнокультурном единстве.

В VI слое Таш-Аира I уже присутствуют принципиально новые неолитические черты: найдены остатки первых рукояточных орудий — настоящая кайлообразная мотыга и обломки таких же орудий, изготовленных из рога оленя, и, наконец, появляется первая глиняная посуда. Конкретно речь идет о части массивного, закругленного дна, сохраняющего следы крупных волокон растительной примеси. Следует отметить, что по формальным и технологическим признакам это днище не имеет аналогий ни в области приазовской культуры, ни в области сурско-днепровской культуры, но зато есть технологическое, а отчасти и формальное сходство с буго-днепровской посудой, и можно указать для него ближайшую аналогию среди днищ посуды из нижнего слоя ранне-неолитического поселения Соколы II.

О том, что это сходство не случайно, а скорее всего указывает на наличие регулярных связей Крыма с буго-днепровским ареалом, говорит и другая находка, происходящая из VI слоя Таш-Аира I — наконечник роговой мотыги — предмет, имеющий непосредственные аналогии как на Нижнем Днепре, так и, особенно в большом количестве, в области буго-днепровской культуры⁸⁵.

К этому или, скорее, к несколько более раннему времени относится нижняя часть шиподонного сосуда, подобного каменногогильскому, найденная в свое время на каменном очаге в Балин-Коше. V a слой Таш-Аира I⁸⁶ и его ближайший аналог — Кая-Арасы⁸⁷ уже отвечают развитой поре крымской неолитической культуры. Особый интерес здесь представляют остатки неолитической глиняной посуды. Это в основном глубокие остродонные горшки с закругленно-ребристым туловом, несколько стянутым внутрь верхом и слегка отогнутым наружу невысоким венчиком.

В отношении технологических признаков эта посуда близка к приазовской, сурско-днепровской и буго-днепровской. Во всех случаях в примеси глины содержится примесь толченой раковины, поверхности стенок слегка ангобированы и подлощены. Известное сходство обнару-

живает и техника выполнения орнамента — проглаженный линейный рисунок с дополняющими его полями и лентами, состоящими из крупных наколов.

Орнаментальные композиции, применявшиеся для украшения посуды этого времени, весьма просты — ленты из коротких, вертикально проглаженных линий пониже среза венчика, а еще ниже, вплоть до плечиков — одна или несколько горизонтальных зон, скомпонованных в виде сложных зигзагов, дополняемых овальными подпрямоугольными или круглыми углублениями.

В отношении других черт материальной культуры крымский неолит этого времени представляет собой прямое продолжение культуры предшествующей поры. Совершенствуются кремневые орудия, в частности, становится более совершенной уплощенная ретушь на геометрических микролитах; именно теперь впервые появляются настоящие трапеции с оструганной спинкой.

Сохраняют свое значение и орудия из рога оленя, появляются ножеобразные орудия из эмали клыков кабана, т. е. формы, известные по комплексу буго-днестровской культуры.

Особо отмечаем находку костяного жатвенного ножа — серпа с одним сплошным пазом, — обнаружение которого в комплексе буго-днестровской культуры, казалось бы, было бы более естественным, чем в комплексе крымской культуры.

Заключительный период крымской культуры к настоящему времени прежде всего представляет неолитическая (или раннеэнеолитическая) часть коллекции пещерного поселения Шан-Кобы⁸⁸ и грота Водопадный.

В свое время, ознакомившись со стратиграфической картиной поселения у Каменной Могилы II, таким образом, подтвердив свои соображения относительно культурно-стратиграфического положения этого слоя Шан-Кобы, С. Н. Бибииков впервые в отечественной историографии поставил вопрос об индустриальном своеобразии неолита Крыма⁸⁹.

Если не касаться имеющейся в Шан-Кобе многочисленной более поздней посуды (ямно-катакомбной и даже кизил-кобинской), позднеэнеолитическая посуда этого памятника должна рассматриваться как непосредственное продолжение тех же типов посуды, которые были отмечены для более древних памятников: Кая-Арасы и соответствующих культурно-стратиграфических подразделений Таш-Аира I и Замиль-Кобы II. Принципиально новыми для посуды неолитического комплекса Шан-Кобы являются только плоскодонные сосуды, существование которых для более древнего времени не установлено.

Хронологически близким, но, вероятно, еще более поздним памятником является недавно исследованный Ю. Г. Колосовым грот Водопадный⁹⁰. Здесь наряду с позднейшим микролити-

ческим кремнем, например с трапециями с оструганной спинкой, собраны остатки исключительно интересной черной и бурой лощеной посуды, украшенной пониже среза венчика жемчужным орнаментом. Эта находка говорит о близости крымской энеолитической посуды с наиболее характерной группой керамики так называемой майкопской культуры. Важность такого сопоставления для выяснения вопроса о сложении древнейших памятников майкопского типа, именно вследствие культурной консолидации Крыма и Северного Кавказа, вполне очевидна.

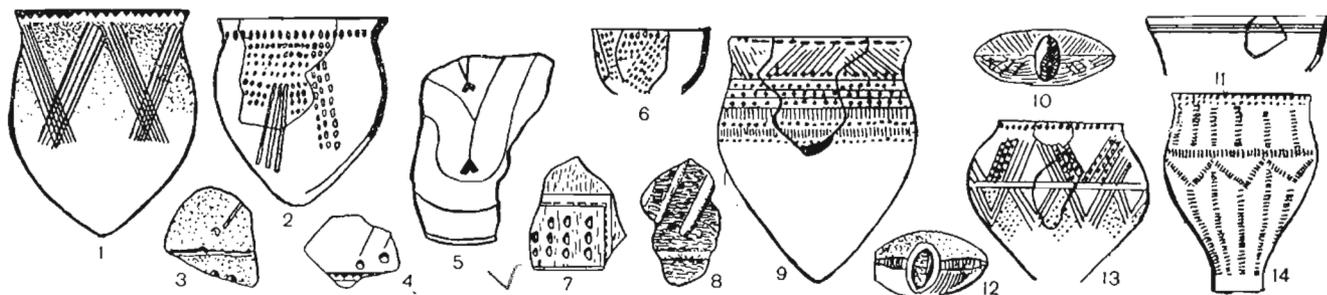
Подтверждение этой мысли дают и недавно проведенные С. Н. Бибииковым и Ю. Г. Колосовым раскопки площади у входа в известный мезолитический грот Фатьма-Коба⁹¹. Здесь, также в сопровождении пережиточно-микролитической кремневой индустрии, была собрана небольшая коллекция обломков темноглиняной лощеной посуды, среди которой находятся обломки сосудов с жемчужным орнаментом, определяющиеся как верхние части плечистых сосудов с вертикальными венчиками и несомненно плоскими доньями, т. е. имеются те же специфические черты, что и у посуды памятников майкопской культуры⁹².

Важно отметить, что во многих отгоснениях комплекс глиняной посуды, первоначально круглодонной, а затем плоскодонной, возникает не только в Крыму или в северо-кавказском ареале майкопской культуры, но также и в ближайших от него районах Закавказья. В этом смысле речь, например, может идти о так называемом позднем неолите Очажного грота и о развитом энеолите Заложеного грота, исследованных Л. Н. Соловьевым⁹³.

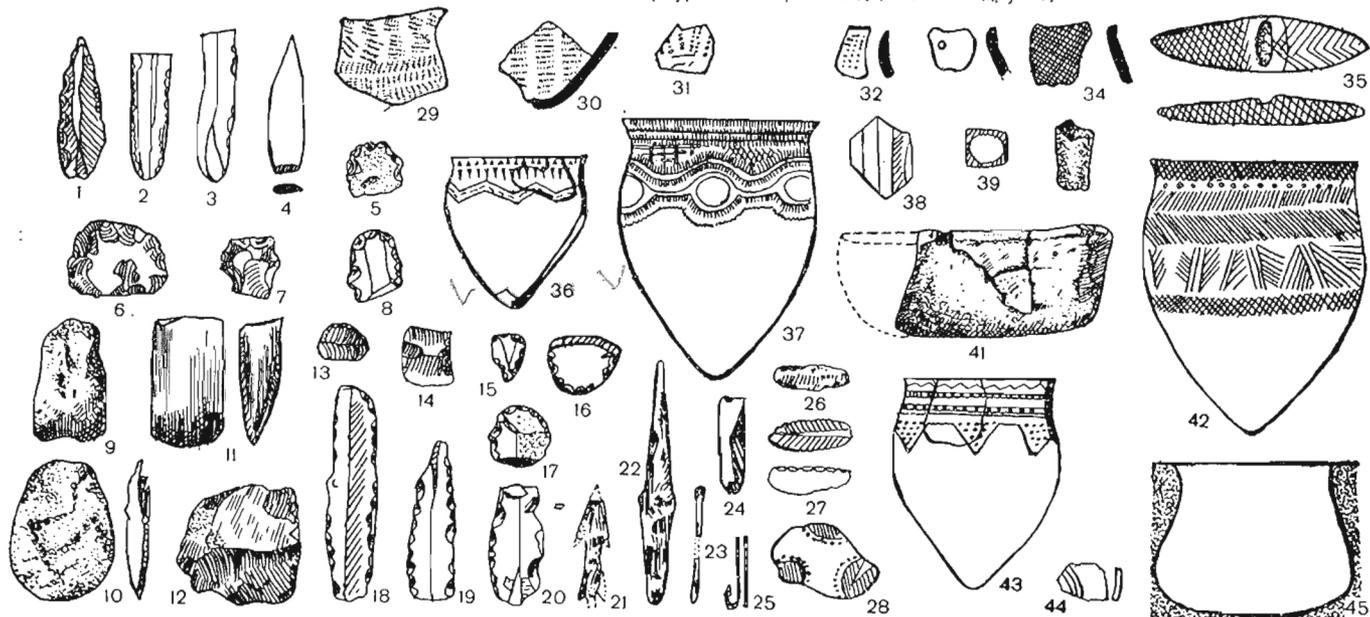
В том же аспекте, как отражение прежней, но осложненной сторонними влияниями линии развития, следует рассматривать и позднейшую часть керамического комплекса из Кая-Арасы⁹⁴, более позднюю часть керамики из Таш-Аира I⁹⁵, т. е. те энеолитические памятники Крыма, где имеются кремневые орудия и предметы вооружения, изготовленные в технике плоской двусторонней ретуши⁹⁶. В Ближнем Закавказье к памятникам этого типа наиболее близок комплекс бронзового века из грота Тоннель⁹⁷, с одной стороны, обнаруживающий несомненное сходство с культурно-историческим комплексом Новосвободной⁹⁸, а с другой — с памятниками так называемой кеми-обинской культуры, недавно выделенной в Крыму А. А. Щепинским⁹⁹.

Не исключено, что происходивший в это время поворот в культурно-историческом развитии от Майкопа к Новосвободной в какой-то степени действительно был связан с притоком инородного ближневосточного населения, например малоазийских кашков, как предполагает для Закавказья Л. Н. Соловьев¹⁰⁰. Показательно, что при-

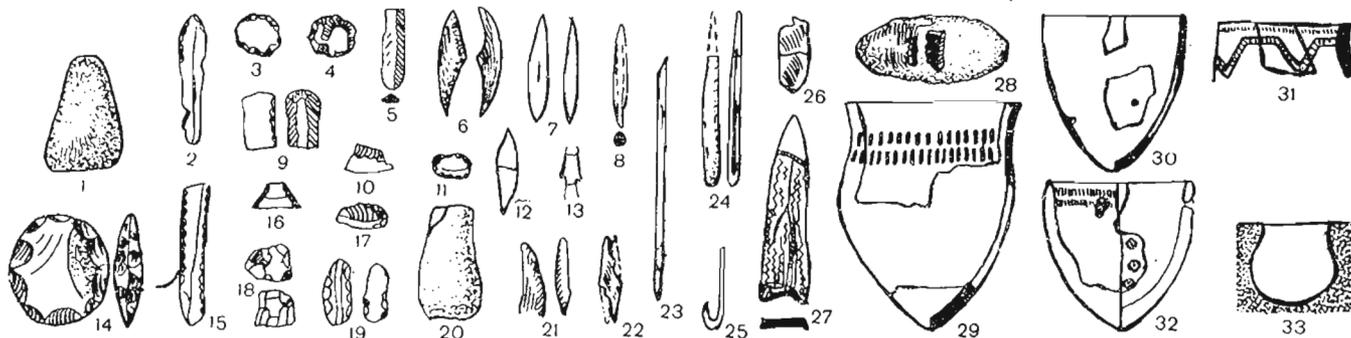
Фаза VI. Энеолит (Стрильча скеля I, Вовчок, Вовниги и другие)

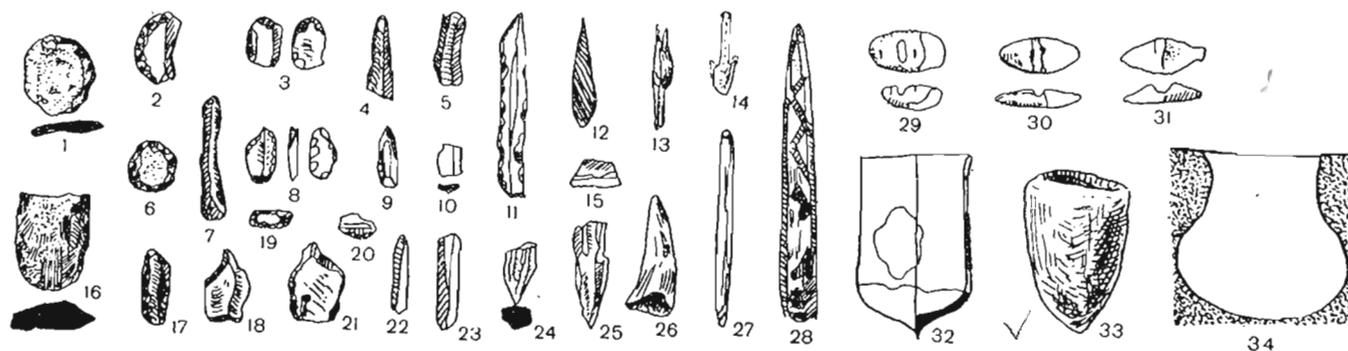
Фаза IV-V. Развитый и поздний неолит (Сурской остров II, I, Домский и другие)

Фаза III. Ранний неолит (острова Виноградный, Шулаев и Нодачек)

Фаза II. Ранний нерамический неолит (Сурской остров I, нижний слой, остров Похильй)

Фаза I. Архаический (докерамический) неолит (Васильевка, поселение и могильник Собачки)

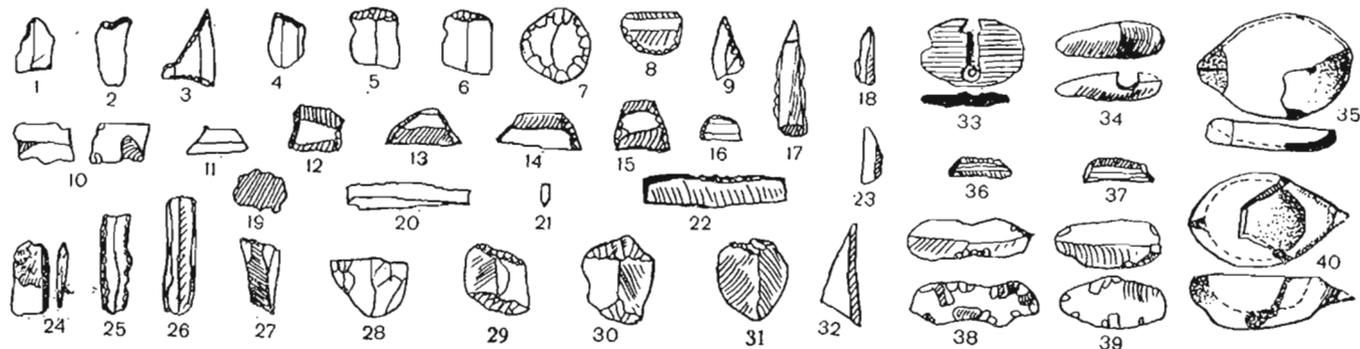

Рис. 3. Сурско-днепровская культура. Комплекс в развитии.

Фаза I. Васильевка, поселение: 1, 2, 4-9, 11-16, 18, 19-23, 25, 32, 36-39 — кремь; 40 — стеатит; Васильевка, могильник III (кость, кремь): 17; Собачки: 3, 10, 20-23 — кремь; 33-35 — стеатит. Фаза II. Сурской остров I: 1, 16 — камень; 12-14, 27, 28 — кость; 26 — эмаль; клыка кабана: 29-31 — стеатит; 34 — отрыто в песке; Кизлевый остров: 2, 11, 15, 17-25 — кремь; Похильй остров (керамика): 32; Песковатый остров (стеатит): 33. Фаза III. Шулаев остров: 1, 14 — камень; 2-5, 9-11, 15-19 — кремь; 7, 8, 12, 13, 20, 22, 27 — кость; 6, 21 — изделия из эмали клыка кабана; 33 — отрыто в песке, вероятно, отпечаток плетеного сосуда; Кодачек остров: 12 — перламутр; 24 — кость; 31 — керамика; Виноградный остров: 25 — кость; 29, 30 — керамика; 32 — стеатит; Сурской остров II: 28 — стеатит. Фазы IV, V. Домский остров: 1-3, 5-8 — кремь; 4 — кость; 32-33 — керамика; Сурской остров II, жилище: 9, 10, 12 — камень; 13-20, 26, 27 — кремь; 21-25 — рог, кость; 43 — керамика; Сурской остров I, верхний слой: 11 — камень; 39-41 — стеатит; 42 — керамика; Вовчок остров, нижний слой: 28, 44 — керамика; Вовчок остров, средний слой: 31, 34 — керамика; Игреньский полуостров: 29, 38 — керамика; 35 — полировальник; Лоханского порога остров: 30 — керамика; Сурской остров III: 45 — отрыто в песке. Фаза VI. Стрельца Скеля: 1, 2, 9, 13 — керамика; Вовчок: 3-5, 7, 8, 14 — керамика; Вовниги: 6, 11 — керамика, 10, 12 — стеатит.

мерно в то же время сходный тип культуры распространился сразу в нескольких направлениях. Вероятно, в ходе происходившей в это время этнокультурной перегруппировки в Крыму началось формирование кемпи-обинской культуры, на Нижнем Дону — культуры нижнего слоя Ливенцовки¹⁰¹, на Нижнем Днепре — культуры типа нижнего слоя Михайловки¹⁰² и др.

СУРСКО-ДНЕПРОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Третьей культурой, генетически связанной с кукрекско-приазовским скотоводческим импульсом, является сурско-днепровская — основная неолитическая культура порожистой части Днепра.

Об отсутствии прямых генетических связей этой культуры с местным мезолитом говорит краткий обзор последнего.

Характер мезолитической культуры Надпорожья на протяжении различных фаз ее развития определяется следующими данными.

В самом конце палеолита здесь возникали памятники, близкие по типу кремневой индустрии к памятникам типа нижнего слоя Осокоровки¹⁰³, Волошского могильника¹⁰⁴ и др. Далее следуют резко отличающиеся от них очень древние мезолитические памятники, представленные средним слоем Осокоровки с кремнем вроде гонцовско-борщевского, но с исключительно крупными трапециями¹⁰⁵.

Следующий этап — верхние слои Осокоровки и Ямбурга¹⁰⁶ отличаются от предшествующего типа большим количеством округлых скребков и изредка встречающимися сегментами раннего крымского типа, что заставляет предполагать их синхронность с ранними азиль-тарденуазскими памятниками Крыма.

Дальнейший этап Надпорожского мезолита представлен поселением Сурской остров V. Оно расположено на самой высокой, разветвленной в последние годы, центральной части острова. Несмотря на то что это поселение, несомненно, моложе верхних слоев Осокоровки и Ямбурга, представленная им индустрия, а именно: скребки из обломков массивных пластин, различные резцы, серии очень крупных трапеций — указывает на родство культуры этого памятника с культурой средних, т. е. гонцовских слоев Осокоровки. Для датировки поселения имеет значение находка двух наконечников стрел так называемого хвалибоговицкого типа¹⁰⁷.

Памятником, заключающим местный мезолит и открывающим неолитическую эпоху, является поселение на участке бортовой террасы левого берега Днепра, расположенное близ Ненасытецкого порога, у с. Васильевка Днепропетровской области.

В связи с тем, что знание типа культуры, представленной этим поселением, исключительно важно для понимания процесса этнокультурного развития населения этой территории в конце мезолита — начале неолита, на археологической характеристике названного памятника следует остановиться более подробно.

Васильевская коллекция состоит из довольно многочисленной серии кремневых орудий и обломка стеатитового светильника. Несомненно, ко времени и, вероятно, также к культуре Васильевского поселения принадлежат вытянутые погребения III Васильевского могильника¹⁰⁸. Таким образом, васильевский культурно-исторический комплекс, включающий поселение и могильник, является достаточно полным, чтобы служить репером при исследовании процесса сложения неолитической культуры на днепровских порогах.

Васильевский комплекс кремневых орудий прежде всего следует охарактеризовать как микролитический. Об этом говорят типы и размеры нуклеусов, заготовок и все орудия. По характеру техники расщепления кремня васильевский комплекс приближается к кукрекскому, хотя и не достигает такого совершенства, и остается примерно на том же уровне, что и позднетарденуазская индустрия Крыма¹⁰⁹. Самая близкая аналогия в Крыму — Фронтное III (77).

В пользу правомерности таких сопоставлений говорит весь набор кремневых орудий. Так, например, небольшие, еще не достигшие совершенства карандашевидные и призматические нуклеусы составляют характерную черту коллекции. В полном с ними соответствии находится и преобладающее количество пластинок — небольших и относительно правильных. Очень характерна группа скребков — налицо органическое сочетание концевых округлых форм, подобное отмеченному для среднетарденуазского поселения Сурской остров V. Однако в Васильевке явно преобладают округлые скребки, изготовленные из отщепов. Несомненно архаичными являются двусторонние скребки, сформованные на обломках массивных пластин, а также некоторые экземпляры концевых скребков.

Группа резцов, включающих боковые и срединные формы, сформованные на пластинках, представлена достаточно хорошо. Показательно отсутствие такой кукрекско-неолитической формы, как резцы на отщепе.

Очень ценна для уточнения хронологического положения и культурной принадлежности имеющаяся в коллекции группа геометрических микролитов. В полном соответствии с местной мезолитической традицией, наметившейся еще в культуре средних слоев Осокоровки, в ней преобладают трапеции. Последние делятся на две группы: обычные, относительно высокие трапе-

ции, и низкие, длинные, изготовленные из продолговатых обломков микропластинок. Особо отмечаем миниатюрный сегмент, совершенно безупречный с морфологической точки зрения, но изготовленный в той же технике снятия краевой ретуши, что и трапеции. Еще более характерен подтреугольный наконечник стрелы, изготовленный теми же приемами из обломка пластинки.

Наконечники этого типа являются широко распространенной позднетарденуазской формой, имеющей наиболее близкие по территории аналогии в позднетарденуазских комплексах Крыма¹¹⁰.

Важно напомнить, что стрелами именно с такими наконечниками были убиты некоторые из людей того же III Васильевского могильника, погребенные не в скорченном, как обычно, а в вытянутом положении¹¹¹.

При вытянутом захоронении этого могильника был найден предмет, по-видимому также свидетельствующий о межплеменном столкновении — плоский костяной наконечник копья с двумя противлежащими рядами пластинчатых микровкладышей, сломавшийся в тазовых костях.

Следует отметить присутствие среди инвентаря Васильевского поселения задней части овального светильника с пуговичным выступом на конце, вырезанного из зеленоватого стеатита. Это примитивный каменный сосуд, изготовленный из той же породы, что и все каменные сосуды сурско-днепровской культуры.

Вторым элементом, на этот раз сближающим памятники с приазовским (кукрекским) комплексом, является немногочисленная группа прорезывателей, из которых один, весьма архаичский экземпляр, является классическим.

Третьим элементом, по-своему отражающим тенденцию перехода от мезолита к неолиту, является найденный в Васильевском могильнике упоминавшийся обломок костяного вкладышевого наконечника копья, имеющий аналогию в нижнем докерамическом слое двуслойного неолитического поселения Сурской остров I¹¹².

Близкой аналогией Васильевского поселения, как в отношении топографического положения, так и в отношении состава археологического материала, является поселение выше ур. Собачки, на боровой террасе правого берега Днепра, над Вольным порогом. Найденные орудия — скребки, резцы и геометрические микролиты — почти аналогичны васильевским. Интересны ранние типы трапеций с подструганной спинкой, вкладыши в виде пластинок с притупленным краем, найденный обломок стеатитового светильника, несколько миниатюрных стеатитовых полировальников и, наконец, находка части небольшого зеленокаменного топора.

После раскопок четырех поселений на острове Сурском автором ставился вопрос о выделении

сурско-днепровской культуры как о раннем неолите Южного Поднепровья¹¹³. В настоящее время, в результате изучения новых и переосмысления прежних материалов, получающих иное освещение в связи с достижениями в области изучения хронологии буго-днепровской культуры, можно считать установленным, что сурско-днепровская культура просуществовала не менее трех тысячелетий, от архаического неолита до раннего металла, как это видно из дальнейшего, с рубежа VII и VI тысячелетий до н. э. и примерно до середины IV тысячелетия до н. э.

Являясь в определенном смысле восприимчивой приазовской культуры, сурско-днепровская культура вместе с тем представляет собой вполне самостоятельное этнокультурное явление, естество которого во многом обусловлено органической связью с такой специфической территорией, какой является Днепровское Надпорожье. Территориальная изолированность Надпорожья, байрачные дубравы, населенные зверем, обширные луга, являвшиеся прекрасными пастбищами, многочисленные острова, исключительно удобные для обитания, пороги и заборы*, кишачие рыбой, — все это должно было наложить свой отпечаток на весь облик сурско-днепровской культуры.

Территория Днепровского Надпорожья в географическом отношении является вполне определенной, хорошо очерченной частью днепровского бассейна, которая к тому же явно делится на более мелкие части — участки реки и берега, ограниченные балками, порогами и заборами, что обуславливало существование стабильных естественных границ между родоплеменными территориями. Так, например, на Надпорожье этого времени можно легко выделить шесть родоплеменных территорий, находящихся возле крупных порогов, а именно: вильнянскую, таволжано-будилловскую, будилловско-вовнигскую, ненасытецко-звонецкую, лохано-сурскую и, наконец, кадакско-самарскую.

В разные периоды неолитической эпохи территория Надпорожья использовалась по-разному. Зависело это не только от развития географического ландшафта, но также и от развития общественного производства у племен исследуемой культуры. Так, например, с известным основанием можно утверждать, что поселения периода формирования сурско-днепровской культуры первоначально размещались по берегам рек (Васильевка, Собачки), а затем уже устраивались на островах (Кизлевый, Похилый и Сурской).

В отношении характера бытового и производственного инвентаря памятники этого времени дают картину, сходную с описанной выше. Однако элементы местной мезолитической культуры

* Заборы — полуразрушенные пороги реки.

почти исчезают (в частности, геометрические микролиты). Зато широкое распространение получают кремневые орудия приазовско-кукрекского типа. Распространяются небольшие топоры и дисковидные скребла из кристаллических пород, жировиковые полировальники, развивается группа костяных и роговых орудий — простые и вкладышевые наконечники дротиков и стрел, удильные крючки, иглы для плетения сетей и, наконец, как подтверждает находка на Похилом острове, появляется посуда — глубокие шиподонные горшки, сходные с каменномогильскими или балинкошскими. Появляется настоящая стеатитовая посуда, среди которой (острова Похилый, Кучугурный) присутствуют глубокие остродонные горшки.

В целом этот период еще отвечал охотничьей форме хозяйства, когда внедрялись первые достижения скотоводства, что отвечало времени величайшего открытия неолитической эпохи — челново-сетевому рыболовству.

В определенном смысле Надпорожье как территория представляло собой противоположность аридному Приазовью, и глубокого кризиса охоты здесь, разумеется, не было. В составе фаунистических комплексов преобладают кости дикого зверя (олень, кабан, косуля и др.), а кости домашних животных (быка, собаки), как это иллюстрируется данными нижнего слоя поселения Сурской остров I, встречаются единично.

Следующий период, представленный памятниками собственно сурского типа, по существу является преимущественно островным этапом развития культуры. К нему относятся именно те памятники сурско-днепровской культуры, которые определяют ее этнографическую и историческую специфику. К ним относятся поселения на островах: Виноградном¹¹⁴, Похилый, Вовчок, Шулаев, Кизлевый, Сурской, Кодачек и др. К этому же периоду развития культуры относится и ряд поселений на правом берегу Днепра, севернее острова Таволжаный, небольшое поселение на правом берегу — против острова Кодачек и поселение в устье р. Самары, против Днепропетровска.

Классическими могут считаться поселения на островах Виноградном¹¹⁴ и Шулаевом¹¹⁵. По типу инвентаря они сходны с названными выше памятниками. Отличие составляют заметное ослабление черт приазовско-кукрекского комплекса, широкое распространение глиняных остродонных горшков S-видного профиля, появление глубоких плоскодонных стеатитовых сосудов и, особенно, изменения в характере хозяйства местных племен.

Вероятно, с возрастающим истреблением диких животных (благородного оленя, кабана и косули) быстро подвинулось развитие скотоводства. На отдельных поселениях кости домашних

животных (быка, свиньи, овцы-козы) достигают 50% от общего числа фаунистических остатков. Те же причины способствуют развитию рыбной ловли, особенно высокопродуктивной в условиях Надпорожья. Получившая особое развитие именно в это время челново-сетевая рыбная ловля в значительной степени определяла тип хозяйственной деятельности и не в последнюю очередь обуславливала островной характер культуры в целом.

Тот факт, что поселения сурско-днепровской культуры этого времени становятся островными, объясняется и условиями развития естественной среды. Много говорит о том, что именно в раннем керамическом неолите завершился процесс образования порогов, а с ним — превращение песчаных быстро аккумулялирующихся отмелевых отложений на острове.

Более поздние поселения сурско-днепровской культуры бывают двух типов: береговые, на надпойме, например следы поселений в ур. Собачки, на Вольном пороге, два поселения над Вовнигским порогом, два поселения игренской группы (Игрень V, IV), поселение на острове Демском; островные — устраивавшиеся на небольших, но удобных для обороны скальных островах (Вовчок, Средний Стог и Стрильча скеля). Последнее обстоятельство, вместе с появлением посуды с гребенчатым орнаментом, указывает на то, что в истории сурско-днепровской культуры наступил критический момент. В это время появился новый могучий претендент на территорию Надпорожья — племена днепродонецкой культуры.

Поселения этой поры, как правило, невелики, обычно 200—300 м², что дает возможность полностью их исследовать. К настоящему времени полностью или в значительной степени раскопано до 10 поселений этого времени.

Самыми яркими памятниками этой поры являются: поселение-жилище Сурской остров II и верхний слой поселения Сурской остров I, а также поселение на острове Демском.

Поселение-жилище на острове Сурском II состоит из трех шалашевидных камер, сгруппированных вокруг круглого двора с очагом в центре¹¹⁶, что до некоторой степени дает основание сравнивать его со сходным кельтиминосским комплексом из Джанбас-Калы IV¹¹⁷.

По характеру бытового и производственного инвентаря памятники этого времени являются прямым продолжением предшествующих. Однако возникают и новые черты — впервые получает распространение глиняная посуда без примеси раковины, появляются продолговатые стеатитовые жаровни с круглым дном; для украшения различных предметов (посуды, полировальников, костяных орудий и пр.) применяется линейно-геометрический орнамент. В группе производствен-

ного инвентаря широко используются шлифованные топоры и тесла из кристаллических пород, а также различные более грубые орудия из тех же пород камня.

Несмотря на то что развитие продуктивных сил и в этот период сурско-днепровской культуры шло полным ходом, в ее характере уже намечались черты перерождения и упадка. Как отмечалось, одним из проявлений этого процесса было появление посуды с гребенчатым орнаментом, указывающее на начало контакта с северным соседом — днепро-днепровской культурой. В виду особого интереса к процессу проникновения ассимилирующей днепро-днепровской культуры в область культуры сурско-днепровской, попытаемся рассмотреть процесс инфильтрации этой культуры по этапам.

Первый этап этого проникновения отразился в том, что в середине развития сурско-днепровской культуры (Федоровка-Кишло, поселение с керамикой на острове Кизлевый, верхний слой Сурского острова I, Сурской остров II — большой жилой комплекс и др.) в характере местной посуды появляются совершенно новые черты: в глиняную массу начинают подмешивать растительную примесь, под венчиком встречаются наколы, т. е. жемчужины, довольно широко используется гребенчатый орнамент и др.

После этого периода сурско-днепровская культура пережила еще два или три этапа развития. Памятники этого времени исследованы слабо, но уже в настоящее время очевидно, что время расцвета этой культуры прошло.

Несколько позднее времени перечисленных выше памятников, когда в более северных широтах Среднего Поднепровья возникает культурный тип Никольская Слободка II¹¹⁸, а буго-днестровская культура переживала самчинскую фазу развития, влияние племен днепро-днепровской культуры настолько усилилось, что в границах кодакско-лоханского и лоханско-сурского районов, т. е. на северном крыле сурско-днепровской области, появились поселения типа Игрень V, с ярко выраженным днепро-днепровским элементом в культуре.

Этапом позднее, когда у племен днепро-днепровской культуры наметилось этнокультурное смыкание с поздней буго-днестровской культурой и возник синкретический тип культуры вроде поселения Бузьки, весьма близкий к савранскому типу буго-днестровского ареала, все Надпорожье оказалось занятым поселениями с подобным типом культуры, в котором от сурско-днепровских традиций уже почти ничего не остается (Игрень Д I¹¹⁹, Вовниги, Вовчок — верхний слой и др.).

Депрессия сурско-днепровской культуры проявилась и на этапе доминирования культуры азово-днепровского типа, сформировавшейся в обстановке инфильтрации с востока.

В настоящее время, после детального изучения нижнего слоя Стрильчей скели, многое в позднейшей истории сурско-днепровской культуры становится понятным. Исключительно важен тот факт, что период упадка сурско-днепровской культуры, отвечающий двум фазам развития днепро-днепровской культуры и времени существования азово-днепровской культуры, закончился периодом ее относительного подъема.

После времени безраздельного господства на Порогах азово-днепровской культуры сурско-днепровское население снова появляется на своих коренных землях (верхний горизонт нижнего слоя Стрильчей скели, разделенный на две части вклинившимся слоем азово-днепровской культуры).

Снова получает распространение остродонная посуда с примесью толченой раковины в глине, восстанавливаются линейно-проглаженные схемы орнаментирования посуды. Иногда встречаются остродонные сосуды, украшенные подтреугольными наколами, свидетельствующие о контакте с азово-днепровскими племенами.

Пути дальнейшего развития племен сурско-днепровской культуры определяются тем, что после вытеснения и ассимиляции проникавших в Надпорожье племен днепро-днепровской и азово-днепровской культур в азово-черноморских степях начался процесс сложения древнейшей культуры.

Вторичное появление позднейших поселений сурско-днепровской культуры в границах Днепровского Надпорожья, как оказывается, было частью процесса, происходившего на обширной территории и носившего характер восстановления древних связей населения тех районов, которые оставались вне ассимилирующего воздействия племен днепро-днепровской культуры. Не исключено, что речь должна идти об обширной степной территории, на востоке ограниченной волго-донским междуречьем, а на западе — Северо-Западным Причерноморьем (в первую очередь бассейнами Ингула и Ингульца).

Формирование таких ранних звеньев развития древнейшей культуры, как Квитяна¹²⁰, Средний Стог II¹²¹, Деревка¹²², следовавших друг за другом, происходило несомненно в обстановке этнокультурного доминирования и даже расселения какой-то части племен волго-донского Востока. Сурско-днепровская культура, вследствие расселения северных и восточных племен, оказавшаяся на значительное время оторванной от целой цепи древних скотоводческих культур, снова смыкается с ними и принимает участие в сложении древнейшей культуры*.

* Вопрос о сложении древнейшей культуры рассматривается автором в ряде работ, опубликованных в кратких сообщениях Института археологии АН УССР в № 2, 4, 8, а также в последней главе данной работы.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ БУГО-ДНЕСТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Следующей неолитической культурой, существовавшей на территории Южной Украины, является буго-днестровская культура. Будучи хорошо исследованной и к тому же находящейся западнее других неолитических культур Украины — уже на пограничье балкано-дунайского ареала, — эта культура дала материал, наиболее пригодный для периодизации неолита Украины. В настоящем исследовании буго-днестровской культуре отводится специальное место и рассматриваются некоторые данные ее этнокультурной истории.

В настоящее время известно, что приазовско-кукрекский импульс в процессе становления восточноевропейского неолита не только захватил Крым и Днепровское Надпорожье и не только продвинулся на Ю. Буг (Синюхин брод, Воробьевка), Днестр (Варваровка IX — на правом берегу Реута), но достиг и дунайского бассейна (Старые Бедржи, Костешты II, Гура Каменка — на левом берегу Прута, в Молдавии¹²³).

Как и следовало ожидать, в границах бугского бассейна признаки восточного импульса оказались более выраженными. Это проявляется как в более устойчивом развитии здесь приазовско-кукрекского комплекса кремневых орудий, так и в несомненно восточных связях местной древнейшей глиняной посуды. Однако наряду со сказанным следует отметить почти полное совпадение одной группы древнейшей керамики Побужья с кухонной керамикой древнейшего керамического неолита Балкан (Неа Никомедея — в греческой Македонии¹²⁴), что, собственно говоря, и решает вопрос об основных компонентах, принявших участие в сложении буго-днестровской культуры: восточном — скотоводческом и западном — земледельческом.

Начало развитой поры буго-днестровской культуры проходит в обстановке теснейшей консолидации с балкано-дунайским древнеземледельческим ареалом, что привело к выработке культурно-исторического комплекса, хотя во многом и сходного со старчевско-керешским, но отличающегося от него рядом преобладающих местных признаков.

Заключительная пора развитого неолита, подтверждаемая наблюдениями, протекала здесь в обстановке разрушения многих традиций буго-днестровской культуры и замены их более примитивными нормами, обусловленными инфильтрацией племен днепро-днепровской культуры.

Миграционный поток неолитических северян по территории Украины задел не только буго-днестровский ареал, но, как уже отмечалось, также распространился на порожистый Днепр

и, как это будет показано ниже, захватил значительную часть Донецкого бассейна.

Заключительная пора неолита, а также начало энеолита в буго-днестровском ареале совпали с периодом возникновения трипольской культуры. Обе эти культуры развивались в обстановке восстановления традиционных балкано-дунайских связей и связанного с ними экономического доминирования племен балкано-трансильванского района, которые, хотя и не без постороннего импульса, первыми в Европе начали развивать производство меди и первыми в Европе вступили на путь развития местного пашенного земледелия.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ

На территории Украины, а также и на соседних с ней территориях Молдавии, Румынии и Польши культура линейно-ленточной керамики не имеет местных генетических корней и, таким образом, представляет собой в истории Восточной Европы явление эпизодическое. Памятники, представлявшие ее, уже были предметом монографического исследования Т. С. Пассек и Е. К. Черныш, в котором не только собран весь известный к настоящему времени фактический материал, но и даны соответствующие теоретические разработки¹²⁵.

В историко-археологической характеристике дунайской культуры более других черт нас могут интересовать моменты ее связей с основными неолитическими культурами Украины.

В настоящее время можно считать установленным, что проникновение в Восточную Европу племен дунайской культуры и экспансия на юг племен днепро-днепровской культуры являются двумя взаимосвязанными сторонами одного и того же процесса, на какое-то время нарушившего эволюционный ход местного этнокультурного развития. Позднее, уже в обстановке стабилизации, обусловленной, с одной стороны, ассимиляцией пришлых племен, а с другой — восстановлением традиционных межплеменных связей, на юго-западе Восточной Европы возникла трипольская культура, а на востоке — начальные звенья древнеямной культуры.

В свете сказанного, основным в дальнейшем изучении памятников культуры линейно-ленточной керамики является: во-первых, необходимость установления того хронологически более древнего типа памятников линейно-ленточной керамики, формирование которого происходило в обстановке частичной ассимиляции буго-днестровской культуры развитой поры, обладавшей как старчевско-керешскими, так и прототрипольскими чертами.

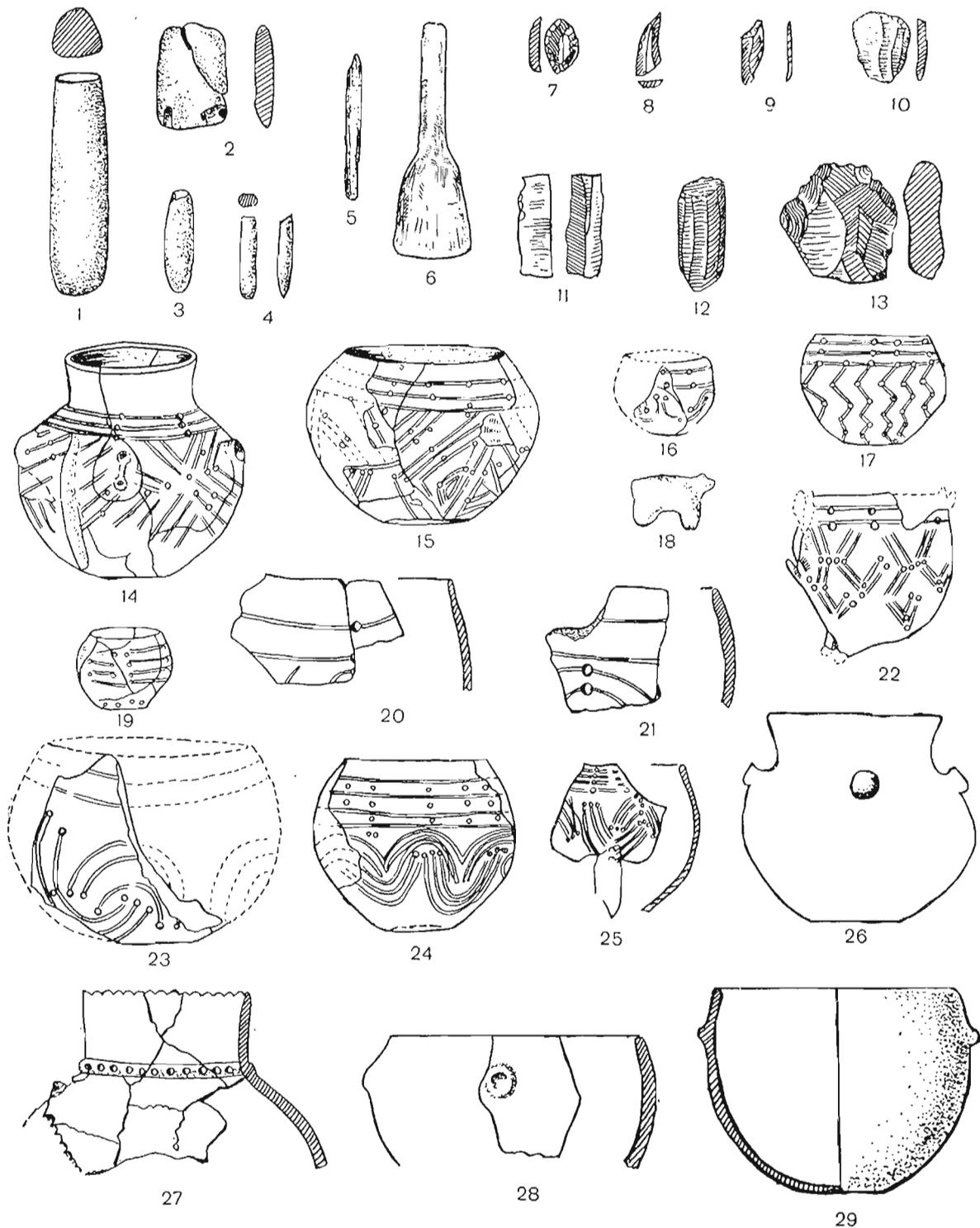

Рис. 4. Культура неолита линейно-ленточной керамики.

Торское: 1, 2 — камень; 13 — кремь; 29 — керамика; Незвисько: 3 — камень; 14—19, 22, 25, 27 — керамика; Флорешти: 4 — камень; 7—12 — кремь; 5, 6 — кость; 23, 24, 26, 28 — керамика; Базьков остров: 20, 21 — керамика (слой самчинской фазы).

Во-вторых, необходимость попытки обнаружить тот промежуточный тип культуры, который должен был выработаться в районах этнокультурного соприкосновения племен линейно-ленточной керамики с племенами днепро-донецкого неолита.

В-третьих, необходимость проверки, действительно ли памятники типа Зэнэшт¹²⁶ возникают в результате ассимиляции так называемой дунайской культуры пришлой боянской культурой или же в формировании памятников этого типа приняли также участие дотрипольские племена Правобережной Украины и Молдавии.

НАЗВИТИЕ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Последней, уходящей в глубь неолитической эпохи, культурой на территории Украины является днепро-донецкая культура. Вопрос об этнографической специфике неолитических памятников Среднего Поднепровья был впервые поставлен автором около полутора десятилетий назад — после раскопок И. Ф. Левицкого в Мостве¹²⁷ и раскопок автора в районе Никольской Слободки под Киевом¹²⁸.

Наименование культуры днепро-донецкой было предложено нами в 1956 г.¹²⁹ и было принято Д. Я. Телегиным¹³⁰, изучавшим памятники этой культуры.

Следует сразу же оговориться, что наше понимание историко-культурного объема днепро-донецкой культуры существенно отличается от предлагаемого Д. Я. Телегиным. Так, например, Д. Я. Телегин рассматривает в рамках одной и той же культуры несоместимые, на наш взгляд, вещи — поселения лесного и лесостепного Приднепровья типа Моствы¹³¹, а также азово-днепровские могильники типа Никольского¹³², Вовниги I, II¹³³, Мариупольского¹³⁴ и др., предлагает недостаточно обоснованную схему хронологического расчленения и синхронизации этой культуры, что обусловлено выделением далеко не всегда реальных археологических комплексов.

В настоящее время становится очевидным, что за неолитом днепро-донецкого ареала в действительности скрывается сложная в этническом и культурном отношении область, состоящая из ряда различных по выражению материального комплекса локальных культур, которые могли иметь различные генетические основания и разное этническое выражение.

Днепро-донецкая этнокультурная область времени относительного этнокультурного единства охватывала южные районы Белоруссии, а в границах Украины — Припятский, Деснянский бассейны, Средний Днепр, а также — верхнюю и среднюю части бассейна Северского Донца.

В мезолите названное этнокультурное единство, вероятно, еще не существовало, так как мезолитический субстрат в различных районах очерченной выше территории не был одинаковым. Так, например, применительно к Волини можно говорить о последовательной смене таких этнокультурных звеньев развития мезолитической культуры: свидер¹³⁵ — хвалибоговицы¹³⁶ — поздний тарденуаз атлантического типа¹³⁷. Последний закономерно сменяется культурой с макро-микролитическим кремнем маглемозско-эртебелльского типа¹³⁸.

Особо следует отметить, что уже на Среднем Днепре незадолго до перехода от мезолита к неолиту встречаются два типа памятников — маглемозский (поселение в районе с. Козинцы на Переяславщине. Сборы А. П. Савчука) и приазовско-кукрекский (Андрусовка в районе Кременчугского водохранилища. Сборы Д. Я. Телегина).

Не подлежит сомнению, что благодаря инфльтрации с юга кукрекского типа культуры происходил сам процесс перехода на неолитический этап развития. Вместе с тем достаточно ясно, что еще в начале неолита и его развитую пору в этой части Поднепровья все же доминировал северный, а не южный компонент. Об этом говорит целый ряд фактов.

Особо отмечаем, что в последние годы на примере поселений Моства, Устье Гнилопяти¹³⁹ и Ирпень-Белая дюна была установлена органическая связь кремня маглемозско-эртебелльского типа с днепро-донецкой керамикой, относящейся к развитой поре неолита.

Довольно фрагментарная, но в основных чертах, по-видимому, сходная картина установлена и для лесной полосы Левобережья, где последовательно сменились локальный эквивалент свидера¹⁴⁰, раннего и позднего тарденуаза¹⁴¹ и, наконец, возник местный вариант макро-микролитической кремневой индустрии¹⁴². Памятники с чертами маглемозско-эртебелльской кремневой индустрии встречаются и на Северском Донце (Миневский Яр), хотя очевидно, что здесь они наслаиваются на ранне-неолитическую культуру южного склада, близкую к приазовской (поселения петровского типа)¹⁴³.

Самая древняя в этом районе глиняная посуда, известная по донецкому поселению Бондариха¹⁴⁴, несомненно относится к развитому неолиту и связывается с поздним макро-микролитическим кремневым комплексом, уже не содержащим таких кампинийских форм, как пик и транше¹⁴⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что образование неолитической культуры в северной зоне Украины, подобно тому как это происходило и в соседних с ней областях Белоруссии, а также в Литве, Польше и т. д., в целом происхо-

дано на основе протонеолитической культуры прибалтийско-маглемозского типа.

В то же время, как это показано далее, особую роль в этом процессе играли тесные связи с племенами азово-черноморской зоны, которые стимулировали и сам переход на неолитический этап развития и придавали ему конкретную этнокультурную окраску.

На начальном этапе исследования днепро-донецкой культуры, после раскопок Никольской Слободки, автором было установлено, что памятники местной неолитической культуры делятся на два хронологически различных этапа. Для старшего характерно употребление толстостенной посуды с гребенчатым орнаментом, для младшего — тонкостенной посуды с накольчатим орнаментом¹⁴⁶. После раскопок Д. Я. Тегелина в Вите-Литовской такое хронологическое деление подтвердилось, что дало основания говорить об особой культуре гребенчато-накольчатой керамики¹⁴⁷. Дальнейшие работы показали, что такой термин не раскрывает полностью особенностей выделенной культуры. Выяснилось, например, что древнейшая посуда Среднего Поднепровья часто вообще не имеет орнамента, а между периодом гребенчатой и накольчатой керамики (если руководствоваться преобладанием определенной керамики в инвентаре памятников типа Мутыхи-Бузьки) следовало бы поместить период линейно-проглаженной керамики¹⁴⁸.

В 1956 г., когда автором было обосновано выделение днепро-донецкой культуры, в ее развитии было предложено различать четыре этапа, охвативших время от раннего неолита до времени ассимиляции этой культуры развитым трипольем¹⁴⁹.

В настоящее время есть возможность различить по меньшей мере шесть неолитических этапов развития местной культуры (см. рис. 5).

В данной главе, учитывая необходимость более конкретного изучения выделяющихся на этой территории локальных групп неолитических памятников, материал рассматривается в аспекте более крупных временных подразделений-периодов. Так, например, эпоха неолита и раннего энеолита в приднепровской части очерченной выше территории без труда подразделяется на три периода.

Первый период (три фазы) охватывает ранний неолит и начало его развитой поры. Он представлен довольно многочисленными поселениями, преимущественно расположенными высоко над рекой, на краю боровой террасы. Таковы, например, находящиеся в прикиевской части Поднепровья поселения: гора Струмель¹⁵⁰, Софиевка¹⁵¹, Никольская Слободка¹⁵², Домонтово¹⁵³, Погребы¹⁵⁴, Вышгород, водонапорная станция¹⁵⁵, Евминка на Десне¹⁵⁶ и др.

Ввиду того что большинство названных выше поселений в той или иной мере оказались развееванными, остатки глиняной посуды сохранились плохо, чаще всего это мелкие обломки, не привлекающие к себе внимания. Только в редких случаях (гора Струмель и др.) глиняная посуда сохранилась настолько хорошо, что появилась возможность судить о древнейшей на Среднем Днепре и сопредельных с ним территориях глиняной посуде, получившей название струмельской, а памятники с подобной посудой — памятниками струмельского типа. Основанием для этого служит несомненное единство рассматриваемой посуды как технологического типа. Важным признаком последней является подлощенность стенок, часто не орнаментированных, наличие растительной примеси в массе, которая иногда разъясняется как мякина культурных злаков, и изредка толченой раковины. Цвет фрагментов в изломе серый или буроватый, снаружи неизменно бурый, что до некоторой степени обусловлено оседанием на их поверхность солей окислов железа.

Крупные сосуды толстостенны (до 1,5 см) и нередко несут следы полосчатого сглаживания, которому в иных случаях придавали вид примитивных орнаментальных схем. Небольшие сосуды, как правило, оставались неорнаментированными, и их единственным украшением была тщательная обработка внешней поверхности стенок. Из форм, для начального этапа, удалось установить глубокие, прямостенные, но с небольшой стянутостью верхней части горшки с острым или шипастым дном. К ним морфологически близки остродонные сосуды с несколько развернутыми венчиками, условно называемые глубокими мисками.

Несколько позднее обеих этих форм появляются широкооткрытые горшки слабо выраженного S-видного профиля, а в пору развитого неолита возникают плоскодонные формы: высокие плечистые сосуды, а также миски с несколько закругленной внутрь верхней частью.

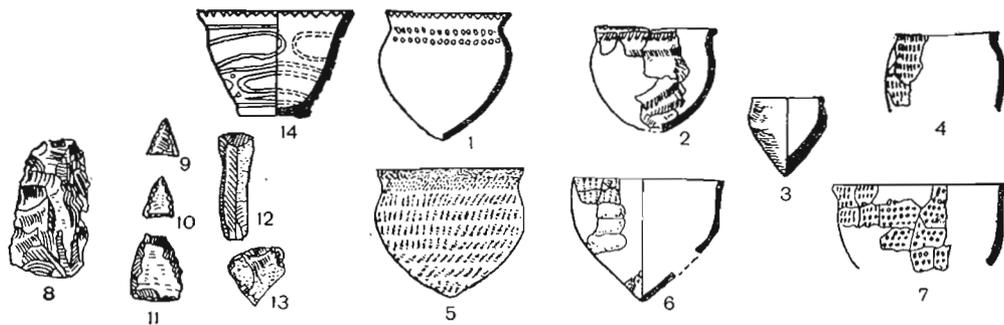
Орнамент на посуде струмельского типа редок. Его можно подразделить на четыре типа. Так, например, к числу орнаментальных приемов необходимо отнести украшение некоторых толстостенных сосудов методически размещенными расчесами.

Далее следует посуда с короткими рядами неправильных наколов, углублений или оттисков гребенчатого штампа, выполнявшихся скорее всего тем же инструментом, которым обрабатывались и стенки сосудов.

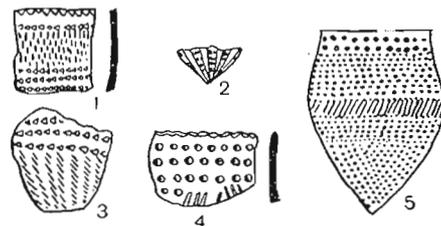
Оба названные выше приема украшения посуды, по-видимому, составляют чисто местную черту.

Совсем об ином происхождении говорит третий способ украшения посуды. Речь идет об

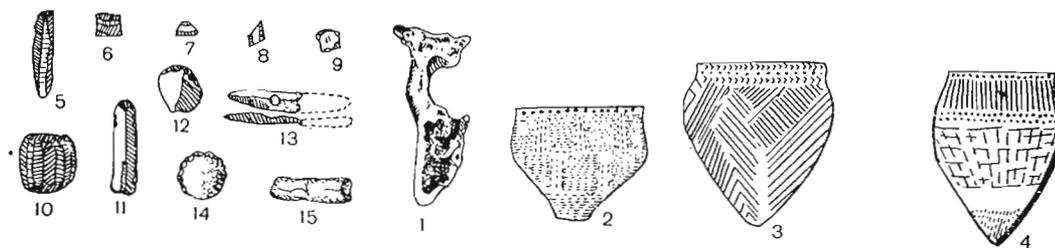
Фаза VIII. Энеолит (типы Веть-Бортнич и соответствия)

Фаза VII. Поздний неолит (тип Никольская Слободна II)

Фаза VI. Поздний неолит (тип Бузьки)

Фаза V. Развитый неолит (Моства, Никольская Слободна II)

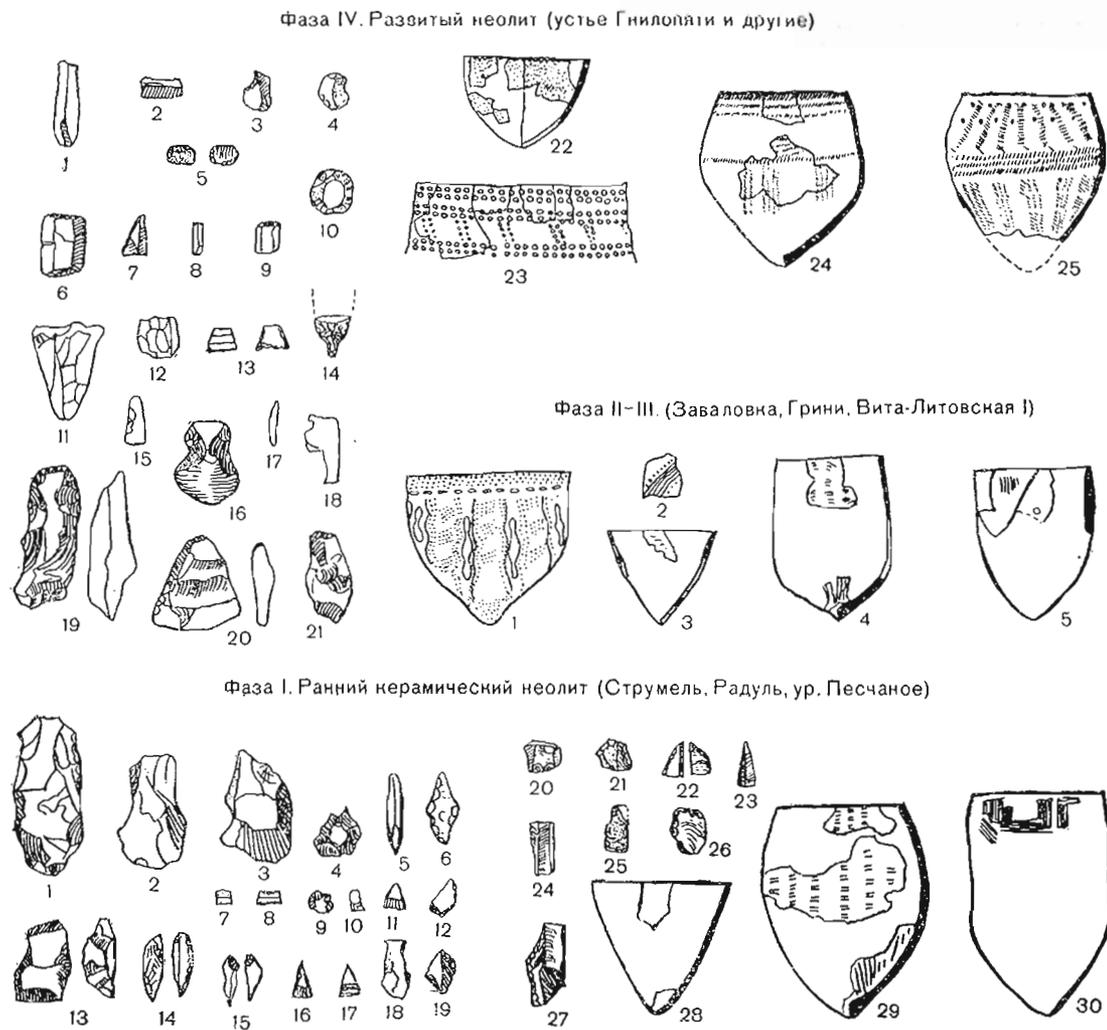

Рис. 5. Неолит-энеолит днепро-донецкой области. Комплексы в развитии.

Фаза I. Ур. Песчаное: 1-19 — кремь; Радуль: 20-27 — кремь; Струмель: 28-30 — керамика. Фаза II-III, Заваловка: 1 — керамика; Грини: 2, 3, 5 — керамика; Вита-Литовская I: 4 — керамика. Фаза IV. Устье Гнилопяти: 1-21 — кремь; 22, 23 — керамика; Грини: 24 — керамика; Веть: 25 — керамика. Фаза V. Моства: 1, 2 — керамика; 4-6, 9-11 — кремь; Никольская Слободка II: 3, 7, 8 — кремь. Фаза VI. Бузьки: 1 — рог; 2, 3 — керамика; 5-12, 14 — кремь; 13 — стеатит; 15 — песчаник; район Переяслава-Хмельницкого: 4 — керамика. Фаза VII. Никольская Слободка II: 1-4 — керамика; Устье Гнилопяти (хут. Тетеревский): 5 — керамика. Фаза VIII. Бортнич: 1, 14 — керамика; 3-13 — кремь; Хохра: 3 — керамика; Остапье: 5 — керамика.

3 исключительно сложном линейном орнаменте (врезанном или проглаженном), состоящем из нескольких леит, обычно заполненных оттисками штампа (Заваловка и Грини, севернее Киева, Евминка на Десне и др.). Зависимость этого орнамента от орнаментальных схем посуды ранней и начала развитой поры буго-днестровской культуры не вызывает сомнений.

Четвертый способ орнаментирования местной посуды — углубления, наколы и защипы по венчику и по тулову, по-видимому, является позднейшим. Возникновение его вследствие тех же южных связей не вызывает сомнений, так как этот прием украшения посуды существует и в области буго-днестровской культуры, где он возник в результате керешского влияния.

Производственный инвентарь памятников струмельского типа известен прежде всего благодаря находкам микролитического кремня. В его составе — микропластинки, округлые скребки из отщепов, трапеции, так называемые малые транше, изредка прорезыватели, проколки и др. Группа рубящих орудий менее известна. Поэтому необходимо отметить топоры — кремневой и кристаллической породы, обнаруженные на поселении Никольская Слободка IV. Ряд фактов, а именно находки с подобной керамикой грубоватых орудий макролитического облика (два случая находок транше в районе Киева и одна — в районе Ирпеня), указывают на необходимость связывать их с поздним комплексом кремневых изделий маглемозско-эртебелльского типа.

Из других орудий известны песчаниковые точила, выпрямитель древков из этого же материала и, наконец, каменный полировальник челновидной формы.

Имеются основания думать, что для населения этого времени не было чуждым употребление костяных и роговых орудий. Об этом говорят некоторые находки: обожженные проколки из Никольской Слободки IV, навершия кайлообразных (продольнолезвийных) и поперечнолезвийных мотыг, плоского наконечника дротика и др. из аллювия Днестра у с. Табурище Кировоградской области¹⁵⁷.

В связи с тем что поселения интересующего нас периода расположены на песчаной боровой террасе, поверхность которой постоянно развевается, фаунистический материал на них почти не сохраняется. Это обстоятельство позволяет думать о развитии охоты, рыбной ловле и начальном скотоводстве только предположительно.

Зато в силу позаимствованного на юге обычая примешивать в глиняную массу сосудов растительные остатки была получена несколько неожиданная возможность установить существование в обстановке этой довольно северной,

зандровой территории такой отрасли хозяйства, как мотыжное земледелие и выращивание по крайней мере двух злаков — пшеницы и ячменя. Это подтверждают отпечатки злаков на слепках глины из Никольской Слободки II¹⁵⁸, а также на посуде из Виты-Литовской¹⁵⁹.

Вполне очевидно, что столь раннее возникновение на Среднем Днестре такой прогрессивной формы хозяйственного развития, как земледелие, не могло возникнуть без тесных связей с племенами более южных территорий, где для его развития существовали оптимальные условия.

Единственным, достоверно устанавливаемым источником такого формирующего воздействия оказывается буго-днестровская культура, представленная тремя первыми фазами ее развития. Это подтверждается полным соответствием форм и отчасти технологических признаков древнейшей глиняной посуды обеих культур. С той же очевидностью и на те же связи указывает характер глиняной посуды начала развитой поры неолита, когда в ареалах обеих культур возникают сходные формы горшков, мисок и пр. Об органических связях того же содержания достаточно красноречиво говорит и широкое распространение на Поднепровье линейных орнаментальных мотивов специфически буго-днестровского характера. Вполне естественно, что все эти южные элементы культуры на Среднем Днестре не получили бы распространения, если бы у буго-днестровских племен не было бы воспринято главное — само мотыжное земледелие.

Таким образом, суммируя сказанное выше, можно сделать вывод, что культура племен, обитающих в первой половине неолитической эпохи на Среднем Днестре, в определенном смысле является не чем иным, как своеобразной этнокультурной филиацией буго-днестровской культуры. По спорадическим находкам роговых кайлообразных мотыг на Нижнем Днестре, а также наличию сходных орудий и других признаков земледелия в Крыму можно заключить, что развивавшаяся в Надпорожье, исключительно перспективном для развития рыбной ловли, охоты и скотоводства, сурско-днепровская культура скорее являлась этнокультурным оазисом, чем общеднепровской нормой. Впрочем, найденные на Порогах роговые мотыги и костяные оправы для жатвенных ножей говорят о том, что и в Надпорожье было распространено мотыжное земледелие.

Территория, занимаемая памятниками струмельского типа, как видно из дальнейшего, не ограничивается границами очерченной выше области. Как показывают фрагментарные находки, памятники этого типа распространяются

далеко за пределы Прикиевского Поднепровья и встречаются в более северных частях Днепровского бассейна. Так, например, в материалах И. И. Артеменко, происходящих из района Гомеля в БССР (Лучин)¹⁶⁰, автору удалось выделить некоторое количество керамики струмельского типа. К этому же типу посуды относятся и часть керамики (по данным В. П. Левенка) с поселения Холм на Нерусе¹⁶¹. Типичная струмельская керамика была найдена С. С. Березанской во время ее разведок в приднепровской части Северной Черниговщины.

Однако самым значительным фактом в рассматриваемом плане является выяснение того, что исследованное литовским неолитологом Р. К. Римантиене-Яблонските неолитическое поселение Дубичай на Немане¹⁶² как в отношении характера макро-микролитического кремня, так и в отношении типа сопровождающей его керамики оказалось прямым аналогом поздних памятников струмельского типа*.

Исходя из того, что Дубичай в свою очередь также примыкает к прибалтийской этнокультурной группе, известной под названием Серовской (Цедмарской), культурно близкой к эртебелльской¹⁶³, можно сделать вывод, что струмельская группа памятников, являющаяся как бы северным филиалом того обширного южноевропейского древнеземледельческого ареала, в который входит и буго-днестровская культура, распространяется на севере и достигает Прибалтики. Таким образом, устанавливается наличие единой, связанной с древнейшим мотыжным земледелием раннеолитической линии развития, захватывающей значительную часть Днепровского бассейна, Понеманье, а также пограничные с ним районы Прибалтики. В рассматриваемом плане приобретает особое значение недавно открытая неманская неолитическая культура, поздние подразделения которой несомненно синхронны с памятниками днепро-донецкой культуры и, как справедливо указывает Н. Н. Гурина, обнаруживает все признаки этнокультурной самобытности¹⁶⁴.

Следовавший затем второй период развития неолитической культуры в северной части Украины с полным основанием можно назвать днепро-донецким. Это был период распространения типичных днепро-донецких памятников с характерной гребенчатой керамикой. С одной стороны, начало этого периода совпадало с окончанием буго-днестровских и керешских связей, а с другой — с началом экспансии северо-восточных палеоевропейских племен, положивших начало днепро-донецкой культуре, как таковой.

Экспансия племен днепро-донецкой культуры была именно тем поворотным моментом в истории неолита Украины, который определил переход от развитого неолита к позднему.

В связи с тем что именно теперь на Северском Донце появляются поселения типа Бондариха¹⁶⁵, а на Среднем Днепре распространяются памятники типа Устье Гнилопяти, Никольской Слободки II¹⁶⁶, можно считать, что время формирования днепро-донецкой культуры закончилось и наступил период ее расцвета.

Итак, памятники типа Моства, Устье Гнилопяти, Никольская Слободка и Вита-Литовская, а на Северском Донце памятники типа Бондариха, нижнего слоя Устья Оскола и др. представляют собой именно тот тип культуры, который с наибольшим основанием может быть назван днепро-донецким. Все, что относится к явлениям субстрата и адстрата, сильно отличается от культурного комплекса этой поры и требует своего особого терминологического определения.

Характерную особенность днепро-донецкой культуры составляет ее керамика. Наиболее типичны довольно приземистые остродонные, бокастые горшки со стянутой верхней частью. Менее характерны глубокие остродонные или круглодонные миски, отдаленно напоминающие чаши культуры линейно-ленточной керамики. Для большинства сосудов характерна толстостенность (до 1 см) и большое количество растительных волокон, размещенных особым образом. И. Ф. Левицким было высказано предположение о особом растительном каркасе, составляющем основу глиняных сосудов этого времени¹⁶⁷.

Внешняя и внутренняя поверхности стенок всех сосудов тщательно сглаживались. Излом черепка серый, поверхность стенок — буроватая. Орнамент на таких сосудах состоит из двух главных компонентов: чередующихся и дополняющих друг друга горизонтальных или зигзаговых линий, оттиснутых штампом, преимущественно гребенчатым. Последнее обстоятельство, как отмечалось, и дало в свое время основания Д. Я. Телегину и некоторым другим исследователям называть вновь выделенную культуру неолитом гребенчатой керамики.

Производственный инвентарь памятников этого типа хорошо известен и встречается на многих поселениях Поднепровья. Кремень неизменно имеет микролитический характер — округлые скребки, ножевидные пластинки, трапеции, изредка черешковые наконечники стрел. Однако кремень почти никогда не сопровождается каменными или кремневыми орудиями для обработки дерева. Очевидно, в это время при-

* Автор считает приятным долгом поблагодарить Р. К. Римантиене-Яблонските за предоставленную возможность ознакомиться с материалами неопубликованной лекции.

меняются сходные орудия, но изготовленные из рога или кости.

По-иному выглядит производственный инвентарь памятников, находившихся в лесной зоне: Моства, Устье Гнилопяти, поселения смячанской группы на Десне и, наконец, все поселения донецкой группы. Орудия для обработки дерева — топоры и тесла многочисленны и разнообразны. Производственный инвентарь поселения Устье Гнилопяти, сохраняя типично макромолитический характер, включает ряд таких архаических эртебельских макромолитических форм, как транше (резаки), наличие которых позволяет думать о его большей древности в сравнении с возрастом других перечисленных выше памятников. Хронологически близким ему является небольшое поселение с керамикой несколько более архаического облика — Ирпень-Белая дюна, где среди других находок автором было найдено транше архаического типа.

С известным основанием можно утверждать, что вопрос о сложении памятников типа Устье Гнилопяти — Бондариха и др. является вопросом о сложении всей днепро-донецкой культуры. Так приходится ставить вопрос даже для прикиевской части Поднепровья, так как памятники струмельского типа дают картину культуры иного облика и не случайно именуется нами северным филиалом буго-днестровской земледельческой культуры.

Постепенно днепро-донецкая культура перестает быть земледельческой и приобретает характер охотничье-рыболовной культуры, включающей к тому же некоторые элементы скотоводческого хозяйства¹⁶⁸.

Такой крутой поворот в развитии неолитической культуры мог произойти только по причине существенных изменений в составе неолитического населения или, говоря точнее, по причине происшедшей миграции.

Из числа территорий, откуда мог прийти в Лесостепную Украину приток нового населения, полностью исключаются ареалы буго-днестровской и приазовской культур, так как они вследствие днепро-донецкой экспансии сами пережили процесс частичного разрушения прежних форм этнокультурного развития.

Остается север. Мысль о прибалтийском северо-западе, как о возможном эпицентре расселения днепро-донецких племен, придется отбросить, ибо эта территория была прочно занята племенами эртебельской культуры. В том же смысле нельзя рассматривать и территории Калининградской области, Литвы и Западной Белоруссии, так как они составляют единый примитивно-земледельческий ареал, смыкающийся с памятниками струмельского типа, который по отношению к днепро-донецкой культуре может рассматриваться в качестве генети-

чески связанного субстрата. Почти наверняка отпадает и восточноприбалтийская территория Союза, где в это время находился эпицентр нарвской культуры.

В свете изложенного остается остановиться на ближнем, по отношению к Среднему Днепру, северо-востоке, возможно ограничиваемся левобережьем верхнего Днепра, на севере — Валдайской возвышенностью, а на юге — Деснянским бассейном. Именно на этой территории естественнее всего предполагать местонахождение древней пограничной этнокультурной зоны, соединяющей, с одной стороны, простирающуюся к востоку, в направлении Урала, зону с костяным инвентарем типа Кунда¹⁶⁹, заселенную племенами неясной этнической принадлежности¹⁷⁰, а с другой — зону памятников днепро-балтийского ареала, объединяющую памятники типа Струмель — Дубичай — Серово (Цедмар).

«Героический век» днепро-донецкой культуры оказался недолгим. В период позднейшего неолита и раннего энеолита, сначала в границах южной, а затем и северной частей днепро-донецкого ареала, наступил процесс интенсивной этнокультурной ассимиляции племен днепро-донецкой культуры.

В конце неолита, когда на Среднем Днепре появляются поселения типа Бузьки, Мутыхи, а южнее их, уже в соприкосновении с Надпорожьем — Игрень Д₁ и др.¹⁷¹, возникает все усиливающий свое действие западный ассимилирующий импульс, питавшийся сначала за счет позднего дотрипольского неолита (Саврань), а позднее и за счет самого триполья.

Этим памятникам присуща плоскодонная посуда с линейным орнаментом, близкая к савранской. Она известна и на Донеччине (Веревкинские хутора), что следует понимать как указание на расселение даже в глубь Левобережья населения, соприкасавшегося в этнокультурном отношении с поздней буго-днестровской культурой. О подлинных масштабах происшедшей этнокультурной перегруппировки говорит то обстоятельство, что именно около этого времени в ареале буго-днестровской культуры, и даже в Надпорожье, местная культура обнаруживает признаки соприкосновения с целым рядом балкано-дунайских земледельческих культур, например с тордошем и хаманджией.

Примерно в это же время, в юго-восточной части ареала, вероятнее всего под волжским воздействием, получает распространение постепенно продвигающийся на северо-запад керамический комплекс, с накольчатым и штамповым скорописным орнаментом. Это означало, что днепро-донецкая культура, особенно в южной части ареала, начала интенсивно терять свои традиционные признаки, в частности мик-

ролитический кремль и глиняную посуду с примесью травы. Появляются крупные кремневые изделия, сформованные на больших ножевидных пластинах и на крупных отщепах, а также двусторонне ретушированные наконечники копий и дротики; тонкостенная посуда с полосчатыми расчесами на внутренней поверхности стенок, украшенная зональными композициями, близко напоминающими орнамент посуды неолита ямочно-гребенчатой керамики — тип Никольская Слободка II, вторая группа¹⁷².

На Донеччине (Устье Оскола I)¹⁷³, на Десне и Сейме (Волынцево)¹⁷⁴, в прикиевской части Поднепровья (тип Никольская Слободка II/2), на Волыни (Устье Гнилопяти II) и, наконец, в бассейне р. Припяти (Веть и др.)¹⁷⁵ возникает целый ряд локальных культур, которые правильнее рассматривать как ранние локальные памятники неолита ямочно-гребенчатой керамики.

Несколько по-иному пошло развитие в южной зоне, где получает распространение так называемая азово-днепровская культура, с присущей ей плоскодонной посудой, сходной с посудой названных выше памятников лишь присутствием накольчатого орнамента.

Между тем по всему югу — в приазовских и причерноморских степях — начался связанный с активизацией пастушеских племен бурный процесс сложения начальных звеньев древнеямной культуры, поглотивший как азово-днепровскую, так и сурско-днепровскую культуры. Результат этого процесса был один — оба названные выше ареала ассимиляции днепро-днепской культуры сместились к северу, переплелись, и затем начался интенсивный процесс расселения ранних племен неолита ямочно-гребенчатой керамики к северу — в лесную зону современной Европейской части СССР.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБЛАСТЬ НЕОЛИТА С ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ

Последней неолитической культурой на территории Украины является неолит ямочно-гребенчатой керамики. Возникнув в условиях природной обстановки, более благоприятной для развития охоты и рыбной ловли и гораздо менее — для развития земледельческо-скотоводческого хозяйства, она с известным основанием может быть названа пережиточно-неолитической*.

Несмотря на то, что эта культура на территории Украины была выделена первой, знания о ней до сих пор опираются на данные неболь-

* А. А. Формозов также называет древние культуры с заторможенным экономическим развитием пережиточно-неолитическими¹⁷⁶.

ших раскопок и на сборы на поверхности. Это обстоятельство необходимо отнести к числу едва ли не самых крупных недочетов отечественного неолитоведения, ибо корни многих этнокультурных процессов, происходивших в неолите лесной зоны Европейской части Союза, уходят на юг, на территорию Украины.

Отсюда вовсе не следует, что мы считаем территорию Украины эпицентром сложения всех неолитических культур лесной полосы Европейской части СССР или, например, всего неолита ямочно-гребенчатой керамики. Вместе с другими исследователями мы признаем серьезность широко распространенного в науке мнения об особой в этом смысле роли древних племен арало-каспийской области и Урала¹⁷⁷.

Вместе с тем нельзя допускать и мысли о том, чтобы этот гигантский процесс не нашел отражения в материалах неолита Украины, чтобы его нити не переплелись с местными формами развития и, следовательно, чтобы его нельзя было связать с палеоэтнографической картой и с системой хронологии неолита Украины.

В согласии с мнением исследователей неолита европейского Северо-Востока, мы поддерживаем мысль о том, что изучение генетических связей древнейших неолитических культур этого района — нарвской и Сперрингс — должно лечь в основу метода изучения этнокультурного развития всей Северо-Восточной Европы, а следовательно, также и лесной северо-восточной четверти территории Украины.

Памятники неолита ямочно-гребенчатой керамики в целом занимают левобережную часть зоны хвойных лесов. Они встречаются в бассейнах рек Десны¹⁷⁸, Сейма¹⁷⁹, Псла¹⁸⁰, Ворсклы¹⁸¹ и верхней половине бассейна Северского Донца¹⁸². С ними сходны, возможно даже родственны, позднейшие днепро-днепские памятники (Никольская Слободка II/2), занимающие прикиевскую часть Среднего Поднепровья.

Не подлежит сомнению, что в предшествующий период на всей очерченной выше территории существовали населения с собственно днепро-днепским типом неолитической культуры.

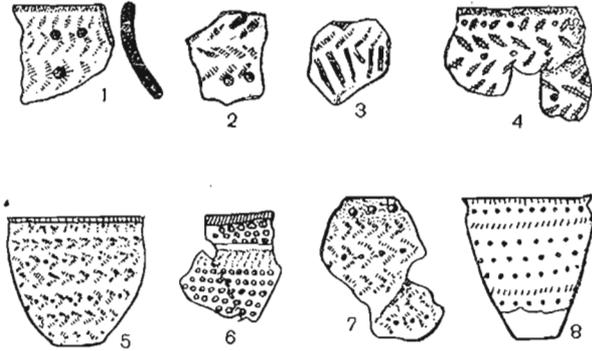
В одном случае, в устье р. Оскол, такая последовательность смены типов неолитических памятников была подтверждена Д. Я. Телегиным путем раскопок¹⁸³.

Из числа памятников, изученных путем небольших раскопок, одной из первых следует назвать группу поселений, известную костянами и роговыми изделиями, близкими к типу Кунда¹⁸⁴, исследованную М. Я. Рудинским в районе с. Погореловки¹⁸⁵. Далее следует назвать поселение Мыс Очкинский, исследованное М. В. Воеводским и И. Г. Розенфельдт¹⁸⁶.

Исключительно интересные материалы получены Д. Я. Телегиным и С. С. Березанской при

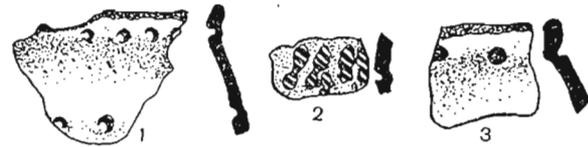
Ранний бронзовый век

фаза V (тип Марьяновка)

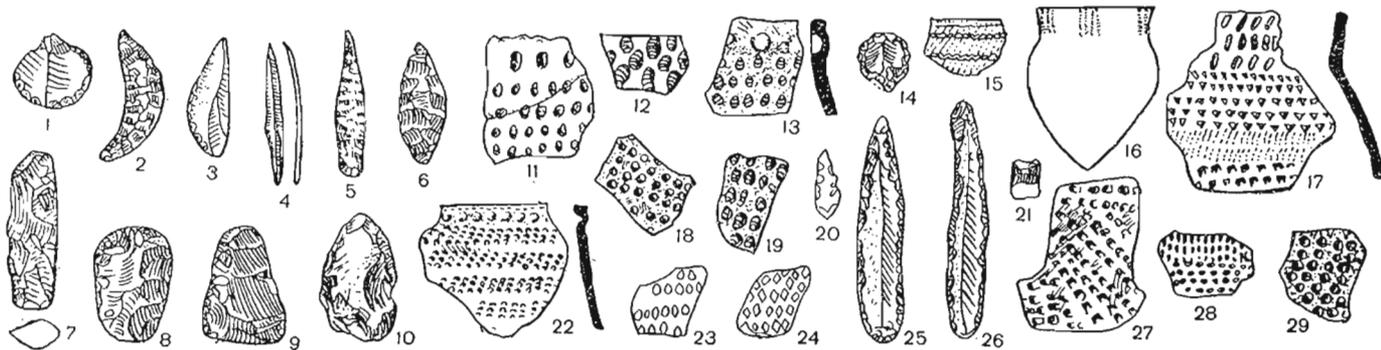

Поздний неолит

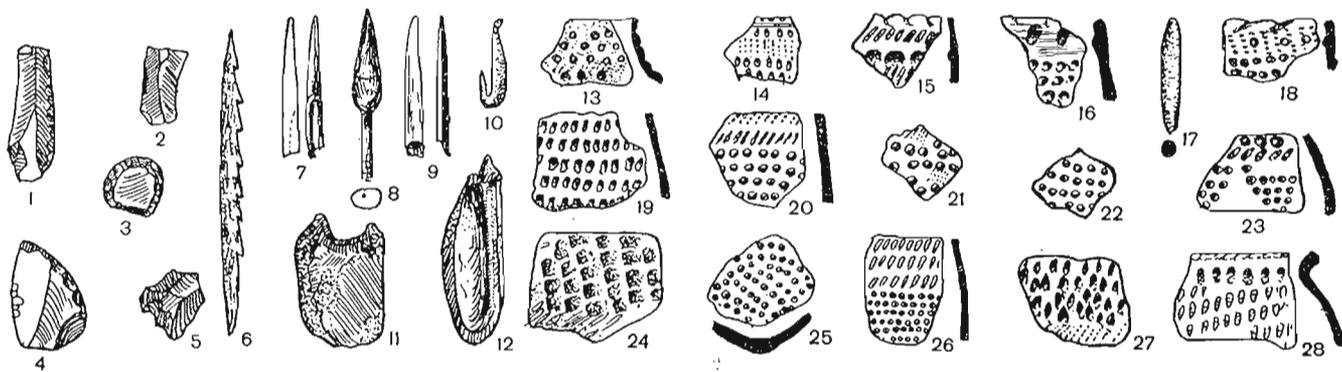
фаза IV (тип Марьяновка нижний слой-Пивиха)

фаза III. (типы Эсмань, Номсомольское и соответствия)

фаза II. Энеолит ранний. (типы Волянцево II, Погореловка)

Фаза I. Неолит поздний. Становление культуры (типы Волянцево I, устье Оскола I)

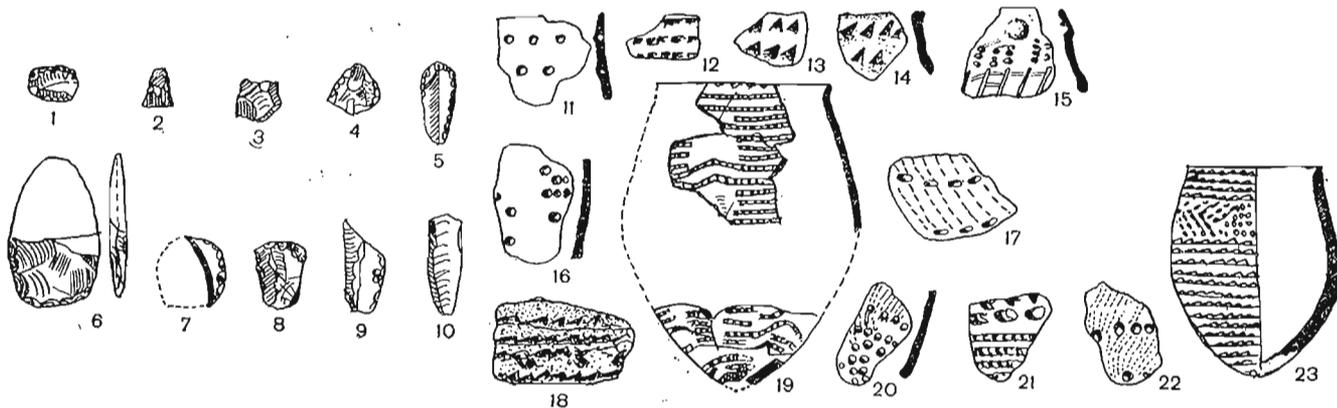

Рис. 6. Неолит — ранняя бронза области неолита ямочно-гребенчатой керамики. Комплексы в развитии.

Фаза I. Волянцево I: 1, 5, 6, 8-10 — кремь; 14, 15, 17, 18, 20, 22 — керамика; Теткино: 2-4, 7 — кремь; 12, 13 — керамика; Погореловка: 11, 16 — керамика; Комсомольское: 21 — керамика; устье Оскола I: 23 — керамика. Фаза II. Мезин: 1, 2 — кремь; Пекарево: 3-5 — кремь; Погореловка: 6-12 — кость, рог, 13-23 — керамика; Волянцево II: 24-28 — керамика. Фаза III. Мыс Очкинский: 1-9 — кремь; Погореловка Коса: 10 — кварцит, 11-13, 18, 19, 22-24 — керамика; Комсомольское: 14, 20, 21, 25, 26 — кремь; Зливки-Хайловщина: 15, 28 — керамика; Александрия: 17, 27 — керамика; Миневский Яр: 16 — керамика; Волошское — Скеля Каменоломня: 29 — керамика. Фаза IV. 1, 3 — фрагменты плоскодонных сосудов с зонами жемчужного орнамента (тип Пивиха); 2 — фрагмент сосуда, украшенного ямочно-гусеничным орнаментом. Фаза V. Волянцево-Городок: 1-8 — керамика

раскопках небольшого поселения Волинцево-Городок¹⁸⁷. Заслуживают внимания также поселения Октябрьское, Пекарево¹⁸⁸, Ивот¹⁸⁹, Мезинский остров¹⁹⁰, Долинское¹⁹¹, Скуновое-Рудого¹⁹² и др.

На Северском Донце к этому типу памятников относится поселение Хайловка — одно из первых неолитических поселений, исследованное еще В. А. Городцовым¹⁹³.

В последние годы на Северском Донце Д. Я. Телегиным был исследован целый ряд памятников — многослойное поселение Александрия с горизонтом интересующей нас культурной принадлежности¹⁹⁴, двуслойное поселение Устье Оскола¹⁹⁵, а также однослойные памятники Устье Оскола I и Студенок V¹⁹⁶. Из числа других памятников этого же района и той же культурной принадлежности следует назвать поселения Комсомольское¹⁹⁷ и Волчанские Хутора¹⁹⁸.

Для бассейна Ворсклы отмечаем многослойное, но, к сожалению, сильно разрушенное поселение Белая Гора¹⁹⁹, на Хороле — поселения у с. Сухоравовка-Поповка²⁰⁰, на Суле — поселение Бодаква²⁰¹.

Если оставить в стороне вопрос о деталях различиях, существующих между названными выше локальными группами, последние на основании ряда признаков следует разделить на две или три культурно-хронологически обособленных группы.

В силу того, что в археологической литературе лучше других известны деснинские памятники с так называемой ромбической керамикой, мы и начнем рассмотрение археологических материалов именно с них, а затем перейдем к рассмотрению других групп памятников.

Утверждение И. Г. Розенфельдт о хронологической однородности памятников с ромбической керамикой и об узколокальной связи их с деснянским бассейном²⁰² не совсем верно. Во-первых, следует подчеркнуть, что поселения с ромбической керамикой известны на территории всей лесной части Левобережной Украины — от верхней половины течения Северского Донца включительно по Десну и продолжают как на территории Белоруссии²⁰³, так и на территории РСФСР²⁰⁴.

Во-вторых, термин «ромбическая» не передает всего многообразия приемов украшения посуды, среди которых существует и отрицаемый И. Г. Розенфельдт белемнитный орнамент.

В-третьих, описываемый тип памятников представляет собой явление значительной хронологической протяженности, что разрешает подразделить соответствующие памятники на несколько культурно-хронологических групп.

В границах деснинского бассейна ранний этап неолита ямочно-гребенчатой керамики

представлен урочищем в устье р. Эсмань, поселением Погореловка, частично мысом Очкинским. Этот этап мы условно называем эсманьским.

Если не считать мелких концевых скребков в комплексе кремневых орудий этого времени, микролитические формы уже отсутствуют. В целом орудия отличаются довольно крупными размерами, что в условиях Украины говорит о связях с населением более южных районов, переживавших в это время расцвет энеолита.

Под такое определение вполне подходят скребки, изготовленные из отщепов, небольшие узкообушные топорики, а главное — остроконечные ножи, наконечники стрел и дротиков ромбической формы, исполненные в технике двусторонней ретуши.

Среди форм посуды памятников эсманьского типа определяются глубокие котлообразные остродонные горшки с несколько ребристым туловом, прямым или слегка отогнутым венчиком, т. е. формы, известные и по другим культурам ямочно-гребенчатой керамики.

В основном преобладают тонкостенные сосуды (до 1 см), в глиняной массе которых содержится песок и растительная примесь, что придает ей сходство с днепро-донецкой посудой. Но она отличается почти неизменным присутствием на внутренней и даже на внешней поверхности стенок следов полосчатого сглаживания и своеобразными приемами украшения посуды.

Общий стиль украшения местной посуды — ямочно-гребенчатый. Орнаментируется весь сосуд — от среза венчика до дна. Большинство штампов нанесены неглубоко, что и обуславливает так называемый поверхностный характер орнамента и, как правило, отсутствие негативных выпуклостей на обратной поверхности стенок сосудов. Если не считать пальцевых защипов и насечек, применявшихся для украшения среза венчика, главными элементами орнамента являются ямки различных форм — ромбические, овальные, полуовальные, подтреугольные и круглые, наносившиеся с помощью щепки, веточки или костяного инструмента. Значительно реже используется гребенчатый штамп и совсем редко, исключительно для украшения среза венчика, — оттиски шнура, намотанного на палочку. Основу орнаментальных композиций составляют широкие зоны, скомпонованные из горизонтальных или диагонально расположенных рядов ямок или подтреугольных наколов, изредка наносимых в скорописной манере. В редких случаях отмечается использование гребенчатого штампа для создания подобных или же для так называемых елочных композиций. Обычно же гребенчатый орнамент, в целом довольно редкий, использовался для выполнения нешироких полос, разделяющих широкие ямочные зоны.

Второй тип памятников, по наименованию поселения Скуносово, мы называем скуносовским. Именно в этом месте, т. е. у с. Скуносово Путивльского района Сумской области, Д. Я. Телегинными были проведены небольшие раскопки, обеспечившие как возможность стратиграфических наблюдений, так и получение относительно однородного культурного комплекса²⁰⁵.

Подобные памятники известны в значительно большем количестве, чем памятники предшествующего типа, и встречаются не только на Сейме, но и на Десне. К их числу следует причислить такие памятники, как Погореловка-Коса, Вьюнище, Заболотово, Щечково, Ивот-Кудеярова гора.

В отличие от памятников эсманьского типа памятники скуносовского типа обнаруживают все признаки культурного единения с такими хорошо известными неолитическими культурами Средней России, как белевская²⁰⁶, верхне-донская²⁰⁷ и даже ляловская²⁰⁸.

Для памятников скуносовского типа характерен кремневый инвентарь, схожий с кремневыми энеолитическими культурами. Широко распространены топоры и тесла, в том числе и выемчатые, изготовленные из кремня и кварца, в технике двусторонней оббивки и частичного шлифования. Интересен и в хронологическом отношении важен найденный в Скуносовом ретушированный с двух сторон наконечник дротика — вещи, уже характерной для памятников типа Средний Стог II²⁰⁹.

В связи с тем, что М. Я. Рудинским в районе с. Погореловки при зачистке берега Десны в одних и тех же геолого-стратиграфических условиях были найдены фрагменты посуды скуносовского типа, имеются основания полагать, что хорошо известный погореловский костяной и роговой инвентарь²¹⁰ в данном случае может составлять часть скуносовского культурно-исторического комплекса. Однако тут же следует оговориться. Вся полученная при зачистке керамика, в отличие от обычной, содержала примесь речной раковины, что указывает на сходство ее с керамикой нарвского типа. Настораживают и некоторые обнаруженные на поверхности поселения Погореловка-Коса находки фрагментов керамики, которые как по наличию раковинной примеси, так и по типу орнамента могли бы подойти под рубрику «нарвских».

Все это дало возможность выделить важную, и в этнографическом отношении исключительно показательную, группу костяного инвентаря украинского неолита ямочно-гребенчатой керамики.

Интересна группа находок из кости. В ее состав входит несколько функциональных групп — рубящие орудия, заостренные под углом 45°, иногда называемые пешнями, тесла, муфты,

наконечники дротиков с двумя пазами для вкладышей, многозубые гарпуны, наконечники стрел, так называемого шигирского типа, массивные рыболовные крючки и пр.

В силу сходства условий сохранения археологических остатков памятники с подобной костяной индустрией эпизодически обнаруживаются в различных местах Европейской части лесной полосы Союза — от Белоруссии²¹¹ и до Белого моря²¹². Ближайшей аналогией погореловского костяного комплекса является комплекс, выявленный В. П. Левенком в сопровождении почти деснинской керамики у с. Долгое Липецкой области на Верхнем Дону²¹³.

Если попытаться ближе определить место погореловского костяного комплекса в системе неолитической культуры, речь, пожалуй, должна идти о локальном и, вероятно, о достаточно уже позднем деривате именно той занимающей колоссальные пространства костяной индустрии, которая на востоке отмечена таким этнокультурным репером, как многослойное поселение Шигирский торфяник²¹⁴, а на западе — широко известным докерамическим местонахождением Кунда²¹⁵, и отчасти — Оленеостровским могильником²¹⁶.

Глиняная посуда памятников скуносовского типа в определенном смысле близка к посуде памятников эсманьского типа. Однако имеются и существенные различия, отдаляющие ее от керамики днепро-донецкой культуры и сближающие с керамикой других сходных культур неолита ямочно-гребенчатой керамики, развивавшихся уже за пределами территории древней Украины.

Насколько разрешает установить сильно фрагментированный керамический материал, на поселение скуносовского типа доминировали широкооткрытые и в то же время достаточно глубокие котлообразные сосуды с закругленным или уплощенным дном. Имеются также остатки остродонных горшков с невысокими, слегка отогнутыми наружу венчиками. Большинство сосудов тонкостенные. В глину примешивали мелкий песок, а нередко и битые черепки — шмот. Поверхности стенок несут следы полосчатого сглаживания. Элементы орнамента, в основном, остались прежними — доминируют ямки разных форм, однако повсеместно стали встречаться округлые вдавления, наносившиеся с помощью белемнита или специально изготовлявшихся глиняных палочек.

На отдельных, более поздних поселениях, например Погореловка-Коса, Ивот и др., углубление различных форм делались с помощью палочки с намотанным на нее шнуром, т. е. появляется очень архаическая форма ямочно-гусеничного, своего рода шнурового орнамента, типичного как для многих культур ямочно-гре-

бенчатой керамики средней и северной России²¹⁷, так и для энеолитических памятников Юга — памятников развитого триполья²¹⁸ и типа Средний Стог II²¹⁹. Вероятно, не случайно в верхнем слое донского поселения Долгое были найдены фрагменты керамики, отражающие какие-то связи с южным Степным Подоньем, где в это время развивался локальный тип среднестоговской, т. е. архаической древнейшей культуры²²⁰.

Одной из отличительных особенностей керамики памятников описываемого типа, следует считать появление так называемого жемчужного орнамента, позитивного и негативного, широко использовавшегося для украшения венчиковой части сосудов. Срезы венчиков нередко украшались с наружной и с внутренней стороны насечками, что придавало им так называемый гофрированный характер. Изредка встречаются венчики с небольшим воротничковым утолщением — изнутри или снаружи.

Характер орнаментальных композиций обуславливали широкие полосы, скомпонованные из диагонально поставленных коротких рядов, состоящих из различных углублений, покрывающих через узкие интервалы все тулово сосуда. Отдельные сосуды украшались довольно редко поставленными горизонтальными рядами углублений, другие — полностью покрывались углублениями, размещенными в шахматном порядке и, таким образом, образующими ячеистые композиции. Важной особенностью многих сосудов этого времени являются негативные выпуклости, получавшиеся на внутренней стороне стенок сосудов после нанесения орнамента на внешнюю поверхность стенок. Как свидетельствует анализ приводимых выше материалов (рис. 6), оба обрисованные этнокультурные явления нередко переплетаются, и их хронологические границы не всегда отчетливы. И тем не менее, уже в настоящее время имеется возможность поставить вопросы о генезисе местной культуры неолита ямочно-гребенчатой керамики и о значении ее для генезиса целого ряда сходных с ней культур лесной зоны Европейской части СССР.

В этой связи особое значение приобретает вопрос о памятниках, обнаруживающих признаки южных и восточных этнокультурных связей. Речь в первую очередь пойдет об особом, очень интересном типе памятников, не получивших еще надлежащей оценки в литературе и именуемых нами волынцевскими по названию с. Волынцево Путивльского района Сумской области²²¹. Материал, собранный при раскопках поселения Волынцево-Городок, говорит о двух этапах развития одной и той же культуры. Здесь определенно присутствуют две разные группы производственного инвентаря и керамики.

Более архаическую группу производственного инвентаря составляют изготовленные из крем-

ня небольшие концевые скребки, пластинки, острия со скошенным концом, а также обломок отшлифованной рабочей части тесла. Более позднюю группу составляют крупные орудия, изготовленные из кварцита: ножи, скребла и топоры.

Наставать на полном отсутствии фактической связи между обеими охарактеризованными выше группами инвентаря было бы трудно, ибо производственный инвентарь синхронных донецких памятников также представляет собой органическое сочетание макролитов и микролитов, среди которых доминируют энеолитические формы, но встречаются и более глубокие переживания неолитической эпохи²²².

Первую группу собранной здесь керамики составляют обломки относительно толстостенных (до 0,8 см) сосудов с примесью песка и растительности. Внешняя поверхность, иногда сохраняющая охристый ангоб, выглажена, внутренняя — имеет следы полосчатого сглаживания щепкой. Посуда широкооткрытая, ребристая, с закругленным или острым дном. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность стенок, обычно включая и дно. Путем чередования насечек по краю венчика снаружи и изнутри ему придается гофрированный характер. Ниже невысокого, едва отогнутого венчика помещается жемчужный орнамент — позитивный или негативный. Стиль орнамента в целом может быть охарактеризован как ямочно-гребенчатый. В числе элементов орнамента присутствуют гребенчатый, прямой и подтреугольный штампы. Характерно использование прямого и подпрямоугольного штампов в скорописной манере. Орнамент имеет зональный характер. Основу большинства композиций составляют широкие зигзаги и горизонтальные полосы, состоящие из оттисков гребенчатого или треугольных штампов и разделенные горизонтальными рядами из круглых или угловатых вдавлений, наносившихся палочками различного сечения — прямоугольного и реже — круглого.

Очень интересна орнаментальная композиция почти полностью восстановленного сосуда — широкие прямоугольные поля, состоящие из горизонтальных рядов отступающего прямого штампа, соединенные исполненными в той же манере обращенными углами кверху шевронами. Привлекает внимание верхняя часть сосуда, украшенная позитивными жемчужинами, горизонтальными рядами оттисков щепки, а ниже — линейно-угловатой композицией.

Ближайшей аналогией подобной керамики является керамика поселения Теткино, находящегося в этом же районе, характеризующаяся микролитонидным кремнем, в составе которого имеются так называемые малые траншеи²²³.

С описанным выше типом памятников во

многим сходны донецкие поселения Устье Оскола I, Комсомольское²²⁴, Волчанские Хутора²²⁵ и др. На всех этих памятниках представлен тип посуды, отличающийся от посуды памятников эсманьского или скуносовского типов, но зато по построению орнаментальных схем и по составу элементов орнамента напоминающий посуду северных памятников типа Сперрингс, т. е. именно тех памятников, генетическая связь которых с далеким Приуральем у большинства исследователей не вызывает уже сомнений²²⁶.

Если быть более точным, то придется говорить о северных памятниках смешанного типа (Акали²²⁷, Курмойла²²⁸) и о некоторых памятниках валдайской культуры²²⁹. Трудно решить вопрос о том, являются ли подобные памятники результатом смешения хронологически разновременных материалов или же они фиксируют существование особого синкретического сперрингско-ямочно-гребенчатого типа культуры. Что же касается Волынцева, то этот вопрос должен быть решен в пользу археологической однородности материала, синкретического только по характеру культуры.

Вторую группу керамики поселения Волынцево-Городок составляют остатки тонкостенных сосудов (0,4 - 0,5 см), изготовленных из глины с примесью мелкого песка.

Единственной восстанавливаемой здесь формой являются широкооткрытые круглодонные или остродонные горшки с невысоким, едва отогнутым наружу венчиком. Орнамент таких сосудов во многом напоминает орнамент сосудов предшествующей группы. Сохраняются насеченные и гофрированные венчики, ямочные, гребенчатые и прямые оттиски штампов и др. Но в характере орнамента появляются и новые черты. Уменьшается количество сосудов, украшенных горизонтальными рядами неглубоких ямок. Более многочисленную группу составляют сосуды с таким же штампом, но исполненным в скорописной манере. Значение ямок как украшений значительно возросло. Если на посуде предшествующей группы они размещались редко, в один ряд, и, таким образом, выполняли по отношению к другим штампам роль вспомогательного элемента, то теперь из них стали составляться зоны той же значительной ширины, что и зоны, нанесенные другими штампами. Нанесение ямок производится с несомненным искусством — с помощью одного и того же штампа, в зависимости от его положения создавались ямки различной формы, которые и наносились то в уставной, то в скорописной манере. Преобладание ямок в системе орнамента сближает его с так называемым ячеистым орнаментом.

В композиционном отношении орнамент тонкостенных сосудов как бы продолжает развитие схем, определившихся на посуде предшествую-

щей группы — по-прежнему доминирует чередование зон зигзаговых и горизонтальных линий, состоящих из различных по форме отпечатков штампов.

Как в отношении форм сосудов, так и в отношении элементов и композиции орнамента посуда описанного типа представляет собой типологический, а возможно также и хронологический дериват посуды предшествующего типа.

Вопрос о памятниках старшего волынцевского типа, отражающего едва ли не наиболее архаический этап в развитии местного неолита ямочно-гребенчатой керамики, мы будем рассматривать и далее. В настоящем изложении целесообразно подчеркнуть широту генетических связей этого типа культуры, позднейшие звенья которого нащупываются на западе — в Польше, Белоруссии и на Среднем Днепре²³⁰, а древнейшие — на востоке, в кельтеминарско-приуральской этнокультурной области, т. е. там, где принято локализовать неолитический эпицентр развития угро-финского этнического массива.

Хотя в настоящее время мы и лишены возможности дать детальную разработку хронологии памятников местного неолита ямочно-гребенчатой керамики, все же намечаются основные положения.

Прежде всего подчеркиваем, что время древнейших памятников (Волынцево и др.) здесь непосредственно следовало за временем расцвета днепро-донецкой культуры.

Значительная древность ранних памятников этого типа подтверждается также их культурным соприкосновением с памятником более древней днепро-донецкой культуры (Волынцево, Эсмань, Волчанские Хутора и др.).

Поздний период местных памятников неолита ямочно-гребенчатой керамики на основании сходства комплекса кремневых орудий, появления древнейшего гусеничного и жемчужного орнамента синхронизуется с трипольем В, что в целом отвечает времени поздних памятников типа Средний Стог II.

Период развития неолита ямочно-гребенчатой керамики на территории Украины в целом отвечает периоду, длившемуся от савранской фазы буго-днестровской культуры до конца развитого триполья (В₂) включительно, что в плане абсолютной хронологии отвечает всему IV и первой половине III тысячелетия до н. э.

Определенные выше хронологические границы местного неолита ямочно-гребенчатой керамики едва ли распространяются на весь ареал памятников неолита ямочно-гребенчатой керамики. Имеются все основания думать, что корни последнего уходят в глубь V тысячелетия до н. э. Следует также подчеркнуть, что в северной зоне, где эта культура переживала пору своего рас-

цвета, она развивалась и позднее середины IV тысячелетия до н. э.

Нетрудно проследить, что в южной половине украинской части этнокультурной области неолита ямочно-гребенчатой керамики облик представляющих ее памятников более архаичен и менее сходен с обликом более северных и более восточных памятников, а количество пережитых ею этапов развития на юге меньше, чем на севере.

Только в северной половине области имеются такие памятники, как Погореловка-Коса, Ивот, Щечково и др., составляющие третью хронологическую группу, сходство которых с памятниками соседних районов, например с Белевской культурой или с памятниками типа верхнего слоя поселения Долгое, бесспорно. В числе исследуемых памятников они являются позднейшими. На юге им уже отвечают памятники иной культуры, например, такие отражающие начальные звенья сложения древнеямной культуры поселения, как раннеэнеолитический слой Александрии, а затем хронологически следующие за ними памятники типа Средний Стог II, Деревка, верхний слой Миневского Яра и др.²³¹

Характер взаимоотношений двух формирующихся культур — неолита ямочно-гребенчатой керамики и начальных звеньев ямной культуры — в достаточной степени ясен. Сначала с востока — с Заволжья и Предкавказья, Нижнего и Среднего Дона — в область днепро-донецкой культуры проникло три новых этнокультурных течения, приведших к сложению трех новых культур — азово-днепровской, ямочно-гребенчатой и начальных звеньев древнеямной культуры.

Азово-днепровская культура оказалась эфемерным, быстро ассимилированным этнокультурным образованием, племена культуры ямочно-гребенчатой керамики расселились несколько севернее племен древнеямной культуры, а затем, непрерывно теснимые ими на юге, начали продвигаться на север.

В то же время особый интерес представляет вопрос о взаимоотношениях культуры исследуемых памятников с явлениями субстрата — культурой типа Нарва и ее прототипами. Последняя не возникла в результате автохтонного развития, а сформировалась под воздействием культуры южных племен, возможно, на основе таких культур, как Аскола-Суомусярви, Кунда и др., сходных культурных групп, докерамичность которых все еще нуждается в доказательстве.

Для того чтобы яснее представить процесс формирования начальных звеньев неолита ямочно-гребенчатой керамики, следовало бы иметь более ясное представление о раннем неолите Юго-Восточной Европы, т. е. именно той области, обойти которую в процессе продвижения неолитической культуры на Валдайский и При-

балтийский Север Европы не было никакой возможности.

Важной чертой предлагаемого построения нам представляется выделение памятников во льнянского типа и их ближайших аналогов, которые, по нашему мнению, в определенной мере заполняют территориальную лауну между северным Сперрингом и южным Кельтеминаром. Впрочем, было бы неправильно считать, что этнокультурный массив, на определенном этапе развития составивший зону кельтеминарской культуры, якобы занимал один лишь юг, т. е. степную зону Средней Азии. Видимо, прав был А. П. Окладников, утверждавший, что Кельтеминар представляет собой не столько форпост юга на севере, сколько южную периферию обширного Приуральского Севера²³².

Кельтеминар, если брать его во всех этнокультурных опосредованиях, по сравнению с неолитом ямочно-гребенчатой керамики, а также и с многими неолитическими культурами Европы, представляет собою явление крупнейших, поистине азиатских масштабов.

Сила этой культуры заключалась в многочисленности ее носителей, слабость — в низком уровне их экономического развития. Последнее подтверждают гигантские размеры занятой ими территории.

Нетрудно себе представить, что с течением времени, отчасти вследствие иссушения степей Средней Азии, племена кельтеминарской культуры, все в возрастающей степени испытывавшие относительное перенаселение территории, неизбежно должны были начать расселение в различных направлениях. Оно происходило на северо-восток — в Западную Сибирь, на Южный Урал, где только теперь возникает керамический неолит (Андреевское озеро), на северо-запад — на Волгу, где в это время возникают памятники типа Волгоградской ГЭС, на юго-запад — Нижний Дон, что приводит к возникновению памятников типа четвертого слоя Ракушечного Яра. И, разумеется, только в обстановке этнокультурной перегруппировки могли возникнуть южные аналоги Сперринга — памятники типа Волицева и др.

Подводя итоги сказанному относительно процесса формирования неолита ямочно-гребенчатой керамики, заключаем: памятники типа Волицево — на юге, Сперрингс и пещерской культуры — на севере фиксируют различные звенья единой линии тех форм этнокультурного развития, побудительные силы которого первоначально находились на пограничье Сибири и Средней Азии. Именно с этим импульсом естественнее всего связывать проникновение на территорию лесной и Северо-Восточной Европы монголоидного населения, а также завершение едва намеченного прежде процесса сложения лапоно-

идного расового типа. Переломный характер этого процесса, его связь с образованием угрофинского течения в неолите ямочно-гребенчатой керамики достаточно очевидны. Если учитывать культуру предшествующего периода, включая нарвскую и ее аналоги, устанавливаются довольно поздние хронологические рамки описываемого процесса, его вторичность в процессе сложения неолита северной зоны Восточной Европы.

НЕОЛИТ КАК ПЕРИОД ИСТОРИИ

Неолит Украины на основании последовательного изложения кратких характеристик основных неолитических культур предстает перед нами как особая историческая эпоха, как особый предмет исторического исследования.

Приведенные выше очерки различны по ряду причин, состоянию источников, различия задач, поставленных автором. Несмотря на это, приведенная картина достаточна, чтобы составить общее представление о неолите Украины как о предмете исторического исследования.

В характере описанных выше культур отразилось географическое положение древней территории Украины — на периферии Восточного Средиземноморья, где с местными формами развития переплетались этнокультурные процессы, первоначально возникавшие в Восточном Средиземноморье, в глубинах европейского материка, в Прикамье, в Прибалтике и т. д., а затем охватывавшие обширные территории.

Получил отражение и тот факт, что на территории будущей Украины на протяжении неолитической эпохи существовал целый ряд естественно-географических зон — хвойные леса, чернолесье, степи, горы и морские побережья. Каждая из них наложила отпечаток на развивавшиеся здесь неолитические культуры, которые в зависимости от творческой энергии их создателей, а также в зависимости от занимавшегося ими географического положения и установившихся связей сумели развить различные типы хозяйства — мотыжное земледелие, первобытное скотоводство, рыбную ловлю, охоту и пр.

Возглавляли экономическую революцию, несомненно, скотоводческие племена Приазовья и земледельческие племена буго-днестровской культуры. На противоположном от них полюсе находились племена культуры ямочно-гребенчатой керамики, в новых условиях развивавшие сложившиеся еще в палеолите древние отрасли хозяйства — охоту и рыболовство.

Было показано, как территория Украины неолитической эпохи делилась на этнокультурные области, а они, в свою очередь, делились на меньшие подразделения, отвечавшие локальным культурам, носителями которых были племена различной этнокультурной принадлежности. В от-

дельных случаях удавалось установить территории обитания племен, которые, в свою очередь, делились на сегменты, отражением которых являлись конкретные поселения.

Данные отдельных культур позволяют судить об особенностях религиозно-идеологических представлений и об их вхождении в систему мировоззрения этнокультурных массивов.

Подлежавший исторической оценке антропологический материал не был особенно значительным. И все же появилась возможность более или менее конкретно судить о взаимодействии по крайней мере трех физических типов человека — палеоевропейского, составлявшего главную основу антропологического развития Восточной Европы, а также средиземноморского и монголоидного, неизменно растворявшихся в основном европейском массиве, но обуславливавших возникновение локальных расовых типов.

Неолит Украины показывает, насколько сложным был процесс древнего этнического развития, каким огромным должен быть привлекаемый для его познания материал, насколько, в частности, должны быть обширными его территориальные масштабы, чтобы, в конце концов, появилась возможность судить о путях сложения конкретного этнокультурного массива.

Наконец, в свете приведенных выше данных неолит Украины раскрывается не только в аспекте сложного, но и исключительно длительного хронологически многоступенчатого процесса, начинавшегося и заканчивавшегося в зависимости от конкретных условий конкретных районов в разное время, но в целом длившегося с конца VII и до середины IV тысячелетия до н. э.

Таким образом, возникшие новые исторические условия оказали революционизирующее влияние на развитие первобытного населения различных зон планеты, почти без исключения прошедшего неолитическую эпоху в своих конкретных формах и в свои конкретные сроки.

Можно так же сказать, что неолит был первой стадией первого крупного общественного разделения труда, одной из руководящих особенностей которого было возникновение большинства современных крупных этнических массивов.

Общенсторические процессы, преломляясь в конкретных формах археологических культур, приобретали черты неповторимого своеобразия.

Одним из примеров такого своеобразного этнического единства является наиболее изученная неолитическая культура Украины и Молдавии — буго-днестровская культура. Специальное и глубокое изучение присуших ей материалов поможет исследователю постигнуть содержание как общих, так и частных процессов, происходящих на пограничье больших этнокультурных ареалов Европы и Азии, и во многом по-новому оценить земледельческий неолит Европы.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ БУГО-ДНЕСТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Каждому исследователю известно, что любому вновь выявленному явлению можно присвоить звание недостающего звена, с установлением которого удастся связать разрозненные факты в единую систему. Очевидно, что их значение для прогресса науки, в данном случае археологической, отнюдь не одинаково. Одни из них связывают значительные обособленные факты, другие — соединяют целые разделы.

Буго-днестровская культура принадлежит к числу звеньев высшего порядка. Объясняется это тремя обстоятельствами.

Во-первых, как это видно из дальнейшего изложения, выделенная автором дотрипольская культура является местным субстратом, вошедшим в состав трипольской культуры; во-вторых, она является поистине тем недостающим звеном, с помощью которого связываются в единую систему неолитические культуры Восточной и Центральной Европы; в-третьих, именно эта культура, особенно в наиболее архаичном проявлении, предстает перед ними как часть того южно-европейского ареала, население которого, получив стимул из Восточного Средиземноморья, вступило на путь земледельческого развития еще в пору сложения неолитической культуры.

Сказанное выше объясняет, почему нас уже не удовлетворяет рассмотрение неолита Побужья лишь в качестве местной основы трипольской культуры. Его значение становится более очевидным по мере расширения территориальных масштабов исследований, в настоящее время уже захватывающих бассейн Днестра, что и позволяет ставить вопрос о едином буго-днестровском неолитическом ареале и предполагать его тесную связь с древнейшими неолитическими культурами придунайского Черноморья.

Первые шаги изучения неолита на Ю. Буге относятся к началу 30-х годов, когда здесь работала комплексная археологическая экспедиция,

возглавленная Ф. А. Козубовским, проведшая разведки между Вознесенском и Гайвороном. Экспедицией был выявлен ряд неолитических памятников, раскопаны такие поселения, как Гард и Черный Ташлык (Миколина Брояка)¹, а также вскрыты уникальные погребения у с. Ак-Мечетка (Прибугское)². Занимавшиеся изучением первобытных памятников Ф. А. Козубовский, Е. Ф. Лагодовская и Ф. Н. Молчановский правильно определили возраст большинства исследованных неолитических памятников³.

Изданный экспедицией отчет, ввиду поверхностности и краткости содержащихся в нем описаний, а также из-за отсутствия в нем таблиц с образцами неолитической посуды, мало что дает для характеристики исследованных памятников. Положение осложнялось тем, что вещевой материал раскопок попал в провинциальные музеи и в основном погиб во время войны.

Таким образом, первые раскопки неолитических памятников на Ю. Буге не привели к раскрытию их археологической специфики, что, впрочем, находилось в соответствии с довольно низким уровнем развития неолитоведения во всем Северном Причерноморье — от Дуная до Поднепровья. Справедливость этого утверждения станет более очевидной, если помнить, что на территориях Болгарии и Румынии не было известно памятников более древних, чем Боян, и что они к тому же были неверно датированы⁴. Неверно было определено и хронологическое положение керешской культуры⁵. Только начали поступать первые сведения о приднестровском неолите линейно-ленточной керамики — А. В. Добровольским⁶ и М. Я. Рудинским⁷ ставились вопросы о неолите Надпорожья. Для всей Украины единственно несомненной неолитической культурой была группа памятников с ямочно-гребенчатой керамикой.

К концу 30-х годов относятся работы, проводившиеся на Ю. Буге Одесским музеем (А. В. Добровольский и Е. Ф. Лагодовская), сводившиеся главным образом к изучению триполья (Сабатиновка). К этому же времени относится раз-

ведка А. В. Добровольским ур. Мельнична Круча. В начале 40-х годов Е. Ю. Кричевским была предпринята попытка определить место таких памятников, как Мельнична Круча, в системе неолитических культур Южной Европы. Выдвигая мысль о синкретическом характере местной культуры, Кричевский признавал в ней наличие днепровского элемента, но приписывал ей преобладание черт дунайской культуры линейно-ленточной керамики. Делалось это на основании просмотра в 1940 г. небольшой коллекции, хранившейся в Одесском музее, в составе которой подлинных элементов линейно-ленточной керамики не содержалось⁸.

Автор познакомился с материалами бугской культуры еще в 1940—1941 гг., во время работы над коллекциями надпорожских местонахождений Вовчок и Собачки. Из состава входящего в них керамического материала была выделена группа фрагментов заведомо импортной керамики, вопрос о происхождении которой тогда еще разрешен быть не мог. В частности, оказалось, что в изучаемом материале имелись не только отдельные фрагменты сосудов дунайской культуры, но также и весьма своеобразная группа черепков, содержащих особую травянистую примесь или примесь толченого графита, украшенных композициями угловатого линейно-проглаженного орнамента.

Из названного выше отчета Бугской экспедиции было известно, что на Ю. Буге, в ур. Гард, во время раскопок в сопровождении микролитического кремневого инвентаря встречалась керамика, содержащая в массе примесь графита и украшенная линейным орнаментом⁹. Однако сопоставить обе группы материала в то время не удалось.

Автором первые раскопки на Ю. Буге были произведены после Великой Отечественной войны — в 1949 г. Непосредственным импульсом для них послужили данные А. В. Добровольского и М. Л. Макаревича, которые в 1948 г., исследуя здесь памятники трипольского типа, в ходе разведок попутно подтвердили, что керамические импорты, подобные изучавшимся в 1940—1941 гг., встречались в ур. Мельнична Круча, а также близ местечка Саврань.

С 1949 г. автор возглавил работы Бугской экспедиции Института археологии АН УССР. В них деятельное участие принимал М. Л. Макаревич, продолжавший исследовать памятники раннетрипольского времени, что в целом координируется с исследованием неолитических памятников дотрипольского возраста и культурной принадлежности¹⁰.

Существенным достижением экспедиции 1949 г. явились раскопки двух разновременных неолитических поселений в Сабатиновке (Мельнична Круча) и Саврани, разведки поселения

Гард, а также выявление на II раннетрипольском сабадиновском поселении нижнего слоя, характеризующегося небольшими полуземляночными жилищами, давшими чрезвычайно характерный архаический трипольский материал¹¹.

Начальному этапу полевых работ вполне отвечал сравнительно скромный объем проведенных в 1949 г. раскопочных работ (на Мельничной Круче и на савранском поселении было раскопано не многим более 200 м²).

Возобновить работы на Ю. Буге удалось только в 1955 г., когда возглавляемая автором группа продвинулась в район Завалье — Первомайск, а сотрудник экспедиции П. И. Хавлюк провел разведки севернее, в районе Ладыжин — Брацлав. Этими работами была подтверждена самобытность местной неолитической культуры, подразделенной тогда на две фазы¹².

В 1955 г. были завершены раскопки савранского поселения, получены ценные материалы при раскопках поселения в ур. Миколина Брояка (Черный Ташлык), открыты поселения близ хут. Жакчик, у Березовской ГЭС и у с. Завалье Гайворонского района Кировоградской области, что разрешило в культурно-историческом комплексе бугской дотрипольской культуры увидеть значительно больше элементов, чем прежде, а также дало возможность уточнить хронологический диапазон этой новой неолитической культуры.

Объем земляных работ в сравнении с 1949 г. несколько возрос — всего в 1955 г. было раскопано около 250 м² площади поселений. Особую сложность представляли работы на Миколиной Брояке, где культурный слой залегал на необычно большой глубине — около 4 м от поверхности.

Достижения полевых работ 1949 и 1955 гг. были суммированы в обобщающем докладе автора «Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры», прочитанном на VIII конференции Института археологии в 1956 г.¹³

Летний сезон 1957 г. и вслед за ним сезон 1958 г. явились переломным моментом в изучении дотрипольского неолита Побужья. В ходе предпринятых П. И. Хавлюком в 1956 г. разведок на участке Ладыжин — Брацлав, главным образом у сел Сокольцы и Глинское, было установлено наличие поселений, пригодных для стационарных раскопок¹⁴, т. е. возникла возможность передвинуть работы экспедиции в более северную полосу среднего Побужья.

Пробные раскопки, предпринятые автором у с. Глинское и особенно у с. Сокольцы, привели к открытию раннего этапа дотрипольского неолита, а также содействовали установлению факта синхронности и родства памятников типа Мельничной Кручи с керешской культурой.

Достижением этого же историографического периода явились раскопки таких эпонимных памятников, как Печора и Самчинцы (п. II), с помощью которых были установлены соответствующие фазы развития местной неолитической культуры. Следует подчеркнуть, что уже в 1957—1958 гг., когда в общей сложности было раскопано свыше 1500 м² площади, обособленность и распространенность выделенных ранее культурно-хронологических подразделений — печерского и самчинского — подтвердились и на других, отличавшихся сложной стратиграфической картиной памятниках, например Сокольцы II и Сокольцы VI. Следует подчеркнуть, что именно в эти годы стало ясно, что стратифицированных памятников неолитической эпохи на Ю. Буге гораздо больше, чем однослойных.]

Установлению этого исключительно важного факта содействовала применявшаяся нами методика фиксирования процесса раскопок — разбивка площади на метровые квадраты, расчистка слоя до съемки материала, нанесение на план всех находок и замеривание точных глубин их залегания. Таким образом, обеспечивалась возможность улавливать бытовые комплексы, например наземные жилища или рабочие места, что в свою очередь содействовало выяснению культурно-исторического комплекса в целом.

В 1959 г. работы экспедиции были проведены в районе строительства Тепликской ГЭС, главным образом на двух островных местонахождениях у с. Скибенцы Тростянецкого района Винницкой области. На каждом из островов, на площади в целом около 500 м², изучалась исключительно полная и сложная в стратиграфическом отношении картина залегания разновременных неолитических остатков, полностью подтвердившая реальность ранее определившихся культурно-исторических подразделений местной культуры, т. е. печерской, самчинской и савранской фаз. Тогда же удалось поставить вопрос о скибенецкой и соколецкой ранне-неолитических фазах развития дотрипольского неолита. В 1958 г. была опубликована статья автора о работах 1949 г.¹⁵ О неолите Ю. Буга был прочитан доклад в Археологическом институте Словакии в г. Нитре, а также на пленуме ИИМК АН СССР в Москве.

В эти же годы молдавским археологом В. И. Маркевичем на Среднем Днестре (район Сороки), где им же прежде были выявлены памятники дунайского типа и типа Зэнэшти-Джулешти, были обнаружены поселения бугского типа, а затем, в последующие годы, доказано их широкое распространение и на Поднестровье.

В 1960 г. на объединенном научном пленуме Института археологии АН СССР и Института археологии АН УССР автором был прочитан доклад «Вопросы периодизации неолита и мед-

ного века Южной Европы в связи с исследованиями на Украине». Основу содержания этого доклада составило опирающееся на ряд стратиграфических наблюдений обоснование пяти фаз в развитии бугской культуры — скибенецкой, соколецкой, печерской, самчинской и савранской.

(В 1960—1961 гг. Бугская экспедиция работала в органической связи с программой создания бугского каскада ГЭС. Работы охватывали бассейн р. Синюхи (Терновская ГЭС), на Ю. Буге район Гайворона — Чернятки, а также район Ладыжина — Брацлава.]

Об объеме полученного в эти годы материала можно судить на основании приводимых ниже данных. В начале 60-х годов были полностью закончены раскопки двух неолитических поселений у с. Сокольцы, поселения на р. Синюхе у с. Владимировка, стратифицированного островного поселения в районе г. Гайворона, (почти полностью раскопано поздне-неолитическое поселение у с. Чернятка, а также выявлен и обследован целый ряд новых неолитических поселений.

Объем проведенных в эти годы работ был весьма значительным (было вскрыто до 3000 м²), найденный материал подтвердил ранее сделанные стратиграфические наблюдения и позволил уточнить представления об экономике, быте, идеологии, хронологии и этнографических группах дотрипольского неолитического населения. Появилась возможность достаточно полной характеристики неолитической культуры Побужья, материалы которой представляют собой новый и весьма важный исторический источник, объединяющий до 50 поселений, размещенных в границах южнобугского бассейна, между Вознесенском и Хмельницким, из которых Саврань, Сокольцы I, Сокольцы VI, Сокольцы II, Шимановское, Базьков остров, Митьков остров, остров Полижок, Владимировка раскрыты полностью, многие другие поселения раскопаны в значительной степени. Сюда же относятся остатки трех небольших могильников, для которых характерен обряд скорченных погребений.]

Значение нового источника усиливается также благодаря работам, начатым на Поднестровье АН Молдавской ССР, где после открытия первых неолитических поселений бугского типа были начаты стационарные раскопки. Кроме того, на Среднем Днестре в прошлые годы открыты такие местонахождения, как Перебыковцы, Большая Мукша, Наславча и др.

С 1949 г. по 1961 г. на поселениях Побужья вскрыто до 6000 м². Фактически это означало исследование значительно больших площадей и, следовательно, большего, чем указывалось, числа поселений, так как многие из изучавшихся памятников оказались стратифицированными,

т. е. характеризовались залеганием на одном месте остатков от двух до четырех поселений.

С последним этапом изучения буго-днестровской культуры связан доклад автора «Вопросы хронологии неолита в связи с исследованиями на Ю. Буге», прочитанный весной 1961 г. в Институте археологии АН УССР. В нем автор выделил особую хмельницкую фазу, намеченную на основании соображений типологического порядка, в частности на установлении контакта местных памятников с нижнедунайской культурой Хаманджия.

Все приведенные выше историографические данные освещали бы вопрос несколько односторонне, если бы не одно немаловажное обстоятельство.

Как это следует из приводимых нами данных, подавляющее большинство обследованных и раскопанных на Ю. Буге и Днестре памятников отличаются сравнительно небольшими размерами и небольшим количеством вещевого материала. В последнем отношении изучаемые памятники не могут идти в сравнение ни с памятниками старчевско-керешского типа, ни с памятниками культуры линейно-ленточной керамики, ни, тем более, с памятниками древнейшего периода трипольской культуры.

Объяснить это различие можно целым рядом сопряженных причин. Во-первых, следует полагать, что большинство изученных ~~неми~~ памятников являлись временными поселениями, располагавшимися близ полей на прибрежных участках или на островах; во-вторых, едва ли может быть взят под сомнение исключительно экстенсивный характер местного земледелия, основанного на мотыжном возделывании почвы; в-третьих, долговременные поселения могут быть открытыми в будущем в совершенно иных топографических условиях — не в речных долинах, а на лессовых террасах, т. е. там же, где располагается большинство раннетрипольских поселений. Вместе с тем сделанная выше оговорка, совершенно необходимая для уточнения перспектив дальнейшего изучения неолита в буго-днестровском ареале Причерноморья, ни в коей мере не обесценивает исследованные памятники как историко-археологический источник. Дело прежде всего в том, что предлагаемые вниманию читателя памятники в отношении состава материала очень разнообразны и сложны, и в этом смысле представляют собой известную противоположность не только, например, памятникам культуры неолита ямочно-гребенчатой керамики, но также и памятникам дунайской культуры линейно-ленточной керамики, отличающихся простотой состава характеризующих их археологических коллекций.

Вполне естественно, что, как всякое новое явление, буго-днестровская неолитическая куль-

тура нуждается в неуклонном пополнении коллекций и во все более полном их исследовательском осмыслении. Однако уже в настоящее время, учитывая целеустремленность и результативность проведенной работы, мы вправе заключить историографическое вступление утверждением, что буго-днестровская неолитическая культура является наиболее исследованной неолитической культурой Украины, заслуживающей стать основой значительного историко-археологического построения.

ПРИНЦИПЫ ИЗЛОЖЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Способ и порядок изложения недостаточно известного в археологической литературе материала буго-днестровской неолитической культуры представляет определенные трудности. Во-первых, многие поселения в силу стратифицированного залегания на них разновременных археологических остатков представляли собой, по существу, несколько сменявших друг друга поселений. Это обстоятельство, особенно важное для воссоздания периодизации, ставило дилемму — для большей рельефности историко-культурных характеристик требовалось или расчленить единый геолого-археологический комплекс на несколько слоев и давать их описание, или же придерживаться принципа описания памятника в целом.

Во-вторых, в связи с наличием некоторого количества однослойных, в своем роде эпонимных памятников, казалось бы, существует возможность разместить материал по принципу сопоставления его с эталонами эпонимных поселений, а уже затем перейти к описанию стратифицированных местонахождений. Такая возможность оказалась нереальной — однослойные поселения в основном относятся к поздней поре и соответствующих однослойных эталонов для всего хронологического протяжения культуры не хватает.

В-третьих, некоторые памятники, важные с точки зрения оценки плотности заселения территории, не подвергались систематическим раскопкам. Материал их крайне ограничен, а датировка памятников в целом оставалась не установленной.

В-четвертых, возникали трудности и при соблюдении территориального принципа размещения материала. Количественно явно преобладает материал с Ю. Буга, а на Днестре все еще делаются первые шаги изучения памятников интересующего нас типа.

В основу описания положен реальный памятник, в характеристике которого подчеркивается главное. Данные эпонимных памятников использованы как вспомогательное средство. Так, на-

пример, возник связанный с наименованием довольно скромного однослойного эпонимного памятника Самчинцы термин — самчинская фаза, несмотря на то что имеется немалое количество памятников, где самчинский слой был гораздо более богатым, чем на эпонимном памятнике. Нераскапывавшиеся, датирующиеся неолитом поселения учтены при составлении карты памятников. В основу археологической характеристики культуры положены памятники южно-бугского бассейна, а памятникам Поднепровья посвящен небольшой раздел — «Первые памятники на Днестре».

Следует также указать, что в предлагаемой вниманию читателя главе несколько особняком стоит раздел, посвященный вопросу о мезолите Северо-Западного Причерноморья. Объясняется это как сложностью самого материала, так и своеобразием поставленной задачи — дать обзор возможно более широкой территории, без чего представление о начальных этапах формирования неолитической культуры нельзя было бы составить.

ГЛАВНЫЕ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Успех изучения вопросов относительной хронологии любой археологической культуры в решающей степени зависит от наличия местонахождений с непотревоженным последовательным залеганием на разных глубинах разновременных остатков одной и той же культурной принадлежности, т. е. от установления геологической последовательности залегания археологических остатков. Это положение в полной мере касается и археологических остатков буго-днепровского неолита. Уже отмечалось, что одной из особенностей памятников этой культуры является довольно большое число стратиграфических залеганий, позволяющих говорить об исходных естественно-исторических основаниях местной археологической периодизации и датировать возраст отдельных элементов голоценового рельефа.

С точки зрения геоморфологических условий исследовавшиеся на Ю. Буге неолитические памятники представляют довольно однообразную картину. Большинство их располагаются на уровне первой надпойменной террасы. Все обследованные нами поселения были открыты на основании одного практически неизменного признака: по наличию подмытых рекой береговых суглинистых обнажений, сопровождающихся небольшими осыпями, в которых находились кости животных, раковины *Uplio* или обычный археологический материал.

Типичный разрез надпоймы характеризуют следующие перечисляемые сверху геологические

данные: почвенный слой, переходный горизонт, делювиальный лессовидный суглинок желтого цвета, серый переходный суглинок, серый седиментированный аллювиальный суглинок, иногда обогащенный измельченной водой ракушкой. Такими по характеру геологических наслоений оказались I и II поселения у с. Сокольцы, поселения в ур. Заньковецкое II, Шимановское, у с. Глинское, у с. Самчинцы, на Базьковом и Митьковом островах, у с. Печеры, с. Соломия, у с. Жакчик, отчасти поселение в ур. Мельнична Круча и многие другие.

Археологический материал неолитического возраста на этих поселениях (если он не был случайно потревожен) залегает в желтоватом лессовидном суглинке или в подстилающем его оглеенном горизонте, налегающем на серый седиментированный суглинок, который в археологическом отношении уже стерилен. В силу промежуточного характера названного выше переходного горизонта определить его по цвету, особенно в сыром состоянии, нелегко, но он может быть определен на ощупь — по оглеенности, соответствующей вязкости, в то время как лессовидный суглинок скорее обнаруживает тонкую пылеватую текстуру.

Различаются все эти подразделения суглинка по археологическому содержанию. Так, например, в желтом лессообразном суглинке на различных глубинах можно было встретить непотревоженные залегания с остатками самчинского и савранского типа (их археологические характеристики приводятся особо), а также очень редкие, но также непереотложенные залегания материалов ранней и развитой поры триполья (от типа Сабатиновка II до типа Петрены). Эти наблюдения говорят о весьма значительной хронологической протяженности процесса аккумуляции этой делювиальной породы. По-видимому, прекращение процесса аккумуляции желтого лессовидного суглинка произошло относительно поздно. Об этом, например, говорит тот факт, что лишь позднетрипольские материалы кошиловецкого типа уже залегают в переходном к почве горизонте, т. е. в современном подпочвенном слое.

Стратиграфически переходному серому суглинку отвечают отложения бескерамического неолита (нижний слой поселения Заньковцы II), ранне-неолитического возраста (нижние слои Базькова и Митькова островов, нижний слой Сокольцы II), а также, вероятно, в какой-то мере и археологические остатки времени развитого неолита (Печера, нижний слой Сокольцы VI).

В особую группу памятников необходимо выделить местонахождения, которые по причине своеобразия их геологического строения можно назвать поселениями савранского типа. Свое-

образе их строения заключается в том, что на них лессовидный суглинок отсутствует вообще и его место занимает тяжелый серо-зеленый суглинок, подстилающий современный почвенный покров и покоящийся на аллювиальных отложениях—обычно на сером аллювиальном суглинке, подстилаемом галечником.

Как показало изучение района чернятского поселения, как бы вписанного в геологический контекст обычных поселений*, подобные геологические условия возникали на относительно низких, т. е. довольно поздно вышедших из-под воды, участках древней прибрежной полосы.

Приведенные выше данные позволяют воссоздать примерно следующую картину использования древним населением постепенно изменявшейся прибрежной части местного ландшафта.

Неолитические поселения возникали на надпойме Ю. Буга именно в ту пору голоцена, когда из-под воды впервые выходили те прибрежные участки дна реки, которые затем становились основанием современной надпойменной террасы — высокой поймы. Одновременно происходила аккумуляция сероватого суглинка, отличающегося от подстилающей одноцветной аллювиальной породы меньшей степенью седиментации и отсутствием перетертой ракушки, что можно объяснить действием местных делювиальных факторов, т. е. перенесением отмученного суглинка с более высоких участков на прибрежные. Напоминаем, что со временем аккумуляция этой породы совпадает период отложения остатков бескерамического, раннего и развитого периодов неолита.

Далее следует второй геологический период голоцена, для которого характерен более быстрый темп культурного и экономического развития. В геологическом смысле это было время аккумуляции желтого лессовидного суглинка, хронологически совпадающее с развитым и поздним неолитом, а также отчасти с ранним и развитым трипольем. Создается впечатление, что аккумуляция этой породы происходила в обстановке прогрессирующего понижения базиса эрозии, когда делювиальные процессы распространялись на значительную глубину прибрежной лессовой террасы.

По-видимому, время максимального понижения базиса эрозии, а с ним и выход из-под воды новых прибрежных участков дна реки непосредственно предшествуют времени возникновения поселений савранского типа.

Имеются основания полагать, что между этой ископаемой почвой, хронологически охватившей

поздний неолит и раннее триполье (Чернятка), и перекрывающим ее современным прибрежным почвенным покровом нет непосредственной генетической связи. Более вероятно, что вслед за временем накопления ископаемой почвы следовал непродолжительный период более высокого стояния вод в Ю. Буге, когда были размыты значительные участки берега, и в частности поверхность ископаемой почвы. В пользу этого говорят некоторые факты.

Во-первых, видимо, именно в это время многие из местонахождений на какое-то время превращаются в островные и, следовательно, сильно сокращаются в размерах (поселения в районе с. Соколы и др.).

Во-вторых, во время раскопок в районе Саврани под современным почвенным покровом удалось проследить следы древнего размывания поверхности названной выше суглинистой серой ископаемой почвы, заключавшей сильно фосфоризированное коллективное погребение, потрескавшиеся кости которого как бы распознаны в этой некогда раскисавшей породе.

Определить время размыва нелегко. Можно только предположить, что произошло это скорее всего в бронзовом веке. В пользу такого предположения говорят следующие данные. В районе с. Соколы, в современном подпочвенном слое залегают не потревоженные остатки позднетрипольского времени. В основании почвенного слоя, в частности на берегу древней промоины, залегают материалы комаровской культуры. В самом почвенном слое, уже на берегу современной промоины, лежат остатки славянской культуры начала н. э. Важно также указать, что основные соколецкие неолитические местонахождения, находящиеся на современном берегу реки, отделены от коренного берега широкой проходной долиной, заполняемой водой во время половодий.

Таковы условия, характеризующие геологическую сторону памятников, в основном поселений, находящихся на уровне прибрежной (надпойменной) террасы. Вполне очевидно, что наряду с ними имеют значение и факты чисто геоморфологического порядка, например факт топографической приуроченности к лессовой террасе мезолитических, а затем и хронологически от них оторванных позднелитических и раннетрипольских памятников. Как увидим ниже, эта общность, присущая разновременным памятникам названного геоморфологического признака, была обусловлена совершенно различными причинами.

Как на Ю. Буге, так и на Днестре, и на Днепре эпилеолитические и мезолитические памятники неизменно обнаруживаются на уровне третьей (первой лессовой) террасы, что от-

* Следы более древних поселений, определяющихся присутствием желтого лессовидного суглинка в этом районе, отмечены в двух местах — на левом берегу Ю. Буга, несколько ниже исследовавшегося поселения, а также напротив последнего, на правом берегу реки.

части сближает их с некоторыми позднепалеолитическими местонахождениями.

Иногда они находятся довольно далеко от современной долины реки (Большая Аккаржа¹⁶, Гребеники¹⁷), а иногда подступают непосредственно к ее течению (Михайловка¹⁸), что в целом говорит о сильном, происходившем уже в голоцене изменении прежних топографических условий.

В настоящее время известно уже немалое количество мезолитических памятников, которые в геоморфологическом плане связаны с охарактеризованными выше условиями, т. е. органически приурочены к уровням склонов лессовой террасы (несколько пунктов у с. Владимировки на р. Синюхе, в районе с. Завалье на Ю. Буге, Гребеники, Михайловка и др. на Днестре). Следует отметить среди них несомненно архаико-неолитическое местонахождение — Синюхин брод на р. Синюхе, отвечающее памятникам типа Кукрек из Крыма¹⁹ или докерамическим горизонтам поселения у Каменной Могилы²⁰.

Высокие отметки этих местонахождений, а иногда и удаленность их от современной долины реки говорят о том, что все они существовали в обстановке высокого стояния вод и при значительной влажности климата.

Большинство таких местонахождений, в отличие от палеолитических и неолитических памятников, сильно эродированы, и представляющий их материал — кремни без сопровождения фауны — или рассредоточен в почве, или же, будучи сильно патинизированным, уже лежит на современной поверхности.

Вполне очевидно, что такое почти повсеместное разрушение мезолитических и архаико-неолитических памятников было обусловлено прогрессирующим иссушением климата и сопутствующим ему понижением базиса эрозии. Из позднейших причин следует также учитывать и антропогенный фактор — вырубку лесов, вытолакивание пастбищ скотом и распахивание плато, вызывающие, в свою очередь, немедленную реакцию природы — рост системы оврагов, смыв почвенного покрова и обнажение поверхности суглинков.

Замечено, что в позднем неолите наметилась тенденция к изменению топографических условий поселений буго-днестровской культуры — некоторые из них размещаются на склонах плато.

Следы таких поселений уже достаточно широко известны: находка керамики, близкой к тордошской (иного сравнения найти не можем! — В. Д.), залегающей ниже трипольских остатков в Сабатиновке I*, находки типичной савранской клиновидной мотыги на трипольском поселении

* Установлены автором при работе с коллекциями в фондах Одесского музея еще в 1940 г.

в с. Печера²¹ на Винниччине, находки материалов конца неолитической эпохи, ниже позднетрипольского слоя, у с. Сандраки, также на Винниччине, следы поселения на одном из высоких урочищ в с. Наславча Атакского района Молдавской ССР²² и др.

Этот факт прежде всего важен как критерий для хронологического расчленения материала. Однако в нем несомненно отразился не столько естественно-исторический, сколько экономический момент. Объясним эту мысль несколько подробнее.

Если топографическая связь позднейших палеолитических и мезолитических поселений со склонами современной лессовой террасы была обусловлена высоким уровнем вод в реках, то поздненеолитическое население больше не удовлетворяла эксплуатация одной лишь долины реки, зона хозяйственного использования территории расширяется за счет склонов лессовой террасы. Поселения, таким образом, устраиваются и на берегах рек, и на склонах террасы, вероятно уже на местах выхода родников.

По-видимому, уже в это время наметилась та же противоречивая тенденция в расположении поселений, которая отражается в топографическом дуализме раннетрипольских поселений (Сабатиновка II²³ и Лука-Врублевецкая²⁴). То же наблюдается в развитии триполье²⁵.

В приведенном выше ряде фактов мы имеем дело с поступательным развитием одного и того же процесса. То, что население буго-днестровской культуры углубляется в дубравы, едва ли диктовалось соображениями дальнейшего развития охоты. Время доминирования последней постепенно уходило.

Неуклонно растущей тенденцией экономического развития всего южноевропейского общества этого времени являлось усовершенствование техники земледелия. К этому времени, очевидно, уже совершился переход от мотыжного земледелия к древнейшему пашенному.

О МЕЗОЛИТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Переход от палеолита к неолиту, сопровождавшийся коренным и стремительным поворотом в экономическом развитии общества, был обусловлен доминированием лучной охоты*. Последнее

* Несмотря на то что в историко-археологической науке понятия эпипалеолит и мезолит получили широкое распространение, мы считаем, что они в значительной степени условные. Экономическая революция первобытности — переход от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию, а не что-либо другое — составляет исторический рубеж перехода от палеолита к неолиту. Исходя из сказанного, можно выразить уверенность, что в меру развития наших знаний об экономике первобытности от таких понятий, как эпипалеолит, мезолит и даже докерамический неолит, придется отказаться.

привело к глубокому изменению всего существовавшего долгие тысячелетия строя материальной культуры. Именно это обстоятельство много лет назад обусловило возникновение представления о Hiatus'e, согласно которому у неолита не было преемственной связи с палеолитом²⁶.

Если теорию Hiatus'a и нельзя оправдать, условия ее возникновения понять нетрудно. Дело в том, что между позднепалеолитическими, например мадленским и мезолитическим, культурными комплексами общего, действительно, очень мало. Понять это различие нелегко прежде всего потому, что сущность процесса экономического развития этого времени долго оставалась еще не раскрытой. Происходило это не только по причине малого интереса к вопросам экономики у буржуазных археологов, но и в силу состояния самих археологических источников. В самом деле, наиболее массовый археологический материал этого времени — кремневый инвентарь, — будь то происходящий из капсийских местонахождений Северной Африки, или свидеро-тарденуазских местонахождений Прибалтики, или, наконец, инвентарь, собранный на яйлах в Крыму, в пору существования теории Hiatus'a из-за значительной разрушенности подавляющего большинства археологических местонахождений неизменно оставался неполным по составу, что вместе со скудностью данных о занятиях населения периода мезолита лишало исследователей возможности судить об исторической специфике периода.

Не чем иным, как непосредственным отражением теории Hiatus'a, можно объяснить, что до сравнительно недавнего времени в науке не было единого мнения относительно реальности факта заселенности в мезолите таких важных в плане культурно-исторического развития частей Европы, как Балканы²⁷, а также Нижнего и Среднего Подунавья²⁸.

В настоящее время в изучении мезолитического периода на поименованных выше территориях, важных для понимания соответствующих явлений на Украине, уже сделаны определенные шаги. Некоторые достижения в этой области мы должны будем рассматривать, так как они имеют непосредственное отношение к вопросу о характере мезолита всего Северо-Западного Причерноморья.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ НА УКРАИНЕ

Для территории Украины можно наметить, по меньшей мере, три особых области развития мезолитической культуры.

Первая из них, наиболее изученная, — Крымская, с достаточной полнотой определилась как область лучшей охоты с преобладанием в крем-

невом инвентаре так называемых капсийских черт, которым в виде особых наконечников стрел сопутствуют черты свидерского культурно-исторического комплекса²⁹.

Ко второй относится хорошо определенная свидерская область лучных охотников, занимающая Северо-Западную Украину, смежную часть Белоруссии и страну классических местонахождений Свидера — Польшу³⁰.

К третьей области, размеры и очертания которой все еще недостаточно ясны, мы относим ряд разновременных местонахождений на днепровских порогах. Благодаря таким многослойным местонахождениям, как Осоковровка и Ямбург, а также таким однослойным памятникам, как поселения на Сурском острове, Балка Вороная, Васильевка и др. *, мы можем заключить, что присущие этой территории памятники также оставлены лучными охотниками, однако свойственная им культура существенно отличается от материальной культуры Крыма или свидерской, но, по-видимому, составляет единое целое с памятниками Донечины.

Памятники Днепровского Надпорожья существенно отличаются от крымских рядом важных особенностей. Одна из них та, что в числе вкладышей геометрических очертаний в составе местных коллекций кремневого инвентаря, по существу, нет вкладышей треугольной и сегментовидной формы. Группу геометрических вкладышей этой территории почти безраздельно представляют крупные, обычно высокие трапеции, существенно отличающиеся от широких, изящно отделанных трапеций крымских местонахождений.

На Северо-Западном Причерноморье были получены первые данные о местном мезолите, и вопрос об этом важном периоде для понимания древней подосновы местного неолита ставится уже не в плане подтверждения заселенности территории в послепалеолитическое время, а в плане выяснения специфики местной мезолитической культуры.

Памятники этого периода в настоящее время известны как для бугской, так и для приднестровской части Причерноморья, и вопрос о специфике местного мезолита в настоящее время уже может решаться на достаточной фактической основе.

КОНЕЦ ПАЛЕОЛИТА

Рассмотрение вопроса о своеобразии буго-днепровского мезолита естественнее всего начать с краткого обзора и сравнительного анализа

* Фонды ИА АН УССР в Киеве, неизданные материалы.

местных памятников конца палеолитической эпохи.

Это необходимо сделать уже хотя бы потому, что С. Н. Бибиковым было высказано мнение о генетической связи триполья с поздним палеолитом Поднестровья³¹, а А. П. Черныш в

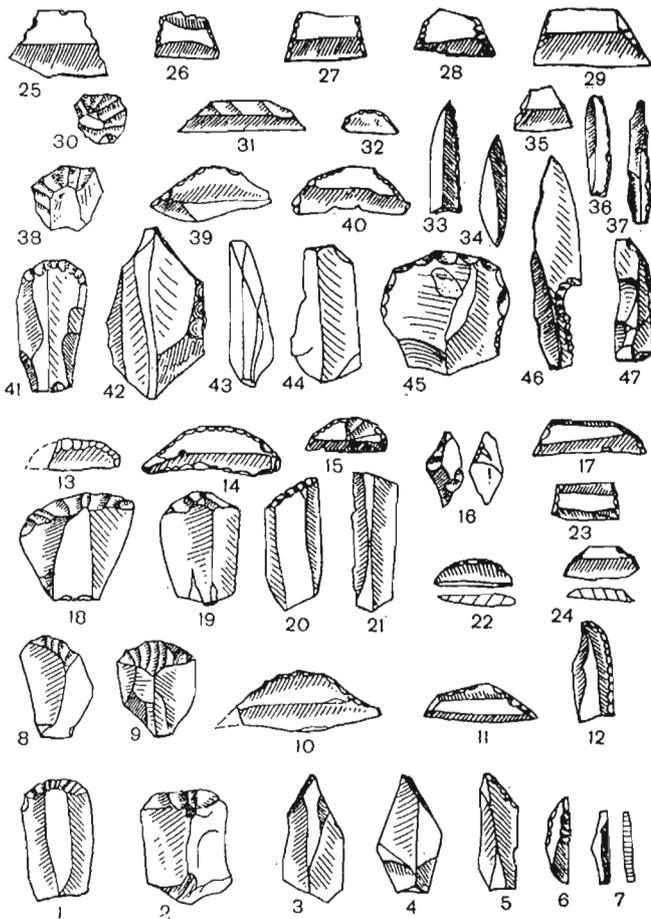

Рис. 7. Изделия из кремня.

1-7 — Большая Аккаржа (конец палеолита); 8-12 — Михайловка (ранний мезолит); 13-24 — Плопшор, Ироаве и другие местонахождения в Румынии (развитый мезолит); 25-47 — аналогии из поселений в Болгарии.

противоположность ему отстаивает мысль о том, что памятники наподобие верхних слоев Молодова V или Владимировки как раз и отражают существование особого типа мезолита без геометрических форм³².

Хотя оба эти положения и не нашли подтверждения в материале, они все же ставили сложный вопрос о генетической связи местного палеолита с более поздними культурами.

Вопрос о характере позднейшего палеолита Причерноморья был поставлен автором несколько лет назад в ходе работы над датировкой могильников волошского типа³³. Тогда был сделан вывод о том, что в Днепровском Надпорожье для времени, следующего за исчезновением фау-

нистического комплекса мамонта, отмечается две фазы развития культуры. Первая фаза характеризуется фауной бизона и северного оленя, а также микролитическим комплексом кремневых орудий без геометрических форм. Заметное место занимают небольшие наконечники стрел в виде острия с притупленным краем и острия со скошенным концом³⁴. Вторую фазу определяет инвентарь шан-кобинского типа: трапеции и треугольники геометрической формы, свидерские наконечники стрел³⁵.

В основном исследовании последних лет подтвердили не только предложенное расчленение культуры, но и то, что Надпорожье представляет собой локальный эпизод — небольшое пятно на территории обширной Причерноморской культурно-исторической провинции.

Поэтому речь прежде всего должна идти об открытии стоянки Большая Аккаржа под Одессой³⁶, близкой к Амвросиевке³⁷ как в отношении исключительного преобладания бизона в списке фауны, так и в отношении безраздельного доминирования игольчатых острий и пластинок с притупленным краем³⁸. О позднем в системе четвертичного периода возрасте этого памятника говорят и условия залегания археологического материала на древнем берегу пересохшей речки Аккаржа, на границе буроватой подпочвы и лесса³⁹. Хотя подобные условия и отличаются от индивидуальных условий Амвросиевки⁴⁰, они весьма близки к картине, наблюдаемой во Владимировке⁴¹, Журавке⁴², на могильниках волошского типа⁴³ и др.

Сближению с Амвросиевкой и другими памятниками сходного типа не противоречат и другие элементы кремневого инвентаря аккаржинской стоянки — небольшие нуклеусовидные орудия, резцы различных типов — пластинчатые, сформованные на коротких ножевидных пластинках, концевые и двусторонние скребки, а также острия с краевой двусторонней ретушью или со скошенным ретушью концом (рис. 7, 1-7).

Своеобразие Большой Аккаржи и Амвросиевки и сходство их с некоторыми памятниками Кавказа навело П. П. Ефименко на мысль о том, что подобные памятники появились в Азово-Черноморском районе в результате проникновения части кавказского населения.

Отрицать такую возможность не приходится. Однако уже теперь можно высказать предположение, что в памятниках рассматриваемого типа мы имеем дело с явлением более крупного масштаба, охватывающим обширные пространства Большого Средиземноморья. Трудно было бы настаивать на приложении к рассматриваемому типу культуры термина гримальдийский или граветтский, ибо и тот и другой, хотя и не в одинаковой степени, были насыщены теми элементами, которые уведут нас в обширный южно-среди-

земноморский мир капсия. Насколько можно судить, памятники интересующего нас типа составят единую цепь явлений, простирающихся от Кавказа до Пиренейского полуострова включительно. Несомненно, в число таких периферийно-капсийских памятников войдут Гваржилас—Клдэ на Кавказе⁴⁴, стоянка у Танаиса на Дону⁴⁵, Амвросиевка в Приазовье⁴⁶, отчасти верхний горизонт Сюрени I в Крыму⁴⁷, нижние слои в Осокоровке и Ямбурге, верхние слои Кайстровой балки IV и Волошский могильник в Надпорожье⁴⁸, Журавка на Среднем Днепре⁴⁹, Большая Аккаржа, Бачо-Киро в Болгарии⁵⁰, пещера Сеиди в Греции⁵¹, V—IX слои Цервеной Стены в Черногории⁵², Камегг и пещера Гуденус (верхний слой) в Австрии⁵³, позднемадленский слой в гроте Мартине во Франции⁵⁴ и многие другие.

Общность между названной выше группой памятников и таким более древним культурно-историческим пластом, как гримальдиен, очевидно⁵⁵. В частности, древность памятников гримальдийского типа в свое время позволила П. П. Ефименко именно с ними связывать памятники типа нижнего слоя тельмановской стоянки и говорить о связи с ним негроидного погребения с Маркиной Горы⁵⁶.

Хронологическое различие между рассматриваемыми явлениями, т. е. гримальдиеном, Большой Аккаржой, Волошским могильником, — громадно. Между ними лежит основная часть хронологического протяжения позднего палеолита, включающая немалую часть ориньяка, солютре и мадлена, что в представлении многих исследователей покрывается понятием граветтиена⁵⁷. До сих пор на территории Украины и смежных с ней территориях Средней Европы ничего подобного нижнему слою тельманской стоянки встречено не было. Это позволяет думать о восточно-прикавказском пути проникновения среднедонского гримальдиена. Учитывая то обстоятельство, что до времени проявления поздних памятников с микролитонидной индустрией на всей очерченной выше территории — от Кавказа до Атлантики — существовал особый тип культуры, распадающийся на многие локальные культуры, который можно условно назвать граветто-мадленским, для которого характерен крупный кремль, можно думать, что явление микролитизации кремня, наступившее в критический момент перехода от палеолита к мезолиту с геометрическими формами, с одной стороны, помещаются в хронологически узкий горизонт, а с другой — связаны с наступившим сразу же после окончания ледникового периода притоком внеевропейского средиземноморского населения.

В связи с тем, что памятники типа Большая Аккаржа — Волошский могильник отличаются от поселения у Каменной Балки на Дону (Танаис), можно предположить о наличии в этом притоке

в границах Восточной Европы по крайней мере двух течений — с запада (Большая Аккаржа) и востока (Танаис), огибавших Черное море.

Как это показывают ранние мезолитические комплексы Причерноморского Поднепровья, кремневый инвентарь этого времени утрачивает микролитические черты, и заметное место в нем начинают занимать двусторонние и округлые скребки гонцовско-борщевского типа, а из геометрических форм появляются одни лишь крупные трапеции. Сказанное позволяет думать, что поворот в развитии культуры связан с каким-то внешним импульсом, возможно выразившимся в расселении со среднего Днепра (Гонцы) на юг и восток (Борщево II) какой-то кроманьонской группы населения.

Таким образом, на очерченной выше территории, включающей Причерноморское Надпорожье, Приазовье и Донечину (Рогалик-Акимовская группа памятников), произошло растворение пришлого — капсийского типа культуры.

Направление антропологического развития, охватившего Днепровское Надпорожье, а возможно, и Донечину, также в достаточной степени ясно. Оно шло от Волошского могильника, с присущими ему средиземноморскими и негроидными типами людей⁵⁸, к могильникам васильевской группы, где древняя кроманьонидность постепенно побеждает⁵⁹. В стороне от этого процесса, по-видимому, оказались только Крым, где возникли памятники шан-кобинского типа, и Северный Кавказ, где известны памятники типа Сосруко⁶⁰, подобно крымским памятникам обнаруживающие органическую связь с капсийским Восточным Средиземноморьем.

РАННИЙ МЕЗОЛИТ

Из числа мезолитических памятников, известных в Северо-Западном Причерноморье, одним из наиболее древних является недавно открытое поселение у с. Михайловки Саратовского района Одесской области. Исходя из анализа опубликованных данных, можно заключить, что поселение это возникло на древнем правом лессовом берегу р. Сараты, старое русло которой в настоящее время имеет характер непроточной старицы. Позднее река меняла свое русло, и поселение оказалось между современным правым берегом реки и старицей.

Геолого-стратиграфические условия характеризуются следующими данными: грунтовый покров и подпочва — 0—0,8 м; лессовый суглинок — 0,8—2,0 м; супесчаные тонкослойные отложения, в которых пролегает современное русло реки, — 2,0 м и глубже⁶¹.

Эти условия аналогичны тем, которые отмечаются и для синстадиальных памятников Над-

порожья, с той разницей, что надпорожские местонахождения отличаются большими высотными отметками и несколько большей мощностью характеризующих их геологических наслоений⁶².

Археологический материал из Михайловки, главным образом, найден в осыпи, у обрыва. Наибольшая концентрация вещевого материала находится на глубине около 0,7 м в переходной к почве части лессовидного суглинка.

Археологический материал состоит из кремневых орудий, отходов от их изготовления, а также мелко раздробленных костей, нередко обожженных. Число кремневых изделий определяется десятками, количество бесспорных орудий достигает 40*.

Несмотря на немногочисленность, материал вполне диагностичен. Его, в отношении кремневого инвентаря, характеризуют грубоватые пирамидальные нуклеусы, довольно неправильные ножевидные пластинки небольших размеров, небольшие скребки округлых очертаний, сформованные на отщепках, и, наиболее показательная форма, довольно грубые сегменты, которые не могут быть моложе сходных орудий из азийско-таурдонуазских горизонтов крымских местонаждений⁶³ (рис. 7, 8—12).

Подчеркиваемое в публикации отсутствие в составе коллекции таких геометрических форм, как трапеции и треугольники, а также пластинок с ретушированным краем нельзя считать достоверными признаками памятника, ибо материал последнего еще мал. И все же можно согласиться с опубликовавшими материал В. Красковским и А. Кремером, относящими его к довольно ранней поре мезолита или, точнее, к эпипалеолиту (поздний азий)⁶⁴.

Следует лишь заметить, что использование в качестве аналогии материалов из верхних слоев Владимировки едва ли удачно, так как в составе их инвентаря вообще нет настоящих орудий геометризированных очертаний. В культурно-хронологическом плане между поздней Владимировкой и Михайловкой предполагать одно раннеазийское звено недостаточно.

Заполнению разрыва между верхними слоями Владимировки и Михайловки в некоторой, правда, довольно еще незначительной, степени могут содействовать некоторые данные, полученные бугской экспедицией в последние годы на р. Синюхе в районе Владимировки.

Во-первых, следует отметить найденный в районе Владимировки черенковый наконечник стрелы более примитивного облика, чем свидерские (рис. 8). Особый интерес представляет обнаруженное на высоком (до 30 м) правом лес-

совом берегу р. Синюхи к северу от Новоархангельска поселение, археологические остатки которого занимали в толще лесса более высокое положение, чем верхние слои Владимировки. Залегая в переходном к почве горизонте лессовидного суглинка, представляющие этот памятник материалы, будучи более поздними, чем верхние слои Владимировки, вместе с тем отра-

Рис. 8. Владимировка. Раннемезолитический наконечник стрелы.

жают своеобразный историко-археологический комплекс. Поселение дало примерно столько же находок, сколько Михайловка. Инвентарь составляют небольшие, довольно неправильные пластинки, пирамидальные нуклеусы средних размеров, а также большое количество округлых скребков, сформованных на отщепках. Несмотря на то что в составе собранной коллекции более показательные формы — геометрические или острия с ретушированным краем — отсутствовали, о возрасте памятников с подобным составом кремневого инвентаря можно судить с достаточной точностью, опираясь на данные других коллекций.

Исходя из геолого-стратиграфического положения находок (в подпочве), а также из того, что подобные скребки, нуклеусы и сходные вещи отсутствуют в верхних слоях Владимировки, как отсутствуют они и в составе инвентаря многих ее аналогов, и учитывая их присутствие в составе всех раннемезолитических комплексов, можно не сомневаться в послевладимирском возрасте этой находки (рис. 9, 1—12).

Отмечая сходство Михайловки и ее менее выразительных аналогов с материалами обширной серии крымских местонаждений⁶⁵, с материалами такого северокавказского памятника, как нижние слои грота Сосуко⁶⁶, особое внимание следует обратить на еще большее сходство этих памятников с западными местонахождениями, находящимися в Румынии и Болгарии, т. е. именно там, где впоследствии возникают типы неолитической культуры, близкие к буго-днестровской. В этой связи прежде всего следует отметить группу олтийских местонаждений, в свое время выявленных К. С. Николеску-Плопшор⁶⁷.

* К настоящему времени памятник полностью раскопал В. И. Станко и... переименовал в Белолесье.

К числу памятников, близких к Михайловке по возрасту и по составу кремневого инвентаря (небольшие скребки, некоторые уже округлой формы, призматические пластинки, а главное — сегменты), относится целый ряд местонахождений, опубликованных К. С. Николэеску-Плопшор (рис. 10, 13—24). Материалы были получены в результате сборов на поверхности, так как отме-

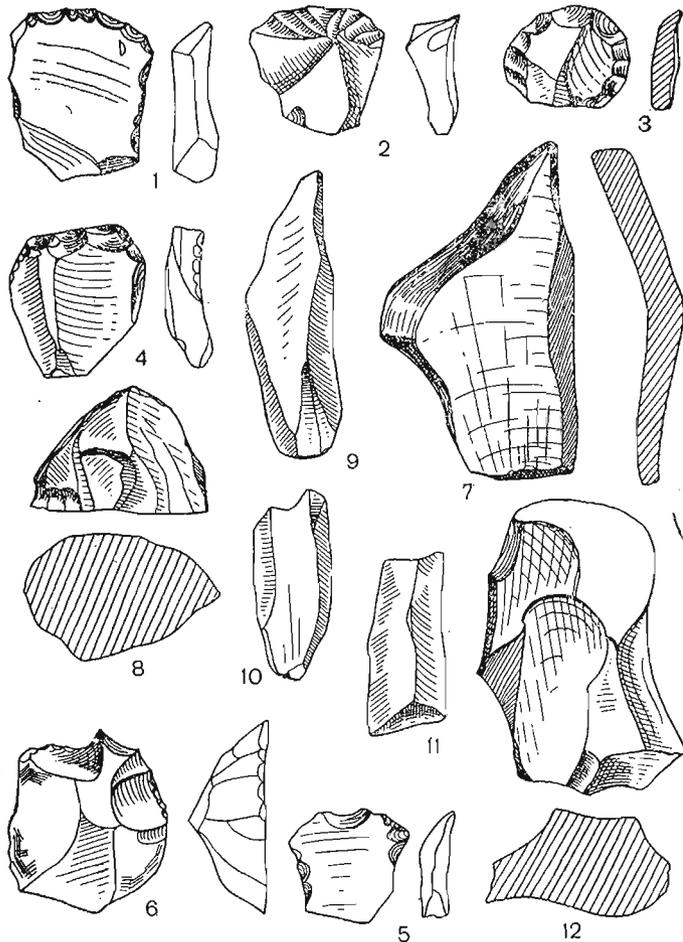

Рис. 9. Раннемезолитические изделия из кремня (район Новоархангельска).

ченная выше для всего Северо-Западного Причерноморья эрозия мезолитических местонахождений задела и эти памятники⁶⁸.

Даем краткую характеристику некоторых из них.

Плопшор-Ироаве. Материал собран на поверхности или на небольшой (около 20 см) глубине в толще почвенного покрова⁶⁹. Комплекс представлен некоторым количеством надломленных пластинок, концевыми скребками на коротких обломках пластинок и округлыми скребками из отщепов; из числа находок следует отметить пластинки со скошенным ретушью концом, пластинки с краевой ретушью, задевающей брюшко

(ádos abattu), а также две длинные трапеции и четыре сегмента⁷⁰.

Плопшор-Магазие. Поселение в целом аналогично описанному. Для него характерны короткие концевые скребки, атипичные острия, обломки пластинок и серия из пяти сегментов. Некоторые из них любопытны особым положением и характером ретуши — с брюшка, довольно плоской⁷¹.

К этому же типу памятников, в частности по наличию сегментов, относятся и такие описанные названным автором местонахождения, как Шимник⁷², Зэноаге-Романази и др.⁷³ Видимо, нечто особое представляет собой поселение Фиера-Клянов⁷⁴ *.

Некоторые черты названных местонахождений, а именно присутствие трапеций в пункте Плопшор-Ироаве, указывают на несколько более поздний возраст этих памятников в сравнении с Михайловкой.

ПОЗДНИЙ МЕЗОЛИТ

Следующий, поздний период в развитии мезолита Северо-Западного Причерноморья на Украине представлен памятниками, условно названными нами тарденуазскими: поселение у с. Гребеники на Днестре, а также поселения у с. Завалье и Владимировка в бассейне Ю. Буга.

Наиболее значительно поселение, открытое отрядом П. И. Борисовского, в районе с. Гребеники Великомихайловского района Одесской области⁷⁷.

Гребениковское поселение находится в 14 км к северо-востоку от г. Тирасполя, в ур. Барбаниягры, расположенном на склонах оврага, соединяющегося с древней балкой Бурсук. Последняя, очевидно, в относительно недавнее геологическое время была рекой и входила в систему левобережных притоков Днестра. Топографическое положение памятника в какой-то мере обусловило как размывание бывшего здесь культурного слоя, так и рассредоточение археологических остатков на площади около 4000 м². Поэтому материал на гребениковском поселении в основном был получен путем шурфовки и сборов на

* Было бы неправильно думать, что ранний мезолит на территории всей Румынии протекал в единообразных формах развития. Как показали открытия последних лет, северо-восточная часть Румынии на определенном этапе развития мезолита примыкала к свидерскому, точнее, к хвалибеговицкому или плудскому ареалу мезолита. Об этом, в частности, говорит пример пещерного местонахождения Чахлеу-Бикэз в долине Бистрицы⁷⁵, инвентарь которого ничем не отличается от инвентаря польских памятников⁷⁶. Памятники типа Чахлеу-Бикэз являются доказательством бесспорной инфильтрации с севера через Карпаты особого синкретического типа культуры, возникшего в результате скрещения продвинувшегося из Приатлантической части Европы тарденуаза и местного свидера.

поверхности. При помощи шурфовки были обнаружены одиночные находки на различных, но в целом небольших глубинах, что дало основание сделать вывод о том, что первоначально материал залегал в «почвенном или подпочвенном горизонтах»⁷⁸. Заключение это неверно. После

получившиеся от производства их на месте, — 70% $\sqrt{0}$ сравнительной оседлости поселения говорит и довольно большое количество найденных здесь нуклеусов — до 80 штук. Они подразделяются на три разновидности: пирамидальные микролитические, уплощенные и карандашевидные, отличающиеся довольно высоким качеством

ограничения. $\sqrt{1}$ Сколотые с таких нуклеусов пластинки в данной работе специально не описаны, но их микролитический характер сам собою разумеется. $\sqrt{2}$ Наиболее многочисленную группу изделий составляют округлые скребки, изготовленные из отщепов, среди которых иногда встречаются концевые формы. Размеры невелики — 0,8—2,5 см в диаметре $\sqrt{3}$. Рецизы встречаются редко — их всего 2 экземпляра. Оба они принадлежат к боковому типу, сформованы на отщепах и отличаются небольшими размерами⁸⁰.

$\sqrt{4}$ Решающим фактором для уточнения культурной принадлежности и хронологического положения памятника, несомненно, являются геометрические микролиты. Собрано 25 определенных изделий, которые в целом принадлежат к числу узких и высоких трапеций. Среди них отсутствуют известные по Надпорожью, Крыму или Кавказу широкие и низкие трапеции, изготовленные из настоящих микропластинок. Среди микролитов нет и длинных треугольников, изготовлявшихся из того же типа заготовок. $\sqrt{5}$ Наиболее показательным является отсутствие среди геометрических микролитов сегментов.

Вполне естественно, что для гребениковской коллекции в какой-то мере приходится допускать случайное отсутствие некоторых из названных выше форм геометрических микролитов — треугольников или сегментов. И все же отклонение от реальной картины здесь не могло быть значительным, так как при наличии 25 экземпляров трапеции, сегменты и треугольники могли встречаться только единичными экземплярами⁸¹.

Из сказанного отнюдь не следует, что мы настаиваем на обязательном отсутствии сегментов в составе культурного комплекса этого времени, так как некоторый материал для решения этого вопроса дает поселение в районе с. Завалье Гайворонского района Кировоградской области.

Это поселение находится в сходных топографических условиях с Гребениками — на уровне первой лессовой террасы левого берега Ю. Буга, на мысу между древними балками, находящимися к югу от с. Завалье. Расположение памятника совпало с местом трипольского поселения, дающего комплексы греновского и младшего

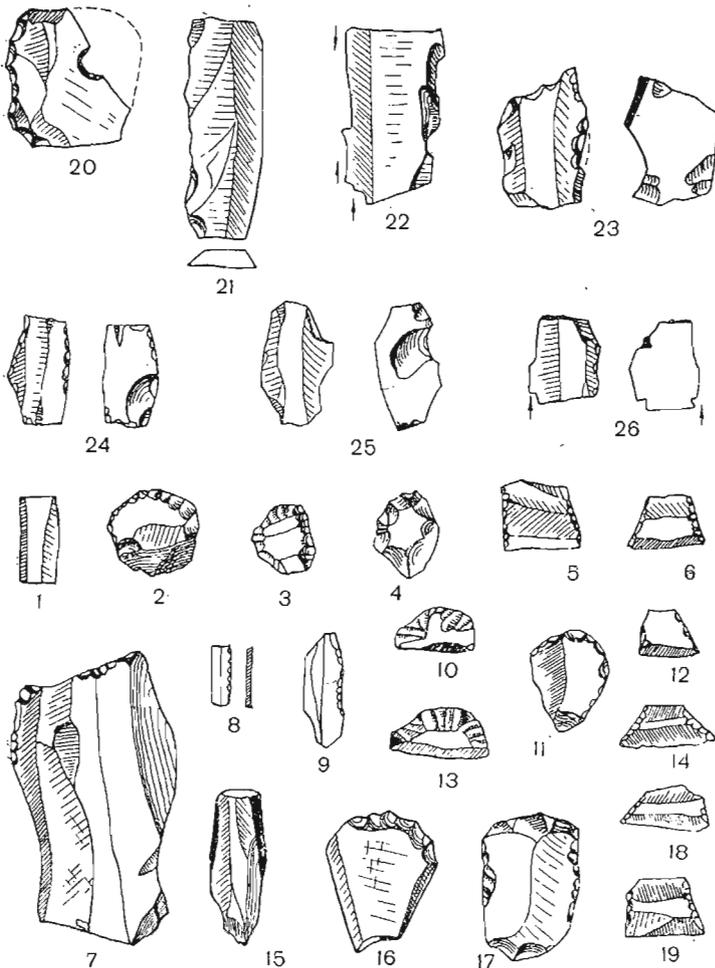

Рис. 10. Изделия из кремня (поздний мезолит — переход к неолиту).

исследований, проведенных нами на Ю. Буге и в других местах, было установлено, что начало формирования современного почвенного покрова относится ко времени позднего неолита. В действительности материал этого возраста мог первоначально залегать только в верхней части лессовидного суглинка.

$\sqrt{6}$ Объем полученного в районе Гребеников археологического материала значителен (около 3000 кремней), что с учетом однородности собранного на этом поселении материала превращает его в один из наиболее значительных источников по мезолиту всего изучаемого нами района Украины (рис. 10, 1—19). Среди собранного кремневого инвентаря изделия составляют 30%, а отходы,

сабастиновского типа. Уровень террасы до 10 м над уровнем Ю. Буга.

Очевидно, в древности поселение занимало большую площадь, так как отдельные мезолитические находки встречаются также за балкой, ближе к с. Завалье. В результате строительства ГЭС памятник значительно разрушен. Кроме того, поверхность террасы сильно эродирована и лессовидный суглинок оказывается на поверхности довольно часто. Присутствие непотревоженных остатков трипольского времени говорит о том, что подобная эрозия участка террасы с мезолитическим поселением произошла давно — в дотрипольское время.

Как и в других случаях, основная часть материала здесь была собрана на поверхности, а меньшая найдена при раскопках трипольских комплексов ниже почвенного слоя, в верхней части желто-бурой лессовидной подпочвы.

Из вещей, найденных при раскопках, можно назвать три нуклеуса уже известных типов — два плоских, для небольших микролитических пластинок и отщеповых заготовок, и призматический. Обращает на себя внимание наличие довольно архаических форм, изготовленных из небольших пластинок: прорезыватели с резцовым сколом и сформованные на пластинке с притупленным краем, резцовый отщеп, микропластинки-вкладыши, несколько трапеций и, наконец, небольшой сегмент, изготовленный из обломка тонкой, хорошо ограненной пластинки. Не менее архаический характер сохраняют и такие характерные орудия, как скребки. Все они изготовлены из отщепов и представлены тремя формами: небольшие остроконечные скребки округлой формы с окаймляющей ретушью, двусторонние скребки, сформованные на коротких обломках массивных пластин. Ножевидная пластинка с тремя зубцами, вероятно вкладыш для гарпуна, была найдена за балкой, ближе к с. Завалье. Поселение следует отнести к числу поздних мезолитических, возможно еще догребениковского возраста, памятников Побужья. Об этом говорят встреченные здесь такие архаические формы, как сегмент и двусторонние скребки редуцированного гонцевого типа.

Следы поселения примерно этого же времени и того же типа культуры были открыты во время работы бугской экспедиции в 1960 г. к югу от с. Владимировки Новоархангельского района Кировоградской области. Поселение было расположено на прибрежном краю лессовой террасы левого берега р. Синюхи, возвышающемся над уровнем реки более чем на 10 м. Археологический материал прослеживается на небольшом мысе, ограниченном с двух сторон оврагами.

Как и оба предшествующие памятника, владимировское мезолитическое поселение находится на сильно эродированном склоне террасы, что

обусловило переотложение всего присущего ему археологического материала. Систематическая шурфовка всей территории поселения не выявила археологического слоя, и весь материал здесь получен в результате сборов на поверхности.

Собранная здесь коллекция кремневых изделий невелика. Она насчитывает всего несколько десятков кремней и состоит из отщепов, небольших ножевидных пластинок, маленьких скребков, сформованных на отщепах, довольно большого количества более или менее однообразных трапеций высоких пропорций, ничем не отличающихся от трапеций, найденных около с. Гребеники и Завалье.

Суммируя сказанное выше о буго-днестровских позднемезолитических памятниках, следует отметить их несомненную близость с поселением около с. Васильевка (см. стр. 24) и вместе с тем их существенное отличие от крымских позднетарденуазских поселений типа верхнего слоя Фатьма-Кобы или от предпоследнего слоя северо-кавказского поселения Сосуко. В то же время необходимо подчеркнуть их очевидное сходство с такими балкано-дунайскими мезолитическими памятниками, как поселения Дикили-таш, Гылма и др.

Значение западных аналогий в плане исследования генезиса буго-днестровской культуры особенно велико, так как Балканы и Нижнее Подунавье были главнейшей передаточной территорией, по которой земледелие пришло из Восточного Средиземноморья в Европу.

В настоящее время наиболее изученными памятниками этого рода являются крупнейшие на Балканах мезолитические поселения из района Белослава в Варненской околии, исследованные Н. Джамбазовым⁸².

Интересующая нас группа памятников находится в карстовом районе Побитые Камни (Дикили-таш), к северу от проточных Гебердженского и Варненского озер⁸³. По природной обстановке район близок к крымским яйлам. Поверхность эродирована, и весь археологический материал, добытый путем сборов, не свободен от некоторого числа более поздних примесей*.

Весьма интересно по составу находок бановское местонахождение, где было обнаружено 800 кремней. Среди кремневых изделий отмечается присутствие небольших нуклеусов призматической, конусовидной и клиновидной формы; небольших ножевидных пластинок; округ-

* Из числа таких примесей следует назвать наконецники дротиков и стрел, исполненные в технике двусторонней ретуши. Сопоставлять их с формально сходными изделиями из Костенок, как это делает Н. Джамбазов, нет оснований⁸⁴. Можно лишь указать, что большинство древних крымских яйлинских местонаждений также дает подобную примесь в материале, принадлежность которого к металлу подтверждается присутствием сверленных каменных топоров.

лых скребков — изредка двойных или изготовленных из отщеповых заготовок, а также довольно разнообразных геометрических микролитов. Из числа последних прежде всего следует назвать подтреугольные и вытянуто-сегментовидные острия, которые Джамбазов называет остриями типа Граветт. Из их числа под это обозначение по формальным признакам больше всего подходит относительно крупное острие, скорее всего архаический наконечник стрелы, с хорошо обозначенным черенком⁸⁵.

Морфологически к описанной выше группе изделий близок сегмент, отличающийся удлинённостью пропорций, примитивизмом выделки и архаизмом оформления. Более диагностична в культурно-хронологическом плане группа геометрических микролитов в виде трапеций. Среди последних хорошо представлены трапеции сравнительно высоких пропорций.

Несомненно, к числу местонахождений того же возраста и той же культурной принадлежности относится и поселение, входящее в группу «побитых камней» и обозначенное Н. Джамбазовым как центральная группа⁸⁶. Материал этого местонахождения также смешан. Из его состава в качестве изделий палеометаллической эпохи необходимо упомянуть крупный наконечник стрелы треугольной формы с выемкой на основании, а также группу довольно крупных концевых скребков⁸⁷.

Архаическую часть коллекции составляют округлые скребки, группа пластинок с притупленным краем, которые Джамбазов относит к граветтским формам, трапеции высоких пропорций, а также небольшой, почти правильной формы сегмент⁸⁸. Типологически этот сегмент относится к числу позднейших, доживающих до заключительной поры тарденуазского этапа, а не к числу сегментов азильского типа, как думает Джамбазов⁸⁹.

Памятник сходного типа, по-видимому, представляет собой и поселение Слънчево III. Из инвентаря последнего опубликованы микро-скребки, микролиты типа граветт, а также другие формы геометризированных изделий, близких к происходящим из Баново или из Центральной группы.

Касаясь общей оценки описанных выше материалов, Джамбазов подразделяет их на две хронологически различающиеся группы. К первой, более архаической группе автор относит граветтскую часть коллекций из Слънчево и Центральной группы, которую он сопоставляет с верхними слоями таких пещерных местонахождений, как Баново II, Самуилица II* или

* По составу инвентаря эти поселения, по-видимому, весьма близки к верхним слоям Владимировки или Молодова V.

Пещ-Код-Старо село. Ко второй группе Джамбазов относит хронологически более поздние материалы, трапеции и сегменты⁹⁰.

Общая линия культурно-хронологического расчленения описанного материала, намеченная Джамбазовым, в целом правильна. Следует только несколько уточнить хронологическое положение собственно мезолитической части названных памятников. В сопоставлении с данными, полученными для украинского Северо-Западного Причерноморья, их можно датировать — с большой долей вероятности — второй, тарденуазской половиной мезолита.

К дикилиташским поселениям культурно близки поселения Гылма-Роата⁹¹ и Спиноаса⁹², находящиеся в Румынии.

Поселение Гылма, находящееся в Юго-Восточной Трансильвании, принадлежит к тому же локальному типу мезолитической культуры, что и описанные выше плошорские поселения, но, по-видимому, более позднее и относится уже ко второй половине мезолита.

В ходе раскопок здесь было обнаружено подпрямоугольной формы скопление археологического материала, примерно 15×15 м, включавшее около 500 обработанных кремней. В их числе шесть призматических нуклеусов, до 400 пластинок, около 50 скребков, в основном сформованных на отщепе, 6 трапеций, 2 грубоватых сегмента, несколько пластинок с притупленным краем и среди них так называемое микрограветтское острие (рис. 7, 25—47). Небольшая коллекция, собранная и изданная Н. Захария из района с. Спиноаса в румынской Молдавии, носит поздне-мезолитический характер. Среди найденного материала заслуживают внимания кремневые пластинки, концевой и отщеповой скребки, трапеции и геометрической формы микролит, вероятнее всего наконечник стрелы.

Приведенные выше данные о развитии Северо-Западного Причерноморья на протяжении мезолитического периода разрешают сделать следующие выводы.

1. Заключительная пора палеолита, как о том говорят памятники типа Большая Аккаржа и Волошский могильник, характеризуется доминированием форм средиземноморского склада и средиземноморским характером населения.

2. Для начала и развитой поры мезолита в Северо-Западном Причерноморье характерно усиление северных влияний, в которых можно различить два главных течения: доно-днепровское (мезолитические слои Осокоровки) и свидеро-тарденуазское (Чахлэу—Бикэз и элементы в Сюрени II).

Можно наверняка сказать, что эти влияния были связаны с инфильтрацией в Северо-Запад-

ное Причерноморье северного палеоевропейского населения⁹³.

3. Формы развития мезолитической культуры, которые возникли в южной части Днепровского бассейна, Донеччины и, возможно, Подонья, представляют собой форпост северо-восточной культуры, почти не знавшей иных геометрических форм, кроме грубоватых трапеций (от нижних слоев Осокоровки и Роголик-Акимовки до Васильевки и Гребеников).

4. Памятники мезолитической культуры, расположенные к югу, юго-востоку и юго-западу от названной области (Крым, Северный Кавказ, а также балкано-дунайское пограничье), отличаются явными капсийскими чертами — разнообразием геометрических форм, в частности, нередко встречаются сегменты.

Своеобразие местного мезолита можно объяснить наличием генетических связей с тем периферийно капсийским типом культуры, к которому принадлежали Большая Аккаржа и Волошский могильник.

5. Мезолит Северо-Западного Причерноморья в целом представляет собой синкретический тип культуры, в котором скрестились доминирующие приднепровские элементы, а также присутствуют капсийские элементы, возрастающие по мере продвижения на юго-запад и проявляющиеся в особом балкано-дунайском варианте мезолитической культуры Северо-Западного Причерноморья.

Процесс становления буго-днепровской неолитической культуры нельзя представлять как результат эволюционного развития местного мезолита уже хотя бы потому, что он начал развиваться в области Восточного Средиземноморья и затем охватил другие территории, включая и Северо-Западное Причерноморье.

В чисто археологическом проявлении становление неолита в Северо-Западном Причерноморье, как оказывается, имело характер сращения местных мезолитических культурных форм с пришлыми приазовско-кукрекскими неолитическими формами развития (Васильевка на Порогах, Фронтное III в Крыму и др.). С течением времени, особенно на Ю. Буге, количество пришедших с востока приазовско-кукрекских элементов возрастало, и местная мезолитическая культура постепенно ассимилировалась. Этот же процесс, хотя и в несколько ослабленном виде, захватил Поднепровье и в какой-то степени даже достиг Дунайского бассейна.

Для бассейна Ю. Буга можно назвать два памятника этого типа, а для бассейнов Днестра и Реута по меньшей мере пять памятников.

Сначала остановимся на кратких характеристиках бугских памятников.

Прежде всего следует сказать о поселении близ с. Синюхин Брод, расположенном на вы-

соком правом берегу р. Синюхи*. Это поселение, натолкнувшее нас на мысль о кукрекском импульсе, случайно обнаружено студентом Киевского университета В. А. Якимченко во время геологической практики. Поверхность памятника сильно эродирована и основательно разрушена имеющимся здесь гранитным карьером. Коллекция кремней незначительная. Но несмотря на это, культурная принадлежность памятника и его возраст, в силу своеобразия собранного здесь инвентаря, не вызывают сомнений. Среди находок встречены такие архаические изделия, как типичные резцы, почти отсутствующие в инвентаре местных неолитических поселений, и несколько экземпляров прорезывателей, так называемые вкладыши кукрекского типа (рис. 10, 20—26).

Не подлежит сомнению, что памятник относится к самому началу неолита и имеет близкие аналоги среди памятников более восточных районов Украины — в докерамических слоях Каменной Могилы, в поселении Фронтное III на Керченском полуострове⁹⁴ и в эпонимном крымском поселении Кукрек⁹⁵.

Вторым памятником этого типа на Ю. Буге является поселение у с. Гвоздево Шпиковского района Винницкой области, открытое и обследованное П. И. Хавлюком в 1956 г. В связи с тем, что это поселение, подобно другим поселениям неолитической эпохи этого района, находится не на лессовой террасе Ю. Буга, а на его надпойме, следует предполагать несколько более поздний возраст этого памятника по сравнению с синюхинским местонахождением.

По составу инвентаря оба памятника аналогичны. Коллекция из Гвоздево полнее и включает целый ряд выразительных форм: небольшие призматические нуклеусы, микропластинки, небольшие округлые скребки из отщепов, резцы на углах пластинок, некоторые с уплощающей, как у прорезывателей, ретушью с бруска, сами прорезыватели и, наконец, миниатюрную продолговатую трапецию наподобие некоторых васильевских.

Благодаря постоянным поискам В. И. Маркевича, Н. А. Кетрару и А. П. Черныша, архаико-неолитические поселения Поднепровья и соседних районов хорошо изучены. Среди них наиболее полно изучено поселение Фрумушика, раскопанное А. П. Чернышем⁹⁶.

Оно расположено на высоком (30—40 м) правом берегу р. Копнар, правого притока Прута, у с. Фрумушика Флорештского района Молдавской ССР. Здесь, на глубине 0,4—0,7 м, в подпочве удалось зафиксировать залегание од-

* К настоящему времени число вновь открытых памятников этого типа в границах южнобугского бассейна значительно возросло. Они известны уже и в бассейнах Ингула и Ингульца.

народных археологических остатков, включавших помимо кремня и находки костей животных — лошади и быка (ближе не определен). Состав кремневого инвентаря разнообразен: конические, ладьевидные и карандашевидные нуклеусы, скребки на отщепках, небольшие резцы на отщепках и на сломанных пластинках, трапеция, острие со скошенным концом и грубоватые прорезыватели. Изучавший памятник А. П. Черныш датирует его позднемезолитическим временем, но вместе с тем сравнивает его с Кукрекком⁹⁷.

О других архаико-неолитических поселениях Молдавии мы узнаем из сборов Н. А. Кетрару и В. И. Маркевича. Полученный в результате этих сборов материал резко отличается от материала памятников типа Гребеников или Сератены (Леовский район МССР. Сборы Н. А. Кетрару) как почти полным отсутствием геометрических микролитов, так и наличием знакомых нам приазовско-кукрекских форм, что не оставляет никакого сомнения относительно правильности предлагаемого понимания их возраста и культурной принадлежности. Приводим краткие характеристики этих памятников.

Поселение Костешты II находится в северо-западной части Молдавии, в Рышканском районе, на высоком (около 30 м) левом берегу Прута. Памятник характеризует ярко выраженный кукрекский инвентарь: карандашевидные нуклеусы, округлые скребки на отщепках и реже — на коротких пластинках, резцы на отщепках и прорезыватели. Своеобразен микролитический наконечник стрелы — ромбической формы и наконечник типа микрограветт.

Поселение Варваровка IX находится во Флорештском районе, в центральной Молдавии, на высоком (20 м) правом берегу Реута. Инвентарь обычен: карандашевидные нуклеусы, микропластинки, скребки, продолговатая трапеция, а также острие наподобие микрограветт.

Поселение Старые Бедражи находится в Екимауцком районе, входящем в северо-западную часть Молдавии. Оно расположено на левом обрывистом берегу Прута, на высоте около 15 м над уровнем реки. Инвентарь подобен описанному выше: карандашевидные нуклеусы, округлые скребки на отщепках, резцы на углах сломанных пластинок, скомбинированные с прорезывателями, и пр.

Поселение Гура Каменка находится во Флорештском районе Молдавии, на левом берегу Реута, на высоте около 70 м над его уровнем. В составе инвентаря: карандашевидный нуклеус, микропластинки, округлые скребки на отщепках и пр.

Несмотря на очевидное сходство молдавских архаико-неолитических памятников с кукрекскими, следует подчеркнуть и некоторые прису-

щие им локальные отличия, которые, говоря точнее, сводятся к переживаниям микрограветтской техники (Костешты II, Варваровка IX). Значение этого факта исключительно велико, так как очевидно, что именно Прут являлся на западе крайним форпостом приазовско-кукрекской культуры, а к западу от него влияние кукрекской культуры затухало и здесь продолжала развиваться культура, восходящая к мезолиту средиземноморского склада (Плопшориен. Дикилиташ, Гылма и др.).

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В БАССЕЙНЕ Ю. БУГА

СТРАТИФИЦИРОВАННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ РАЕННЕОЛИТИЧЕСКИЙ СЛОЙ

Описание археологических материалов, присутствующих в буго-днестровской неолитической культуре, целесообразно начать с наиболее выразительных памятников. Такими являются островные поселения — Базьков и Митьков острова, находящиеся к югу от восточной окраины с. Скибенцы Тростянецкого района Винницкой области.

Базьков остров. Одним из памятников, входящих в состав скибенецких поселений, является поселение, расположенное на Базьковом острове. Оно представляет собой образование овальной формы площадью около 4 га (350 × 150 м), отделенное на севере от скалистого правого берега реки узким протоком — старицей, а с юга — основным течением реки (рис. 11; 12; 13). В средней части острова заметна образовавшаяся на месте древнего протока значительная промоина, расширенная противотанковым рвом.

Перед головной (западной) частью острова находится большой древний порог, юго-восточная часть которого расположена в русле реки, центральная — приходится против поселения, а северо-западная — около старицы, пересыхающей в летнее время, т. е. фактически на современной суше.

Следов неолитического обитания в современной прибрежной части острова обнаружено не было, что говорит о геологической молодости этой части острова. Следы обитания локализовались в юго-восточной части острова, где река делает поворот и где находится средняя часть порога, расположенная на отмели.

Поселение имело сезонный — весенне-летний характер и поэтому было устроено непосредственно рядом с возделывавшимся обширным участком лессово-иловатой почвы. В основании острова залегает обычный серый седиментированный суглинок, поверхность которого нахо-

дится на высоте 0,80 м над уровнем реки. Выше следует переходный горизонт, а затем желто-серый лессово-иловатый суглинок. В переходном горизонте залегал раннеолитический слой, а в лессовидном суглинке — два слоя развитой и поздней поры неолита, занимающие среднюю и верхнюю часть этой породы, а также бедный трипольский горизонт, находившийся на границе суглинка и почвенного покрова. Поверхность желтого суглинка находится на высоте 2 м над уровнем реки. Перекрывающий его почвенный покров отличается значительной

как и в других случаях, даем начиная сверху.

Находки трипольской культуры залегали на глубине до 40 см от условной точки. Все они неодинакового возраста — присутствуют материалы типа Сабатиновка I, Петрен и более поздние. В целом их немного — небольшое количество фрагментов посуды, сопровождающее

Рис. 11. Схема размещения неолитических поселений в районе с. Скибенцы.
/ — поселения.

мощностью (до 1,3 м), что объясняется не столько интенсивностью самого почвообразовательного процесса, сколько частыми разливами. Об этом свидетельствует обогащенность породы мелкими речными моллюсками, нередко заполняющими недавние кротовины грызунов (рис. 14; 15).

На Базьковом острове была раскопана (свыше 300 м²) основная часть поселения.

Каждый предмет, выявленный в соответствующем слое (кости, кремь, черепок и пр.), фиксировался на плане. В связи со стратиграфической сложностью памятника выполнялось значительное количество профильных разрезов, фиксирующих как продольные, так и поперечные сечения. Ввиду новизны материала описание его,

как и в других случаях, даем начиная сверху.

Затем, после стерильной прослойки суглинка, следуют находки поздней поры местного неолита (савранский тип). Они залегали в прибрежной части острова в среднем на глубине 0,5 м от репера*.

Материал представлен тремя скоплениями, главным образом фрагментами керамики и костей животных. Скопления неправильной формы. Длинная ось каждого из них вытянута вдоль древней береговой линии острова. Одно скопление расположено на юго-западном мысе, над самым порогом, второе — через 10 м (по

* В переводе на измерение от поверхности глубина превосходила 1 м.

прямой), уже на берегу древнего протока, третье — через 8 м в той же части острова, что и второе.

Останавливаемся на краткой характеристике каждого из этих скоплений.

том (рис. 16, 1), а также небольшое количество расколотых костей животных.

В третьем, площадью около 7×2 м, найден развал остродонного кухонного сосуда, а также небольшое количество кремней и расколотых

Рис. 12. Схема нижнего слоя поселения на Базьковом острове.

1 — 1 м²; 2 — скопление находок; 3 — Упю; 4 — сосуды; 5 — зернотерки; 6 — мотыги; 7 — скалы.

Первое скопление занимает площадь 3×2 м. Его определяет только находка фрагментированной керамики.

Второе, так называемое рабочее место, площадью около 5×2 м, включает десятки кремневых отщепов от одной конкреции, развал крупной чаши, украшенной меандровым орнамен-

тостей животных. Все эти скопления, несомненно, фиксируют места трех находившихся на поселении наземных жилищ.

Третье скопление, сохранившееся лучше других, свидетельствует о том, что жилища могли достигать в длину 7 м, а в ширину более 3 м. О каких-либо архитектурных деталях таких

жилищ у нас нет никаких данных. Не удалось обнаружить и места очагов. Несмотря на это, ясно, что жилища носили временный характер

намент, дополняемый оттисками гребенчатого штампа.

Приводим краткое описание главных находок керамики из этого слоя. Одним из первых можно назвать крупный остродонный сосуд S-видного профиля, украшенный в верхней части проглаженным шевронно-угловатым орнаментом (скопление 3). Далее следует глубокая широкооткрытая чаша, украшенная сложным меандровым орнаментом, с высокими вертикальными стенками и ребристым переходом к короткой придонной части, заканчивающейся округлым, чуть уплощенным дном (скопление 2). Представляет интерес неполный развал прямой стеной чаша, украшенная по венчику горизонтальными проглаженными линиями, а по тулову — криволинейным, вероятно спиральным, орнаментом (скопление 1). После стерильной прослойки идет слой так называемого самчинского типа (выделен на основании данных поселения Самчинцы II), залегающий на глубине от 60 до 80 см от условной точки, а местами глубже.

Материал, происходящий из самчинского слоя, состоял из кремневых изделий, расколотых костей животных, довольно большого количества челюстей и зубов вырезуба, различных изделий из рога и кости, а также остатков ти-

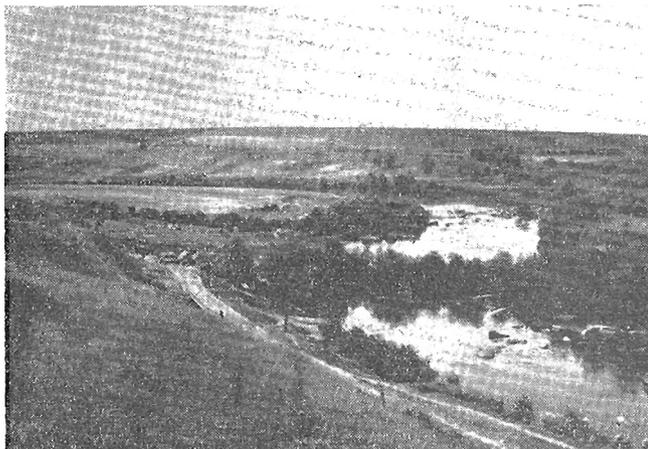

Рис. 13. Вид на скибенецкий узел поселений.

и населялись небольшими группами людей — не более одной семьи.

Из состава найденных в верхнем неолитическом (савранском) слое материалов описания заслуживают только остатки глиняной посуды.

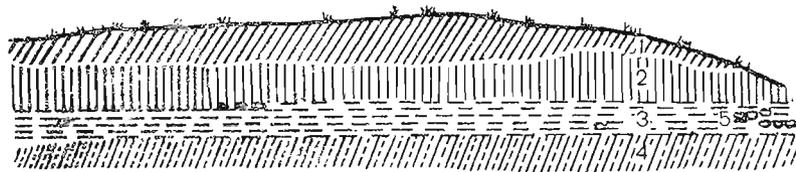

Рис. 14. Базьков остров. Разрез наслоений на северном мысу поселения. 1 — намыв; 2 — гумус; 3 — лесовидный суглинок; 4 — седиментированный суглинок; 5 — археологический слой поселения.

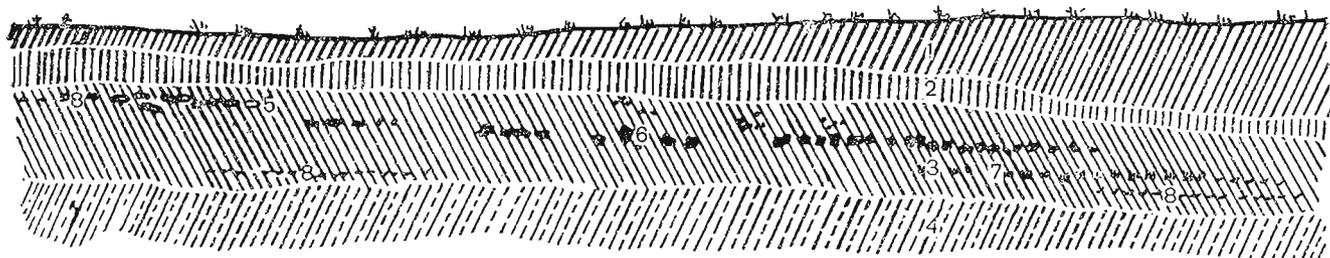

Рис. 15. Базьков остров. Разрез наслоений в восточной части поселения. 1 — намыв; 2 — гумус; 3 — лесовидный суглинок; 4 — седиментированный суглинок; 5 — савранский слой; 6 — самчинский слой; 7 — скибенецкий слой; 8 — скопления Unio.

Технологические признаки савранской керамики полностью подтвердились по данным Базькова острова — она содержит в примеси мелкий песок и тонкие волокна растительной массы, внешняя и внутренняя поверхности сглажены. Типичен неглубокий линейно-проглаженный ор-

пичной глиняной посуды. Довольно часто в разных местах встречались расплывшиеся развалы сосудов. Находки более или менее равномерно насыщали всю раскопанную площадь, не образуя сколько-нибудь заметных скоплений. Этим данный слой отличается от вышележаще-

го и нижележащего слоев. В целом такой характер размещения остатков, по-видимому, указывает на преобладание совсем легких, часто переносившихся жилищ, возможно даже шалашей. Приводим краткую характеристику археологического материала.

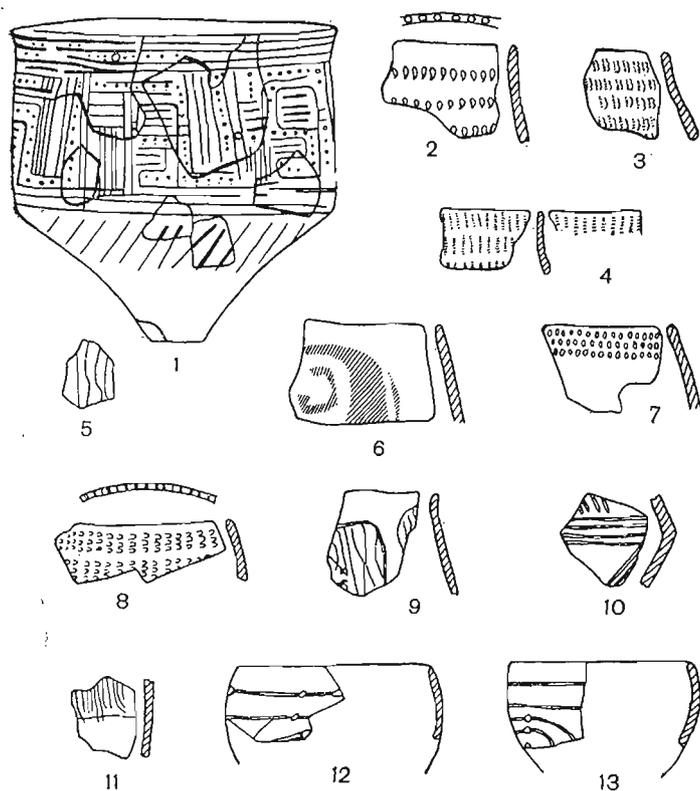

Рис. 16. Базьков остров. Керамика из савранского (1) и самчинского слоя (2—13).

Кремневый инвентарь типично микролитичен — небольшие ножевидные пластинки, округлые скребки, а также характерные асимметричные трапеции (рис. 17, 1—21).

Глиняная посуда подразделяется на две основные формы: округлодонные горшки S-видного профиля с открытым или стянутым верхом и широко открытые чаши с плавным и реже — ребристым профилем (рис. 16, 2—10). Технологические признаки этой посуды очень характерны — незначительная, мелкая растительная и обильная песчанистая примесь, придающая сосуду, обычно тонкостенному, особую плотность и своеобразную каменность. Достаточно типична и характерна посуда с графитной примесью в глине.

Орнаментальные приемы распадаются на две стилистически обособленные группы. Первую составляют сложные линейные композиции, наносившиеся палочкой по сырой глине (рис. 16, 5, 9—11; 18, 4; 19, 4). Для второй характерны

покрывающие сосуд почти до самого дна горизонтальные полосы, состоящие из наколов, скобочных углублений или из оттисков гребенчатого штампа (рис. 16, 2—4, 7; 18, 1—3, 5—7). Зоны из оттисков штампа нередко дополняются линейным рисунком — косой сеткой или зигзагами, исполненными в технике врезывания или проглаживания линий. Из штампов преимущественно употребляются гребенчатый — от двузубого до многозубого.

Необходимо особо отметить сосуд, украшенный по горлу густо посаженными небольшими вертикальными налпами (рис. 18, 4), и сосуды с тщательно сглаженной поверхностью, лишенные какого бы то ни было орнамента, фрагменты нескольких чаш, отличающихся от местной посуды хорошей выделкой и своеобразным орнаментом. По совокупности признаков эти находки определяются как импорты из области культуры линейно-ленточной керамики, относящиеся к фазе линейно-палочной посуды (рис. 16, 12, 13; 19, 1—3).

Из других находок следует назвать характерные ножи из эмали клыка кабана, рыболовный крючок из такого же материала, а также обломок роговой мотыги.

Своеобразие этого слоя, документирующего особый тип поселения, вне сомнения. Возможно, что основным занятием населения этого времени было не столько земледелие, сколько рыбная ловля, о чем свидетельствуют пригодный для вылова хищной рыбы крючок-блесна из эмали клыка кабана, а также упоминавшиеся уже зубы вырезуба.

После следующей стерильной прослойки, на глубине 0,90—1,20 м от репера, уже в переходном сероватом суглинке, залежали остатки самого нижнего слоя поселения.

Своеобразие находок, характеризующих этот наиболее древний слой поселения, в свое время дало возможность поставить вопрос об особой, древнейшей керамической фазе развития местного неолита — скибенецкой. Важно отметить, что на вскрытой нами площади была зафиксирована более или менее полная картина заселения Базькова острова в древнейшее для этого местонахождения время. Остатки скибенецкого времени еще в большей степени, чем остатки савранского времени, отличаются комплектностью залегания. Было исследовано одиннадцать скоплений археологического материала — керамики, костей животных, кремневых изделий и др., которые неизменно сопровождались скоплениями раковин *Unio*, лишенными археологического материала. Скопления раковин залежали на 15—20 см глубже уровня залегания остального археологического материала. Связь обычных остатков со скоплениями *Unio* (рис. 12) не вызывает никаких сомнений, что

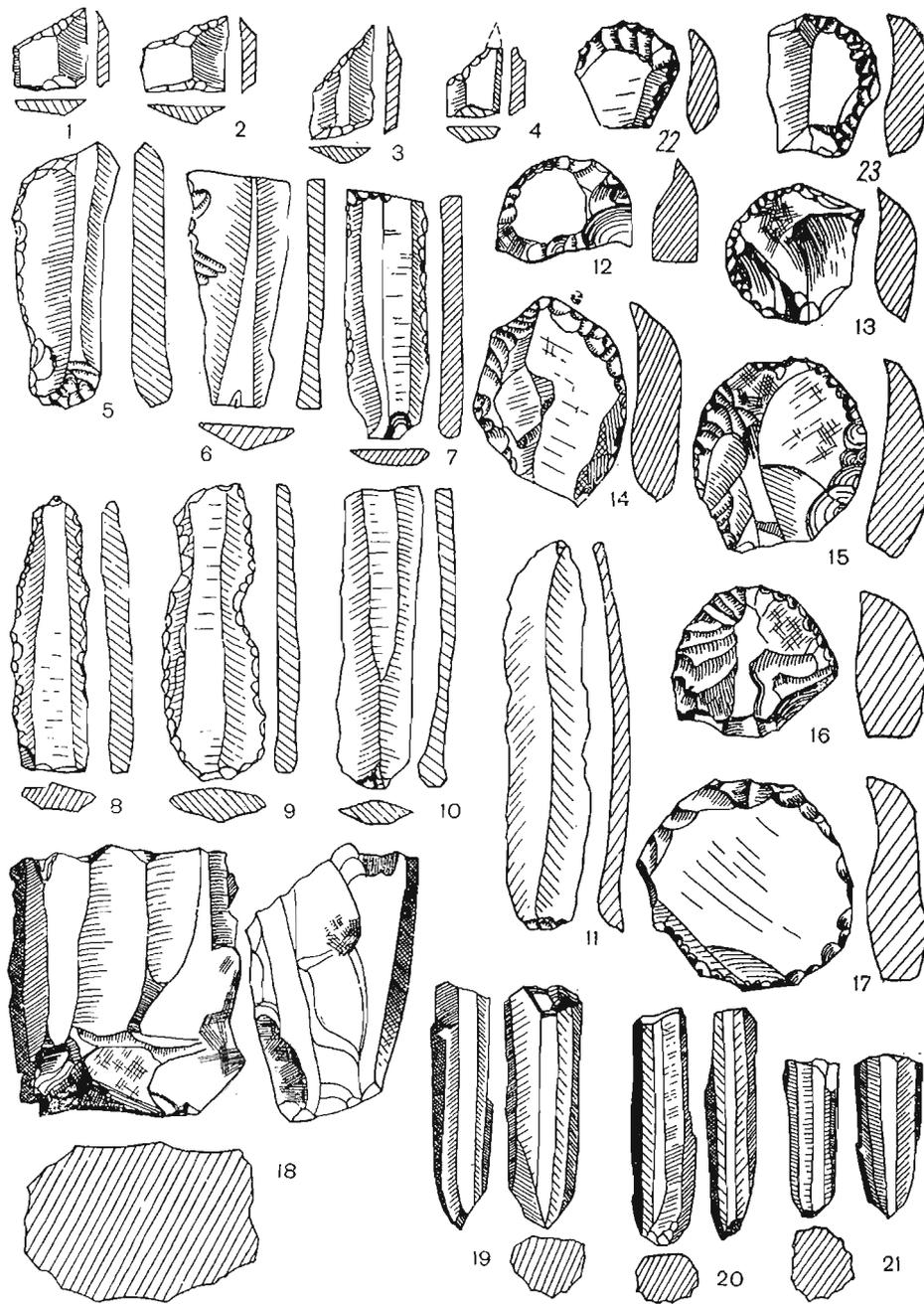

Рис. 17. Базьков остров. Набор кремневых изделий из среднего слоя.
 1-4 — асимметричные трапеции; 5-11 — ножевидные пластины; 12-17, 22, 23 — нуклеусы округлые на отщепях; 18 — призматический нуклеус; 19-21 — карандашевидные нуклеусы.

при учете разницы в глубине залегания позволяет думать, что раковины сбрасывались в особые углубления, сопровождающие жилища наземного или полуполуподземного типа.

Девять небольших скоплений археологического материала, сопровождавшихся углублениями с раковинами *Unio*, было зафиксировано вдоль древней протоки, а два более крупных—

на мысе острова. Одно из крупных скоплений сопровождалось большим углублением, наполненным раковинами *Unio*.

Все это говорит о том, что на поселении находился целый ряд жилищ: два — построенные рядом на мысе, отличающиеся сравнительно крупными размерами (6×5 и 5×4 м), ориентированные длинной осью перпендикуляр-

но береговой линии, и девять небольших (примерно 4×3 м), вытянутых в одну линию, с интервалами 1—2 м, ориентированных длинной осью вдоль берега.

Очевидно, жилища предназначались для отдельных семей. Следует отметить, что как у двух жилищ, расположенных на мысе, так и у

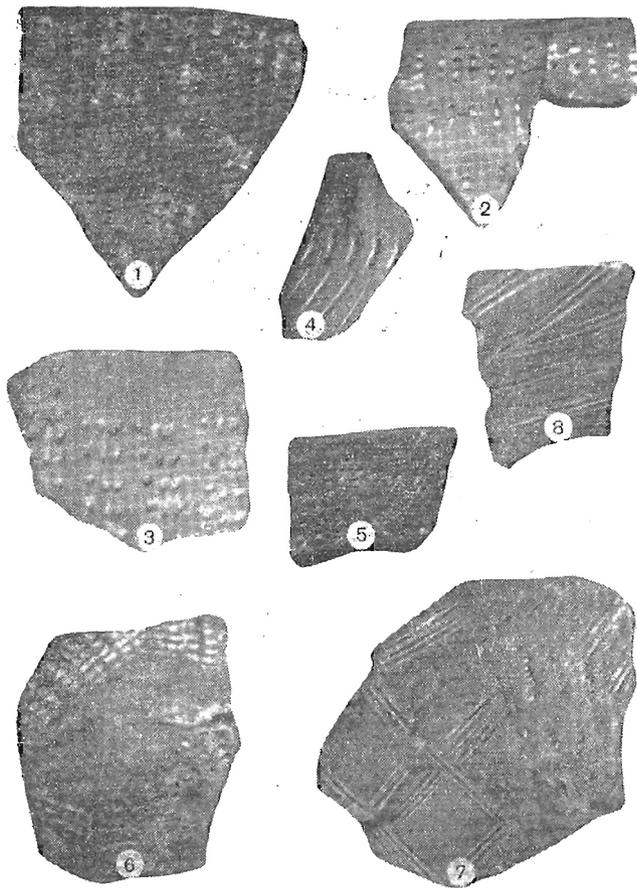

Рис. 18. Образцы керамики из самчинского слоя Базькова острова и поселения Сокольцы I.
1—7 — Базьков остров; 8 — Сокольцы I.

девяти жилищ, вытянувшихся вдоль протока, существовала определенная взаимосвязь — те и другие могли комбинироваться в два больших общинных дома. О том, что поселение имело сезонный характер и время его обитания приурочивалось к весне — лету, говорит наличие именно в этом слое нескольких киркообразных роговых мотыг (рис. 20, 1—3), а также упоминавшиеся выше скопления раковины *Unio*.

Комплексность находок подтверждается скоплением первичных нуклеусов, сопровождавшихся крупной мотыгой, несколькими компактными развалами глиняных сосудов, скоплениями однородных костей (позвонков) и пр.

Кремневый материал в целом имеет микро-

литический характер, и мы затрудняемся говорить о каком-то его своеобразии (рис. 21, 1—15). Более выразительны небольшие зернотерки ромбической формы (рис. 22), орудия вроде топора из гальки (рис. 23), точила, песта и куранта. Из других находок следует назвать ножи и небольшие тесла из эмали клыка кабана (рис. 20, 4, 5).

Очень интересен набор глиняной посуды (рис. 24, 1—6; 25, 1—4). Тщательная реставрация сосудов показала, что основной формой был глубокий горшок со слегка загнутым верхом, с шипообразным или, очень редко, небольшим плоским дном (рис. 25, 1). Из других, ме-

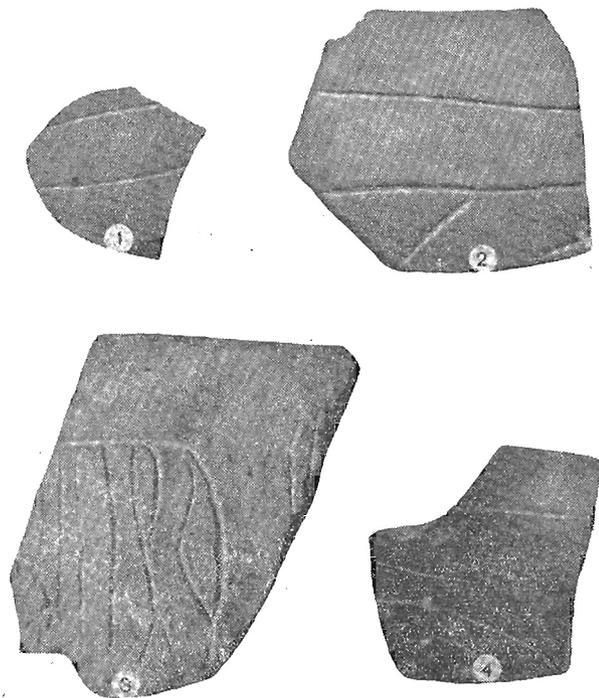

Рис. 19. Базьков остров. Самчинский слой.
1—3 — фрагменты импортной керамики с линейно-ленточным орнаментом; 4 — фрагмент сосуда местной выделки со сложным линейным орнаментом.

нее характерных форм зафиксированы горшки S-видного профиля, горшки с вертикальными венчиками. В тесте найденных сосудов обильна примесь толченых раковин *Unio*, а также крупноволокнистой растительности.

Говоря о приемах украшения посуды, прежде всего следует отметить пальцево-защипный орнамент, который был применен для украшения одного из шиподонных сосудов. Композиция состояла из вертикальных рядов парных защипов (колос), покрывающих тулово сосуда, тогда как придонная и привенчиковая части были просто подлошены. Подобный орнамент и его сочетание с подлощенными зонами — черта, характерная для старчевско-керешской

культуры⁹⁸. Различие лишь в форме сосуда, в данном случае исключительно архаичной (рис. 24, 3). Довольно редким является орнамент, исполнявшийся двузубчатым штампом. Композиции, исполненные таким штампом, отличаются простотой — две-три горизонтальных

вымы композициями. Последние захватывают тулово, оставляя свободными венчиковую и придонную части сосудов. Орнаментальные композиции составляют многолинейные полосы, образующие фестонно-волютовый рисунок, приобретающий позитивно-негативный характер

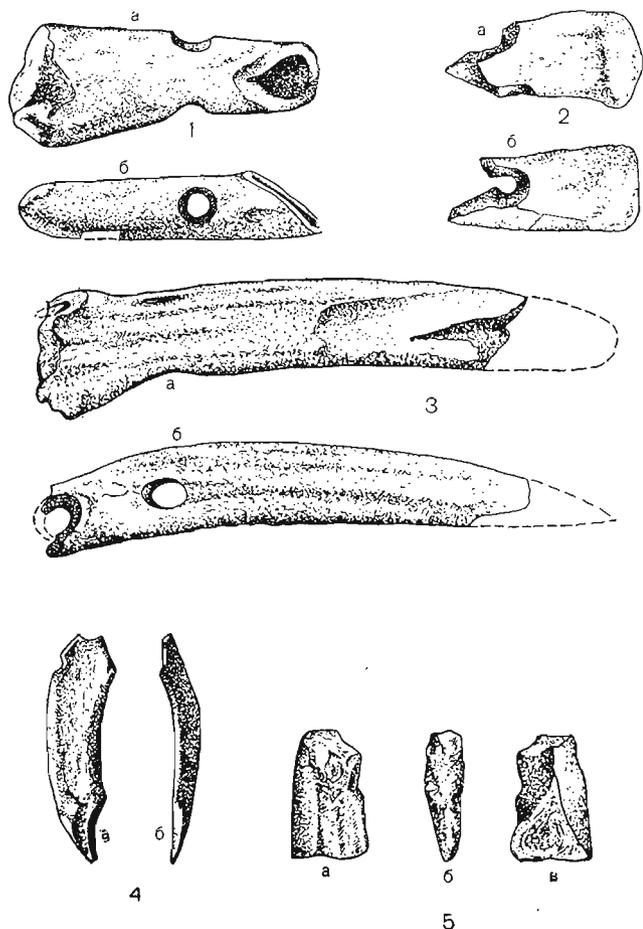

Рис. 20. Базьков остров. Скибенецкий слой. 1—3 — мотыги кайлообразного типа из рога оленя; 4, 5 — нож и долотце из эмали клыка кабана.

Рис. 21. Базьков остров. Скибенецкий слой. Изделия из кремня.

1—5 — округлые скребки на отщепях; 6—7 — концевые скребки; 8, 9 — пластины; 10 — резец на углу пластинки в комбинации с прорезывателем; 11, 14, 15 — прорезыватели; 12 — проколка; 13 — трапеция.

полосы, опоясывающие венчиковую часть сосуда. Использовался этот прием для украшения горшков S-видного профиля. Более типичен врезанный орнамент, вероятно, наносившийся кремневой пластинкой. Орнаментальные схемы, исполненные в этой технике, также просты. Они состоят из вертикальных зазгагов или комбинаций из прямой и косой сетки. Подобный орнамент типичен для обеих главных форм сосудов — глубоких шиподонных сосудов и горшков S-видного профиля.

Но особенно типичным и распространенным является линейный, проглаженный орнамент, характеризующийся весьма сложными волюто-

вследствие ритмического заполнения петель проглаженной сеткой или косыми линиями (рис. 24, 1, 4, 6). Несомненно, что такой орнамент предвещает спирально-меандровый орнамент более поздних этапов развития земледельческого неолита. Вместе с тем очевидно, что именно такие орнаментальные композиции, несмотря на исключительную древность, уже близки к раннетрипольским. Последнее обстоятельство приходится объяснять не столько хронологической, сколько этнокультурной близостью местного раннего неолита с трипольем.

Митьков остров. Вторым памятником, входящим в состав скибенецкого узла поселений,

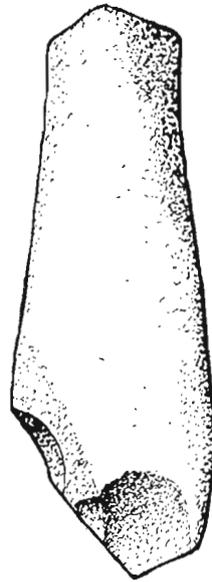
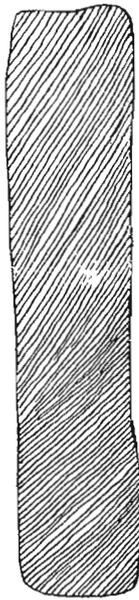
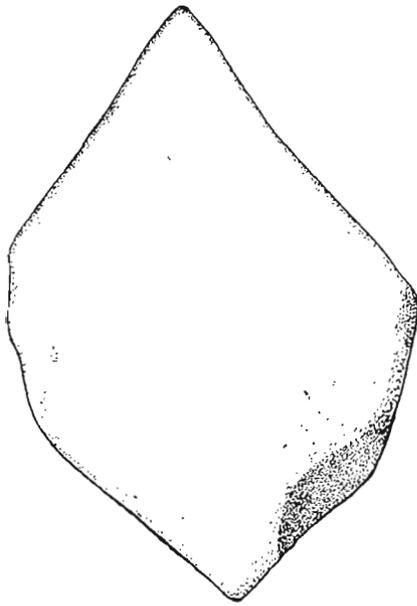

Рис. 22. Базьков остров. Нижний слой.
Каменная зернотерка.

Рис. 23. Базьков остров. Нижний слой. Топор из гальки.

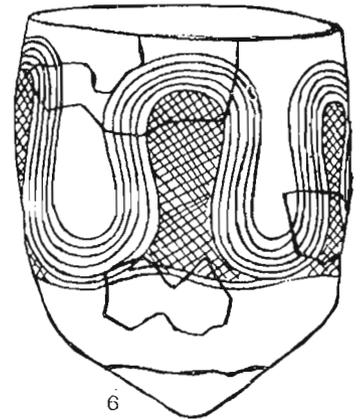
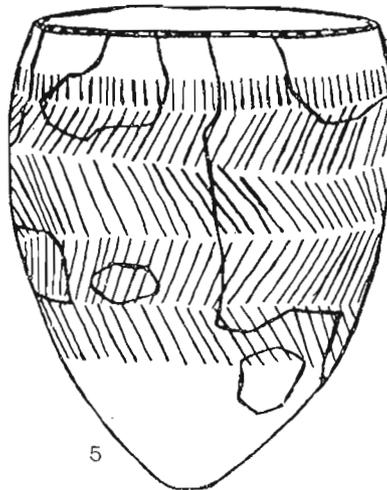
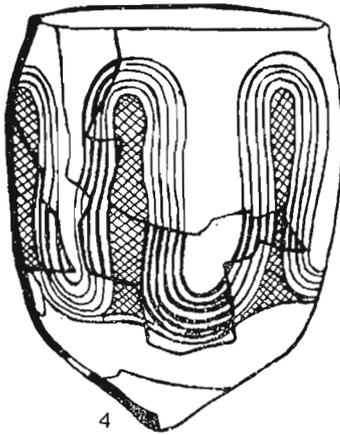
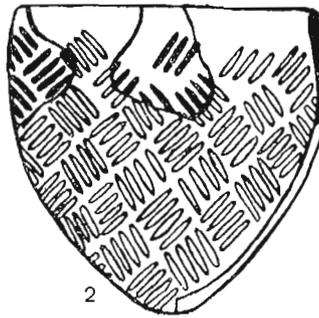
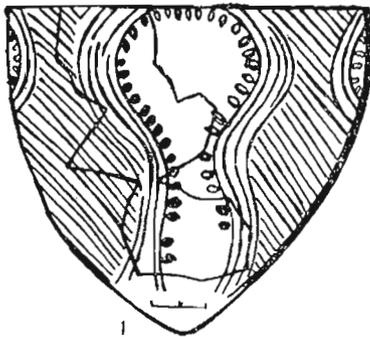

Рис. 24. Базьков остров. Скибенецкий слой.
1, 4, 6 — остродонные или шиподонные сосуды со стянутой верхней частью; 2, 5 — сосуды с текстильным орнаментом; 3 — сосуд с защипным орнаментом.

является стратифицированное поселение на Митьковом острове (рис. 26).

Митьков остров находится за изгибом реки, занятым порогом и группой из семи мелких островков, на расстоянии 150 м к юго-западу от Базькова острова, превосходит его по площади и достигает 750 м в длину, и 450 м в ширину.

Поселением занята северо-восточная оконечность острова, расположенная непосредственно выше того же порога, за которым находится поселение Базькова острова. Иными словами, оба поселения возникли выше и ниже одного и того же порога.

Место поселения на Митьковом острове совпадает с первичным геоморфологическим ядром — хвостовой частью острова.

О древности последней говорит то, что только здесь присутствует содержащий неолитические находки желтый лессовидный суглинок, а на более обширных и более поздних пространствах острова, где эта порода не прослеживалась, толщу острова составлял аллювиальный песок, обогащенный измельченными раковинами. О геологически очень позднем возрасте сложенных из песка частей острова говорит полное отсутствие здесь археологических находок.

В суглинке хвостовой части острова, помимо неолитических остатков, были встречены материалы трипольской культуры, а в почвенном слое — остатки раннеславянского поселения VI—VII столетия н. э.

Следует отметить, что следы неолитического обитания (скопление *Urio* и керамика), совпавшие с выходами желтого суглинка, отмечены и на одном из маленьких островков, находящемся в промежутке между Базьковым и Митьковым островами.

Принимая во внимание то, что почти весь Базьков остров слагается из желтого суглинка, следы этой же породы сохраняются на упомянутом островке, а затем и на всей хвостовой части Митькова острова, нетрудно себе представить картину заселения местности. Заселение, несомненно, началось на геологически более древнем Базьковом острове и уже затем распространилось на Митьков остров.

Исследованное неолитическое поселение оказалось меньшим, чем поселение на Базьковом острове. Оно размещалось вдоль древней береговой линии и достигало в длину 20—30 м,

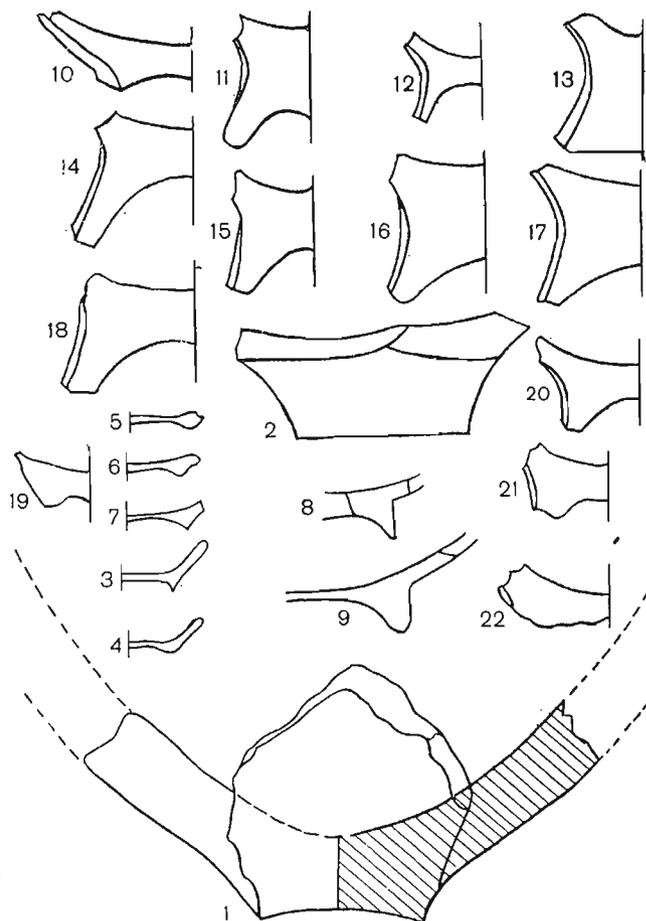

Рис. 25. Плоско-вогнутые днища сосудов.
1 — нижний (скибенецкий) слой поселения Базьков остров; 2 — пещерский слой поселения Заньковцы 11; 3—22 — образцы донца сосудов старчевской культуры.

а в ширину около 20 м. Было раскопано около 200 м², что в целом дало достаточно полное представление о памятнике.

Стратиграфию Митькова острова характеризуют следующие суммированные данные: черно-

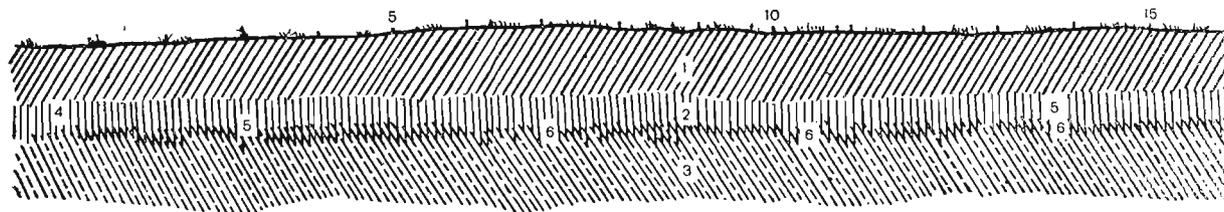

Рис. 26. Митьков остров. Разрез наслоений в прибрежной части поселения.
1 — почва; 2 — лессовидный суглинок; 3 — седиментированный суглинок; 4 — савранский слой; 5 — пещерский слой; 6 — скибенецкий слой.

земный почвенный покров с находками раннеславянской культуры в основании (0—0,85 м); желтый лессовидный суглинок с переходным горизонтом в верхней части (0,85—1,15 м), содержащий остатки трипольского времени (0,85—0,90 м); неолитические остатки савранского и самчинского типов (0,90—1,00 м); остатки начальной поры развитого неолита (1,0—1,15 м); переходный горизонт суглинка серо-желтого цвета с остатками раннеолитического возраста (1,15—1,25 м); серый седиментированный аллювиальный суглинок, лишенный археологического материала (1,25 м и глубже) (рис. 27).

Несмотря на то что в неолитические слои спорадически врезались различные ямы, связанные с жизнью раннеславянского поселения, в целом древние остатки залежали в непогрязенном состоянии. Особенно это необходимо подчеркнуть в отношении раннеолитического слоя.

Остатки развитой поры неолита залежали более рассеяно и на большей площади, однако и в этом слое удавалось отмечать развалы сосудов и места заготовок кремневого сырья. То же следует подчеркнуть и в отношении позднего неолитического — савранского слоя, который на месте вероятного жилища дал выразительное скопление фрагментов от нескольких характерных сосудов. В то же время остатки самчинского типа, а также материалы раннетрипольского времени не образовывали сколько-нибудь заметных скоплений, что говорит о временном обитании в эти периоды.

Ниже приводим краткое описание материалов, начиная с позднейших — трипольских, полученных в результате раскопок. В тех случаях, где это возможно, описываем жилищные комплексы.

Остатки трипольской культуры относятся к первой фазе развитого триполья, которая в условиях средней части бассейна Ю. Буга представлена памятниками типа Сабатиновка I⁹⁹. На нашем памятнике остатки этого времени представлены преимущественно находками фрагментированной керамики, объединяющей два типа изделий — остатки кухонной посуды и остатки более тонкой столовой посуды. Первый тип представляет фрагменты толстостенных банкообразных сосудов с шероховатой внешней поверхностью стенок. Они украшены пальцевыми отпечатками и различными налепами. Второй — обломки преимущественно небольших, серолощенных, плечистых, с короткими отогнутыми венчиками сосудов с каннелюрным и линейным орнаментом (рис. 28, 1—4).

Следующую, хронологически более древнюю, группу составляют остатки савранского време-

ни. До нас дошли следы одного наземного жилища, находившегося в северной части поселения, представленные развалами 2—3 сосудов, которые занимали площадь около 3 м².

Среди находок этого времени определенно преобладают фрагменты сосудов кухонного типа. Это глубокие, остродонные горшки S-видного профиля. Состав массы, из которой вылеплены эти сосуды, типичен для одной из групп савранской посуды — обильная примесь песка и незначительная растительная. То же, в смысле групповой принадлежности посуды к определенному типу памятников, можно сказать и об орнаменте. По признаку техники нанесения его следует определить как линейно-проглаженный. Преобладают линейно-угловатые композиции. Изредка встречается криволинейный рисунок (рис. 28, 5—11). Тонкостенная посуда представлена частями одного плоскодонного кубка.

Исходя из анализа находок савранского типа и из факта их узкой локализации, можно заключить, что найденное здесь жилище было скорее всего шалашом, построенным близ древнего поля, рядом с находившимся порогом — местом, удобным и для охоты, и, тем более, для рыбной ловли.

О находках, представляющих более древний — самчинский — период местного неолита, можно сказать совсем немного из-за спорадичности представляющих его материалов.

Только на южной оконечности поселения было зафиксировано скопление черепков однородной посуды, по-видимому, оставшееся на месте единственного для этого горизонта легкого жилища. Наличие этого скопления более ценно в стратиграфическом отношении, так как оно находилось в той части поселения, где на большей глубине залежало еще два более древних культурных слоя.

И тем не менее, говоря о бедности самчинских находок, следует подчеркнуть их характерность. Речь идет об обломках остродонных горшков S-видного профиля, отличающихся от савранских большей тонкостенностью, наличием примеси в глине мелкого песка и незначительного количества тонких растительных волокон. О самчинском типе говорит и зональный гребенчатый орнамент, типичный для посуды именно этого этапа развития культуры (рис. 28, 12—15).

Для материалов предшествующего печерского времени характерна совершенно другая картина. Во-первых, речь идет о значительном числе находок, об их разнообразии и выразительности, а во-вторых, об отдельных, насыщенных однородным материалом участках, в которых можно видеть довольно определенные следы древних жилых комплексов (см. план, рис. 26).

Так как между Митьковым и Базьковым

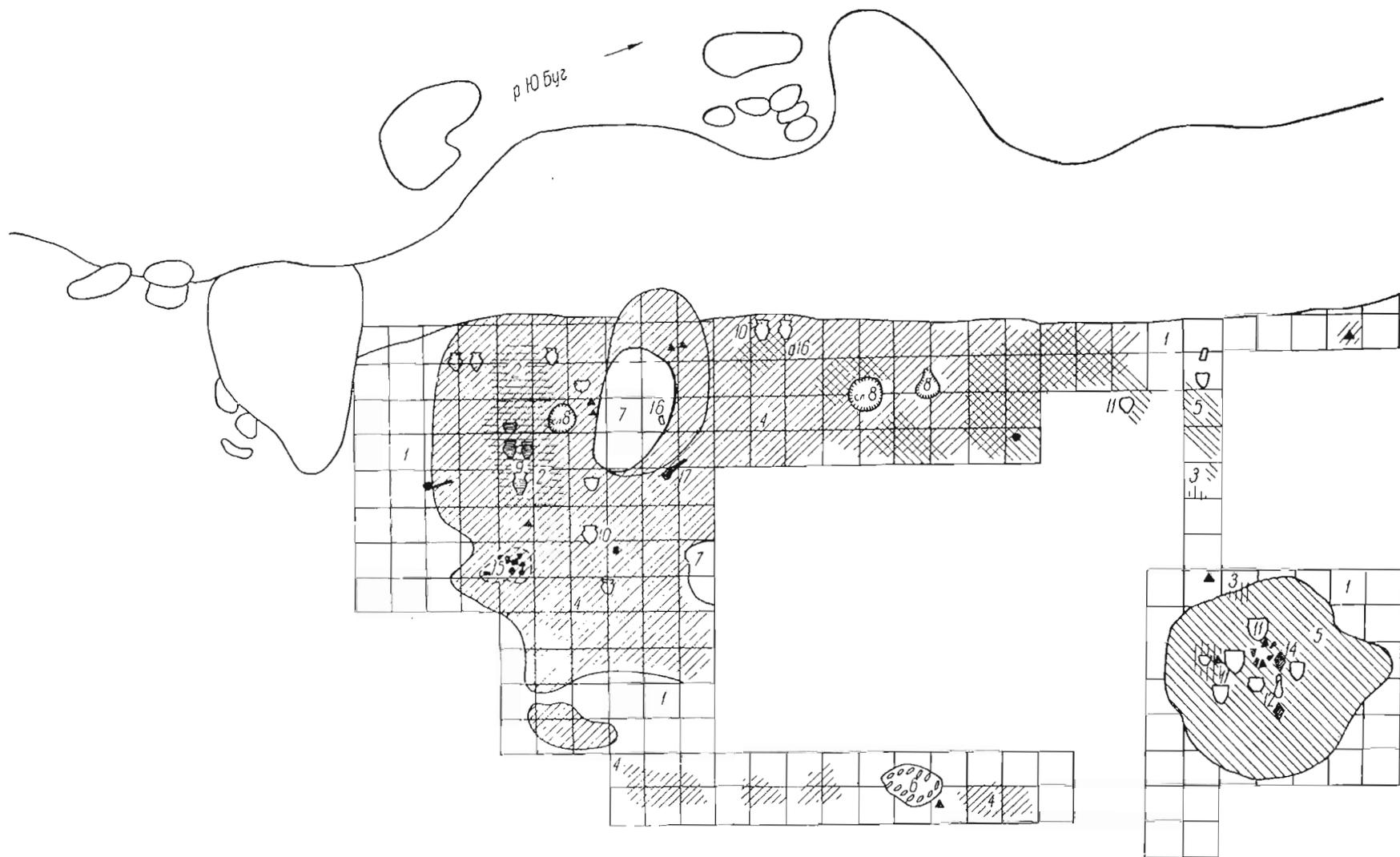

Рис. 27. Митьков остров. План размещения археологических остатков различных фаз.

1 — 1 м²; 2 — скопления савранской фазы; 3 — скопления самчинской фазы; 4 — скопления печерской фазы; 5 — скопления скибенецкой фазы; 6 — скопления Улю; 7 — скалы; 8 — ямы славянского происхождения; 9 — савранские сосуды; 10 — печерские сосуды; 11 — скибенецкие сосуды; 12 — статуэтка; 13 — нуклеусы; 14 — зернотерки; 15 — каменные основания очагов; 16 — костяные наконечники мотыг; 17 — молоток из рога.

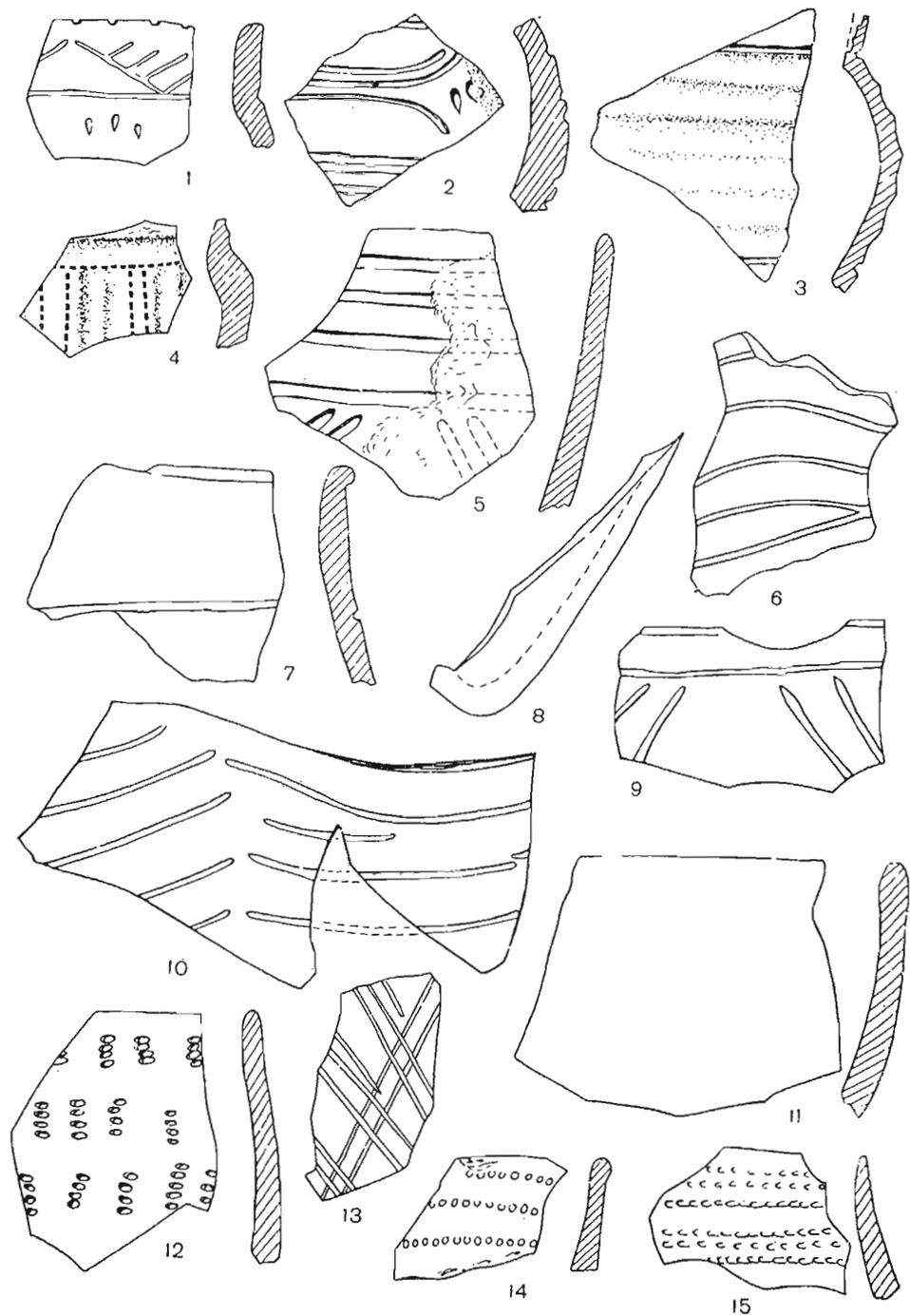

Рис. 28. Митьков остров. Образцы керамики из верхних слоев.
 1—4 — из трипольского слоя; типа Сабатиновка I; 5—22 — из савранского слоя, 12—15 — из самчинского слоя.

поселениями существовала фактическая связь, можно сделать вывод, что люди в печерское время обитали на Митьковом острове, а в самчинское — снова перешли на Базьков остров.

В состав коллекции, определяющей печерский слой, входит керамика (рис. 29, 1—13;

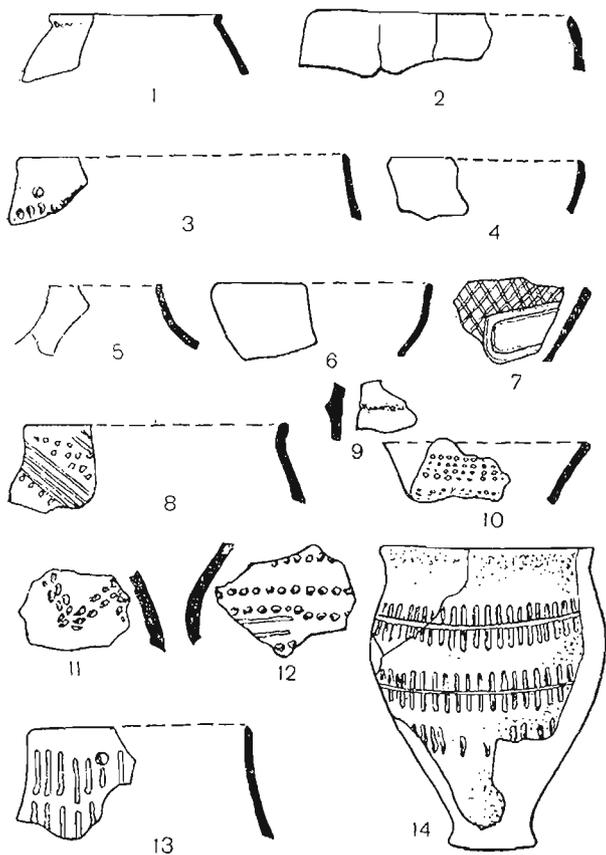

Рис. 29. Митьков остров. Образцы керамики из печерского слоя.

1, 5 — верхние части подлощенных бомбовидных сосудов; 2, 4, 6 — части подлощенных полусферических мисок; 3, 11 — фрагменты от банкообразных «кухонных» сосудов, украшенных защипным орнаментом; 14 — сосуд S-видного профиля с простым линейным орнаментом; 12—13 — фрагменты сосудов S-видного профиля; 10 — придонная часть несомненно «печерского» сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом; 7, 8 — фрагменты сосудов со сложным линейным орнаментом; 9 — фрагмент сосуда с валиковым налепом.

30, 1, 3—5), микролитический кремль, отходы от их производства, нуклеусы в различных стадиях использования, зернотерки небольших размеров ромбической формы, костяные и роговые инструменты, многочисленные кости животных, а также раковины *Unio*.

Наибольшая концентрация находок этого времени совпадает с прибрежной полосой поселения. Находки, постепенно уменьшаясь в числе, были обнаружены в глубине острова на расстоянии не менее 15 м от линии древнего берега. Несмотря на то что средняя часть поселения осталась нераскопанной, общий харак-

тер залегания остатков описываемого слоя сходен с залеганием печерской фазы на поселении у с. Печеры, отвечавшим большому наземному жилому комплексу.

Из числа наиболее выразительных скоплений отмечаем развал глубокого плоскодонного (?) сосуда S-видного профиля, украшенного опоясывающими линиями с вертикальными на-

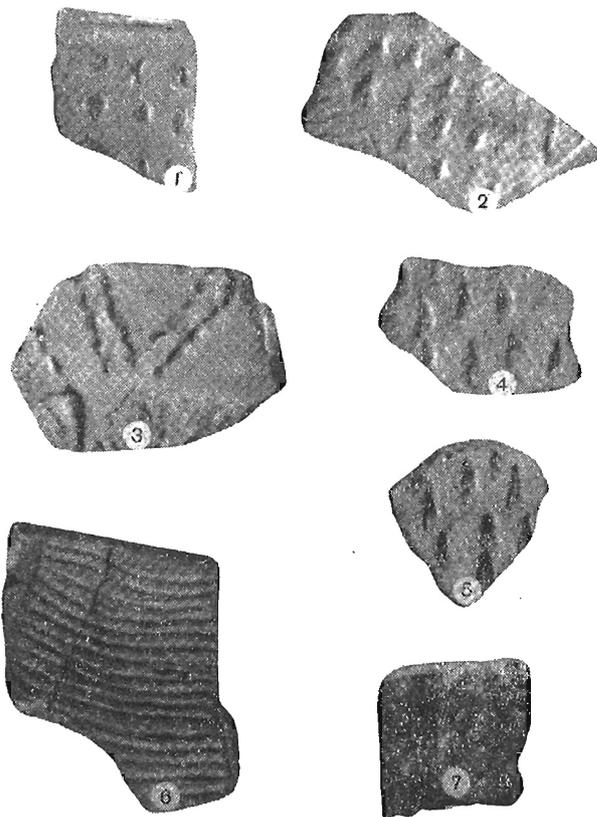

Рис. 30. Образцы керамики печерской фазы.

1, 3, 5 — фрагменты керамики с защипным и колосковым орнаментом; 2 — фрагмент керамики с защипным орнаментом; 6 — верхняя часть горшка S-видного профиля с текстильным орнаментом; 7 — венчиковая часть серолощенной профилированной миски.

сечками (рис. 29, 14), сопровождавшийся парой костяных поперечно-лезвийных мотыг (рис. 31, 1—4) и другими менее значительными находками.

Следует отметить скопление раковин *Unio*, находившееся на расстоянии 13 м от берега, видимо, уже за пределами жилого комплекса.

Более детальное описание археологического материала печерской фазы естественнее всего начать с самой показательной части — с остатков глиняной посуды.

Последняя распадается на две технологически четко обособленные группы. Первую составляют сосуды, изготовленные из глины, отощенной примесью толченых раковин *Unio* и крупными растительными волокнами. Вторую,

менее многочисленную группу представляют обломки сосудов, изготовленных из глины, отощенной путем примешивания довольно значительного количества песка.

В составе сосудов первой технологической группы наиболее типичны довольно высокие, судя по аналогии из Печеры, плоскодонные

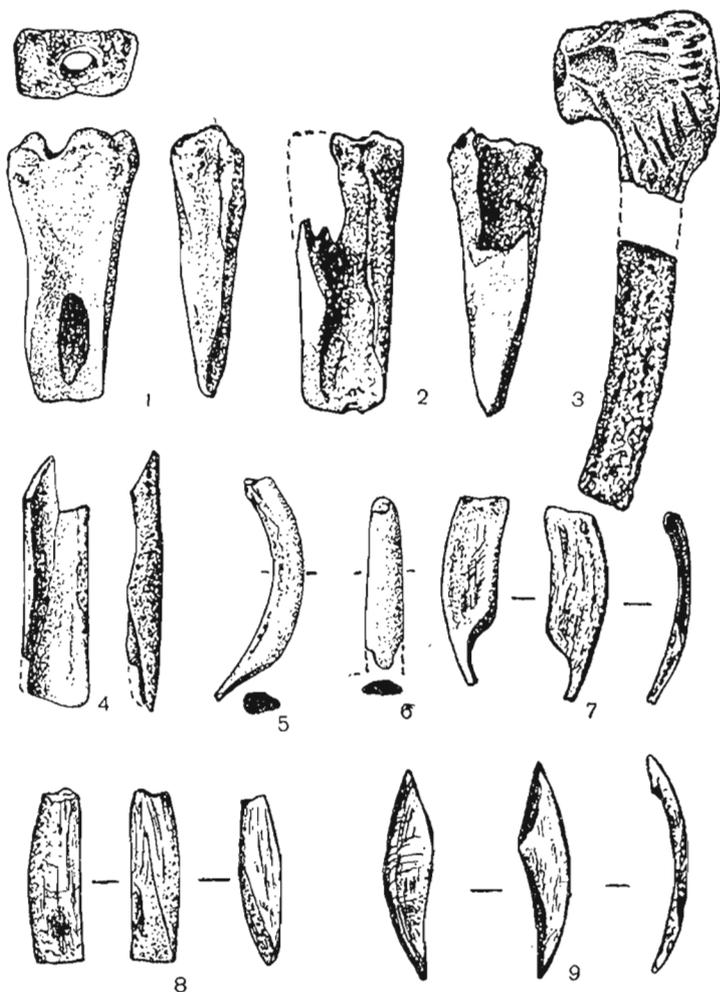

Рис. 31. Митьков остров. Образцы изделий из кости.
1, 2, 4 — целый и поврежденные экземпляры мотыг с поперечной постановкой лезвия; 3 — молот-киянка; 5, 7, 9 — ножи-скобели (струги); 6 — блесна; 8 — долотце.

горшки с прямым или слегка отогнутым венчиком (рис. 29, 8, 13, 14). Их украшает простой геометрический орнамент (сетка, линии с насечками и др.), исполнявшийся в технике врезания или проглаживания линий. Далее следуют широкооткрытые, полусферические миски с плавно загибающейся внутрь венчиковой частью (рис. 29, 2, 4). Если не считать лощения, подобные сосуды ничем не украшались. По-видимому, к этой же группе следует отнести остатки нескольких сосудов, напоминающих описанную выше форму, но гораздо более глубоких и к тому же украшенных сложным криво-

линейным проглаженным орнаментом и зашипами (рис. 29, 3, 7). К этой же технологической группе относится и некоторое количество обломков сосудов неопределенной формы, украшенных типичным керешским пальцево-защипным орнаментом.

Остатки посуды второй технологической группы весьма малочисленны, но интересны своим своеобразием. Речь идет об обломках небольших плоскодонных горшков ближе не установленной формы, украшавшихся типично керешскими способами — пальцевыми оттисками, намазными барботинами и валиками (рис. 29, 9), а также парными пальцевыми зашипами, образующими так называемый колосковый рисунок.

Третью, представленную единичными находками, группу посуды характеризуют низкие, отличающиеся сложностью профиля чаши, изготовленные из хорошо отмученной, красноватой в обжиге глины (так называемая монохромная посуда балканских памятников)¹⁰⁰.

Менее показательную группу, в отношении хронологического положения и культурной принадлежности печерского комплекса Митькова острова, составляют кремневые орудия. Кремневый инвентарь в целом ничем не отличается от инвентаря других поселений бугднестровской культуры.

В состав костяных орудий, происходящих из описываемого слоя Митькова острова, входит ряд изделий, хорошо известных по другим местонахождениям, — шилья, ножи и долота из клыков кабана и пр. (рис. 31, 7—9), костяная блесна (рис. 31, 6). Однако только здесь удалось обнаружить сделанные из трубчатых костей своеобразные наконечники мотыг с поперечной постановкой рабочей части и отверстием для коленчатой рукояти, помещенном на торце — верхней поверхности эпифиза (рис. 31, 1, 2). Не менее своеобразен сделанный из рога оленя молоток (или колотушка), украшенный врезанным зигзаговым рисунком (рис. 31, 3).

Уникальную находку, происходящую из этого (или подстилающего: 1,1 м от условной точки) слоя, представляет собой фрагментированная женская статуэтка, изготовленная из мергеля и украшенная сложным линейным рисунком (рис. 32). Она имеет аналогии в древнейшей глиняной культовой пластике Балкан¹⁰¹, а в отношении орнамента ближе всего стоит к пластике хаманджийской культуры¹⁰².

Иную картину залегания дает скибенецкий слой, лежащий в основании стратифицированной раннеолитической толщи. Это прежде всего выражается в большей собранности и малых площадях залегания археологического материала.

Речь идет о двух скоплениях материала, отвечающих наземным или слегка углубленным жилищам.

Первое пятно культурных остатков образовывало узкую полосу, шедшую вдоль берега на расстоянии около 10 м и шириной около 2 м. Только в одном месте, где прослеживалось ско-

говатым пятном, прослеживающимся в глубине поселения на Митьковом острове, с прибрежным рядом из девяти жилищ-камер и блоком из двух камер в глубине на Базьковом острове.

Своеобразие и древность материалов нижнего слоя исследуемого поселения подтверждается не только глубиной залегания (1,05—1,25 м

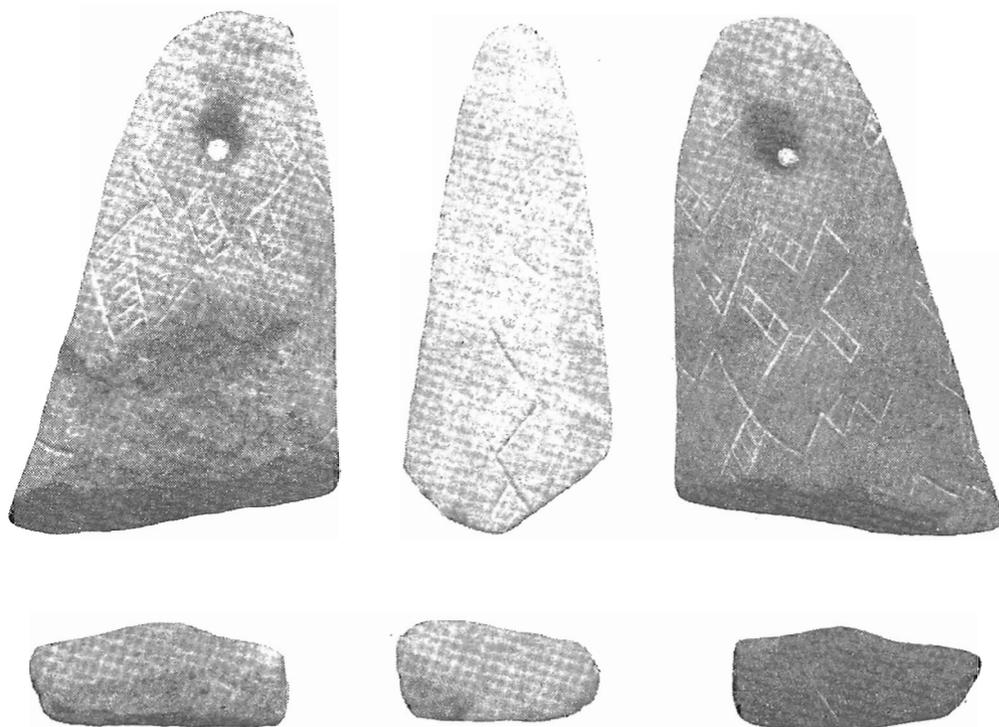

Рис. 32. Антропоморфная статуэтка из мергеля, украшенная линейно-врезаным орнаментом.

пление фрагментов керамики, ширина достигала 3 м.

Первое скопление характеризуют фрагменты керамики, кремня, кости животных и раковины *Uro*. С жильем, по-видимому, придется связывать не все это скопление, а лишь ту его часть, где находилось скопление остатков посуды,— западную.

Второе, более компактное, скопление материала начиналось на расстоянии около 5 м от берега. Оно представляло собой пятно подпрямоугольной формы 6 × 6 м. В центре его находился развал шиподонного сосуда (рис. 33), части нескольких других подобных сосудов, кучки грубых нуклеусов и пр. Это скопление характеризуют находки костей животных и единичных кремней.

Оба скопления можно рассматривать как следы обитания на этом острове части, вероятно, того же самого коллектива, который оставил нижний слой на Базьковом острове. В частности, напрашивается сравнение между продол-

от условной точки), но также относительной стерильностью перекрывавшей их части суглинка (особенно в прибрежной части), а также самим архаизмом материала, в частности, его сходством с соответствующими данными Базькова острова.

Наиболее важной в первом скоплении является находка развала глубокого остродонного сосуда, украшенного сложной линейно-проглаженной, меандро-воллютовой композицией, сопровождающейся отпечатками зубчатого штампа.

Состав находок второго («глубинного») скопления значительно сложнее и богаче. Находившиеся здесь обломки глиняной посуды особенно близки к найденным в нижнем слое Базькова острова. Твердо устанавливается наличие глубоких, со слегка склоненной внутрь венчиковой частью остро- и шиподонных горшков, украшенных сложным линейным меандро-воллютовым орнаментом (рис. 34, 1—5).

Орнамент одного из частично реставрирован-

ных сосудов особенно сложен. Он состоит из основного, разделенного на несколько полей меандро-волнотного рисунка, обрамленного наколами, и в пределах определенных полей сопровождающегося дополнительным сетчатым рисунком, что в целом обуславливает позитивно-негативный характер всей композиции (рис. 34, 2).

Культурно-стратиграфическое значение раскопок, проведенных на Базьковом и Митьковом островах, несомненно. Оба памятника дополняют друг друга. Исключительно важным явилось

Рис. 33. Митьков остров. Нижний слой. Остродонный сосуд с суженной верхней частью. Реконструкция.

выделение особого скибенецкого культурно-исторического комплекса, определившегося сначала на Базьковом острове, а затем подтвердившегося и на Митьковом острове. Самобытность печерского типа памятников, культурно и хронологически вполне сопоставимых с данными старчевско-керешской культуры, подтверждена соответствующим слоем на Митьковом острове. В то же время самобытность самчинского типа памятников и их синхронность с фазой нотной керамики дунайской культуры полностью подтвердились соответствующим слоем Базькова острова. То же, применительно к этим памятникам, следует сказать и о находках савранского времени.

Необходимо подчеркнуть, особенно для Базькова острова, наличие достаточных стерильных прослоек, дававших возможность членить материал, основываясь не столько на признаках типологического порядка, сколько на данных реальной стратиграфии.

Соколы II. Одним из наиболее древних стратифицированных поселений буго-днестровской культуры, несомненно, является поселение Соколы II. Оно расположено на расстоянии около 1 км к западу-северо-западу от с. Соколы Гайсинского района Винницкой области.

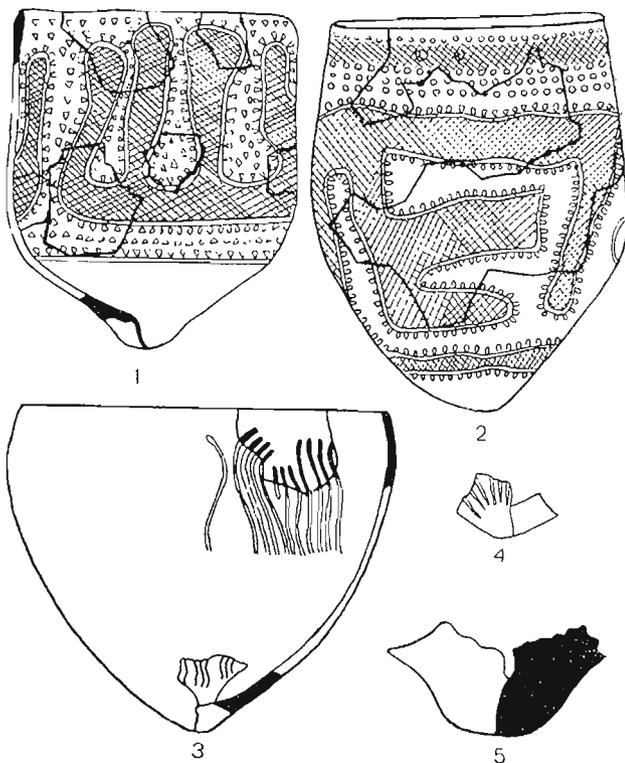

Рис. 34. Митьков остров. Сосуды из нижнего (скибенецкого) слоя.

1, 2 — шиподонный и остродонный сосуды с суженной верхней частью, украшенные сложным линейным орнаментом; 3 — глубокий мискообразный сосуд со сложным линейным орнаментом; 4 — фрагмент закругленного дна; 5 — фрагмент закругленно-шиповатого дна.

Этот памятник, как и другое поселение этого района — Соколы I, находится на подмываемой половодьем надпойменной террасе левого берега Ю. Буга, в устье старицы, перерезывающей хорошо выраженную надпойму, достигающую здесь в ширину свыше 0,5 км и впадающую в реку на месте древнего порога (рис. 35; 36; 37).

Проточная часть дельты старицы в ширину достигает 80 м. Слева от нее, за полосой луга шириной всего в 5—6 м, находится поселение Соколы I. Справа, за полосой луга шириной свыше 50 м и пониженной частью надпоймы той же ширины, размещалось поселение Соколы II.

Таким образом, оба поселения возникли, подобно поселениям у с. Скибены, по сторонам одного и того же порога, на берегах одного и того же притока (рис. 35), и их характеризу-

ют принципиально сходные геоморфологические данные.

Уже при первом обследовании местности бросалось в глаза, что упоминавшаяся выше широкая надпойма отделена от коренного скалистого берега реки довольно широкой проходной долиной, с которой на каком-то отрезке сливается и поименованная выше старица. Эта

Это обстоятельство, по-видимому, прежде всего указывает на меньшую разрушенность поверхности поселения Сокольцы II.

Следует отметить определенную разрушенность мыса и соседствующей с проходной долиной части террасы, где, несмотря на наличие соответствующего суглинка, неолитических находок почти не оказалось.

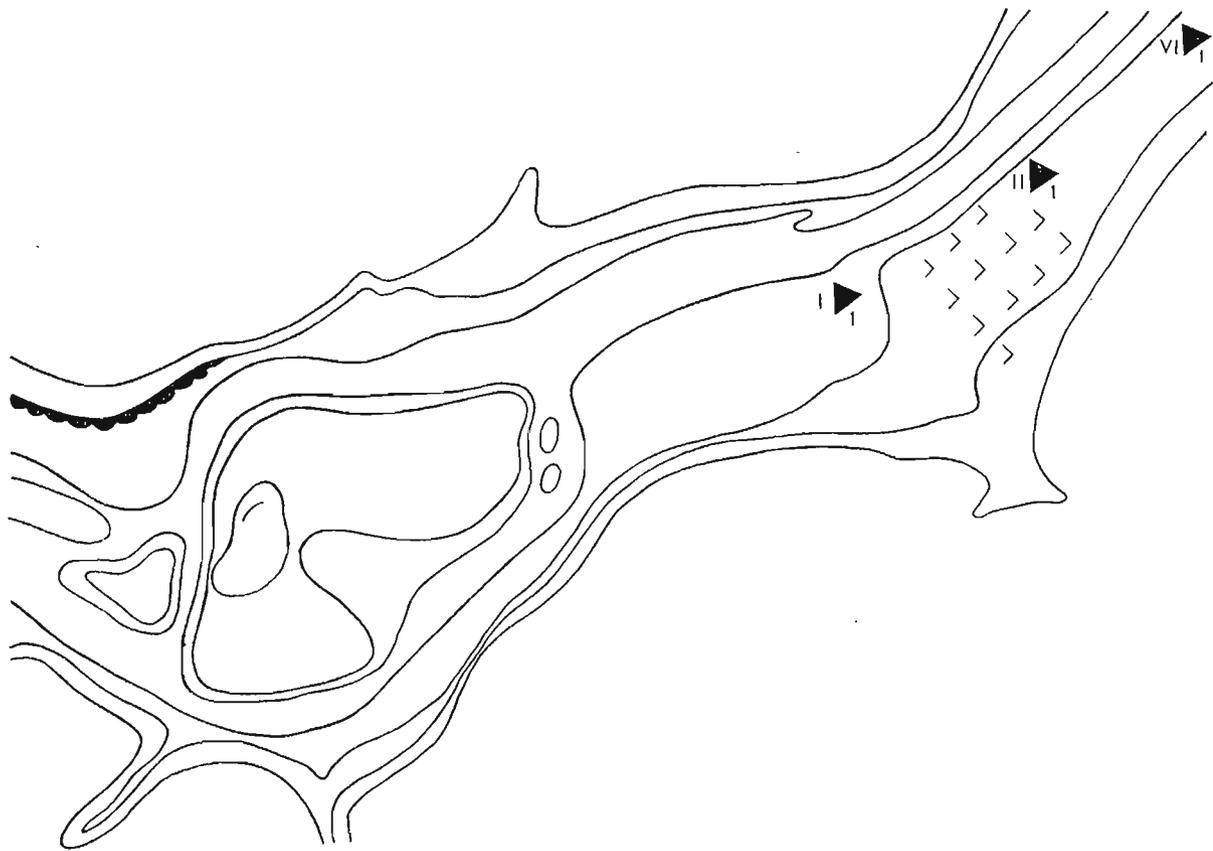

Рис. 35. Схема соколецкого узла неолитических поселений.
I — Сокольцы I; II — Сокольцы II; VI — Сокольцы VI.

проходная долина просматривается выше и ниже по течению реки на расстоянии многих сотен метров и, наконец, упирается в современное русло.

В то же время лессово-иловатый суглинок, который в припорожистой части включает отложения названных поселений, прослеживается и далее, в пределах узкой приречной полосы.

Иными словами, в сравнительно недавнее геологическое время места, занятые обоими поселениями, представляли собой часть более обширных островных образований, возникших выше и ниже порога.

Не вдаваясь в подробный геоморфологический анализ интересующей нас местности, заметим, что урочище, занятое поселением Сокольцы I, гораздо ниже, чем поселение Сокольцы II.

Вполне вероятно, что вследствие какого-то временного повышения уровня реки обитание на поселении Сокольцы II стало неудобным и взамен его возникло поселение Сокольцы VI, находящееся на более высоком уровне террасы, на расстоянии до 100 м выше по течению реки от описываемого памятника.

На площади поселения было раскрыто около 400 м². А с помощью зачисток, траншей и шурфов была обследована береговая линия и перерезана вся терраса — вплоть до начала проходной долины.

Размеры раскопанной площади и зондирование обеспечили полное исследование памятника. В частности, с помощью системы шурфов и траншей, перерезавших террасу, был установлен прибрежный (т. е. островной) характер суглин-

ка, а с ним, что можно сказать и в отношении почти всех поселений буго-днестровской культуры, и приречный характер всего поселения.

Очевидные следы обитания были обнаружены в 50 м от мыса террасы и шли вдоль берега реки на расстояние 75—80 м. В ширину раскопанная площадь в отдельных местах достигала

сейна: 0—0,5 м — почвенный покров; 0,5—1,30 м — желтый лессово-иловатый суглинок (переходным горизонтом в верхней части; 1,30 м и ниже — серый седиментированный суглинок без археологического содержания).

В описанной выше толще залегали остатки различных археологических возрастов — от ран-

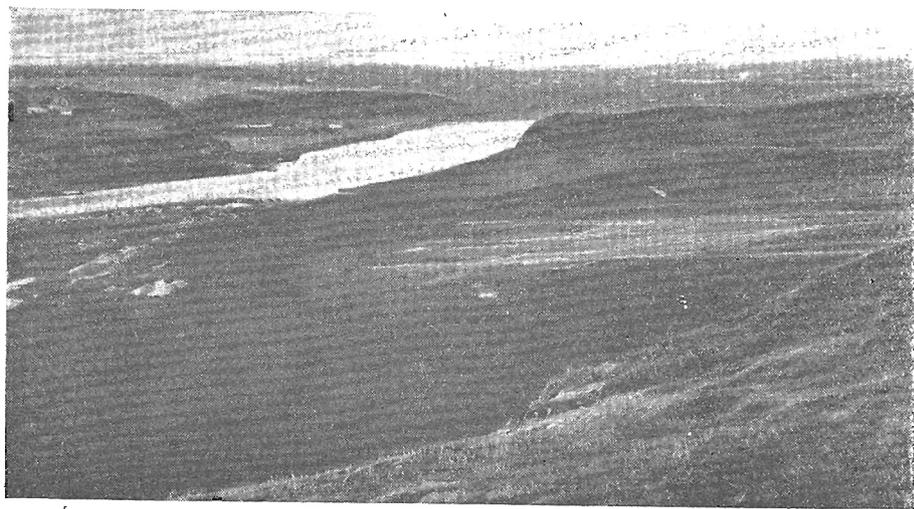

Рис. 36. Общий вид на соколецкий узел неолитических поселений. В центре видны раскопы на поселениях II и VI.

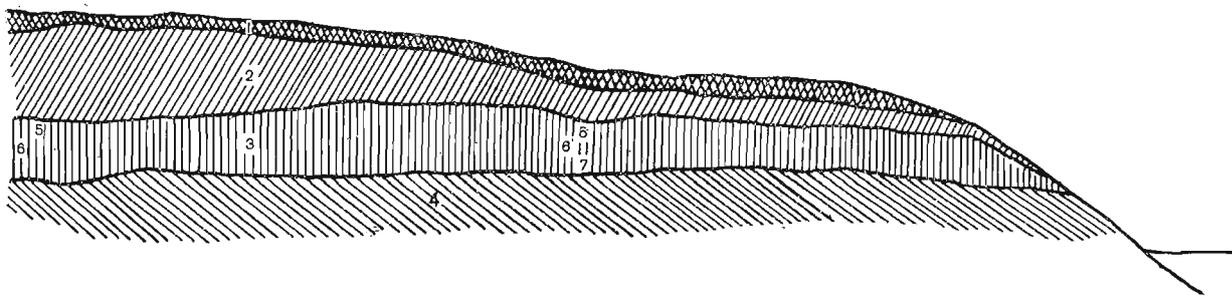

Рис. 37. Соколыцы II. Поперечный разрез прибрежной части террасы.
1 — дерн; 2 — почва; 3 — лессовидный суглинок; 4 — седиментированный суглинок; 5 — савранский слой; 6 — самчинский слой; 7 — соколецкий слой.

10 м. Однако ширина размещения археологических остатков почти никогда не превышала 6 м.

Показательно, что в глубине террасы, где лессообразная порода постепенно выклинивалась и замещалась геологически более поздним серым по цвету подпочвенным слоем, встречались только одиночные черепки позднейшего неолитического времени.

На расстоянии 50—60 м от берега почвенный покров уже налегал на ископаемую болотистую почву, увязывающуюся с упоминавшейся ранее депрессией проходной долины.

Строение террасы на месте поселения — обычное для большинства памятников бугского бас-

него железного века до сравнительно раннего неолита. Описание этих материалов приводим ниже.

Примерно в средней части гумусного покрова спорадически встречались одиночные находки керамики раннего железного века — остатки лепных грубых горшков и чернолощеных мисок, вероятно близких, культурно и хронологически, корчеватовской культуре.

В основании почвенного покрова (рис. 38) довольно часто встречались фрагменты сравнительно поздней трипольской керамики — кухонной, нередко с жемчужным орнаментом и росписью кошиловецкого типа. К этому же горизон-

ту относится и находка медного долота с двумя рабочими краями. Из других находок, происходящих из этого же горизонта, следует назвать спорадически встречавшиеся расколотые кости животных, а также раковины *Unio*.

Характер трипольских отложений отнюдь не говорит о сколько-нибудь длительном обитании

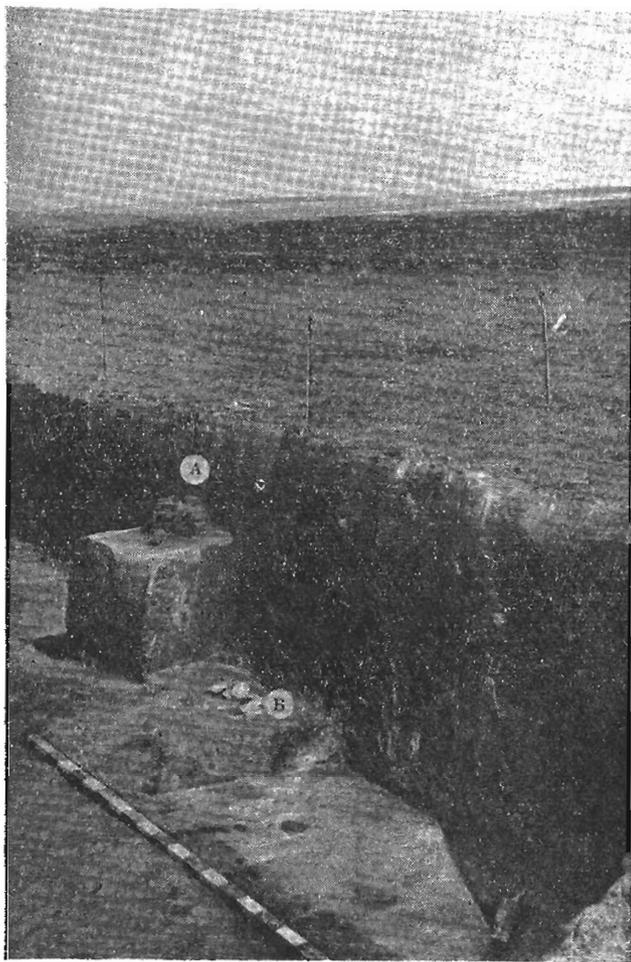

Рис. 38. Соколыц II. Соотношения залеганий позднетрипольского (А) и ранненеолитического (Б) слоев.

трипольцев на этом месте, а скорее — об использовании описываемого места в качестве земельного угодия.

На поселении хорошо прослеживались два неолитических слоя, залегающие в толще желтоватого суглинки, — поздний и ранний.

Поздний неолитический горизонт залегал в средней части суглинки на глубине от 0,80—0,85 м до 1,1 м от условной точки. Его представляют находки савранского типа, обнаруженные почти на противоположных концах поселения.

На восточной оконечности поселения был найден развал крупного сосуда S-видного профиля (высотой до 70 см, диаметр венчика —

около 50 см). Его венчиковая часть и плечики залегали на глубине 80—85 см, а донная часть, несущая следы повторного обжига, вероятно вследствие того, что была вкопана, обнаружена на 15—30 см глубже. Несомненно, речь идет о первобытном котле, к тому же найденном на том месте, где он был в свое время вкопан*. О том, что это сосуд савранского типа, говорит особенность формы, обильная песчаная и тра-

Рис. 39. Фрагменты керамики. 1, 2 — хмельникская фаза; 3—9 — савранская.

вянистая размочаленная примесь и пр. Верхняя часть сосуда орнаментирована крупной кривой сеткой, исполненной в савранской технике проглаживания широких линий (рис. 39, 4). Можно предположить, что этот сосуд, залегавший развалом около 2 м² и не сопровождавшийся никакими другими находками, все же фиксирует место жилища.

* Такое же размещение и характер частей сосуда на месте развала (обожженная придонная часть глубже, а необоженная верх выше) нам приходилось отмечать для ряда памятников этого же времени. Это обстоятельство следует учитывать для объяснения рассредоточения находок по вертикали.

Второе скопление материалов этого же времени находилось на расстоянии около 45 м на запад-юго-запад от описанного выше развала и залегало на той же глубине.

С определенной долей условности его можно подразделить на две части — продолговатое пят-

тому же типу, что и описанный выше сосуд. В северной, протянувшейся в глубь террасы части скопления было найдено несколько десятков обломков однородной в технологическом отношении посуды. Из форм определяется кухонный горшок S-видного профиля, украшенный в верх-

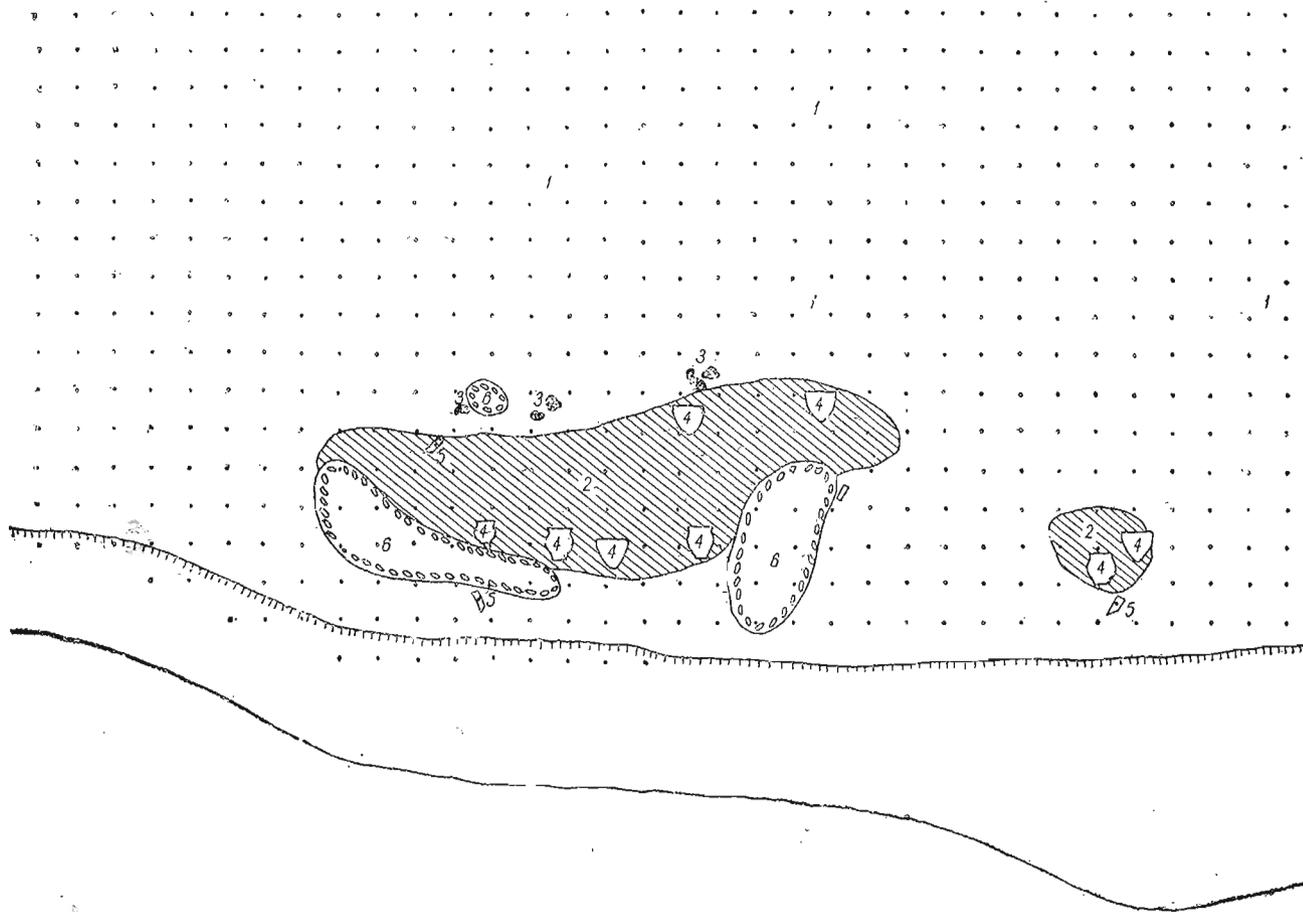

Рис. 40. Соколы II. План размещения археологических находок: 1 — 1 м²; 2 — скопления археологического материала; 3 — очажные камни;

но находок 6×2—3 м, ориентированное длинной осью перпендикулярно берегу, а также менее насыщенное находками пятно, вытянувшееся с востока на запад вдоль берега, на расстоянии 8—10 м.

Если не считать количественных различий, обе части этого пятна по характеру археологических находок ничем не отличались. Их заполняли расколотые кости животных (главным образом оленя), различные кремневые изделия, немногочисленные ракушки *Uliu*, а также фрагменты посуды. Особо отмечаем найденную в прибрежной части комплекса небольшую клиновидную мотыгу савранского типа¹⁰³.

Обнаруженные в пределах этого культурного пятна остатки глиняной посуды принадлежат к

ней части линейно-проглаженным орнаментом меандрового рисунка (рис. 39, 3). Интересна находка его придонной части, залегавшей ниже уровня других находок.

В прибрежной части пятна остатков посуды оказалось значительно меньше. Из найденного следует назвать обожженную придонную часть остродонного сосуда, обнаруженную глубже большинства находок.

Остатки савранского времени говорят о недолговременном пребывании неолитических жителей на этом месте.

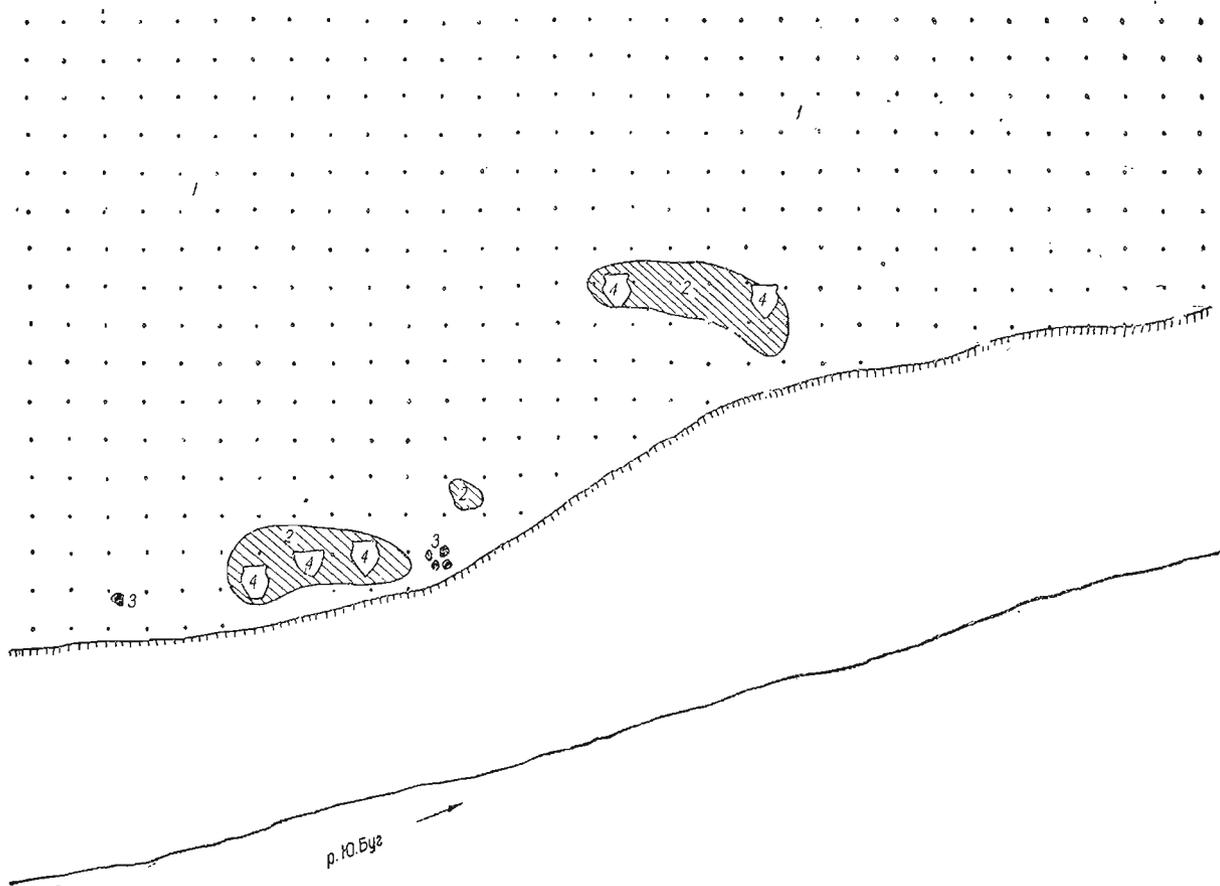
Можно думать, что относительно долговременно заселенным участком поселения (возможно, даже землянкой) было лишь продолговатое скопление, идущее в глубь террасы. Здесь

плотность находок была наиболее значительной — не менее 30 на м².

Что касается развалов большого и малого горшков S-видного профиля, обнаруженных почти на крайних точках поселения, то они, скорее всего, фиксируют жилища типа шалашей, стро-

поселения). Находки залежали выше отложений раннеолитического — соколецкого слоя, являющегося основным эпонимным памятником, и ниже отложений савранского времени.

Слой с остатками соколецкого типа залегал почти на поверхности седиментированного суг-

остатков в нижнем (раннеолитическом) слое.
4 — сосуды; 5 — роговые мотыги; 6 — скопления Уліо.

ившихся на период весенне-летних земледельческих работ близ поля и порога.

Предполагаемый характер заселенности территории вполне отвечает тем геоморфологическим данным, которые были приведены выше, — место поселения Сокольцы II в конце неолитической эпохи, очевидно, имело вид небольшого полузатопленного острова.

Кроме описанных выше материалов, относящихся к концу неолита, на территории поселения Сокольцы II было найдено небольшое количество находок, относящихся к концу развигтой поры неолита (немногочисленные фрагменты самчинской керамики со штамповым орнаментом, а также скопление раковин Уліо этого же времени в начале западной половины

линка, в переходном к нему горизонте, и, повторяя его рельеф, начинался на глубине от 1 до 1,40 м.

По количеству и разнообразию материала этот слой выгодно отличается от описанного выше. Здесь встречен целый ряд скоплений, включающих спорадические находки кремневых изделий, орудия из рога, кости и клыка кабана, а главное, до 20 развалов разнообразных сосудов. Исключительно немногочисленны кости животных, но зато, как бы взамен их, археологический материал сопровождался несколькими скоплениями раковин Уліо.

Описываем основные скопления, в которых, по нашему мнению, следует видеть следы жилищно-бытовых комплексов. Перечень их ведет-

ся от края поселения, близкого к мысу, т. е. с юго-востока. Такая последовательность описания обусловлена хронологическими различиями, существовавшими между отдельными комплексами (рис. 40).

Комплекс № 1 находится на восточно-северо-восточной оконечности поселения и представ-

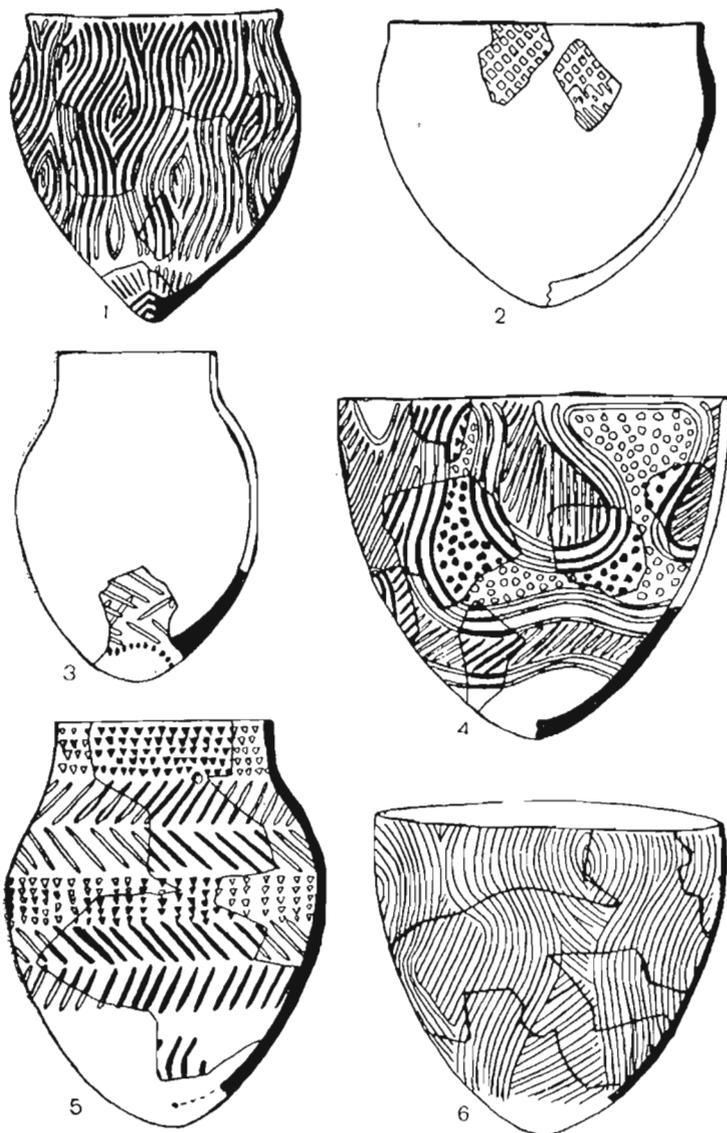

Рис. 41. Соколыцы II. Керамика из нижнего (соколецкого) слоя.

ляет собой скопление фрагментов от четырех сосудов и редких костей животных, что в целом составляло пятно, вытянутое вдоль берега, т. е. с северо-юго-востока. Площадь его $5,5 \times 2$ м (рис. 40).

Из числа находок особый интерес представляет небольшой, почти полностью реставрированный остродонный горшок S-видного профиля (№ 9), с примесью крупных растительных

волокон и толченой раковины. Поверхность стенок подлощена. Орнамент сосуда сложный, криволинейный, исполненный в технике проглаживания линий. Систему его составляют многолинейные вертикальные ленты, с овальными расширениями, размещенными в несколько рядов, в шахматном порядке; дно занято с трудом восстанавливаемой звездчатой фигурой с лучеобразным обрамлением (рис. 41, 1).

От второго сосуда (№ 2), также представлявшего собой остродонный горшок S-видного профиля, сохранилась только часть венчика. Состав глиняной массы подобен описанной выше. Поверхность стенок сглажена. Орнамент, шедший по венчику, линейно-проглаженный, скомпонованный в косую сетку, чуть ниже — следы округлых вдавлений (рис. 41, 2; 42, 3).

От третьего сосуда (№ 13), в отношении технологических признаков сходного с двумя описанными выше, сохранился только кусок придонной части с участком плоского донца. Придонная часть украшена вертикальными зигзагами, составленными из широких и мелких проглаженных линий.

От четвертого сосуда (№ 14) осталось всего несколько фрагментов. По массе он близок к другим сосудам, но поверхность стенок его только сглажена. Если исходить из отдельных обломков, присущий ему орнамент состоял из многолинейных лент меандро-волютового рисунка, в котором отдельные промежутки между линиями и изгибы главного рисунка заполнялись крупными округлыми наколами (рис. 42, 4; 43, 6).

Важно отметить, что части сосудов (№ 2 и № 9) находились также в соседнем (№ 2) скоплении.

Комплекс № 2 по составу находок аналогичен с описанным выше и находился к западу от последнего, на расстоянии 3 м. Он вытянут длинной осью с запада-юго-запада на восток-северо-восток, т. е. вдоль берега реки, и занимал площадь около $9 \times 2,5$ м (рис. 40).

Наиболее значительной находкой в этом комплексе является довольно крупный, остродонный, сравнительно узкогорлый горшок S-видного профиля (№ 1). Состав массы, обработка поверхности — обычные. Орнамент — линейно-проглаженный. Он довольно несложен — по венчику полоса из пяти параллельных рядов, состоящих из крупных округлых наколов, ниже полосы — ряд углов, по средней части тулова — вторая лента из наколов, после второго ряда наколов — полосы, а ниже их — группа неряшливых вертикальных зигзагов, почти достигающих дна (рис. 41, 5; 42, 5). Сосуд занимал центральное по-

ложение в культурном пятне. Сам развал его образовывал вытянутую фигуру длиной до 3 м и шириной около 1 м, ориентированную с севера на юг. У южного конца скопления, вероятно у места придонной части сосуда, находилось несколько камней, обозначавших место небольшого очага, а также обломки донной части от подобного сосуда (рис. 41, 3).

Справа и слева от этого скопления, на расстоянии до 3 м, находились остатки двух сосудов, описанных выше (№ 9 и № 2).

Исходя из того, что остатков последнего сосуда здесь было больше, чем в предшествующем комплексе, можно предположить, что в бытовом отношении он связан именно с ним или, во всяком случае, с этим местом.

Комплекс № 3 находился в 8 м к северо-западу от предшествующего. Археологический состав этого пятна аналогичен двум предыдущим комплексам. На месте сохранился один очажный камень. Скопление в целом небольшое (3×2 м), вытянутое длинной осью вдоль берега — с северо-запада на юго-восток (рис. 40).

Находки, в основном, представлены остатками двух сосудов — большого остродонного кухонного и малого (обиходного) плоскодонного, а также лезвийной частью роговой мотыги.

Более крупный сосуд представлен подчеркнuto массивной придонной частью, сохраняющей острое дно и часть нижней половины тулова. Состав массы обычный, но грубее, чем у других сосудов. Орнамент его напоминает орнамент других сосудов этого типа. Дно обрамлено рядом крупных округлых наколов, выше них видны следы вертикальной зигзаговой композиции, скомпонованной из мелких, но широких линий, подобных линиям на сосуде № 13. Сосуд предназначался для варки пищи.

Меньший обиходный сосуд принадлежит к числу изделий S-видного профиля. У него невысокий, плавно отогнутый венчик и вытянутое тулово. Дно сосуда массивное, небольшого диаметра. Масса сосуда в целом обычна, но довольно тонко промешана. Обжиг в печи с восстановительным пламенем. Поверхность стенок подлощена. Орнамент тонкий, линейно-проглаженный, дополняющийся небольшими округлыми наколами. Орнаментальная композиция двучленна и в целом, вероятно, близка к тому, что отмечено для сосуда № 14. Она состоит из волнистой ленты и дополняющих ее наколов по венчику, а также сложного многолинейного ленточного меандро-воллютового рисунка, занимающего тулово сосуда, за исключением придонной части. Промежутки между отдельными линиями, а также верхние части меандро-воллютового изгиба заполнены наколами (рис. 42, 1; 43, 1).

Комплекс № 4 находится к северо-западу от последнего, на расстоянии около 4 м. Он состо-

ит из подпрямоугольного пятна, заполненного обычными археологическими остатками, главным образом фрагментами керамики, редкими костями животных, а также из обширного скопления раковин *Unio*, расположенного к западу-юго-западу от основной части комплекса (рис. 40).

Обе части этого комплекса в значительной степени переплелись, и поэтому площади их оп-

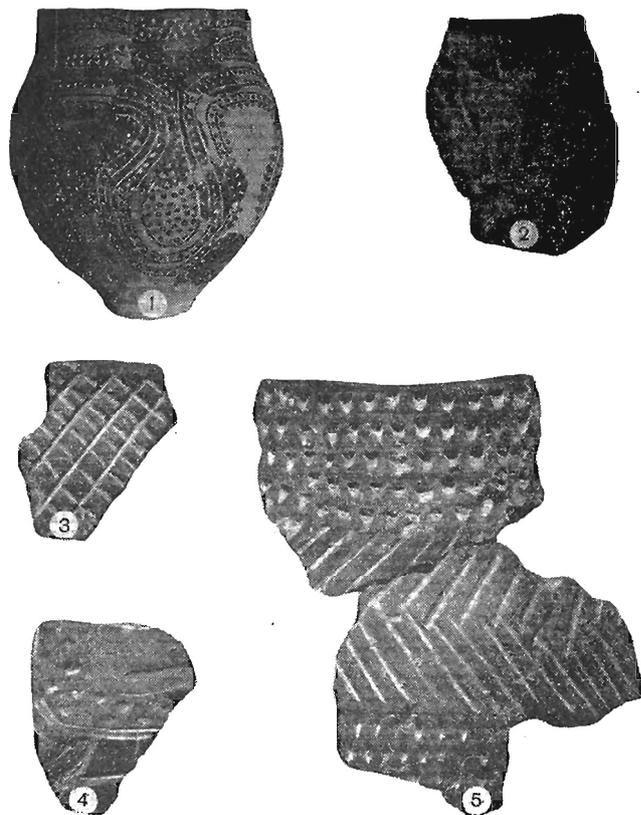

Рис. 42. Сокольцы 11. Нижний слой.
1 — реконструированный сосуд; 2-5 — образцы керамики.

ределяются приблизительно. Основная часть комплекса протянулась вдоль берега реки. Это продолговатая фигура площадью 6×4 м. Скопление раковин образует подковообразную фигуру, один конец которой шел параллельно главной части комплекса, а другой вытянут в направлении берега реки. Исходя из крупных размеров этого скопления (около 8 м²) и оценивая его странную конфигурацию, можно думать, что оно накопилось в несколько приемов и, возможно, из разных источников.

Самой главной находкой, характеризующей этот комплекс, является обнаруженный в северо-восточной части скопления распавшийся крупный сосуд (№ 12) в виде глубокой, остродонной, слегка раздутой в средней части чаши (скорее

всего котел для варки пищи). По составу и по грубости массы он напоминает крупные горшки S-видного профиля.

Сосуд украшен горизонтальным рядом наколов, находящихся ниже среза венчика, за ним

поверхности и, наконец, более сложной системой орнамента. Орнамент подразделяется на линейно-проглаженную основу, крупные наколы и длинные нарезки, дополняющие основную схему. В целом орнамент представляет собой сложную меандрово-волотовую композицию (рис. 41, 4).

Сосуд, вероятно, использовался для приготовления пищи. Об этом говорит то, что близ места его развала были найдены следы очага, представляющие собой несколько обожженных камней.

В заключение следует отметить находку венчиковых частей небольшого серолощенного кубка. Имеются основания связывать этот сосуд с комплексом № 5, о котором речь пойдет ниже.

Комплекс № 5, крайний на северо-востоке поселения, находился на расстоянии около 45 м от комплекса № 1. По составу находок он во многом напоминает комплекс № 4. Здесь обнаружено несколько развалов керамики, а также крупное и небольшое скопление раковин *Unio* (рис. 40).

Развалы, по меньшей мере трех сосудов, образовывали вытянутую вдоль берега (т. е. с юго-востока на северо-запад) узкую полосу шириной около 1 м и длиной до 5 м. Эта полоса отделена от развала сосуда № 12 интервалом около 3 м.

Ближе к берегу, у крайнего на северо-западе развала сосуда (№ 17), начиналось большое скопление раковин *Unio*, достигавшее в длину не менее 7 м и в ширину — около 2 м. Против его середины, в глубь террасы, находилось меньшее скопление раковин, а справа и слева от него — одиночные камни, вероятно, следы очагов.

Близ меньшего скопления раковин *Unio* был найден обломок рабочей части роговой мотыги, близ большего — обломок костяного орудия, возможно, мотыги другого типа.

В средней части связанного с описанным комплексом скопления развалившихся сосудов были собраны обломки почти полностью собиравшегося глубокого, остродонного, прямостенного сосуда типа чаши (сосуд № 6). По своей толстостенности, подлощенности поверхности стенок, а также богатству украшения он близок к сосуду № 11. Но

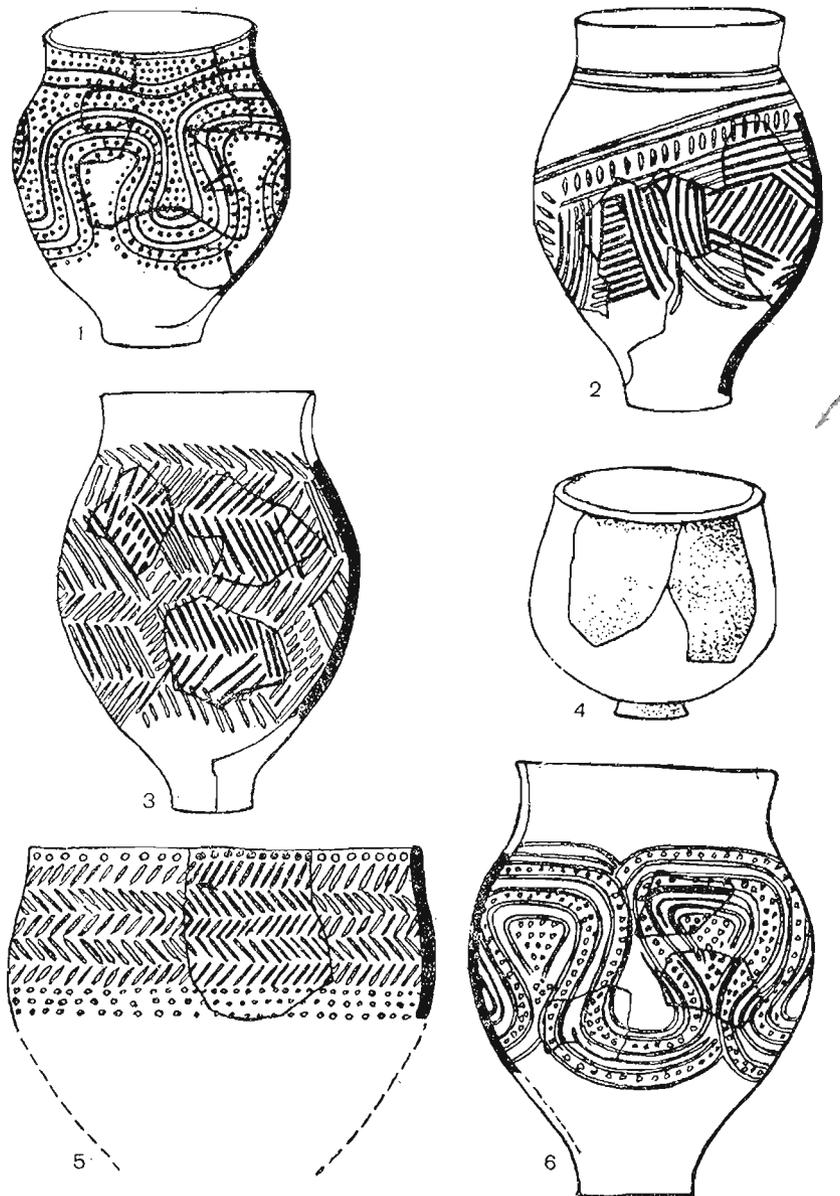

Рис. 43. Сокольцы II. Сосуды из нижнего (соколецкого) слоя.

1, 2, 6 — плоскдонные сосуды бомбообразной формы, украшенные сложным линейно-волотовым орнаментом; 3 — бомбообразный сосуд с текстильным орнаментом; 4 — серолощенный кубок из отмученной глины. Поддон дан условно; 5 — чашеобразный сосуд с текстильным орнаментом.

следует ряд вертикальных зигзагов, ниже, в несколько рядов, — лента из наколов (рис. 43, 5).

Следующий сосуд (№ 11), происходящий из западной половины комплекса, по форме близок к описанному выше, но отличается большей прямостенностью, более тщательной сглаженностью

по типу орнамента эти сосуды не сходны. В этом отношении сосуд № 6 больше напоминает сосуд № 9. В данном случае речь идет об исключительно сложном линейно-проглаженном рисунке, состоящем из системы вертикальных лент и подовальных фигур, дополняемых более короткими, под разными углами поставленными линиями (рис. 41, 6). О сюжетной стороне орнамента подобного построения мы будем говорить особо.

От второго сосуда (№ 7) сохранились только средняя и близкая ко дну части. Исходя из анализа остатков, можно заключить, что в отношении формы он близок к сосуду № 4 и, по-видимому, представлял собой небольшой сосуд S-видного профиля с небольшим плоским донцем, подовальным туловом и слегка отогнутым венчиком. Сходство с сосудом № 4 подтверждается также тонкостенностью и тщательностью обработки поверхности. Орнамент сосуда представляет собой органическое сочетание двух приемов нанесения линий: проглаживания и врезания. Врезанные линии использовались не для дополнения линейно-проглаженной части орнаментальной схемы, как на сосуде № 11, а для создания самостоятельных элементов композиции. В целом же орнамент состоял из различных угловатых, иногда многоугольных фигур, и поэтому должен быть охарактеризован как текстильный (рис. 43, 2) *.

От третьего сосуда (№ 5) остались примерно те же части, что и от предшествующего. Здесь же была найдена группа черепков от сосуда № 6.

В отношении формы и характера орнамента сосуд № 5 сходен с сосудом № 7. Отличие заключается лишь в большей толщине стенок и в шероховатости их внешней поверхности (рис. 43, 3).

Четвертым сосудом (№ 8) является серолощенный кубок, уже упоминавшийся в связи с тем, что его части встречались также на краю описанного выше комплекса (рис. 42, 2; 43, 4; 44). Это небольшой сосудик с закругленным утолщением по верхнему срезу стенки, ниже которого идет постепенно расширяющееся книзу тулово, закругляющееся ко дну (само дно — плитчатое или с полым поддоном — не найдено). Сосуд является ярким представителем так называемой монохромной лощеной керамики Балкан¹⁰⁵ и Восточного Средиземноморья¹⁰⁶.

Из числа найденного материала в нижнем слое поселения Соколы II, помимо описанных выше комплексов, следует отметить мотыгу, со-

хранявшуюся полностью, а также кремневый вкладыш в жатвенный нож или, как о том говорит краевой характер залощенности, серпа, но не с зубчатой, а рядовой укладкой вкладышей.

Анализируя находки, характеризующие нижний ранненеолитический слой поселения Соколы II, можно сделать вывод, что на представ-

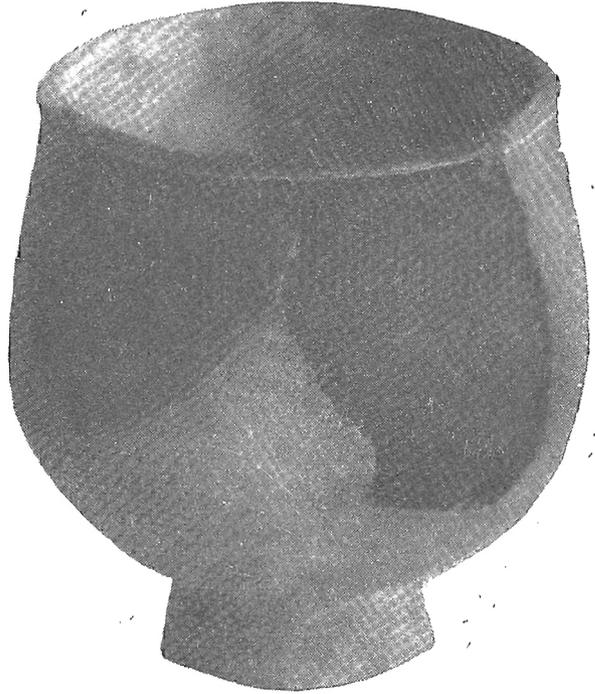

Рис. 44. Соколы II. Нижний слой. Серолощенный кубок.

ленным им поселении существовало примерно пять жилищ, площадью 20—25 м², ориентированных длинными осями вдоль берега, обозначенных находками очажных камней (комплексы № 2—5), остатками посуды, редкими находками камней, костяных и роговых изделий, немногочисленными костями животных, среди которых определяются кости оленя и кабана, а при двух последних комплексах — также и скоплениями раковин *Unio*.

Четыре из пяти комплексов, в силу не совсем ясных причин, из числа которых нельзя исключить и вхождение в систему более крупных жилых двухкамерных домов, имели фрагменты от сосудов, встречающихся и в других комплексах.

Все комплексы относятся к одному и тому же геологическому и историческому периоду, что и дало нам право рассматривать нижний слой поселения Соколы II в качестве культур-

* Вместе с венгерским археологом П. Чалогом¹⁰⁴ и другими специалистами под текстильным орнаментом мы понимаем не оттиски тканей, плетения и пр., а только их имитацию, выполнявшуюся в технике врезания проглаживания линий или даже в технике росписи.

но-стратиграфического эталона эпонимного памятника*.

В заключение следует остановиться еще на одной особенности нижнего слоя поселения Сокольцы II.

В отличие от большинства поселений бугднестровской культуры, здесь почти не было найдено костей животных. Следовательно, не потребность охоты или скотоводства, а мотыж-

гические наслоения хронологически значительно отличаются от основного слоя описанного памятника. Картину более плавного развития культуры и реальную картину расселения в границах микрорайона мы получим, если перейдем к рассмотрению данных стратифицированного поселения Заньковцы II.

Заньковцы II. Поселение расположено на надпойменной террасе, в непосредственной бли-

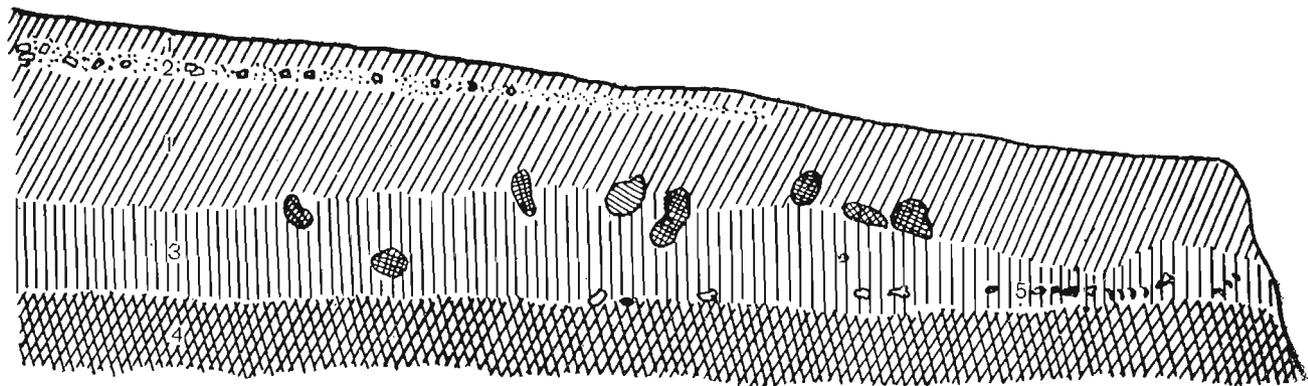

Рис. 45. Заньковцы II. Поперечный разрез прибрежной части террасы.

1 — гумус; 2 — строительный развал; 3 — лессовидный суглинок; 4 — седиментированный суглинок; 5 — археологический слой.

ное земледелие способствовало возникновению этого поселения. Это подтверждается находками мотыг, в большинстве сломанных, и вкладыша в жатвенный нож.

Все в целом отражает картину едва утвердившейся оседлости небольшого коллектива, насчитывавшего 15—20 человек, занимавшегося охотой, рыбной ловлей и, главное, мотыжным земледелием. Все эти хозяйственные формы требовали освоения значительных территорий, а следовательно, и довольно подвижного образа жизни. Мы не располагаем данными, позволяющими судить об удельном весе отдельных отраслей в системе хозяйства обитателей поселения. Однако все же в достаточной степени ясно, что самой стабильной и самой прогрессивной из них все же было земледелие. Об этом говорит анализ состава комплекса, открытого на поселении.

Если поставить своей целью исчерпать характеристику группы Соколецких поселений, пришлось бы говорить о поселениях Сокольцы I и Сокольцы VI. Однако такую последовательность описания памятников мы считаем нецелесообразной, так как имеющиеся на них археоло-

гические наслоения хронологически значительно отличаются от основного слоя описанного памятника.

Как место обитания это местонахождение возникло на третьем, после Соколецкого, более высоком по течению реки пороге, превращенном в недавнее время в «гатку»* некогда бывшей здесь водяной мельницы. Уточняя местоположение поселения, заметим, что оно находится против центральной части с. Заньковцы, расположенного на противоположном, правом берегу Ю. Буга.

Геологическое строение урочища обычное: его почвенный покров — 0—0,70 м, желтый лессово-иловатый суглинок с буроватой подпочвой в верхней части — 0,70—1,10 м, переходный к серому суглинку горизонт сероватого цвета — 1,10—1,30 м, серый плотный седиментированный суглинок — с 1,30 м и глубже (рис. 45).

К моменту открытия включавший неолитические находки край террасы был подмыт поводом, и из обнажения вдоль берега на протяжении 15 м были видны отложения неолитического времени. Среди них выделялось два горизонта раковин *Uplio*, а также неполный развал одного сосуда.

Как оказалось позднее, данные этого обнажения отвечали полной длине всего местонахождения, которое подразделялось на целый ряд бедных в археологическом отношении слоев, не

* Поселение Сокольцы II, несомненно, архаичнее керешских памятников Румынии и Венгрии. Об этом говорит не только архаизм собранного здесь материала, но и тот факт, что нижний слой находящегося рядом поселения Сокольцы VI представляет собой прямую аналогию более поздним румынским керешским памятникам типа нижнего слоя Перени.

* Примитивная плотина, сложенная из естественных блоков местного гранита и гнейса.

изменно разделявшихся мощными стерильными прослойками суглинка.

В ходе раскопок удалось вскрыть всего 80 м². Раскопки установили, что поселение Заньковцы II никогда не было местом сколько-нибудь длительного обитания. Разновременные следы жизни неолитической эпохи здесь неизменно концентрировались вокруг оставшегося от древнего порога речного валуна с крутыми стенками, вероятно, использовавшимся при создании жилого заслона.

В покровном гумусовом слое памятника спорадически встречались славянские материалы VII—VIII вв. (грубая керамика с волнистым орнаментом и биконическое прясло). В основании этого слоя встречались находки трипольского времени, представленные фрагментами рыхловатой кухонной посуды и красноглиняной посуды с монохромной росписью. К этому же времени относится небольшая зерновая яма диаметром около 70 см, спущенная в желтый суглинок.

Наиболее интересным оказалось содержание желтого лессообразного суглинка, заключавшего четыре неолитических слоя.

Верхняя часть суглинка, на глубине 0,80 м от условной поверхности, содержала скопление фрагментов однородной посуды, окруженных расколотыми костями животных. Все это занимало площадь около 3 м². Фрагменты керамики принадлежат гладкостенным сосудам, содержащим в примеси довольно крупный песок и размочаленную растительную примесь. Остатки именно такой посуды хорошо известны по другим памятникам, например, по данным Саврани¹⁰⁷. Подобное определение подтверждается наличием в этом же слое фрагментов посуды той же массы, украшенной по-саврански неглубоким, угловатым линейно-проглаженным орнаментом (рис. 39, 3, 8; 46, 12).

В средней части этого же суглинка, на глубине 0,90 м от репера, прослеживался следующий горизонт, дававший одиночные находки расколотых костей животных и фрагментов керамики. Последние весьма специфичны — плотные, тонкостенные, с обильной примесью мелкого песка, украшенные гребенчатым штампом, что в целом характерно для посуды памятников самчинского типа (рис. 46, 10, 11). Несмотря на небольшое количество, находки эти важны тем, что подтверждают культурно-стратиграфическое положение памятников самчинского типа. Из других находок важно отметить обломок глиняного амулета, воспроизводившего зернотерку овальной формы.

Нижняя часть того же желтоватого суглинка на глубине 1,10—1,15 м от репера и на 10—15 см выше седиментированного суглинка ха-

рактеризовалась наличием следующего (3-го, считая сверху) горизонта находок — развала сосуда, находящегося в прибрежной части поселения, фрагментов от нескольких других однотипных сосудов, микролитических кремневых орудий, расколотых костей раковин *Unio* в

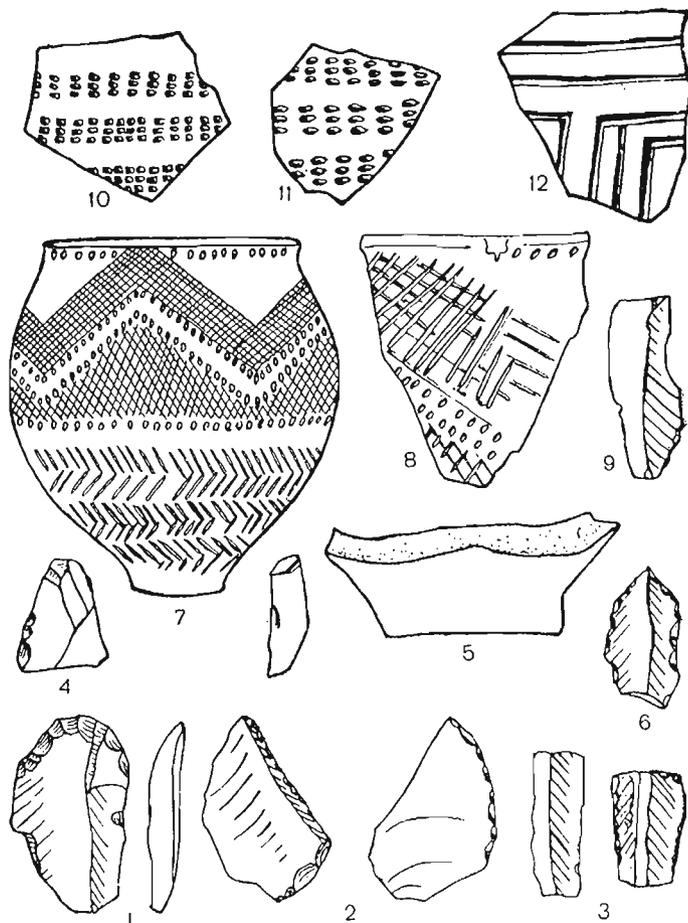

Рис. 46. Заньковцы II. Образцы находок из савранского, самчинского и печерского слоев.

прибрежной части скопления (рис. 46, 1—9).

Естественно, что наиболее выразительной группой находок этого горизонта являются остатки глиняной посуды. Последняя обладает целым рядом специфических признаков: заметной толстостенностью и в то же время хрупкостью, из-за обилия грубоволокнистой растительной и раковинной примеси, подлощены обе поверхности стенок, орнамент — в технике проглаживания широких и врезания узких линий.

Очень интересен широкооткрытый кратеровидный сосуд с малым плоским донцем, украшенный в верхней части сложным зигзаговым рисунком, обрамленным крупными наколами, углы которого заполнены кривоугольной сеткой, а в нижней — вертикально размещенным простым зиг-

заговым орнаментом, спускающимся до самого дна (рис. 46, 5, 7, 8; 47, 3, 5).

Как показали находки на других памятниках, например на поселениях Соколы I, VI и Шимановское, подобная посуда определенно является более древней, чем савранская и самчинская, украшенная гребенчатым орнаментом.

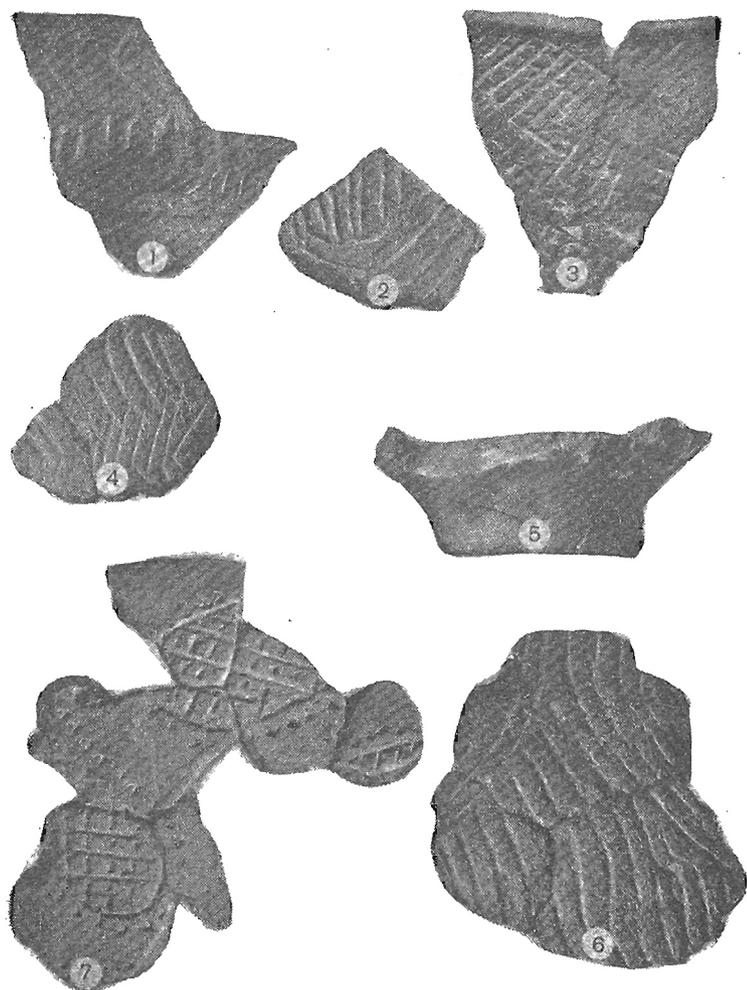

Рис. 47. Образцы керамики пещерской фазы.
1 — Соколы I; 2, 4, 6 — Шимановское; 3, 5 — Заньковцы II; 7 — Глинское.

Основным для определения культурно-хронологического положения этого слоя является то, что сходная посуда встречена в составе инвентаря таких синхронных Старчеву-Керешу бугских памятников, как Печера, Глинское I, нижний слой Соколы VI и др.

Последний, четвертый, слой залегал на глубине 1,20—1,30 м от условной точки, т. е. в пограничном горизонте, находившемся между желтым лессовидным и серым аллювиальным суглинком. Обилием материалов этот слой превосходит все остальные слои. Его определяет наличие довольно большого количества костей

животных (главным образом оленя), раковин *Unio*, обломки костяных дротиков, грубо заостренных орудий из кости, возможно, примитивных мотыг, ножа из эмали клыка кабана (рис. 48, 15), а также многочисленная серия изделий из кремня — различных нуклеусов, мелких отщеповых скребков, пластинок, несколько трапеций, массивных отбойников и др. (рис. 48, 1—14). Характерной чертой горизонта является полное отсутствие остатков глиняной посуды.

Таким образом, в нижнем слое поселения Заньковцы II мы имеем дело с заведомо бескерамическим неолитическим горизонтом, установленным с необходимой точностью. Впрочем, уже исходя из топографического положения памятника, мы не имеем оснований отрывать установленный здесь бескерамический слой от других известных нам раннеолитических памятников буго-днестровской культуры, например, от того же нижнего слоя поселения Соколы II.

Говоря о взаимоотношении этого памятника и поселения Соколы II, можно предположить, что в сравнении с нижним слоем этого поселения бескерамический горизонт поселения Заньковцы II фиксирует более древний этап обитания в одной и той же части южнобугского бассейна древнейших земледельцев Северо-Западного Причерноморья.

Выше, в меру возможностей материала, на нескольких примерах мы пытались показать археологическую конкретность тех памятников буго-днестровской культуры, которые давали или древнейшую, в условиях Ю. Буга, глиняную посуду, или, как это видно на примере поселения Заньковцы II, были бескерамическими.

Стремясь придерживаться принципа выделения последовательных этапов развития культуры, мы должны уделить внимание таким памятникам, где с наибольшей выразительностью выступают археологические отложения, относящиеся уже к началу развитого неолита (пещерский тип, синхронный керешу), и одновременно стремиться довершить картину соколецкого узла поселений. Таким памятником, который удовлетворяет обоим этим требованиям, прежде всего является стратифицированное поселение Соколы VI.

СТРАТИФИЦИРОВАННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ С ОТЛОЖЕНИЯМИ РАЗВИТОЙ ПОРЫ НЕОЛИТА.

Соколы VI. Несмотря на то что стратифицированное поселение Соколы VI находится всего в 75 м вверх по течению от поселения Со-

кольцы II, их нельзя считать одним памятником (рис. 49). Об этом говорят два обстоятельства.

Во-первых, Сокольцы VI, будучи в целом, как и Сокольцы II, двуслойным поселением, отличается от него характером материала обоих составляющих местонахождение неолитических слоев. Во-вторых, в результате сплошной зачистки имеющегося между обоими памятниками обнажения и закладки пробных прирезок был установлен интервал между названными местонахождениями, не давший сколько-нибудь заметных скоплений неолитических остатков.

Поселение Сокольцы VI вытянуто вдоль берега реки на 50—60 м. Проверка местности выше по течению никаких следов неолитического обитания не дала. В глубь террасы неолитические остатки простирались до 15 м, а затем выклинивались (рис. 50; 51).

Площадь, занятая памятником, была полностью определена и изучена в результате вскрытия около 900 м².

Геологическое строение участка надпойменной террасы, занятого местонахождением, характеризует общие данные с другим, описанным выше соколецким местонахождением: почвенный покров, желтый лессообразный, а также серый седиментированный суглинок.

В нижней части почвенного покрова, особенно в прибрежной части памятника, встречались остатки времени развитой бронзы (главным образом керамики комаровского типа). В средней части желтого суглинка, на глубине в среднем 1,15—1,20 м от условной поверхности, залегают остатки конца развитого неолита (самчинский тип). В основании этого суглинка, всего на 15—20 см выше уровня серого седиментированного суглинка, на глубине 1,35—1,45 м от той же поверхности залегают остатки начала развитого неолита (печерская фаза) (рис. 52). Следует заметить, что несколько большие, в сравнении с соответствующими данными поселения Сокольцы II, мощности, слагающие террасу осадочных пород, не случайны и опираются на реальные геоморфологические данные.

Перенесение реперной линии с Соколов VI на Сокольцы II, осуществленное с целью унификации реперной поверхности, показало, что местность здесь выше на 30—40 см. Это и определило различия в показаниях глубин. Наличие стерильной прослойки в 15—20 см дало возможность отличить археологическую индивидуаль-

ность каждого из исследованных здесь слоев.

Приводим описание их данных, начиная с более позднего.

Остатки самчинской фазы локализовались в двух частях террасы — вдоль берега реки, на подмываемом половодьями ее крае, а также

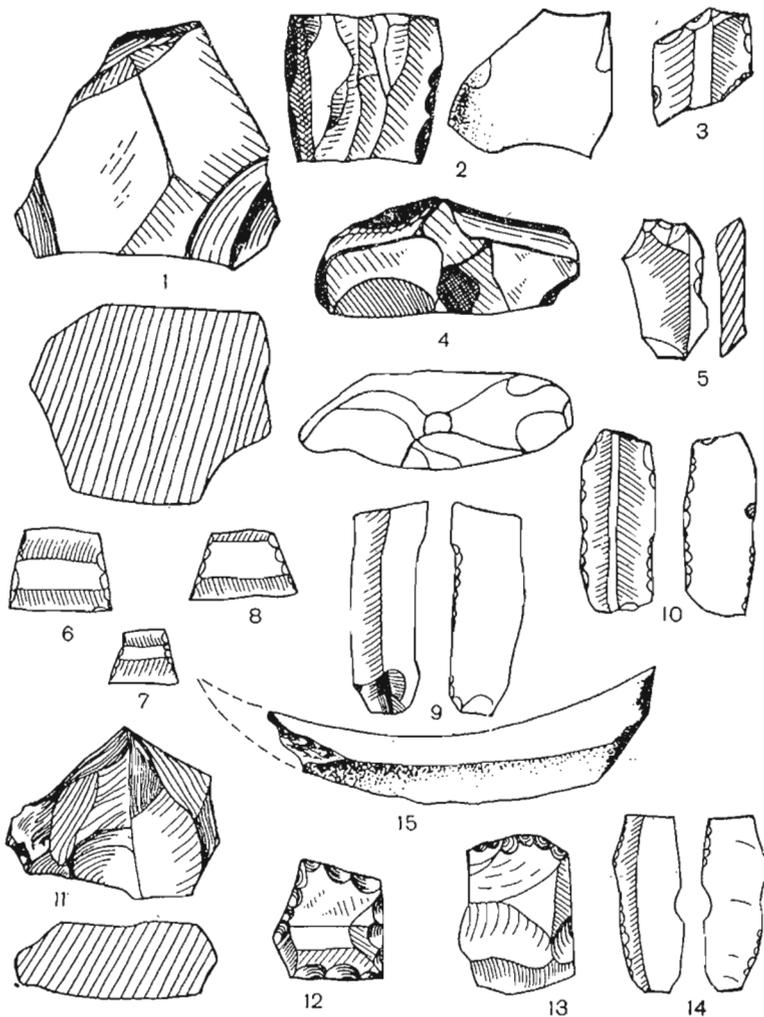

Рис. 48. Заньковцы II. Кремневые и костяные изделия.

1, 2, 11 — нуклеусы; 3, 5, 12, 13 — скребки; 4 — отжимник; 6—8 — трапеции; 9 — пластинка; 10, 14 — пластинка наподобие прорезывателя; 15 — нож из эмали клыка кабана.

в глубине, на расстоянии до 10 м от прибрежной части поселения. Нечто подобное, как увидим ниже, отмечается и для нижнего слоя.

Уже в момент обнаружения памятника в подмытом крае террасы были отмечены расколотые кости животных (как и на других поселениях исследуемой культуры, в основном благородного оленя и кабана), что и послужило указанием для обнаружения памятника. Этот признак оказался действительным почти для всей площади поселения Сокольцы VI, что в целом существенно отличало его от поселения

Соколыцы II. Далее следуют другие категории археологического инвентаря — немногочисленные расщепленные кремни (рис. 53, 1—15), фрагменты посуды (одиночные и в развалах), изделия из рога, кости и остатки каменного цоколя очага или, вернее, печи.

Основное скопление материала в верхнем слое (около 3 м²) находилось в центральной части прибрежной полосы поселения. Оно представ-

Рис. 49. Соколыцы VI. Общий вид раскопочных работ.

лено развалом двух характерных сосудов: горшка S-видного профиля, украшенного горизонтальными зонами гребенчатого орнамента, а также небольшой широкооткрытой остродонной чашей, лишенной орнамента. Специфическая плотность глиняной массы этих сосудов — «каменистость», происходящая от примесей мелко-го песка и тонких растительных волокон, особенности формы горшка и специфический орнамент делают очевидной самчинскую культурно-хронологическую принадлежность комплекса в целом (рис. 54, 1, 4).

Второй комплекс находился на расстоянии 15—16 м к юго-востоку от описанного выше. Его, если не учитывать костей, представляли развал типичного сосуда — чаши, залегавшей компактным скоплением на площади около 1 м², а также остатки несколько расползшегося каменного цоколя очага. Последний занимал площадь около 2 м²; с севера к нему примыкала несколько искривленная полоса камней, шедшая в глубь террасы, т. е. с юго-запада на северо-восток еще на 2 м. Предполагать, что это результат расползания камней в глубину терра-

сы (вверх по склону), нет оснований. Скорее всего в продолговатом архитектурном дополнении к очагу мы имеем дело с приочажной частью фундамента стены жилища, подобной той, которая описывается для более позднего поселения Саврань (см. ниже).

Развал упомянутой выше чаши со следами вторичного обжига. Он залегал непосредственно к северо-западу от основной (очажной) части скопления камней, что позволило именно в этом направлении искать продолжение остальной части жилищного комплекса. Полагая, что общее направление полосы камней, оставшихся от цоколя очага и части стены, в какой-то степени отвечает направлению длинной оси жилища, считаем возможным высказать догадку относительно размеров и конфигурации самого жилья. Исходя из того, что в целом скопление камней имеет в длину 4 м, длину самого жилища мы должны предположить несколько большей, а ширину никак не меньшей, чем 3 м.

Найденная здесь чаша была небольшим тонкостенным, широкооткрытым сосудом, с несколько закругленными стенками и слегка приостренным дном. И форма, и состав глиняной массы этого сосуда — обычные, самчинские. Орнамент представляет собой

«сквозной» мотив — вертикальные ленты из волнистых линий, наносившиеся с интервалами примерно в ширину лент. Интервалы, в прежние времена заполнявшиеся наколами, вырезами и др., в данном случае заполнены тремя вертикальными полосами из оттисков гребенчатого штампа. Несколько ниже венчика чаши, как бы взамен наколов более архаических схем, помещена горизонтальная лента из оттисков гребенчатого штампа. Гребенчатый штамп характерен исключительно для посуды самчинского типа памятников. В данном случае он проявился сразу в двух приемах украшения посуды — вертикальные линии основного рисунка и отпечатки гребенки оказались выполненными одним и тем же инструментом, т. е. гребенчатым штампом (рис. 54, 2).

Второе крупное пятно находок (расколотые кости, кремни, развалы больших сосудов и части нескольких других, три роговые мотыги и др.) находилось против средней части прибрежной полосы поселения, на расстоянии 6—8 м от нее и на несколько меньшем расстоянии от двух описанных выше комплексов.

Несмотря на то что на месте этого скопления не было найдено бесспорных следов очага, мы связываем его с жилищем, по-видимому, одним из наиболее значительных на поселении. Об этом прежде всего говорят размеры самого пятна (в целом ориентированного перпендикулярно линии берега) — 8×6 м, а также то, что в северном углу скопления было найдено сразу три наконечника роговых мотыг, а в западном — один (рис. 55, 1).

К юго-востоку от этого комплекса, через интервал в 4 м, было обнаружено еще одно пятно длиной 4 м и шириной около 3 м, также ориентированное длинной осью перпендикулярно линии берега. В нем тоже можно усматривать следы жилища, подобного описанному выше. Сходство обоих находившихся в этой части поселения скоплений подтверждается еще и тем, что в северном углу второго из них также был найден роговой наконечник мотыги обычного бугднестровского типа.

Следы верхнего слоя прослеживались и на расстоянии 25 м к северо-востоку от описанного скопления. Здесь было встречено небольшое количество костей, сопровождавшихся фрагментированной роговой мотыгой, а также несколькими обломками, украшенными оттисками гребенки, обычной самчинской посуды.

К северо-западу от главного комплекса, почти вплоть до юго-западного края раскопа (до 15 м), спорадически встречались расколотые кости и другие находки, в частности, обломки мотыг.

Из числа находок, полученных в результате раскопок центральной части поселения, особого внимания заслуживают остатки глиняной посуды, собранные в пределах описанного выше большого пятна. Преобладали фрагменты крупной широкооткрытой чаши с острым дном, украшенной до плечиков чередующимися горизонтальными лентами, в одном случае состоящими из четырех параллельных линий, в другом — из оттисков четырехзубого гребенчатого штампа (рис. 54, 3).

Вперемешку с фрагментами описанной чаши встречались обломки другого остродонного сосуда, ближе не определившейся формы, украшенного оттисками гребенки.

Тут же были найдены части широкооткрытой чаши, примерно тех же размеров и формы, что и первая, но отличающейся характером орнамента. При ее украшении был использован прием нанесения неглубоких проглаженных линий, составляющих довольно несложную композицию, состоящую из трех горизонтальных линий под венчиком, а ниже, вплоть до ребра, — из помещенных через интервалы вертикальных волнистых линий (рис. 54, 5). Фрагменты сосуда позволяют считать, что по ребру (или за-

круглым плечикам) шла вторая лента, состоящая из горизонтальных линий, а ниже ее, почти до дна, — широкие, идущие наискось проглаженные линии.

Вместе с фрагментами этой чаши были найдены немногочисленные черепки от небольшого сосуда, украшенного линейным вертикально-зигзаговым орнаментом.

Наряду с описанными выше фрагментированными сосудами, здесь же были найдены части других сосудов, которые по технологическим данным, а отчасти и по характеру орнамента, не выпадают из группы посуды самчинского типа.

Кремневые изделия в самчинском слое поселения Соколы VI на редкость малочисленны и представлены обычными формами — небольшими ножевидными пластинками, скребками и пр.

Несколько подробнее мы останавливаемся на такой важной категории производственного инвентаря, как роговые мотыги. Все они принадлежат к уже известной разновидности этого инструмента, имеющей продольную постановку рабочей части. Большинство мотыг дошло в поврежденном или вообще в фрагментированном состоянии. Из числа инструментов этого рода называем мотыгу с длинной кайловой частью, сильно выступающим ровно надрезанным обушком, с круглой сверлиной на месте устранения отростка рога. Интересна неоднократно подтачивавшаяся мотыга со своеобразным обушком, представляющим собой переформленное основание рога, отличающееся большой сработанностью и залощенностью, возникшими, вероятно, вследствие разбивания им комьев земли.

Описанные выше остатки в целом отражают картину небольшого полностью раскрытого земледельческого поселения самчинской фазы развития местной неолитической культуры. Достаточная степень изученности памятника разрешает сделать некоторые общие заключения и выделить на площади поселения две различные части.

Первая из них, характеризующаяся фрагментарностью остатков, локализуется в прибрежной полосе террасы и включает, по меньшей мере, два небольших жилых комплекса, а также узкую полосу «двора».

Вторая, находящаяся в глубине террасы, объединяет также два, но более крупных жилищных комплекса. И здесь жилищам сопутствует полоса «двора», располагающаяся выше по склону террасы. Именно в этой части поселения были обнаружены роговые мотыги.

Отмеченные различия отражают разницу в функциональном назначении каждой из частей поселения. Легче говорить о назначении части поселения, находившейся в глубине террасы.

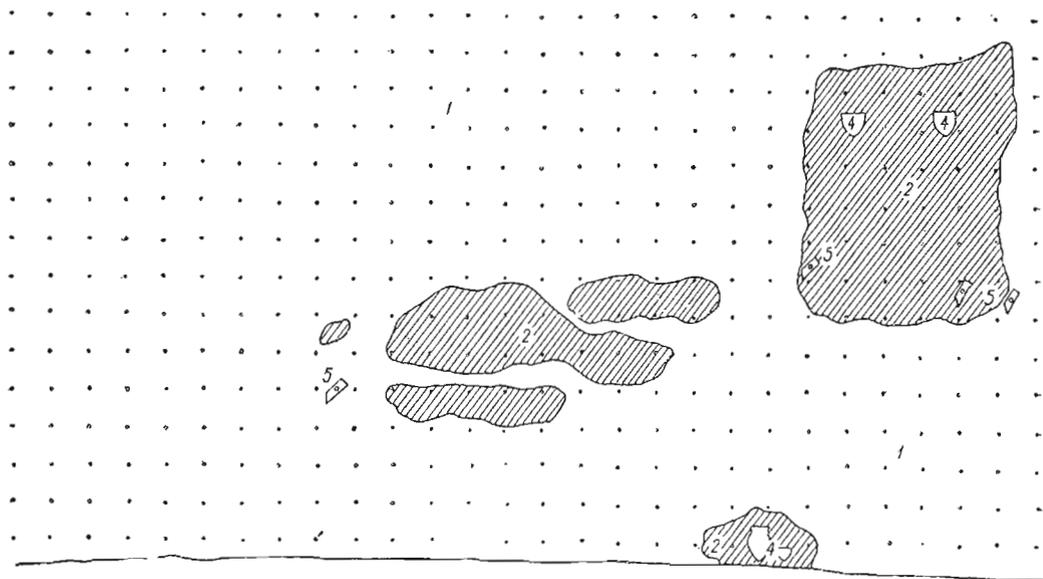
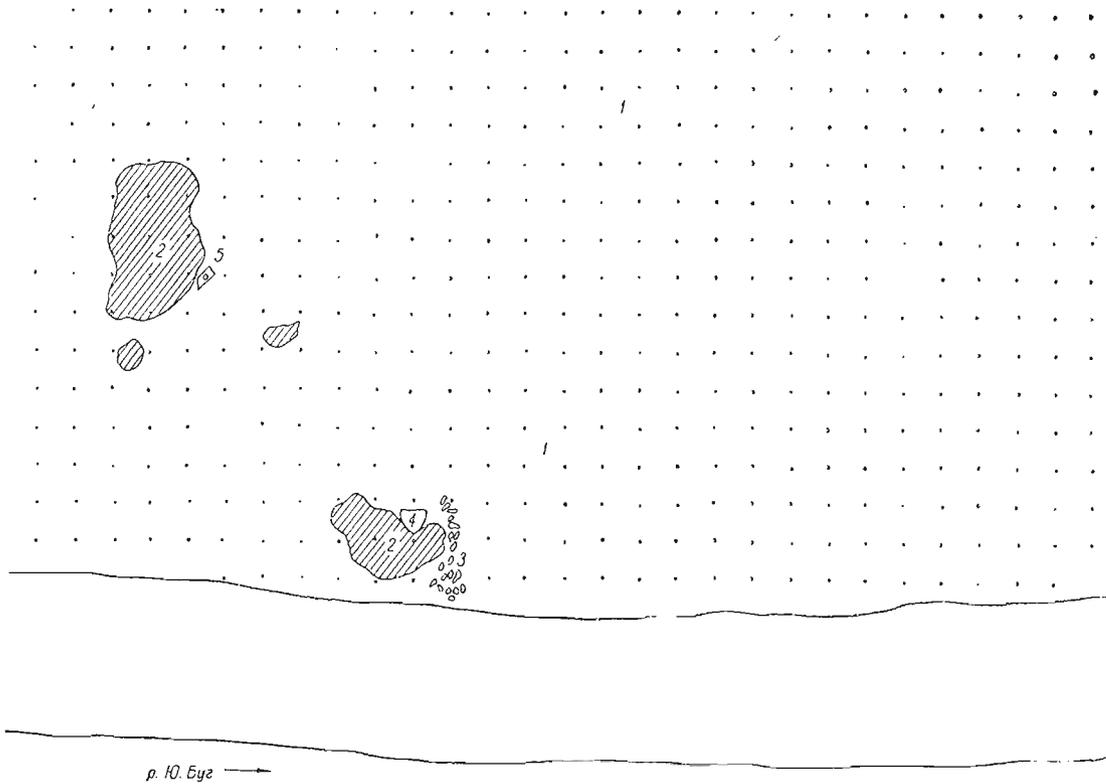

Рис. 50. Сокольцы VI. Схема размещения археологических
1 — 1 м²; 2 — скопления археологического материала; 3 — каменные основания

Рис. 51. Сокольцы VI. Схема размещения
1 — 1 м²; 2 — скопления археологического материала; 3 — каменные

остатков в верхнем слое (самчинская фаза).
 очагов; 4 — сосуды реконструированные; 5 — роговые наконечники мотыг.

археологических остатков в нижнем слое (печерская фаза).
 основания очагов; 4 — сосуды; 5 — мотыги; 6 — скопления Упю.

Отсутствие долговременных очагов и наличие именно здесь нескольких мотыг говорит о сезонном поселке, существовавшем весной, в пору подъема почвы перед посевом, возможно, в дни затухающего половодья. Что же касается второй,

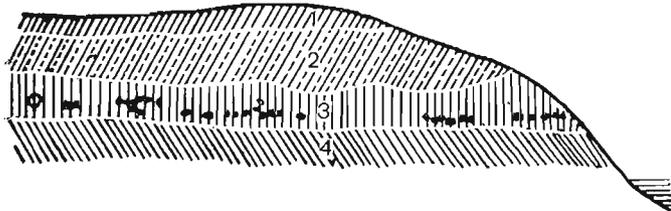

Рис. 52. Соколы VI. Поперечный разрез прибрежной части террасы.

1 — гумус; 2 — подпочва; 3 — лессовидный суглинок; 4 — седиментированный суглинок; 5 — археологический материал.

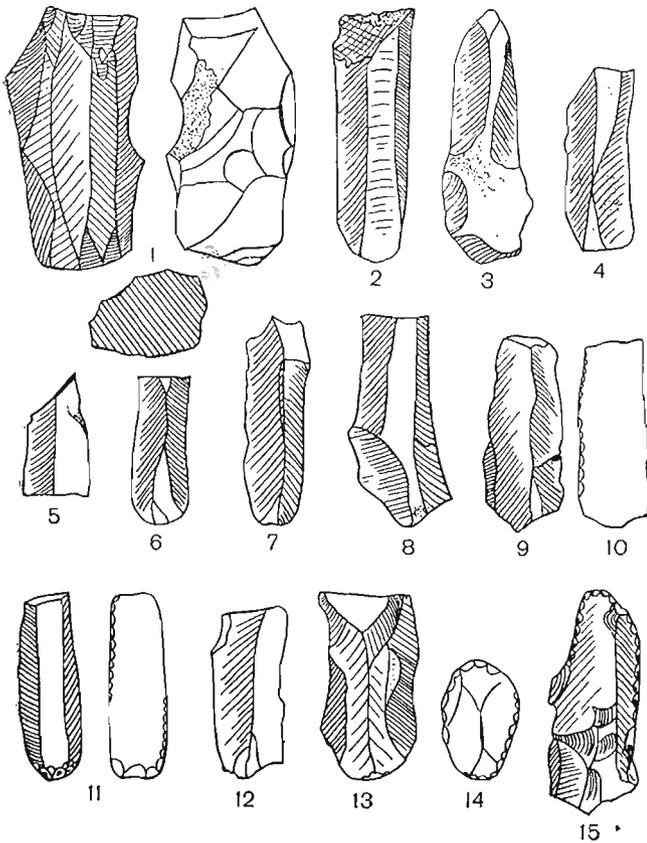

Рис. 53. Соколы VI. Изделия из кремня (самчинский слой).

1 — призматический нуклеус; 2—8, 11—13 — пластинки; 9, 10 — про-резыватель; 14, 15 — скребки.

прибрежной части памятника, то, исходя из наличия долговременного очага, ее возникнове-ние более естественно связывать со време-нем достаточно прохладным, возможно даже с зимой.

Археологические остатки, составляющие ниж-ний слой исследуемого памятника, распределе-

лись иначе, чем остатки верхнего слоя. Занима-ли они преимущественно юго-восточную поло-вину площади, удаленный от берега участок, в то время как остатки верхнего слоя в основ-ном концентрировались в центральной части террасы.

Характер самих остатков из нижнего слоя также значительно отличается от остатков из верхнего слоя.

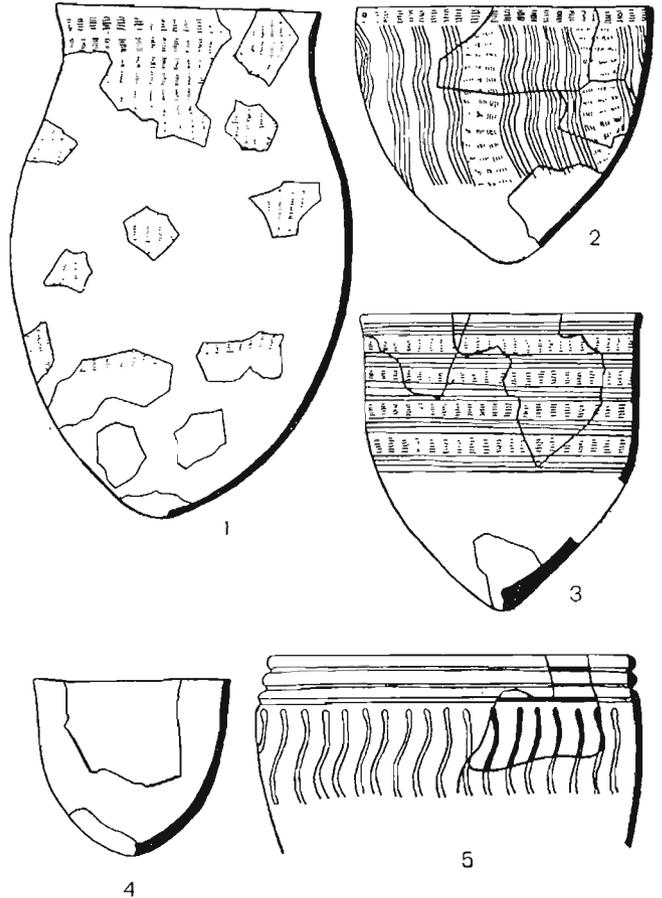

Рис. 54. Соколы VI. Керамика из верхнего (самчинско-го) слоя.

Во-первых, необходимо отметить находяще-ся в глубине террасы компактное скопление разнообразного материала, образующего поло-су длиной 15—16 м при наибольшей ширине около 6 м. В границах первых трех четвертей площади этой полосы с интервалами в 4 м находи-лись три каменные основания очагов, окружен-ные разнообразным археологическим материа-лом — расколотыми костями животных, скопле-ниями раковин *Uplio* и виноградной улитки, кремневыми орудиями (рис. 58), костяными и ро-говыми изделиями (рис. 55, 2—5), а также мно-гочисленными фрагментами разнообразной гли-няной посуды (рис. 56; 57).

Во-вторых, отмечаются отдельные находки этого же времени в прибрежной части поселения, против описанного выше скопления. Кроме того, некоторые находки — кости животных, кремни, обломки и целые экземпляры обычных роговых мотыг и др., но без сопровождения керамики, встречались также в северо-западной части местонахождения, почти вплоть до границы раскопанной площади.

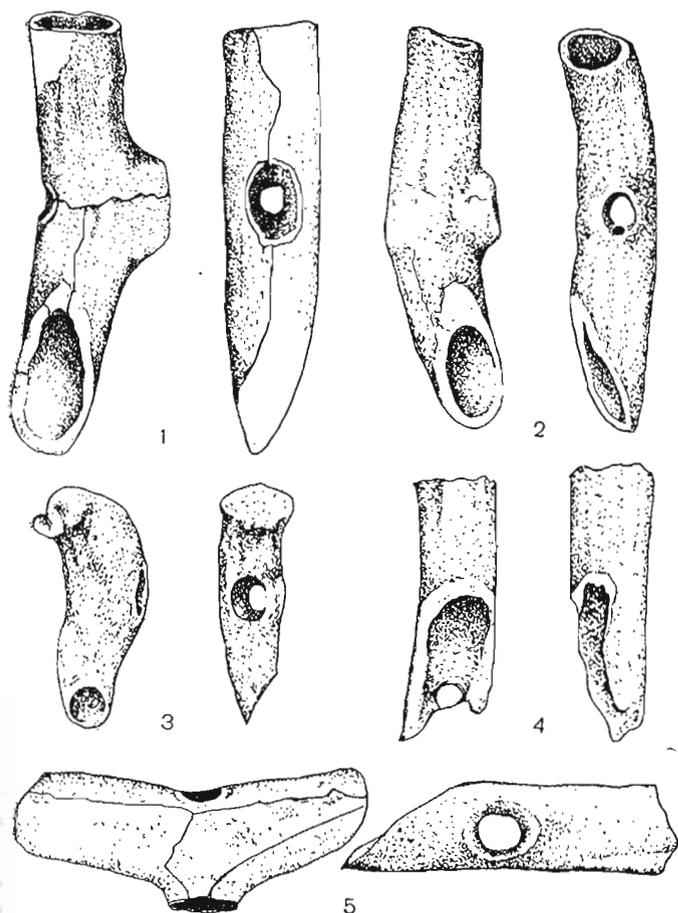

Рис. 55. Соколы VI. Кайлообразные мотыги из рога оленя (слои самчинский и печерский).

Таким образом, перед нами предстает картина древнего поселения, по составу основных элементов сходная с картиной поселения выше лежащего слоя, но, тем не менее, существенно отличающаяся характером самого археологического материала.

Кратко останавливаемся на рассмотрении нижнего слоя стратифицированного поселения Соколы VI.

Прежде всего рассматриваем количество и устройство жилищ, находившихся в глубине террасы. Есть основание думать, что здесь было не менее трех жилищных комплексов.

Наиболее осязаемым архитектурным элементом первого (северо-западного) жилищного комплекса является каменное основание крупного очага, вернее, печи, занимающее около 2 м². Связывать эту деталь с закрытым очагом, т. е. с печью, нам разрешает редкая в условиях памятников буго-днестровской культуры находка кусков обожженной глины, обнаруженная непосредственно рядом с каменным подом печи.

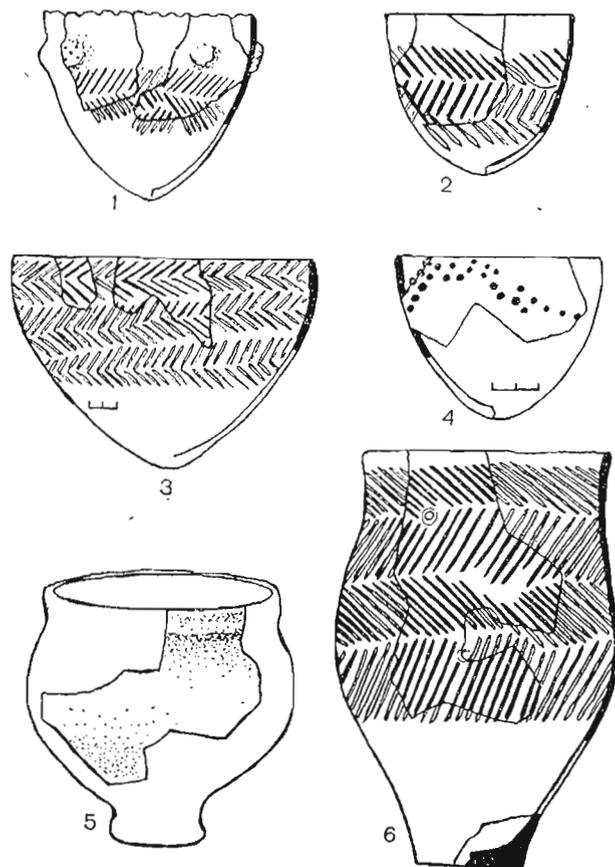

Рис. 56. Соколы VI. Сосуды из нижнего (печерского) слоя поселения.

1—4 — чаши с закругленными доньями, украшенные жемчужным, накольчатим и пластическим орнаментом; 5 — серолощенный кратеровидный сосуд; 6 — глубокий плоскостонный сосуд S-видного профиля с текстильным орнаментом.

Вокруг основания печи концентрировался разнообразный археологический материал, образовавший пятно 6×3 м и ориентированное продольной осью по течению реки, включающий расколотые кости животных, развал одного крупного сосуда, остатки нескольких других сосудов поменьше, а также, посредине юго-восточной половины пятна, видимо уже за границей жилого комплекса, скопление раковин *Unio* (рис. 51).

Все остатки собранной здесь глиняной посуды принадлежали к одному и тому же технологическому типу, хорошо известному по раскопкам в районе с. Скибенцы и на поселении

Соколыцы II, — сосуды, лепленные обычным ленточным способом из глины, к которой примешаны крупные растительные волокна, а также толченая раковина.

Определяются сосуды нескольких форм: плоскодонный сосуд S-видного профиля, плечистый горшок с отогнутым венчиком, а также небольшая остродонная чаша наподобие кубка.

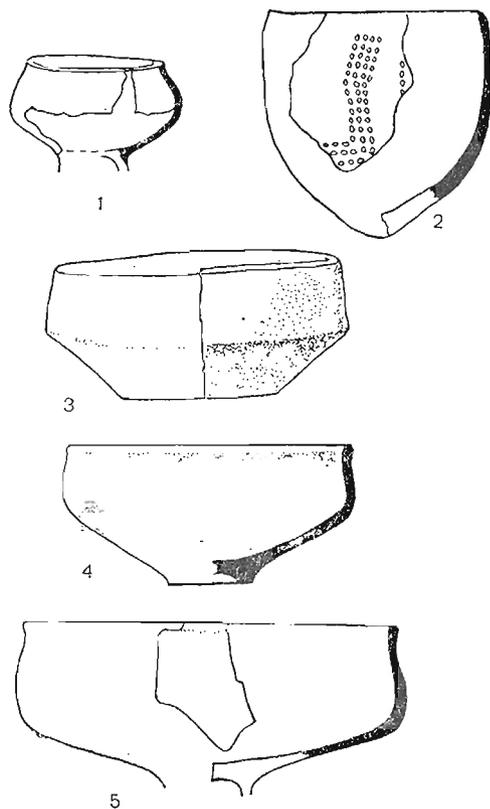

Рис. 57. Соколыцы VI. Сосуды из нижнего (печерского) слоя поселения.

1 — миниатюрный чернолощеный сосуд, возможно, чаша «ваза на ножке»; 2 — глубокий остродонный сосуд, с зашипным орнаментом; 3 — чернолощеная ребристая миска; 4 — серолощенная миска закругленного профиля с кольцевым поддоном; 5 — фрагмент подобной миски.

Наибольшим количеством остатков представлен крупный сосуд плавного S-видного профиля, черепки от которого, в основном, сосредотачивались в северо-восточной половине скопления. Орнамент этого горшка исполнен в технике проглаживания линий. Композицию составляют покрывающие тулово сосуда вертикальные зигзаги — «елочки» при рассмотрении по горизонтали (рис. 56, 6).

Второй сосуд — бокастый, плечистый горшок с массивным плоским дном и отогнутым венчиком, изготовленный из рыхловатой массы, перенасыщенной примесью. Украшение сосуда несложно — подлощенный венчик, крупные нахо-

лы по его основанию, а ниже — по тулову — грубовато исполненные вертикальные зигзаги.

Третий сосуд — глубокая чаша-кубок с приостренным дном, являющаяся своеобразной реминисценцией шиподонных чаш, возникших еще в

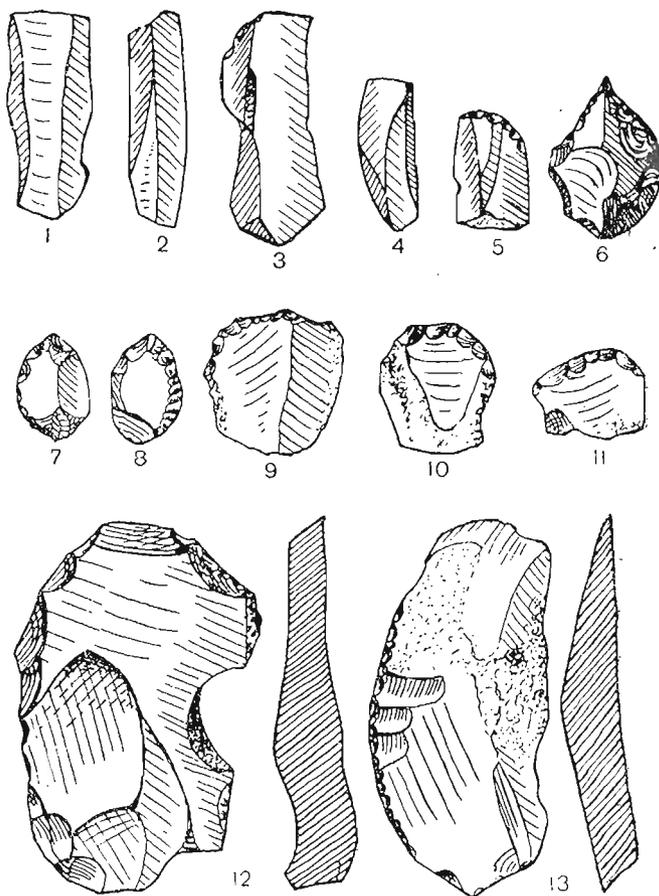

Рис. 58. Соколыцы VI. Образцы кремневых изделий из нижнего (печерского) слоя поселения.

1—4 — пластинки; 5, 7—11 — скребки; 6 — проколка; 12, 13 — скребла.

скибенецкое время. Украшен этот сосуд своеобразно — системой вертикальных и горизонтальных волнистых линий, составленных из типичных старчевских парных зашипов, образующих так называемый колосковый рисунок (рис. 57, 2).

Четвертый сосуд — небольшая чаша, по форме подобная описанной выше, но украшенная очень сложным криволинейным позитивно-негативным линейно-врезанным орнаментом, который условно можно назвать меандро-валютным. Как в отношении формы, так и в отношении характера эта чаша представляет собой вырождающееся миниатюрное продолжение тех великолепных изделий предшествующего периода, которые в виде сосудов № 6 и № 11 представлены в нижнем слое поселения Соколыцы II.

Пятно, отвечающее второму жилищному комплексу, расположено в 1 м к северо-востоку от описанного выше.

Каменный доколь очага здесь значительно меньше. Его составляет всего несколько камней, занимающих площадь менее 1 м². Интервал между этим очагом описанного выше комплексов около 4 м.

К юго-западу от очага второго комплекса на расстоянии около 1,5 м находится скопление раковин *Uplio* и рядом с ним обособленное скопление раковин виноградной улитки. Различные археологические остатки, концентрирующиеся в промежутке между очагом и скоплением раковин, образуют пятно неправильной формы площадью в 5—6 м² (рис. 51).

Из числа археологического материала, обнаруженного на площади второго комплекса, обращают внимание фрагменты крупного сосуда, попавшие из предшествующего комплекса, а также части чернолощенной чаши, изготовленной из хорошо отмученной глины. Чаша представляет собой широкооткрытый кратерообразный сосуд, вероятно, имевший полый поддон. Ее отличают небольшая стянутость верхней части, заканчивающаяся тонким отворотом, и плавный переход к закругленному ребру (рис. 57, 1). Это типичный представитель лощеной монохромной керамики, имеющей аналогии в инвентаре неолитических памятников как Балкан¹⁰⁸, так и Передней Азии¹⁰⁹, не говоря уже об аналогиях в инвентаре всех памятников печерской фазы развития бугоднепровской культуры.

Следующий — третий — жилищный комплекс прежде всего характеризует каменное основание очага, в основном сходное с описанным выше. Расстояние между этими очагами такое же, как и между очагами из первого и второго комплексов, — 4 м (рис. 51).

К юго-западу от очага находится скопление разнообразного материала, преимущественно костей животных, среди которых был найден нож из клыка кабана. Затем намечается интервал между комплексами № 2 и № 3 шириной до 1 м.

В 1,5 м к северо-востоку от очага намечилось подтреугольное скопление расколотых костей животных, занимавшее площадь около 3 м², вероятно, уже отвечавшее выбросу из жилого комплекса № 3.

Глиняная посуда, найденная на площади этого комплекса, представлена фрагментами четырех сосудов. Прежде всего отметим верхнюю часть плечистого горшка, украшенного защитным колосовым рисунком. Интересна расколоченная на несколько частей половина чернолощенной ребристой миски с несколько склоненным внутрь венчиком и хорошо выраженным плоским дном (рис. 57, 3). Нужно отметить, что части

этой миски находились также и в прибрежной полосе поселения, на расстоянии 11—12 м к юго-западу от места обнаружения другой половины — у очага комплекса № 3. Попутно отмечаем, что черепки этого сосуда оказались здесь рядом с фрагментами от большого сосуда, выброшенными из комплекса № 1.

Названная миска имеет близкую аналогию в комплексах неолитической керамики старчевско-керешского ареала и, что особенно ценно, в

Рис. 59. Сокольцы VI. Нижний слой. Реконструкция плоскородонного кратерообразного сосуда с линейно-врезанным и пластическим орнаментом.

составе такого стратифицированного памятника, как Перени в северо-восточной Румынии, где керешский слой, как известно, залегал под слоем культуры линейно-ленточной керамики¹¹⁰.

Третий сосуд представляли обломки венчиковой части чаши, вероятно, подобной происходящей из комплекса № 2, но вылепленной из красной в обжиге глины (рис. 57, 5). Аналогии для нее также имеются на поселении Перени¹¹¹.

Четвертый, и последний, происходящий из этого места сосуд представляет собой широкооткрытый плечистый горшок из обычной грубой глины, украшенный по плечикам короткими вертикальными налепами (сохранился один), а по тулову линейно-врезанными зигзагами. Несмотря на то, что горшок дошел только частично (бок сосуда — от венчика до придонной части), на основании многочисленных аналогий в посуде керешской культуры можно заключить, что он был плоскородонным (рис. 56, 5; 59). Подчеркиваем, что и для него есть близкая аналогия в Перениах¹¹².

Приведенные выше данные, несмотря на известную фрагментарность, можно истолковать следующим образом.

В глубине террасы, на расстоянии около 8 м от ее современного края, располагался вытянутый вдоль берега жилой массив, включавший три небольших жилых комплекса, ориентированных длинными осями поперек берега реки, имевших купольные печи, сооруженные на каменных цоколях. Можно также предположить существование легкой пристройки, находившейся к северо-востоку от комплекса № 3. Жилые комплексы, хотя и входили в единый массив, не были ячейками единого большого дома, напо-

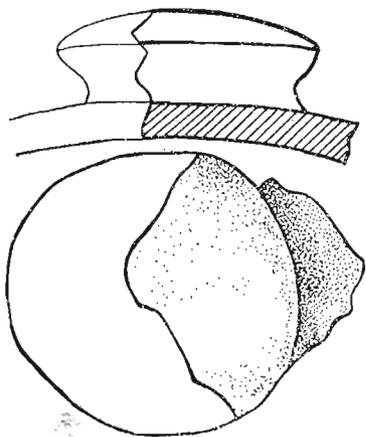

Рис. 60. Сокольцы VI. Нижний слой. Часть крышки сосуда с шпешечкой.

бие камер древнеанатолийских¹¹³ или дунайских (например, Линденталь)¹¹⁴ домов, а представляли собой обособленные помещения, вроде домов памятников карановского¹¹⁵, а возможно, и керешского типов. В пользу такого предположения говорят интервалы, намечающиеся между отдельными пятнами, а также наличие скопления раковин, находившихся при жилищах (точнее, уже вне их), как это было отмечено для Базькова и Митькова островов, для Саврани¹¹⁶, для такого древнейшего трипольского памятника, как Сабатиновка II¹¹⁷, и для ряда других трипольских памятников¹¹⁸.

Следует также остановиться на кратких характеристиках прибрежной и восточной частей поселения, где было найдено немалое количество остатков типичной глиняной посуды.

Прибрежная часть поселения, судя по характеру залегания остатков, скорее всего была обычным «надворьем», на котором не было постоянного обитания и куда сбрасывались различные отбросы, в частности, разбитая посуда (см. выше о совместном залегании здесь разбитых сосудов из комплексов № 1 и № 3).

Из числа найденного материала отмечаем залегавшую на небольшой площади придонную часть широкооткрытой миски из светлой отмученной глины (рис. 57, 4). Любопытно отметить,

что придонная часть этого сосуда с невысоким кольцевым поддоном была найдена в другом месте — в прибрежной части поселения, на расстоянии 8 м к юго-западу от очага комплекса № 1, а рядом с ней — фрагмент от сходного сосуда, но с поддоном, имеющим невысокие фигурные выступы.

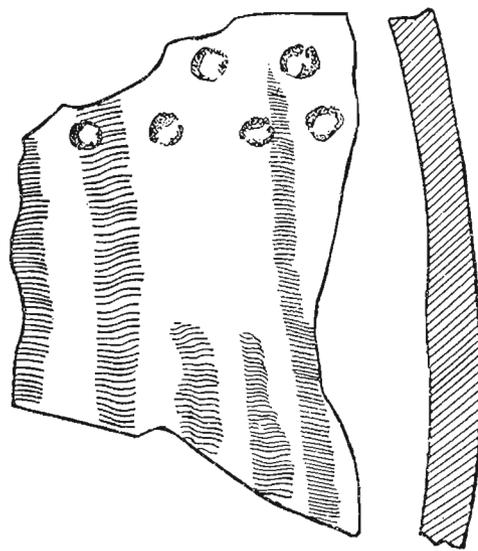

Рис. 61. Сокольцы VI. Нижний слой. Фрагмент толстостенного сосуда с подлощенной поверхностью и с орнаментом в виде округлых вдавлений и остатками росписи бурой краской.

В этой же части поселения были найдены фрагменты небольшой широкооткрытой чаши со сглаженной подвенчиковой частью, украшенной круглыми налепами со звездчатым узором из пяти наколов, а по тулову — врезанными вертикальными зигзагами (рис. 56, 1). Сосуд изготовлен из глины без примеси растительных волокон и толченой раковины. Очень интересна найденная часть плоской крышки с остатком полусферического выступа (ручки) (рис. 60). Крышка от сосуда изготовлена из обычной «бугской» глины с примесью крупных растительных волокон и раковины.

Миски, сходные с описанной выше, украшенные пластическим орнаментом, известны почти во всех памятниках керешского типа¹¹⁹. В то же время они, безусловно, характерны и для нашего памятника, что еще раз подтверждается находками нескольких небольших мисок, сделанных из обычной глины, из которых две украшены врезанным зигзагом (рис. 56, 2, 3), а третья — зигзагом из наколов под венчиком (рис. 56, 4).

Сосуды этого типа, будучи особенно распространенными среди памятников печерской фазы, являются одним из свидетельств существовавшей именно в это время теснейшей связи между культурами буго-днестровской и керешской.

Об этом же свидетельствует еще одна находка. Речь идет о найденных вместе фрагментах одного толстостенного сосуда, вылепленного из обычной глины, украшенного рядом крупных округлых наколов, а также вертикальными волнистыми полосками, нанесенными по подлощенной натуральной поверхности буро-коричневой краской (рис. 61).

Часть «надворья» поселения, расположенная к западу от комплекса жилищ, приблизительно укладывалась в пределы раскопанной площади, т. е. простиралась в длину на расстояние до 30 м. При шурфовании на северо-запад от основного раскопа культурный слой не был обнаружен.

Собранные на этой площади другие находки, если не считать расколотых костей животных, весьма немногочисленны. Они включают несколько грубоватых нуклеусов из серого кремня, а также несколько обычных скребков и ножевидных пластинок (рис. 58, 1—13), а из числа более выразительных находок — несколько роговых мотыг, одна из которых миниатюрная (рис. 55, 3), костяное тесло (рис. 62, 7), характерный для этого времени костяной наконечник дротика с насадом, скошенным путем среза (рис. 62, 5), и обломок ложила для обработки сосудов (рис. 62, 8).

Приведенные выше данные о нижнем культурном слое поселения Соколыцы VI дают основание для реконструкции следующей картины поселения. Центр последнего находился в глубине террасы и объединял не менее трех небольших, вытянутых вдоль берега жилищ, ориентированных длинными осями перпендикулярно течению реки. При двух из них имелись ямы, в которые ссыпались раковины моллюсков. Накапливавшиеся в жилищах отбросы выбрасывались прямо на берег реки. Наличие цоколей печей в жилищах указывает на то, что жители поселения обитали в них и летом, и зимой.

Жилому комплексу отвечало обширное «надворье». Здесь зафиксированы только следы временного жилища, которое, если исходить из наличия роговых мотыг, в основном было связано с весенним циклом работ.

Оба слоя памятника, в отличие от Соколыцов II, дают немалое количество костей животных (в основном оленя и кабана), что указывает на довольно интенсивное занятие охотой. Для памятника характерно почти полное отсутствие иных производственных орудий, кроме земледельческих. Сравнивая его с поселением Соколыцы II, придется признать, что здесь представлены именно те этапы развития культуры, которые в Соколыцах II не получили отражения.

Дело, однако, не в этом. Гораздо важнее отметить, что те же этапы развития местной неолитической культуры, которые были зафиксированы для Соколыцов VI, получили отражение и

в материалах памятника территориально более отдаленного — поселения Соколыцы I.

Рассматривая этот памятник в качестве своеобразного прибавления к поселению Соколыцы VI, мы должны также учитывать естественно-географические условия, сложившиеся ко времени существования обоих этих поселений. Сле-

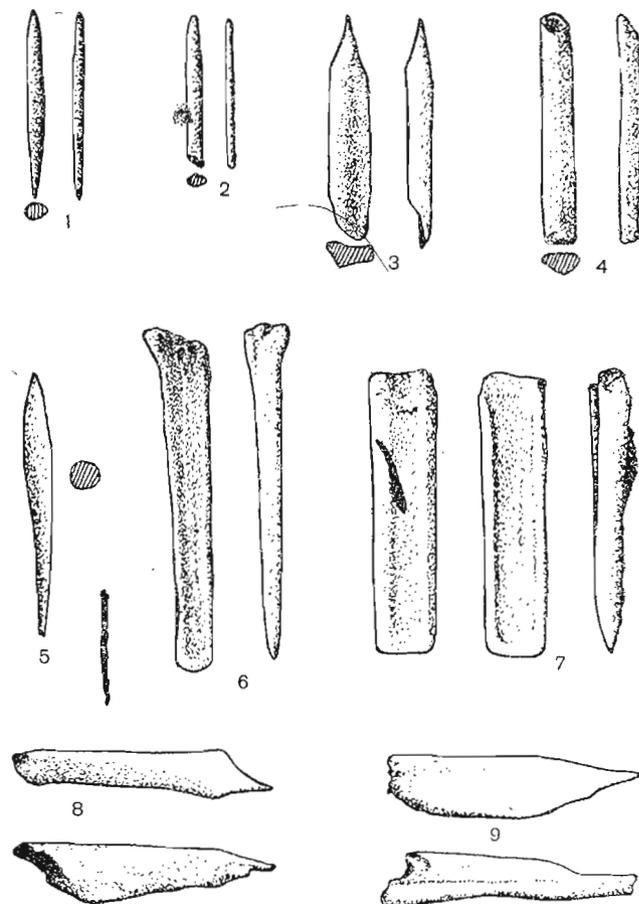

Рис. 62. Печерская фаза. Изделия из кости (Гайворон-Полужок, Соколыцы VI, Глинское и др.).

1, 2 — наконечники стрел; 3 — шило; 4 — обломок дротика; 5 — наконечник дротика с кососрезанным насадом; 6, 7 — долота; 8, 9 — полировальники для выглаживания лощенной посуды.

дует подчеркнуть, что поселение Соколыцы I возникло не на соседнем с поселением Соколыцы VI участке террасы, т. е. на месте нынешнего местонахождения Соколыцы II, а значительно дальше, уже за действовавшим в ту пору левобережным притоком Ю. Буга — нынешней старицей.

Это обстоятельство говорит о том, что место поселения Соколыцы II в это время становится по каким-то причинам неудобным для обитания.

«Соколыцы I. В отличие от поселения Соколыцы II, расположенного на сравнительно высоком мысе, образовавшемся при впадении ныне высохшего древнего левого притока Ю. Буга,

описываемое поселение размещается на площади низкого левого дельтового мыса этого же притока, т. е. в местности, систематически размывавшейся, что приводило к смыванию части желтого суглинка и, в конечном итоге, обусловило незначительную глубину залегания неолитических остатков — 40 см от поверхности. Почвен-

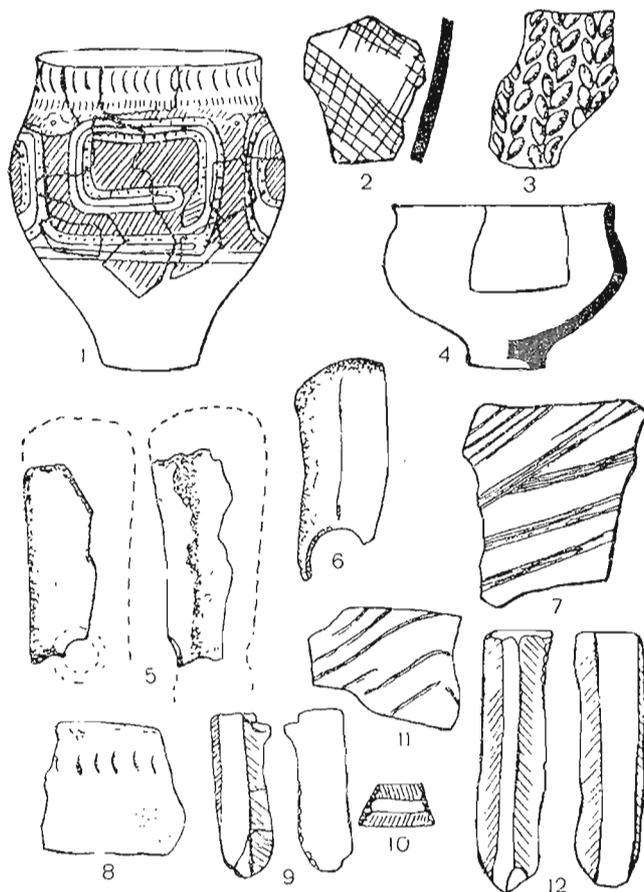

Рис. 63. Соколыцы I. Инвентарь из печерского и самчинского комплексов.

1 — плоскодонный плечистый сосуд со сложным линейным орнаментом; 2—3 — фрагменты сосудов, украшенные геометрическим и защитным (колосовым) орнаментом; 4 — миска с закругленным профилем; 5, 6 — обломки роговых мотыг; 7, 8, 11 — образцы керамики самчинского типа; 9, 12 — ножевидные пластинки; 10 — трапеция.

ный покров здесь обычный — мощностью около 30 см, что говорит о древней дате смыва верхней части суглинка.

Несмотря на то, что поверхность суглинка часто покрывается водой, находящиеся в нем неолитические остатки не были потревожены и были обнаружены только в последние годы вследствие участвовавших половодий.

Поселение объединяло четыре изолированных скопления, расположенных вдоль грибрежной полосы надпоймы и поэтому несколько задетых береговым размывом. Одно из них (комплекс

№ 1) относится к началу развитого неолита (печерская фаза) (рис. 63, 1—5; 64, 3), три других — к его концу (самчинская фаза) (рис. 18, 8; 63, 6—12; 65, 3).

Комплекс № 1 находился на расстоянии около 25 м к югу от юго-западного мыса урочища. Он включал развалы четырех сосудов, сопровождавшиеся обломком роговой мотыги с круглым отверстием (рис. 63, 5). Находки залегали

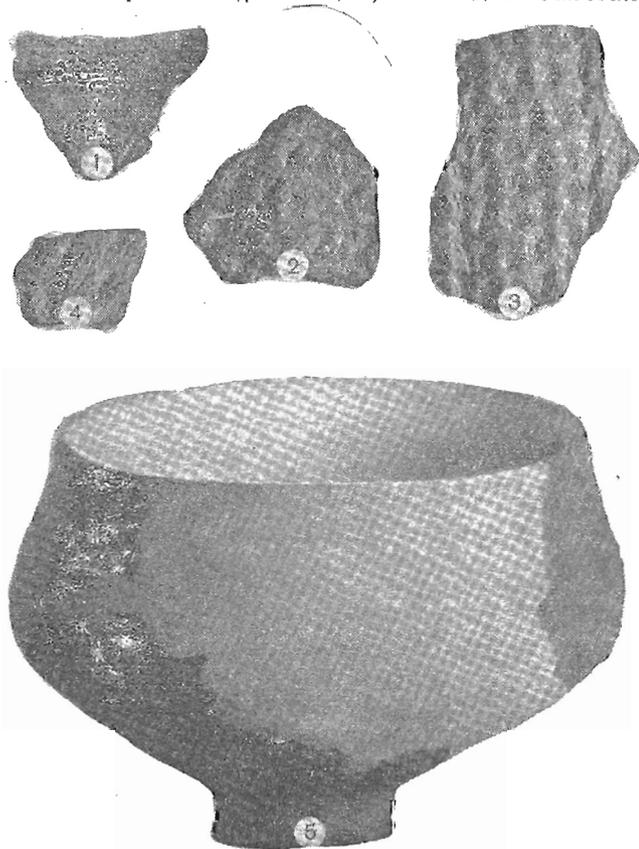

Рис. 64. Керамика печерской фазы.

1—4 — керамика с защитным (колосовым) орнаментом; 5 — чернелощеная миска, с округлым профилем на кольцевом поддоне из Глинского.

на площади около 2 м² на глубине 40 см от условной поверхности и находились в одной плоскости.

Найденная здесь посуда очень интересна. Один из сосудов, вероятно, глубокая чаша, представлен группой толстостенных черепков с примесью из толченой раковины и грубой волокнистой растительностью в массе. Весь сосуд украшен косою врезанной сеткой (рис. 63, 2). Особенно важен найденный развал второго сосуда. Это глубокий, вероятно, плоскодонный, плечистый сосуд с несколько отогнутым наружу венчиком. По плечикам размещены малые ушки с вертикальными проколами. Стенки сравнительно тонкие, в массе крупноволокнистая раститель-

ная примесь. От венчика и до придонной части сосуд покрывает сложный линейный орнамент, распадающийся на три обособленные части: по венчику — вертикальные скобки, исполненные в технике проглаживания линий, обрамленные снизу крупными продолговатыми наколами; по

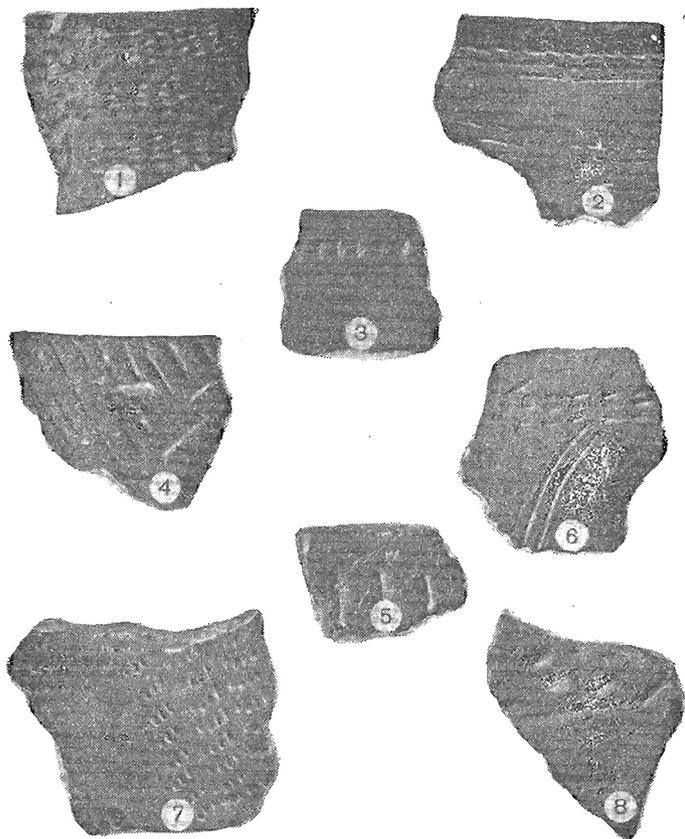

Рис. 65. Образцы керамики самчинской фазы, верхний слой (Шимановское, Соколы I, Самчинцы, Соколы VI).

1, 7 — фрагменты с гребенчатым орнаментом; 2 — фрагмент венчика с накольчатым орнаментом; 3, 5 — фрагменты со скобочно-штамповым орнаментом; 4, 8 — фрагменты с линейным орнаментом; 6 — фрагмент с гребенчатым и линейным орнаментом.

верху тулова — фриз в виде лент, трактованных в волутово-меандровой схеме, с фоном, заполненным косо врезанными линиями; по придонной части сосуда — горизонтальная линия, ниже которой помещаются группы косых нарезок, почти достигающих дна (рис. 47, 1; 63, 1; 66).

Предтрипольский характер этого сосуда очевиден. Однако он несомненно относится к пещерному времени. Об этом говорят его технологические признаки, особенности формы и, в какой-то степени, орнамента. Это подтверждает найденный в осыпи против этого места чернолощенный кубок с венчиком в виде закругленного канта (рис. 63, 4) и стенки другого сосуда с елочно размещенными пальцевыми защипами (рис. 63, 3; 64, 3). Сосуды обоих типов имеют

близкие аналогии к кругу памятников керешской культуры¹²⁰.

Комплекс № 2 находится на расстоянии 8 м к северу от предшествующего и представляет собой скопление костей, одиночных черепков и кремней, залежавших в тех же условиях, что и описанные выше остатки, в данном случае в виде пятна субовальной формы площадью около 5 м². Комплекс № 3 находится на расстоянии 7—8 м к северу от комплекса № 2. Он представляет собой скопление раковин *Unio*, сопровод-

Рис. 66. Соколы I. Бомбовидный плоскодонный сосуд с проколотыми ручками на плечиках, орнаментированный сложным и линейно-ленточным орнаментом.

ждающееся археологическим материалом, подобным описанному выше. Обращают внимание фрагменты сосуда, украшенного врезанным криволинейным, возможно, волутовым рисунком (рис. 63, 11).

Комплекс № 4 находится на северо-западном мысе урочища, на расстоянии 10 м к северу от комплекса № 3. Он представляет собой скопление костей животных, образующее пятно подпрямоугольной формы площадью 5 м². Археологический материал и здесь немногочисленный — фрагмент тонкостенного сосуда самчинского типа, украшенный проглаженной линейной композицией (рис. 63, 7), а также кремневая трапеция (рис. 63, 10).

Исходя из того, что на местах комплексов № 1—2 были найдены обломки двух просверленных мотыг (рис. 63, 5, 6), оба периода су-

существования поселения Соколы I следует связывать с возделыванием почвы. О том, что прилегающий район действительно представлял немалый интерес для первобытного земледельца, говорят обширные, составляющие многие гектары, пространства древнего острова. Только незначительная прибрежная часть оказалась занятой поселением Соколы I.

Кратко резюмируем сказанное о соколецком узле поселений, описывавшемся в разделах, посвященных раннему и развитому неолиту.

не разрушившейся водяной мельницы. Расстояние его от поселения Соколы VI — до 2 км.

До начала раскопок здесь была произведена зачистка береговой осыпи, обнажившая находки неолитического возраста на протяжении 75 м вдоль берега. Это обстоятельство определило конфигурацию и место раскопа, имевшего характер прибрежной полосы двухметровой ширины и охватившего вместе с прирезками площадь около 200 м².

Как тип памятника Шимановское II может

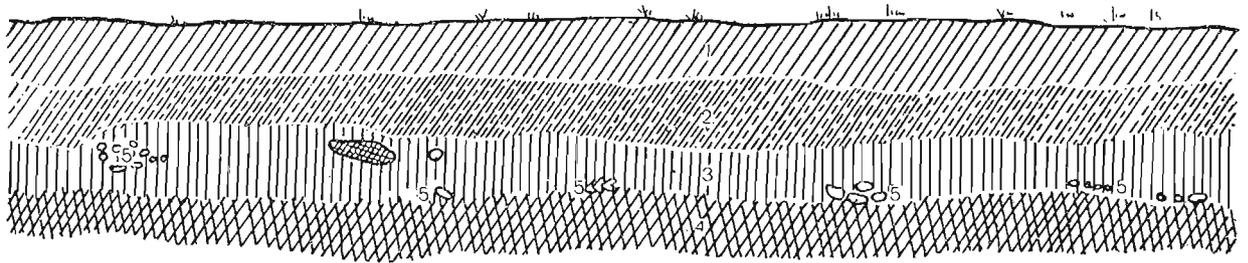

Рис. 67. Шимановское. Продольный разрез прибрежной части террасы.

1 — гумус; 2 — подпочва; 3 — лессовидный суглинок; 4 — седиментированный суглинок; 5 — археологический материал.

В границах весьма незначительной части левобережной надпойменной террасы Ю. Буга, примыкающей к двум древним порогам, существовало по меньшей мере четыре поселения, фиксирующие различные этапы развития культуры: Заньковцы II, Соколы II, Соколы VI и, наконец, Соколы I.

Наиболее архаическим памятником, отвечающим периоду освоения этой территории древними земледельцами, является нижний слой поселения Заньковцы II, а затем следует нижний слой поселения Соколы II. Звено, отвечающее нижним слоям скибенецких поселений, здесь не установлено. Что же касается печерской (кешешской) фазы, то она отражена здесь уже целым рядом памятников — нижним слоем поселения Соколы VI, отчасти поселением Соколы I, а также первым керамическим слоем поселения Заньковцы II.

Насколько это можно представить в настоящее время, группа населения, основавшая поселение нижнего слоя Соколы VI, образовывала свои выселки и не только создала пункты обитания в Заньковцах II и Соколы I, но образовала их и в северо-западном от поселения Соколы VI направлении. Об этом прежде всего говорит стратифицированное поселение Шимановское II.

Шимановское II. Поселение Шимановское II находится близ с. Шуровцы Гайсинского района. Занятая им территория представляет собой склон надпойменной террасы левого берега Ю. Буга, примыкающий к старому, третьему от Соколы порогу, превращенному в «гатку» ны-

быть сравнено с поселением Соколы VI — здесь были установлены слои печерского и самчинского времени. Оба они представлены одиночными находками: расколотыми костями животных, раковинами *Unio*.

Геологическая стратиграфия памятника обычная (рис. 67). В почвенном покрове мощностью от 60 до 80 см эпизодически встречались остатки посуды, украшенной шнуровым орнаментом, а также редкие кости. В переходном к желтому суглинку слою, местами спускающемся до глубины 1,20 м от условной поверхности, встречался материал трипольской культуры. Желтый суглинок образовывал толщу около 50 см и, таким образом, достигал глубины около 1,60 м от условной поверхности.

Остатки неолитического периода залегали в желтом суглинке (верхний самчинский слой), а также в горизонте суглинки, переходном от желтого к серому седиментированному суглинку (нижний печерский слой) (рис. 68). В верхней части суглинка на глубине 1,17 м был найден развал плечистого плоскодонного сосуда, лежавшего кверху дном (№ 5). Это широкооткрытый кратерообразный сосуд с хорошо моделированным, но сравнительно малым плоским донцем. Система спирально-волютового орнамента сосуда, имеющая аналогии в триполье, а также обнаруженный кремневый топор говорят о трипольской культурной принадлежности этой находки.

Непосредственно под названным выше развалом трипольского сосуда уже на глубине 1,25—1,27 м был найден развал нижней части

сосуда № 6 самчинского типа с интенсивной песчанистой и обильной размочаленной растительной примесью в массе.

В разных местах, но примерно на том же уровне, залегали развалы от трех других сосудов этого же времени. Они так же, как и развал описанного выше сосуда, не сопровождалась другими находками. Части сосудов № 1—2 образовывали общее скопление площадью около 2 м².

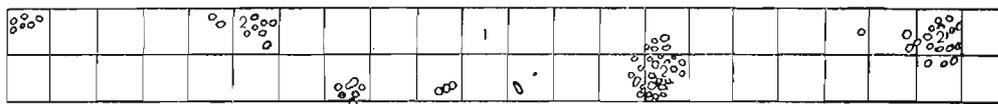

Рис. 68. Шимановское. Схема размещения археологического материала.
1 — 1 м²; 2 — археологический материал, очаги.

Сосуд № 1 восстанавливается как круглодонная чаша довольно крупных размеров. Ее характеризует жесткая песчанистая керамическая масса и характерное зональное сочетание штампового и криволинейного орнамента, т. е. типичные признаки посуды самчинской фазы (рис. 65, 6).

Сосуд № 2 — чаша сходной формы. Технологические признаки — форма, характер орнамента, состоящий из зонально размещенных оттисков гребенчатого штампа — включает ее в число самчинских керамических изделий (рис. 65, 1, 7). К нему близок сосуд № 3, украшенный продолговатыми наколами (рис. 65, 2).

К сосуду № 1 близок сосуд № 4, найденный в восточной части раскопанной площади, на расстоянии до 20 м от описанного выше скопления. Это глубокий, вероятнее всего, остродонный горшок S-видного профиля, сформованный из жесткой песчанистой массы, имеющий насечки по венчику и украшенный по тулову композицией из проглаженных линий, сопровождавшихся оттисками грубоватого гребенчатого штампа.

Характер залегания и небольшое количество остатков самчинского времени разрешает предполагать существование на поселении нескольких жилищ легкого типа.

Помимо описанного выше слоя самчинской фазы, был исследован нижний печерский слой, обнаруженный почти на поверхности серого седиментированного суглинка на глубине 1,50—1,60 м от условной поверхности.

Этот слой характеризуется остатками жилища с каменным очагом (до 10 камней), а на расстоянии около 2 м от него — развалом сосуда (№ 3); одиночными находками фрагментов посуды сходного с ним типа; находкой типичного костяного наконечника дротика со срезанным наискось черенком и немногочис-

ленными расколотыми костями животных. Наибольший интерес представляют остатки сосуда № 3. Это глубокая круглодонная чаша, с лощеной поверхностью и с грубой растительной примесью в массе. К тому же она была специально прокопчена. Орнамент сосуда чрезвычайно сложен. Он выполнен полностью в духе дотрипольских культурных традиций. Основу его составляет занимающий среднюю часть сосуда испол-

ненный в технике проглаживания многолинейный рисунок, схематически передающий дородные женские фигуры в соединении с вертикальными овалами. Интересно трактована верхняя часть фигуры в виде закругленной петли с вписанным в нее круглым углублением, возможно передающим лицо; ниже главной схемы до самого дна — вертикальные зигзаги, которые, если исходить из симметричности композиции, должны были иметь сходное продолжение и в верхней части сосуда (рис. 47, 2, 4, 6; 69). О печерском, а не соколецком возрасте этого сосуда и всего нижнего слоя поселения убеждает найденная в нем часть профилированной миски (рис. 30, 7).

Таковы в основных чертах сведения, заключающие характеристику соколецкого комплекса неолитических поселений. Разумеется, что картина реальной жизни была несколько сложнее, так как наряду с описанными выше памятниками в этой территориально крайне ограниченной части среднего течения Ю. Буга были установлены следы других, сильно разрушенных поселений — находки неолитического возраста на правом берегу реки, против поселения Заньковцы II (Заньковцы I), а также к северу от одноименного села (Заньковцы III) и, наконец, к югу от с. Анчиполовка, напротив неолитического поселения Сокольцы I.

Все сказанное выше рисует картину довольно непрочной оседлости, при которой границы родоплеменных территорий должны были часто изменяться, что вполне отвечало потребностям мотыжного земледелия, не говоря уже о потребностях охоты и рыбной ловли.

Глинское. Поселение расположено на краю надпойменной террасы правого берега Ю. Буга, в 0,5 км выше по течению реки от хутора Глинское Гайсинского района Винницкой области.

Как показали небольшие раскопки (вскрыто

70 м²), неолитический слой здесь выступает вдоль берега до 100 м и залегает в желтом суглинке на весьма значительной глубине — свыше 3 м.

В ходе раскопок было выявлено три скопления неолитического времени, между которыми отмечались находки одиночных костей, раковин, кремней, черепков, а также найденный в прежние годы развал сосуда. Следует заметить, что, несмотря на геологическую синхронность, обнаруженный в этих скоплениях материал принад-

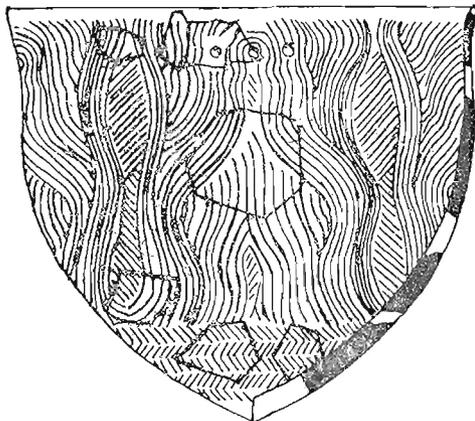

Рис. 69. Шимановское. Широко открытый остродонный сосуд, украшенный сложным линейным орнаментом. Реконструкция.

лежал к двум различным фазам местной неолитической культуры — к печерской и к самчинской.

Комплекс № 1 представляет собой скопление фрагментов керамики, костей и кремней, вытянутое с востока на запад, площадью 6×4 м. По средней оси скопления — гнезда из небольших камней, возможно, для столбов; в северо-западном углу — каменная очажная выкладка, занимающая около 0,5 м². Вероятно, скопление отвечает небольшому жилищу прямоугольного плана.

Несмотря на невыразительность комплекса с точки зрения определения особенностей жилища, значение его для понимания культурно-хронологической характеристики местной неолитической культуры велико в силу полной идентичности залегающих здесь остатков с инвентарем из нижнего слоя поселения Сокольцы VI, Печеры и других — синхронных керешской культуре.

В составе глиняной посуды особенно интересен найденный на очаге развал чернолощеной ребристой чаши на небольшом полом поддоне — форма, обычная в старчевско-керешских комплексах¹²¹ (рис. 64, 5; 70). Не менее важны находки нескольких плечистых горшков, украшенных типичным для этих же памятников сложным защитным орнаментом¹²² (рис. 64, 1,

2, 4). Особо отметим части круглодонной толстостенной миски со своеобразным орнаментом — дно сосуда украшено заштрихованной кривой сеткой, звездообразной фигурой, а выше — двумя сложными зигзагообразными зонами, составленными из овалов. В верхней зоне фон, обрамляющий овалы, кососетчатый, а сами овалы пустые, с точечным обрамлением по внутреннему обводу; в нижней зоне — пустой натуральный фон, а овалы заполнены кривой сеткой и имеют внешнее точечное обрамление (рис. 71; 47, 7).

Подчеркиваем, что описанные глубокая миска и горшки, украшенные пальцевым керешским ор-

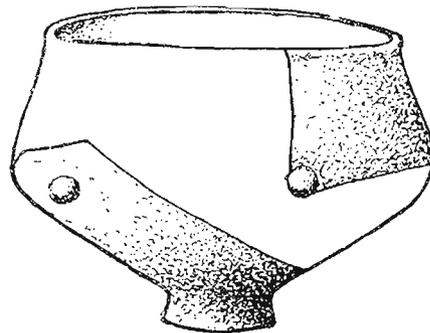

Рис. 70. Глиняное. Чернолощеной реконструированный сосуд типа невысокого кратера на кольцевом поддоне.

наментом, принадлежат к одной и той же технологической группе неолитической посуды — это толстостенные сосуды, содержащие грубую волокнистую примесь в массе, с подлощенными внешней и внутренней поверхностями стенок. В то же время чаша принадлежит к другой технологической группе посуды — тонкостенной, изготовленной из тщательно отмученной глины, обожженной в печи с восстановительным пламенем.

Из других находок следует назвать обломок костяного лощила для полирования стенок сосудов, а также костяное тесло, подобное найденному на поселении Шимановское (рис. 62, 6, 9).

К другому, более позднему, самчинскому времени относится найденный П. И. Хавлюком на расстоянии 10 м к востоку от комплекса № 1 развал круглодонной чаши, украшенной шахматно-гребенчатым орнаментом, обнаруживающим все характерные признаки посуды самчинской фазы (рис. 72).

Комплекс № 2 находится на расстоянии около 20 м к востоку от этого развала. Он объединяет скопление раковин *Uro*, отдельные кости а также остатки посуды самчинской фазы: круглодонной (?), тонкостенной чаши и горшка с несколько отогнутым наружу венчиком, укра-

шенного по верхней части полями из оттисков скобочного штампа.

Таким образом, Глинское предстает перед нами как стратифицированное поселение с остатками самчинской и печерской фаз развития и представляет аналогию для таких местонахождений, как Соколы I, VI, Шимановское и др.

Следующими, также стратифицированными памятниками, находящимися в южной части Среднего Побужья, являются поселения на ос-

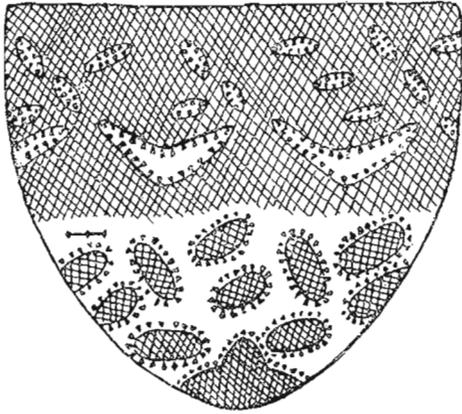

Рис. 71. Глинское. Реконструкция сосуда типа глубокой миски из жилища печерской фазы.

трове Полижок, против г. Гайворон, а также Мельнична Круча. В связи с тем, что поселение Гайворон-Полижок как по типу самого местонахождения, так и по типу культуры представляет собой почти полную аналогию ранее исследованному поселению Мельнична Круча, мы нарушаем территориальную последовательность описания и сначала приводим описания Мельничной Кручи, а уже затем переходим к краткому описанию поселения Гайворон-Полижок.

Мельнична Круча. Поселение находится на расстоянии 1,5—2 км выше по течению р. Ю. Буг от с. Сабатиновка. Урочище Мельнична Круча представляет собой мысообразный изгиб обширной надпойменной террасы левого берега реки, достигающий в ширину свыше 100 м и вдающийся в течение реки на 15—20 м. Ниже этого урочища простирается широкий и низкий, несколько заболоченный берег, а выше — заполненная темным гумусом впадина, возможно, оставшаяся от высохшего ручья. Против нее в илистых отложениях реки в свое время был найден известный якобы неолитический челн*. Выше западины снова продолжается надпойма, ко-

* Этот челн сохраняется в Военно-Морском музее в г. Ленинграде. Условия залегания челна никак не говорят о его неолитическом возрасте.

торая, как и сама Мельнична Круча, возвышается над уровнем Ю. Буга всего на 2 м.

Стратиграфические данные наиболее насыщенного находками прибрежного участка террасы оказались следующими: современный почвенный покров, не содержащий археологического материала, — 0,02—0,5 м; подстилающий предшествующую породу слой желтого суглинка, включающий кости домашних животных, в частности быка, и обычные трипольские черепки с

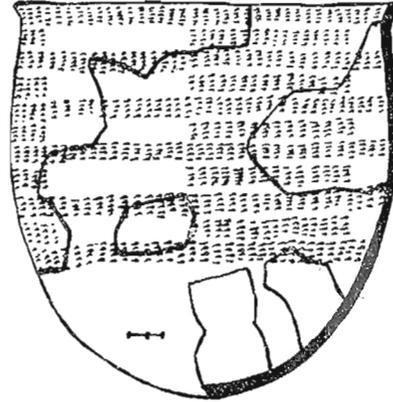

Рис. 72. Глинское. Реконструкция сосуда самчинского типа, украшенного зональным гребенчатым орнаментом.

полихромной росписью, немногочисленные фрагменты кухонной трипольской посуды с примесью толченой раковины в массе, ниже их — фрагменты самчинской керамики, а также обломки нескольких синхронных им роговых мотыг (рис. 73, 1, 2, 6)*, — 0,5—0,9 м; сероватый суглинок прибрежного характера, содержащий остатки развитой поры неолитической эпохи, — 0,5—1,2 м; серо-зеленый плотный ил, содержащий раковины речных моллюсков и получавшиеся из ила твердые конкреции и не содержащий никаких археологических остатков, — 1,2 м и глубже.

Керамические изделия трипольской культуры, как полихромные, так и кухонные, следует датировать началом развитой поры триполья. Попасть сюда они могли с какого-то территориально близкого трипольского поселения, возможно, с находящейся неподалеку Сабатиновка I. На самой Мельничной Круче не было следов трипольских жилищ. Это говорит о том, что она посещалась трипольским населением только периодически, возможно, с целью обработки земли.

Таким образом, появилась необходимость рас-

* Из раскопок Одесского музея происходят: фрагмент керамики, две трапеции (рис. 73, 3—5) и два топора (рис. 74; 75).

считать Мельничну Кручу не как однослойное¹²³, а как стратифицированное поселение.

Остатки основного (нижнего) неолитического слоя залегают в основании серого суглинка в непереотложенном состоянии, образуя две тонких прослойки (нижняя без керамики), мощность которых не превышала 3—5 см.

в глубь террасы их почти не было. Если же принять во внимание отсутствие на поселении явных следов жилищ и даже костров, в размещении культурных остатков трудно усматривать какой-то определенный порядок, вызванный деятельностью людей. Возможно, впрочем, что места наибольшей концентрации находок, каких на

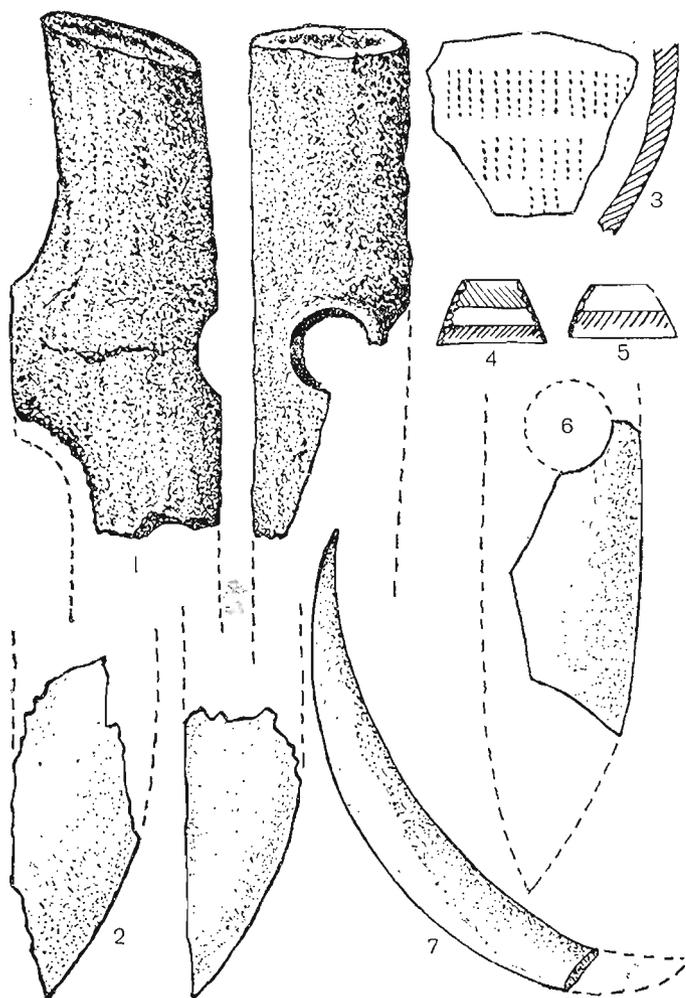

Рис. 73. Мельнична Круча. Инвентарь из самчинского слоя. 1, 2, 6 — обломки киркообразных мотыг; 3 — фрагмент сосуда; 4—5 — трапеции; 7 — нож-скобель из эмали клыка кабана.

Наибольшее количество неолитических материалов — расколотых костей животных, кремневых изделий, спорадических обломков посуды и костяных изделий было отмечено в границах узкой прибрежной части шириной до 5 м. Однако и здесь они не составляли мощных скоплений и залежали в одной плоскости, не налегая друг на друга.

Связь большинства находок с прибрежной частью поселения видна, например, из такого факта. Если на 1 м² в прибрежной части их насчитывалось до 10, то уже на расстоянии 3 м

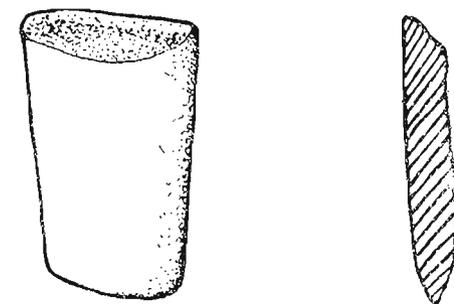

Рис. 74. Мельнична Круча. Обломок топора из камня.

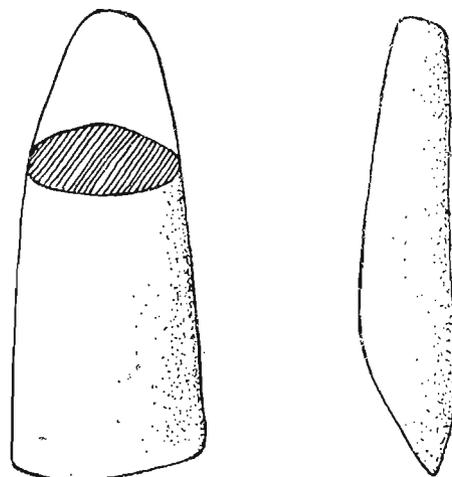

Рис. 75. Мельнична Круча. Тесло из камня.

раскопанной площади (около 200 м) можно насчитать несколько, могли отвечать каким-то наземным жилищам.

О том, что и глубинная часть террасы Мельничной Кручи была также заселена, говорят данные шурфования, проведенного на расстоянии 20 м от берега. Здесь были отмечены те же самые отложения, что и в береговой части, за исключением желтоватой суглинистой породы. Ей по глубине залегания отвечал гумус очень значительной мощности — свыше 1,5 м. В нем на глубине 1,1 м был найден фрагмент трипольского сосуда с полихромной росписью, а на глубине 2 м и глубже — закругленное дно черноглиняного сосуда и два веретеновидных костяных острия неолитического возраста.

Весьма вероятно, что такой характер слоя свидетельствует об образовании его в результате кратковременного обитания и мы имеем дело с отложениями, размывавшимися эпизодически еще в древности, как это, например, имело место на многих поселениях Надпорожья. В подтверждение последнего положения следует подчеркнуть полное отсутствие кострищ.

Для археологического слоя Мельничной Кручи характерно наличие костей животных

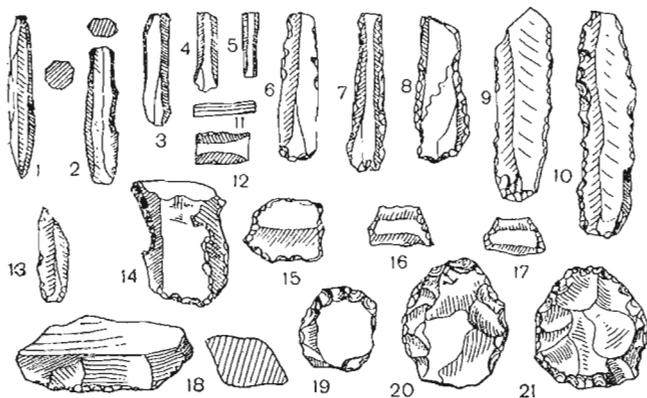

Рис. 76. Мельнична Круча. Кремневый инвентарь из пещерного слоя.

1, 2 — карандашевидные нуклеусы; 3—10, 12, 13 — ножевидные пластинки; 11 — микровкладышевая пластинка; 14 — резец; 15—17 — трапеции; 18 — нуклеус; 19—21 — скребки.

(почти исключительно благородного оленя), довольно многочисленного кремневого инвентаря микролитического облика, сравнительно редких находок фрагментов керамики, а также отдельных костяных орудий.

Так как собранный здесь кремневый комплекс очень выразителен, описываем его подробно (рис. 76, 1—21).

Наличие многочисленных отщепов, не использованных пластинок и различных нуклеусов свидетельствуют о том, что на Мельничной Круче изготовлялись разнообразные кремневые орудия.

Нуклеусы, полученные при исследовании этого памятника, довольно разнообразны. Среди них имеются: пирамидальные, настоящие микролитические нуклеусы карандашевидного типа, предназначенные для получения микропластинок длиной 4,3—5 см (рис. 76, 1—2). На других стоянках Украины подобные нуклеусы исчезают с отмиранием вкладышевой техники, т. е. с отмиранием переживаний раннего неолита. Так, например, они часты на неолитических поселениях Надпорожья¹²⁴, но их уже нет в Мариупольском могильнике.

Характерны и обычные пирамидально-призматические нуклеусы, предназначенные для снятия пластинок шириной около 1 см и нуклеусы для отщепов (рис. 76, 18). Подобные микро-

литические нуклеусы обычны в позднем неолите степной территории УССР и исчезают на рубеже перехода к эпохе меди¹²⁵.

Наиболее многочисленную группу инвентаря составляют пластинки средних размеров, достигающие в длину от 3,5 до 8 см и в ширину от 1,2 до 2 см. Такие пластинки употреблялись как ножи нескольких разновидностей (рис. 76, 3—10).

Следующую группу орудий представляют собой изделия с зубчатыми гранями, изготовленными из обломков средних пластин: прорезыватели — орудия, удобные для резания и пропиливания. Ретушь на них, довольно мелкая и плоская, наносилась главным образом со стороны брюшка. На двух экземплярах противоположный рабочему край стесан сколами наподобие резцовых. Один прорезыватель изготовлен из сечения крупной пластины длиной 3 см, шириной 1,5 см. Оба конца орудия оббиты наноской и подправлены ретушью; рабочий край, имеющий зубчатый выступ, оформлен путем снятия плоской ретуши с брюшка и мелкой — со спинки (рис. 76, 8—9). На одной из пластинок (рис. 76, 12) есть следы залощенности.

Из сечений пластин изготовлены и немногочисленные в коллекции орудия геометрических очертаний — трапеции. Большие основания двух трапеций имеют ретушь с брюшка и спинки, что обеспечило зубчатость рабочего края (рис. 76, 15—17).

Микропластинки как заготовочный материал использовались в значительно меньшей степени, чем пластинки средних размеров. Они достигали в длину 3—3,4 см и в ширину 0,4—0,7 см. Почти все они, по-видимому, использовались в качестве вкладышей (рис. 76, 4, 5).

Иногда встречаются пластинки с притупленным ретушью краем (ширина 0,4 см), а также микропластинки с миниатюрными выемками по краям (рис. 76, 11). Характерной чертой техники изготовления кремневых орудий на неолитическом поселении Мельнична Круча является массовое использование отщеповых заготовок, шедших, главным образом, для изготовления нескольких разновидностей скребков, а также для изготовления резцов.

Имеющиеся в комплексе скребки по признаку техники изготовления подразделяются на несколько перечисленных ниже групп: скребки из массивных отщепов округловатой формы, с окаймляющей всю заготовку довольно крутой ретушью, средний размер их около 3 см (рис. 76, 19—21); скребки концевые из пластинчатых отщепов, с округлым, обычно острым рабочим краем, не захватывающим только отбивную площадку. Длина орудий от 2,5 до 3 см.

Резцы — эта архаическая группа неолитических орудий — в комплексе Мельничной Кручи немногочисленны. Они обычно изготавливались из отщеповых заготовок. Среди них встречаются резцы нуклеусовидные, двуфасеточные, срединные, а также угловые (рис. 76, 13, 14).

Из приведенного описания кремневых изделий, полученных при исследовании поселения

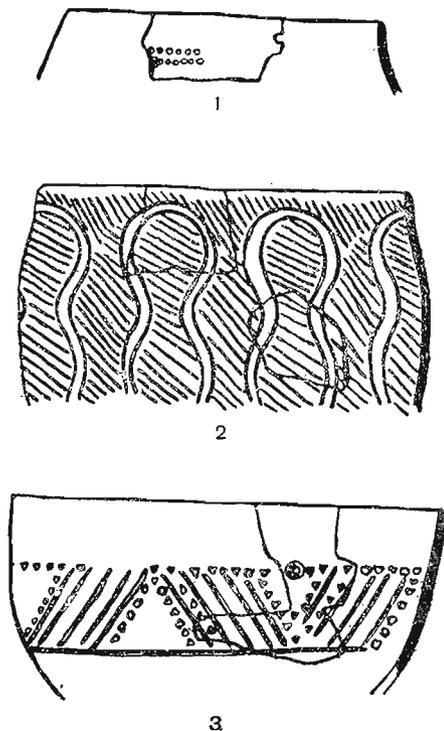

Рис. 77. Мельнична Круча. Фрагменты сосудов из пещерского слоя.

1—2 — верхние части глубоких сосудов с суженной верхней частью; 3 — миска.

Мельнична Круча, с полным основанием можно сделать вывод об их значительной неолитической древности. Это подтверждает целый ряд архаических форм. Микронуклеусы и микропластинки, прорезыватели, резцы и др. свидетельствуют о том, что микровкладышевая техника, составляющая характерную черту раннего неолита украинской территории¹²⁶, должна была существовать еще и во время бытования памятников типа Мельнична Круча. Вместе с тем в описываемом комплексе имеются и материалы, указывающие на его несколько более поздний возраст, — сравнительно крупные нуклеусы и соответствующие им по размерам пластинки-заготовки, а также некоторые формы скребков, например округлой формы с круговой ретушью, миниатюрные прототипы которых в Надпорожье появились еще в таких ранних памятниках, как стоянки на островах Кизлевом¹²⁷ и Сурском¹²⁸, а более крупные по размерам, но типологически

с ними сходные скребковые орудия становятся обычными на таких поздне-неолитических степных поселениях, как Собачки на Порогах, поздне-неолитический слой поселения у Каменной Могилы, и на многих неолитических поселениях на территории Украины¹²⁹.

Несмотря на вполне благоприятные условия, сложившиеся на Мельничной Круче для сохранения кости, число найденных здесь костяных орудий невелико — всего 7 изделий, что в сопоставлении с количеством кремневых орудий составляет совсем незначительный процент. Из числа костяных изделий прежде всего должны быть отмечены нехарактерные вещи: просверленный клык хищника — подвеска, а также шилья из небольших трубчатых костей. Гораздо более показательны нож из клыка кабана (рис. 73, 7), обломок длинных костяных наконечников стрел и дротиков овального сечения, изготовленных из трубчатых костей, а также часть веретенообразного острия высокого полуовального сечения.

Подобные изделия, особенно последние, составляют характерную черту костяного инвентаря ранне-неолитических стоянок сурского типа из Надпорожья¹³⁰. Подобные наконечники были встречены в составе инвентаря таких энеолитических памятников, как Мариупольский могильник¹³¹. По-видимому, сходные вещи составляют обязательную часть инвентаря наиболее ранних трипольских памятников и доживают до начала медного века, когда они в этой широте территории Украины сменяются кремневыми наконечниками стрел и дротиков, выполненными в технике двустороннего ретуширования.

Своеобразную группу инвентаря представляет собой керамика. Число собранных фрагментов невелико и принадлежит всего 3—4 сосудам. По составу керамической массы они подразделяются на две группы: сосуды серые после обжига с травянистой примесью, кварцем и сосуды черноглиняные, обжигавшиеся в восстановительном пламени, содержащие примесь толченой раковины с подложенными внутренней и внешней поверхностями стенок.

Имеющиеся фрагменты верхних частей трех сосудов дают основания для восстановления двух типов глубоких остродонных или, что более вероятно, яйцевидных чаш. У чаш первого типа утонченная венчиковая часть слегка загибалась внутрь, а ниже шло раздутое тулово, заканчивающееся плавно закругляющимся дном. Чаши второго типа отличаются от предшествующих ребристым переломом тулова и плавно отогнутым наружу венчиком. Орнамент на чашах обоих типов сложный линейный или штамповый.

Интересна сложная линейная композиция, состоящая из вертикальных волнистых линий и заштрихованных фигур, а также зигзаговая компо-

зиция с дополнением из крупных наколов (рис. 77, 2, 3). Композиция, выполненная на кольчатом штампе (вероятно, тонкой косточкой), также обнаруживает тенденцию к компонованию оттисков в линию (рис. 77, 1).

Хронологическое положение нижнего слоя Мельничной Кручи в настоящее время, благодаря близким аналогиям среди посуды пещерского слоя Митькова острова (рис. 29), определяется достаточно точно как начальная пора пещерской фазы буго-днестровской культуры.

Площадь поселения была раскрыта полностью, что благоприятствовало получению надежных данных о геоморфологическом строении острова в неолитическую эпоху.

В неолитическое время остров представлял собой узкую полосу. Его первоначальное ядро составляла северная часть, где прослеживается полоса желтого лессово-иловатого суглинка шириной 50—100 м.

В восточной части этой полосы, уже над самым порогом, и находилось описываемое ниже

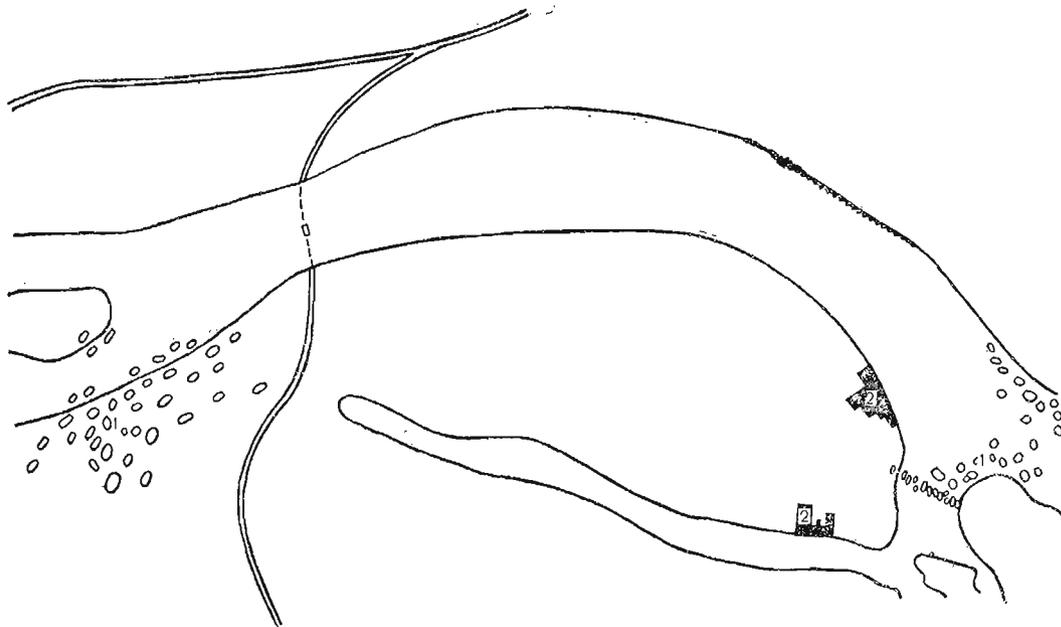

Рис. 78. Гайворон-Полижок. Схема размещения поселения.
1 — пороги; 2 — раскопки.

Гайворон-Полижок. Поселение расположено в северо-восточной части острова Полижок, вытянувшегося вдоль течения Ю. Буга на расстоянии до 1 км, при ширине около 300 м. К крайним — западной и восточной оконечностям острова примыкают грандиозные пороги, способствовавшие возникновению обширных отmelей, а затем и самого острова (рис. 78). Современные внушительные размеры острова не говорят о том, что он был таким же большим и в неолитическую эпоху.

В связи с тем, что здесь находилось раннеславянское металлургическое производство, занимавшее многие прибрежные участки острова, территория последнего во многих местах исследовалась с помощью землеройных машин и подвергалась систематической шурфовке. Было точно установлено, что описываемое ниже поселение является здесь единственным неолитическим местонахождением.

поселение, занимающее прибрежную полосу длиной около 60 м и шириной 3—4 м. Неолитическими остатками наиболее насыщены первые 25—30 м, считая от восточной оконечности острова.

Как показали раскопки, поселение Гайворон-Полижок является стратифицированным памятником, объединяющим остатки раннеславянского времени, небольшое количество своеобразных остатков конца медного века, спорадические находки конца неолита, а главное — слой начала развитой поры неолита (пещерская фаза).

Геологическое строение острова на месте поселения напоминает строение Мельничной Кручи: современный намыв — 0—0,5 м; современная почва — 0,5—1,0 м; серый иловатый суглинок, отвечающий ископаемой почве лугового типа, — 1,0—1,2 м, ниже — желтый, обогащенный жерсткой ржавый седиментированный суглинок, перекрывающий речные валуны (рис. 79).

Археологические остатки первобытной эпохи в основном залежали в различных частях толщи серого иловатого суглинка, а неолитические — в основании серого суглинка, почти на рубеже с желто-ржавым аллювиальным суглинком.

Содержащий археологические остатки серый суглинок образовывал узкую прибрежную полосу шириной 5—7 м. В глубине террасы ему отвечал желтый лессообразный суглинок, хорошо известный по другим неолитическим мес-

тый суглинок культовое захоронение фрагментированных черепов, позвонков и костей конечностей четырех благородных оленей (рис. 80).

Из сказанного явствует, что поселение Гайворон-Полижок интересно не столько размещением на нем археологического материала, сколько непосредственным содержанием последнего.

Археологический материал поселения распадается на три основных группы: изделия из кремня, кости и клыка кабана, а также облом-

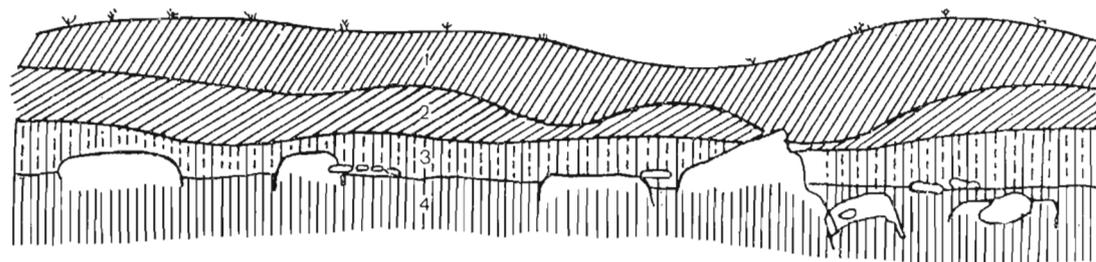

Рис. 79. Гайворон-Полижок. Продольный разрез прибрежной части местонахождения.
1 — гумус; 2 — подпочва; 3 — оглеенный лессовидный суглинок; 4 — аллювиальный суглинок.

тонахождения Побужья. Объяснить происхождение серого суглинка нетрудно — это лессообразный суглинок, систематически подтапливавшийся во время разливов и поэтому оглеенный. Подобное происхождение серого суглинка подтверждается также одинаковым содержанием археологических остатков, залегающих на одной и той же глубине как в прибрежной полосе, так и в средней части террасы. Разница состоит лишь в том, что археологический материал в глубине террасы залегал неизменно *in situ*, в то время как в прибрежной части он обнаруживает следы некоторой переотложенности действием аллювиальных факторов.

В прибрежной части поселения не было обнаружено никаких достоверных следов жилищ, например очажных камней.

Среди собранного здесь материала преобладают находки кремневых орудий и отходов от их производства. Встречаются кости животных, обломки посуды, обычные костяные и роговые изделия и др. Над уровнем реки печерский слой аккумуляровался настолько низко, что скапливавшиеся на нем остатки периодически размывались. Прямым свидетельством размывания породы, содержавшей неолитические находки, является вклинивание в ее толщу участков речного песка, содержащего археологический материал печерского типа без каких-либо более поздних примесей.

Как указывалось, в непо потревоженном состоянии археологический материал находился только на окраине поселения, где его, к сожалению, было немного. Особый интерес представляет обнаруженное в этом месте спущенное в жел-

ки глиняной посуды. Подчеркиваем полное отсутствие остатков роговых мотыг, что также отмечается и для печерского слоя Мельничной Кручи.

Кремневый инвентарь представлен несколькими сотнями находок, преимущественно отщепами, а также ножевидными пластинками средних или микролитических размеров (рис. 81, 5—19, 24). Выразительную группу составляют призматические нуклеусы (рис. 81, 1, 2) и нуклеусы для микролитических пластинок, так называемые карандашевидные (рис. 81, 3, 4). Встречаются скребки, обычно отщеповые. Интересна группа прорезывателей (рис. 81, 13—16). Весьма выразительна группа геометрических микролитов — трапеций (рис. 81, 20, 21, 25—29). Интересны наконечники стрел граветтоидной формы (рис. 81, 22, 23) и вкладыши в жатвенный нож (рис. 81, 5, 11).

Костяные орудия включают группу игольчатых наконечников, стрел, шилья, а также костяное тесло и ножи из клыка кабана (рис. 62, 1—4). Важно отметить находки фрагмента ромбической зернотерки (рис. 82) и песта. Особо отмечаем находки подвесок из горного хрусталя, который спорадически встречается в жерствяных отложениях острова.

Настоящими униками являются антропоморфная статуэтка, грубо выточенная из относительно крупного по местным условиям кристалла горного хрусталя (рис. 83), а также часть амулета из песчаника в виде ромбической зернотерки (рис. 84).

Глиняная посуда в большинстве случаев

представлена небольшими фрагментами. По технологическим признакам она несколько отличается от посуды более северных районов, например печерского типа скибенецкой или соколецкой групп поселений. Она обычно изготовлена из жирной глины со слюдяными блестками, содержит растительную примесь и не имеет примеси раковины.

Среди имеющегося материала удалось определить горшки с небольшим, слегка отогнутым

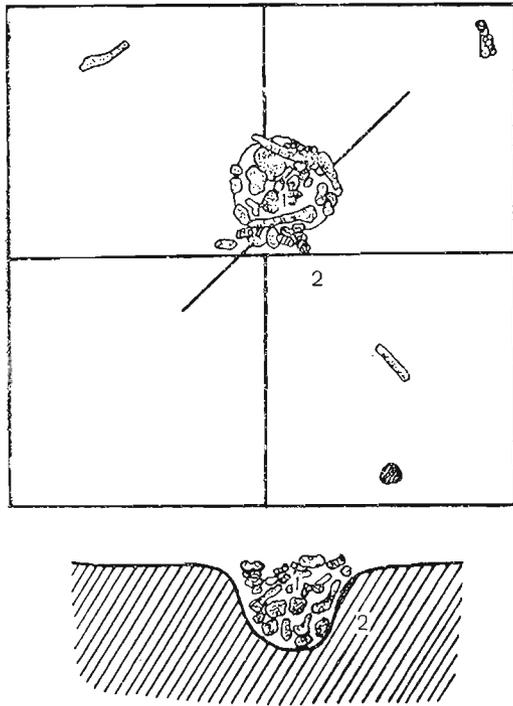

Рис. 80. Гайворон-Полижок. Схема жертвенной ямы печерской фазы, содержащей остатки черепов и конечностей четырех особей оленей.

1 - жертвенные кости; 2 - лессовидный суглинок.

наружу венчиком (рис. 85, 5, 6), а также два типа чаш: глубоких (рис. 85, 1, 4) и сравнительно невысоких, с несколько закругленными стенками (рис. 85, 2, 3).

В отношении техники исполнения орнамент собранной здесь посуды распадается на три численно неравных группы. Безраздельно доминируют линейные мотивы; изредка встречаются оттиски скобочного штампа (рис. 85, 6) и, наконец, пальцевые защипы на керешский манер. Особо отмечаем прием украшения среза венчиков наколами.

Среди орнаментальных мотивов определяется хорошо известная по другим памятникам исследуемой культуры меандро-волнотовая композиция с заполнением отдельных элементов фигуры крупными наколами, которые так же использовались для обрамления линейной основы (рис. 85,

2). Далее следуют не менее известные ленточные композиции из вертикальных волнистых лент, состоящие из многих линий, обрамленных наколами с субовальными расширениями, иногда также заполненными наколами (рис. 85, 4).

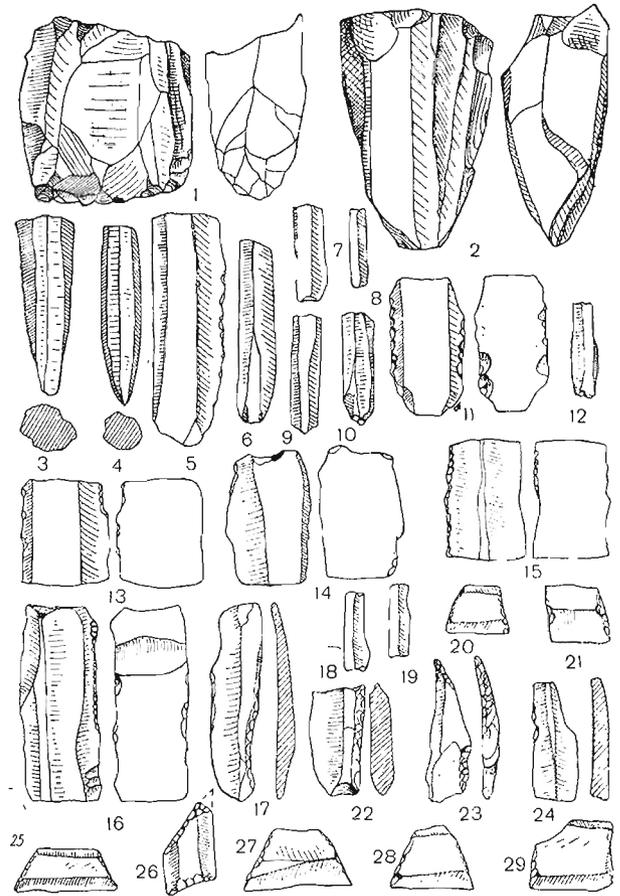

Рис. 81. Гайворон-Полижок. Кремневый инвентарь печерского слоя.

1, 2 - призматические нуклеусы; 3, 4 - карандашевидные нуклеусы; 5-10, 12-16, 24 - пластины; 11 - прорезыватель; 17-22 - черешковые части острей; 18, 19 - микропластинки; 20, 21, 25, 27, 28, 29 - трапеции; 23 - наконечник стрелы с черешком; 26 - наконечник стрелы в форме неправильной трапеции.

Третья орнаментальная схема представляет собой сложные многолинейные угловатые композиции, у которых промежутки между линиями заполнены наколами, а сама линейная композиция обрамлена такими же наколами (рис. 85, 1).

Четвертой орнаментальной композицией является так называемый текстильный мотив, состоящий из подпрямоугольных полей, скомпонованных из проглаженных линий (рис. 85, 5; 30, 6).

Лощеной посуды из тонкой отмученной глины не обнаружено. Возможно, что именно ее место занимают миски с выпуклыми подлощен-

ными стенками, напоминающие сходные изделия печерского слоя Митькова острова.

Приведенные выше данные достаточно полно характеризуют поселение Гайворон-Полижок как памятник. Вопрос о культурно-хронологическом положении этого памятника является главным в его оценке.

При суммировании данных, полученных во время раскопок поселения Гайворон-Полижок,

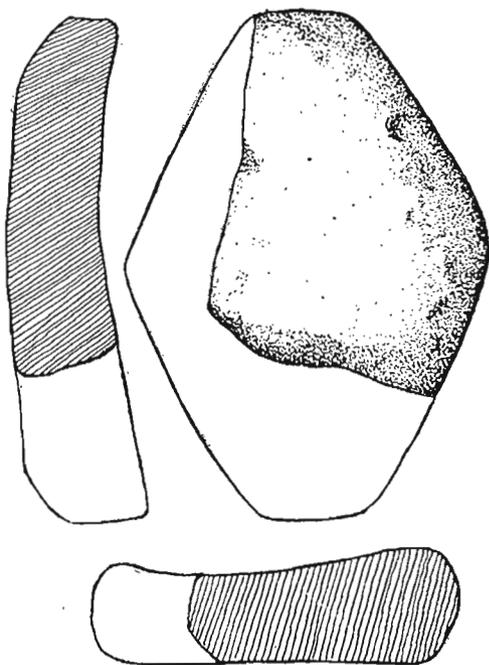

Рис. 82. Гайворон-Полижок. Печерская фаза. Частично реконструированная зернотерка из камня.

напрашивается сопоставление их с данными таких памятников, как нижние слои поселения Сокольцы II и поселения Сокольцы VI. Учитывая то, что последнее является прямым аналогом Печеры и отвечает времени таких позднекерешских памятников, как нижний слой поселения Периени, считаем необходимым подчеркнуть некоторый архаизм культурно-исторического комплекса поселения Гайворон-Полижок, а следовательно, и Мельничной Кручи.

Важно подчеркнуть, что Гайворон-Полижок обладает чертами, отличающими его от хронологически близких, но более северных памятников. Особенно это коснулось характера глиняной посуды, в частности ее технологических особенностей, а также кремневого инвентаря, отличающегося ярким микролитизмом. Будущее подтвердит, насколько стабильными являются названные выше признаки.

Многочисленные аналогии с материалом поселения Мельнична Круча как будто бы гово-

рят в пользу этого мнения, а также и о том, что Гайворон-Полижок и его аналоги образуют южную периферию памятников развитой поры буго-днестровской культуры.

Печера. Это поселение является эпонимным памятником, так как оно было использовано для обозначения особого — печерского этапа разви-

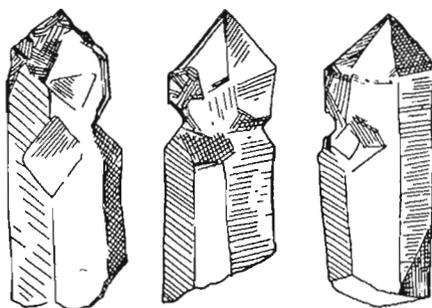

Рис. 83. Гайворон-Полижок. Печерская фаза. Антропоморфная статуэтка из горного хрусталя.

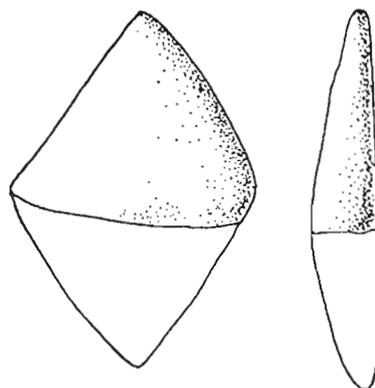

Рис. 84. Гайворон-Полижок. Печерская фаза. Частично реконструированный амулет из камня в виде миниатюрной зернотерки.

тия буго-днестровской культуры. Именно на примере этого памятника стало очевидным, что буго-днестровская культура, понимавшаяся прежде как локальное явление, имеет очевидные связи с кругом старчевско-керешской культуры. Установление этого факта, первоначально не укладывавшегося в рамки обычных представлений некоторых исследователей, все же сыграло немалую роль в определении подлинного масштаба и подлинного значения буго-днестровской неолитической культуры как исторического явления*.

* С первыми находками из Печеры еще в 1958 г. были ознакомлены румынские археологи М. Петреску-Дымбовица и Е. Комша, воздержавшиеся тогда от признания сходства печерских материалов с керешскими. В настоящее время факт установленного нами этнокультурного контакта признан полностью (см., например, обзорную статью Т. С. Пассек, в № 3, СА за 1963 г.).

Поселение Печера находится против одноименного села Шпиковского района Винницкой области, в прибрежной полосе хорошо выявившейся здесь правобережной террасы Ю. Буга, на участке, достигающем в длину около 500 м и в ширину около 300 м. Как и большинство поселений исследуемой культуры, оно было расположено над древним порогом (рис. 86).

ный участок размещался примерно в средней части края описанной террасы. В результате закладки раскопа площадью в 100 м названный участок был полностью раскрыт и оказался культурным пятном, вытянутым вдоль реки на 13 м и шириной 7 м, оставшимся от бывшего здесь в древности довольно обширного жилищного комплекса. Определить количество жилых

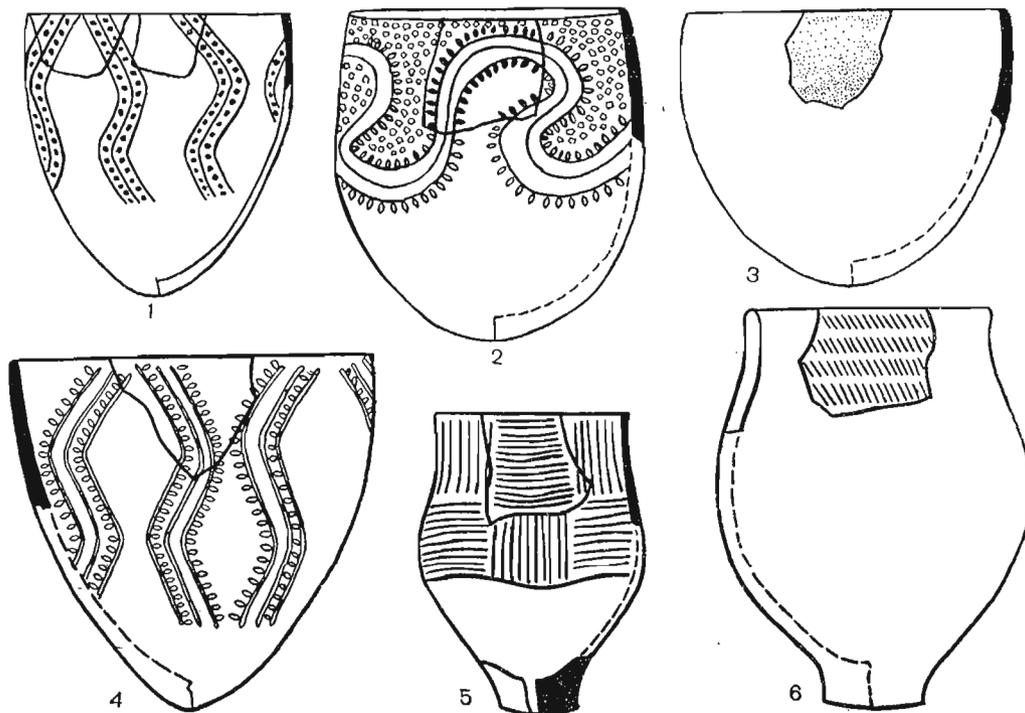

Рис. 85. Гайворон-Полижок. Образцы керамики из печерского слоя.
1, 2, 4 — сосуды со сложным линейным орнаментом; 3 — венчик подобного неорнаментированного сосуда; 5, 6 — плоскодонные горшки S-видного профиля со штриховым орнаментом.

Геологическое строение раскапывавшейся части террасы обычное. Археологические остатки, встречающиеся отдельными скоплениями на протяжении почти всего берегового обнажения, залегали в хорошо известной по другим памятникам породе — желтом лессовидно-илловатом суглинке, на глубине около 70 см от прибрежной поверхности террасы.

Почти на всей этой площади, за исключением окраинных метровых квадратов, в одной плоскости залегало большое количество расколотых костей животных, много кремневых изделий, включающих округлые скребки, трапеции, ножевидные пластинки, призматические нуклеусы, отщепы и прочее, а также фрагменты глиняной посуды.

В результате зачистки подмытого края надпоймы было обнаружено три участка наибольшего сосредоточения материала.

Избранный для раскопок наиболее насыщен-

камер в границах представляемого им комплекса по условиям залегания остатков в настоящее время не представляется возможным (см. план).

Наибольшие основания для синхронизации памятника с керешем дают остатки глиняной посуды. По технологическим признакам она легко делится на три основных группы: 1) посуда, содержащая растительную примесь и раковины в массе; 2) монохромная лощеная посуда из отмученной глины; 3) посуда с заметной примесью песка и мелкой размочаленной растительной массой, иногда украшенная отисками гребенчатого штампа. Остатки посуды последней группы находились лишь в прибрежной кромке террасы и к исследуемому комплексу отношения не имеют. Это явно самчинская примесь.

Основное количество фрагментов относится к первой технологической группе. Из форм сосудов устанавливаются горшки S-видного профиля или же горшки с выделенным цилиндри-

ческим венчиком, яйцевидным туловом и небольшим плоским дном (рис. 87, 1, 4; 88, 1, 2, 13). Второй формой являются глубокие сосуды с округлыми стенками, несколько загнутой внутрь верхней частью, возможно, также плоскодонные, но скорее с округлыми доньями (рис. 88, 7, 10). Из числа приемов украшения посуды наиболее характерен проглаженный или врезанный линейный орнамент, состоящий из вертикальных или

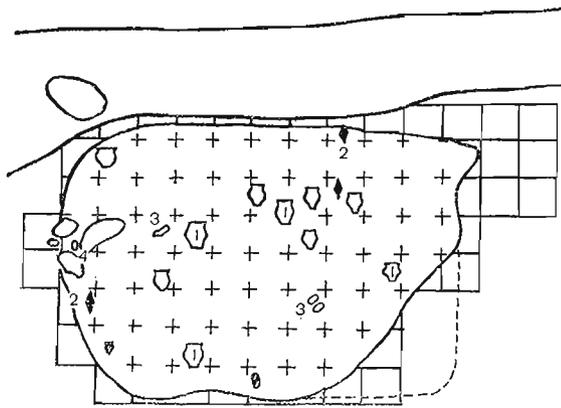

Рис. 86. Жилище, найденное на поселении Печера.
1 — сосуды; 2 — зернотерки; 3 — мотыги; 4 — скалы.

зигзаговых линий, а также текстильные композиции (рис. 87, 3; 88, 4—6, 11—13), исполненные в той же технике. Типично заполнение угловатых и ромбических фигур, получающихся на местах расхождения волнистых линий, наколами или короткими проглаженными линиями. Отмечены случаи использования в качестве дополнительного орнамента рельефных лент (рис. 88, 12) и налепов (рис. 87, 1; 88, 8, 9), оттисков прямого штампа и, наконец, линий из парных защипов (рис. 30, 1, 2; 88, 1, 2). Не менее характерна группа гладкостенных сосудов из отмученной глины. Она отличается внешней и внутренней лощеностью поверхности стенок. Из форм устанавливается широкооткрытая профилированная миска, имевшая, судя по аналогии из Глинска, полый поддон (рис. 87, 2).

Особо следует оговорить наличие частей двух бомбовидных плоскодонных фляг с развернутыми горловинами, снабженных небольшими ушками, размещенными на разных уровнях ниже горла.

Все перечисленные сосуды — горшки, миски и фляги с ушками — имеют близкие аналогии в керешских комплексах, что в вопросе синхронизации имеет решающее значение¹³².

Из других находок отметим роговую мотыгу со сверлиной и скошенным рабочим краем, костяной наконечник дротика с насадом, срезанным наискось, верхние и нижние растиральные камни, являющиеся частями небольших зер-

нотерок, а также примитивный топор, изготовленный из «узкобушной» гальки овального сечения (рис. 89).

Кремневый инвентарь довольно многочисленный. Он определенно микролитичен и близок к кремню печерского слоя Митькова острова и нижнего слоя поселения Соколы VI.

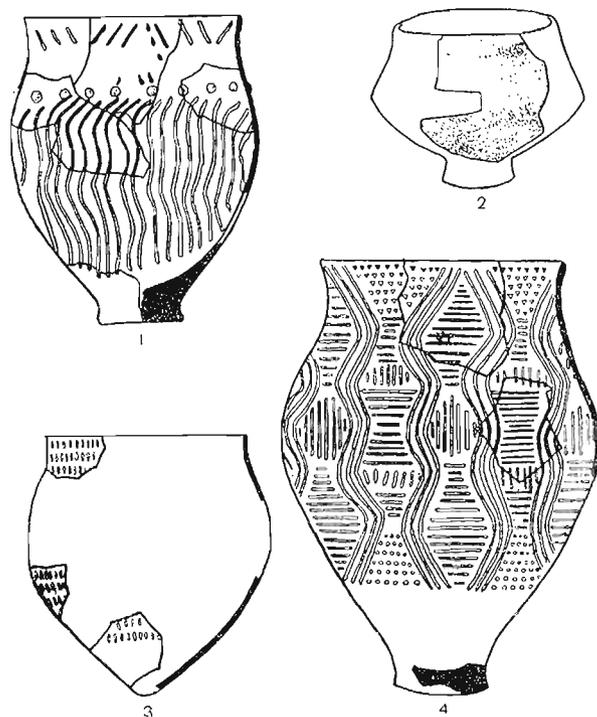

Рис. 87. Печера. Образцы керамики (реконструкции)
1, 4 — глубокие плоскодонные горшки S-видного профиля с пластическим и сложным линейным орнаментом; 2 — кратерообразный сосуд с округлым профилем; 3 — остродонный горшок со штамповым орнаментом.

На расстоянии около 100 м к югу от описанного выше комплекса, на полуразмытом участке террасы было обнаружено скопление расколотых костей животных, занимавшее площадь около 1 м² и сопровождавшееся мотыгой обычного типа. На расстоянии 50 м к югу от последнего скопления при заложении пробного раскопа было обнаружено два хорошо фиксирующихся неолитических слоя, залегавших в обычном суглинке. В верхнем было найдено два каменных основания печей, расположенных с интервалом около 5 м, сопровождавшихся обычной печерской керамикой, а в нижнем, залегавшем под стерильной прослойкой около 0,5 м среди расколотых костей животных, были найдены фрагменты посуды соколецкого типа*.

Из сказанного выше явствует, что Печера является сложным стратифицированным памят-

* Одиночные фрагменты керамики соколецкого типа встречались и на 10—15 см ниже описанного эпонимного комплекса Печеры.

ником, который в будущем необходимо исследовать в монографическом плане.

Благодаря приведенным выше характеристикам целого ряда местонахождений, и среди них Печеры, мы получили возможность составить представление о пещерской фазе развития культуры. Однако в силу многослойности описанных выше памятников, начиная с ценного в аспекте раскрытия раннеолитических явлений Базько-

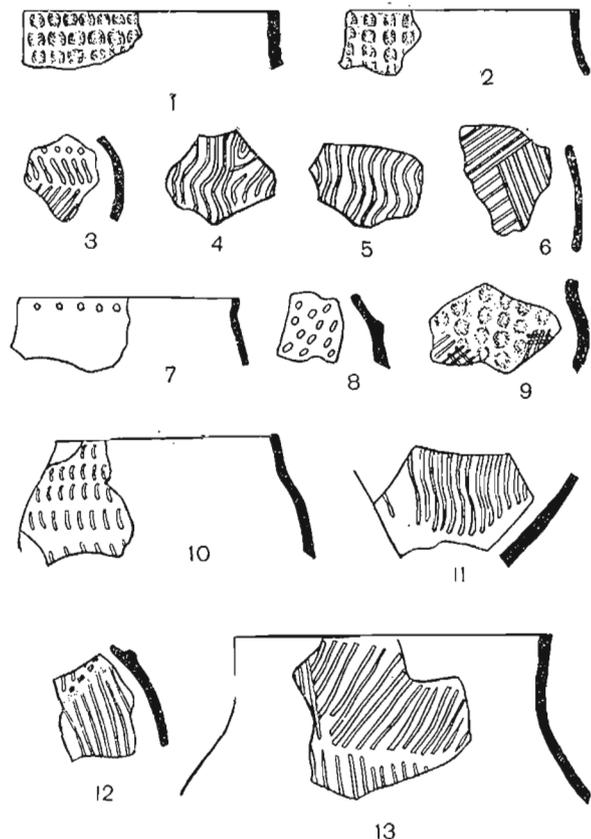

Рис. 88. Печера. Фрагменты керамики.

ва острова, попутно нам приходилось говорить и о более поздних отложениях.

В первую очередь это относится к памятникам конца развитого неолита, которые в системе буго-днестровской культуры объединяются в группу местонахождений так называемого самчинского типа.

Следуя принципу раскрытия характеристики буго-днестровской культуры в хронологическом плане, стремясь сохранить археологическую индивидуальность каждого из рассматривавшихся памятников, мы сознательно не шли по пути сосредоточения сведений о памятниках самчинского типа в одном месте.

Отнюдь не в последнюю очередь это объясняется археологической спецификой самих самчинских памятников, которые, будучи сходными

в отношении типа материальной культуры с памятниками днепро-донецкой культуры, одновременно напминают ее и в плане характера залегания археологических остатков. Речь идет о большой рассредоточенности последних на площади поселений, что связано с возрождением элементов охотничье-рыболовецкого образа жизни.

В этом смысле поселения самчинского типа культуры представляют собой не только своего

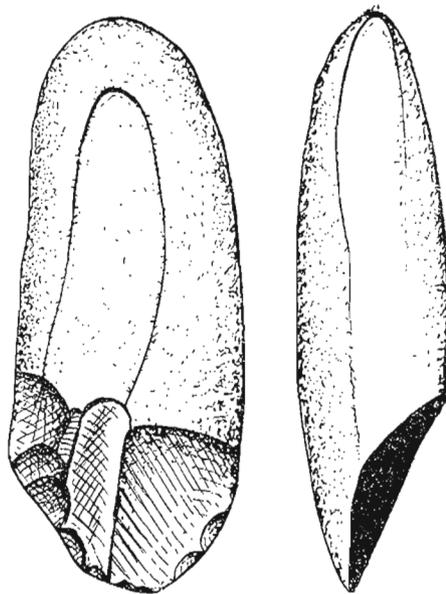

Рис. 89. Печера. Топор из гальки.

рода противоположность памятникам пещерского времени, но и, главным образом, памятникам конца неолита, объединенным в савранскую группу.

Желая облегчить создание более полной картины памятников этого времени, приводим краткий перечень тех местонахождений, где имелись слои самчинского времени. Это поселения: Базьков остров, Заньковцы II, Шимановское II, Сокольцы VI, Сокольцы I.

Ниже приводим описание основных однослойных памятников с отложениями самчинского типа.

Шуровцы. В районе с. Шуровцы Гайсинского района Винницкой области было отмечено три неолитических местонахождения, из которых два относятся к заключительной поре развитого неолита.

Более крупное местонахождение находится к северу от села, на краю участка надпоймы левого берега реки, заключенного между двумя порогами, отстоящими друг от друга примерно на 150 м.

Исследование памятника носило характер методической зачистки береговой линии на про-

тяжении 100 м, пока находки совершенно не выклинились, а также закладки небольших раскопов на местах концентрации находок.

Село Щуровцы расположено по соседству с с. Сокольцы. Геологическое строение такое же, как и у поселений Шимановское, Заньковцы II, Сокольцы II и Сокольцы VI.

Неолитические находки залегали в одних и тех же условиях — в желтом лессообразном суг-

Рис. 90. Щуровцы. Самчинская фаза. Круглодонный горшок, украшенный ребенчатым орнаментом.

линке, в данном случае — на глубине около 1 м от современной поверхности прибрежной части террасы.

В отношении количества находок этот пункт оказался небогатым. Приводимые ниже данные отражают более или менее полную картину заселения местности.

В зачищенном обнажении на протяжении всех 100 м эпизодически встречались раковины *Uplio*, а также одиночные кости животных, почти не сопровождавшиеся другим археологическим материалом. Только на краях зачищенного участка террасы были обнаружены скопления материала.

Скопление № 1 находилось на южном конце поселения. Оно объединяло расколотые кости животных, а также развал крупного круглодонного, тонкостенного горшка, содержащего в массе песок и мелкую растительную примесь, что сообщало ему типичную для самчинской посуды жестковатость. В этом же смысле типичен и орнамент — сложная горизонтальная композиция, состоящая из оттисков ребенчатого штампа (рис. 90).

Скопление № 2 находилось на противоположном конце поселения. Из найденного материала заслуживает упоминания развал остродонного горшка со слегка отогнутым наружу венчиком, с пористой массой из-за большого количества растительной примеси. Орнамент в целом линейный, неряшливо проглаженный. Под венчиком

идет ряд крупных грубоватых наколов, а по тулову — почти до дна — линейная угловатая композиция, как бы состоящая из смыкающихся стилизованных изображений деревьев, повернутых кронами то кверху, то книзу (рис. 91)*.

Самчинцы. Эпонимное поселение Самчинцы II находится на сильно размытом участке левой

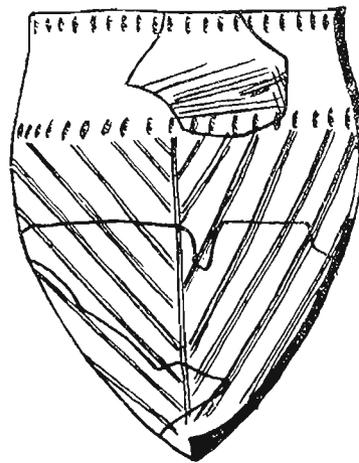

Рис. 91. Щуровцы. Самчинская или савранская фаза. Остродонный горшок, украшенный линейным растительным орнаментом.

надпойменной террасы Ю. Буга, около с. Самчинцы Брацлавского района Винницкой области, против железнодорожной станции.

На поверхности встречаются кремни, фрагменты посуды и прочее, относящиеся к неолиту, триполью и латенскому времени.

От неолитической эпохи сохранилось скопление *Uplio* площадью около 4 м², сопровождавшееся выдержанной по составу группой фрагментов керамики, принадлежащей к одному и тому же самчинскому типу местной неолитической посуды — тонкостенной, песчанистой, с размочаленной растительной или реже с графитовой примесью в массе. Характерно употребление штампов — ребенчатого и накольчатого, которые использовались самостоятельно или как дополнения к проглаженным линейным композициям (рис. 65, 4, 5, 8).

Кремень, собранный вместе с керамикой при расчистке кучи, выдержанно микролитический — трапеции, мелкие пластины и небольшие округлые скребки.

Основным поселением этого района, по-видимому, все же являлось другое местонахождение — Самчинцы I. Оно находилось на левом берегу Ю. Буга, на краю широкой (до 100 м) надпоймы, непосредственно над находящимся здесь большим порогом. Площадь поселения

* Некоторые формы и орнаменты этого сосуда уже обнаруживают черты близости с керамикой савранской фазы (см. ниже, а также рис. 91).

сильно размыта, и в границах прибрежной полосы террасы шириной около 25 м на протяжении примерно 300 м вдоль течения всюду лежат неолитические остатки, преимущественно кремь.

При зачистке сохранившихся участков был обнаружен неолитический материал, залега-

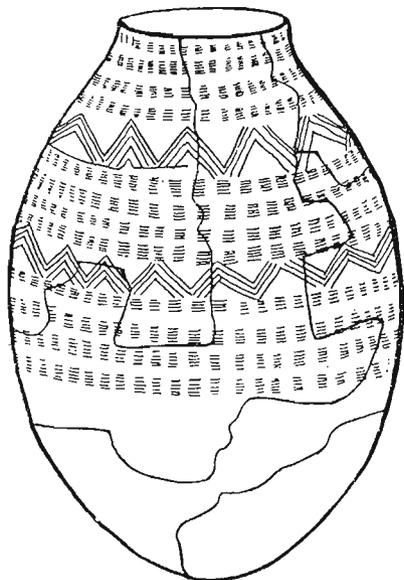

Рис. 92. Самчинцы. Круглодонный горшок, украшенный композицией из линейного и гребенчатого орнамента.

ющий в желтом суглинке в виде отдельных скоплений. Так, например, на площади сильно размытого побережья был найден развал неолитического сосуда, украшенного врезанной косо́й сеткой, относящегося к пещерскому времени. Он сопровождался одиночными костями животных.

В пределах этой же части террасы во время разведки был найден один из лучших сосудов самчинского типа. Это длинный тонкостенный горшок овального профиля с круглым дном и низким отогнутым наружу венчиком. Сосуд, за исключением придонной части, украшен чередующимися горизонтальными зонами в виде линейных зигзагов и лент из оттисков гребенчатого штампа. Интересны следы исправления орнаментальной схемы путем замазывания неудавшихся частей и нанесения новых. Нижняя часть сосуда имеет красноватые следы вторичного обжига, что определяет в нем несомненный сосуд для варки пищи (рис. 92).

Выше по течению метров на 70 и в глубь террасы до 20 м, где находится проезжая часть полевой дороги, найден развал тонкостенной круглодонной чаши, украшенной по венчику косо́й врезанной сеткой, обрамленной снизу врезанными горизонтальными линиями (рис. 93).

Насколько это показали небольшие раскопки, зачистки и сборы на поверхности, поселение Самчинцы I играло в жизни местного населения роль ничуть не меньшую, чем, например, Сокольцы VI.

С последним памятником оно близко и по составу археологических остатков, ибо здесь помимо типично самчинских материалов систематически встречаются находки предшествующего пещерского времени.

Имеются основания полагать, что местонахождение Самчинцы II является лишь своеобразным

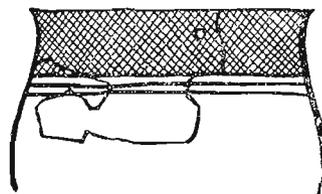

Рис. 93. Самчинцы. Верхняя часть глубокой круглодонной миски, украшенной по венчику косо́й сеткой.

выселком этого поселения. В меньшей степени это относится и к третьему, имеющемуся в районе с. Самчинцы, неолитическому местонахождению, находящемуся близ хутора Коржив и представляющему собой небольшое поселение, расположенное на краю надпойменной террасы, в устье безымянного ручья, впадающего в Ю. Буг слева.

Здесь в обнажении, подвергшемся зачистке на протяжении 20 м, выявился неолитический горизонт, залегающий на глубине около 80 см в основании желтого суглинка, перекрытого гумусом и перекрывающего, в свою очередь, сероватый седиментированный суглинок. В состав археологических находок входят: расколотые кости животных, кремневые изделия, включающие мелкие пластины, керамика с травянистой примесью, наподобие самчинской. Обращает внимание часть плоского донца, относящегося к пещерскому времени.

Несомненно, к самчинскому типу памятников относятся и два описываемых ниже местонахождения, расположенные в значительно более южной части Среднего Побужья, уже на юге Гайворонского района Кировоградской области.

Речь идет о поселении близ хутора Жакчик и о поселении, находящемся к югу от с. Завалье.

Жакчик. Это поселение расположилось на участке надпоймы левого берега Ю. Буга, на расстоянии 1 км к югу от описанного выше поселения, близ колхозной Березовской ГЭС.

Здесь вдоль берега на протяжении около 200 м в позднейшей осыпи обнаруживались признаки разрушающегося слоя неолитического возраста — многочисленные раковины *Unio*, ос-

колки костей животных, кремневые изделия и фрагменты керамики. Здесь же в обнажении берега зафиксировано наличие неолитического горизонта *In situ*, имеющего характер кухонных куч, состоящих, главным образом, из раковин *Uplio*.

Условия залегания слоя определяются такими данными: 0—0,8 м — чернозем; 0,8—3,0 м — желтоватый суглинок, в нем на глубине около 2 м скопление раковин *Uplio* мощностью до 0,1 м с неолитическими остатками; 3,0 м и глубже — серый, аллювиальный суглинок с мелкими фрагментами раковин. Подобное строение надпойменной террасы не совсем обычно. Это объясняется большой мощностью желтого суглинка.

В числе находок обращает на себя внимание группа из пяти плоско-призматических нуклеусов. Этому типу нуклеусов вполне отвечает набор небольших микролитических пластинок, достигающих в ширину около 1 см. Встречены орудия — обычная и миниатюрная трапеция, а также небольшое острие для лучкового сверла.

Характерна группа скребков — овальных, подтреугольных, а также круглых, у которых ретушь окаймляет весь периметр отщеповой заготовки. Следует отметить и два нехарактерных орудия, вероятно применявшихся для обработки дерева, — обломок нижней части кремневого остроконечного инструмента вроде тесла и орудие наподобие резака, изготовленное из массивного отщепа путем снятия вертикального скола с острого конца.

Собранные здесь фрагменты глиняной посуды показательны выдержанностью состава как в отношении керамической массы (песок и размочаленная растительная примесь, изредка — графит), формы, так и в отношении орнаментальных схем.

На основании фрагментов ряда сосудов мы можем говорить о глубоких, разной величины горшках, являющихся разновидностью архаической формы подобных сосудов S-видного профиля. Поверхность отдельных черепков сглажена до легкого блеска. Орнамент, насколько это позволяет определить находящийся в нашем распоряжении материал, занимал преимущественно верхнюю часть сосуда. Его составляют неуверенные, иногда прерывистые или очень глубокие проглаженные или врезанные линии, а также наколы палочкой и оттиски гребенчатого штампа — то средними зубцами, то с небольшим нажимом и растянutosью, что сообщает им некоторое сходство с ногтевыми вдавлениями. Штамповые оттиски и наколы играют вспомогательную роль и только подчеркивают главные части линейного рисунка.

Основу орнаментальных мотивов составляет горизонтальная полоса по венчику и полоса зигзага ниже его. Типичен зигзагообразный рисунок, ус-

ложненный заштриховкой углов, косыми или горизонтальными проглаженными линиями.

Завалье. Подтверждением того, что и на уровне первой лессовой террасы могли возникать поселения этого времени, являются следы обитания, обнаруженные на расстоянии около 3 км к югу от с. Завалье.

Здесь, на высоте около 10 м над уровнем реки, на пахоте было обнаружено небольшое скопление археологического материала, возможно, отвечающее какому-то жилому комплексу.

Из состава найденного здесь кремневого инвентаря отмечаем микролитический нуклеус, концевой скребок, два округлых скребка, один из них с резцовым сколом, а также трапецию обычного типа.

Особенно интересны найденные здесь фрагменты двух горшков S-видного профиля с низкими плечиками. Горшки сформованы из одинаковой, перенасыщенной графитом глины*.

Основу орнаментальных композиций образуют шевронообразные фигуры, состоящие из горизонтальных или вертикальных оттисков мелкозубчатого гребенчатого штампа.

Именно для таких сосудов имеются аналогии среди керамических изделий поздних памятников сурско-днепровской культуры, в частности, с поселения, находящегося в устье р. Самары против Днепропетровска.

Ладыжин. Заканчивая описание памятников самчинского типа, следует сказать и о следах узла поселений, намечающегося к юго-востоку от с. Ладыжин Тростянецкого района Винницкой области.

Речь идет о двух поселениях, расположенных на участках надпоймы правого берега реки, примыкающих к древним порогам. Одно из них находится почти непосредственно за городом, другое — в 1 км далее к юго-востоку.

На площади обоих поселений обнаруживаются следы такого же поверхностного размыва террасы, как и в районе с. Самчинцы.

В результате размыва некогда обширное стратифицированное местонахождение (Ладыжин I) дало собранную на поверхности донеолитического порога богатую коллекцию, включающую яркий материал трипольской культуры, а также еще более выразительные остатки печерского и самчинского времени.

Другое местонахождение расположено на обширном пониженном склоне террасы. Здесь, на распаханной поверхности, встречались деформи-

* В районе с. Завалье находится крупнейший на Правобережной Украине графитовый рудник. Здесь же встречаются несколько разновидностей графитированной глины. Это обстоятельство наводит нас на мысль о том, что именно отсюда в разные части Побужья и даже на Поднєпровье распространялась в древности ценившаяся графитированная глина, шедшая для изготовления очень прочных сосудов с красивой серебристой поверхностью.

рованные глубокой пахотой культурные пятна самчинского типа памятников.

В ходе разведок, проводившихся нами в этом месте в 1958 г., было зафиксировано два местонахождения. По составу находок они не менее выразительны, чем описанное выше эпонимное местонахождение Самчинцы II. Обращают на себя особое внимание остатки чаши, украшенной сложным линейно-меандровым узором, дополнявшимся, как часто бывает на посуде этого времени, оттисками гребенчатого штампа.

Настоящий раздел посвящен созданию индивидуальных и групповых характеристик памятников, относящихся к началу и концу развитой поры местного неолита — ко времени существования памятников печерского и самчинского типа.

Несомненное различие, определившееся между обеими группами памятников неолита, говорит об упадке культуры на самчинском этапе развития. Можно было бы даже думать о наступившей ассимиляции исследуемой культуры, если бы присущие ей памятники последующего времени не обнаруживали явных признаков не только восстановления основных традиционных черт, но и дальнейшего их развития.

В первую очередь это положение относится к памятникам савранского типа.

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Чернятка. Описание памятников поздненеолитического возраста, входящих в круг буго-днестровской культуры, целесообразно начать не с эпонимного памятника — Саврани, а с небольшого поселения Чернятка, исследованного в самые последние годы. Для этого имеются достаточные основания, так как этот памятник среди местонахождений поздненеолитического возраста занимает особое место. Во-первых, он является наиболее северным памятником савранской фазы развития буго-днестровской культуры. Во-вторых, характер залегания остатков представляет собой аналогию, близкую к уже описывавшимся таким северным памятникам, как верхние слои поселений Базьков остров, Заньковцы II и Сокольцы II.

Поселение Чернятка находится на участке обширной (ширина до 350 м) надпойменной террасы левого берега Ю. Буга, близ большого порога, находящегося в районе с. Чернятка Бершадского района Винницкой области (рис. 94).

Судить о подлинных размерах находящегося здесь порога, принадлежащего к числу наиболее крупных образований этого рода в среднем течении Ю. Буга, а также и о действительном количестве близ него находившихся неолитичес-

ких поселений мы не имеем возможности — севернее поселения возвышается плотина местной ГЭС, подпорные воды которой затопили заселявшиеся в неолите края надпойменной террасы.

Можно, впрочем, считать установленным, что описываемое ниже поселение не было здесь единственным. Так, например, на противоположном берегу удалось определить следы поселения

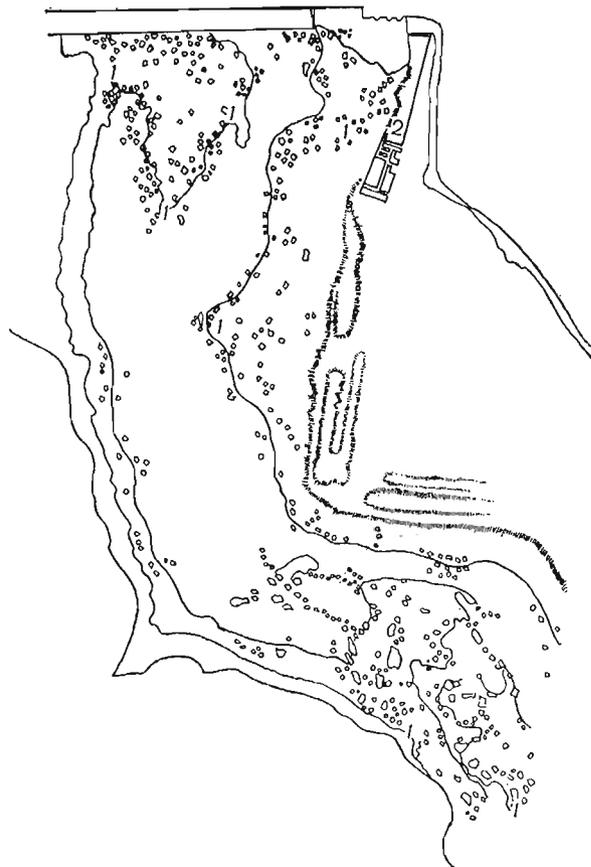

Рис. 94. Чернятка. План размещения поселения.
1 — пороги; 2 — раскопы.

самчинского времени, а южнее чернятского поселения — следы поселения печерского типа (см. план). Подчеркиваем, что в обоих случаях археологические материалы связывались с обычным желтым лессово-илловатым суглинком, в то время как на основном описываемом далее поселении геологическое строение края террасы оказалось иным.

Геологическое строение участка террасы, занятого поселением, определяется следующими данными: 0—0,5 м — почвенный покров; 0,5—1,1 м — плотный серо-зеленый суглинок, являющийся ископаемой почвой лугового типа; 1,10 м и глубже — плотный глееватый аллювиальный суглинок, перекрывающий речные валуны древнего порога (рис. 95).

Археологические материалы неолитического возраста залегают в нижней части серо-зеленого суглинка, на 10 см выше поверхности аллювиального суглинка. Примерно в этих же условиях залегают и древнейшие остатки триполь-

площадь была охвачена зачистками, что обеспечило получение довольно полной картины поселения (рис. 96).

Приводим краткое описание открытых на нем комплексов.

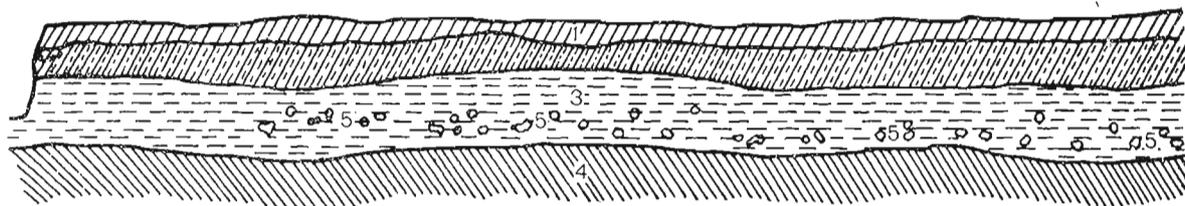

Рис. 95. Чернятка. Разрез наслоений прибрежной части поселения.

1 — гумус; 2 — подпочва; 3 — лессовидный суглинок; 4 — седиментированный суглинок; 5 — археологический слой.

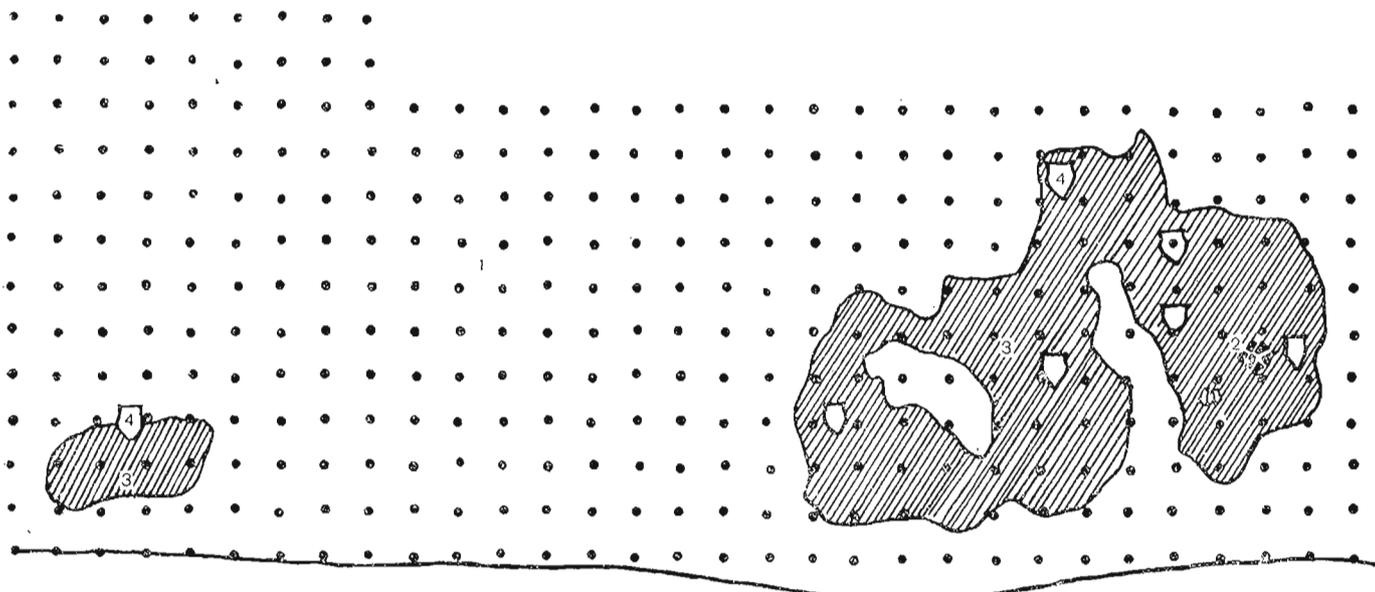

Рис. 96. Чернятка. Схема размещения археос

1 — 1 м²; 2 — нуклеусы; 3 — скопления

ской культуры, отделявшиеся от неолитических в основном топографически.

Содержащая археологический материал порода залегают довольно широкой и простирается в глубину террасы на расстояние 10 м и более от ее края.

Раскопками на площади Чернятского поселения раскрыто свыше 300 м². Значительная

Комплекс № 1 находился неподалеку от плотины ГЭС, на современной северной оконечности поселения. Это развал крупного остродонного сосуда S-видного профиля, занимавшего площадь около 2 м², окруженный небольшим количеством расколотых костей животных и кремней. Глина сосуда обычная — савранская — с песком, перенасыщенная размочаленной растительной при-

месью. Поверхность стенок обработана небрежно. Орнамент линейный — шевронно-угловатый рисунок, занимающий верхнюю часть тулова сосуда. К югу от описанного выше комплекса на протяжении 17 м прослеживалась узкая (до 2 м) полоса, занятая одиночными находками — костями и кремнем (см. план).

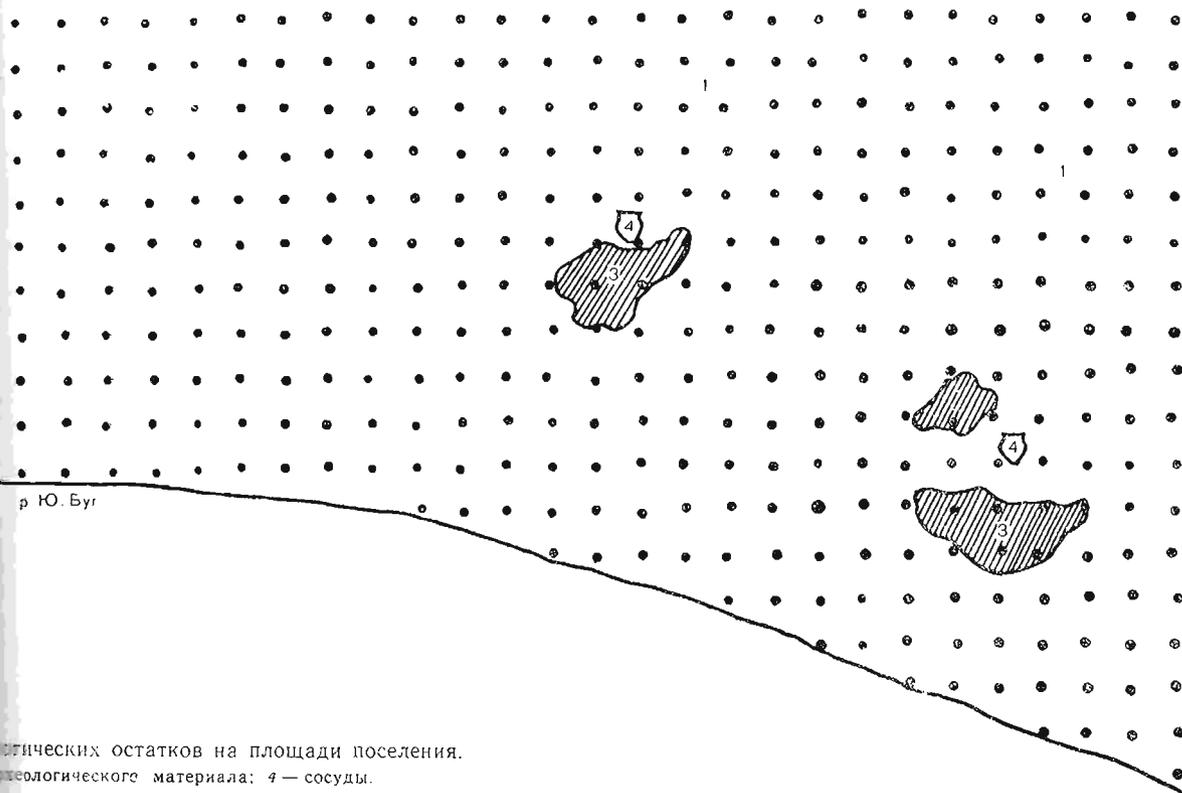
Комплекс № 2 представляет собой обширное скопление археологического материала, вытянувшееся вдоль берега (с северо-запада на юго-восток) на 14 м и достигающее в ширину до 7 м. На площади комплекса можно различить три более или менее равные, относительно обособленные части, ориентированные длинными осями перпендикулярно линии берега, — пятна площадью примерно 7×3 м каждое (см. план).

горшков S-видного профиля, предназначенных для приготовления пищи.

В северо-западном пятне собственно археологического материала было мало. Было обнаружено всего несколько фрагментов обычных остродонных горшков, украшенных по тулову проглаженным угловатым орнаментом, а также несколько расщепленных кремней.

Среднее пятно дало несколько кремневых орудий, остатки трех обычных кухонных остродонных горшков S-видного профиля, хорошо знакомого технологического типа, а также часть четвертого сосуда неопределенной формы.

Орнамент всех сосудов линейный проглаженный. В одном случае он образует композицию из вертикальных многолинейных полос, спускающихся от края венчика на тулово, интервалы

Археологических остатков на площади поселения.
 Археологического материала: 3 — орудия, 4 — сосуды.

Скопление включает расколотые кости животных*, находки кремней, среди которых обычны нуклеусы и отщепы, а готовые орудия представлены одиночными находками, и, наконец, развалы нескольких сосудов, преимущественно

* Фаунистические остатки из Чернятки обрабатывались В. И. Бибиковой.

между которыми заняты шевронами, повернутыми острыми углами книзу; в другом — частично улавливается композиция, включающая вертикальные линии, украшающие верхнюю часть сосуда; в третьем — обычный вертикальный зигзаг или елочка.

Третье, юго-восточное, пятно оказалось наиболее насыщенным в археологическом отно-

шении. Здесь был найден ряд нуклеусов, пластинок, скребков, два галечных отбойника, а также клад из 28 первичных кремневых нуклеусов, гранитной наковаленки и галечного отбойника.

ным. Второй — украшен композицией, состоящей из зигзагов и шевронов. Третий — плоскодонный сосуд, сохранившийся только в придонной части, украшен сложнее — глубоким тщательно проглаженным линейным орнаментом, по-видимому, составляющим текстильный рисунок.

Комплекс № 3 находился на расстоянии 12,5 м от комплекса № 1. Это небольшое пятно (3×2 м), вытянутое вдоль реки и содержащее расколотые кости животных, немногочисленные кремни, а также фрагменты одного сосуда. Последний представляет собой приземистую, плечистую, круглодонную чашу S-видного профиля, почти полностью украшенную аккуратным зигзаго-елочным орнаментом.

Комплекс № 4, находящийся на расстоянии 8 м к юго-западу от описанного выше, имеет почти квадратную форму, во многом сходен с предшествующим (см. план).

Из числа найденного здесь материала сохраняются внимания немногочисленные обычные кремневые изделия (рис. 97, 1—19), а также частично сохранившийся горшок, вероятно остродонный, обычного S-видного профиля, украшенный зигзаго-елочным орнаментом (рис. 98).

В свете приведенных выше данных Чернятское поселение предстает перед нами как место, на котором было построено три легких жилища, а также один более крупный жилой комплекс (№ 2), объединявший три небольших жилища, ориентированных длинной осью поперек течения реки.

Какова производственная специфика этого поселения, сказать нелегко. Поселившись рядом с обширным порогом, обитатели этого поселения имели прекрасные условия для

рыбной ловли. Обилие костей диких животных (олени) говорит о развитии охоты, а единичность костей домашних животных (быка) — о незначительной роли скотоводства. Вместе с тем, учитывая размещение поселения на краю обширной надпойменной террасы, можно предполагать,

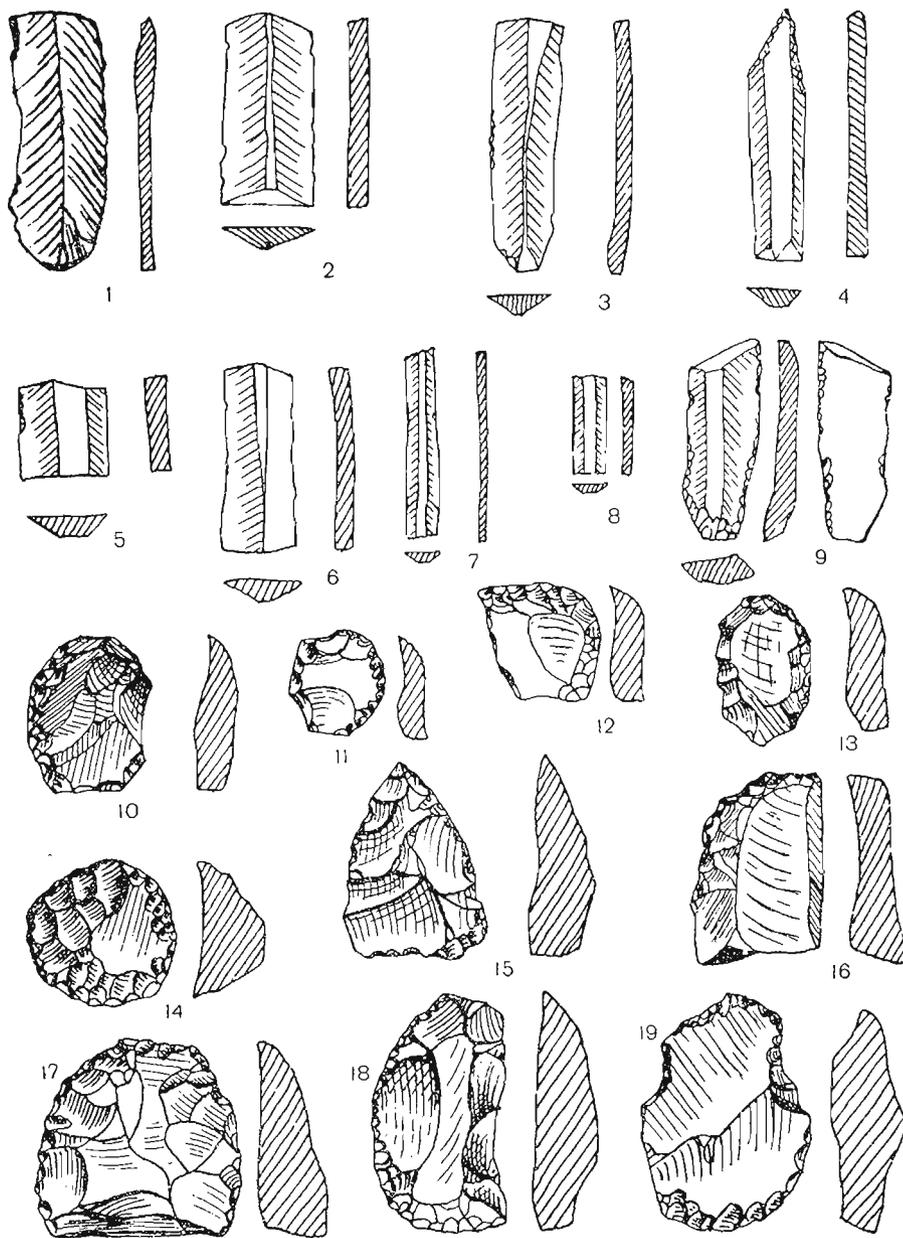

Рис. 97. Чернятка. Савранская фаза. Изделия из кремня. 1—3, 5—9 — пластинки; 4 — острие; 10—19 — скребки на отщепах, несколько разных видов.

Глиняная посуда представлена здесь фрагментами, по крайней мере, трех сосудов: двух горшков S-видного профиля и небольшого сосуда с маленьким плоским донцем. Один из них залегал компактным развалом. Лучшее сохранившийся сосуд оказался неорнаментирован-

что, как и в других случаях, оно находилось рядом с полями и его обитатели занимались земледелием.

Несколько иную картину дает эпонимное поселение Саврань, а также его аналоги, выявившиеся преимущественно в южной половине прибугского ареала буго-днестровской культуры.

Саврань. Поселение находится на правом берегу Ю. Буга против г. Саврань Одесской области.

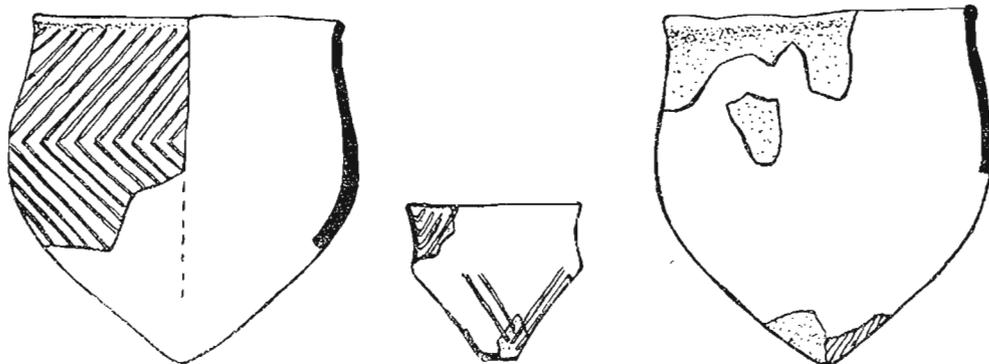

Рис. 98. Чернятка. Савранская фаза. Образцы реконструированных сосудов.

ти¹³³. Оно занимает край надпойменной террасы, достигающей в ширину до 25 м. Участок, занятый поселением, вытянут с востока на запад и достигает в длину до 250 м. С севера он ограничен рекой и поймой — шириной до 15 м, с юга — первой лессовой террасой, а с запада и с востока — выходами гранита, служившими естественной границей поселения.

Остатки поселения строго вместились в границы участка и за его пределами не встречались.

Во время работ 1949 и 1955 гг. поселение было раскопано полностью. Было открыто два жилищных комплекса и коллективное погребение савранского времени, а также остатки трех комплексов самчинского времени (рис. 99). Начнем с описания жилых комплексов савранского времени.

Жилище № 1, находящееся в центральной части поселения, было открыто и исследовано летом 1949 г. (с него мы вообще начали раскопки памятников буго-днестровской культуры). Обнаружено оно было во время осмотра небольшого обнажения и проведения шурфования в непосредственной близости от реки, на высоте 2—2,5 м над ее уровнем. Первоначально на краю надпоймы было замечено небольшое изолированное скопление культурных остатков, которое, как это выяснилось позднее, расширялось и отвечало месту обитания небольшой группы людей.

Путем шурфовки был подтвержден изолированный характер скопления и отсутствия вокруг него так называемого культурного слоя (всего на

этом месте раскрыто около 70 м, в то время как площадь скопления была почти в два раза меньше (рис. 100).

Залегания археологических остатков определялись такими данными: почвенный покров вдоль берега — 0—0,35 м; ближе к гребню террасы — 0—0,75 м; сероватый суглинок с неолитическими остатками — от 0,35 до 0,60 м на берегу и 0,75—1,25 м — в глубине террасы. Ниже его, на значительную глубину, шел валунно-галеч-

ный слой, выходящий здесь на уровень бечевника (рис. 101).

Культурные остатки находились в средней части сероватого суглинка, разъясняющегося как ископаемая почва прибрежного происхождения. Глубина их залегания зависела исключительно от современного склона поверхности террасы, шедшего в направлении реки. Эти остатки залегали совершенно горизонтально, и в самых глубоких местах — ближе к гребню террасы — они обнаруживались не глубже 1,2 м от современной поверхности. Следует отметить, что валунно-галечный слой, как и почвенный, залегал почти параллельно, понижаясь в направлении реки. Горизонтальное залегание культурных остатков очевидно следует объяснить тем, что место, на котором они находились, было спланировано и представляло собой пол наземного или несколько углубленного в землю жилища. Скорее всего основание жилища несколько углублялось в суглинок, что и объясняет строго локализованный характер размещения археологических остатков.

Во время расчистки культурных остатков на западной границе раскопа было обнаружено два скопления камней неправильной овальной формы, возвышавшихся на 10—12 см выше уровня залегания культурных остатков. Крайя скопления находились на расстоянии 2 м друг от друга. Как выяснилось позднее, они продолжались вглубь и, достигая в целом в высоту около 35—40 см, непосредственно налегали на валунно-галечный слой. Первая из них (северная) была

пользованные для изготовления орудий, принадлежали другим животным (мотыги из лопаток быка, ножи из клыка кабана и др.) *.

Из других важных деталей следует отметить находку овальной плиты вроде зернотерки в южном конце жилища и трех старательно сложенных костяных наконечников мотыг — в северо-западном углу. Наконечники плотно налегали

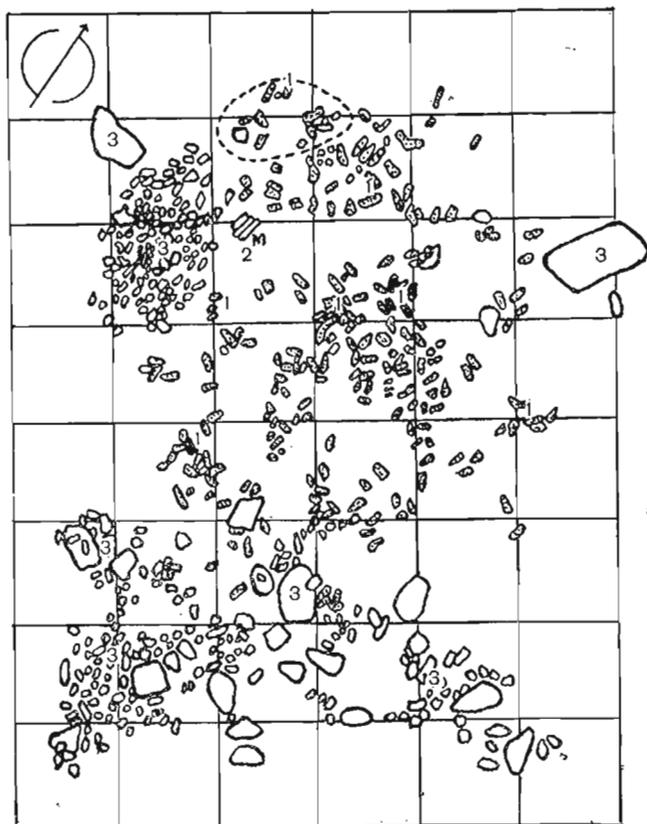

Рис. 100. Саврань. План первого жилищного комплекса.
1 — археологический материал; 2 — мотыги; 3 — камни, скалы.

друг на друга, что свидетельствует о том, что все они были положены без рукоятей.

Возможно, что жилище было оставлено внезапно, иначе трудно объяснить наличие таких несомненно ценных вещей, какими являлись еще вполне пригодные для работы наконечники мотыг (рис. 103).

Угол, в котором лежали наконечники мотыг, в системе жилища имел особое значение. Именно тут в виде части находившейся здесь каменной кучи, угольков и остатков золы были отмечены следы очага. Здесь же было обнаружено наибольшее количество фрагментов посуды, довольно редких на остальной площади жили-

* Определения фаунистических остатков сделаны И. Г. Пидопличко.

ща. В этом углу на площади около 10 м² зафиксированы неполные развалы остродонного горшка (рис. 104, 2), широкооткрытого сосуда типа чаши (рис. 104, 3), а также единичные фрагменты от нескольких других сосудов. В южной части жилища встречались одиночные фрагменты от других сосудов, а в северо-восточном углу их не было вообще.

Кремневые изделия, как и расколотые кости животных, встречались на всей площади жилища. Возможно даже, что в размещении тех и других существовала определенная связь — наибольшей концентрации расколотых костей от-

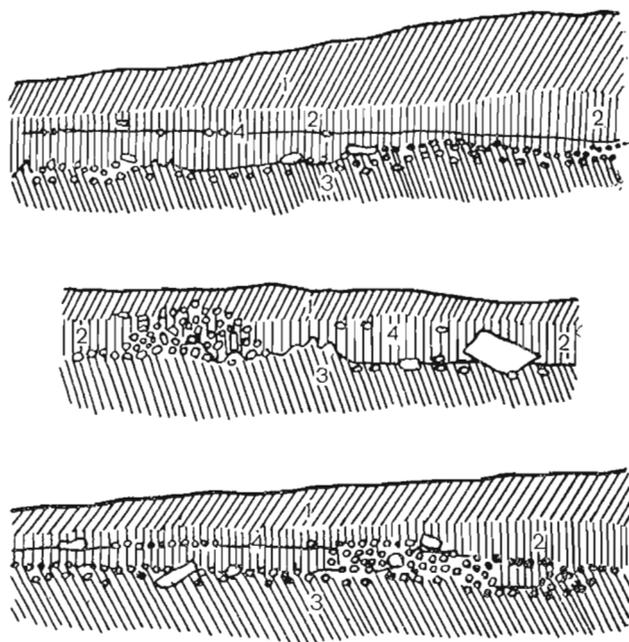

Рис. 101. Саврань. Разрезы по основным направлениям первого жилищного комплекса.

1 — гумус; 2 — серый суглинок; 3 — аллювиальный суглинок с галькой; 4 — археологический слой.

вечают и скопления орудий. Среди костей была найдена часть рога оленя со следами расчленения резцом.

В известной степени обособленно от другого материала, в северном конце жилища, на площади около 1 м², отмечалось скопление раковин *Unio*, отвечавшее, по-видимому, месту кухонных отбросов. Скопление относится ко времени жилища, так как близ него найдены остатки обычной посуды.

Изделия из кремня, отходы от их производства, нуклеусы составляют наиболее многочисленную весьма характерную группу археологического материала (рис. 105, 1—22); именно с нее мы и начинаем описание последнего.

Нуклеусы, имеющиеся в составе савранского комплекса, достаточно разнообразны. Среди них

присутствуют микролитические пирамидальные нуклеусы, предназначенные для получения мелких пластин, и нуклеусы трехгранного сечения с двумя косыми площадками отбивания, предназначенные для получения пластин средних размеров. Нуклеусы для снятия миниатюрных пластин-вкладышей обнаружены не были. Из пластин, сколотых с описанных нуклеусов, изготовлялся ряд орудий. Наиболее многочисленными среди них являются пластинки

Рис. 102. Саврань. Остатки первого жилищного комплекса.

средних размеров — длиной 5—7 см, шириной 1,3—2 см. Далее следуют обломки пластинок, иногда с мелкой ретушью со стороны брюшка.

Важные в хронологическом отношении орудия типа трапеций встречаются изредка, их всего два экземпляра.

Многочисленную серию составляют скребки, изготовленные на отщепе. Они предназначались для выполнения разнообразных работ. Наиболее многочисленными являются округлые скребки из тупых отщепов диаметром от 3,2 до 4 см. Однако встречаются и совсем маленькие скребки диаметром около 1 см. Весьма редки концевые скребки, имеющие округлый рабочий конец, изготовлявшиеся из небольших пластинчатых отщепов.

Из приведенной выше характеристики комплекса кремневых орудий можно сделать вывод о том, что он несколько моложе, чем комплекс орудий таких памятников, как Мельнична Круча, Печера, Гайворон и др. В нем уже отсутст-

вуют наиболее показательные изделия микро-вкладышевой техники — карандашевидные микро-нуклеусы и микропластинки-вкладыши, настоящие прорезыватели, резцы и др. Наоборот, кремневые орудия из Саврани уже приближаются к тому довольно однообразному по составу набору кремневых орудий комплексу, который характерен для древнейших трипольских памятников¹³⁴.

Более подробно следует описать упоминающуюся находку трех костяных наконечников мо-

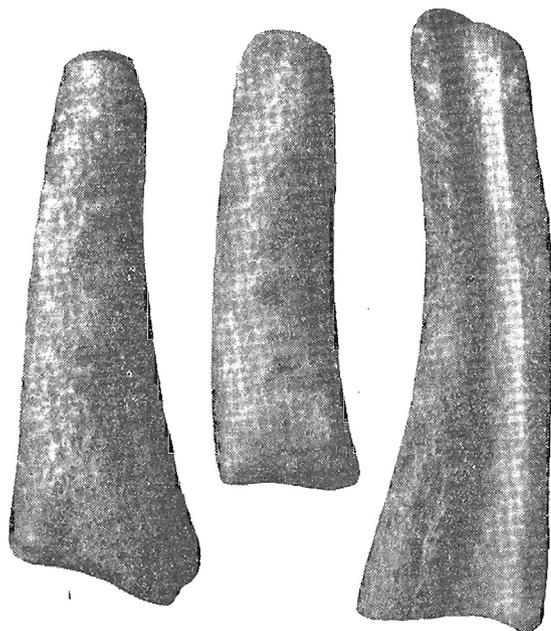

Рис. 103. Саврань. Костяные клиновидные мотыги из первого комплекса.

тыг. Все они вытянутой треугольной формы и изготовлены из крупных костей домашнего быка. Их размеры различны — от 16 до 22 см длиной, что, следует полагать, находится в зависимости от степени сработанности непрерывно затачивавшейся лезвийной части орудий. Рабочая часть наиболее сохранившихся экземпляров достигала в ширину 10 см и затачивалась таким образом, что один из углов заметно выступал. На обоих лучше сохранившихся наконечниках мотыг именно эти выступающие углы имеют сколы, образовавшиеся при работе. Эти характерные орудия получали название мотыг савранского типа. Из других орудий, изготовленных из кости, следует назвать наконечник стрелы (рис. 105, 24) и нож, изготовленные из клыка кабана (рис. 105, 23).

Далее описываются остатки глиняной посуды. По технологическим признакам собранную в границах описываемого жилища глиняную посуду можно разделить на две основные группы: темно-серую в обжиге, содержащую примесь раз-

мочаленных растительных волокон и кварцитовый песок; черную, обжигавшуюся в восстановительном пламени. Достаточно хороший обжиг обуславливал значительную плотность стенок всех изделий. Средняя толщина стенок немногим превышает 0,5 см; внешняя и внутренняя поверхность сосудов выглажена, следы полосчатого сглаживания отсутствуют. Внешняя поверхность выглажена более тщательно — у черноглиняных сосудов почти до блеска.

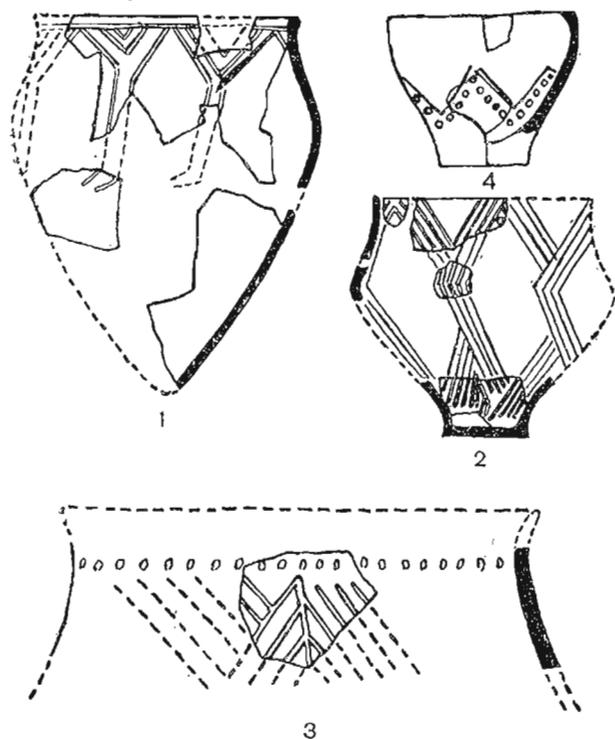

Рис. 104. Саврань. Образцы керамики.

1, 2 — остродонные горшки S-видного профиля, украшенные линейным орнаментом; 3 — кратеровидная плоскодонная чаша с линейным орнаментом; 4 — плоскодонный кубок с орнаментом в виде линейного зигзага, обрамленного округлыми вдавлениями.

Найденные фрагменты представляют три формы сосудов: широкооткрытые плоскодонные сосуды с ребристым туловом, своеобразные глубокие чаши и глубокие остродонные горшки.

Для первой формы характерна воронковидная нижняя часть с небольшим плоским плитчатым донцем. Кверху, начиная с двух третей высоты, сосуд постепенно суживался и заканчивался едва отогнутым наружу венчиком с ровным срезом (рис. 39, 5; 104, 2). Подобные вазообразные сосуды с высоким, довольно узким воронковидным низом составляют характерную особенность таких наиболее древних трипольских памятников, как Гайворон, Сабатиновка II, Греновка, Александровка, Брага, Трудешти и др.¹³⁵

Сосуды второй формы выявлены недостаточно. Они представляют собой широкооткрытые

сосуды с несколько загнутой внутрь верхней частью и от описанных выше сосудов отличаются большей простотой моделировки придонной части (рис. 104, 4).

Основную в количественном отношении группу составляют сосуды третьей формы — остродонные горшки со слегка раздутым или ребристым туловом, отогнутым наружу венчиком, утонченным или прямым срезом. Среди этих изделий, несомненно, имеются сосуды для приготовления пищи, о чем говорит наличие нагара на стенках многих сосудов.

У сосудов первой и, вероятно, второй формы орнаментировалась вся поверхность стенок, а

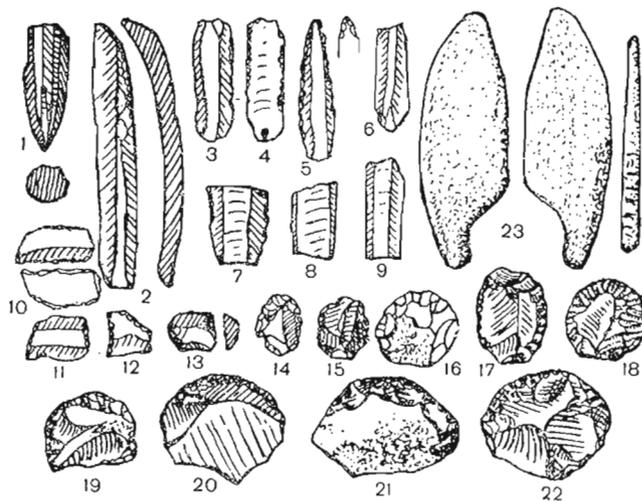

Рис. 105. Саврань. Образцы производственного инвентаря. 1—22 — кремь; 23—24 — изделия из эмали клыка кабана.

иногда даже и дно. У сосудов третьей формы придонная часть оставалась не орнаментированной. В числе орнаментальных мотивов преобладают разнообразные угловатые композиции, созданные из широких горизонтальных лент и свисающих с них шевронов, состоящих из нескольких параллельных проглаженных линий. Имеется фрагмент, сохраняющий часть широкой ленты, заполненной отпечатками гребенчатого штампа. Один из сосудов в верхней части был украшен дугообразными лентами, повернутыми прогибами книзу. Каждая из таких фигур состояла из нескольких проглаженных линий.

Жилище № 2 было открыто и исследовано в 1955 г. (рис. 106).

Оно находилось к западу от жилища № 1, на расстоянии до 10 м, на краю надпойменной террасы и ориентировано длинной осью почти с севера на юг, т. е. опять-таки перпендикулярно линии берега. Остатки жилища № 2 залежали в одной плоскости, на той же глубине (1,15 м от репера) и в тех же стратиграфических условиях, что и остатки жилища № 1 (см. выше).

Но несмотря на это, характер остатков во многом отличался от описанного ранее. В целом археологический материал образовывал скопление в виде продолговатой полосы, вытянутой под прямым углом к берегу с юга на север до 14 м и в ширину до 4 м.

В северной части полосы было обнаружено несколько обособленное округлое скопление

пичные изделия из кости — две мотыги, подобные описанным выше, но несколько меньших размеров; обломок ножа из клыка кабана и пр.

Об археологической взаимосвязи собранных здесь материалов можно судить не только на основании наличия названных выше развалов сосудов, но также и на основании следов очага в виде обожженного докрасна участка почвы,

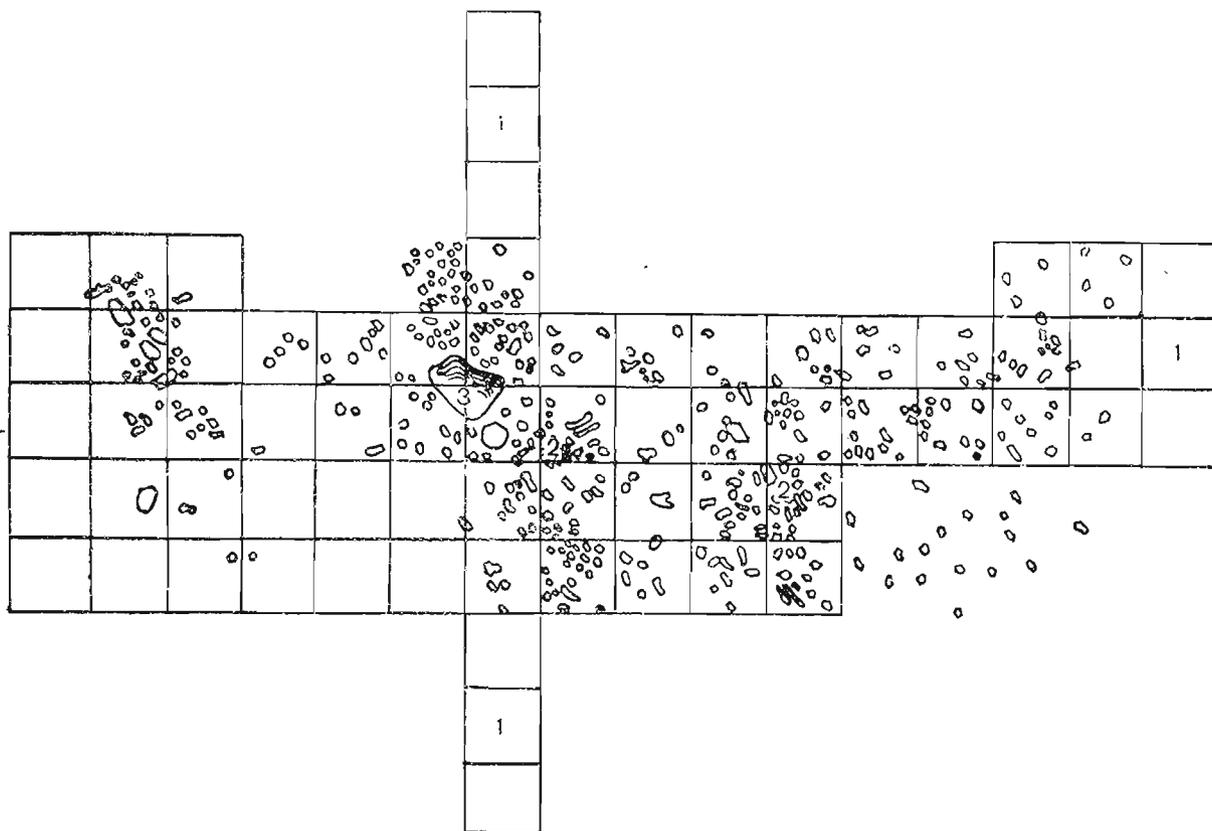

Рис. 106. Саврань. План второго жилищного комплекса.
1 — 1 м²; 2 — археологический материал; 3 — скалы, камни.

площадью около 4 м², включающее помимо расколотых костей, кремней и фрагментов одного сосуда, встречающиеся только здесь раковины *Urio*. Это скопление, сопоставимое со сходным образованием близ жилища № 1, находилось за пределами жилья и представляло собой место для отбросов из жилища № 2. Остатки на свалке залегали на 10—15 см выше остатков основной части комплекса. Это указывает на несколько углубленный характер пола и, следовательно, на полужемляночный характер самого жилища.

Археологический материал второго жилищного комплекса довольно разобран по составу: компактные, хотя и неполные, развалы трех-четырех сосудов и разрозненные части от нескольких других; расколотые кости животных; небольшое количество кремневых изделий; ти-

наличия близ очага двух рядом лежавших костяных наконечников мотыг, двух параллельно лежавших рогов оленя, а также и на основании многочисленных и компактных скоплений костей животных*.

Основная часть жилого комплекса представляет собой подпрямоугольную фигуру длиной около 10 м и шириной до 4 м. Понимая такое скопление, как следы единого жилищного комплекса, мы все же не можем не отметить известной обособленности, а в некоторой степени и различной ориентировки составляющих его частей.

Нельзя не отметить, что поперек средней части скопления находилась полоса шириной до

* По определению В. И. Бибиковой — домашний бык, олень, кабан и пр.

1 м, почти лишенная археологического материала, и что половина скопления, находящаяся к северу от нее, ориентирована длинной осью с юго-востока на северо-запад, в то время как находящаяся к югу — с северо-востока на юго-запад.

Вполне вероятно, что обе части комплекса представляют собой последовательно соединенные пристройки, что и обуславливает специфику «больших домов» неолитической эпохи¹³⁶.

Правильность приведенных выше наблюдений относительно двучленного деления основной части жилищного комплекса подтверждается и известным различием в размерах, которые для северной половины примерно равны 4×3 м, а для южной — 4×4 м, а также и самостоятельностью их археологического содержания. Условившись о возможности такого понимания различных частей описываемого комплекса, приводим некоторые данные, раскрывающие их индивидуальные особенности.

В северо-восточном углу северной половины комплекса отмечены следы называвшегося ранее открытого очага в виде пятна прокаленной докрасна земли диаметром около 30 см. Очаг находился рядом с плоской гнейсовой плитой площадью 75—50 см, проступавшей из-под почвы на уровень культурного горизонта, по-видимому, игравшей в приочажном «хозяйстве» определенную роль.

К югу от очага и плиты зафиксирован неполный развал сосуда ребристой формы, части которого оказались в описанном выше скоплении; за пределами скопления обнаружены называвшиеся уже рога оленя; в юго-западном углу — наконечники мотыг обычного типа; юго-западнее — остаток просверленной обушковой части мотыги.

В то же время к северо-западу и западу от очага отмечались остатки глубоких, вероятно круглодонных, сосудов.

Южная половина комплекса № 2 имела несколько иное содержание. Во-первых, здесь не было следов очага; во-вторых, находившийся здесь археологический материал определенно преобладал в пределах северной трети этой камеры, в то время как остальная ее часть была негусто заполнена мелкими косточками, отдельными черепками и кремнем.

Наиболее важными находками оказались: развал глубокого и большого сероглиняного остродонного горшка слабого S-видного профиля, с пережженным докрасна низом, пара обрезков рогов оленя и кремневый микролитический наконечник стрелы ромбической формы.

Полученный во время раскопок этого жилища археологический материал, если не считать остеологических находок, в количественном отношении почти настолько же невелик, как и мате-

риал жилища № 1. Однако значение его для работы представлений о позднем дотрипольском неолите Побужья, образующем особую савранскую фазу, все же бесспорно.

Ниже приводим краткую характеристику полученного в Саврани археологического инвентаря, начиная с описания кремневых изделий.

Довольно интересна группа нуклеусов, достигающих в длину 6—8 см. Среди них можно различить четыре типа: обычные пирамидальные нуклеусы хорошего ограничения, правильно призматические нуклеусы — для получения небольших правильных пластин, плоские нуклеусы с двумя скошенными площадками отбивания — для скалывания небольших пластинок и, наконец, ладьевидные нуклеусы — для получения отщепов. Углы одного из нуклеусов затуплены и заполированы, что свидетельствует об использовании его в функции скобеля.

Численно преобладающей формой кремневых изделий и здесь являются пластины, целые экземпляры которых достигают в длину 5—6 см, в ширину — 1 см. Число изделий, изготовленных из таких пластинок, ограничено — несколько ножей с краевой ретушью, а также острие лучкового сверла.

Из числа орудий, изготовленных из пластин, нужно назвать небольшую трапецию обычного типа, а также миниатюрный наконечник стрелы ромбической формы $1 \times 0,5$ см, изготовленный из обломка пластинки путем нанесения по концам идущей по диагонали ретуши. Наконечники стрел такой же формы отмечены и для древнейших памятников трипольской культуры¹³⁷.

Скребки здесь также не составляют многочисленной группы. Их всего 5 экземпляров. Тип их обычный полукруглый. Изготовлены из отщепов, диаметр от 1 до 4 см.

Интересно повторение в обоих жилищах основных типов костяных изделий — наконечников мотыг и ножей выделанных из кости и эмали клыков кабана.

Как отмечалось, оба наконечника мотыг лежали рядом. Сделаны они из обрезков трубчатых костей. Первый, целый экземпляр, достигал в длину около 15 см, второй, сохранившийся только в верхней обушковой части, был несколько меньше.

Наличие однотипных орудий, примерно в одинаковых частях обоих жилищ, не только подтверждает их синхронность, но и раскрывает интересную бытовую деталь. По-видимому, главной ценностью мотыги являлись сами наконечники, которые надлежало хранить в жилищах без державок, занимавших слишком много места.

Ножи из расколотого клыка кабана представлены единственным неполным экземпляром, сохраняющим характерную искусственную приостренность выступающего края.

Глиняная посуда, собранная на площади жилища № 2, достаточно типична. По технологическим признакам она распадается на две уже известных группы: черную и серую посуду в обжиге. В качестве технической примеси применялись песок и реже — растительные волокна. Внешняя и внутренняя поверхности стенок сосудов хорошо еглажены, но ни в одном случае не достигают блеска, что до некоторой степени объясняется присутствием волокон растительной примеси.

Сведения относительно форм посуды, которые даны в материалах предшествующего жилища, дополняются указанием на две новых формы: крупные, вероятно круглодонные, горшки слабо-расчлененного S-видного профиля, приближающиеся к некоторым сосудам сурско-днепровской и днепро-донской культур (рис. 104, 1), а также приземистые, скорее всего плоскодонные, горшки с несколько отогнутым наружу высоким венчиком. Кроме того, в комплексе жилища № 2 найдены верхние части от нескольких глубоких прямо-стенных сосудов, вероятно, имевших круглые или острые донья. Такие сосуды мы отмечали для первого жилища, однако не исключена возможность, что они окажутся только разновидностью упомянутой выше формы глубоких горшков слабо-расчлененного S-видного профиля. Интересна находка небольшого широкооткрытого кубка (рис. 104, 4). Орнамент в отношении техники исполнения выдержан. Его в основном представляет единая техника — нанесение широких проглаженных линий.

В коллекции имеются верхние части нескольких сосудов, украшенных широкими проглаженными параллельными линиями. Насколько позволяет судить орнамент, на других сосудах из этого жилища ниже горизонтального пояса следовали угловатые фигуры. Пример такой дву-членной композиции, состоящей из многолинейной горизонтальной полосы по венчику и заштрихованных треугольников, помещенных ниже ее, дает орнаментальная схема упоминавшегося выше плечистого сосуда. Однако с наибольшей полнотой украшение этого рода представлено на верхней части большого сосуда S-видного профиля.

Его композиция состоит из глубокой горизонтальной линии, проведенной чуть ниже среза венчика, с которой свисает ряд смыкающихся, заполненных проглаженными линиями, шевронов. От нижнего края последних под тупым углом спускаются состоящие из двух параллельных линий широкие полосы, достигающие нижней половины сосуда (рис 104, 1).

Помимо орнамента, описанного выше, имеются и менее ясные композиции. В частности, следует назвать бокастый сосуд, стенки которого украшены остатками какой-то криволинейной

композиции, состоящей из ряда параллельных линий.

Из числа названных орнаментальных схем в связи с трипольем наибольший интерес представляет композиция, состоящая из линии и свисающих с нее шевронов, дополненных внизу наискось идущей, несколько загибающейся кверху лентой. Нечто подобное имеется на широко открытой чаше с воронковидной донной частью из жилища № 1 (рис. 104, 2) и на крупном горшке S-видного профиля из жилища № 2 (рис. 104, 1).

Несмотря на некоторую угловатость рисунка, именно в таком орнаменте следует видеть прототип трипольского спирале-меандра с раздвоением на одном из концов и округлым окончанием на противоположном одинарном конце ленточной композиции.

Последнее культурное пятно савранского времени, вероятно оставшееся на месте легкого жилья, расположено на западном краю поселения близ выступающих здесь гранитных скал и начинающегося древнего берегового обрыва. Здесь было обнаружено два скопления Unio — площадью около 1 м². Скопления находились рядом с крупным плоским камнем. Вокруг камня концентрировались находки, среди которых отмечены: плоский нуклеус для тонких микролитических пластинок; несколько пластинок — из них две с ретушью, заходящей на брюшко, надломленная трапеция и небольшой прорезыватель с острыми зубцеватыми краями.

Интересен найденный здесь же инструмент вроде кирки или короткой мотыги (длина около 0,5 м), изготовленный из нижней части рога оленя с сохранившимся острым выступом у нижнего конца и следами поперечного надреза на средней части ствола рога.

Здесь найдено всего два фрагмента керамики. Один — обычный сероглиняный, с проглаженным линейно-угловатым орнаментом. Второй — представляет собой часть венчика из черной глины толщиной свыше 1 см, украшенной елочным рядом из уголков, состоящих из мелких оттисков скобочного штампа. Аналогии нам известны лишь в виде фрагментов от сосудов с так называемым кардиумным орнаментом из Адриатики.

Крупный научный интерес представляет обнаруженное на поселении парное захоронение, относящееся к савранскому этапу поселения. Это погребение было обнаружено на западной оконечности поселения, недалеко от выступающих здесь гранито-гнейсовых скал. Оно было открыто благодаря находке мелких обломков раздробленного человеческого черепа в выкиде поискового шурфа. Погребение залегало почти непосредственно под дерном, так как перекрывающий его суглинок оказался смытым в древности, и

объединяло два скорченных захоронения. Оба скелета принадлежат взрослым. Первый из них лежит на левом боку и ориентирован с юго-запада на северо-восток, другой — лежал на правом боку в 0,5 м к юго-западу от первого и был ориентирован с северо-востока на юго-запад (рис. 107).

Кости скелетов почти окаменели, потрескались и несколько расползлись по естественному склону, что указывает на эпизодическое перекрытие этого места разливами, во время которых кости оказывались в сильно раскисшем грунте*.

Погребение залегало в слабо насыщенном археологическим материалом горизонте, содержащем отдельные расколотые кости животных, раковины *Uplio*, фрагменты неолитической посуды, отбросы кремня, а также несколько кремневых изделий — два округлых скребка, микролитический нуклеус пирамидальной формы более архаического типа, чем встречающиеся в жилищах, нуклеусовидный и микролитический резцы, несколько мелких пластинок и пр.

Неолитический возраст этого погребения подтверждается не только его местоположением, сильной фоссильностью костей, напоминающей фоссильность костей животных, но и наличием сходного погребения из района с. Прибугское (Ак-Мечетка), открытого еще в 1930 г., но оставшегося почти до настоящего времени непонятым¹³⁸.

Следующим объектом раскопок в Саврани явилось небольшое скопление раковин *Uplio* и расколотых костей животных, находящееся на расстоянии около 10 м к западу от жилища № 1. Скопление имело неправильную овальную форму и занимало площадь около 1,5 м². Его окружал немногочисленный археологический материал, описываемый ниже.

Помимо небольшого количества кремней, здесь были найдены остатки трех сосудов и фигурная галька.

Остатки сосудов привлекают внимание своим несходством с посудой, найденной в жилищах № 1 и № 2. Они, несомненно, принадлежат к более древнему — самчинскому культурному комплексу.

Первый сосуд, остродонный горшок, представлен частью сужающейся горловины, орнаментированной четырьмя лентами, каждая из которых состоит из пары параллельных линий,

скомпонованных из пар различным образом ориентированных треугольных наколов.

Второй сосуд, остродонный горшок S-видного профиля, представлен фрагментом верхней части. Сосуд несколько отогнут наружу и постепенно переходит в сильно раздутые плечики. Орнамент, помещенный на плечиках, состоит из нескольких волнистых лент, скомпонованных из двойных

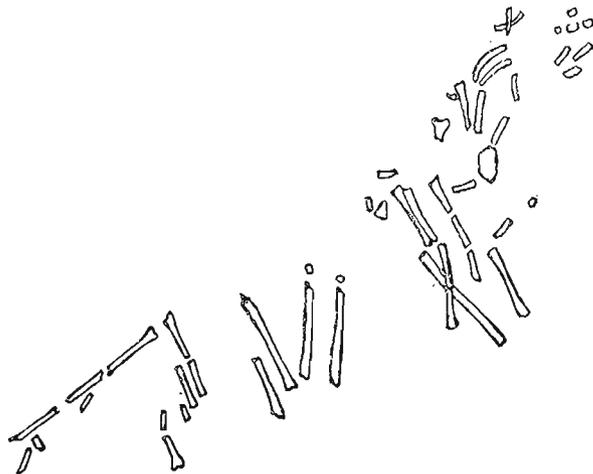

Рис. 107. Саврань. Остатки двух скорченных погребений, найденных на площади поселения.

проглаженных линий, промежутки между которыми заполнены отпечатками гребенчатого штампа. Полоса таких же отпечатков имеется и на внутренней поверхности — чуть ниже среза венчика.

Третий сосуд, изготовленный из хорошо отмученной черной глины, с хорошо сглаженной поверхностью стенок, представлен несколькими фрагментами и венчиком с утонченным верхом.

Интересна найденная в границах этого комплекса фигурная галька, представляющая естественное образование из красного кристаллического сланца, но сильно напоминающая стилизованную статуэтку с длинной шейкой (рис. 108). На больших плоскостях гальки заметны следы преднамеренного выравнивания путем стачивания о камень, что в целом обусловило сходство гальки с длинношеими статуэтками с округлым низом, например, со статуэтками из Зэншти¹³⁹. Следующий объект представлял собой сходное скопление археологического материала, находившееся к западу от описываемого комплекса на расстоянии до 10 м. Среди находок — несколько отщепов и законченных кремневых изделий: трапеции, два микролитических скребка, микропластинки, а также маленький остроконечный ножик и фрагменты самчинской керамики.

Еще далее к западу, примерно на расстоянии 15 м от предыдущего комплекса, находилось

* Условия залегания этого погребения проливают свет и на причину некоторого своеобразия строения самой террасы, в толще которой залегают остатки описываемого поселения. Вероятно, наибольшая глубина залегания неолитических остатков и нахождение их почти под черносезным слоем указывают на геологически сравнительно недавнее размывание прибрежного края надпойменной террасы.

скопление материала также самчинского времени, во многом аналогичное описанному выше. Таким образом, Саврань в целом предстает как двуслойное поселение. На протяжении савранской фазы здесь существовало несколько (не менее двух) более или менее благоустроенных жилищ, пригодных для обитания в летнее и зимнее время. Помимо них, по-видимому, существовали и легкие жилища, а также небольшой могильник.

Для характеристики хозяйственной деятельности мы располагаем реальными свидетельствами

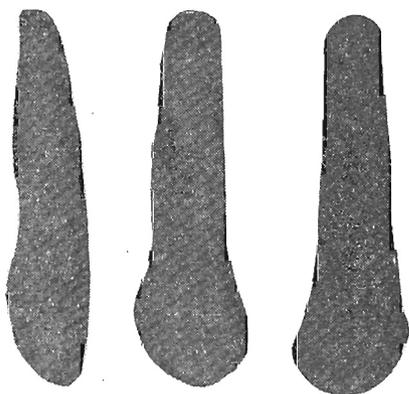

Рис. 108. Саврань. Самчинский комплекс. Стилизованная статуэтка из гальки.

ствами двух отраслей — охоты, отраженной многочисленными находками костей оленя и кабана, и мотыжного земледелия, на которое указывают находки особых савранских мотыг.

В самчинское время на поселении, вероятнее всего весной, существовало три небольших жилища легкого типа, обитатели которых также занимались земледелием, охотой и ловом речных моллюсков.

Владимировка. Поселение находится возле с. Владимировка Новоархангельского района Кировоградской области на р. Синюхе, на надпойме правого берега реки, на расстоянии свыше 1 км к северу от известной палеолитической стоянки и трипольского поселения¹⁴⁰.

Перекрывавшая неолитический слой толща почвенного покрова содержала спорадические находки раннеславянского, скифского, а в основании — позднетрипольского времени.

Находки поздненеолитического возраста здесь в основном связывались с узкой прибрежной полосой шириной около 2 м и залегали в обычном сероватом суглинке.

Количество собранного здесь материала невелико, что говорит скорее о стойбище, чем о поселении.

Из найденного материала интересна керамика.

В ее составе выделяется: глубокая чаша, украшенная обычным зигзаго-елочным орнаментом, части двух сосудов, украшенных вертикальными полосами из оттисков гребенчатого штампа, а также очень интересная находка — широкооткрытая круглодонная чаша S-видного профиля, украшенная сложным линейным меандрово-воллютовым рисунком, отдельные элементы которого заполнены оттисками прямого штампа (рис. 109).

Последняя находка особенно важна как доказательство того, что, возникнув еще в начале буго-днепровского неолита (Базьков и

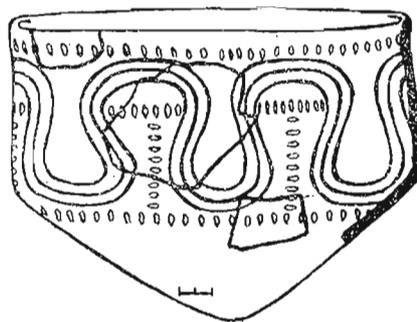

Рис. 109. Владимировка. Савранская фаза. Чаша S-видного профиля, украшенная линейным меандрово-воллютовым орнаментом, дополненным оттисками прямого штампа.

Митьков острова), эта несколько видоизменившаяся форма посуды с присущим ей лишь отчасти видоизменившимся орнаментом не исчезала и в конце развития культуры, пережив междувременье самчинской фазы развития буго-днепровской культуры.

В не менее выразительном виде та же орнаментальная композиция выступает и в материалах такого поселения, как описываемое ниже поселение Миколина Брояка, которое по всем данным, вероятно, относится к несколько более позднему времени, чем неолитическая Владимировка.

Миколина Брояка: Поселение находится в ур. Миколина Брояка на притоке Синюхи р. Черный Ташлык, в 5 км к северо-востоку от с. Синюхин Брод Первомайского района Николаевской области.

Это поселение было открыто местным жителем С. Ф. Рябченко еще в 1928 г. и исследовалось Бугской экспедицией (П. В. Харлампович) в продолжение двух сезонов — 1930—1931 гг., в результате чего было раскрыто около 200 м²¹⁴¹. Проведенным здесь работам в печатном отчете посвящены одна страница текста, схематический план и одна таблица с образцами керамики¹⁴². Этому же памятнику посвящена и другая¹⁴³, еще более краткая публикация. Содержавши-

еся в ней сведения о Миколиной Брояке сводились к следующему*.

Поселение размещается на левом обрывистом берегу реки, образующем часть надпоймы, неподалеку от речного порога. Археологические остатки, включавшие фрагменты керамики, кремневые изделия, отходы от их производства, расколотые кости животных, сопровождалась скоплениями *Unio*.

Несмотря на то, что поселение исследовалось в продолжение двух сезонов, публикация полученного здесь ценного археологического материала так и не состоялась, потому что в условиях Первомайского музея материал сначала не мог быть надлежащим образом обработан, а затем погиб во время Отечественной войны.

Но даже скромные публикационные данные говорили о его дотрипольском неолитическом возрасте. Прежде всего это можно было заключить на основании характера основных категорий материала — архаического облика кремневых изделий и остатков глиняной посуды.

Кремневый инвентарь этого поселения и в первой публикации описывался как микролитический. Об этом, в частности, говорило наличие небольших пирамидальных нуклеусов, а также сколотых с них небольших пластин¹⁴⁵.

Несмотря на отрывочность опубликованных сведений о глиняной посуде этого поселения, ее неолитический возраст и своеобразие не вызывают сомнения. Специфическую черту выявленной здесь посуды представляют изделия из местной графитированной глины: горшки с высоким, иногда слегка отогнутым наружу венчиком, а также широкооткрытые банки или глубокие чаши¹⁴⁶. В числе элементов орнамента применялись проглаженные линии, накольчатые ямки и оттиски гребенки. Отмечались насечки на срезе венчика, горизонтальные зоны по венчику или по его основанию, состоящие из наколов, групп насечек или зигзагов, исполненные гребенчатым штампом. Наколы и оттиски гребенчатого штампа, скомпонованные в зигзаговые ряды, как бы дополняют зигзаговый или угловатый рисунок, состоящий из проглаженных линий¹⁴⁷ (рис. 110, 1—16).

Раскопки, проведенные нами в 1955 г., несмотря на то что было раскрыто всего около 50 м², подтвердили высокий уровень местной неолитической культуры непосредственно предтрипольского времени.

П. В. Харламповичем была раскопана прибрежная часть поселения. Его раскопки были расположены в средней части террасы, т. е. около 15 м от берега реки и примерно на таком же

расстоянии от прослеживающегося здесь склона лесовой террасы (рис. 111).

В результате проведенных автором раскопок Миколиной Брояки стратиграфическая характеристика этого поселения определяется следующими данными: пахотный слой — 0—0,25 м; каштановая почва — 0,25—0,5 м; бурая почва с

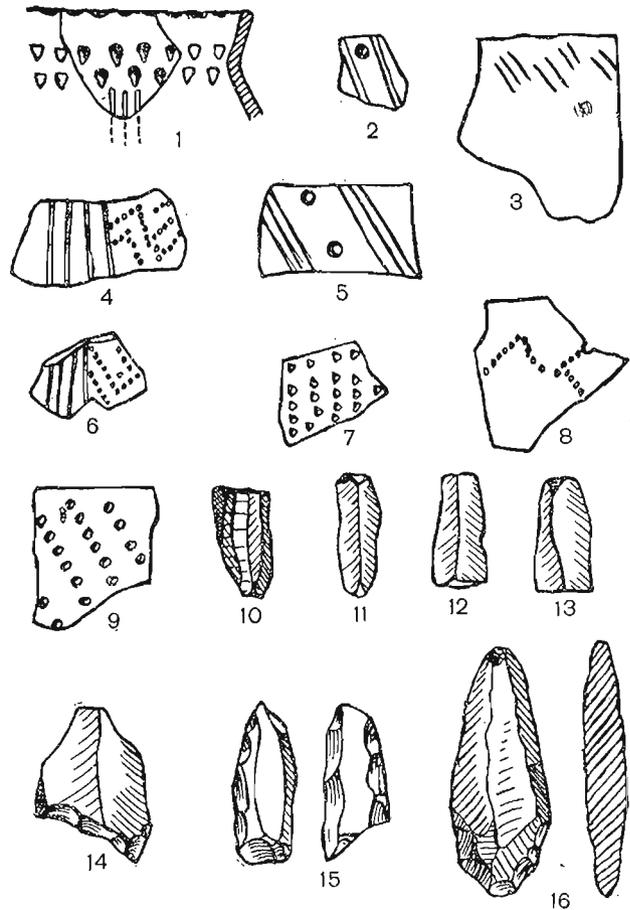

Рис. 110. Миколина Брояка. Образцы материала из раскопок Харламповича.

отдельными черепками времени поздней бронзы в основании — 0,5—0,8 м; желто-серая суглинистая почва — 0,8—0,9 м; темно-серый гумусированный суглинистый горизонт (ископаемая почва): а) в его верхней части — спорадические находки черепков ямного типа; б) в средней — отдельные фрагменты трипольской посуды с монокромной росписью, обломок мотыги и черепки посуды среднестоговского типа; в) в основании — поздненеолитический горизонт — 1,9—2,7 м — серый вязкий суглинок с отдельными кремнями и расколотыми костями неопределенной фазы неолита; ближе к основанию — 2,7—3,5 м — серый аллювиальный суглинок с большим содержанием крупного речного песка и выступающие речные валуны — 3,5 м и глубже.

* Это же поселение, наряду с Гардом, упоминается в одной из статей Е. Ю. Кричевского, где оба эти памятника ошибочно причисляются им к числу позднеприпольских¹⁴⁴.

Относительно уровня реки неолитический горизонт возвышается на 1,8—2 м.

Характер залегания неолитических остатков обычный — в одной горизонтальной плоскости, что указывает на непродолжительность обитания на месте поселения и на хронологическую близость всего открытого здесь археологического материала.

Можно считать, что раскоп (рис. 112) захватил часть какого-то жилищного комплекса. Об

Собранный в 1955 г. материал¹⁴⁸ включает довольно многочисленные расколотые кости животных*, в числе которых присутствуют мелко порубленные олени астрагалы; кремь — нуклеусы, отщепы, различные орудия; фрагменты глиняных сосудов и, наконец, немногочисленные изделия из кости и клыка кабана.

Кремневый инвентарь, полученный во время раскопок, близок к собранному при исследовании жилищ на савранском поселении.

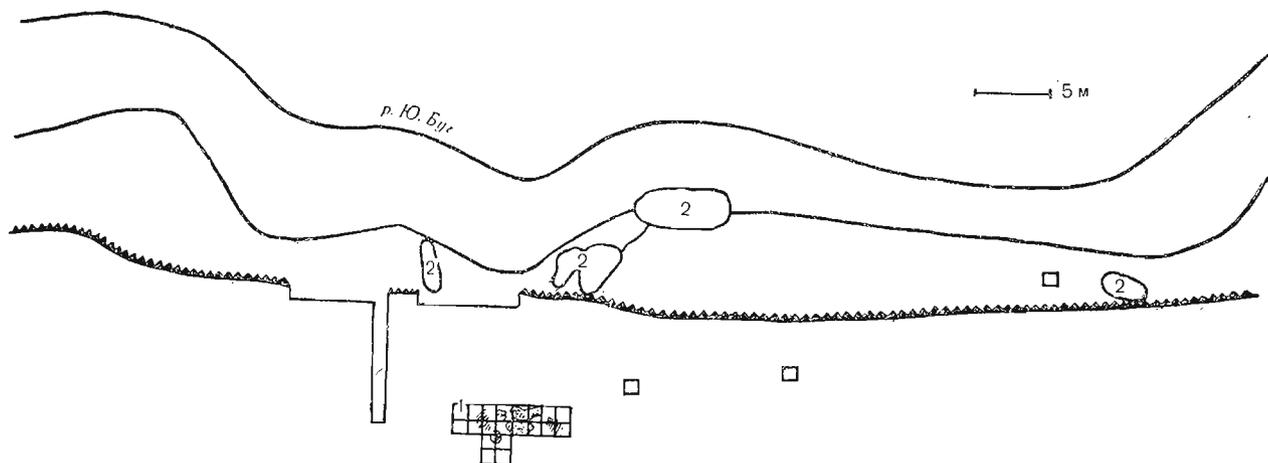

Рис. 111. Миколина Бряка. Савранская фаза. Схема поселения.

1 — раскопы с археологическими объектами; 2 — скалы.

этом прежде всего говорит находка оборудованного очага в виде подпрямоугольной выкладки из кусков обожженного гранита площадью 50×30 см, рядом с которой находились небольшая зернотерка из песчаника и прекрасно сделанный нож из клыка кабана.

На расстоянии около 1 м к юго-востоку от очага находился развал крупного сосуда и рядом с ним два призматических нуклеуса.

Менее чем в одном метре к западу от очага отмечалось нагромождение раковин *Uplio*. Оно имело вид двух неправильных овалов, соединенных перемычкой и занимающих площадь около 1,5 м². Скопление это достигало до 15 см мощности и было насыпано в несколько приемов — раковины буквально переслаивались с грубыми кремневыми отщепами. Очевидно, это было место для отбросов.

К югу, т. е. в глубину террасы, находок почти не было, в то время как к северу от описанной кучи их количество, в частности обломков глиняной посуды, заметно возрастало.

Кроме того, на расстоянии 9 м на восток от описанного очага было найдено значительное скопление археологического материала — крупные обломки посуды, нуклеусы и много отщепов, что говорит о следах в этом месте какого-то другого комплекса.

В числе нуклеусов выявилось два типа — морфологически довольно уже поздние призматические — длиной до 10 см, с шириной фасеток около 0,5 м и продолговатые нуклеусы трехгранного сечения, имеющие две грани, с которых скальвались отщеповые заготовки (рис. 113, 9).

Наиболее массовую группу изделий из кремня составляют пластинки, не подвергавшиеся специальной обработке, достигающие в длину в среднем 10 см при ширине 1 см и более.

Подобные нуклеусы и пластинки в сравнении с кремнем развитой поры триполья, безусловно, миниатюрны. Однако они не более микролитичны, чем соответствующие изделия из таких древнейших трипольских памятников, как Гайворон-Полижок, Сабатиновка II, Брага и другие¹⁴⁹.

Из обломков пластинок изготовлены орудия трех типов: довольно крупные трапеции, неплохо оформленные прорезыватели (один из них с резцовым сколом), крупные вкладыши в виде пластинок с концевой и краевой притупляющей ретушью типа найденных в Мариупольском могильнике¹⁵⁰ и, наконец, острия лучковых сверл (рис. 113, 10, 11, 13, 14).

Скребки схожи с выявленными в савранских

* Домашний бык, овца-коза (в небольших количествах), а также благородный олень, кабан и прочие. Определения В. И. Бибиковой.

жилищах и с встречающимися на древнейших трипольских поселениях. Это скребки округлой формы — диаметром 2—3 см, изготовленные из довольно массивных отщепов (рис. 113, 12).

Особо следует остановиться на немногочисленных здесь орудиях для обработки дерева — очень слабо выясненной категории производственного инвентаря буго-днестровской культуры. Здесь их всего три экземпляра — два топора

уже упоминались очень характерные для исследуемой культуры кривые ножи, изготовленные из клыка кабана. В нашем комплексе имеется один целый экземпляр такого орудия длиной свыше 10 см. Заслуживают быть отмеченными обломок рыболовного крючка, сохраняющий прорезь — круглую сверлину*, а также обломки клыков кабана, отброшенные при изготовлении таких же орудий.

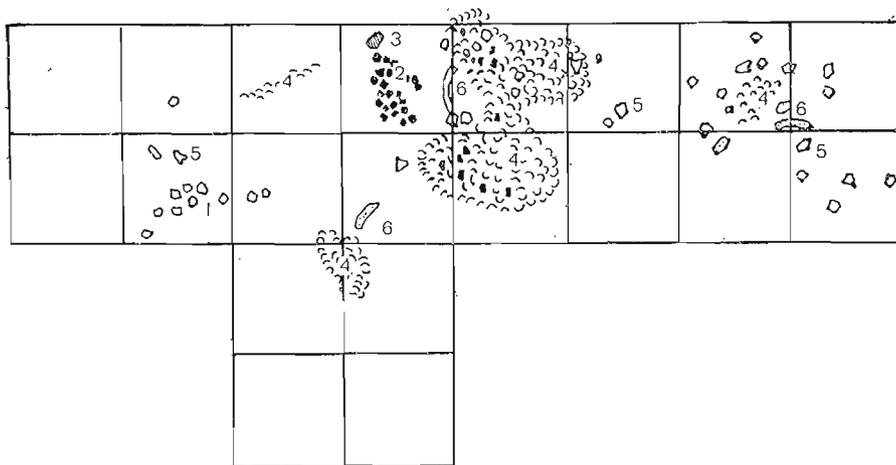

Рис. 112. Миколина Брояка. Савранская фаза. Часть археологического комплекса.
1 — керамика; 2 — очаг; 3 — зернотерка; 4 — скопления Unio; 5 — кости; 6 — клыки кабана.

и скобель. Один из топоров найден еще местным краеведом Кравченко. Насколько можно судить по изданному рисунку, довольно неумелому, он изготовлен из кремневой конкреции путем двусторонней оббивки и следов шлифовки не имеет (рис. 110, 16)¹⁵¹. Второй топор найден нами. Он изготовлен из плотного серого сланца, т. е. из той же специфической породы камня, из которой изготовлено преобладающее большинство рубящих орудий раннего триполья. Однако техника его изготовления совершенно другая, в качестве заготовки был использован острый отщеп, превращенный в топор типа транше путем оббивки с боков, обуславливавшей как оформление рабочего края, так и создание довольно узкого обушка (рис. 114).

Скобель изготовлен из куска кремня и имеет вид трехгранной пирамиды, все грани которой сформованы прочными и острыми. Каждая из них имеет характерную забитость и смятость от работы. Орудия этой формы в неолитических комплексах Южной Украины очень редки. Тем не менее, нам известны три экземпляра подобных орудий, найденных при исследовании поздне-неолитического слоя поселения у Каменной Могилы.

Не менее интересную группу инвентаря составляют изделия из клыка кабана и кости.

В связи с описанием различных памятников

Изделия из кости исключительно редки — обломок шила из небольшой трубчатой кости, пронизанной системой коротких насечек, украшенная системой коротких насечек, размещенных в несколько рядов (рис. 115, 7).

Самую ценную часть материалов с поселения Миколина Брояка представляют остатки глиняной посуды. По технологическим признакам она делится на три основных группы: посуда черного, серого или желтоватого цвета в обжиге, содержащая в примеси песок и травянистые волокна, иногда весьма многочисленные; посуда серебристо-серого цвета, содержащая примесь графита, и, наконец, черная посуда, содержащая мелкий песок. Явно преобладают изделия, принадлежащие к первой технологической группе.

Первая группа объединяет целый ряд форм, которые подразделяются на три подгруппы. Первую подгруппу составляют крупные кубкообразные сосуды с воронковидным низом и с плоским дном (рис. 115, 3, 4); ребристые хорошо профилированные широкооткрытые чаши с воронковидным низом и плитчатым дном, подобные найденным в одном из савранских жилищ, и, наконец, небольшие плоскодонные горш-

* Хороший экземпляр подобного крючка-блесны был найден в самчинском слое во время раскопок на Базьковом острове.

ки (рис. 115, 6). Общей особенностью сосудов этой подгруппы является украшение их линейным проглаженным орнаментом. Вторую подгруппу образуют сосуды средних размеров, имеющие форму глубоких широкооткрытых банок (рис. 115, 1) или мисок, иногда украшенных гребенчатым орнаментом. В третью подгруппу входят сосуды средних размеров типа глубоких

зонтакными пролощенными линиями, а по всему тулову — многолинейными переплетающимися угловатыми композициями. Заслуживает внимания частично сохранившийся плечистый горшок, украшенный по венчику горизонтальными линиями и по тулову — многолинейными коосугольными фигурами, разделенными лентами с заполнением в виде ряда крупных наколов.

В перечисленных выше линейных композициях мы имеем дело с образцами упоминавшегося текстильного орнамента, характерного для глиняной посуды многих земледельческих культур Европы, не исключая и раннее триполье.

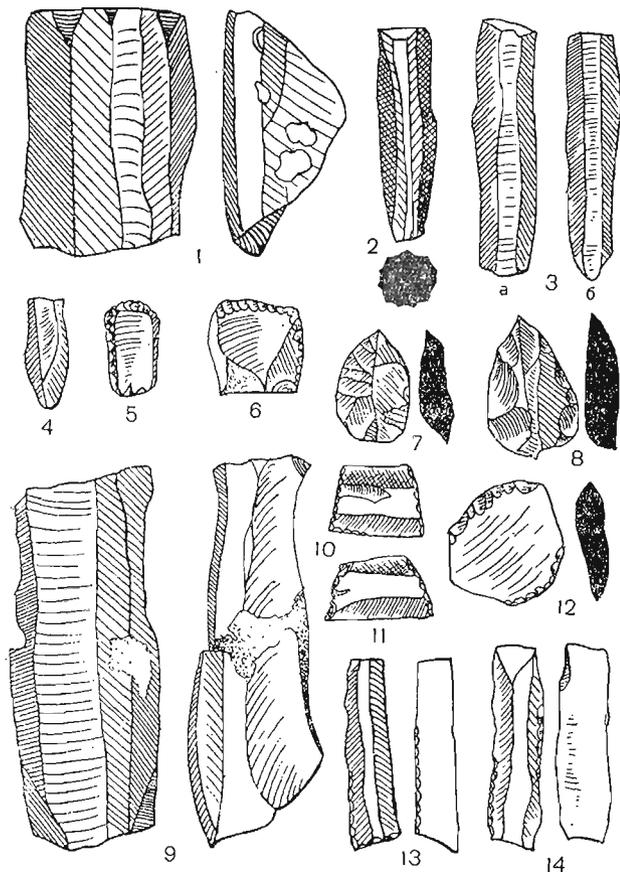

Рис. 113. Миколина Брояка. Изделия из кремня.

1 — уплощенный нуклеус; 2 — карандашевидный нуклеус; 3 — пластинки; 4, 14 — резцы на углу пластинок; 5 — 8, 12 — скребки нескольких подтипов на отщепках; 9 — призматический нуклеус; 10, 11 — трапеции с частично соструганными спинками; 13 — пластинка-вкладыш с красной и концевой притупляющей ретушью.

с невысоким, круто отогнутым венчиком горшков, украшенных зональным орнаментом в виде елочных рядов, состоящих из оттисков гребенчатого штампа.

Среди орнаментированных сосудов первой группы выделяется крупный кубковидный сосуд, плоскость украшенный сложной косою сеткой, состоящей из многолинейных полос, образующих ромбические фигуры, заполненные горизонтальными или скошенными пролощенными линиями (рис. 115, 4). Обращают внимание фрагменты широкооткрытых чаш, украшенные по срезу венчика насечками, по венчику — гори-

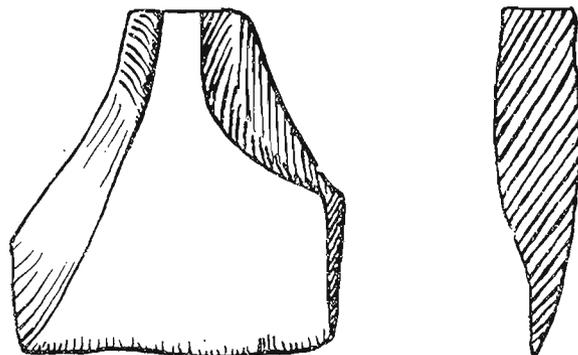

Рис. 114. Миколина Брояка. Савранская фаза. Топор из сланца типа транше.

В линейных композициях, дополняемых оттисками прямого или гребенчатого штампа, улавливаются два мотива. Первый из них характеризуется рисунком из параллельных или сходящихся под углом проглаженных линий, промежутки между которыми заполнены оттисками штампа — то в одну ленту, то в виде полос различных очертаний — в зависимости от характера линейной части композиции. Второй рисунок меандро-воллютового характера. Очень интересна часть подобной композиции, в которой место линий занимают широкие проглаженные каннелюры, т. е. именно тот элемент орнамента, который получает дальнейшее развитие уже в раннем триполье (рис. 115, 1).

Вторая группа сосудов представлена пока единственным фрагментом. Речь идет о части миски полусферической формы с несколькими утолщенным закругленным венчиком и с хорошо сглаженными стенками. Миска изготовлена из глины с примесью графита (рис. 115, 5).

С этой находкой можно сравнить остатки мисок из других позднеэнеолитических поселений буго-днестровской культуры, например из Гарда, Хмельника и др., где подобные миски орнаментированы. По форме они сходны с мисками нижнедунайских культур Хаманджия¹⁵² и Боян¹⁵³.

Третья, и последняя, группа посуды Миколиной Бряжки представлена фрагментами от нескольких тонкостенных черноглиняных сосудов в виде глубоких широкооткрытых банок с характерным воротничковым утолщением венчика. Такие сосуды украшены оттисками треугольного штампа или крупными наколами (рис. 39, 6). От многочисленных степных аналогов местные сосуды отличаются тонкостенностью, преднамеренным прокапчиванием керамической массы и, наконец, тонкостью состава последней. Формы и орнамент одинаковы в обоих случаях. Значение этой параллели для установления синхронизации и культурного контакта с ранним энеолитом Надпорожья и Приазовья, представленными памятниками азово-днепровской культуры, очевидно. Однако не следует забывать о том, что для придунайской культуры Хаманджия сходный накольчатый орнамент также составляет основу большинства присущих местной посуде орнаментальных схем.

Гард. К числу неолитических памятников Побужья принадлежит и поселение в ур. Гард*, раскапывавшееся Бугской экспедицией НКП УССР в 1936 г., а затем обследованное автором в 1949 г.

Урочище Гард, в котором расположено поселение, находится около с. Богдановки Доманевского района Одесской области. Поселение занимает обширный мыс надпоймы правого берега Ю. Буга, находящийся против известного гардовского порога, окаймленный с юга и с севера древними балками с протекающими по их дну ручьями.

Неолитический возраст поселения был установлен еще археологической экспедицией НКП УССР, хотя культурная специфика этого памятника не была определена и оно сопоставлялось с целым рядом неолитических местонахождений, отличающихся не только от него самого, но и друг от друга (например, Почайна, Куреневка, Юрова Гора под Смелой и др.)¹⁵⁶.

Бугская экспедиция НКП УССР исследовала поселение в четырех местах путем закладки длинных траншей. Первая траншея, заложенная в прибрежной части (площадью 70—80 м²), дала основное количество неолитического материала. В пределах ее были найдены и остатки жилых конструкций в виде так называемых каменных вымоستков.

* Е. Ю. Кричевский относил и этот памятник к числу позднетрипольских на том основании, что на поселении были встречены архитектурные развалы камня¹⁵⁴. Во время нашего обследования на площади поселения мы не встретили позднетрипольских остатков. Впрочем, и без специального обследования из отчета Бугской экспедиции НКП УССР можно было заключить, что места неолитического и находящегося неподалеку позднетрипольского поселений топографически не совпадают¹⁵⁵.

Геологические условия поселения в местах культурных скоплений характеризуются не совсем ясными данными, перечисляемыми снизу: 1) выветренная поверхность гранита; 2) прослойка бугского ила — 5—15 см; 3) гумусированный слой — 7 см; 4) намывная прослойка — 1,5—2,5 см; 5) прослойка гумуса — 8 см; 6) намыв*

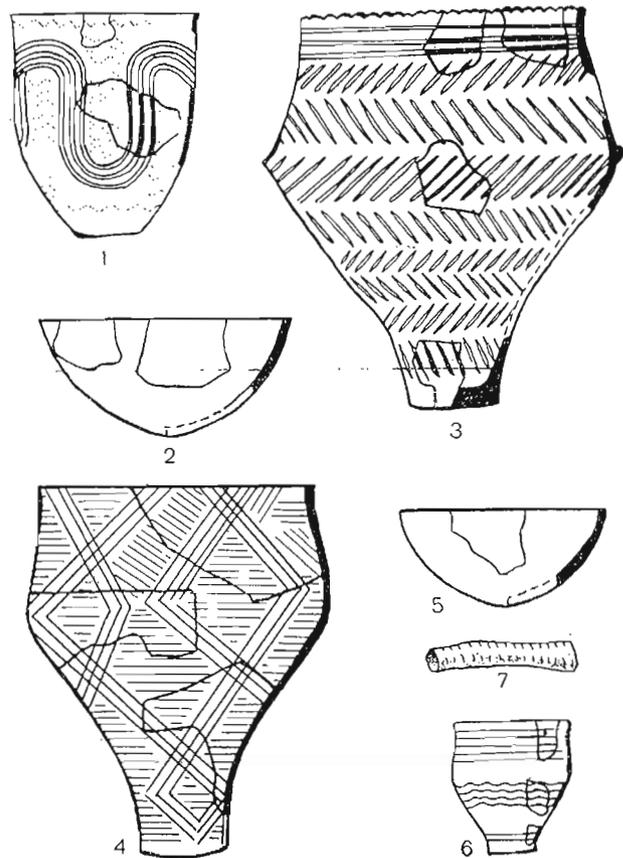

Рис. 115. Миколина Бряжка, Митьков остров (слой савранской фазы).

1 — банкообразный сосуд, украшенный каннелурным волотовым орнаментом, с оттисками гребенчатого штампа; 2, 3 — мелкие полусферические формы мисок; 3, 4 — глубокие плоскдонные кратероидные сосуды с воронкообразной нижней частью; 6 — миниатюрный горшок с простым линейно-проглаженным орнаментом; 7 — костяная пронизь с насечками. Масштаб по отношению к размерам сосудов не выдержан.

10 см; 7) мощный черноземный покров без аллювиальных включений. Основные вымостки врезаются в горизонты 4, 5 и 6¹⁵⁷.

Культурные остатки, имеющие характер скоплений золы и угольков, костей животных и крупных рыб, раковин *Unio*, обломков глиняной посуды (рис. 39, 9; 116, 1—7), кремневых орудий (рис. 113, 1—8), отходов от их производства и т. д., перекрывают остатки каменных конструкций или концентрируются вокруг них.

Остатки каменных конструкций, оказавшиеся

* Скорее суглинок вроде савранского.

ся основаниями стен жилищ, рассматривались первоначально как остатки кострищ. Такие остатки были обнаружены в трех местах. Первая конструкция, площадью около 20 м², объединяла несколько вымосток из булыжника, окружавших плоскую плиту площадью около 4 м². Вторая начиналась в 1,5 м на северо-восток от пер-

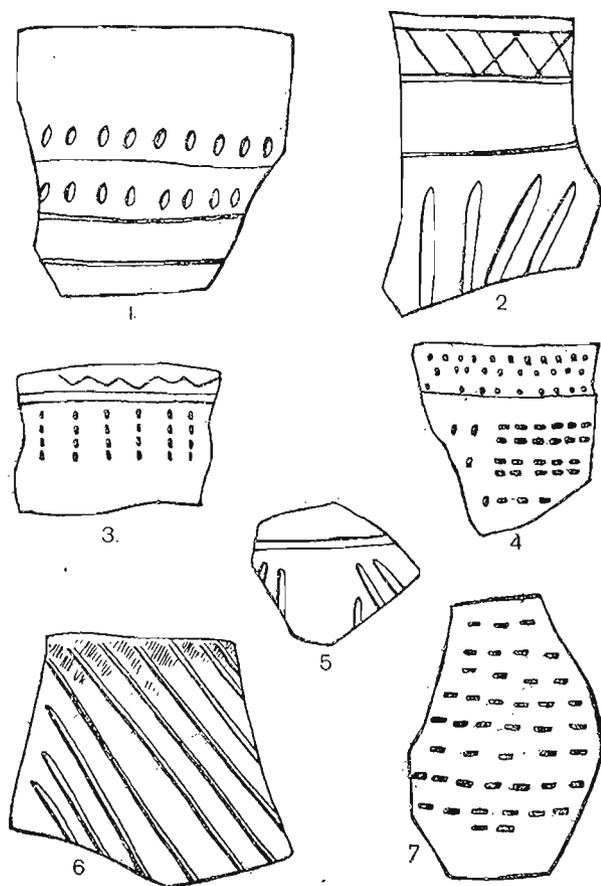

Рис. 116. Гард.

1—5, 7 — образцы керамики из довоенных раскопок, по зарисовкам Е. Ф. Лаговой; 6 — фрагмент верхней части сосуда с воротничковым утолщением венчика.

вой и отличалась от нее наличием каркаса, составленного из крупных камней (вес до 25 кг), который был обложен мелким булыжником. Третье скопление находилось к западу от второго и состояло из крупных камней весом 20—30 кг. Скопления 1-е и 3-е перекрывались тонкой золистой прослойкой. Именно вокруг них и концентрировалось наибольшее количество находок.

Имея лишь суммарную публикацию этих конструкций, трудно решить, принадлежат ли они нескольким малым жилищным комплексам, находившимся рядом, или же, что не менее вероятно, составляют части большого общинного дома.

Во время обследования гардовского поселения 1949 г. был обнаружен участок каменной конструкции, подобной описанным выше, оказавшийся основанием стены, что дает возможность надеяться на получение дополнительных сведений как о конструктивных данных отдельных жилищ, так и о взаиморасположении их на площади поселения.

Археологический материал поселения Гард не был достаточно освещен в печати. Большая часть находок была утрачена в годы Отечественной войны, меньшая — хранится в Киевском историческом музее. Во время обследования местонахождения 1949 г. путем шурфовки и сборов на поверхности был получен небольшой вещевой материал. Ниже приводим краткую характеристику несомненно однородного археологического материала, полученного как в 1931, так и в 1949 гг.

О неолитическом возрасте поселения прежде всего говорит присущий ему богатый кремневый инвентарь, включающий различные изделия, нуклеусы нескольких типов и многочисленные отщепы, составляющие самую многочисленную группу гардовского кремня. Кремень однообразный по составу — серый, с некоторой желтизной. Все орудия представляют собой типичные микролитические изделия, сохраняющие преимущественно «мезолитический» характер.

Имеющиеся в комплексе нуклеусы представляют собой три разновидности, предназначенные для получения обычных и вкладышевых пластинок. Это плоские нуклеусы с двумя скошенными, противоположащими площадками вроде некоторых нуклеусов савранского поселения (рис. 113, 1), микролитические призматические нуклеусы для микролитических пластинок-вкладышей (рис. 105, 1; 113, 2).

Особую группу образуют нуклеусы случайных очертаний, предназначенные для получения отщеповых заготовок, шедших для выделки скребков.

Состав кремневых орудий чрезвычайно прост, что видно из приводимой ниже их краткой характеристики.

Из пластинчатых заготовок изготовлялся ряд орудий — немногочисленные резцы срединного типа и на углу сломанных пластинок, режущие орудия с плоской ретушью с брющка, т. е. прорезыватели, изготовленные из обломков пластин, иногда с оформленными ретушью концами, острия, микролитические острия ромбической формы, трапеции и прочее. Однако основной, численно преобладающей формой орудий этой техники являются сами пластинки, целые или с надломленными концами, нередко имеющие ретушь со спинки.

Так же, как и пластинки, в коллекции многочисленны скребки, обычно изготовлявшиеся из

отщепов. Преобладают скребки средних размеров, округлой формы (рис. 113, 5—7). Довольно часто встречаются полукруглые скребки, в небольшом количестве микролитические скребки округлой формы диаметром около 1 см.

Другую важную, хотя и немногочисленную, возможно вследствие утраты части коллекции, категорию инвентаря составляет глиняная посуда. Она подразделяется на несколько групп, различающихся по технологическим данным — подбором глины, характером технических примесей и др. и, по-видимому, по назначению. Наиболее распространена посуда из серо-коричневой в обжиге глины, имеющая в примеси мелкий песок и довольно тонкие растительные волокна. Поверхность таких сосудов гладкая, иногда подлощенная, покрывавшаяся желтоватым или красноватым ангобом. На потертых поверхностях следы волокон травянистой примеси выступают довольно отчетливо.

Вторую группу составляет посуда, изготовлявшаяся из содержащей мелкий песок темносерой и черной глины, обжигавшаяся в печах с заторможенной тягой.

Третью группу представляют сосуды, содержащие примесь мелкотертого графита. Из графитированной глины на гардовском поселении, насколько об этом можно судить на основании немногочисленного материала, изготовлялись небольшие, богато орнаментированные сосуды.

Последнюю, слабо еще выявившуюся, группу составляют сосуды, изготовлявшиеся из хорошо отмученной, почти не содержащей песка, маслянистой на ощупь глины.

Судить о формах изготовлявшейся на гардовском поселении посуды из-за небольших размеров фрагментов нелегко. В частности, почти ничего не известно о характере доньев. Только один фрагмент как бы указывает на начало плоского донца. Впрочем, сомневаться в существовании здесь сосудов с плоскими доньями не приходится. Несомненно, наиболее распространенной формой на Гарде являлись глубокие горшки с несколько выступающими плечами и чуть отогнутым наружу венчиком, с обычным утолщенным прямым или косым срезом. Далее следуют широкооткрытые глубокие банки с такими же срезами венчика. К ним типологически примыкают глубокие широкооткрытые непрофилированные миски. С меньшей определенностью выделяются небольшие чуть раздутые почти прямостенные кубки, а также плечистые сосуды грушевидной формы (рис. 116, 1—7; 117, 1—8).

Технику орнаментирования посуды характеризуют следующие моменты: проглаженные линии, различные наколы и отпечатки гребенчатого штампа. Последние часто komponуются в линии или несложные геометрические фигуры. В украшении посуды почти всегда присутствуют

все названные элементы. Однако проглаженные линии преобладают, за ними следуют наколы, дополняющие линейный рисунок.

Характер орнаментальных композиций определяют сложные зигзаги или углы, комбинируемые из линий или из наколов. Накольчатый орнамент нередко используется для оттенения орнаментальных полей заполнения углов, про-

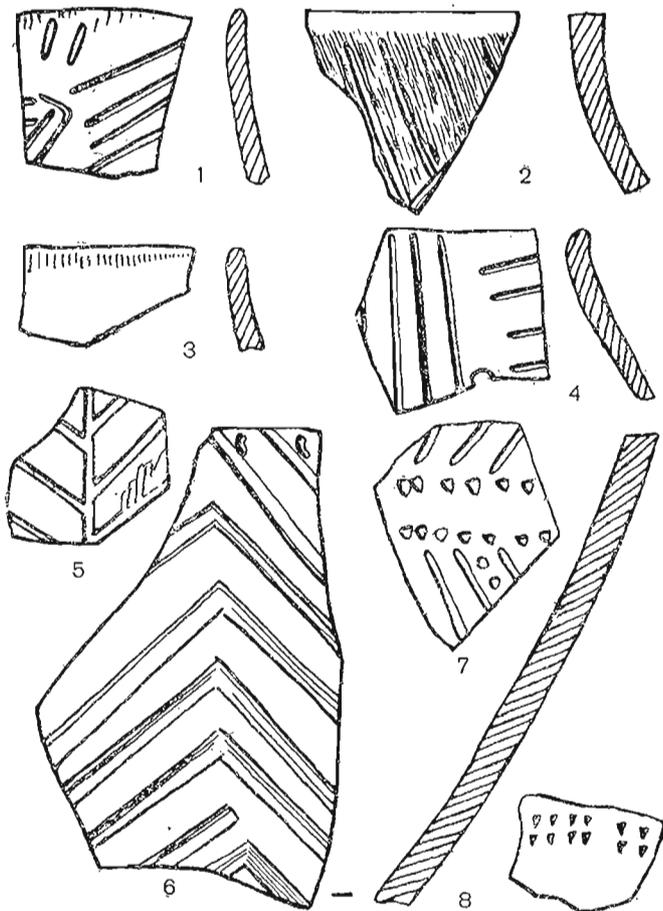

Рис. 117. Гард. Фрагменты керамики.

1, 2, 4, 5 — фрагменты сосудов с суженным верхом, украшенных сложным линейным орнаментом; 3 — фрагмент сосуда без орнамента; 6 — фрагмент миски с линейным орнаментом; 7, 8 — фрагменты сосуда с линейным орнаментом и подтреугольным штампом.

межутков между линиями, т. е. с целью подчеркивания соответствующих частей линейно-угловатого рисунка.

Есть и совершенно просто орнаментированные сосуды — горизонтальной линией наколов под венчиком, насечками, наколами или отисками гребенчатого штампа — по венчику, ниже — зигзагами, сетчатыми полосами из отисков гребенчатого штампа, рядами круглых, овальных или других вдавлений и пр. Штамповые полосы часто подчеркиваются проглаженными линиями — одной или несколькими — в зависимости от ширины зоны орнамента. Отме-

чаются случаи, когда горизонтальная зона штампового орнамента остается единственным украшением сосуда, а в других — ниже ее следует обычная зигаго-угловая композиция.

В заключение характеристики поселения Гард следует сказать несколько слов относительно хозяйственной деятельности оставившего его населения.

Помимо самого топографического положения поселения над крупным порогом, на берегу реки, о речных промыслах — рыбной ловле и реч-

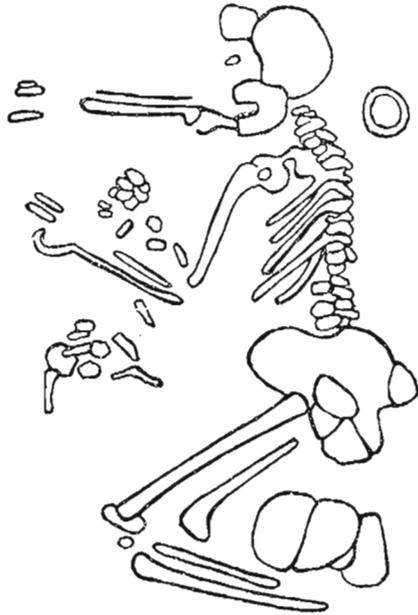

Рис. 118. Ак-Мечетка (Прибугское). Самчинская фаза. Коллективное погребение.

ном собирательстве — говорят обнаруженные в слое кости крупных рыб и раковины *Unio*. Об охоте говорят постоянно встречающиеся кости лося, оленя, кабана; о скотоводстве — кости быка и кабана¹⁵⁸. О том, что развивалось земледелие, говорят некоторые черты самой культуры — особенности архитектурных остатков, относительное совершенство глиняной посуды, наличие в ней растительной примеси, сходство кремневого инвентаря с древнейшими орудиями триполья и пр.

Важной особенностью того периода местной неолитической культуры, который отражен Гардом, является наличие широко простирающихся межплеменных связей. Последние с наибольшей определенностью прослеживаются в Днепро-вском Надпорожье. Здесь мы имеем целый ряд памятников, например, Вовчок, нижний слой Стрильчей Скели, Вовнигские поселения¹⁵⁹ и др., на которых встречаются те же типы керамики, которые характерны для Ю. Буга и неизменно присутствуют на поселениях гардовского типа.

В числе таких изделий необходимо назвать сосуда в форме чаш и глубоких горшков с отогнутыми венчиками, изготовленные из общей для обоих типов массы — с растительной и графитовой примесью, украшенные сходными композициями, состоящими из линий наколов, оттисков гребенчатого штампа и пр. Не отрицая того, что посуда с примесью графита и некоторые другие изделия попали на днепровские пороги в результате межплеменного обмена, это явление в целом мы не можем рассматривать как простое свидетельство активизации межплеменных отношений. Наличие сходства двух культур мы видим

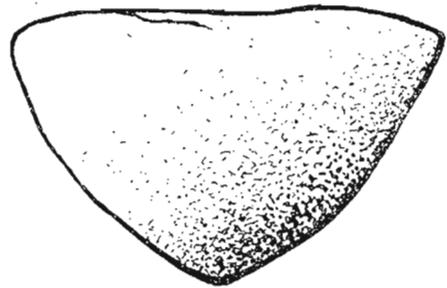

Рис. 119. Ак-Мечетка. Сосуд-чаша, найденная при коллективном погребении.

глубже, в частности в том, что на позднейшем этапе неолита культура, сходная с буго-днепровской, захватывала также и Днепро-вское Надпорожье, где она скрещивалась с поздними проявлениями сурско-днепровской культуры.

В заключение остановимся на вопросе о некоторых погребальных памятниках, открытых в прошлые годы и относящихся, вероятно, к развиту и поздней поре буго-днепровской культуры.

Особо подчеркиваем значение находки Е. Ф. Лаговойской, в свое время открывшей и исследовавшей в Ак-Мечетке группу скорченных погребений: мужское и женское с грудным младенцем, сопровождающееся круглодонной чашечкой с охрой. На основании сходства последней с чашечкой из верхнего слоя поселения Сокольцы VI датировать этот могильник следует временем самчинской фазы (рис. 118; 119). К числу сходных погребальных памятников следует отнести и древнейшие, вероятно случайно оказавшиеся под насыпью кургана, погребения из Константиновки¹⁶⁰, исследовавшиеся Е. Ф. Лаговойской еще в годы работы Бугской экспедиции НКП УССР (рис. 120, 2, 4).

ВОПРОС О ПАМЯТНИКАХ ХМЕЛЬНИКСКОГО ТИПА

Вопрос о существовании особой, заключительной фазы развития буго-днепровской культуры был поставлен сравнительно недавно и поэтому еще не был проверен значительным раскопчным материалом.

Тем более очевидна необходимость сконцентрировать данные о памятниках, хронологически следующих за памятниками савранского типа, ибо в настоящее время сведения о количестве поселений буго-днестровской культуры неполны в силу того, что полевые работы на Ю. Буге в зоне строительства ГЭС можно было проводить только в границах надпоймы. Впрочем, из

батыновка I¹⁶², Данилова Балка¹⁶³, Сандраки¹⁶⁴ и др. Поселение Печера, раскопанное М. И. Артамоновым (не следует путать с описанным выше эпонимным памятником), расположено на высоком склоне лессовой террасы, занятом окраиной села.

Из числа спорадически встречающихся здесь находок неолитического времени заслуживают внимания несколько фрагментов посуды с хорошо сглаженной поверхностью и тщательным линейным орнаментом, а также костяной наконечник мотыги савранского типа (рис. 120, 5).

Примерно то же можно сказать и о ранне-трипольском поселении Данилова Балка, исследование которого начато С. С. Гамченко еще в 1913 г. Как подтверждают раскопки С. С. Гамченко и разведки Э. А. Сымонович, подобно Сабатиновке II, в Даниловой Балке фиксируются два строительных периода — полуземлянки и наземные жилища с остатками площадок. Однако значение Даниловой Балки как стратифицированного памятника этим не ограничивается, так как здесь имеются следы неолитического поселения. Из числа происходящих отсюда материалов к эпохе неолита можно отнести острое донце небольшого сосуда, а также часть поддона, украшенного линейно-угловатым орнаментом и дополненного наколами (рис. 120, 3, 6).

Следующее поселение, Сабатиновка I, топографически совпадает с трипольским поселением, находящимся, как известно, на лессовой террасе левого берега Ю. Буга.

Внимательное ознакомление с документацией, освещающей раскопки памятника, а также с коллекциями, полученными во время этих раскопок, убеждает в том, что в основании археологической толщи этого местонахождения находится также и неолитический слой.

Еще во время раскопок прибрежной части Сабатиновка I в 1931—1932, а также в 1938 гг. были отмечены крупные скопления раковины *Unio*, которые сопровождалась довольно большим количеством кремневых изделий неолитического, а не трипольского облика, — микролитические нуклеусы, резцы, округлые скребки и др.* То, что найденный кремнь неолитического происхождения, подтверждают спорадические находки заведомо неолитических черепков, среди которых заслуживает внимания стенка сосуда, содержащая в глине волокна растительной примеси, украшенная полосами из вертикально-проглаженных линий, где промежутки между полосами заняты полями зигзагов, исполненных мелким гребенчатым штампом (рис. 39, 7; 121, 7).

Как в отношении технологических признаков, так и в отношении характера орнамента эти на-

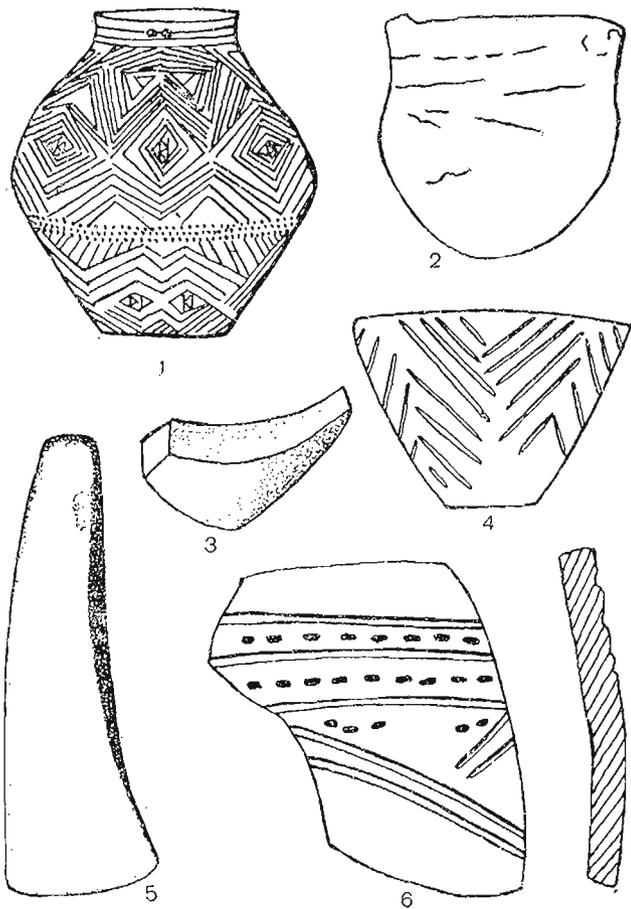

Рис. 120. Находки поздненеолитического времени, происходящие из ареала буго-днестровской культуры (раскопки довоенных лет).

1 — Никольский могильник; 2, 4 — Константиновка; 3, 6 — Данилова балка (по отчету С. С. Гамченко); 5 — Печера.

сказанного не следует делать вывод, что вне непосредственных границ долины реки будет открыто большое количество поселений. В частности, это относится к ранней и развитой поре культуры. Однако для непосредственно предтрипольского времени перенос поселений на склоны плато уже являлся исторически оправданной необходимостью, окончательно утвердившейся на первом этапе триполья.

В числе высоко расположенных на лессовой террасе поздненеолитических поселений следует назвать такие территориально совпадающие с трипольскими памятниками, как Печера¹⁶¹, Са-

* Хранятся в Одесском музее.

ходки ближе всего стоят к остаткам посуды таких поздних памятников буго-днестровской культуры, как Миколина Брояка, Гард или Владимирова неолитическая, что уже само по себе говорит о наличии дотрипольского слоя на трипольском поселении Сабатиновка I.

Однако самой ценной, уникальной для Правобережья Украины, частью коллекции является набор фрагментов посуды, условно называ-

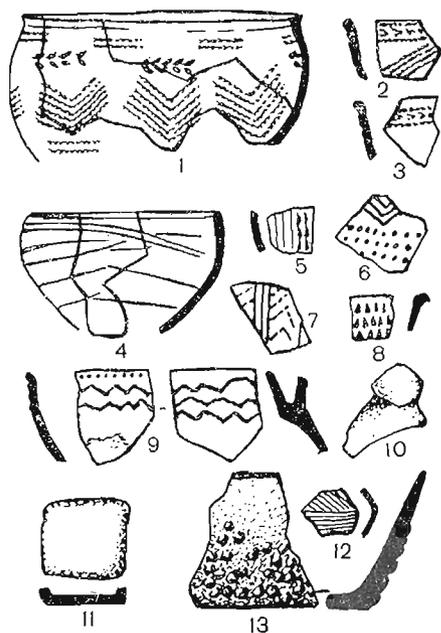

Рис. 121. Образцы керамики хмельницкой фазы из бассейна Ю. Буга, обнаруживающие черты хаманджийского и тордошского влияния.

емой нами тордошской. Ее представляют сосуды, изготовлявшиеся из промешанной глины, содержащей небольшое количество песка. Первый сосуд — широкооткрытая, прямостенная, плоскодонная миска с подлощенной внутренней поверхностью, лощеным снаружи венчиком, ниже которого имеется настоящий барботинный орнамент в виде небольших, примазанных в полужидком состоянии глины округлых выпуклостей (рис. 121, 13). Второй сосуд, вроде высокой банки (сохранилось дно и небольшой участок стенок), имеет совершенно своеобразный характер. Это, по-видимому, плоскодонный, прямоугольный в плане кубок, с прямыми стенками, постепенно расширяющимися кверху. Ребристые соединения дна со стенками, а также соединения стенок между собой чисто по-тордошски украшены короткими насечками (рис. 121, 11). Далее следует обломок интереснейшего «жертвенного столика», сохраняющего след округлой ножки, украшенного пластической головкой «козла».

Сходство всех этих находок со специфическими формами посуды, возникающими в период трансформации кереша в винча-тордошскую культуру, едва ли может вызвать сомнения¹⁶⁵.

Обращают внимание два черепка из серой, хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка. Первый фрагмент украшен тщательно выполненным текстильным орнаментом (рис. 121, 12). Второй принадлежит сосуду с бокастым туловом, украшен рельефным изображением сильно стилизованной, субромбической формы человеческой головы — мотивом, хорошо известным по винча-тордошским памятникам (рис. 121, 10)¹⁶⁶.

Называя описанную выше группу находок тордошской и в какой-то мере имея право видеть в ней свидетельство прямых заимствований и даже инфильтрации на Ю. Буг некоторой части носителей карпато-дунайской культуры, не следует забывать и о том, что именно в эту пору должны были вновь наладиться связи местного населения с древнеземледельческими племенами восточной части балкано-дунайского ареала. О большом количестве каналов, по которым эти связи осуществлялись, говорят также и материалы поселения Сандраки.

Следы неолитического или раннеэнеолитического поселения, обусловившего возможность выделения особого хмельницкого этапа развития буго-днестровской культуры, были установлены Е. Ф. Лагодовской случайно при раскопках позднетрипольского поселения, находящегося в ур. Пагурок около с. Сандраки Хмельницкого района Винницкой области¹⁶⁷.

Описываемая группа находок выделена нами при просмотре коллекций. Часть их, по сообщению Е. Ф. Лагодовской, залегала в переходном к лессу подпочвенном слое, ниже остатков позднетрипольского времени.

Собранный здесь материал включает несколько разновидностей мисок. В отношении состава массы они делятся на две главных группы: миски сравнительно толстостенные, с песком и растительной примесью в массе, и миски тонкостенные, сформованные из глины с большим содержанием песка. Имеются основания полагать, что какая-то часть этих сосудов первоначально имела высокие поддоны, подобно некоторым нетипичным сосудам из трипольского поселения Лука-Врублевецкая¹⁶⁸.

Сначала остановимся на изделиях из грубоватой глины с растительной примесью. Из их числа прежде всего отметим небольшую плоскодонную мисочку с подлощенным верхом и грубым барботинно намазанным орнаментом по тулову. Сосуд напоминает сходную форму из Сабатиновки I. Интересна глубокая миска с низкими плечиками. Снаружи и ниже среза венчика она украшена линией наколов, еще ниже — дву-

мя рядами горизонтальных линейно-врезанных зигзагов, а изнутри, в пределах той же части сосуда,— тремя зигзагами. К этому же технологическому типу посуды относится и группа черепков, представляющих собой обломки придонной части подобного же сосуда, украшенного крупным зигзагом, обрамленным снизу рядами наколов (рис. 39 1, 2; 121, 6). Заключает эту технологическую группу миска с высоким положением плечика (с загнутым внутрь венчиком). Поверхность ее тщательно сглажена и украшена неглубоко проглаженным линейным орнаментом (рис. 121, 4).

Следующую, численно меньшую, группу составляют фрагменты тонкостенных мисок с незначительной примесью мелкого песка. Они принадлежат разновидности мисок, отличающихся некоторой выпуклостью стенок, плавностью и низким положением плечиков. Лучшее сохранившийся сосуд имеет утонченный, едва намеченный отогнутый наружу венчик.

В отношении техники нанесения орнамента этих сосудов может быть охарактеризован как скорописно-накольчатый (*stichband Ornament*). Характерные элементы композиции: непрерывные или прерывистые горизонтальные ленты под венчиком и ниже плечиков, а также зигзаг, непрерывный или состоящий из последовательного ряда сложных шевронов, размещенный по средней части тулова (рис. 121, 1—3).

В качестве ближайшей аналогии называем сходные по технологическим признакам обломки тонкостенных мисок из верхнего слоя местонахождения Гайворон-Полижок (рис. 121, 5, 8).

Необходимо отметить, что культурную самостоятельность и хронологическое положение всех этих, немногочисленных еще в бассейне Ю. Буга, памятников подтверждает наличие близких аналогий на Среднем Днестре: Перебыковцы¹⁶⁹, Большая Мукша, группа «импортов» из Луки-Врублевецкой¹⁷⁰ и Наславча¹⁷¹.

На днестровских материалах нам еще придется остановиться подробнее как в заключительной части настоящей главы, так и в главе, рассматривающей вопросы историко-культурных связей и хронологии, особенно там, где речь пойдет о формах взаимоотношений, существовавших у населения буго-днестровской культуры с племенами Низового Подунавья и прилегающих районов Прикарпатья.

ПЕРВЫЕ ПАМЯТНИКИ НА ДНЕСТРЕ И ИНГУЛЕ

Еще совсем недавно в границах средней и нижней частей днестровского бассейна, на территории, буквально заполненной трипольскими памятниками, поселения неолитического возраста

и того типа культуры, который генетически увязывается с трипольской культурой, известны не были.

Вряд ли нуждаются в особом опровержении построения Е. Ю. Кричевского, который считал дотрипольскими сомнительные материалы из Дарибан и др.¹⁷², или те якобы «кампинийские» памятники, трипольский возраст которых недавно был окончательно доказан Т. С. Пассек¹⁷³.

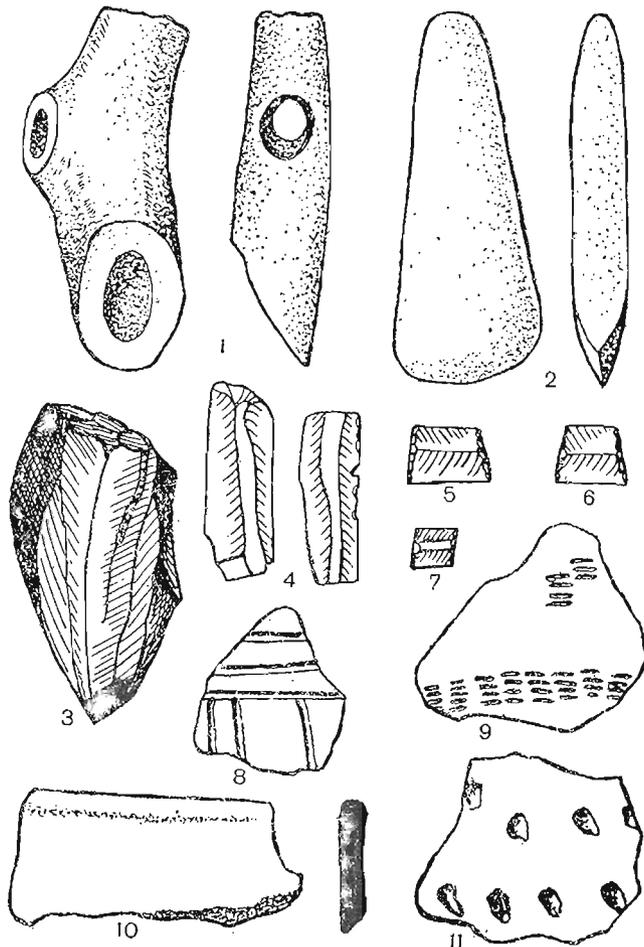

Рис. 122. Буго-днестровская культура. Находки из района с. Сороки на Днестре. По данным В. И. Маркевича.

Правда, здесь отмечено немало памятников так называемой дунайской культуры линейно-ленточной керамики. Но и они уже не значатся под рубрикой «дотрипольских».

Наиболее значительными для Поднестровья памятниками исследуемого типа культуры, раскопки которых дали право говорить уже не о бугской, а о буго-днестровской дотрипольской культуре, являются в настоящее время поселения, находящиеся на правом берегу Днестра, у районного центра Сороки.

Раскопки, начатые здесь несколько лет назад В. И. Маркевичем, показали исключительную близость керамики этих памятников к мате-

риалам целого ряда фаз развития буго-днестровской культуры.

Собранный здесь археологический материал исключительно близок к бугскому: микролитический кремь с довольно большим количеством трапеций (рис. 122, 3—7), мотыги из рога оленя с продольной постановкой рабочей части (рис.

тым орнаментом, но изготовленных из глины с примесью крупных растительных волокон и толченых раковин.

Последнее обстоятельство наталкивает на мысль о том, что когда на Ю. Буге в самчинское время протекал процесс глубокой деградации местной культуры, на Днестре культура

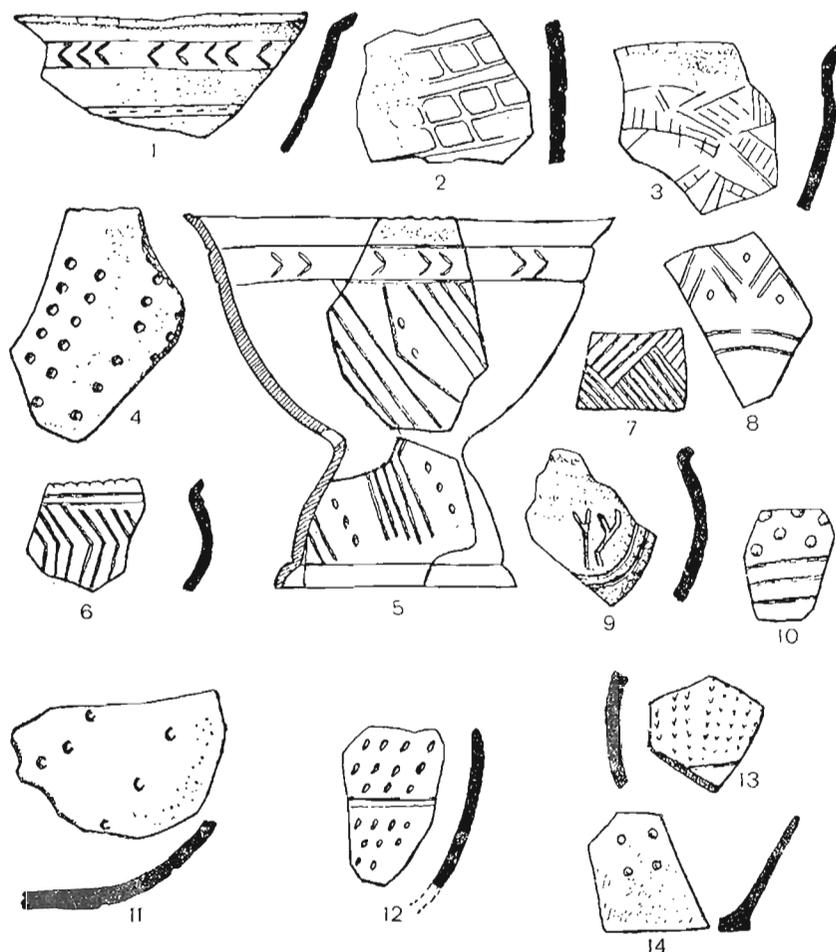

Рис. 123. Фрагмент керамики хмельницкого типа со Среднего Днестра.
1—10 — Лука-Врублевцакая; 11 — Мукша; 12 — Перебыковцы; 13 — Наславча.

122, 1). Важны находки узкообушных каменных топоров (рис. 122, 2). Интересна посуда, украшенная рядами грубоватых наколов, оттисками совершенно самчинской гребенки (рис. 122, 9), а также хорошо известные по Ю. Бугу линейно-геометрические композиции (рис. 122, 8). Особо отмечаем обломок миски, сохраняющей роспись, близкую к росписи из нижнего слоя поселения Соколы VI (рис. 61).

Обращают на себя внимание две интересные особенности местной глиняной посуды — распространенность орнамента в виде линий, составленных из грубоватых наколов (рис. 122, 11), а также наличие сосудов с самчинским гребенча-

печерского типа, хотя и в видоизмененном виде, продолжала существовать.

Называем ряд более мелких и, в большинстве своем, весьма поздних местонахождений и среди них местонахождение, расположенное на правом берегу Днестра, близ с. Большая Мукша, открытое П. И. Борисковским еще в 1945 г. Археологические находки сопровождалась раковинами *Unio*. В числе находок — небольшое количество фрагментов посуды и кремней. Посуда представлена закругленным донцем чаши полусферической формы, украшенным двумя рядами крупных наколов (рис. 123, 11). Кремь представлен разбитыми гальками, небольшими нук-

леусами для отщепов, кремневым узколезвийным резакон, скребком* овальной формы и пр.

Далее приводим краткие характеристики двух местонахождений, открытых А. П. Чернышем.

Первое местонахождение было обнаружено еще в 1950 г. близ с. Перебыковцы Заставновского района Черновицкой области. Культурные остатки выявлены в обрыве надпойменной террасы правого берега Днестра на глубине 2,4—2,8 см в прибрежных (аллювиальных, по мнению Черныша) отложениях. Слой с неолитическими остатками имел характер скопления раковин *Uplio* мощностью в 3—5 см, насыщенного небольшим количеством мелких фрагментов своеобразной лепной посуды и отдельными находками кремней. Фрагменты посуды изготовлены из желтоватой в обжиге глины с примесью якобы мелкотолченого жженого кремня. Обжиг слабый, что делает керамическую массу «мажущей», поверхности стенок сглажены, покрыты слоем отмученной глины — ангобом. Из форм посуды с известной достоверностью устанавливается глубокая, полусферической формы чаша, орнаментированная двумя рядами косопоставленных оттисков гребенчатого штампа, разграниченных широкой горизонтальной полосой (рис. 123, 12). Далее отмечаются остатки прямостенного сосуда, орнаментированного двумя полосами из оттисков скобочного штампа, скомпонованных в композицию наподобие так называемой рыбе́й чешуи или так называемого кардиумного штампа. Любопытна находка грубой продолговатой круглодонной чаши типа жаровни.

Кремневый инвентарь невелик — несколько небольших нуклеусов для отщепов и пластин, резец и пр. Здесь же найдена половина округлого орудия из сланца, по форме близкого к гранито-гнейсовым дискам Надпорожья¹⁷⁴.

Второе местонахождение — у с. Гордивцы Хотинского района Черновицкой области — довольно близко к описанному выше. В аллювиальных отложениях обрыва левого берега Днестра на глубине 2—2,4 м обнаружена прослойка раковин *Uplio*, сопровождающаяся небольшим количеством фрагментов керамики и обработанных кремней — небольших нуклеусов — призматических и неправильных дисковидных для отщепов, угловатых резцов, мелких скребков на коротких пластинчатых отщепках и др.

Посуда представлена мелкими, неорнаментированными фрагментами. Керамическая масса содержит мелкий песок, цвет ее в обжиге желтый. Из форм посуды установлена лишь небольшая широкооткрытая прямостенная мисочка (рис. 123, 14)¹⁷⁵.

Следы совсем уже позднего неолитического местонахождения, вероятно непосредственно предтрипольского, находятся в районе известного раннетрипольского поселения Лука-Врублевцакая. Речь идет о группе своеобразных керамических изделий, отнесенных С. Н. Бибиковым к числу импортов из дунайско-тисского ареала¹⁷⁶.

Очень показательны фрагменты нескольких широкооткрытых чаш с выгнутыми наружу короткими венчиками. Фрагменты украшены резанными лентами, заполненными насечками, наколами или елочками, соединенными в сложные угловатые композиции (рис. 123, 1, 3, 4), а также сетчатым, линейным проглаженным орнаментом (рис. 123, 2).

Особенно важно подчеркнуть присутствие настоящих поддонов (рис. 123, 5), что дает основание предполагать бытование ваз на ножках.

В целом, собранный здесь материал довольно близок к происходящему из района с. Сандраки (рис. 121, 1—4, 6, 9).

Последним, вероятно не менее близким к Сандракам, местонахождением на Днестре являются следы поселения у с. Наславча Атакского района Молдавской ССР, где была найдена часть круглобокой миски, украшенной типичным сочетанием линий и наколов (рис. 123, 13)¹⁷⁷.

Малый объем и скромность содержания приведенного выше очерка, посвященного первым памятникам буго-днестровской культуры на Днестре, в немалой степени отражает уровень полевых исследований, направленных на выявление памятников в этом важнейшем и интереснейшем районе. Работает в этом направлении, по существу, один лишь В. И. Маркевич.

В самые последние годы памятники буго-днестровской культуры были обнаружены к востоку от Ю. Буга. Во-первых, следует назвать поселение с савранским слоем близ с. Ново-Розановка, в бассейне р. Ингула, раскопанное О. Г. Шапошниковой в 1967 г.; во-вторых, импортный сосуд, найденный Д. Я. Телегиным в нижнем ярусе Никольского могильника на Днепровских порогах (рис. 120, 1).

* Не опубликованы.

БУГО-ДНЕСТРОВСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Обоснование правомочности выделения любой археологической культуры должно базироваться на стабильных, а не на случайных признаках. К этой же мысли склоняются многие другие исследователи¹.

Между тем в вопросе выделения культур все еще имеют место элементы случайности, указывающие на то, что методологический эклектизм и в этой части историко-археологических исследований все еще существует.

Прежде всего необходимо остановиться на наиболее распространенных критериях выделения археологических культур. В числе их называем главные: территориальный и описательно-археологический.

Примером культур, выделенных на недостаточном последовательном использовании территориального критерия, могут быть трипольская, керешская, старчевская, комаровская, подгорцевская, чернолесская и многие другие. Непоследовательность здесь проявляется в том, что по прошествии некоторого времени после выделения культуры возникает необходимость расчленения последней на ряд новых культур или вариантов, принципиальное различие между которыми до сих пор удовлетворительно разъяснено не было.

В этом смысле, говоря о всем понятных темах триполья, старчева и кереша необходимо назвать: арюшдскую, кукутенскую, киево-софиевскую, городскую, усатовскую и даже старчевскую или керешскую культуры или варианты.

Примером культур, выделенных на основании описательно-археологического критерия, могут служить такие этнокультурные образования, как культура линейно-ленточной керамики, которая подразделяется многими исследователями на волютовую и накольчатую... культуры². То же следует сказать и о культуре гребенчато-накольчатой керамики (ныне днепро-донецкая), археологическая стройность керамического комп-

лекса которой оказалась нарушенной присутствием особого периода с преобладанием линейно-проглаженного орнамента. Возникнув при подобном использовании этого же критерия, продолжают существовать и такие культуры, как древнеямная, расписная, шнуровая или многоваликовая и др.

Между тем ясно, что определения первого и второго типа нередко имеют переходящий характер и, как таковые, должны уступать место более точным историческим определениям, вытекающим из завершенных исследований. Речь идет об исследованиях, признаком завершения которых является выяснение конкретных форм отражения в археологическом материале таких звеньев этнического развития, как род — племя — этнос, определенных в реальных масштабах, приурочиваемых к точно очерченным хронологическим периодам и к конкретным территориям. Из сказанного следует вывод о необходимости уточнить понятие археологической культуры, не подменяя в нем историко-этнические признаки экономическими, этнографическими или идеологическими.

Нет необходимости доказывать историческую, а не этнографическую и, тем более, не расовую (биологическую) природу подлинно этнических, т. е. исторических, категорий.

Однако здесь необходимо объяснить мысль, касающуюся различий между историческим и этнографическим, так как нам могут сказать, что в общественном развитии все, в конечном итоге, исторично. Под историческими категориями в исследуемом плане мы понимаем такие явления, которые на конкретном этапе истории общества являются высшими, т. е. руководящими звеньями общественного развития. Так, например, в процессе непосредственного этногенеза, т. е. во времена сложения народностей, такая категория, как племя, из исторической категории уже превращается в этнографическую, в то время как в племенном периоде род был явлением этнографического порядка.

Для археолога установление грани между этнографическим и историческим является делом исключительно трудным ввиду того, что археологический источник не всегда дает данные, необходимые для исторического синтеза. К примеру, общеизвестно, что с помощью этого источника можно судить о территории, занятиях, идеологии, физических особенностях людей конкретных коллективов древности, но, как правило, нельзя судить об их языке.

Именно в этой связи значительная часть языковедов убеждена в том, что прерогатива решать вопросы этнической истории принадлежит исключительно языковедению, а отнюдь не археологии³. Нам кажется, что время споров на подобную тему уже прошло, так как целесообразность комплексного исследования этногенетических вопросов подтверждена не только положениями марксистско-ленинской теории, но и тупиком археологической буржуазной науки, которая в последние годы вообще отходит от проблем этнической истории и ограничивается описанием и систематизацией древностей.

В то же время для советского археолога не подлежит сомнению тот факт, что археология потеряла бы свое значение, если бы она из науки о древних человеческих коллективах превратилась в науку о древних или даже древнейших вещах. Оговариваемся, что мы далеки от намерения игнорировать вещи — этот, по существу, единственный источник археологии. Мы лишь подчеркиваем необходимость историзма в изучении этих вещей, т. е. подчеркиваем необходимость обращаться с ними как со свидетельствами давно ушедшей, но все же полнокровной человеческой жизни. Иными словами, все, что является предметом исторического материализма, является также предметом исследования археологической науки, если по-настоящему применять законы исторического материализма для изучения жизни отошедших в глубь истории поколений.

Итак, посредством изучения разнообразного археологического материала мы стремимся изучить и производственные силы, и производственные отношения в их развивающемся, обуславливающем прогресс противоречии или, иными словами, изучить как явления базиса, так и явления надстройки.

Исходя из необходимости комплексного подхода к оценке археологической культуры как предмета исторического исследования, мы предлагаем рассматривать в качестве ее руководящих признаков следующее: хронологическое положение, территория и явления зональности, население, экономическое развитие, в частности развитие, предполагающее наличие экономической взаимосвязанности определенных групп населения, уровень технического развития, обществен-

ная организация, формы идеологического развития, состав культуры и, наконец, языковая принадлежность.

Археологическая культура — предмет палеоэтнографического исследования. Если исходить из того, что этнография является наукой о своеобразии народа племени, рода и пр., то археологическую культуру следует понимать как этноисторическую, племенную в основе категорию, получающую отражение в конкретном, не повторяющемся на других территориях и в другие периоды сочетания форм производства, быта и духовного развития.

Будучи историческим, т. е. преходящим явлением, археологическая культура отражает собой сравнительно кратковременный этап конкретных линий этнического развития.

В обстановке территориального роста неизбежен процесс филиации культуры, и она во взаимодействии с соседними культурами начинает утрачивать свои первоначальные качества, перестает в этнокультурную область, а затем — в этнокультурный массив.

Глоттогоническое и этнокультурное развития не совпадают. Зависимость последнего от развития материального и духовного производства более непосредственная, в то время как языковое развитие отличается большей устойчивостью, хотя также зависит от развития материального и духовного производства и, наконец, от этнокультурной и, следовательно, языковой активности конкретных групп населения. Так, например, буго-днестровская и трипольская культуры, будучи продуктами различных эпох — неолитической и энеолитической, уже только по этой причине не могут быть явлениями адекватными и должны рассматриваться как различные культуры. Последнее обстоятельство отнюдь не предполагает языкового различия, если, конечно, население буго-днестровской культуры принадлежало к той же языковой группе, что и население триполья. Археологическая культура, будучи явлением историческим, развивающимся во времени, нуждается также в раскрытии присущей ей системы периодизации и относительной хронологии.

СИСТЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ БУГО-ДНЕСТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Буго-днестровская культура охватывает все хронологическое протяжение неолита — от мезолита до начала медного века.

В системе абсолютной хронологии буго-днестровская культура была синхронной высоко развитым культурам Восточного Средиземноморья и его периферии — древнейшим земледельческим культурам Старого Света (середина VII — середина IV тысячелетия до н. э.).

Ранний неолит в рамках буго-днестровской культуры представлен по меньшей мере тремя типами памятников — бескерамическими горизонтами заньковецкого поселения на Ю. Буге и Сорокского поселения на Среднем Днестре, нижними слоями поселений на Базьковом и Митьковом островах.

Поскольку ни на одном из стратифицированных памятников не было отмечено последова-

керамический, а не докерамический неолит, мы тем самым не исключаем возможности существования глиняной посуды и на рассматриваемом этапе развития культуры, представленной бескерамическими горизонтами обоих памятников — Сорок и Заньковцы. Исходя из того, что оба эти горизонта были перекрыты керамическими горизонтами, которые давали материал отнюдь не моложе керешского возраста, следует думать, что возраст обоих этих памятников докерешский. В то же самое время нет оснований возводить барьер между ними и позднейшими мезолитическими памятниками типа Гребеников на Днестре⁴ или поселения у Березовской ГЭС на Южном Буге. Такое сопоставление не противоречит характеру имеющегося здесь комплекса кремневых изделий, представленного микролитическими скребками, пластинками, архаическими трапециями и сопоставимого с инвентарем докерамических горизонтов Бельга⁵, Каменной Могилы⁶, Таш-Аира⁷ и др.

Следует, однако, подчеркнуть, что и Заньковцы и Сороки находятся на надпойме, т. е. в тех же геоморфологических условиях, в которых находятся такие раннекерамические комплексы, как нижние слои Базькова и Митькова островов и даже нижний слой поселения Соколы II.

Для раннего неолита с керамикой присутствуют две фазы: скибенецкая, — представленная нижними слоями стратифицированных поселений Базькова и Митькова островов Винницкой обл.; соколецкая — нижним слоем стратифицированного поселения у с. Соколы, нижним слоем поселения Сороки I в Молдавии, а также нижним слоем поселения у с. Печера.

На ранненеолитический возраст названных выше керамических поселений указывают по меньшей мере три обстоятельства: 1) залегание археологических остатков в основании надпоймы в толще переходного сероватого суглинка, перекрытого желтым делювиальным суглинком; 2) очевидное доминирование в комплексе архаической остродонной, содержащей в массе примесь толченых раковин и крупные растительные волокна, глиняной посуды; 3) залегание нескольких культурных пятен с подобной посудой ниже слоя с плоскодонной керамикой (керешского типа) на Митьковом острове.

Мы рассматриваем керамические памятники скибенецкой и соколецкой фаз в общем подотделе раннего неолита, т. е. вместе с бескерамическими памятниками, так как все хронологическое протяжение местного раннего неолита в целом характеризует более или менее единообразный кремневый инвентарь микролити-

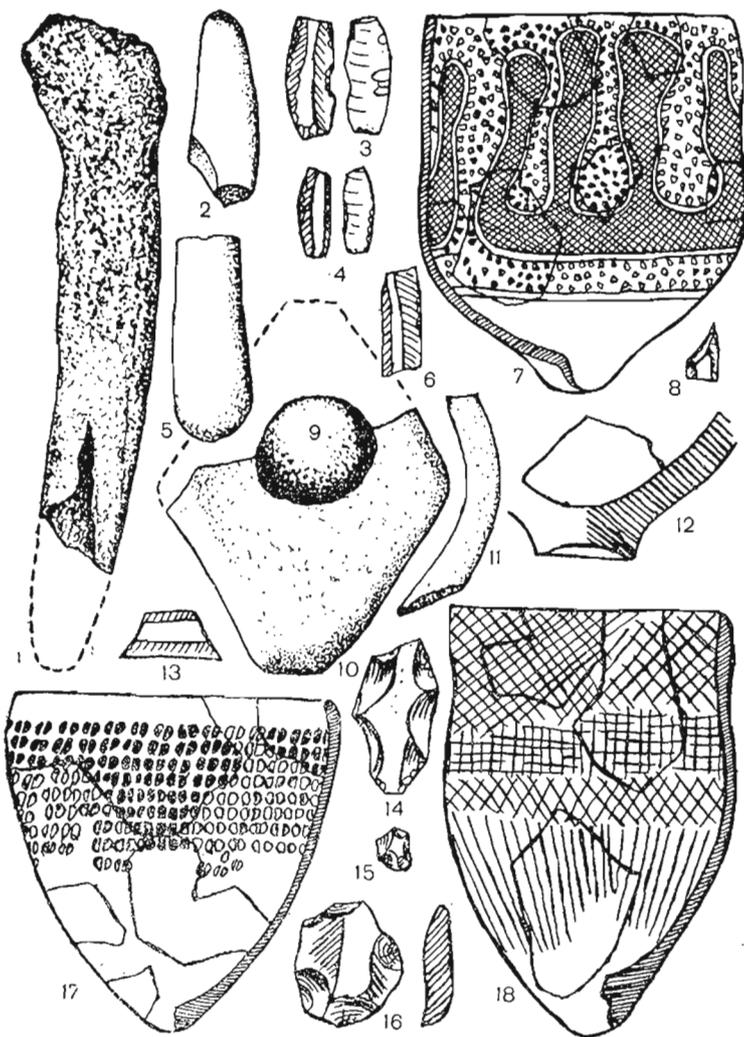

Рис. 124. Буго-днестровская культура. Комплекс скибенецкой фазы.

тельного залегания материалов всех шести фаз, выделение их не лишено момента логической реконструкции, что в первую очередь касается хмельницкой фазы, хотя в целом предлагаемая схема опирается на данные многих взаимно дополняющих стратифицированных поселений.

Коротко коснемся вопроса о бескерамическом неолите, который в развитии исследуемой культуры в определенном смысле предваряет шесть характеризующих ниже фаз. Говоря бес-

ческого облика (рис. 124, 3, 4, 6, 8, 13—16; 125, 1), несколько разновидностей киркообразных мотыг (рис. 124, 1; 125, 6), одинаковые ножи из клыка кабана (рис. 124, 11), а также остатки небольших наземных жилищ с каменными очагами и ямами для отбросов. Малопоказательны в хронологическом отношении и изделия из камня, например топоры (рис. 124, 2), песты и курганы (рис. 124, 5, 9) и, наконец, небольшие зернотерки ромбической формы (рис. 124, 10). Совсем по-иному следует сказать о наиболее показательной группе археологического инвентаря — о глиняной посуде. Так, например, если на протяжении скибенецкой фазы безраздельно господствовали глубокие прямостенные остродонные горшки, а сосуды с плоскими донцами (рис. 124, 7, 12, 17, 18) встречались изредка, то в материалах нижнего слоя поселения Соколы II преобладали остродонные горшки S-видного профиля (рис. 125, 5), а глубокие прямостенные горшки эволюционировали в менее глубокие сосуды — миски (рис. 125, 7, 9). Особо следует подчеркнуть появление бомбообразных сосудов, имеющих небольшое плоское донце (рис. 125, 10), а также серолощенных кубков, изготовленных из хорошо отмученной глины (рис. 125, 8), т. е. форм, возникших под средиземноморским или, говоря точнее, под балкано-дунайским влиянием. Менее показательны в хронологическом отношении такие группы инвентаря соколецкой фазы, как изделия из кремня (рис. 125, 1, 3), точила из камня (рис. 125, 2), костяные острия (рис. 125, 4) и др.

Приведенные выше данные позволяют думать, что ранненеолитический период в развитии местной культуры был достаточно продолжительным. Для памятников его начала характерны связи с местным мезолитом и продвинувшимся с востока кукрекским культурным комплексом, далее наступил период доминирования остродонных сосудов также восточного происхождения и, наконец, период дальнейшего автохтонного развития, осложненный внешним западным влиянием, проявившимся в распространении серолощенной посуды, указывающей на средиземноморско-балканские связи.

Для развитого неолита различаются две фазы: — печерская и самчинская. Печерская фаза (рис. 126, 1—39) представлена целым рядом памятников, среди них поселения Печера, нижний керамический слой поселений Шимановское,

Заньковцы, Соколы I и VI, Глинское, средний слой поселения на о-ве Митьков и ряд меньших пунктов из Винницкой области, а также соответствующие части стратифицированных местонахождений Мельнична Круча и Гайворон-Полжок в Кировоградской области. Самчинская фаза также представлена целым рядом памятников, среди которых заслуживают быть отмеченными два поселения у с. Самчинцы, ряд

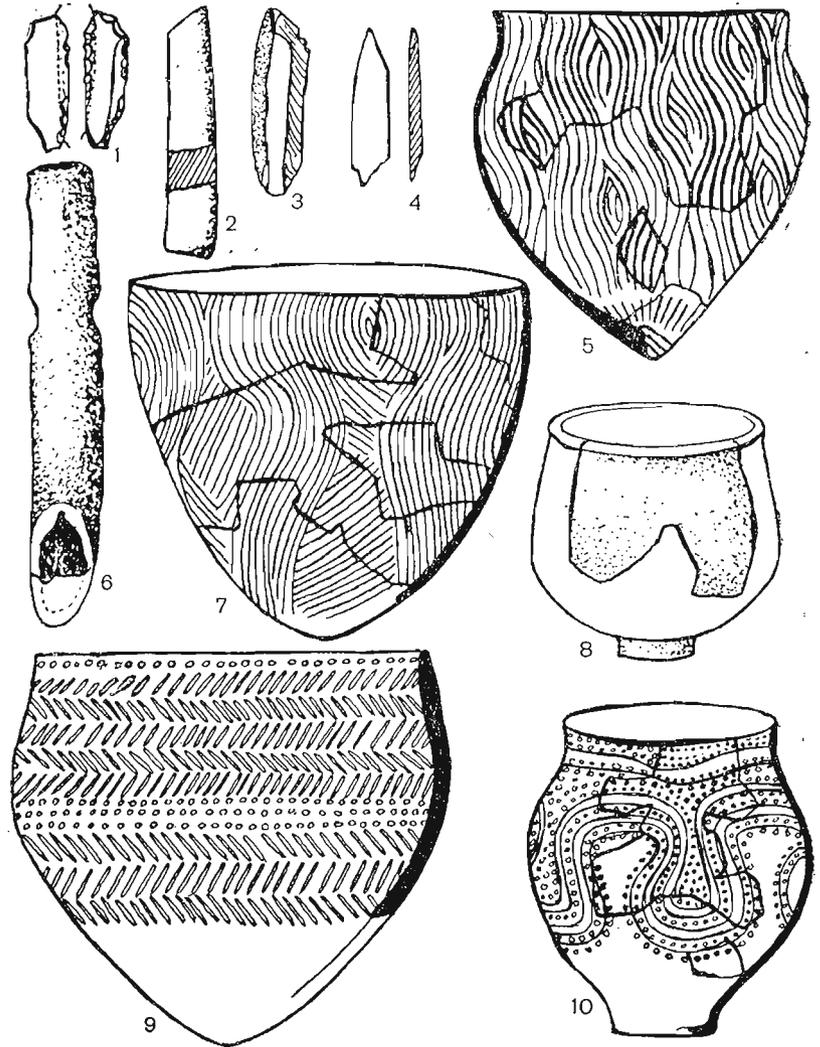

Рис. 125. Буго-днестровская культура. Комплекс соколецкой фазы.

комплексов на поселении Соколы I, верхний слой поселения Соколы VI, слои на поселениях Заньковцы, Шимановское, Глинское, Базьков и Митьков острова и ряд менее значительных местонахождений в Винницкой, Кировоградской, Одесской и Николаевской областях. Вероятно к этому времени относится небольшой могильник у с. Прибугское (Ак-Мечетка).

Не подлежит сомнению, что переход местной неолитической культуры на средний этап разви-

тия в основном базировался на автохтонных процессах, в силу чего получают дальнейшее развитие элементы, составляющие специфику местной культуры, возникшие еще в предшествующую раннеолитическую пору. Сохраняют свое значение наземные жилища с каменными очагами, сопровождающиеся ямами для отбро-

клыков кабана (рис. 126, 14), каменные бруски для их затачивания (рис. 126, 11); получают распространение молоты-киянки из рога оленя (рис. 126, 3), костяные наконечники стрел игольчатой формы (рис. 126, 13), наконечники дротиков со срезанным насадом (рис. 126, 12), полировальники для обработки глиняной посуды (рис. 126, 10) и др.

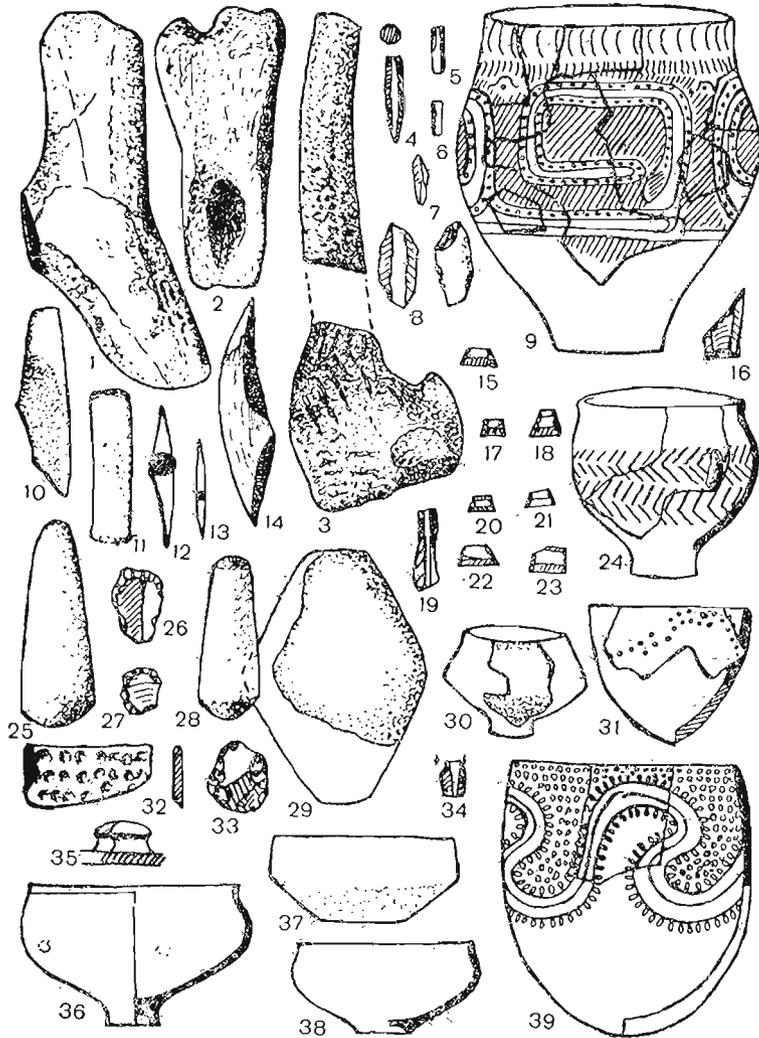

Рис. 126. Буго-днестровская культура. Комплекс печерской фазы.

сов. По-прежнему существуют киркообразные мотыги из рога оленя (рис. 126, 1), но уже появляются мотыги с поперечной постановкой лезвия, сделанные из обрезков трубчатых костей (рис. 126, 2), техника обработки кремня достигает совершенства (рис. 126, 4—8, 15—23, 26, 27, 33, 34). Обилие так называемых карандашевидных нуклеусов (рис. 126, 4) и микропластинок (рис. 126, 5, 6) указывает на развитие микровкладышевой техники. Неизменны в своем характере небольшие зернотерки (рис. 126, 29), песты (рис. 126, 25, 28); удерживаются ножи из

В очевидной связи с предшествующей порой развития культуры находятся горшки S-видного профиля и глубокие миски (рис. 126, 31, 39), которые, как и прежде изготовлялись из глины с примесями раковин и грубых растительных волокон*. Сохраняются и орнаментальные композиции. В одном случае это достигающая совершенства и изысканности криволинейная ленточная композиция (рис. 126, 9, 39), в другом — простая линейно-геометрическая композиция, являющаяся продолжением прежних вертикально-зигзаговых схем, исполняемых теперь довольно неряшливо (рис. 126, 24). Значение обеих названных выше линий развития орнамента глиняной посуды неодинаково. Первая отражает специфику местного развития и достигает апогея на раннем этапе развитого неолита, вторая, также имеющая глубокие местные корни, переключается, и, как увидим, не случайно, с теми приемами орнаментирования глиняной посуды, которые широко применялись в старчевско-керешском ареале раннеземледельческой культуры.

Целый ряд новых элементов материальной и духовной культуры указывает на то, что начиная с печерского времени буго-днестровская культура органически смыкается с южноевропейской, т. е. старчевско-керешской зоной земледельческой культуры. Признаки культурной консолидации, как и следовало ожидать, проявлялись, прежде всего, в тех новых элементах, которые характеризовали развитие местной глиняной посуды. В этой связи следует подчеркнуть широкое распространение настоящих плоскодонных сосудов — бомбовидных и плечистых горшков (рис. 126, 9, 24, 32), ребристых мисок, изготовляющихся из глины традиционного состава (рис. 126, 37), а также красноватых, серых и черных мисок, ваз, кубков с

* Керамическая масса подобного специфического состава на протяжении всей печерской фазы применялась не только для изготовления этих традиционных форм посуды, но и для производства других, появляющихся именно на этом этапе развития посуды, плоскодонных горшков и мисок (рис. 126, 9, 24, 37).

высокими поддонами (рис. 126, 30, 36, 38), многоручных фляг, изготовлявшихся из отмученной глины. Следует подчеркнуть широкое распространение неорнаментированных сосудов с подложенными стенками, а также сосудов, украшенных врезанным линейно-геометрическим орнаментом. Появляются пластические добавления и украшения к посуде — поддоны, ручки, шишечки и напелные валики (рис. 126, 9, 36, 38, 35). Примечательно широкое распространение пальцево-защипного орнамента (рис. 126, 32), а в редких случаях — (Сокольцы VI, Сороки) бурой росписи*.

О культурной консолидации со старчевско-керешским ареалом говорят и культовые статуэтки, изображающие женское божество, изготовлявшиеся из различных пород камня (мергель и даже горный хрусталь).

О заключительной поре развитого неолита, отвечающей самчинской фазе развития буго-днестровской культуры, придется сказать значительно меньше, ибо представляющие этот период археологические материалы отличаются от печерских подчеркнутым упрощением материальной культуры и меньшим числом ее признаков.

Комплекс производственных орудий этого времени едва ли претерпел сколько-нибудь заметные изменения. Следует подчеркнуть, что в составе кремневого инвентаря, по-прежнему сохраняющего микролитический характер, получает широкое распространение особая форма геометрических вкладышей — трапеции с ассиметричными сторонами. Подобные орудия иногда имеют небольшие выемки на меньшей из сторон, что в целом позволяет видеть в них прототип наконечников стрел геометризованной ромбической формы. Известны каменные топоры, ножи из эмали клыков кабана, появляются крючки-блесны, по-прежнему распространены киркообразные мотыги. Характер глиняной посуды можно объяснить заметным усилением влияния племен днепро-донецкой культуры. На Ю. Буге именно в это время бесследно исчезает посуда с примесью толченой раковины и грубых растительных волокон и ее место занимают прочные, сравни-

тельно тонкостенные сосуды, сформованные из глины, отощенной за счет примеси песка, тонко расчесанных растительных волокон, а иногда и графита.

В отношении форм наблюдается очевидное упрощение. Почти безраздельно господствуют круглодонные сосуды, широкогорлые и узкогор-

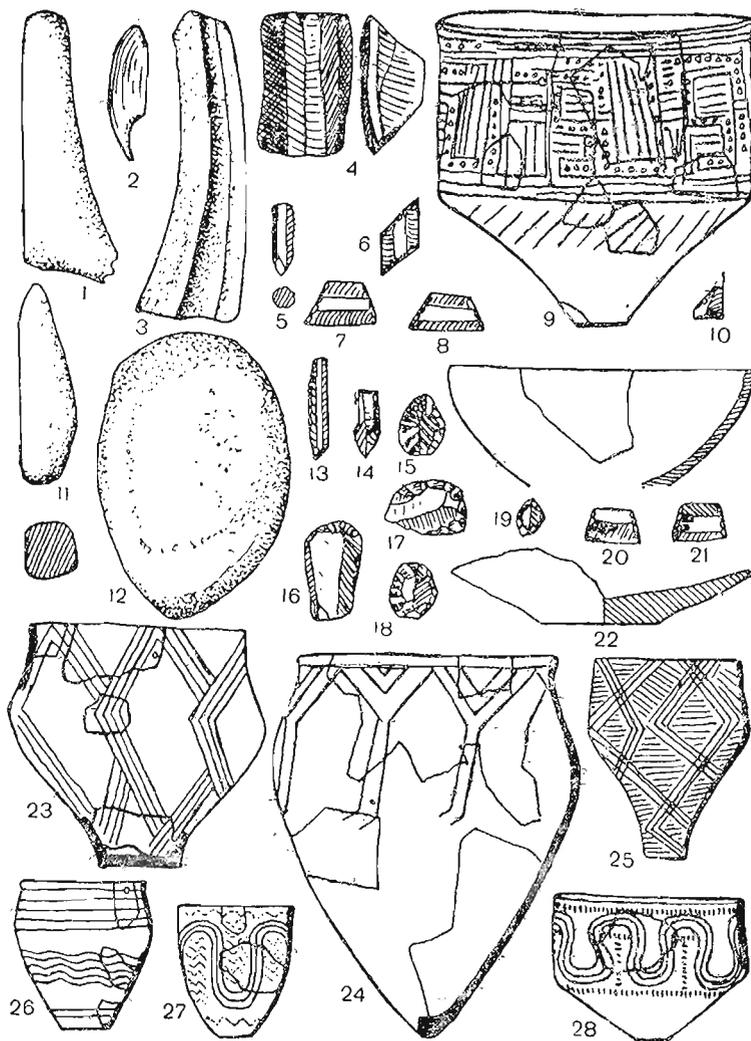

Рис. 127. Буго-днестровская культура. Комплекс савранской фазы.

тые гошки S-видного профиля, глубокие чаши и, наконец, кубки.

По типу орнамента посуда этого времени резко распадается на две группы. Одни из сосудов украшены сложными линейными композициями, и являющимися прямым, хотя и упрощенным, продолжением традиционных орнаментальных схем. Другие — имеют орнамент совершенно иного характера, для которого очень типичны зональные композиции, состоящие из оттисков гребчатого или накольчатого штампа, неред-

* Сосуды с пальцево-защипным орнаментом на протяжении скибенецкой фазы почти неизвестны (один случай на Базьковом острове) и почти так же редки на протяжении соколецкой фазы (несколько сосудов на поселении Сороки).

ко чередующиеся с линейно-врезными зонами*. Особо следует отметить наличие импортной посуды с линейно-нотным орнаментом.

Поздний неолит в периодизационной схеме буго-днестровской неолитической культуры отвечает времени савранской (рис. 127, 1—28) и,

рядом меньших местонахождений в Винницкой области; поселениями Владимировка, Гард, Миколина Брояка и, наконец, рядом местонахождений в разных частях южнобугского бассейна.

Вторая поздненеолитическая — хмельникская фаза, по-существу, относится к рубежу неолита и медного века. Она представлена лишь фрагментарным материалом, собранным на местах древних поселений. На Ю. Буге это следы поселений у с. Сандраки, нижний слой трипольского местонахождения Сабатиновка I и следы обитания на стратифицированном поселении Гайворон-Полижок. На Днестре также выявлены следы поселений этого времени, среди которых можно назвать Большую Мукшу, Луку-Влублевецкую, Перебыковцы.

Оценивая изменения, происшедшие в позднем неолите в характере местной неолитической культуры, прежде следует отметить черты преемственной связи памятников поздненеолитического возраста с памятниками самчинской фазы. Вместе с тем необходимо подчеркнуть факт своеобразного восстановления тех традиционных черт культуры, которые зародились еще в местном раннем неолите и получили развитие в материалах печерской фазы. Наконец, отмечаются специфические черты буго-днестровской культуры поздненеолитического периода.

В этом смысле сначала следует отметить черты преемственности, связывающие местные поздненеолитические памятники с памятниками предшествующего — самчинского времени. Если не придавать особого значения сохранению микролитичности кремня (рис. 127, 4—7, 13—21) и переживаниям традиционных типов земледельческих орудий, наличию ножей из эмали (рис. 127, 2), каменных пестов и зернотерок (рис. 127, 11, 12), на преемственную связь с предшествующей фазой более всего указывают остродонные горшки S-видного профиля (рис. 127, 24), сохраняющие прежний состав керамической массы и иногда украшенные отрисками гребенчатого и накольчатого штампов.

В качестве главного признака восстановления традиционных черт культуры прежде всего следует назвать вторичное распространение плоскостной посуды (рис. 127, 22, 23, 25—28) и почти безраздельное господство линейно-проглаженного орнамента (рис. 127, 9, 23—28).

Ассортимент глиняной посуды этой поры достаточно разнообразен — широкооткрытые чаши с ребристыми или выпуклыми стенками (рис. 127, 9, 28), ребристые сосуды с воронковидным низом (рис. 127, 25), банки (рис. 127, 27), а также кубки. Посуда украшена сложной криволинейной композицией, нередко сопровождающаяся отрисками гребенчатого штампа (рис. 127, 27, 28); следует подчеркнуть появление двух новых

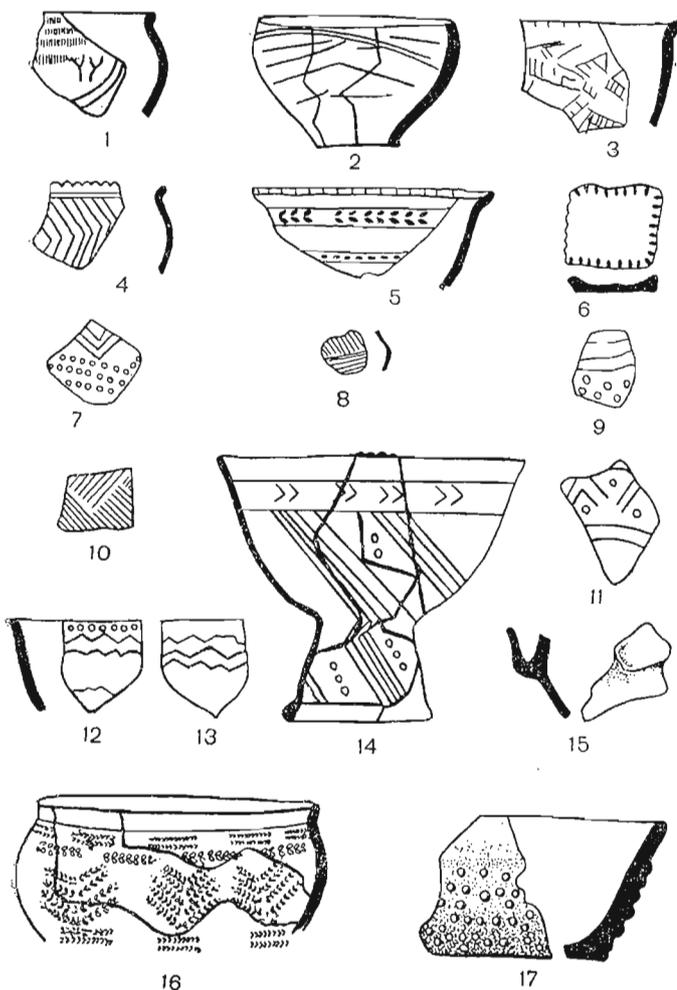

Рис. 128. Буго-днестровская культура. Комплекс хмельникской фазы.

отчасти, хмельникской фазам (рис. 128, 1—17). Первая из них — савранская поздненеолитическая фаза (помимо савранского поселения с погребениями) — представлена верхними слоями поселений Базькова и Митькова островов, поселе-

* Нельзя утверждать, что применение гребенчатого штампа является неотъемлемой атрибуцией посуды только этого периода. Отриски простого двузубого штампа sporadически встречаются и на более древней посуде, например на сосудах, относящихся еще к скибенецкой и печерской фазам. Однако такая посуда здесь не составляет численно заметной группы, в то время как посуда с гребенчатым орнаментом в самчинское время составляет численно преобладающую группу глиняной посуды всех без исключения поселений.

особенностей орнамента этой поры: широких проглаженных каннелюр, составляющих ленточную основу рисунка (рис. 127, 27), а также довольно широко распространившуюся угловатую композицию, заменившую криволинейную, основу которой составляет сложный шеврон с некоторыми дополнениями (рис. 127, 23) или меандр (рис. 127, 9).

Особо, главным образом для позднейших (хмельникских) памятников, необходимо отметить широкое употребление накольчатых композиций, имеющих характер шевронов, углов и различных других фигур. Важно также указать на присутствие в хмельникское время композиций, состоящих из линий и нанизанных на них подтреугольных наколов.

Не подлежит, впрочем, никакому сомнению факт, что начавшийся в савранское время процесс восстановления традиционных форм развития культуры, происходивший, прежде всего, за счет развития групп населения, в меньшей степени испытывавших воздействие днепродонецких племен, вместе с тем не был простым процессом возрождения старого; он происходил в обстановке возрождения балкано-дунайской ориентировки культурно-экономических связей.

О прогрессе культуры в целом говорит тот факт, что в савранское время появляются довольно крупные, возможно, уже двухкамерные прямоугольные в плане жилища с каменными очагами, с такими же фундаментами, но, вероятно, со стенами с плетеным каркасом.

Не менее показательны широко распространенные костяные клиновидные наконечники мотыг со скошенно-поперечной постановкой рабочей части (рис. 127, 1, 3). Такие орудия не пригодны для освоения целины и, очевидно, предназначались для обработки уже пахавшейся земли.

Почти не испытала изменений на протяжении всего неолита такая группа инвентаря, как кремневые изделия. Сохраняя в целом все еще микролитический характер, кремневый инвентарь савранской фазы значительно крупнее, чем в предшествующее время.

В этом смысле очень показателен кремь одного из наиболее поздних памятников исследуемой культуры — поселения Миколина Брояка (Черный Ташлык), среди которого уже встречаются крупные пирамидальные и призматические нуклеусы и соответствующие им по размерам ножевидные пластинки (рис. 113, 3, 13). Скребки, изготовлявшиеся из отщепов, еще полностью сохраняют свое значение, но они обычно крупнее, чем на более ранних памятниках. То же в отношении размеров следует сказать и о такой архаической группе кремневого инвентаря, как трапеции, которые к тому же стали изготовлять из обломков крупных пластин,

что вызвало необходимость состругивания спинок. Давая общую оценку подобному комплексу кремневых изделий, следует заключить, что он ничем существенным не отличается от набора кремневых орудий таких древнейших трипольских памятников, как Флорешты⁸, Сабатиновка II⁹ и др.

Суммируя приведенное выше, можно сделать некоторые выводы относительно того, как развивался состав буго-днестровской неолитической культуры на протяжении всего периода ее существования.

Отмечая относительное единообразие производственного инвентаря, следует подчеркнуть развитие керамической части комплекса материальной культуры. В этом смысле местный ранний неолит характеризуется особенно архаическим типом глиняной посуды — шиподонными и остродонными горшками, сначала с прямыми и даже слегка загнутыми в верхней части стенками, а затем генетически с ними связанными формами сосудов типа глубоких мисок и горшков S-видного профиля. Те и другие в основном украшались проглаженными криволинейными и вертикально-зигзаговыми и реже линейно-врезанными и щипковыми ногтевыми композициями.

Учитывая существование всех этих форм глиняной посуды и присущего им орнамента также и на протяжении печерской фазы развитого неолита, которое к тому же дополнялось сохранением всех типов орудий производства, мы должны признать органическую связь трех первых керамических фаз местного неолита — скибенецкой, соколецкой и печерской, что, в конечном итоге, равно признанию прямой генетической связи между местной ранне-неолитической культурой и печерской фазой, уже относящейся к началу развитой поры неолита.

В то же время подчеркиваем, что даже первый период местного развитого неолита, т. е. печерская фаза, исходя из приведенных выше данных, характеризовалась усилением контакта с дунайско-балканскими культурами неолитической эпохи. В этом плане необходимо подчеркнуть такие элементы, как плоскодонные формы глиняной посуды¹⁰, защитный орнамент в схеме «колоса»¹¹, барботинный орнамент¹², лощеная монохромная посуда с поддонами¹³, общие формы культовой пластинки¹⁴, каменные «таблетки»¹⁵ и, главным образом на северной периферии этой области, сходные типы киркообразных роговых мотыг¹⁶.

Совершенно закономерно, что отдельные культуры обширной средиземноморско-причерноморской области обладали рядом глубоко своеобразных локальных черт. Уже отмечалось, что развивавшиеся здесь культуры следует рассматривать в плане по меньшей мере двух зон — северной, в какой-то степени придунайской, ок-

ватывающей керешские памятники Венгрии и Румынии, а также южной — балканской, охватывающей первичное ядро так называемой культуры расписной керамики, которое объединяет современные территории Греции, Фессалии, Македонии и, отчасти, Болгарии и Югославии.

Все в большей степени становится очевидным, что южная область была всеобщей начальной школой европейского земледелия и что ее южная часть находилась в прямом контакте с внеевропейским Восточным Средиземноморьем. Вполне очевидно, что буго-днестровская культура пещерской поры смыкается с более северной, т. е. с Придунайской керешской зоной, до недавнего времени считавшейся едва ли не древнейшей неолитической культурой балкано-дунайской части Европы¹⁷.

Отмеченное выше своеобразие пещерской фазы только подчеркивает частичную культурно-историческую обособленность начального периода местного развитого неолита и указывает на упрочение юго-западных, т. е., в конечном итоге, средиземноморских культурно-экономических связей.

Если под этим углом зрения рассматривать вопрос о раннем неолите, станет особенно заметен тот факт, что в ареале нижнедунайских и балканских земледельческих культур до сих пор не установлены такие комплексы материальной культуры, в которых бы преобладала остродонная и тем более шиподонная глиняная посуда, содержащая примесь толченой раковины в массе, т. е. нет раннего неолита выявленного нами облика. Это обстоятельство подкрепляет мысль о восточной, а не о западной локализации импульса, приведшего к возникновению первой глиняной посуды на Ю. Буге, вероятно, также на Днестре и даже западнее него.

К настоящему времени выяснено, что ареал с подобной посудой расположен к востоку от буго-днестровского и захватывает Днепро-донецкие пороги¹⁸, украинское Приазовье (Каменная Могила), Крым¹⁹, Нижний Дон²⁰ и, наконец, Прикаспий²¹.

По понятным причинам прежде всего следует определить хронологическое положение ранних звеньев этой культуры относительно старчевско-керешского комплекса, который в представлении многих исследователей до сих пор остается единственным и древнейшим в Южной Европе комплексом неолитической эпохи.

Следует, однако, помнить, что исследования последних лет существенно поколебали теорию о первородности этой культуры (поселения Аргиса, Отцаки Магула в Фессалии, где отложения с остатками типа Старчево-Кереш в сложной стратиграфической колонке занимают довольно уже высокое положение).

Нечто подобное в отношении хронологического положения культуры старчевско-керешского типа отмечается и в буго-днестровском ареале, где отвечающие ей отложения залегают неизменно выше отложений с остродонной посудой скибенецкого типа.

Таким образом, при уяснении путей сложения местной неолитической культуры становится очевидным необходимость учитывать не только юго-западный, собственно земледельческий компонент, но также и вклад носителей тех восточно-европейских охотничье-скотоводческих культур, которые хотя и начали исследоваться сравнительно недавно, уже и в настоящее время могут рассматриваться в качестве подосновы таких земледельческих культур, как буго-днестровская.

Совершенно иными оказались связи буго-днестровской культуры на заключительном (самчинском) этапе развитого неолита, который чисто по археологическим признакам можно назвать временем круглодонной керамики с гребенчатым орнаментом, а также, если исходить из фактов, установленных во время раскопок на Базьковом острове, временем контакта с племенами дунайской культуры линейно-ленточной керамики.

Несмотря на то, что культура гребенчатой и линейно-ленточной керамики (в данном случае речь идет о фазе так называемой нотной посуды) различны, ясно, что возникновение контакта между ними было обусловлено развитием северных связей: с одной стороны, связей с припятско-днепровскими районами, где в это время уже, несомненно, существовал культурно-исторический комплекс так называемой днепро-донецкой культуры; с другой — связей северо-западных — с Поднепровьем и Западной Волинью, где в это время в процессе расселения из Средней Европы в Северную началось проникновение дунайских племен культуры линейно-ленточной керамики.

В настоящее время становится все более очевидным, что проникновение элементов днепро-донецкой культуры в буго-днестровскую область отнюдь не было изолированным фактом. Это явление оказывается лишь частью более обширного процесса, охватывавшего значительные пространства Восточной Европы, и, вероятно, достигавшего глубинных территорий Балкан.

Таким образом, для установления хронологических эквивалентов самчинской фазы развития буго-днестровского неолита необходимо привлечение довольно обширного сравнительного материала, характеризующего днепро-донецкую культуру, культуру линейно-ленточной керамики и, наконец, локальные культуры Балканского полуострова.

Заключительная пора буго-днестровского неолита, представленная савранской и хмельнической фазами, в отношении состава культурного комплекса также представляет собой непростое явление. И все же савранский и хмельнический культурные комплексы, несмотря на присутствие в них пришедших издалека и уже испытавших многократное преломление сторонних элементов, представляют собой явления, возникшие в обстановке культурной стабилизации, захватывавшей сравнительно небольшой район

Выше уже отмечалось, что в составе савранского комплекса многое может быть объяснено за счет отмираний элементов самчинского времени и за счет своеобразной регенерации черт печерского культурно-исторического комплекса.

Так, например, может быть понято вторичное появление не менее 4—5 форм плоскодонных сосудов и восстановление сложного специфического криволинейного орнамента. Такое возрождение должно было происходить на вполне реальной основе, т. е. вследствие сохранения населением конкретной территории традиционных черт буго-днестровской культуры.

В силу понятных причин, особенно же учитывая экспансию племен днепро-донецкой культуры, столь очевидную для самчинской фазы, о северной окраине буго-днестровской ойкумены, как о районе ее эволюционного развития, говорить не приходится. Нечто подобное савранско-хмельническому комплексу отмечается на востоке — в области Днепровского Надпорожья. Однако здесь подобные элементы выступают в ослабленном виде и, несомненно, сами являются результатом западных влияний, т. е. именно тех процессов, которые происходили в среде самой буго-днестровской культуры. Тем интереснее отметить, что в балкано-дунайском ареале этого времени, где только закончилось передвижение, в среде племен культуры линейно-ленточной керамики возникали такие историко-культурные явления, как Бутмир²², Тордош-Винча²³, Караново III²⁴, Боян²⁵ и Хаманджия²⁶, сходные с позднейшими памятниками буго-днестровской культуры и с древнейшими памятниками Триполья, что уже само по себе делает очевидной необходимость при решении, казалось бы, локального вопроса о сложении конкретной археологической культуры привлекать материалы с обширных территорий.

ТЕРРИТОРИЯ И ЯВЛЕНИЯ ЗОНАЛЬНОСТИ

Область расселения носителей определенной культуры приходится учитывать как конкретную, определенным образом обособленную территорию, со всеми ее признаками — размерами,

очертанием, положением, рельефом, путями сообщения, климатом, почвами, минеральными ресурсами, растительным, животным миром и пр.

Принадлежащая носителям культуры территория, в силу действия естественного права, является законной коллективной собственностью конкретной общины²⁷. В определенном смысле можно сказать, что установление принадлежности территории конкретным коллективам соответствующих эпох является главным условием выделения археологической культуры как этно-исторической реальности родового, племенного или союзоплеменного масштаба.

На доминирование бугского ареала в буго-днестровской области прежде всего указывает то, что в отличие от Поднестровья, на Ю. Буге развитие этой культуры не прерывалось продвижением племен культуры линейно-ленточной керамики.

В настоящее время древняя территория буго-днестровской культуры представляет собой лесостепь с почвами черноземного типа²⁸.

Как это можно заключить на основании археологических данных, в неолитическое время эта территория входила в зону широколиственных лесов-дубрав, на которой открытые луговые пространства не занимали значительного места.

Дубравы изобиловали зверем — главным образом оленями и дикими кабанями, что делало их прекрасными охотничьими угодьями.

Открытые пространства, в частности такие, которые были пригодны для земледелия, представляли собой луговые участки берега или формирующегося в это время острова (в настоящее время — надпойма или высокая пойма). Обычно возделывались возникавшие близ порогов участки с плодородными лессово-иловатыми почвами, аккумуляировавшимися весной и осенью.

Топографическое положение «полей» обуславливало топографическое положение поселений, и они обычно устраивались на прибрежных участках или на островах надпойменного уровня.

Вполне очевидно, что долины рек этого времени отнюдь не представляли собой открытые пространства, сплошь занятые неолитическими полями. Имеются основания думать, что в неолите они были в значительной степени заняты лесами. Об этом, в частности, говорят кости бобра, встречающиеся на многих поселениях исследуемой культуры.

Поселения почти неизменно размещаются у порогов, что объясняется по меньшей мере двумя причинами. Во-первых, именно здесь быстрее, чем в других местах, образовывались прибрежные и островные отмели, превращавшиеся в участки луга и острова, т. е. в участки, использовавшиеся под мотыжные поля; во-вторых, припорожные районы были удобны для занятий рыбной ловлей.

Нечто подобное в отношении размещения поселений у порогов можно видеть на примере сурско-днепровской культуры²⁹. Однако, учитывая исключительно крупную роль рыболовства на днепровских порогах, легко догадаться, что участки территории, заключенные между порогами, для населения буго-днепровской культуры имели большее значение, так как использовались не только как охотничьи угодья, но и как полевые и огородные участки. Учитывая локализацию большинства местных поселений близ древних порогов, следует думать, что разграничительные участки между родоплеменными территориями находились на берегах и в свободных от порогов частях течения реки, где присутствовали какие-нибудь приметы³⁰.

И Днестр, и, особенно, Ю. Буг в силу большого количества порогов не представляли собой удобных транспортных артерий. Бассейн Ю. Буга из-за порожистости представлял собой основательно изолированную территорию, удобную для оседлой жизни и эволюционного развития культуры.

Однако действительность населения буго-днепровской культуры, зависевшая от естественных ресурсов речных долин, все же последними не ограничивалась. Доказательством этого прежде всего является факт размещения сходных памятников как на Ю. Буге, так и на Днестре. Уже это обстоятельство дает нам право ставить вопрос о большом значении идущих через водоразделы в какой-то мере сухопутных «рокадных» путей.

Исследуемая культура имеет близкие аналогии среди других земледельческих культур — культуры линейно-ленточной керамики, старчевской, керешской и других, не обязательно земледельческих. Речь идет об экономической заинтересованности древнего населения в освоении междуречья, что, в свою очередь, указывает на вхождение и этих обширных пространств в систему этнокультурных территорий.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что территория, занимаемая буго-днепровской культурой, отличалась исключительно благоприятными условиями для развития земледелия, охоты и рыбной ловли. Имелось здесь также достаточно строительных материалов — камень, лес, лоза, камыш, глина, песок и др.

Особо следует подчеркнуть, что в границах этой территории на Ю. Буге и, особенно, на Днестре имеется ценнейшее сырье первобытности — кремень.

Несколько слов следует сказать и о географическом положении территории, расположенной между Севером днепро-донецкой и Югом крымской культур, между Востоком скотоводческой сурско-днепровской культуры, имеющей созвучие в ряде культур, уходящих в степную

Азию, и Западом целого ряда средневропейских и южноевропейских древнеземледельческих культур, опиравшихся в своем развитии на Восточное Средиземноморье.

В заключение несколько слов следует сказать о вхождении буго-днепровской культуры в определенную историко-культурную зону.

Своеобразие микролитического кремневого инвентаря, изготовление характерных рубящих орудий не из кремня, а из кристаллических пород камня, особые формы культовой пластики, ряд форм и типов глиняной посуды и, наконец, присущий местной посуде стиль орнамента и прочее позволяют сблизить буго-днепровскую культуру с кругом таких южных культур, как сурско-днепровская, линейно-ленточная, старчевская и керешская. Уже отмечалось, что на разных этапах развития связи этой культуры с древними культурами перечисленных выше четырех историко-культурных областей были различными. Что же касается поры расцвета культуры и ее поздней поры, то она, определенно, смыкалась с явлениями южноевропейского, балкано-нижнедунайского ареала, что определяет ее как часть древнеземледельческой культуры периферии Большого Восточного Средиземноморья.

НАСЕЛЕНИЕ

Субъектом археологической культуры, иногда забываемым в формальных построениях, является население определенной области и определенной эпохи, способное в меру уровня экономического развития к конкретным, неизменно совершенствующимся приемам использования ресурсов данной территории. Население также характеризуется определенной численностью, плотностью и способами расселения, единообразием или конкретными формами смешения расового состава, определенным уровнем работоспособности, зависящим от условий жизни и физических возможностей сочленов первобытных общин, и др.

Данные о населении буго-днепровской культуры косвенно отразились в данных о плотности заселения территории, что выражается в наличии многих десятков небольших поселений, занимающих главным образом порожистую часть южнобугского бассейна, которые, как правило, состояли из единичных жилищ небольших размеров, пригодных для обитания в них парных семей.

Все это контрастирует с тем, что мы знаем об условиях жизни древних земледельцев Восточного Средиземноморья³¹ и Балкан, главным образом Средних и Восточных³², где памятниками прочной оседлости и до сих пор возвыша-

ются телли, образовавшиеся из многократно создававшихся на одном и том же месте глинобитных «пуэбло»³³. Только отчасти наши данные, возможно далеко не во всем полные, переключаются с данными о поселениях и жилищах старчевско-керешской культуры³⁴ и еще меньше — с представлениями о поселениях и жилищах культуры линейно-ленточной керамики, подлинный характер которых раскрылся в сравнительно недавнее время, когда наряду с поселениями с «ямами»³⁵ начали открываться большие поселки с крупными прямоугольными жилищами³⁶.

О физическом составе населения буго-днестровской культуры мы почти ничего не знаем, так как до сих пор располагаем сведениями лишь о нескольких небольших могильниках, включавших немногие скорченные погребения. Хотя могильники и не дали сведений о расовых типах носителей культуры, все же указали на сходство присущего им погребального обряда с другими синхронными обрядами земледельческих культур Европы³⁷ и тем самым подчеркнули отличие буго-днестровской культуры от соседней днепро-донецкой, для которой типичны большие могильники с вытянутыми погребениями.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Исходя из общего характера предмета исследования — археологической культуры, — в экономическом развитии нас интересует не столько определение уровня развития производства, сколько установление специфики совокупности приемов и способов получения средств существования и их использования.

В плане чисто археологическом речь идет об изучении всего арсенала производственного инвентаря, фаунистических и флористических остатков, а также и бытового инвентаря, что, в конечном итоге, дает возможность судить о двух основных сторонах экономического развития — об уровне технических достижений, а главное, о своеобразии приемов получения средств существования.

Уровень технического развития буго-днестровской культуры на основании анализа археологического материала выяснен в достаточной степени. Поскольку под таким уровнем мы прежде всего понимаем способы изготовления основных средств производства, особое внимание следует уделить тем сторонам материальной культуры, которые больше других говорят о месте исследуемой культуры в историческом процессе.

В этом смысле буго-днестровская культура прежде всего должна быть охарактеризована как чисто неолитическое явление, т. е. что она

ни в какой форме не обнаруживает знакомства ее носителей с достижениями хотя бы примитивнейшей металлургии. Имеются основания думать, что в то время, когда население буго-днестровской культуры переживало раннюю и развитую пору неолитической эпохи, эра подлинной металлургии меди еще не наступила даже в передовых областях Восточного Средиземноморья.

Основу производства на Ю. Буге и на Днестре по-прежнему составляют кремневые орудия микролитических размеров, а техника расщепления и обработка кремневого сырья достигла здесь исключительно высокого уровня.

Из ведущих кремневых изделий следует назвать три типа нуклеусов — призматические, карандашевидные (рис. 129, 1—3), а также аморфные, предназначенные для получения отщеповых заготовок (рис. 129, 4). Из ножевидных пластинок, которые иногда употреблялись без всякой дополнительной обработки (рис. 129, 16, 17), изготовлялись ножи, скобели для выстигивания и затачивания различных костяных и роговых орудий (рис. 129, 10, 28), наконечники лучковых сверл (рис. 129, 18), проколки, наконечники стрел геометризованных очертаний (рис. 129, 5, 12). Исключительно редки резцы (рис. 129, 9, 20), прорезыватели, т. е. орудия, использовавшиеся для вырезания пазов в костяных и деревянных оправках (рис. 129, 19), а также вкладыши геометрических (рис. 129, 8, 21) и пластинчатых форм (рис. 129, 7). Следует думать, что среди пластинок, не имеющих признаков специальной обработки, находятся и вкладыши для серпов. Точное определение удалось дать им только в последнее время благодаря следам работы в виде специфической залощенности (рис. 129, 11).

Из отщеповых заготовок изготовлялась, по существу одна, хотя и чрезвычайно многочисленная, категория орудий — скребки округлых очертаний, нередко отличающиеся подчеркнутой микролитичностью размеров (рис. 129, 6, 13, 15, 33, 34).

Суммируя сказанное о кремневом инвентаре, следует подчеркнуть, что почти все составляющие его элементы имеют предшественников в комплексах местных позднемезолитических памятников вроде Гребеников³⁸, архаико-неолитических памятников — вроде Синюхин Брод, а также органическое продолжение в наборе микролитических кремневых орудий таких древнейших трипольских памятников, как Флорешты³⁹, Гайворон или Сабатиновка II⁴⁰.

Особую группу составляют теслообразные орудия из рога, кости клыка кабана, крепившиеся под углом к рукояти и применявшиеся для обработки дерева (рис. 129, 26, 37), молотки-киянки из оленьего рога (рис. 129, 29). Очень

много на всех поселениях ножей из эмали кабаньих клыков (рис. 129, 32).

В условиях буго-днестровского неолита группа каменных орудий, предназначенных для обработки дерева, выявилась еще недостаточно

и бюккской⁴², так и в составе инвентаря земледельческих культур средиземноморско-черноморского ареала Сескло-Старчево-Кереш-Караново, что, в частности, указывает на западные связи исследуемой культуры⁴³.

Уровень технического развития культуры в неменьшей степени, чем описанные выше рубящие орудия, характеризуют изготовлявшиеся орудия из рога и кости и предназначавшиеся для обработки почвы (рис. 129, 22, 23, 35, 38; 130, 1—16, 18, 19). И хотя существует мнение о бытовании мотыг еще в позднем палеолите⁴⁴, мотыги буго-днестровской культуры настолько многочисленны и типичны, что, как и глиняная посуда, свидетельствуют о наступлении неолитической эпохи.

Речь, прежде всего, идет о крупных мотыгах, изготовленных из рога благородного оленя, имеющих сверленное отверстие посредине, обычно на месте срезанного отростка, тупой обухок, часто со следами забитости, возникшей при разбивании комьев почвы, а также острую вертикально ориентированную рабочую часть (рис. 129, 22; 130, 1—9, 18—19). Очень редки мотыги с двумя рабочими краями — поперечным и продольным (рис. 129, 23; 130, 6).

Кайлообразные мотыги буго-днестровской культуры, будучи чрезвычайно архаичными, несомненно, возникли на основе функционально сходных орудий доземледельческого периода. Так, например, подобные орудия известны в комплексах маглемозско-эртебелльской культуры⁴⁵, в составе инвентаря до некоторой степени родственной с ней культуры воронковидных кубков⁴⁶, в инвентаре неолитических памятников Крыма⁴⁷, а также в составе материальной культуры керешской⁴⁸, гумельницкой⁴⁹ и трипольской культур. Показательно, что в инвентаре культуры линейно-ленточной керамики они встречаются пока лишь в восточной части ареала (рис. 130, 17). Едва ли с орудиями этого типа связаны мотыги позднепалеолитического времени, изданные П. П. Ефименко⁵⁰, П. И. Борисковским⁵¹, С. А. Семеновым⁵². Не отрицая существования землекопательных орудий еще в позднем палеолите, мы не можем признать в названных орудиях мотыги уже хотя бы по причине присутствия на них тонких гравированных украшений⁵³.

Прообраз кайлообразных мотыг естественно видеть в клиньях типа Лингби⁵⁴, появляющихся к концу палеолита в Днепровском Надпорожье⁵⁵ и на Среднем Днестре⁵⁶, что в конечном итоге может быть оценено как указание на распространение их во всем пространстве причерноморской части Восточной Европы.

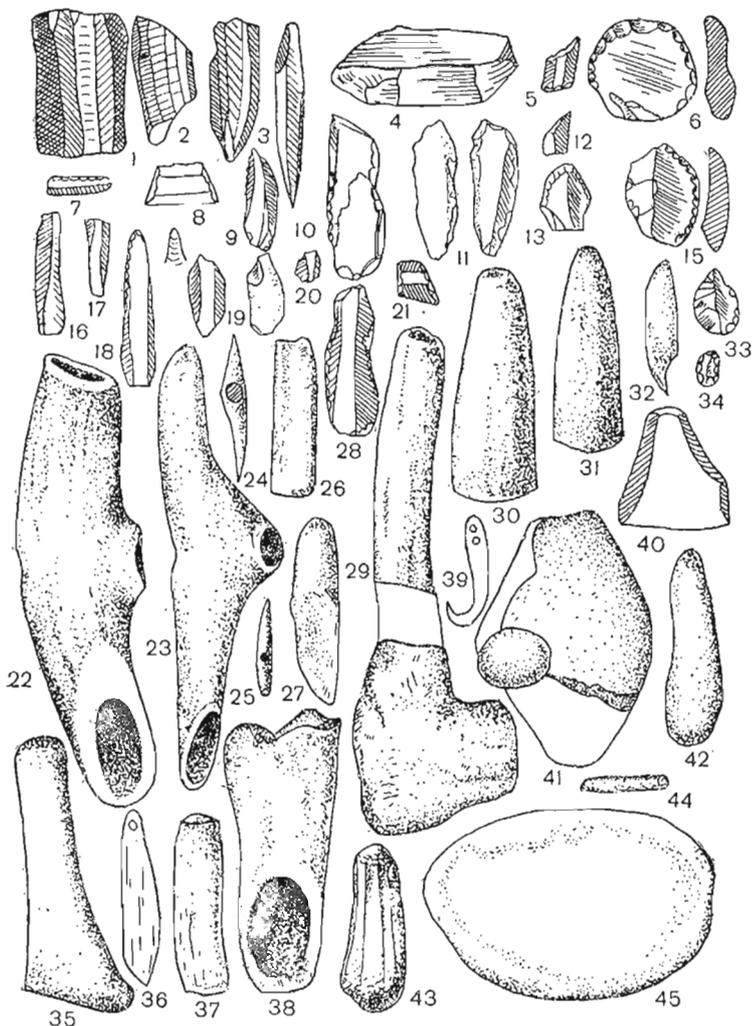

Рис. 129. Комплекс орудий производства буго-днестровской культуры.

полно. Из числа находок, обнаруженных в Побужье, называем два топора с Мельничной Кручи (рис. 129, 30), топор с Миколиной Брояки (рис. 129, 40), клин в виде башмачной колодки, происходящих из с. Перешоры Одесской области, а также топоробразные орудия из галек с Базькова острова и из Печеры. Лучшее дело обстоит на Днестре, где В. И. Маркевичу удалось найти серию каменных тесел овального сечения (рис. 129, 31).

Все названные выше орудия деревообработки имеют близкие аналогии как в комплексах дунайских культур — линейно-ленточной керамики⁴¹

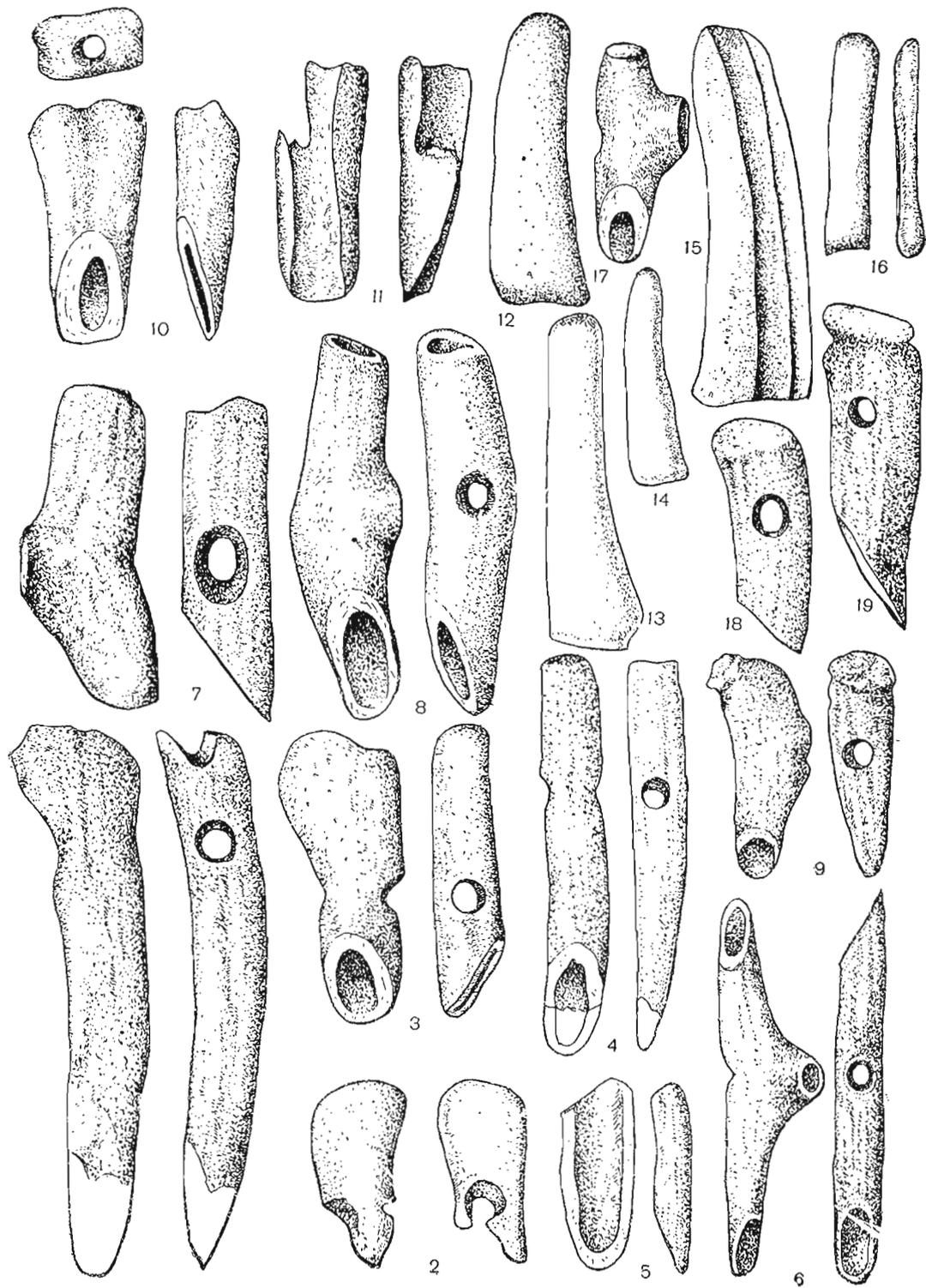

Рис. 130. Мотыги буго-днестровской культуры различных типов.

Принципиальное сходство между клиньями типа Лингби и буго-днестровскими мотыгами прежде всего заключается в продольной постановке рабочей части, что объясняется рубяще-скалывающим эффектом орудия. Таким образом, и клинья Лингби, и буго-днестровские мотыги мы склонны рассматривать как землекопательные, киркообразные орудия, но не как орудия для рыхления уже поднимавшейся почвы.

Второй тип буго-днестровских мотыг представляют собой орудия с поперечной постановкой рабочей части, изготовлявшиеся из нерасщепленных обрезков крупных трубчатых костей. Рабочая часть таких орудий формировалась на срезанной части заготовки, в то время как на плоскостях суставов делалась круглая сверлина. Насколько об этом можно судить по находкам на Митьковом острове, подобные орудия в буго-днестровском ареале появляются не раньше начала развитого неолита, точнее, в печерское время. Формально они значительно ближе к обычным мотыгам (рис. 129, 38; 130, 10, 11).

Довольно близкие аналогии подобных орудий имеются в прибалтийских эртебелльских комплексах⁵⁷. Их же отдаленно напоминают тесловидные орудия из инвентаря сурско-днепровской культуры, где они, однако, не имеют сверлин и изготовлялись не из целых, а из разрезанных вдоль трубчатых костей⁵⁸. Очень архаичным, известным по Прикаспию прототипом подобных орудий могут быть долота из оленьего рога, изданные Куном⁵⁹. Не исключена связь между ними и растительным собирательством.

Особенно интересны костяные мотыги, появившиеся в позднюю пору развития буго-днестровской культуры и потеснившие описанные выше оба типа орудий. Наконецники мотыг савранского времени изготовлялись из продольных заготовок, вырезанных из крупных трубчатых костей. Это плоские, очень длинные орудия с узким обушком и подчеркнута широкой, скошенной в одну сторону лопаткообразной рабочей частью (рис. 129, 35; 130, 12—16).

Рабочая часть таких орудий, будучи плоской и широкой, пригодна для работы на почве, лишенной дернового слоя. Вместе с тем ассиметричность рабочей части, обеспечивающая сильное выступание одного из углов, говорит о том, что и подобные орудия в какой-то мере предназначались для преодоления более плотной заросшей поверхности. В пользу этого говорят следы повреждения на выступающем углу рабочих частей орудий. В то же время, исходя из подчеркнутой ширины рабочей части инструмента, приходится думать о возможности использования их также в условиях примитивной ирригации, неизбежной в условиях полуголодного приречного земледелия.

Из приведенных выше данных о характере орудий, предназначавшихся для вскапывания и рыхления почвы, можно сделать вывод сначала об очень низком, а затем о заметно возросшем уровне развития передовой, в условиях буго-днестровской культуры, отрасли хозяйства — мотыжного земледелия.

В пользу этого предположения говорят пока и немногочисленные находки кремневых пластинчатых вкладышей для жатвенных ножей, отмеченные для соколецкой и печерской фаз, сменившихся несколько позднее серпами карановского типа (рис. 125, 1, 3; 129, 11). В том же смысле красноречивы и находки миниатюрных зернотерок — на протяжении скибенецкой — печерской фаз характерной ромбической формы, а затем, начиная с самчинской фазы — обычной овальной формы (рис. 129, 41, 45; 132, 1—14). О существовании ступ говорят каменные песты (рис. 129, 42, 43).

Если по экономической эффективности мотыжное земледелие на Ю. Буге, на Днестре и не могло состязаться с охотой, оно все же было наиболее прогрессивной отраслью экономического развития.

Населению буго-днестровской культуры была известна и другая отрасль первобытного воспроизводящего хозяйства — скотоводство. По экономическому значению оно стояло ниже земледелия.

В составе фаунистического комплекса, где неизбежно присутствуют кости оленя и кабана, кости домашних животных — быка, свиньи и собаки — в целом редко превышают 5% от общего количества фаунистических остатков.

В противоположность скотоводству самое примитивное мотыжное земледелие, и даже растительное собирательство, нуждалось в особых инструментах — в землекопательных орудиях и в орудиях обработки земли, а для уборки урожая — сначала в прямых жатвенных ножах вроде натуйфийских (рис. 131, 12)⁶⁰, а затем в кривых вкладышевых серпах вроде карановских⁶¹.

К натуйфийским ножам близки соответствующие орудия из Фаюма в Египте (рис. 131, 4), Джейтуна в Туркмении (рис. 131, 3), Сосуко на Северном Кавказе (рис. 131, 6) и из крымского Таш-Аира (рис. 131, 5). Жатвенные ножи сурско-днепровской культуры отличаются наличием двух вкладышевых лезвий (рис. 131, 7, 8).

Кривые серпы карановского типа хорошо известны (рис. 131, 10, 11). Будучи по преимуществу южноевропейской формой, подобные серпы все же имеют несомненные прототипы в неолите — энеолите Восточного Средиземноморья (рис. 131, 9).

Несмотря на то, что выше давалось истори-

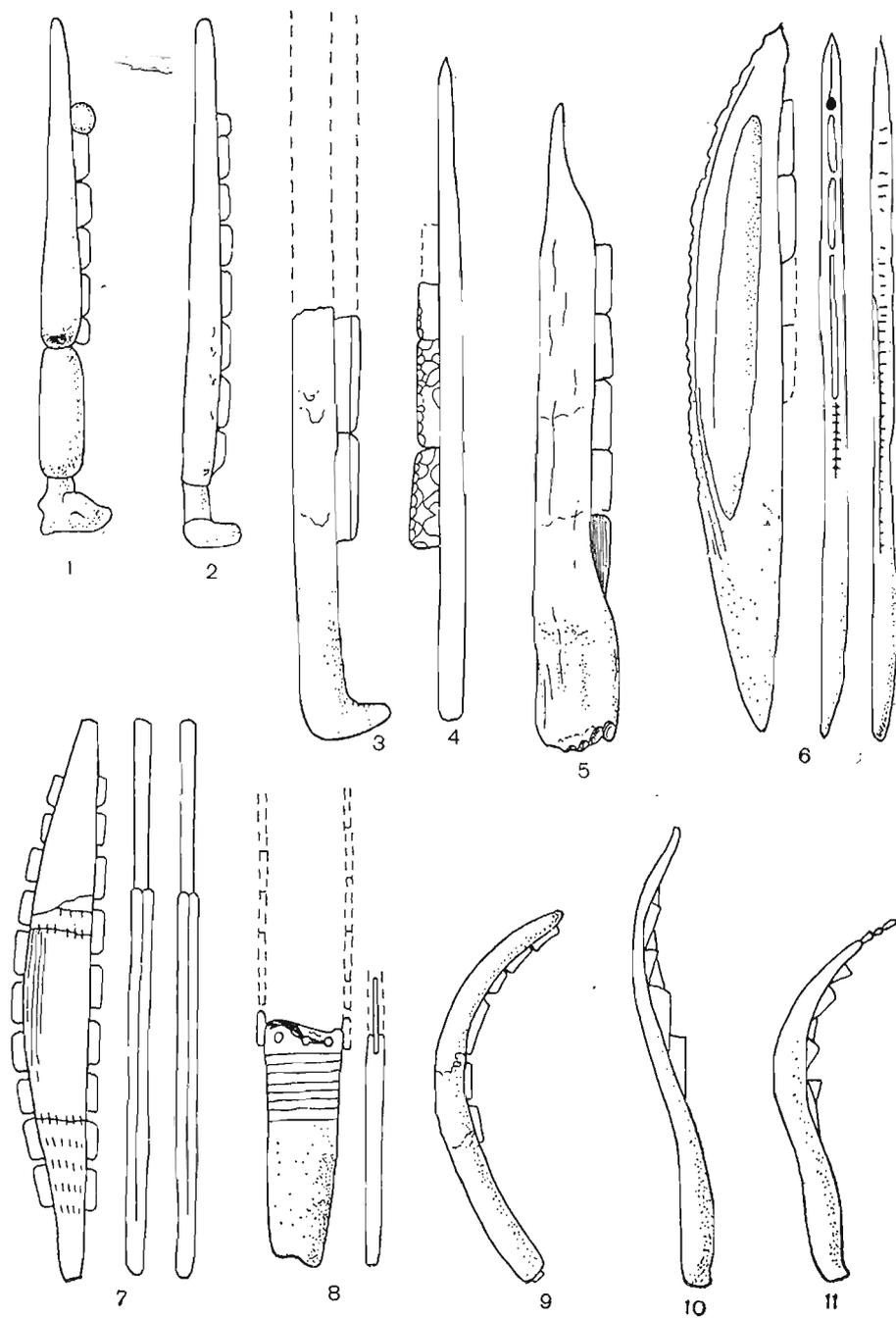

Рис. 131. Ножевидные и изогнутые серпы.

1, 2 — натуфийская культура Палестины; 3 — часть ножевидного серпа из джейтунского комплекса, Туркмения; 4 — ножевидный серп из Фаюма, Египет; 5 — серп из Таш-Аира, Крым; 6 — ножевидный серп из позднемезолитического комплекса грота Сосруко, Северный Кавказ; 7, 8 — серпы сурско-днепровской культуры; 9—11 — изогнутые серпы карановской культуры, Болгария.

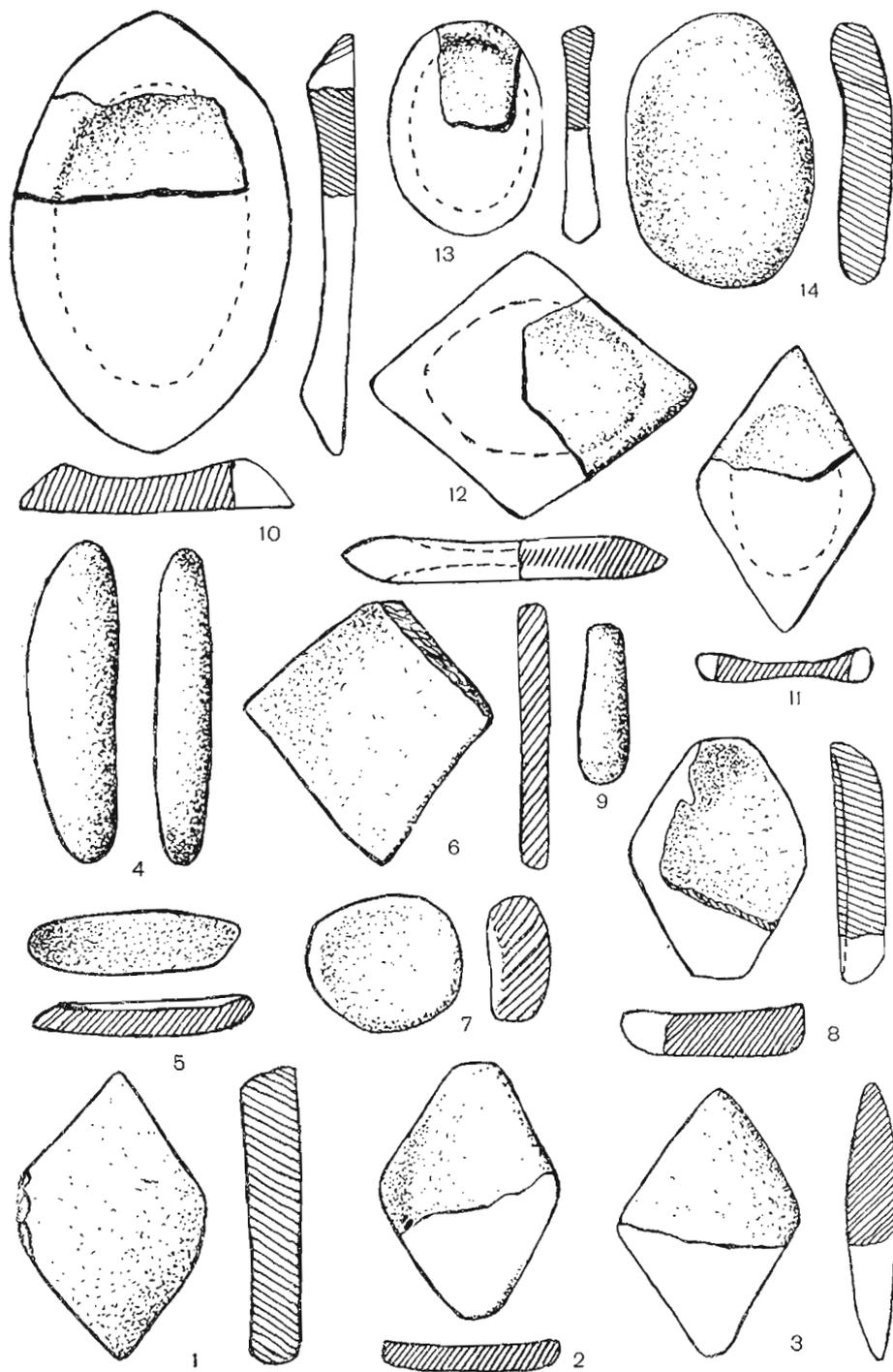

Рис. 132. Зернотерки буго-днестровской культуры.

ко-экономическое сопоставление скромных достижений носителей буго-днестровской культуры в области развития скотоводства с достижениями других культур, уже сейчас целесообразно привести некоторые сравнительные данные (см. табл. 1).

К сожалению, мы не можем сопоставить уровень развития этой отрасли хозяйства с тем, что в рассматриваемом плане дают другие земледельческие культуры Европы, например дунайская или старчевско-керешская. Серьезные исследования по вопросу об экономическом развитии этих культур в специальной литературе все еще отсутствуют. Имеющиеся фрагментарные данные по старчевско-керешской культуре позволяют думать не о слишком большом удельном весе скотоводческой отрасли хозяйства в экономическом развитии этой земледельческо-скотоводческой * культуры⁶².

В отношении уровня развития скотоводства буго-днестровская культура представляет собой известного рода противоположность неолиту Приазовья. Так, например, для различных архайко-неолитических слоев поселения у Каменной Могилы было зафиксировано более 80% костей домашних животных, главным образом быка.

Из этого сравнения можно сделать вывод о том, что буго-днестровская культура находилась уже за пределами зоны активного развития и, тем более, сложения неолитического скотоводства.

В смысле определения рубежа между древним земледельческим и скотоводческим ареалами Европы показателен тот факт, что к западу и югу от Приазовья — в областях сурско-днепровской и крымской культур — удельный вес скотоводства резко падает. На Днепре в составе неолитических комплексов костей домашних животных было обнаружено около 50%, а в Крыму их не более 25% от общего количества фаунистических остатков.

Доминирующую роль охоты и незначительность роли скотоводства в системе экономического развития буго-днестровской культуры легко объяснить тем, что скотоводство не могло конкурировать с охотой, развивавшейся здесь в исключительно благоприятных условиях.

Как уже отмечалось, в составе фаунистических остатков всех поселений буго-днестровской культуры безраздельно доминируют кости благородного оленя. Затем по численности остатков следуют кости кабана, косули и др. Кости

хищников и мелких животных встречаются значительно реже.

Местным условиям охоты, вероятно в целом носившей загонный характер, отвечает и специфический набор охотничьих орудий. Наиболее характерны изделия, изготовленные из кости и рога — роговые наконечники дротиков с косым срезом на насаде (рис. 129, 24), игольчатые наконечники стрел из кости (рис. 129, 25), а также ножевидные пластинчатые наконечники дротиков или кинжалы из того же материала. Из других охотничьих орудий назовем довольно редко встречающиеся микролитические кремневые наконечники стрел геометризованных очертаний (рис. 129, 5, 12). Попутно отмечаем, что костяные и кремневые наконечники стрел имеют аналогии в инвентаре других культур, находящихся в Средней⁶³ и Западной Европе⁶⁴.

Определенное место в системе экономики буго-днестровской культуры занимала рыбная ловля. Об этом говорит само топографическое положение большинства поселений — близ порогов и встречающиеся кости вырезуба. Весьма своеобразны изготовленные из эмали клыков кабана орудия, объединяющие в себе функции крючка и блесны (рис. 129, 39). Интересны костяные блесны овальной формы (рис. 129, 36).

Последняя отрасль хозяйства — собирательство — у населения буго-днестровской культуры имела довольно разветвленный характер. В археологических материалах она отразилась довольно односторонне — в виде часто встречающихся на площади древних поселений, особенно у жилищ, углублений, содержащих скопления раковин речного моллюска *Uplio*.

Из приведенных выше данных следует вывод о том, что с течением времени довольно уже сложное хозяйство буго-днестровской культуры должно было обусловить возникновение сравнительно благоустроенных жилищ, получающих отражение в комплексе материальной культуры.

Как видно из описания памятников, зафиксированные нами жилища в основном были представлены сравнительно небольшими однокамерными, а иногда, возможно, и двухкамерными постройками, в основном наземного типа. Они имели каменные очаги, а также стены, состоящие из оплетенного деревянного каркаса, обмазанного глиной. Для позднего этапа развития культуры отмечено появление жилищ с камнем в фундаменте. Исходя из сравнительных данных, а также из редких находок обожженной глины, можно допустить ограниченное использование примитивного самана. Мы говорим ограниченное потому, что широкое применение этого строительного материала неизбежно приводило к возникновению «пуэбло» —

* Как сообщил венгерский коллега О. Трогмайер, исследовавшие им керешские комплексы давали до 40% костей домашних животных, преимущественно мелкого рогатого скота

«теллей», следов которых мы не имеем ни для буго-днестровской культуры, ни даже для смеившего ее Триполья.

Как о том говорят находки гнезд от столбов, сделанные в Саврани — на углах и в центре жилой конструкции, жилища буго-днестровской культуры имели двускатные кровли, чем отличались от многих жилищ древнейшего Переднего Востока, где нередко встречались плоские кровли⁶⁵, но перекликаются с типами жилищ древнеземледельческих культур Средней⁶⁶ и особенно Южной Европы⁶⁷, не исключая и трипольскую культуру⁶⁸.

Особо подчеркиваем сходство с восточнобалканской — карановской культурой, которая дает формы бытовой архитектуры, близкой к реконструируемому буго-днестровским и трипольским жилищам.

К числу бытовых орудий прежде всего следует отнести ножевидные пластинки с ретушью или без нее, употреблявшиеся при разделке туш животных, резании кожи, ремней, а также при заострении костяных и деревянных острий и стержней, размягчении сухожилий и др. На значение округлых кремневых скребков значительно уже — выделка шкур и кож, шедших на изготовление теплой одежды и обуви. В связи с последними необходимо поставить костяные проколки и шилья, не менявшие своего характера на протяжении всего периода их существования — с начала позднего палеолита⁶⁹ и до палеометаллической эпохи⁷⁰.

Не следует, впрочем, думать, что одежда и обувь населения буго-днестровской культуры были настолько же примитивными, как и в позднем палеолите.

В этой связи необходимо остановиться еще на одной отрасли производства, косвенно отраженной керамическими остатками.

Речь идет о растительных примесях, являющихся специфической особенностью почти всех без исключения фаз развития местной неолитической культуры.

В первой, большей половине периода развития изучаемой культуры растительная примесь в массе глиняной посуды грубая и представляет собой нечто вроде мелких стебельков, волокон ситняка и пр. В более же позднюю пору развития культуры (самчинская и савранская фазы) характер растительной примеси сильно меняется. Появляется так называемая размочаленная примесь, представляющая собой нечто вроде растрепанных волокон — конопля, крапивы и т. д.

По-видимому, при переходе от развитого неолита к позднему в буго-днестровском Причерноморье на основе усовершенствования техники плетения возникает искусство прядения растительных волокон. Возможно, именно в это вре-

мя происходило перерастание обычного плетения в ткачество.

Мы не располагаем достоверными данными относительно типов существовавших в ту пору веретен. Едва ли в это время уже существовали прутиковые веретена с глиняными маховичками — пряслами*.

Исходя из того, что в древнем Иерихоне, почти еще не знающем настоящих прясел, а также и в ряде хронологически близких памятников встречаются дисковидные пряслица, изготовленные из стенок глиняной посуды⁷¹, можно предположить сходный тип веретен, но с деревянным маховичком.

Эта мысль подтверждается большим сравнительным материалом. Так, например, у племен древнейшей культуры, несомненно знакомых с прядением и ткачеством, в отличие от хронологически близких позднетрипольских племен не было специально сформированных глиняных прясел, и местное население довольствовалось употреблением небольшого количества дисковидных пряслиц, изготовленных из стенок глиняных сосудов. В том же смысле показателен пример культуры ямочно-гребенчатой керамики⁷². Здесь прясла из глины вообще не встречаются, но при нанесении на посуду гусенично-го орнамента широко практикуется наматывание нитей на применявшиеся для этой цели палочки. На глине получались четкие оттиски прекрасно ссученных одинарных и двойных нитей. Благодаря существовавшему приему укреплять венчик сосуда путем протягивания шнура, мы знаем о прядении, а отсюда — о плетении и ткачестве у населения днепро-донецкой культуры, которое также не пользовалось глиняными пряслами.

К характеристике уровня технического развития, несомненно, имеет отношение и факт керамичности основных фаз развития исследуемой культуры.

Говоря о глиняной посуде, мы отнюдь не имеем в виду такие этнографические признаки глиняной посуды, как орнамент, а учитываем только практическое назначение, т. е. подчеркиваем возникновение особой, по терминологии К. Маркса, «сосудистой системы»⁷³.

Глиняная посуда не только обеспечивала возможность приготовления пищи, сохранения запасов воды или природного сока, но и послужила примером для создания искусственных сосудов почти любых размеров, включая водоемы, каналы⁷⁴.

* В этом смысле буго-днестровская культура не представляет собой исключения, ибо достоверных прясел мы знаем очень мало и для комплексов соседних с ней культур — дунайской, старчевско-керешской и сурско-днепровской.

Вполне понятно, что специфика археологического материала прежде всего разрешает фиксировать те элементы «сосудистой системы», которые составляют комплекс глиняной посуды. В данном случае достаточно отметить, что назначение сосудов, первоначально почти исключительно остродонных, исполненных в так называемой ленточной технике, было весьма близким к назначению плетеных их прототипов — корзин.

Древнейшая посуда предназначалась только для хранения жидких и сыпучих пищевых припасов и для приготовления пищи⁷⁵ (рис. 24; 33; 34).

Примерно в середине периода существования культуры появляются разнообразные по форме и размерам сосуды, свидетельствующие о всевозможном ее применении (рис. 127).

На вопросе о развитии керамического производства у носителей буго-днестровской культуры следует остановиться подробнее.

Как подтверждают материалы из нижних слоев поселений Базьков и Митьков острова, древнейшей формой посуды исследуемой культуры является глубокий прямостенный шиподонный горшок с тщательно подложенными и уже затем орнаментированными стенками. Орнамент преимущественно сложный, криволинейный, реже — врезанный, чаще — проглаженный. Остатки сосудов обычно встречались в виде компактных развалов. Это обстоятельство говорит об особом способе использования подобных сосудов. Последние углублялись в землю придонной частью с шипом и уже затем использовались для приготовления пищи или хранения припасов*.

О применении сосудов для хранения пищевых запасов говорят довольно часто встречаю-

* В 1938 г. при раскопках первого керамического слоя поселения у Каменной Могилы был обнаружен сосуд, вкопанный в грунт придонной частью с шипом, причем верхняя его часть образовывала компактный развал.

щиеся отремонтированные горшки. Они сохраняют многочисленные крупные сверлины, с помощью которых разбившийся или распавшийся сосуд связывался. Положение подобных сосудов на площади поселения фиксирует места

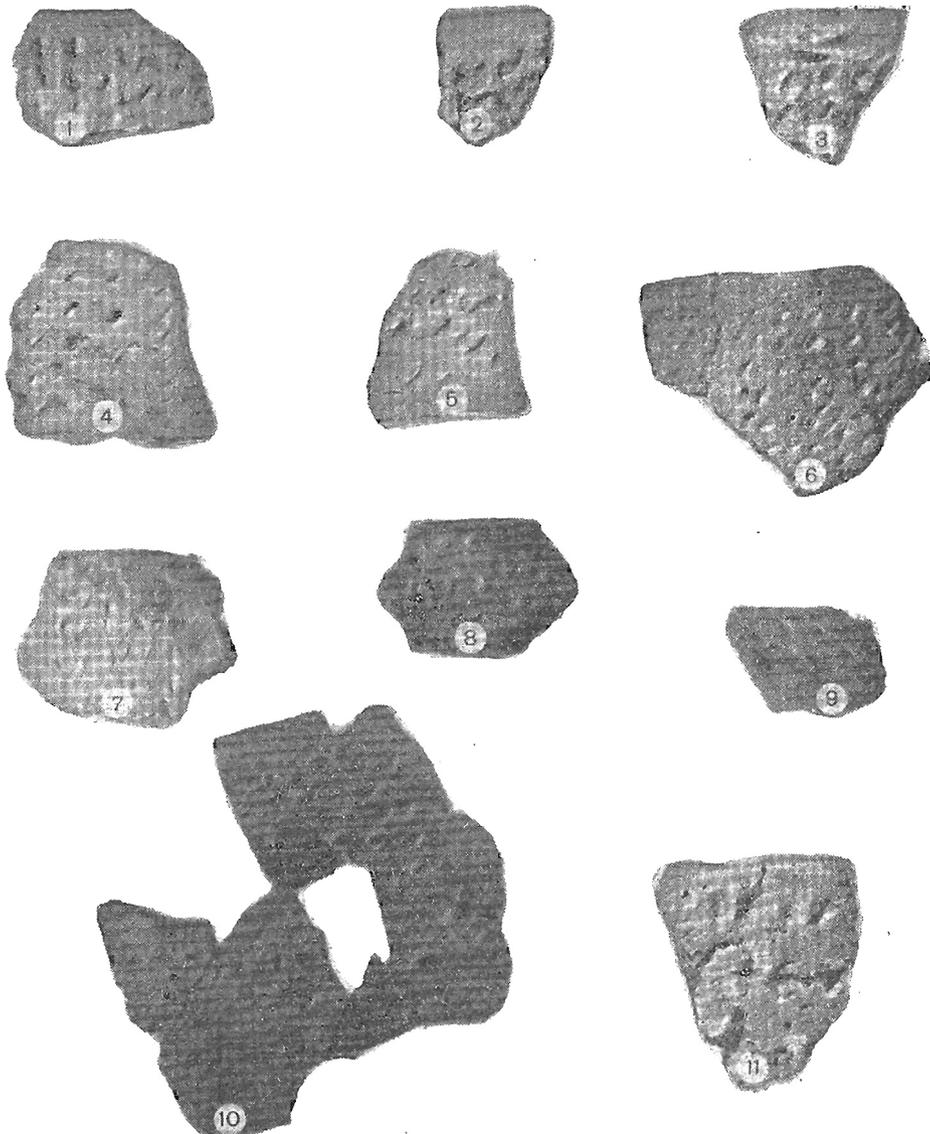

Рис. 133. Фрагменты древнейшей неолитической посуды с защитным орнаментом из комплексов различных культур.

жилищ, а в отдельных случаях и их конкретные участки — приочажные части или кладовки.

В технологическом отношении эти сосуды весьма однообразны; составляющая их керамическая масса содержит грубую растительную примесь и толченую раковину.

Следует отметить, что уже в самом начале местного керамического неолита существуют сосуды, украшенные пальцево-защитным орнаментом (рис. 133, 1—6), имеющие сходство как

в отношении формы, так и в отношении орнамента с древнейшей посудой Балкан (рис. 133, 7—10). Симптоматично появление сходной посуды и на среднем Днепре в начале развитого неолита (рис. 133, 11).

К сосудам более поздних форм соколецкой фазы можно отнести глубокие остродонные (не шиподонные) горшки S-видного профиля, с овальным туловом и высоким, плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 41, 1, 2). К подобной форме типологически ближе остродонные горшки с вертикальным венчиком, изредка встречавшиеся уже в нижнем слое Базькова острова. Техническая примесь и в соколецкое время остается прежней. Изредка встречаются сосуды небольших размеров из отмученной глины, для которых следует отметить плоские плиточные донца (рис. 43, 1, 2, 3, 6), и, возможно поддоны (рис. 43, 4). Появление последних, а также редких плоскодонных горшков, напоминающих по форме, за исключением маленьких плоских донца, обычные остродонные горшки, приходится считать отражением внешних юго-западных влияний.

Таким образом, в составе местного керамического комплекса для второй фазы развития культуры можно различить три главных функциональных группы сосудов: большие остродонные горшки — хранилища и примитивные котлы; плоскодонные небольшие горшки — для варки пищи; небольшие тонкие сосуды из отмученной глины, представляющие столовую и питьевую посуду.

Показательно, что обе первые формы сосудов сохраняют традиционные формы орнамента, третья же имеет лощеную поверхность, обрабатывавшуюся с помощью полировальников из кости (рис. 129, 27). Так возникли две главные группы посуды — местная и привнесенная, возникшая под внешним влиянием.

Дальнейший этап развития керамики, отвечающий ранней поре местного развитого неолита (печерская фаза), характеризуется совершенствованием ранее определившихся технологических групп и форм посуды, а также присутствия ей приемов украшения. Правда, остродонные горшки S-видного профиля практически почти исчезают и их сменяют плоскодонные формы вытянутых или так называемых бомбообразных пропорций (рис. 126, 9; 56, 5, 6), зато группа лощеных сосудов становится многообразной (рис. 57, 1, 3—5). Появляются разнообразные пластические дополнения (рис. 56, 1; 59; 60; 63, 1).

Поздняя пора развитого неолита (самчинская фаза) под внешним, шедшим с севера, влиянием характеризуется заметным упадком керамического производства. Вновь как бы восстанавливаются ранненеолитические формы —

остродонные горшки и остродонные миски. Заметно изменяется характер технических примесей — появляются размочаленные растительные волокна. Орнамент из-за применения гребенчатого и накольчатого штампа меняется (рис. 18). Изредка встречаются дунайские импортные сосуды (рис. 16, 12, 13; 19, 1—3).

В заключительный период развития буго-днестровской культуры не только восстанавливаются и развиваются традиционные формы посуды, существовавшей в раннюю пору развитого неолита (печерская фаза), но и возникают некоторые новые формы. В наследство от периода упадка в развитии местной посуды (самчинская фаза) остается единственная, хотя и представленная большим числом, форма — крупные остродонные горшки с характерной растительной примесью. Линейный орнамент восстанавливается и получает дальнейшее развитие, а штамповый элемент снова полностью подчинился линейным композициям.

В заключение общей характеристики керамического производства буго-днестровской культуры необходимо остановиться на одном типе инструментов, связываемом нами с лощением посуды. Речь идет об особых, изготовлявшихся из трубчатых костей ложилах, имеющих слегка вогнутые рабочие плоскости, почти полностью занимающие продольные части орудий (рис. 129, 27). Следы лощения и царапины, идущие по продольной оси и появившиеся от соприкосновения орудия с песчинками, делают их назначение совершенно ясным. Подобные орудия до сих пор были встречены только в отложениях развитой поры культуры. Аналогии им известны в составе инвентаря культур старчевско-керешского круга⁷⁶, а также среди инвентаря трипольской⁷⁷ и родственных ей культур⁷⁸. В кругу неземледельческих культур они встречаются значительно реже.

Таким образом, оценивая все вышесказанное с точки зрения уровня развития техники и экономики, буго-днестровскую культуру следует рассматривать как типично неолитическую культуру с переживающей кремневой индустрией архаического микролитического облика. Последняя сопровождалась вновь возникшей техникой изготовления из кристаллических пород камня рубящих орудий деревообработки. Культура характеризуется также довольно развитой техникой обработки кости и рога, наиболее заметными изделиями из которых являлись мотыги, рубящие орудия, а также ложила для полирования глиняной посуды. То же можно сказать и о технике обработки клыка кабана с целью изготовления особых ножей, удильных крючков и др.

Специфическим неолитическим достижением явилось изготовление различной глиняной по-

суды и, по-видимому, возникновение примитивных изделий прядения и ткачества. Новыми были и достижения в области развития строительной техники. Несмотря на то, что условия сохранения архитектурных остатков были неблагоприятными, по скоплениям археологического материала удалось определить следы наземных или слегка углубленных в землю жилищ подпрямоугольного плана. Последние, вероятно, во всех случаях имели стены, состоявшие из деревянного каркаса, обмазанного глиной, и каменные основания очагов, а на позднем этапе — каменные фундаменты стен.

Исходя из наличия преднамеренно черненной прокапчиванием и красноглиняной посуды, появляющейся в разные периоды развития культуры, можно думать, что именно в это время наряду с обычным костровым обжигом посуды началось внедрение обжига в печах с коптящим, восстанавливающим, а также с окисляющим пламенем. Косвенно это обстоятельство может указывать на распространение закрытых очагов, т. е. печей.

Все новое, в конечном итоге, было обусловлено переходом на неолитический — воспроизводящий этап развития экономики и дальнейшим развитием неолитической культуры. Основу всех новых проявлений в конкретных условиях местного варианта первобытного производящего хозяйства, несомненно, составляло мотыжное земледелие. В то же самое время становится очевидным, что взлет, который имел место в период перехода от буго-днестровской культуры к культуре трипольской, не в последнюю очередь был обусловлен экономическими причинами, также лежащими в самом существе прогресса земледелия. Подчеркиваем, что главной движущей силой этого переходного периода могло быть только пахотное земледелие, которому, как это в настоящее время окончательно выяснилось, сопутствовало возникновение южноевропейской металлургии меди.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Говоря об изучении общественной организации глубокой древности, мы предполагаем получение конкретных данных о наличии и о роли таких звеньев этнического развития, как род, племя, союз племен, народ (этнос) и пр. В этом же плане важны данные о внутриобщинной организации, включающие сведения о семье, о специализации внутри общины, о наличии общественного и имущественного неравенства, о роли и функциях военной и религиозных организаций и т. д.

Археологическим отражением названных звеньев являются данные о родоплеменных тер-

риториях, о распределении на них поселений, о типах и структуре поселений, жилищ и различных помещений и прочее, а в аспекте — изучение погребального обряда, выявление в структуре могильников особых групп, что в конечном итоге приводит к установлению пространственных величин, отвечающих племени, фратрии, роду или семье.

Отправные данные для оценки уровня общественного развития буго-днестровской культуры получены путем изучения поселений, жилищ и, к сожалению, все еще одиночных погребальных сооружений.

И жилища, и погребения отражают малые общественные коллективы и не могут отвечать более крупным ячейкам общественной организации, чем парные семьи, которые могли состоять лишь из представителей различных родов⁷⁹.

Поселения, будучи небольшими по размерам, включавшие всего несколько жилищ с обитавшими в них парными семьями, можно считать местом обитания лиц, непосредственно не связанных узами кровного родства, т. е. не входивших в состав одного рода, всегда, как известно, экзогамного⁸⁰. Уже сами по себе малые размеры поселений исключают возможность считать их не только местами обитания целых племен, но и местами обитания целых родов. В пользу доминирования территориального момента говорит и характер парной семьи, неизменно являвшейся элементарной ячейкой эндогамного коллектива⁸¹.

Исходя из сказанного, следует заключить, что поселения буго-днестровской культуры по преимуществу создавались по территориально-производственному признаку. Они состояли из небольших групп соплеменников. Решающим импульсом для совместного обитания было не кровное родство, а производственные связи, обусловленные нормами мотыжного земледелия, начального скотоводства и, не в последнюю очередь, охотой и рыбной ловлей.

Насколько об этом можно судить в настоящее время, поселения буго-днестровской культуры размещались главным образом в районах древних порогов и, как это можно видеть и на примере сурско-днепровской культуры, нередко образовывали группы, состоящие из ряда поселений⁸². Наиболее ярким примером подобного размещения поселений буго-днестровской культуры является соколецкий узел: Сокольцы I, Сокольцы II, Сокольцы VI, Шимановское, Заньковцы I—III и IV. Возможно, что число парных семей, обитавших в этой группе поселений, определялось десятками, а продолжительность их экономической связи с данной территорией измерялась десятилетиями, а не столетиями. Легко устанавливается сезонный характер большинства жилищ и объединяющих

их поселений, что равнозначно признанию некоторого хронологического разрыва между памятниками.

В подобных группах поселений и в примыкающих к ним земельных участках, ограниченных по сторонам нейтральными участками реки, берега и плато, правильнее, с нашей точки зрения, видеть не родовые территории, а территории, находящиеся под юрисдикцией племени. Обитали на таких территориях части племен, т. е. их сегменты или фратрии⁸³. Иными словами, мы полагаем, что род этого времени находится уже на втором плане, а племя имело решающую общественно-историческую силу. Таким образом, группы поселений возникали на территориально-производственной, а не на кровно-родственной основе. Не следует, впрочем, думать, что в приведенных выше данных мы имеем прямое отражение реального распределения территории между определенными производственными родоплеменными коллективами. Дело в том, что существовавшие в неолитическую эпоху элементы ландшафта сохранились далеко не полностью. Как свидетельство древних, разрушенных заселенных участков, процессов довольно часто наблюдаются следы размытия приречных террас, островов, а также и самых стабильных элементов ландшафта — порогов и прибрежных скал. В настоящее время нелегко представить себе количество смытых рекой одиночных или составляющих группы поселений. Можно только сказать, что тех и других было значительно больше. Отсюда следует вывод о большей, чем это отражено археологическими источниками, многолюдности племен и входящих в их состав родов.

Суммируя сказанное, заключим, что в период развития буго-днестровской культуры высшим звеном общественной организации являлось возникшее еще в позднем палеолите эндогамное матриархальное племя, владевшее общей территорией, разделенной между локальными секциями этих племен. По отношению к племени род, в противоположность нормам палеолита, находился на втором плане и представлял собой экзогамную ячейку племени, очевидно, к этому времени утратившую право территориального обособления и постепенно превращающуюся в отживающую этнографическую категорию.

Наличие довольно значительного количества памятников рассматриваемого типа на Днестре говорит о процессе сегментации местных племен. В связи с тем, что население исследуемой культуры обитало не только на Ю. Буге, но и на Днестре, нужно думать, что оно же заселяло и все буго-днестровское междуречье.

Таким образом, общественная организация населения буго-днестровской культуры пред-

ставляла собой массив древнейших земледельческих племен, которые в силу доминирования интенсивного мотыжного земледелия слагались из небольших сегментов-фратрий, делившихся на парные семьи. Род же сохранял свое значение только как этнографическая норма.

В определенном смысле о населении буго-днестровской культуры можно говорить как о сравнительно небольшом этническом массиве, который, обладая собственными особенностями, входил в ту же культурную зону, что и Старчево, Караново, Кереш, находился в родстве с обширным этнокультурным массивом культуры линейно-ленточной керамики и с племенами соседних сурско-днепровской и приазовской культур.

Полагаем, что матриархальность всего общественного строя населения буго-днестровской культуры не нуждается в доказательстве.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В характеристике археологической культуры особое место занимают совокупность надстроечных явлений, включающих элементы положительных знаний о мире, систему религиозных представлений, обычаев, различных видов изобразительного искусства, а также общественно-административные институты, обусловленные военной, религиозной и естественноправовыми организациями общины.

Часть перечисленных выше явлений получает яркое отражение в археологическом материале, например, в виде спорадически встречающихся украшений (рис. 129, 44), в виде сосудов специфических форм и украшений, этнографически выразительных деталей жилья, различных сторон и атрибутов погребального ритуала, наконец, они выступают в виде специфического оформления или использования обычных инструментов, орудий и др.

Общеизвестно, что при определении культуры многие последователи важнейшим признаком считают глиняную посуду и, прежде всего, ее орнамент. Можно даже назвать случаи, когда понятие «культура» заменялось понятием «керамика»⁸⁴.

Конечно, значение различных групп изделий при определении археологической культуры отнюдь не одинаково. Но даже самый замысловатый керамический комплекс или своеобразные образцы архитектуры не могут служить признаками конкретной культуры, если не учитывать обстоятельство места, времени и пр.

Достаточно вспомнить примеры так называемых культур расписной керамики вроде Триполья, Яньшао⁸⁵, серии передневожосточных культур от Самарры до Джемдет-Насра⁸⁶, северо-

американской культуры пуэбло⁸⁷ и т. д., чтобы убедиться, что принципиально сходные явления в разное время и вне всякой территориальной связи могут возникать в силу конвергентно-стадиальных причин.

В связи с тем, что особенностям идеологического развития посвящен особый раздел, в общей характеристике культуры мы ограничиваемся лишь несколькими общими замечаниями по этому вопросу.

В материалах буго-днестровской культуры идеологическое развитие получило достаточно полное отражение. Представления о жизни, смерти и рождении отразилось в групповых захоронениях скорченных погребений, в ямках с преднамеренным захоронением ритуальных частей животных и др. Представления о великом матриархальном божестве, особо почитавшемся в древнейшей земледельческой среде и, видимо, созвучном древнегреческой Деметре — матери земли, получили отражение в находках женских статуэток.

Как источник для познания древней идеологии местного населения ценен разнообразный орнамент, украшавший глиняную посуду. Можно проследить несколько орнаментальных схем. Не все они поддаются дешифровке. Наиболее интересным и замечательным в этом смысле мы считаем раскрытие содержания так называемого волютового и волюто-меандрового рисунка, который нам удалось расшифровать как символ дракона, олицетворяющего мужское начало, вероятно, связанное с солнцем и вообще — небом*.

Комплекс религиозно-идеологических представлений населения буго-днестровской культуры отнюдь не представлял собой замкнутой системы.

Он является частью воззрений, свойственных населению того обширного земледельческого мира, представленного в средних широтах Европы культурой линейно-ленточной керамики, а в южном, средиземноморско-черноморском поясе материка — такими культурами, как Старчево, Караново, Кереш, Боян, Хаманджия и др. Следует также отметить, что орнаментальные схемы, близкие к буго-днестровским, появляются и в другой, в целом неземледельческой среде — в материалах соседней сурско-днепровской культуры. Это обстоятельство лишней раз подчеркивает неправильность мысли тех исследователей, которые полагают, что особенности психического склада древних людей, отражающиеся в археологическом материале, например

в орнаменте глиняной посуды, могут быть чуть ли не единственным критерием для выделения археологической культуры⁸⁸.

Приведенный выше перечень историко-археологических явлений, родственных с буго-днестровским неолитом в аспекте идеологического развития, был бы неполным в самой существенной части, если не упомянуть о главном — о раннем триполье. Сравнивая обе эти культуры по признаку форм идеологического развития, можно сказать о двойном сходстве — не только в отношении самого содержания определенных орнаментальных схем, но также и в отношении техники их исполнения⁸⁹, специфика которой заключается в нанесении по подсушенной поверхности стенок сосуда широких пролощенных линий.

СОСТАВ КУЛЬТУРЫ

Следующим признаком археологической культуры можно считать ее состав. Изучение его предполагает выяснение местных и заимствованных элементов культуры, их удельного веса в комплексе культуры, фиксирует явления ассимиляции или трансформации ее вследствие внутренних причин и, наконец, устанавливает деградацию исследуемой культуры, наступающую в силу причин внутреннего порядка или вследствие миграций.

Изучение археологического состава культуры представляется нам делом вполне реальным, ибо тщательно проведенное исследование всегда приводит к решению вопроса о происхождении любого ее элемента — большого или малого, например, с одной стороны, типов жилищ, видов домашних животных, злаков, комплекса керамики, т. е. элементов, фиксирующих прогресс как таковой, а с другой — возникновение конкретных типов игол, прясел, блесен и др. В обоих планах большое значение имеют комплексы изделий, применяющиеся в определенных отраслях производства, например, инструменты обработки дерева, горны для обжигания посуды, ритуальные предметы, включающие статуэтки, виды жертвенников, категорий боевого оружия и т. д.

Состав буго-днестровской культуры может быть обрисован с достаточной полнотой уже в настоящее время.

Во-первых, с уверенностью можно говорить о глубокой генетической связи местной культуры с культурными явлениями предшествующей мезолитической поры. Подобная генетическая связь, в первую очередь, проявляется в сходстве кремневого инвентаря, который в обоих случаях — в позднем мезолите и в неолите представляет собой сходные варианты микролитической кремневой индустрии.

* Детальному рассмотрению вопросов религиозно-идеологического развития древнего поселения Юго-Восточной Европы посвящено особое, подготовленное к печати, исследование автора.

Во-вторых, особенно для начальной — ранней поры развития культуры, характерны восточные влияния, которые в первую очередь отразились как в распространении кремня кукрекского типа, так и в характере глиняной посуды, сходной с посудой Днепровского Надпорожья, Крыма, Северного Приазовья и даже Прикаспия.

В-третьих, особенно для ранней поры развитого неолита, прослеживаются общие черты буго-днепровской культуры со средиземноморско-черноморскими земледельческими культурами. Это проявляется в сходстве рубящих орудий, в форме и орнаменте многих сосудов, погребальном ритуале, земледельческих формах хозяйства и связанного с ним производственного инвентаря.

В-четвертых, в позднюю пору развития культуры в культурном комплексе буго-днепровского дотриполья присутствует северный днепро-припятский элемент, проявляющийся как во вторичном появлении примитивной круглодонной посуды, так и в возникновении простых орнаментальных схем, в которых почти повсеместно доминировали оттиски гребенчатого штампа и подтреугольные наколы. Это в значительной степени нарушало плавность развития буго-днепровской культуры. И тем не менее, мы имеем все основания утверждать, что в конце развития культуры автохтонный элемент в ней воспребладал, а в направлении сложения триполья был сделан еще один шаг.

В-пятых, в заключительную пору буго-днепровской культуры восстанавливается традиционный, утвердившийся в начале развитого неолита состав культуры, но, как о том говорит целый ряд керамических форм и специфических приемов украшения посуды, возобновляется и усиливается контакт с древнеземледельческими культурами балкано-дунайского ареала. Это, впрочем, отмечалось и позднее, в пору существования трипольской культуры — боянский контакт в раннем триполье⁹⁰, распространение росписи посуды из арюшдско-трансильванского ареала⁹¹, наконец, прилив «эгейского» металла в усатово-городское время⁹².

Следя за меняющимся составом культуры, можно определить повороты в ее развитии, как обусловленные эпохальными изменениями в экономике, так и те, которые зависели от проникновения этнически чуждых элементов. Как показывают примеры археологических культур, доминирование чужих элементов приводит к исчезновению вследствие ассимиляции самого объекта исследования — конкретной археологической культуры.

Вместе с тем облик культуры может резко измениться и под влиянием явлений общего прогресса — поворотов в экономическом разви-

тии. Но если исследователь не пытается отличать стадияльные явления от явлений этнической диффузии⁹³, ему не откроется познание процессов сложения или исчезновения археологических культур.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Вопросом, решаемым в последнюю очередь, является вопрос об этноязыковой принадлежности создателей определенной археологической культуры. Мы не считаем бесспорным распространенное мнение о том, что вопрос о языке составляет стержень всякого этногенетического исследования. И об этом можно было бы не писать, если бы переоценка значения данного языка, распространившаяся по почину мало знакомых с возможностями археологии языковедов, не проникла и в среду археологов.

Вполне естественно, что исследователь, ставящий вопрос об этнической принадлежности какой-либо европейской археологической культуры, уже входит в контакт с индоевропейской проблемой. Однако, как ни далека от исследуемой темы проблема этногенеза славян, необходимо указать, что она является тем пробным камнем ретроспективного метода, с помощью которого исследователь древней истории Восточной Европы должен оценивать успехи в области разработки той части индоевропейской проблемы, которая включает разработку балтийского, иранского, фракийского и германского вопросов. Прогресс в указанных областях параллельно стимулирует успех в области исследования древнейшей истории западного фланга угро-финского массива, а с ним — и целого комплекса азиатских этнических проблем.

Вполне естественно, что чем древнее исследуемый объект этнической истории, тем ниже точность установления этноязыковой принадлежности конкретной археологической культуры. Степень точности будет уменьшаться главным образом еще и потому, что отдаленным эпохам должно соответствовать иное, более примитивное состояние развития речи.

Следует при этом учитывать, что в отличие от археологического материала языковые данные, особенно отличающиеся большой древностью, поддаются раскрытию с трудом, что приводит к ошибкам в относительной хронологии языковых явлений⁹⁴. Нужно помнить и о том, что языковые слои глубокой древности нередко почти бесследно стираются или представлены такими редкими реликтами, определение которых на настоящем этапе развития языкознания все еще невозможно. Следует также признать, что интерес языковеда к археологическому источнику нередко не идет дальше изу-

чения карт с нанесенными на них археологическими культурами, т. е. документов, не всегда достоверных.

Особо хотелось бы подчеркнуть значение одной полезной для исторического языкознания стороны археологического материала, на которую мало кто обращает внимание. Речь идет о том, что немоту археологического материала, безусловно, преувеличивают не только лингвисты, но и подражающие им археологи. Между тем материальная культура, рассматриваемая в системе, и древняя духовная культура, отраженная в материальных остатках, несомненно, представляют собой источники для лингвиста: первая — для выяснения объема лексического состава языка, вторая — для воссоздания его синтаксических особенностей.

Ведь суть вопроса определяется не столько звуковым обозначением понятий или предметов, которые археологическим материалом не передаются, сколько «иероглифическим» отражением лексических и логических категорий.

Уровень развития современной историко-археологической науки позволяет с достаточной точностью судить не только о последовательности появления подобных «иероглифов», т. е. определять их место в относительной хронологии, но и судить об их подлинном возрасте, т. е. оценивать их с точки зрения абсолютной хронологии.

Материалы, накопленные за последние 20—30 лет по археологическому исследованию Украины, позволяют внести определенные коррективы как в оценку реальности применительно к глубокой древности определенных предметов («имен существительных»), в оценку их хронологического положения, так и в оценку генетической увязки их с определенными территориями или, точнее, с этническими группами, заселявшими эти территории.

В настоящей принципиальной характеристике археологической культуры мы ставим перед собой довольно узкую задачу: с позиций современной археологии оценить некоторые данные, касающиеся вопроса о времени и месте компактного обитания индоевропейцев. Вопрос этот не новый, и нет никакой надобности останавливаться на его историографии.

Мы считаем твердо обоснованным мнение о том, что древние индоевропейцы на заре палеометаллической эпохи, в медном веке, когда для металла существовало нерасчлененное понятие медь, затем бронза и железо (скр. *ayah*, лат. *aes*, готск. *aiz* — «медь» — «бронза» и тут же *eisarn* «железо») ⁹⁵ занимали сравнительно небольшую территорию.

Применительно к Юго-Восточной Европе время первоначального распространения первого «рабочего» металла — меди, сначала применяв-

шегося для изготовления украшений и мелких орудий труда, с достаточным основанием мы должны отнести ко времени завершения процесса сложения древнейшей культуры и ее земледельческого антипода — триполья, т. е. ко времени около середины IV тысячелетия до н. э.

В это же время, несомненно, используется тягловая сила животных, что подтверждено археологическими находками как самих арб ⁹⁶, так и их моделей ⁹⁷ и изображений ⁹⁸. Подчеркиваем, речь идет не о технически более примитивном устройстве вроде саней или волокуши, а о колесном экипаже («колесо» — скр. *raṭnah*, лит. *aotas*, нем. *Rad*, лат. *rata*, (осевом) «ось», скр. *aksah*, сл. ось, литов. *ašis*, др. в нем. *ahsa*, лат. *axis*, греч. *ἄξωφ*) ⁹⁹. Хотя в числе таких экипажей мы находим и арбу, и кибитку, и повозку, и боевую колесницу, упряжным приспособлением для них долгое время, вплоть до начала железного века, являлось «ярмо», терминологическое единство которого не вызывает сомнения для всего индоевропейского мира (хет. *jukan*, др. инд. *yugam*, сл. «йуго», латш. *jugs*, гот. *juk*, лат. *jugum*, греч. *ζυγόν*) ¹⁰⁰.

Время первоначального распространения колесного транспорта применительно к Восточной и Средней Европе относится к развитой поре медного века (от пецельской ¹⁰¹ и древнейшей культур ¹⁰² до моделей из ульского кургана ¹⁰³, т. е. датируется примерно серединой III тысячелетия до н. э.).

Не лишне отметить, что время внедрения колесного транспорта совпало со временем распространения другого, основанного на том же принципе приспособления — «веретена», наименование которого терминологически переплеталось с наименованием колесницы (гикс. *vrrjt*, хет. *aikavartanna* «один поворот», др. инд. — *ekah* — *vartanam*, тоже лат. *verto* — *vertere* вращение, русск. «веретено», «ворст») ¹⁰⁴.

Если говорить о конкретных условиях Восточной Европы, то фиксируемое археолого-лингвистическим путем состояние консолидированных индоевропейцев можно уточнить еще по одному признаку — по факту приручения коня, который в единообразной, в смысле языкового материала, форме нашел отражение в языках почти всех групп индоевропейцев (х/иер. «верхом на коне» — *akuvaja*; «конь» — др. инд. *asvah*, лат. *equos*, греч. *ἵπλος*) ¹⁰⁵. Значение последнего факта необходимо особо подчеркнуть — лошадь среди важных домашних животных была, несомненно, приручена последней. В отличие, например, от быка и собаки, прирученных в глубине тысячелетий, кости прирученного коня появляются в комплексах, датируемых IV тысячелетием до н. э., но начинают доминировать в конце медного века, что хронологически соответствует второй половине III тысячелетия до

н. э.¹⁰⁶. Напоминаем, что к этому же времени относится и массовое распространение прясел, т. е. интенсивное развитие прядения, отмеченное не только для Восточной Европы, особенно для трипольского круга¹⁰⁷, но также и для Малой Азии¹⁰⁸. Отражением этого явления в археологической конкретности Восточной Европы было первоначальное распространение так называемого шнурового орнамента на глиняной посуде и на самих глиняных пряслах¹⁰⁹.

Отвлекаясь от сопоставления данных археологического материала с языковыми фактами, попытаемся сделать некоторые исторические выводы из приведенных выше данных.

Прежде всего необходимо отметить, что хронологически медный век, являющийся к тому же периодом распада индоевропейского единства, совпадает со временем всего периода существования трипольской культуры — от середины IV тысячелетия до н. э. до конца III тысячелетия до н. э. Начиная со времени несколько раньше середины IV тысячелетия до н. э., он отвечал древнейшим, а затем и более поздним звеньям древнейшей культуры, которая продолжала существовать и после конца III тысячелетия до н. э. В данном случае исключительно важно подчеркнуть синхронность этого периода с периодом существования трипольской культуры и всех родственных и синхронных с нею культур расписной керамики Европы.

Иными словами, окончание периода сосредоточенного обитания индоевропейцев исторически отвечает времени расписной керамики, что в целом не только намного предшествует времени движения индоарийцев в глубины Азии, но и предшествует времени появления в Малой Азии обеих хеттских волн — клинописной и иероглифической¹¹⁰. Отсюда следует вполне естественный вывод, что приведенные выше данные, как археологические, так и языковые, в целом относятся к заключительной поре периода относительного индоевропейского единства, который в целом предшествует вре-

мени распространения по Средней и Западной Европе различных локальных проявлений так называемой культуры шнуровой керамики. Таким образом, эта культура, вопреки распространенному мнению, не может приниматься в качестве пробного камня для познания прародины и первоначальной истории индоевропейского массива¹¹¹. Область культуры шнуровой керамики можно связывать лишь с явлениями, хронологически следующими за временем индоевропейского единства*.

Таким образом, значительная часть периода относительного единства индоевропейцев приходится на время, предшествующее сложению шнуровой керамики, и отвечает времени развития культур расписной керамики, в частности триполья.

Поскольку в настоящей главе мы не ставим целью решение этногенетических проблем, нам приходится ограничиваться несколькими частными выводами. Во-первых, как бы ни была хронологически далека неолитическая эпоха, только она может считаться временем относительного единства индоевропейского этнического массива. Во-вторых, приходится думать, что процесс сложения неолитической культуры, несомненно протекавший в обстановке передвижения значительных масс населения, в какой-то степени был связан с процессом формирования индоевропейцев и расселения их в Восточную Европу.

* Помимо племен расписной керамики, на территории Европы этого времени отмечаются еще две области с разной интенсивностью историко-экономического развития — балкано-черноморская, где была распространена чернолощенная посуда малоазиатских образцов, а также нордическая — прибалтийская область с лощеной посудой, видимо, среднеевропейского происхождения. При исследовании индоевропейской проблемы их также следует учитывать. Одна из них, а именно нордическая, исчезает с карты древней Европы вместе с культурами расписной керамики и перекрывается локальными группами культур шнуровой керамики.

ВОПРОСЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И СИНХРОНИЗАЦИИ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Выше мы уже рассматривали ряд вопросов, касающихся хронологии неолитических культур Украины, в частности, буго-днестровской культуры.

В данной главе предстоит рассмотреть вопросы синхронизации отдельных фаз развития буго-днестровской культуры и других неолитических культур Украины с периодами соприкасавшихся с ними неолитических культур Южной Европы и Ближнего Востока. Разумеется, установление синхронности между неолитическими культурами является лишь средством раскрытия форм их историко-культурного взаимодействия с ближними и отдаленными соседями. Оно должно содействовать процессу постепенного построения единой историко-хронологической системы неолита всей Европы. Уточнение хронологического соотношения конкретных фаз развития буго-днестровской культуры с периодами других культур позволит осветить также явления далекой периферии этого ареала, например, культур лесной зоны Восточной Европы.

В основу дальнейшего изложения целесообразно положить помещенную в предшествующей главе схему историко-хронологического развития буго-днестровской культуры, а для того чтобы воссоздаваемая картина носила более целостный характер, она воспроизводится не только в аспекте шести фаз развития культуры, но и в аспекте более крупных историко-хронологических подразделений (ранний, развитый и поздний неолит). Обоснованность подобного членения окажется тем более очевидной, что каждое из названных историко-хронологических подразделений опирается не только на реальные примеры археологической стратиграфии и на конкретные формы развития материальной культуры, но также и на факты присущей только этим периодам специфики исторического развития, обусловленного явлениями большой исторической и территориальной емкости.

В связи с тем, что территория Украины в эпоху неолита представляла собой пограничье трех историко-экономических миров — древнеземледельческого, охотничье-скотоводческого и охотничье-рыболовческого, при выборе структуры данной главы возникали определенные трудности. Для устранения их, с целью сохранения целостности исторической картины, исследуемый вопрос рассмотрен по ареалам, и в конце главы сделано общее заключение.

В силу названных причин, как с целью определения исторического места пережиточно-неолитических культур, так и по причине необходимости перспективной оценки последующего исторического развития, мы не могли ограничиться строгими рамками неолитической эпохи и должны были также рассматривать эпоху палеометаллов.

Несмотря на то, что для воссоздания реальной картины взаимоотношений между древними неолитическими культурами достаточно синхронистических показателей, основанных на данных надежной относительной хронологии конкретных культур, нас все же не могли не интересовать реальные хронологические масштабы древних процессов, т. е. вопросы абсолютной хронологии. Однако, учитывая недостатки современных методов получения абсолютных дат, мы не могли всецело положиться на выводы естественно-исторических наук и стремились перепроверить их традиционными археологическими методами.

Современная наука располагает несколькими методами, позволяющими судить об абсолютном возрасте археологических памятников, — археологическим¹, палеоклиматологическим², геомагнитным³, коллаеновым⁴, радиоуглеродным⁵ и др. Уже сам факт множественности этих методов говорит о том, что единственный и, следовательно, безупречный метод еще не найден и что получаемые в настоящее время даты не лишены элемента условности.

Избранный нами метод комплексный. С одной стороны, он основан на широких сопостав-

лениях самого археологического материала и, в частности, на выявлении импортов, происходящих из инокультурных областей; с другой — он основан на достижениях радиоуглеродного метода.

Необходимо сказать несколько слов о нашем отношении к этому методу. В какой-то мере можно утверждать, что ему принадлежит будущее. Отсюда, однако, не следует вывод, делаемый некоторыми исследователями, что этим методом следовало бы пользоваться в... будущем, а не сейчас.

Вместе с тем у археологов имеется немало оснований делать упреки в адрес разрабатывающих этот метод физиков и химиков.

Владимир Милойнич, выступивший с рядом статей, усомнился в применимости радиоуглеродного метода в археологии⁶, и кое в чем он прав. Ведь в самом деле, различными лабораториями приняты разные периоды полураспада C-14⁷, а количество анализов исчисляется уже тысячами. Вполне очевидно, что весь этот громоздкий материал нуждается в пересчете по определенной норме, вероятнее всего, в соответствии с наиболее распространенным мнением о том, что период полураспада C-14 длится около 5556 лет⁸.

И тем не менее, археолог, вопреки мнению названного автора, теперь уже не может обойтись без данных этого метода, ибо он в действительности обуславливает наиболее реальную возможность судить об абсолютном возрасте археологических материалов, особенно тех, которые в измерениях времени находятся уже за пределами периодизации истории письменного периода⁹. И не случайно так много надежд на этот метод возлагал покойный Гордон Чайлд¹⁰.

Несмотря на известное несовершенство этого метода, в своих построениях мы пользуемся его заключениями, хотя и знаем, что в меру совершенствования радиоуглеродного метода в предлагаемую вниманию читателя историко-хронологическую систему придется вносить соответствующие исправления.

Для определения хронологического положения отдельных фаз буго-днестровской культуры и уяснения существовавших тогда культурно-исторических связей ниже приводим сопоставления с данными памятников различных территорий. Начиная с раннего неолита и, прежде всего, с уяснения культурных и хронологических взаимоотношений, слагавшихся у ранне-неолитических племен с синхронными племенами скотоводческого ареала, оказавшегося, особенно в период сложения неолитической культуры Восточной Европы, исключительно активным, а затем переходим к оценке явлений

западного, преимущественно земледельческого ареала.

Такая последовательность рассмотрения материала продиктована самим содержанием исторического процесса, а именно — большой древностью скотоводства, возникшего как особая форма усовершенствования охоты.

ИСТОРИКО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ С КУЛЬТУРАМИ ОХОТНИЧЬЕ-СКОТОВОДЧЕСКОГО АРЕАЛА

ВОСТОЧНЫЙ ИМПУЛЬС СЛОЖЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Как уже отмечалось в предыдущих разделах, переход от мезолита к неолиту и наиболее архаический период последнего в Северо-Западном Причерноморье, по крайней мере от Днепро-Днестровского Надпорожья и до Низовьев Дуная, происходил под знаком ассимиляции местной позднетарденуазской культуры гребениковского типа и возникновения взамен ее архаико-неолитической культуры приазовско-кукрекского склада. Не подлежит сомнению, что резкая смена в развитии культуры была связана с расселением новых, пришлых с Востока этнокультурных массивов, первоначально обитавших где-то к востоку от Азовского моря.

Очевидно, непосредственными причинами подобного расселения являлось относительное перенаселение территории, к тому же переживавшей, вероятно, прогрессирующее иссушение, а главное — возникновение скотоводства, пришедшего на смену переживавшему кризис охотничьему производству.

В условиях разных районов Юго-Восточной Европы дальнейшее развитие неолитической культуры приобрело разнообразные формы. Можно считать установленным, что приазовско-кукрекский импульс отличался большей стойкостью развития в Днепро-Днестровском Надпорожье и на Ю. Буге. Затем в Приазовье и в Крыму быстро установились связи с Кавказом и Предкавказьем, что привело к повсеместному перерождению приазовско-кукрекской культуры. В то же время на Днестре явственнее, чем в других местах, ощущались генетические связи местной ранне-неолитической культуры с балкано-дунайским поздним мезолитом.

Тем не менее следует подчеркнуть, что и в начале керамической фазы неолитической эпохи значение восточного азово-каспийского импульса еще сохраняется. Об этом, в первую очередь, свидетельствует сходство глиняной посуды, распространеннейшей примерно в одно и то же время по обширной территории — от Каспийского моря до Северо-Западного Причерноморья включительно. Впрочем, не подлежит сомнению,

что в действительности границы распространения во многом сходной архаической остродонной посуды были значительно шире. О существовании особого ареала древнеземледельческой, но еще с чертами восточного происхождения неолитической культуры говорит сходство некоторых групп сосудов из нижних слоев двух таких территориально отдаленных памятников, как Базьков остров на Ю. Буге и Неа Никодеи в греческой Македонии, где слой с подобной керамикой по радиоуглероду датируется временем в 6220 ± 150 до н. э.

Имеются основания полагать, что под тем же воздействием наступает изменение в развитии населения Прибалтийской зоны: начинается формирование нарвской культуры (Ладожское озеро), возникает струмельско-серовское, т. е. днепро-балтийское, течение в формировании неолита и, наконец, происходит сложение эртельбильской культуры.

По вполне понятным причинам в настоящем изложении нас не могут не интересовать вопросы о местоположении эпицентра восточного архаико-неолитического импульса, о событиях, происходивших на его ближайшей периферии, о этнокультурных течениях, существовавших в рамках этого эпицентра и его периферии и, наконец, вопросы синхронистического соотношения, существовавшего между ними.

На основании изложенных выше данных можно сделать только два крайне приблизительных вывода — территория этого эпицентра находилась где-то восточнее рубежа р. Молочной, а проникновение элементов приазовско-кукрекской культуры в Крым, на Днепр, Ю. Буг, Поднепровье и, в конечном итоге, на Прут произошло не раньше времени, непосредственно предшествующего нижнему керамическому слою поселения у Каменной Могилы и, по-видимому, продолжалось еще в начале керамической фазы неолита.

Уточнение других интересующих нас положений находится за пределами возможностей непосредственно исследованного материала и нам придется обращаться к данным территорий, граничащих с Древним Востоком¹¹.

В рассматриваемом плане особый интерес представляет недавно открытая в Северном Иране так называемая мазандеранская неолитическая культура, развивавшаяся, как это показывают раскопки пещерных поселений Бельт и Хоту, на экономической основе скотоводства, возникшего здесь в глубокой древности, задолго до появления первых признаков первобытного земледелия¹². В том же плане немалый интерес представляет и туркменское пещерное поселение Джебел, исследованное А. П. Окладниковым и справедливо сопоставляемое им с памятниками мазандеранской культуры¹³.

НЕОЛИТ ПРИКАСПИЯ И ЕГО СООТВЕТСТВИЯ В НЕОЛИТЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. НАЧАЛО СКОТОВОДСТВА

В пещерном местонахождении Бельт (Гар-и-Камарбанд в Северном Иране)¹⁴, несомненно входящем в интересующий нас ареал культуры с периферийно-каспийским кремневым инвентарем, английским археологом Куном было раскопано ряд поселений глубокой древности, содержащих, вместе с тем, кости домашних животных. Сами отложения характеризуют такие суммированные данные: слои 27—22, отнесенные автором раскопок к древнейшему мезолиту, а также слои 21—18, отнесенные к переходному (Mixed) мезолиту, костей домашних животных еще не содержали¹⁵. Как свидетельствуют находки сравнительно немногочисленных костей диких животных (газели, тюленя и др.), местное население занималось преимущественно охотой, которая, как можно полагать, не отличалась высокой продуктивностью¹⁶.

Лишь на более позднем, по определению Куна, позднемезолитическом этапе (слои 16—11) намечился переход к скотоводству¹⁷. Кости домашних животных теперь занимают 13,5% от общего количества фаунистических остатков. В их числе на крупный рогатый скот падает более половины общего количества костей. Иную картину дает древний неолит (слои 8—10)¹⁸. Здесь кости домашних животных, среди которых безраздельно доминируют кости мелкого рогатого скота, уже занимают 79%¹⁹. Ту же картину дают и более поздние наслоения керамического неолита (слои 7—1 и «В»)²⁰.

Менее выразительную, в силу плохой сохранности остеологических остатков, но в целом сходную картину дает пещерное местонахождение Джебел, находящееся в Прикаспийской части Туркмении, на расстоянии около 300 км к северу от Бельта.

Оба керамических слоя этого местонахождения дали костей «жвачного полорогого животного средних размеров»²¹ 51%, костей овцы-козы — 19%, костей диких животных, в подавляющем количестве представленных джейраном, — 30%.

Ранне-неолитические слои (VI/V—IV) дали примерно ту же картину. Здесь кости «жвачного полорогого животного средних размеров» составляют 61%, овцы-козы — 20%, джейрана и других диких животных — 19%²².

Изучавший фаунистические остатки В. И. Цалкин проявил исключительную осторожность при выделении костей одомашненных форм и указал, что дикие бараны и безоаровые козлы и в настоящее время водятся в районе Джебела²³. Лишь для IV и III слоев он подтверждает наличие костей домашней козы. Понятие «жвач-

СООТНОШЕНИЕ ЖИВОТНОВОДСТВА И ОХОТЫ
(По данным)

	Прикаспий Бельт (Гар-в-Камарбанд)			Приазовье Каменная Могила		Кр Таш-	
	Архаический неолит А (слои 17—11)	Архаический неолит Б (слои 10—8)	Раннекерами- ческий неолит (слои 7—6)	Архаический неолит	Раннекерами- ческий неолит (слои 5—4)	Архаический неолит (слой 9)	Архаический неолит (слой 8)
1. Собака— <i>Canis familiaris</i>	6	—	—	3	—	—	—
2. Бык домашний— <i>Bos taurus</i>	209	72	—	915	160	—	—
3. Овца-коза— <i>Ovis Capra</i>	—	—	—	136	3	—	—
4. Овца— <i>Ovis aries</i>	53	204	122	—	—	—	—
5. Коза— <i>Capra</i>	40	293	402	—	—	—	—
6. Свинья— <i>Sus domesticae</i>	—	—	—	—	8	15	22
Всего домашних видов:	308 (18%)	1219(89,5%)	524(91%)	1054(83,5%)	171(92%)	15(50%)	22(31,2%)
7. Тур— <i>Bos primigenius</i>	—	—	—	9 (бизон)	4	—	—
8. Кабан— <i>Sus scrofa</i>	—	—	—	19	1	8	4
9. Свинья вид— <i>Sus sp.</i>	—	—	—	—	—	6	20
10. Лошадь— <i>Equus caballus</i>	—	—	—	140	4	—	—
11. Осел— <i>Equus asinus</i>	—	27	—	—	1	—	—
12. Кулан— <i>Asinus hemionus</i>	—	—	—	1	—	—	—
13. Олень благородный— <i>Cervus elaphus</i>	25	—	—	10	—	—	20
14. Лось— <i>Alces alces</i>	—	—	—	—	—	—	—
15. Косуля— <i>Capreolus capr.</i>	—	—	—	—	—	2	5
16. Газель— <i>Gasella</i>	1316	27	48	—	—	—	—
17. Оленевые— <i>Cervides</i>	4	—	—	—	—	—	—
18. Волк— <i>Canis lupus</i>	—	—	—	1	—	—	—
19. Медведь— <i>Ursus arctos</i>	—	—	—	—	—	—	—
20. Лиса— <i>Vulpes vulpes</i>	7	—	—	1	—	—	—
21. Барсук— <i>Meles meles</i>	—	—	—	3	—	—	—
22. Кот дикий— <i>Felis silvestris</i>	3	—	—	—	—	—	—
23. Заяц— <i>Lepus europeus</i>	—	—	—	2	—	—	—
24. Байбак— <i>Mormota bobac</i>	—	—	—	1	3	—	—
25. Слепыш— <i>Spalax</i>	—	—	—	7	1	—	—
26. Хомяк— <i>Cricetus cricetus</i>	—	—	—	3	—	—	—
27. Бобр— <i>Castor fiber</i>	—	—	—	—	—	—	—
28. Выдра— <i>Lutra lutra</i>	—	—	—	—	—	—	—
29. Тюлень— <i>Phoca</i>	10	27	—	—	—	—	—
30. Черепаха— <i>Emys orbicularis**</i>	—	—	—	5*	—	—	—
31. Рыбы— <i>Pisces</i>	—	—	—	5	—	—	—
32. Птицы— <i>Aves</i>	—	—	—	1	—	—	—
33. Виверриды— <i>Viverridae</i>	20	13	—	—	—	—	—
34. Грызуны— <i>Rodentia</i>	—	51	—	—	—	—	—
Всего диких видов:	1385 (82%)	144(10,8%)	45(9%)	203 (16,5%)	14(8%)	16(50%)	49(68,8%)

* Автор определений В. И. Бибикова предполагает раннюю форму domestikации.

** Щиты черепахи рассматриваются как остатки сосудов, а не пищи.

ного полорогого животного средних размеров» предполагает остатки ближе не определенных костей овцы-козы и джейрана. Учитывая, что в числе определенных остатков на овцу-козу и джейрана падает примерно одинаковое количество костей — до 20%²⁴, можно предположить ту же пропорцию и для точно не определенных костей, где на кости овцы-козы должно приходиться также около половины костей «жвачного полорогого животного».

При таком подходе к истолкованию фаунистических остатков из Джебела для костей овцы-козы придется предположить до 50%, что разрешает сближать этот памятник с неолитическими слоями Бельта*.

В отношении состава фаунистических остатков, в которых доминирует мелкий рогатый скот, Джебел и соответствующие ему слои Бельта

* Пересчеты автора.

В ЭКОНОМИКЕ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ НЕОЛИТА
(археологической фауны)

ым Аир I	Днепровское Надпорожье				Южнобугский бассейн				Балканы
	Сурский о-в I	Шулаев о-в		Сурский о-в II	Базьков о-в (нижний слой)	Митьков о-в	Базьков о-в (средний слой)	Миколина Брояка	Неа Никоমেда
—	2	10	80	6	—	4	—	—	1
—	4	1	7	114	4*	41*	40*	17	64
—	—	—	4	1	—	—	—	3	310
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
35	2	—	—	3	—	—	—	8	65
35 (25%)	8(2%)	11(19,8%)	91(33,7%)	124(40%)	4(2,7%)	45,(5%)	40(5%)	28 (9%)	430(98,7%)
—	79	—	—	1	—	—	—	1	—
17	15	—	1	1	56*	221*	180*	13	—
59	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	2	4	30	—	—	2	16	—
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	84	10	101	124	78	474	514	165	—
—	—	—	—	—	—	17	8	—	—
5	—	5	5	2	10	142	56	15	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
—	—	4	8	7	4	3	4	—	—
—	—	—	—	—	—	6	—	—	—
—	20	6	18	5	—	1	—	1	—
—	2	—	3	1	—	—	1	—	—
—	—	1	4	—	—	—	—	—	—
—	20	8	13	4	—	—	—	4	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	7	2	—	21	5	29	—
—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	134	—	235	5	—	—	2	240	1
—	—	—	—	—	—	—	3	30	—
—	13	7	14	5	—	—	—	17	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
107(75%)	233(98%)	43(80,2%)	178(66,3%)	182(60%)	148(97,3%)	887(95%)	773(95%)	291(91%)	5(1,3%)

принадлежат к тому же типу памятников, к которому относятся и ранние слои таких несомненно земледельческих памятников, как Джармо в Ираке²⁵. В неолитических слоях поселения Джармо кости овцы-козы составляли 80%, свиньи — 10%, коня (не обязательно домашнего. — В. Д.), быка и собаки — 5%, а кости диких животных — всего 5% от общего количества фаунистических остатков. Имеются основания полагать, что нечто подобное наблюдалось и на территории Туркмении — в Джейту-

не, ныне находящемся уже в полупустыне, к северо-востоку от Ашхабада²⁶.

Иную картину развития скотоводческого хозяйства неолитической эпохи дает находящееся в другом, значительно более западном физико-географическом ареале многослойное поселение у Каменной Могилы под Мелитополем. Здесь в отложениях суглинки, включавшего ряд неолитических докерамических слоев, а также ряд более поздних слоев с керамикой, в характере фаунистических остатков наблюдается довольно

устойчивая картина — преобладают, составляя свыше 50%, кости домашних животных. Среди них костей крупного рогатого скота значительно больше, чем овцы-козы и свиньи²⁷.

В плане соотношения костей домашних и диких животных поселение у Каменной Могилы представляет собой своеобразную аналогию восточных памятников (Бельт, Джармо и др.), с той, однако, разницей, что здесь доминирует крупный рогатый скот, в то время как на Востоке первое место безраздельно принадлежит мелкому рогатому скоту*.

При движении на запад роль скотоводства заметно уменьшается. Так, например, у населения сурско-днепровской культуры в силу благоприятных условий для развития охоты и рыболовства роль скотоводства была значительно меньшей, чем у племен Приазовья. На поселениях Надпорожья, относящихся к керамическим этапам неолита, кости домашних животных, среди которых также доминируют остатки крупного рогатого скота, составляют около половины общего количества фаунистических остатков, а на докерамических памятниках они почти отсутствуют.

Другие данные о развитии скотоводческого хозяйства дают материалы крымских пещерных местонахождений — Замиль-Коба II и Таш-Аир I³². Несмотря на полную идентичность инвентаря, в том числе и керамики, в отношении фаунистических остатков, оба памятника дали неодинаковые результаты, что, вероятно, следует объяснить какими-то случайными обстоятельствами. Так, например, керамические неолитические слои Замиль-Кобы дали всего 2—3% костей домашних животных, а в Таш-Аире — 25%—26%³³.

Важно подчеркнуть, что в числе костей домашних животных здесь преобладают кости свиньи, что рисует Крым как один из центров доместикации этого вида**.

Территория буго-днепровской культуры на-

* В настоящее время стало очевидным, что стадо с доминантой крупного рогатого скота является неотъемлемой чертой всего древнего скотоводства Восточной Европы, включая и бронзовый век. Здесь лишь для отдельных культур развитой и поздней поры медного века можно назвать моменты подъема в разведении мелкого рогатого скота (Усатово)²⁸ или подчеркнуть коневодческий характер локальных групп ранней древнеявной культуры (Молюхов бугор²⁹, Деревка на Среднем Днепре³⁰, хут. Репин в Степном Подонье³¹).

** Любопытно отметить, что в Таш-Аире I кости одомашненной свиньи насыщали не только слои керамического неолита. Гораздо больше их оказалось в подстилающих слоях, по определению Д. А. Крайнова, «тарденуазском, азильском или позднемедленском». Подчеркиваем, что в так называемом азильском или позднемедленском слое, главным образом за счет остатков домашней свиньи, оказалось около 50% костей домашних животных. Получается исторически неоправданная картина, несомненно, обуслов-

ляется за пределами области хозяйственного доминирования скотоводства. Кости домашних животных, в основном принадлежащих крупному рогатому скоту, составляют менее 10% от общего количества остеологического материала, а в числе фаунистических остатков безраздельно господствуют кости оленя и кабана.

Приведенный выше краткий очерк экономического развития древнейшего азиатско-европейского скотоводства дает возможность сделать некоторые выводы.

Во-первых, становится все более очевидным, что потребность в мясной пище у племен буго-днепровского ареала покрывалась за счет интенсивного развития охоты, а отнюдь не за счет скотоводства.

Во-вторых, уточняются границы обширной области экономического доминирования скотоводства — на востоке тяготеющей к Прикаспию, а на западе ограниченной Днепром или, возможно, Ингульцом.

В-третьих, выясняется исключительно важное обстоятельство, что эта область не была единой в отношении типа скотоводческого хозяйства на востоке, грубо говоря, в Прикаспии преобладал мелкий рогатый скот — овца-коза, на западе — крупный рогатый скот.

Значение этого вывода невозможно переоценить, ибо в таком случае центр доместикации крупного рогатого скота («быка»), а следовательно, и центр сложения интересующего нас типа культуры следует искать не в самом Прикаспии и Поднепровье, а где-то посредине, скорее всего в Степном Предкавказье*.

ленная искусственным завышением датировки всех трех нижних слоев (8—7)³⁴, из которых самый нижний на основании ряда специфических орудий (например, резцов из отщепов, микропластинок) следует датировать кукрекской, т. е. докерамической фазой развития местного раннего неолита.

* Этот, по-нашему, вполне объективный и достаточно обоснованный вывод вносит известное уточнение в высказывавшееся прежде автором мнение относительно местоположения в Прикаспии той территории, где развитие древнеявной культуры шло эволюционным путем — от раннего неолита до заключительной поры медного века³⁵.

Автор по-прежнему придерживается мнения, что в Поволжье, в частности в Прикаспийской его части, сложение древнеявной культуры шло более эволюционным путем, чем, например, на Днепре или на Северском Донце. В последнее время замечено, что между неолитической и энеолитической керамикой Прикаспия (Исык-Кей и Досанг, северо-восточнее Астрахани) и, например, синхронной керамикой Нижнего Дона наблюдаются существенные различия. Несмотря на сходство сосудов в отношении форм, в Прикаспии определено доминирует тот же орнамент, который обычен для посуды кельтиминарской культуры, т. е. накольчатые композиции. В то же время на Нижнем Дону заметно преобладает гребенчатый орнамент, что отмечается и для Степного Приднепровья того времени, когда здесь вновь распространилась посуда, изготовленная из глины с толченой раковинной, сменившая плоскодонную посуду азово-днепровской культуры.

В свете сказанного особый смысл приобретает заключение Г. Польгаузена о том, что по данным бельтского поселения между местным диким рогатым скотом (слои 27—17) и появившимся в позднем мезолите крупным рогатым скотом нет прямой генетической связи. Появление в этих слоях костей «быка» другой породы названный автор объясняет заимствованием «с севера»³⁶. Такой вывод тем более важен, что для исследовавшейся Куном части Ирана устанавливается значительный хронологический приоритет скотоводства над земледелием. Имеет ли установление подобных фактов для выяснения начальных этапов «неолитической революции» более общее значение, покажет будущее. Однако уже в настоящее время ясно, насколько велико значение объективных историко-хронологических показателей при решении этого немаловажного вопроса.

И Бельт, и Джебел в отношении общего характера материальной культуры отличаются от культуры приазовско-кукрекского типа. Об этом свидетельствует кремневый инвентарь, подчеркнута микролитический и по обилию геометрических форм, несомненно, отражающий одно из течений западной части каспийской культурной области. О правильности такого предположения, с одной стороны, говорит очевидное сходство местного кремневого инвентаря с комплексом натуфийской культуры³⁷ и родственного с ней иранского местонахождения Карим-Шахир³⁸, а с другой — с позднемезолитическим кремнем Северного Кавказа³⁹ и Крыма⁴⁰.

Отсюда следует вывод о том, что мазандранская культура и примыкающий к ней Джебел, а также следующая за ними к западу приазовская культура принадлежат к двум различным культурным ареалам, отличающимся не только существенными сторонами материальной культуры, но и типами скотоводческого хозяйства.

И все же в культурном облике названных прикаспийских памятников имеются черты, роднящие их с древнейшим неолитом Юго-Восточной Европы, что исключительно важно для установления культурно-промежуточных форм, соединяющих ранний неолит Восточной Европы с древнейшим Передним Востоком. Для подробного рассмотрения больше подходит туркменское поселение Джебел, чем Бельт или Хоту, уже хотя бы потому, что он ближе их расположен к исследуемым нами районам, а полученные при его раскопках материалы изданы с необходимой полнотой и подробно исследованы автором настоящего труда.

Как известно, Джебел представляет собой сложное стратифицированное местоположение, имеющее мезолитические, архаико-неолитические, древнейшие керамические неолитические

слои, а также и более поздние археологические наслоения. Несмотря на то, что в культурно-стратиграфической картине Джебела нас более всего интересуют раннеолитические слои с керамикой, этот памятник рассматривается полностью, так как на данном этапе развития знаний о неолите Прикаспия культурно-

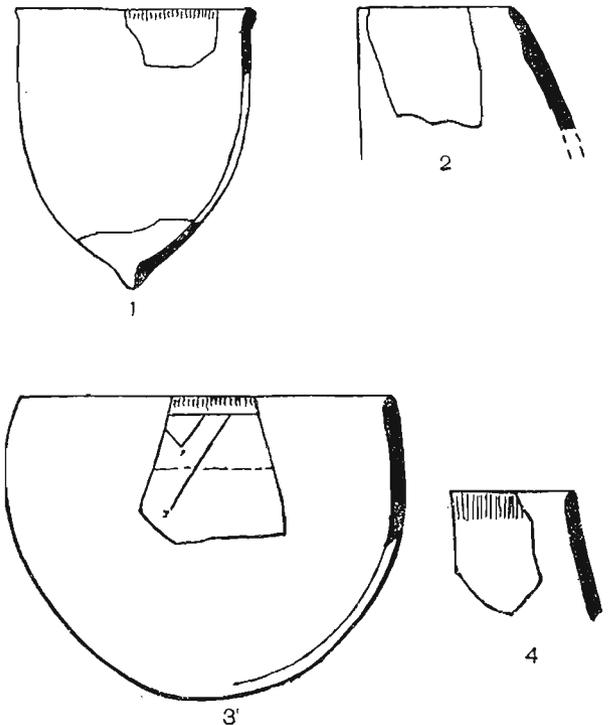

Рис. 134. Неолит Прикаспия. Первая керамика Джебела.

хронологическое положение любого из его звеньев может быть определено только в системе.

Раннеолитические слои Джебела (VI—IV) дают формы глиняной посуды, хорошо известные по раннеолитическим памятникам Украины и соседних территорий: глубокие прямостенные горшки с шипатым окончанием дна (рис. 134, 1), а также горшки с S-видным профилем (рис. 135, 1).

Первые слои несколько древнее (V—VI), вторые — позднее (IV). Учитывая полное тождество керамической массы, нередко содержащей примесь толченой раковины, одинаковость подложенной до блеска поверхности стенок и, наконец, очевидное сходство такой объединяющей V и IV слои формы, как бокастые круглодонные миски, можно предположить хронологическую смежность обоих этих слоев, не отрицая, впрочем, некоторого их хронологического различия.

Горшки с шипатым окончанием дна в настоящее время известны не только из Джебе-

ла⁴¹. Сосуд подобного типа найден в первом керамическом слое поселения у Каменной Могилы под Мелитополем (рис. 136, 8), в Ат-Баш в Крыму⁴² (рис. 136, 9), на о. Похилый в области Днепровского Надпорожья (рис. 136, 13), на Побужье, в нижних слоях поселений Базькова и Митькова островов на Винничине. К ним,

подтверждается и стратиграфически. О генетической связи этих форм керамики говорит также широкое территориальное распространение именно горшков S-видного профиля.

Суммируя соответствующие данные, напоминаем, что подобные горшки были встречены, помимо Джебела, на Нижнем Дону⁴³, в Крыму

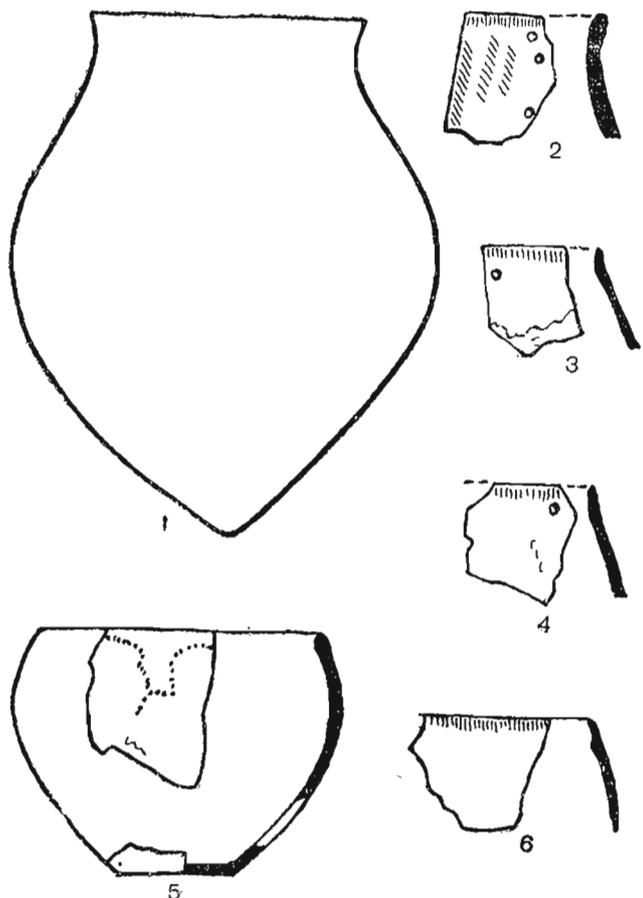

Рис. 135. Неолит Прикаспия Джебел. Образцы посуды, составляющей второй керамический комплекс.

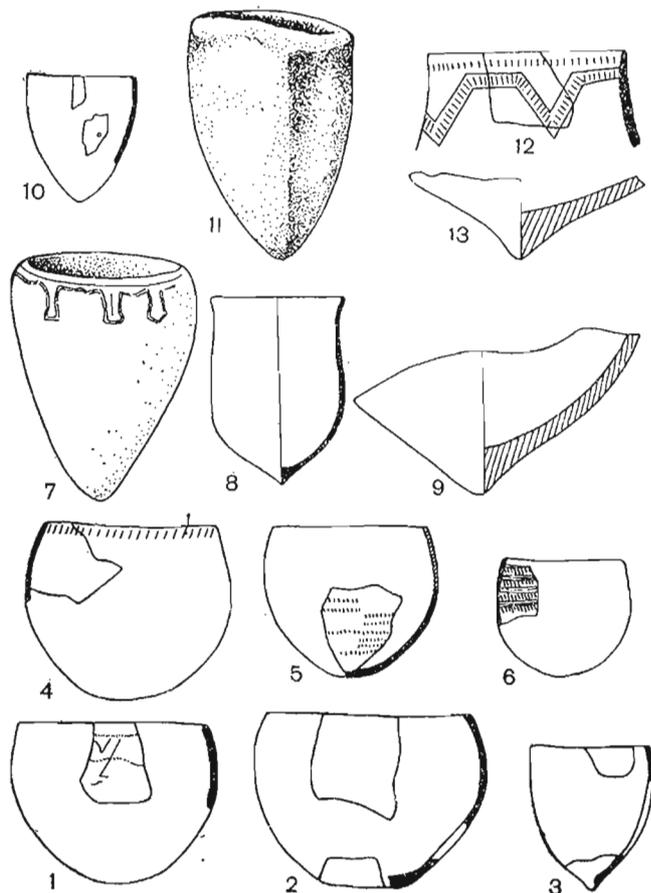

Рис. 136. Древнейшие сосуды Прикаспия, Приазовья, Причерноморья.

несомненно, близки древнейшие сосуды днепродонецкого ареала (гора Струмель, Вита Литовская, с. Евминка и др.), отличающиеся отсутствием раковин в массе и некоторыми признаками, роднящими этот комплекс с посудой архаической фазы буго-днестровской культуры*.

Как подсказывают данные Джебела и других поселений, между шиподонными горшками и горшками S-видного профиля существует определенная конструктивная связь. Естественно считать, что сосуды второго типа являются результатом развития сосудов первого типа, что

(вероятно, Балин-Кош)⁴⁴, в поселениях сурско-днепровской культуры в Днепровском Надпорожье (острова Сурский, Кодачек, Виноградный, Шулаев и др.)⁴⁵. На Ю. Буге они впервые встречаются в нижнем слое Базькова острова и в большом количестве в отложениях Соколецкой фазы — нижний слой Соколыцы II. В Северной Европе сходные сосуды встречаются в комплексах Эртебелле⁴⁶, Серово (Цедмара), в Калининградской области⁴⁷, что в конечном итоге отчасти отвечает ареалу более редких шиподонных горшков.

Любопытно отметить, что глиняные горшки S-видного профиля эртебелльской культуры объединяют в себе черты шиподонных и S-видного профиля горшков и, кроме того, в керами-

* Так, например, сосуд из с. Евминки Остерского района Черниговской области богато украшен сложной линейной композицией, а сосуд из Виты Литовской под Киевом содержит отпечатки зерен культурного ячменя.

ческой массе содержат толченую раковину. Несмотря на то что культура Эртебелле в Прибалтике существует долго, что объясняется застойностью местного развития, мы убеждены в генетической связи глиняной посуды Эртебелле с описанными выше южными образцами. В этом смысле весьма симптоматично, что эртебелльская посуда недавно была открыта на территории Польши, где, как известно, уже давно встречается костяной инвентарь маглемозско-эртебелльского типа⁴⁸. Можно предположить, что обнаружение подобных находок в Западной Белоруссии и на северо-западе Украины, где встречаются поселения с прибалтийским типом кремня, зависит исключительно от энергии археологов.

Между тем у нас нет достаточных оснований полагать, что прямостенные шиподонные горшки являются чуть ли не первичной формой глиняной посуды, ибо и моделировка самого шипа, и возникшая в целях увеличения объема вытянутость тулова подобных сосудов все же являются признаками усовершенствования какой-то более элементарной формы.

В этом смысле едва ли подлежит сомнению, что более архаической формой глиняной посуды являются имеющиеся в V и IV слоях Джебела приземистые бокастые чаши (по функции, несомненно, горшки) с закругленным или слегка уплощенным дном⁴⁹ (рис. 134, 2—4; 135, 3—6). Характерной особенностью некоторых из них является заметный отгиб венчика (рис. 135, 3, 4). От них отличаются сосуды с небольшим утончением или утолщением венчиков (рис. 134, 2; 135, 5—6; 136, 1, 2; 137, 3, 4).

К подобным сосудам, несомненно, близки круглодонные чаши из Крыма (Зуя I. Материал хранится в МАЭ, в Ленинграде), Приазовья — район ст. Цимлянской (рис. 136, 4—6), Каменная Могила (рис. 1).

Возможно, что реминисценцией именно этой формы являются глубокие чаши, изредка встречающиеся в комплексах сурско-днепровской культуры (рис. 136, 10, 12) и являющиеся довольно обычными в комплексах буго-днестровской культуры всего периода ее существования. Формально с ними идентичны древнейшие каменные сосуды Надпорожья и Приазовья (рис. 136, 7, 11).

Однако с несомненно большим основанием подобные сосуды следует сопоставить с наиболее архаической группой восточно-средиземноморской глиняной посудой, древность которой неоднократно подтверждалась залеганием в основании толщи таких теллей, как Мерсин⁵⁰ (рис. 137, 1, 2, 6, 7), Гозлю Кюле (Тарс)⁵¹, а также, отчасти, и Хаджылар⁵². Хотя в нашем распоряжении имеется достаточно полное описание этой посуды, мы не имеем данных отно-

сительно наличия примеси раковин в массе. И все же не может быть сомнений в том, что соответствующей группе посуды Джебела отвечают названные сосуды Мерсина, подобно тому, как расписная глиняная посуда Джейтуна имеет

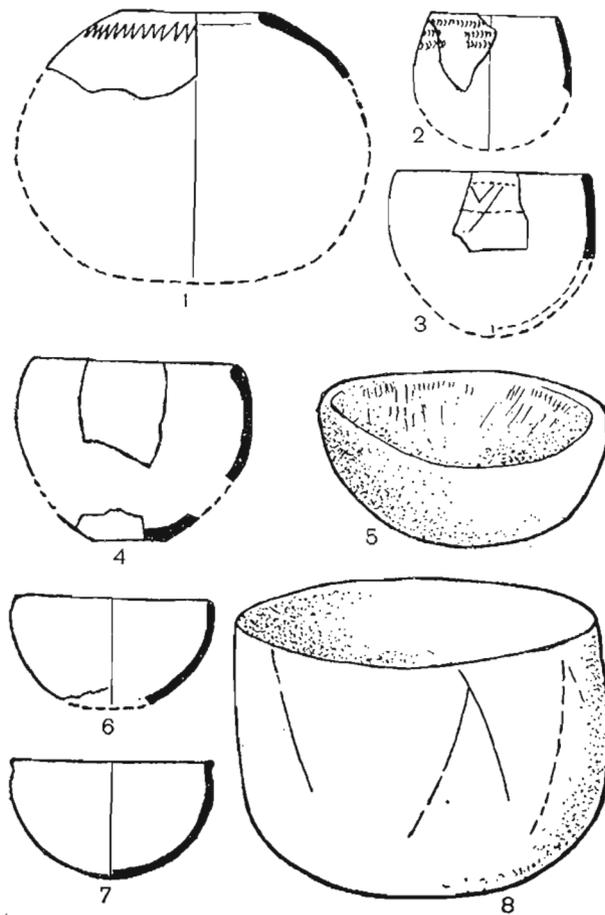

Рис. 137. Формы древнейших сосудов, имитирующих плетеные корзины-сосуды и деревянные сосуды.
1, 2, 6, 7 — Киликия; 3—4 — Джебел, Прикаспий; 8 — Джармо, Ирак (камень); 5 — Иерихон, Палестина (камень).

соответствие в синхронном с ним «позднем неолите» и «древнем халколите» того же памятника (слой XXIV и XXIII)⁵³.

В то же время в достаточной степени очевидно, что описанные выше чаши не являются древнейшими сосудами Средиземноморья, о чем свидетельствуют более древние каменные сосуды Джармо, Иерихона (рис. 137, 5, 8), не говоря уже о плетеных или деревянных сосудах.

К сожалению, соседящий с Джебелом Бельт не дает материала для столь полных сопоставлений, как Джебел, что обусловлено сравнительно малым объемом полученного здесь археологического материала и, в том числе, остатков глиняной посуды. И все же есть основания полагать, что у Бельта с Джебелом в отношении ха-

рактера посуды также имеются точки соприкосновения.

Несомненное появление керамики здесь зафиксировано с 7 слоя*. Основную группу составляет так называемая мягкая, т. е. рыхлая, посуда (soft Ware)⁵⁴. Начиная с третьего слоя, к ней подключается посуда с примесью толченой раковины в массе, т. е. как раз тот самый технологический тип керамики, который присутствует и в Джебеле. Кроме того, для обоих памятников в одинаковой степени типична лощеная посуда.

Следует думать, что бескерамичность некоторых слоев Бельта — дело более или менее случайное. Об этом, например, говорит наличие еще в XI—XII слоях особых глиняных «необожженных» конусов, имеющих аналогии в Джейтуне⁵⁵, а также и то, что первый керамический (VII) слой Бельта на основании радиоуглеродных исследований датирован сравнительно поздним временем — 5330 лет до н. э., а докерамический неолит исчисляется временем всего около 5840 лет до н. э.⁵⁶

Бельт как в отношении многослойного залегания сходных археологических остатков, так и в отношении их абсолютного возраста имеет довольно близкую аналогию в виде пещерного поселения Хоту, находящегося также в Прикаспийской части Северного Ирана. Это поселение также исследовал Кун. В числе различных археологических наслоений он сумел выделить «субнеолит», датруемый 6100 лет до н. э., «поздний рыхло-керамический неолит» — 4400 лет до н. э. (следует за «древним рыхло-керамическим неолитом», отмеченным в Бельте — 5400—5330 лет до н. э.), а также время «расписной» посуды — 2800—3360 лет до н. э.⁵⁷

Джебел, в смысле полноты зафиксированных остатков, ни в чем не уступает обоим названным выше памятникам — Бельту и Хоту.

Значение Джебела как своеобразного эталона, с помощью которого можно получить дату исследуемых памятников времени раннего неолита, определяется прежде всего полной диагностичностью полученных здесь материалов. Между тем имеющаяся для IV слоя этого памятника дата — 6030 ± 240 лет, полученная радиоуглеродным методом, нуждается в перепроверке, так как находится в противоречии с радиоуглеродными данными, полученными для других культурно близких памятников Ближнего Востока⁵⁸.

На уточнении культурно-стратиграфической колонки этого памятника нам придется остановиться подробнее уже хотя бы потому, что Дже-

* Всего в Бельте найдено 426 фрагментов глиняной посуды, многие из которых описываются без характеристики форм, что, видимо, объясняется сильной фрагментированностью материала.

бел на территории Прикаспийской части Союза все еще представляет собой одиночное явление, что при выделении реальных культурно-исторических комплексов не дает возможности опереться на соответствующие аналогии. Кроме того, следует признать, что в силу различных причин материал Джебела несет следы некоторой смешанности. Достаточно указать на присутствие надломанного наконечника стрелы «древнеянного» типа в VI докерамическом слое.

В той же связи о Джебеле уместно высказать несколько общих соображений, касающихся историко-культурной стратиграфии этого памятника, основываясь при этом на анализе массового археологического материала — кремневых и каменных изделий, а также остатков глиняной посуды.

Если исходить из многообразия изготовленных в технике двусторонней обивки наконечников стрел, I—III слои Джебела, по аналогии с Каменной Могилой, следует отнести к эпохе раннего металла. Такой вывод подтверждается обилием отщепов, наличием концевых скребков с ретушью, опускающейся на края ножевидной заготовки каменных зернотерок (см. соответствующие аналогии в Бельте⁵⁹), и отсутствием геометрических вкладышей.

Остатки глиняной посуды, происходящие из этого слоя, можно подразделить на три группы: части гончарных сосудов с горизонтальными и реже пересекающими их вертикальными полосами; остатки лепных плечистых, вероятно круглодонных, сосудов, венчики которых украшены насечкой, и, наконец, редкие обломки лепных призматических чашеобразных сосудов с загнутыми внутрь венчиками.

Сосуды первого типа имеют аналогии с керамикой древнеземледельческих поселений вроде Шах-Тепе у Астрабада, что указывает на древнеземледельческие связи и подтверждает синхронность с памятниками III тысячелетия до н. э. (по старой схеме Арне — 2800—1800 лет до н. э.)⁶⁰. Кроме того, они имеют близкие аналогии с лепными сосудами раннего бронзового века Анатолии, например, в XVII слое Бейчесултана, датруемым временем около 2800 лет до н. э.⁶¹

Вторая группа посуды — плечистые горшки — напоминает сосуды древнеянной культуры. От последних они отличаются рядом архаических черт — составом глины, гладкостенностью и, соответственно, почти полным отсутствием полосчатого сглаживания. Также необходимо отметить и отсутствие типичных для древнеянной культуры приемов орнаментирования посуды — подтреугольные наколы, гребенка или шнур.

Одновременность обеих описанных выше групп посуды, а с ней и отнесение трех верхних

слоев к какому-то местному звену древнейшей культуры у нас не вызывает сомнений.

Несомненно, архаичнее третья группа керамики, якобы происходящая из третьего слоя, — части глубоких чаш с несколько загнутой внутрь венчиковой частью, т. е. сосудов, типичных для IV и, особенно, для V слоя Джебела⁶².

Возникает вполне естественный вопрос о наличии или об отсутствии генетической связи между культурой III и IV слоев Джебела и, следовательно, о наличии или об отсутствии хронологической лакуны между названными элементами стратиграфической шкалы этого памятника.

Имеются основания полагать, что период относительного запустения Джебельской пещеры, как места обитания, все же существовал и, следовательно, подобная лакуна имела. В пользу этого говорит не только очевидное различие археологических материалов, происходящих из разных слоев, но и сведения, касающиеся палеоклиматологических данных.

В последнем смысле особо следует оценить наличие в III—IV слоях Джебела костей пресноводных рыб — карповых и осетровых, что говорит о существовании узбойской дельты Аму-Дарьи именно в этом районе. О том, что климат был здесь влажным, говорят кожа граната и косточки абрикоса из I—III слоев памятника и, разумеется, наличие указывающих на земледелие зернотерок⁶³.

Насколько это явствует из археологических данных Южной Украины (Надпорожье, Приазовье, Крым) и Подонья (Цимлянский район), период гладкостенной керамики, содержащей в массе раковину, отделен от времени наиболее ранней древнейшей керамики и сходный во многом с названным выше периодом развития культур с плоскодонной посудой, украшенной накольчатый штампом. Нечто подобное следует предложить и для Прикаспия⁶⁴, где имеются две различные культуры — кельтеминарская и узбойская⁶⁵, которые и должны связывать Джебельскую архаико-неолитическую культуру с древнейшей культурой* хронологически.

Правильность сказанного подтверждают некоторые прямые археологические указания самого Джебела. Во-первых, речь идет о характерном кельтеминарском, наконечнике стрелы, якобы происходящем из IV слоя⁶⁶; во-вторых — о венчике сосуда с воротничковым окончанием, украшенном в скорописной манере наколами⁶⁷, что уже само собой ставит вопрос о необходимо-

* Нам кажется, что характер узбойской культуры может служить доказательством генетических связей архаического Джебела с местной древнейшей культурой, в то время как Кельтеминар определенно является здесь чуждым явлением, продвинувшимся с севера (см. об этом в главе I настоящей работы).

сти разделить IV слой Джебела на два самостоятельных слоя, между которыми не было прямой генетической связи, т. е. на слои ранне-неолитический и поздне-неолитический. Хотя в нашем распоряжении находится небольшое количество прямых археологических свидетельств, правильность предлагаемого построения получает подтверждение в существовании в северо-восточном Прикаспии (разведки Д. В. Белецкого в Рынд-Песках, пункты Досанг и Исык-Кей) поздне-неолитических и непосредственно за ними хронологически следующих памятников, характеризующихся керамикой с воротничковыми венчиками и накольчато-скорописным орнаментом. По-видимому, наше стремление несколько расширить культурно-стратиграфическую колонку Джебела имеет надежное основание. Вероятно, наступившее в древнем Узбойском районе увлажнение климата привлекло сюда из Северо-Восточного Прикаспия какую-то группу поздне-неолитического населения, отличавшуюся по культуре от жителей Джебела.

Среди кремневых изделий неолитического Джебела преобладают призматические нуклеусы, пластинчатые заготовки, орудия для обработки кости в виде пластин с выемками, своеобразные прорезыватели; вкладышевые формы в виде трапеций, подтреугольников и пластин с ретушированным краем; округлые отщеповые скребки; крупные скребла (IV—VIII слои Джебела, представляющие собой единую свиту непрерывного культурно-исторического развития).

Такова краткая характеристика Джебела как стратифицированного неолитического памятника Прикаспия. Подчеркнем в его характеристике главное.

Хотя V и IV слои Джебела и представляют собой звенья единой цепи культурно-исторического развития, бытование их отражает хронологически заметный период человеческой истории.

Нам кажется, что приведенные выше сопоставления и соображения дают возможность несколько по-иному, чем это сделано А. П. Окладниковым, оценить культурно-историческое положение Джебела как памятника истории. Это относится как к докерамическим, так и к V—IV слоям Джебела. В отличие от А. П. Окладникова, мы не видим оснований предполагать какое-то отставание Джебела в культурно-экономическом развитии в сравнении с Прикаспийским Северным Ираном (Бельт, Хоту), ибо все эти памятники, несомненно, находились в одном и том же физико-географическом районе⁶⁸.

Отставание интересующей нас части Прикаспия, надо полагать, относится к более поздним временам, фиксирующим иной, более поздний, этап наступления пустыни на низовья Аму-Дарьи — Узбоя.

В этой связи нельзя не отметить, что верхние слои пещер Белът и Хоту, как и в Джебеле, заселялись жителями эпизодически⁶⁹.

Видимо, уже на раннем этапе развития культуры Джебела и ее североиранских аналогов произошло разделение путей экономического развития — выделилась часть населения, занявшая древние, благоприятные для земледелия оазисы (Джейтун)*, а другая часть продолжала идти по пути развития скотоводческого хозяйства. Едва ли, впрочем, приходится сомневаться в том, что подобный процесс не ограничивался узкими пределами рассматриваемой части Прикаспия, а захватывал обширные районы Большого Средиземноморья. Где-то около этого времени появились памятники типа 25 и 26 слоев Мерсина⁷⁰, дающие керамику, во многом напоминающую джейтунскую⁷¹.

Как о том говорят радиоуглеродные данные, полученные для соответствующих слоев западноанатолийского многослойного поселения Хаджылар, переход от монохромной лощеной посуды, представленной формами, близкими к джебельским, к древнейшей в этой области расписной посуде произошел около 5400 лет до н. э., т. е. около середины VI тысячелетия до н. э. Таким образом, время конца VII тысячелетия до н. э. нам представляется вполне подходящей датой для древнейшего керамического горизонта туркестанского Джебела, а с ним и для древнейшего керамического неолита Восточной Европы⁷³.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И СИНХРОНИЗАЦИЯ СУРСКО-ДНЕПРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сурско-днепровская культура, в отличие от приазовской, в основном развивавшейся в первой половине неолитической эпохи, представляет собой явление большой хронологической протяженности и относится к керамическому периоду неолита и даже к началу энеолита. Занимая особое географическое положение — на пограничье охотничье-скотоводческого и древнеземледельческого ареалов, — она является важным источником при создании периодизационно-хронологической системы неолита Юго-Восточной Европы.

Общими для неолитических памятников скотоводческого ареала и соприкасающимися с ними древнеземледельческими поселениями Переднего Востока есть различные локальные

типы кремневого микролитического инвентаря. Несколько больше говорят такие специфические орудия, как дисковидные скребла из кристаллических или осадочных пород, встречающиеся в разных районах Казахстана и в Туркмении, а также каменные полировальники с поперечным желобком (човники, по терминологии А. В. Добровольского)*.

Однако главным критерием при рассмотрении интересующего нас вопроса является глиняная посуда. Речь, прежде всего, идет о ее специфическом типе, о глубоких горшках с прямыми, подлощенными стенками и закругленным дном, иногда имеющим шиповатое окончание, с примесью раковины в массе. Это именно тот тип посуды, который служит для нас одним из главных признаков комплекса материальной культуры всей очерченной выше скотоводческой культурно-исторической области.

Далее должны быть названы глубокие остродонные горшки S-видного профиля с суженной горловиной и высоким, плавно отгибающимся наружу венчиком. Кроме того, в восточной половине рассматриваемого ареала встречаются и другие формы глиняной посуды — глубокие миски.

Следует особо отметить, что основанием для сближения некоторых из названных выше скотоводческих культур, например сурско-днепровской и крымской, с памятниками раннего типа буго-днепровской культуры является не только сходство форм сосудов, но и сходство приемов их орнаментирования.

В значительной степени это касается сурско-днепровской культуры, внутренняя периодизация которой в основном основана на сопоставлении форм глиняной посуды и ее орнамента с соответствующими данными буго-днепровской культуры.

Как это уже отмечалось, в развитии сурско-днепровской культуры различается примерно столько же фаз, сколько и для буго-днепровской культуры, т. е. не менее шести.

Типичной чертой первой, еще архаико-неолитической, фазы развития сурско-днепровской культуры являются очевидные переживания местного мезолита гребениковского типа (рис. 3, фаза I).

Для второй — кизлевской — фазы характерно распространение кремня кукрекско-кизлевского типа (остров Кизлевый, нижний слой поселения Сурской остров I, нижний слой поселения острова Похилый и др.) и шиподонной по-

* Подтверждением хронологической близости неолитических слоев Джебела и Джейтуна является почти полное сходство присущих им наборов кремневых орудий. Особенно это необходимо подчеркнуть для V и Va слоев Джебела. В частности, это касается такой специфической формы режущих орудий, как острне со скошенным концом и ретушью с брюшка⁷².

* Эти связываемые нами с обработкой кости орудия, несомненно, возникают на Древнем Востоке и уже оттуда распространяются по всей территории с развивающейся микровкладышевой техникой — в Прикаспий⁷⁴, на Южный Урал⁷⁵, в область сурско-днепровской и днепро-донецкой культур⁷⁶, в Северную Африку⁷⁷ и даже в область буго-днепровской культуры⁷⁸.

суды (остров Похилый). С полным основанием эта фаза может быть синхронизирована со скибенецкой фазой буго-днестровской культуры (рис. 3, фаза II).

Третья фаза, которую на основании хорошо выявившегося нижнего слоя на острове Виноградном, над Вольным порогом, можно назвать виноградновской, по составу форм и орнаментальных схем глиняной посуды синхронна с соколецкой фазой буго-днестровской культуры (рис. 3, фаза II).

Главную особенность орнамента сосудов этого времени представляют композиции, состоящие из узких линий, нарезанных на поверхности сосудов острым орудием — кремневой пластинкой или тонкой кисточкой. Далее идут скобочно-зигзаговый орнамент, наносившийся раковинной, а также скобочные врезы.

Очень типичен крупный зигзаг, или меандро-зигзаг, помещавшийся выше плечиков сосуда. Встречаются зигзаговые композиции меньших размеров, состоящие из врезов или вдавлений, опоясывающие горловину или плечики сосуда. Между такими горизонтальными зонами, уже по вертикали, помещались скобочно-зигзаговые композиции.

К четвертой фазе развития сурско-днепровской культуры относятся: основная часть неолитического комплекса Похилого острова, одно из местонахождений на острове Кизлевом, возможно жилище на п. II Сурского острова, нижний слой поселения на острове Вовчок и др. На основании хорошо выявившегося среднего слоя на острове Похилый эту фазу следовало бы именовать похилдовской (рис. 3, фаза IV—V, 1—28, 37, 43).

В отношении форм сосуда этого времени являются прямым продолжением сосудов предшествующего периода. Сохраняются и несколько развившиеся орнаментальные схемы предшествующей поры: удерживаются их линейный характер и отдельные специфические разновидности, например скобочно-зигзаговый рисунок, наносившийся раковинной.

Существенным отличием орнамента этой поры является то, что он исключительно сложен, появляются настоящие ленты шевронно-меандровой схемы. Отдельные элементы орнамента (верхние или нижние) заполняются сетчатым рисунком, что сообщает композиции так называемый позитивно-негативный характер. Еще выразительнее техника исполнения орнаментальных схем. В линейном рисунке получает повсеместное распространение широкая проглаженная линия, а сам рисунок дополняется различными, именно в это время появляющимися штампами — округлыми, овальными или подпрямоугольными вдавлениями, отпечатками двузубого, реже многозубого штампа и пр.

По признаку широкого распространения вертикальных зигзаговых схем, исполненных в технике проглаживания линий и дополнявшихся горизонтальными плоскими наколами, а также и по наличию горшков S-видного профиля глиняная посуда этого времени напоминает посуду из нижнего слоя поселения Соколыцы II, что и служит основанием для частичной синхронизации памятников этого времени с соколецкой фазой буго-днестровской культуры (рис. 125).

Вероятно, к концу этой же фазы относится нижний слой скального островного поселения Вовчок (севернее Запорожья), слой с VIII игренского поселения (район Днепропетровска) и др. (рис. 3, фаза IV—V, 28, 36, 44).

На основании древнейшего слоя поселения Вовчок, расположенного над Вольным порогом, представленный этими памятниками этап можно было бы именовать вольнянским.

На этом этапе развития сурско-днепровской культуры еще существуют реминисценции старых форм посуды, так же, как и древние приемы их орнаментирования. Ленточный орнамент приходит в упадок. Он как бы распадается и вместе с дополняющими ее элементами составляет части единой, иногда повторяющейся зональной, а не ленточной, как прежде, композиции. Орнаментированная зона иногда опускается ниже плечиков. В облике посуды немало черт, возникших под прямым воздействием буго-днестровской культуры, переживающей пещерскую фазу развития, или даже являющихся результатом непосредственного импортирования посуды из буго-днестровского ареала (рис. 138, 1—10).

Пятая — игренская — фаза сурско-днепровской культуры, подобно самчинской фазе буго-днестровской культуры, характеризуется распространением посуды с травянистой примесью в массе, украшенной оттисками гребенчатого штампа. Наряду с ней (по данным таких местонахождений, как Федоровка-Кишло, Игрень IV и V, а также один из горизонтов поселения Вовчок и др.) сохраняется посуда и местного облика, но она как бы отходит на второй план (рис. 3, фаза IV—V, 29—35, 38—42).

Шестая — вовнигская — фаза представлена двумя этапами. Первый — вовнигский — представлен целым рядом памятников: правобережным и левобережным вовнигскими поселениями, второй — скелянский — нижним слоем скального поселения Стрильча Скеля, поселением в устье Гадючьей балки (напротив острова Вовчок) и, наконец, как показал тщательный анализ старых коллекций, одним из позднейших горизонтов поселения Вовчок (рис. 3, фаза VI).

Несмотря на то что все эти памятники относятся к позднему неолиту, присущий им керамический комплекс все еще сохраняет ряд арха-

ических черт. Например, горшки S-видного профиля и глубокие миски с подлощенными стенками, украшенные угловатым линейным орнаментом с накольчатым дополнением или самостоятельными накольчатыми композициями. Характерно расширение зоны орнамента, спускающегося теперь значительно ниже плечиков.

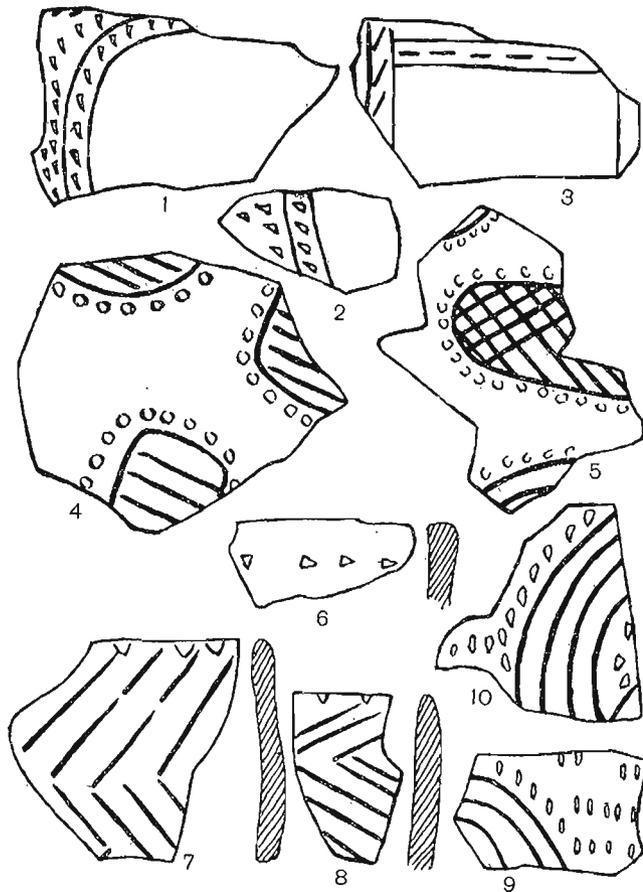

Рис. 138. Сурско-днепровская культура. Вовчок. Нижний слой. Фрагменты импортных сосудов из области буго-днепровской культуры.

1—4, 6, 7, 10 — Надпорожье; 5, 8, 9 — печерская фаза, Побужье.

И все же наиболее типичными для этого времени являются формы посуды, обусловленные западным влиянием—буго-днепровским и даже дунайским: глубокие банки, ребристые сосуды с воронковидным низом, бомбообразные сосуды, а также несколько разновидностей мисок. Доказательством усилившихся западных связей служит целый ряд керамических импортов или прямых подражаний (рис. 139, 1—12).

Как о том говорят стратиграфические наблюдения на Стрильчей Скеле, второй — скелянский — этап шестой фазы развития сурско-днепровской культуры отчасти хронологически совпадает с временем развития азово-днепровской

культуры, поселения и могильники которой в это время доминируют в Надпорожье (поселения Собачки, верхний слой Вовчка, Никольский могильник и др.). Какая-то часть населения сурско-днепровской культуры, вероятно, откочевала к востоку, а другая — переживала экспансию азово-днепровской культуры в степной зоне

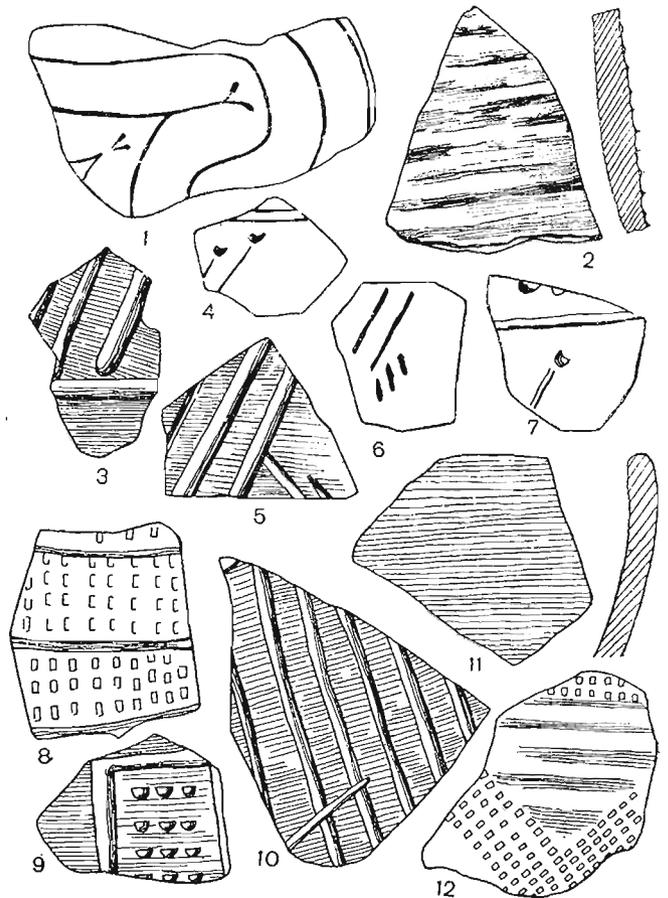

Рис. 139. Сурско-днепровская культура. Вовчок. Собачки, Вовниги, Стрильча Скеля — импорты из области буго-днепровской культуры.

Северо-Западного Причерноморья, возможно, в бассейнах рек Ингула и Ингульца. Затем, как о том говорит образование на Стрильчей Скеле позднейшего сурско-днепровского слоя с его характерной керамикой (рис. 3, фаза VI, 1, 2), племена сурско-днепровской культуры снова появились на Днепровских порогах и, вероятно, приняли участие в формировании древнеямной культуры.

К ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА ПРИАЗОВЬЯ И КРЫМА

Сведения о неолите Приазовья и Крыма во многом еще фрагментарны. Однако данные таких поселений, как Каменная Могила, Балин-Кош⁷⁹, Таш-Аир⁸⁰, Зуя I, Кая-Арасы⁸¹ и др., уже те-

перь могут быть сопоставлены с приведенными выше синхронистическими данными.

Так, например, нижние слои поселения у Каменной Могилы, включая и первый керамический слой, исключительно важны для понимания истоков кукрекского импульса, принявшего участие в формировании сурско-днепровской, буго-днепровской и крымской культур (рис. 1). В то же время определяются как находящиеся в начале керамического неолита такие памятники, как Фронтное III, Зуя I и, вероятно, Ат-Баш, сохраняющие черты местного заключительного тарденуаза, но уже обнаруживающие признаки скрещивания его с пришлым с севера кукрекским компонентом (рис. 2), что в целом отвечает культурному повороту, датируемому нами концом VII — началом VI тысячелетия до н. э. В хронологическом отношении показательна посуда развитой и поздней поры неолита (Таш-Аир I, Замиль-Коба, Кая-Арасы, а затем и Шан-Кобы)⁸², обнаруживающая бесспорное сходство с синхронной посудой сурско-днепровской и отчасти буго-днепровской культур. Так, например, в отношении форм посуду этого времени характеризуют два типа горшков со стянутым венчиком: с острым дном — в более ранних памятниках и с плоским — в более поздних. В орнаменте господствуют занимающие верхнюю половину тулова зональные композиции, состоящие из зигзагов, горизонтальных линий и сопровождающих их наколов и вдавлен.

Длительное существование подобной посуды говорит о том, что неолитическая культура Крыма сохраняла свою самобытность дольше, чем сурско-днепровская, не выдержавшая шедшего с севера натиска племен днепро-днепровской культуры.

В заключение следует также отметить признаки контакта местной культуры с буго-днепровской (упоминавшиеся плоскодонные сосуды из Шан-Кобы, наконечник мотыги бугского типа и жатвенный нож * из Таш-Аира)⁸³ (рис. 131, 5), что и дает основания для синхронизации среднего и заключительного разделов обеих культур.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И СИНХРОНИЗАЦИЯ НЕОЛИТА ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

До сих пор, пытаясь определить место буго-днепровской культуры в историческом процессе, устанавливая хронологическое положение отдельных ее фаз и определяя существовавшие у нее прямые или опосредованные связи, мы, в основном, шли по пути сопоставления ее данных с материалами таких культур, контакты

с которыми в той или иной степени обогащали саму исследуемую культуру. Однако, как выясняется в последнее время, буго-днепровская культура была не только восприимчивой внешним прогрессивным влияниям, но и сама влияла на своих соседей, вступающих на неолитический путь развития. Влияние буго-днепровской культуры в разные времена и в разных районах проявлялось по-разному. Так, например, учитывая глубокий архаизм ранних фаз буго-днепровской культуры с типичным для них линейным орнаментом, можно высказать предположение, что племена буго-днепровской культуры или их сородичи приняли какое-то участие в сложении средневропейской культуры линейно-ленточной керамики. Развить эту мысль в настоящее время не представляется возможным ввиду полного отсутствия реальных сведений о раннем неолите Средней Европы. Иначе обстоит дело с памятниками обширной северной области — днепро-днепровской культурой, которая на среднем — самчинском — этапе буго-днепровской культуры обуславливала своего рода деструкцию последней. Этот факт тем интереснее отметить, если учесть, что возникновение струмельского субстрата днепро-днепровской культуры в значительной степени зависело от формирующегося воздействия именно буго-днепровской культуры, а в развитии обеих культур общего оказалось не меньше, чем с сурско-днепровской культурой, что, помимо всего, стимулировало создание единой периодизационной схемы, действительной для буго-днепровской, сурско-днепровской и днепро-днепровской неолитических культур.

В настоящее время в развитии неолита так называемого днепро-днепровского ареала различается столько же фаз, сколько их зафиксировано и для буго-днепровской культуры, т. е. шесть (рис. 5, фаза I—VI).

Первая субстратная струмельская фаза получает свое наименование от ур. Гора Струмель близ с. Новоселица Киевской области, представляющего собой высокий мыс боровой террасы левого берега Днепра. Еще в 1950 г. В. И. Канивцом и автором в отложениях песчаной толщи, вероятно на месте древнего жилища, было зафиксировано компактное скопление, включавшее развалы нескольких сосудов — глубоких шиподонных и остродонных горшков, морфологически с ними сходных мисок и пр. Сосуды толстостенные в плохо обожженной рыхловатой массе содержат растительную примесь, стенки их почти не орнаментированы, но подлощены или заглажены широкой щепой или пучком травы.

В настоящее время вполне очевидно, что возникновение всех присутствующих здесь керамических форм произошло под непосредствен-

* Описан как костяная оправа для вкладышей⁸⁴.

ным влиянием буго-днестровской культуры, переживающей скибенецкую фазу (рис. 140, 1—5). Установление этого факта имеет решающее значение в определении внешнего импульса, определившего момент перехода местного населения на неолитический этап развития, происшедший,

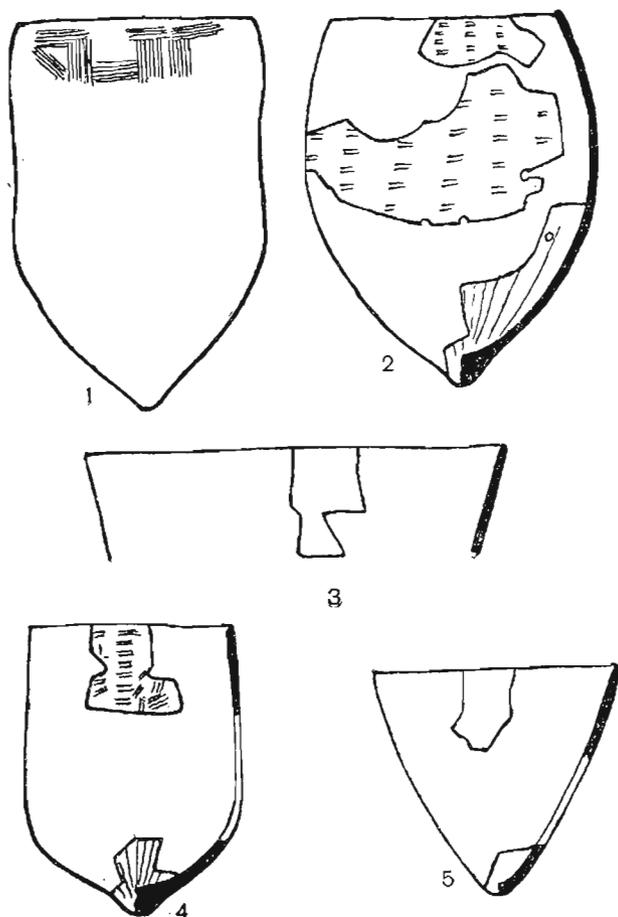

Рис. 140. Днепро-донецкая область. Фрагменты керамики струмельского типа.

исходя из норм буго-днестровской культуры, где-то не позднее первой половины VI тысячелетия до н. э.

В настоящее время известны следы целого ряда небольших поселений струмельской фазы, опознающихся по остаткам характерной глиняной посуды у с. Софиевка, Чапаевка (Вита Литовская), Евминка, за пределами Украины — близ с. Лучин в Белоруссии и др.

Топографические условия этих местонахождений достаточно типичны — большинство их занимает мысообразные склоны борových террас, возвышающихся над долиной Днестра не менее чем на 10—15 м. Отсюда, впрочем, не следует

вывод о том, что уровень Днестра того времени значительно превосходил современный. Исходя из того, что только некоторые из названных местонахождений, например Чапаевка, находятся в обычных для неолитических поселений топографических условиях, т. е. на надпойме, следует заключить, что надпойменная терраса этой части днепроовского бассейна, хотя и вышла из-под воды в начале керамического неолита, была еще неудобной для обитания вследствие заболоченности. В сравнении с Побужьем формирование надпоймы здесь отставало, что в значительной степени и обуславливало экономическое использование полян, находившихся на склонах боровой террасы.

Население начальной поры развития буго-днестровской культуры оказывает глубокое экономическое и культурное воздействие на развитие населения Среднего Поднепровья, ускоряя переход его на неолитический этап развития.

Об этом свидетельствует распространение в орнаментальных мотивах среднеднепровской посуды линейных композиций (остродонный горшок с ленточной композицией из района с. Евминки), появление в керамической массе растительной примеси, содержащей (в горшке из с. Чапаевки) остатки мякоти и зерен культурного ячменя.

Вторая фаза, также субстратная — заваловская, получила свое название от древнего поселения у с. Заваловки Киево-Святошинского района Киевской области, исследованного Д. Я. Телегиным в 1962—1963 гг. Это пока единственный памятник, характеризующий фазу в целом. Его представляет сравнительно небольшое количество керамики хронологически однородной. Сосуды, как это отмечено и для предшествующей фазы, толстостенные, в массе содержат растительную примесь, но на этот раз более крупную и более волокнистую, чем прежде. Из форм установлены лишь широкооткрытые горшки S-видного профиля. Для заваловской посуды типичен линейный орнамент и ленты, состоящие из косо поставленных оттисков прямого или гребчатого штампов. Сопоставление собранного здесь комплекса посуды с буго-днестровско-соколецким убеждает в их синхронности (рис. 5, фаза II, III; 125).

Третья — в значительной степени также субстратная — гриневская фаза получила свое название от стратифицированного поселения у с. Грини Чернобыльского района Киевской области, исследованного Д. Я. Телегиным в 1963 г. По-видимому, к этому же времени относится и часть материалов древнего поселения в ур. Сосенки близ с. Лучин, под Мозырем, а также часть инвентаря неолитического поселения Холм на Неруссе (рис. 5, фаза III; 126).

Коллекция, собранная Д. Я. Телегиным при-

раскопках гриневского поселения, численно невелика, но достаточно выразительна в смысле сопоставления ее материалов с буго-днепровскими. По технологическим данным гриневский керамический комплекс легко разделяется на две группы. Первую составляют сравнительно толстостенные, почти неорнаментированные остродонные горшки и миски, несомненно, еще продолжающие струмельскую линию развития; вторую — довольно тонкостенная посуда, украшенная сложным линейным орнаментом. Среди форм посуды второго типа улавливается плечистый плоскодонный горшок, т. е. форма отнюдь не днепро-днецкая. На Ю. Буге в комплексах самчинской фазы она нигде не встречается, но зато широко распространенная в комплексах печерской фазы.

Наличие сосудов этой формы и многолинейных композиций, обрамленных круглыми вдавлениями, т. е. явлений, имеющих аналогии в инвентаре памятников печерской фазы, убеждает в синхронности обеих этих фаз — днепро-днепро-днецкой и буго-днепровской-печерской (рис. 5, фаза III; 126).

Исключительно важно отметить присутствие в гриневском комплексе небольшого количества фрагментов посуды, украшенной настоящими керешскими парными защипами (рис. 133, 11).

На основании изложенного выше должен быть сделан исключительно важный вывод — весь архаический период развития среднеднепровского неолита, т. е. почти на всем протяжении VI и V тысячелетий до н. э., происходил под знаком этнокультурного доминирования явлений буго-днепровской культуры, покоящегося на экономической основе мотыжного земледелия.

Четвертая фаза — гнилопятская (от поселения при впадении р. Гнилопяти в Тетерев, недавно установлена В. И. Неприной). По существу, это первая собственно днепро-днецкая фаза, характеризующаяся поздним набором кремня эртебелльского типа и набором глиняной посуды, почти не отличимым от самчинского, что дает возможность решить вопрос о синхронности гнилопятской и самчинской фаз развития двух соседних культур (рис. 5) и о датировке их рубежом V и IV тысячелетий до н. э.

Пятая фаза — моствинская (от неолитического поселения у с. Моства Коростенского района Житомирской области, исследовавшегося И. Ф. Левицким в 1948—1949 гг.) — представляет время расцветания днепро-днецкой культуры. Для этого времени можно различить несколько локальных культур — волынскую, отличающуюся макро-, микролитическим комплексом кремневых орудий прибалтийского типа (Моства⁸⁵), приднепровскую, почти не дающую рубящих орудий, которые скорее всего изготовлялись

из рога и кости (Никольская Слободка⁸⁶, Чапаевка), и, наконец, донецкую, отличающуюся особым донецким набором макро-, микролитических кремневых орудий (Бондариха и др.).

Посуда этого времени однообразна. Преобладают остродонные и круглодонные горшки, глубокие чаши, как правило, украшенные зональными композициями, состоящими из линий и оттиков гребенчатого штампа (рис. 5, фаза IV).

Шестая фаза — бузьковская (от поселения у с. Бузьки Золотоношского района Черкасской области, исследованного Д. Я. Телегиным в 1957 г.) — время частичного упадка днепро-днецкой культуры.

На настоящем этапе исследований трудно сказать, охватывают ли явления бузьковской фазы весь днепро-днецкий ареал и имеются ли бузьковские памятники на Волыни, в десно-сеймской части Поднепровья и на Донеччине. Более вероятно, что они представляли собой относительно локальное явление, распространились к западу от Днестра и смыкались с памятниками шестой — вовнигской фазы развития сурско-днепровской культуры.

Для памятников бузьковского типа следует подчеркнуть восстановление влияния буго-днепровской культуры на развитие местного неолита, что привело к значительному видоизменению внешнего облика приднепровских памятников, а возможно, и к изменению их экономической основы.

Чисто археологическим выражением происшедших изменений прежде всего является заметное изменение характера глиняной посуды (рис. 5; 127).

В памятниках бузьковского типа так же, как и в комплексах савранских памятников буго-днепровской культуры, получают широкое распространение две основных формы керамики — глубокие плоскодонные ребристые сосуды с довольно высоким воронковидным низом, а также глубокие остродонные горшки S-видного профиля. Помимо общих для посуды обеих культур форм, следует назвать и другие черты присущей им общности — широкое использование размочаленной растительной примеси для отощения массы сосудов, использование в той же функции графита и, наконец, довольно широкое распространение проглаженного линейного орнамента⁸⁷, составляющего угловатые композиции, напоминающие савранские⁸⁸.

О происшедших изменениях состава культуры говорит и тот факт, что для памятников бузьковского типа вновь отмечаются некоторые признаки земледелия. Речь, например, идет о найденном в Бузьках роговом наконечнике мотыги, который по признаку поперечной постановки рабочей части должен быть отнесен

к числу поздних изделий этого рода, уже вполне сопоставимых с трипольскими⁸⁹.

В настоящее время трудно заключить, обусловлены ли отмеченные выше изменения характера днепро-донецкой культуры одним, основанным на экономическом превосходстве влиянием на нее со стороны буго-днестровской культуры или же здесь также имела место инфильтрация части населения этой культуры с Ю. Буга на Днепр. В пользу последней говорят, по крайней мере, два обстоятельства.

Во-первых, именно в это время также и в южной части Среднего Поднепровья, на Порогах, происходил усиленный процесс ассимиляции сурско-днепровской культуры, что привело к значительному переформлению местной культуры и к смыканию ее с бузьковским типом памятников, буго-днестровские связи которого отмечались выше. Так, на Порогах возникли памятники типа среднего слоя поселения Вовчок, правобережного и левобережного поселения в районе Вовнигского порога, нижнего слоя на Стрильчей Скеле, слоя Д1 на Игреньском полуострове⁹⁰, т. е. памятники, родственные как бузьковским, так и савранским.

В более ослабленных проявлениях, чем на Среднем Днепре и на Днепровском Надпорожье, тот же процесс захватывает и Донеччину, где в это время появляются поселения типа Веревкинской 14 или нижнего слоя Александрии⁹¹.

Таковы факты, свидетельствующие о том, что на предпоследнем этапе развития буго-днестровская культура отнюдь не представляла собой находившийся в упадке этнокультурный массив, а наоборот, в процессе регенерации многих традиционных черт представляла собой настолько заметную историко-культурную силу, что оказалась способной подчинить своему влиянию ряд соседних племен.

Отрицая значительные масштабы передвижения племен буго-днестровской культуры в бассейн Днепра, мы опираемся на ряд фактов, в частности на то, что и на Порогах, выше их по Днепру и даже в Восточном Приазовье где-то около этого же времени появляются могильники вовнигско-мариупольского типа⁹², с физическим типом людей, близким к большой кроманьонской расе⁹³.

Хотя мы фактически ничего еще не знаем о физическом облике людей буго-днестровской и сурско-днепровской культур, факт продвижения с северо-востока позднейших кроманьонцев на юг Украины едва ли может быть взят под сомнение, уже хотя бы потому, что для племен буго-днестровской культуры засвидетельствован в корне отличающийся погребальный обряд, заключающийся в создании небольших семейных могильников со скорченными погребениями.

Не лишне подчеркнуть, что отмеченные выше явления хронологически еще предшествуют времени окончательного оформления азово-днепровской культуры, представленной на порогах памятниками типа верхнего слоя Вовчка, поселением Собачки, Никольским могильником и др.⁹⁴, а на востоке — Мариупольским могильником⁹⁵.

Таким образом, можно заключить, что часть продвинувшегося на территорию Украины массива позднего кроманьонского населения, попав в своеобразные условия Причерноморья и Приазовья, приняла участие в сложении азово-днепровской культуры, в то время как племена, обитавшие в более северных широтах Поднепровья и не испытавшие прямого воздействия буго-днестровской культуры, остались в стороне от этого процесса.

Условно может быть выделена и седьмая фаза — ошитковская (от с. Ошитки Киево-Святошинского района Киевской области) — время дальнейшего упадка днепро-донецкой культуры. Памятники с сохранением некоторых черт этой культуры отмечаются только в северной части Среднего Поднепровья (Чапаевка, Никольская Слободка, Бортнич, Ошитки и др.) в виде памятников ошитковского типа, существующих некоторое время, а затем под напором триполья, мегалитической и степных культур ассимилируются и прекращают свое существование.

Для времени ошитковской фазы известна только глиняная посуда — глубокие остродонные бокастые горшки со стянутым верхом. Венчик украшен в скорописной манере оттисками прямого штампа, насечкой, отпечатками подтреугольных наколов и др. (рис. 6, фаза VII).

Нет оснований полагать, что между временем памятников азово-днепровской культуры и временем ранних памятников ошитковской фазы днепро-донецкой культуры, с одной стороны, и временем памятников савранского и бузьковского типов — с другой, существовал значительный хронологический разрыв.

В этом смысле весьма показательны буго-днестровские памятники типа Миколина Брояка, обладающие как чертами памятников савранской фазы, так и отдельными чертами культурной близости с памятниками азово-днепровского типа.

Подтверждением этой мысли является распространение в культурном комплексе именно таких памятников глубоких банкообразных сосудов с воротничковым оформлением венчика, украшенных треугольным накольчатый штампом. В настоящее время еще нет возможности очертить тот район, где подобные сосуды возникли впервые. Достаточно обрисовать ареал использования таких сосудов, который на восто-

ке включает Нижний Дон⁹⁶, на юге — Степной Крым⁹⁷, на севере — Северский Донец и Средний Днепр⁹⁸, на западе — часть нижней половины южнобугского бассейна.

Имеются немалые основания считать, что намечаемая синхронизация распространяется только на начальный период развития позднейших памятников днепро-донецкой и азово-днепровской культуры. Последняя, подобно северной оконечности днепро-донецкой культуры, продолжает существовать и после окончания неолита — вплоть до появления здесь пришедших с востока первых волн населения древнеямной культуры, когда и буго-днестровская, и днепро-донецкая культуры как явления неолита уже сошли с исторической арены.

Несмотря на известную ограниченность устанавливаемой синхронизации, значение ее все же бесспорно, ибо только с ее помощью удастся определить те историко-хронологические рубежи, которые отделяют такие большие эпохи истории Восточной Европы, как эпоха неолита и эпоха палеометалла.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СИНХРОНИЗАЦИИ НЕОЛИТА ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ

Периферийное в условиях территории Украины положение неолита ямочно-гребенчатой керамики, а также отсутствие для него радиокарбонных дат делает выработку системы хронологии и синхронизации для этой культуры делом, бесспорно, трудным.

Между тем в работах А. Я. Брюсова, Н. Н. Гуриной, М. Е. Фосс, А. Ю. Янитса и др. имеются достаточно обоснованные схемы хронологического расчленения неолита ямочно-гребенчатой керамики, в которых удовлетворительно решаются вопросы его относительной хронологии. Что же касается вопросов абсолютной хронологии и синхронизации этой культуры с соседними, то их решение в немалой степени все еще принадлежит будущему.

В данной работе мы также не можем предложить подробного рассмотрения этих вопросов, ибо имеющийся в нашем непосредственном распоряжении материал все еще мал. Установить хронологическое положение и синхронное соотношение некоторых важных явлений, опираясь на «внутренние» ресурсы самого неолита ямочно-гребенчатой керамики, оказалось бы невозможным, если не использовать данные хронологии буго-днестровской и днепро-донецкой культур, данные триполья и начальных звеньев древнеямной культуры, которые так или иначе соприкасались с неолитом ямочно-гребенчатой керамики.

Вопрос о начальном периоде формирования неолита ямочно-гребенчатой керамики в нашем представлении в значительной степени адекватен вопросу о ее субстрате, т. е. о взаимоотношениях наиболее архаических звеньев этой культуры с памятниками типа Струмель—Дубичай—Серово—ранняя Нарва—Ладожское озеро (древнейшая часть коллекции с монохромной лощеной посудой вроде приазовской, с примесью раковины в массе), развивавшимися в VI и V тысячелетиях до н. э.

Далее следует признать реальным особый период кельтминарского контакта, без которого нельзя понять возникновение приуральского керамического неолита, позднего неолита-энеолита Степного Поволжья, средних слоев Ракушечного Яра, памятников типа Волынцево, Волчанских хуторов, азово-днепровской и других культур скорописно-накольчатой керамики, включая и Сперрингс. О хронологическом положении этого контакта можно судить на основании того, что часть перечисленных памятников появляется непосредственно позднее самчинской фазы буго-днестровской культуры и моствянской фазы днепро-донецкой культуры, т. е. где-то на рубеже V и IV тысячелетий до н. э. (рис. 6).

Затем следует период пережиточного неолита, куда следует зачислить большинство известных нам неолитических культур собственно ямочно-гребенчатой керамики. В рамках Украины сюда входят памятники от позднего Волынцева до позднего комплекса Погореловка-Коса, как и все слои поселения Долгое на Дону, поздняя дата которых на основании сопоставления с памятниками типа Средний Стог II может быть определена как время после середины IV тысячелетия до н. э. (фаза VI).

Последние сведения о существовании в границах Украины неолита ямочно-гребенчатой керамики даны в материалах таких археологических памятников древнеямной культуры, как средний слой Александрии, Деревка и самая древняя часть комплекса Скели Каменоломни, где пережиточный ямочно-гребенчатый неолит встречается с древнейшей шнуровой керамикой древнеямного типа (фаза VI).

На основании сопоставления с данными трипольской культуры эти памятники следует датировать непосредственно предусатовским временем, т. е. временем после середины III тысячелетия до н. э.

Примерно к этому же времени относится и такой позднейший памятник, как Пустыньки V, который не только надежно синхронизируется с трипольем C₁, но и обнаруживает черты культурного сращивания с неолитом ямочно-гребенчатой керамики.

Более поздних памятников неолита ямочно-гребенчатой керамики на территории Украины мы не знаем, и, вероятно, в поисках их позднейшего хронологического рубежа следует уже обратиться к компетенции исследователей неолита БССР, РСФСР, Эстонии и Карелии.

Таковы основные факты, характеризующие этнокультурное и синхронное соотношение неолита Украины и, в первую очередь, буго-днестровской культуры и следовавшего за ней Триполья с культурами охотничье-скотоводческого ареала, нередко подталкивавшихся в своем развитии обеими названными выше древнеземледельческими культурами.

Иными по содержанию были взаимоотношения исследуемых этнокультурных групп, и в их числе буго-днестровской культуры, с неолитическими культурами земледельческого балкано-дунайского ареала. В сравнении с ними даже буго-днестровская культура выступает как явление хотя и древнее, но все же примитивное, представляющее лишь периферийные формы развития восточно-средиземноморского древнеземледельческого ареала.

ИСТОРИКО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ С КУЛЬТУРАМИ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО АРЕАЛА

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Благодаря большому научному почину, сделанному в свое время в области изучения неолита и энеолита Восточного Средиземноморья английским археологом Дж. Гарстангом⁹⁹, а также благодаря его последователям и ученикам¹⁰⁰, за последние три десятилетия накоплен большой научный материал, который во многих отношениях по-инному осветил данные о древнейшей истории земледельческих культур Европы, а с ними и знания о всей неолитической эпохе обширных европейско-азиатских пространств. Можно, в частности, напомнить, что подтверждение права распространить старый лозунг «Ех oriente Lux» и на неолитическую эпоху в значительной степени содействовало развенчанию мифа об особой культуртрегерской роли североευропейских «протогерманцев», т. е. того самого мифа, который был создан германскими расистскими археологами и защищался как ими самими, так и некоторыми негерманскими учеными, сознательно или бессознательно довольствовавшимися ролью их учеников и идеологических сателлитов.

Среди изучавшихся в Восточном Средиземноморье памятников особое место принадлежит древнему Иерихону, раскапывавшемуся Дж. Гарстангом и его последователями систе-

матически, на больших площадях и на протяжении длительного периода. В результате были исследованы многие тысячи м², на глубину свыше 20 м.

Уже Гарстангом была выявлена картина непрерывного развития Иерихона, длившаяся без перерыва от начала воспроизводящего хозяйства (более 6000 лет до н. э.) и до исторических времен (VI век до н. э.). Все открытые здесь памятники были подразделены Гарстангом на 10 археологических периодов: железный век I (0—1 м), поздняя бронза I (1—4 м), средняя бронза II (4—5 м), средняя бронза I (5—7,5 м), древняя бронза II (7,5—10 м), древняя бронза I (10—12 м), «халколит» (12—13,5 м), неолит II (13,5—18,5 м), неолит I (18,5—20,5 м) и «микролит» (20,5 м и глубже)¹⁰¹.

Нижние горизонты местонахождения, получившие наименование «докерамического неолита»¹⁰², не говоря уже о более поздних культурно-стратиграфических подразделениях открытой здесь картины, характеризовались всеми признаками оседлости, включая остатки каменной архитектуры и все признаки примитивного земледелия и скотоводства, которые, однако, не давали указаний на употребление глиняной посуды, а лишь сопровождалась предшествующими ей каменными сосудами простейшей «тыквообразной» формы¹⁰³. Применение радиоуглеродного метода для определения абсолютного возраста этого слоя привело к установлению даты, в реальность которой поверили далеко не все специалисты, — 8200 ± 200 — 7800 ± 160 лет назад, т. е. 6850—6400 лет до н. э.¹⁰⁴

Так возник миф о Иерихоне как о древнейшем городе мира, созвучный с библейским мифом о «земле обетованной». Однако научная сторона большого открытия воспреобладала над библейской и в среде буржуазных ученых. Уже в середине 50-х годов Цойнер (Zeuner) возразил Гарстангу и его приемнице — Кенyon, что на месте древнего Иерихона исследуется одно из наиболее древних в мире неолитических поселений, каких немало в Восточном Средиземноморье, а отнюдь не древнейший город мира, ибо возникновение подлинных городов относится уже к совершенно другому уровню историко-культурного развития человечества.

Памятники древнейшей земледельческо-скотоводческой культуры приморской части Восточного Средиземноморья были открыты также и в древнейшей Киликии тем же Дж. Гарстангом, где были предприняты раскопки обширного телля Мерсин¹⁰⁵. Они привели к открытию стратиграфической картины, которая в отношении полноты состава археологических остатков напоминает Иерихон, но вместе с тем включает ряд компонентов, имеющих месопотамские и иранские аналогии.

В плане предлагаемого построения наиболее интересны древнейшие горизонты Мерсина — нижний неолит и верхний неолит, отражающие уже земледельческо-скотоводческий этап развития культуры, характеризующийся остатками каменных фундаментов глинобитных жилищ, а также красноглиняной и черноглиняной посудой (рис. 137, 2, 6, 7), сходной с каменной посудой предшествующей поры (рис. 137, 5, 8)¹⁰⁵.

Как показали раскопки другого киликийского телья — Гозлю-Куле (Тарс), осуществленные Х. Гольдманом¹⁰⁷ (рис. 137, 1), и даже раскопки в Туркмении, неолитическая культура подобного облика не представляет собой локального явления (рис. 137, 3, 4).

В равной степени представляют немалый интерес «протохал-колитический» и «древнехал-колитический» горизонты Мерсина, уже с расписной керамикой, сопоставляемые Гарстангом с древнейшими отложениями Хассуны и древней Ниневии¹⁰⁸.

Тяготение этих памятников к востоку делает их особо интересными для сопоставления с прикаспийскими памятниками, находящимися на территории Советского Союза, в Туркмении, — с дорасписным Джебелом и раннерасписным Джейтуном.

В плане сопоставления с южноевропейскими древнеземледельческими культурами интересна так называемая хаджыларская культура, сравнительно недавно выделенная в Юго-Западной Анатолии и исследованная английским археологом Джеймсом Меллаартом. Родственные с ней памятники имеются и на сопредельных с Анатолией островах — Хиосе и Косе¹⁰⁹.

Джеймс Меллаарт, в течение ряда сезонов раскапывавший телья Хаджылар (Вилает Будур), выявил здесь девять керамических слоев, отражающих непрерывное развитие от позднего неолита до древнего халколита, а также серию слоев докерамического неолита. Исследования осуществялись на основе широких сопоставлений — привлекались не только анатолийские и киликийские, но и эгейские памятники, что делает работы Меллаарта весьма содержательными¹¹⁰.

Достоинства Хаджылара как источника для историко-хронологических построений определяются также и тем, что для основных его стратиграфических подразделений имеются в той или иной степени достоверные радиоуглеродные даты.

К настоящему времени, как показали исследования в самом Хаджыларе, дополненные за счет данных других памятников рассматриваемого ареала, устанавливаются следующие этапы развития местных послепалеолитических культур (терминология Джеймса Меллаарта).

1. Мезолит с микролитической индустрией натуфийского типа и простой подлощенной глиняной посудой черного, коричневого или красноватого цвета¹¹¹. Этот, по-нашему, ранне-неолитический пласт зафиксирован в пещерном местонахождении Бельдиби, в приморской части

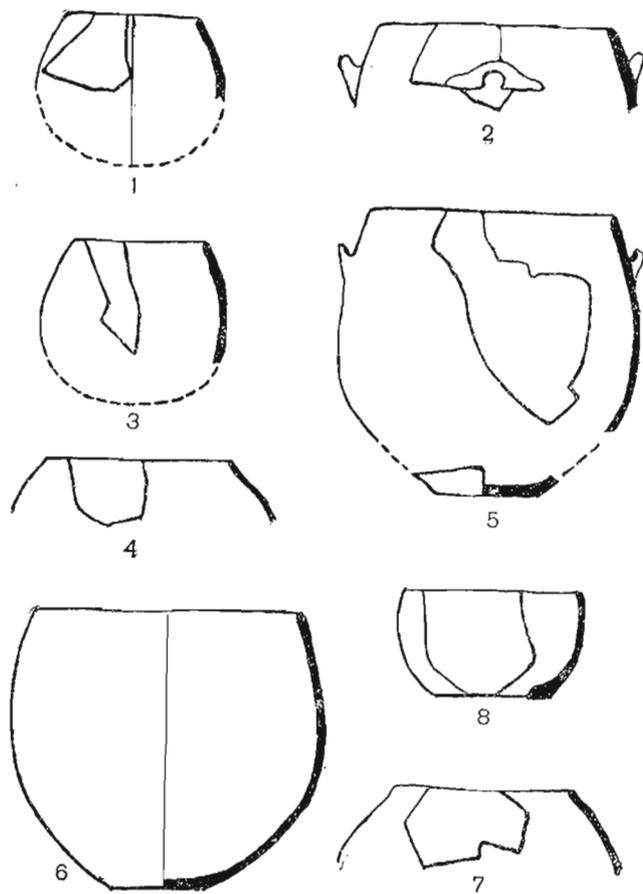

Рис. 141. Фрагменты неолитической керамики. Западная Анатолия. Хаджылар.

Юго-Западной Анатолии, где он залегал над мезолитическим слоем с натуфийским кремнем без керамики, который, в свою очередь, перекрывал слой конца палеолитической эпохи¹¹².

2. Ряд докерамических слоев с остатками древнеземледельческой культуры со следами глинобитных жилищ (в Хаджыларе).

3. Неолит (развитый. — В. Д.) фиксируется как в пещерных местонахождениях (Кара'ин-Чакр'ин), так и в нижних слоях тельей (Кизиликая). Этот этап, если исходить из соответствующих аналогий, отмеченных для земледельческих поселений неолитической Киликии (Мерсин, Чатал-Гуйюк и др.), характеризуется наземными жилищами и приземистыми бомбовидными, кремеватыми или темными, лощеными сосудами¹¹³ (рис. 141, 1—8).

4. Поздний неолит (эпонимные памятники — Хаджылар VI—IX) характеризуется наличием наземных жилищ и дальнейшим развитием названной выше разновидности монохромной глиняной посуды, а также появлением ее распис-

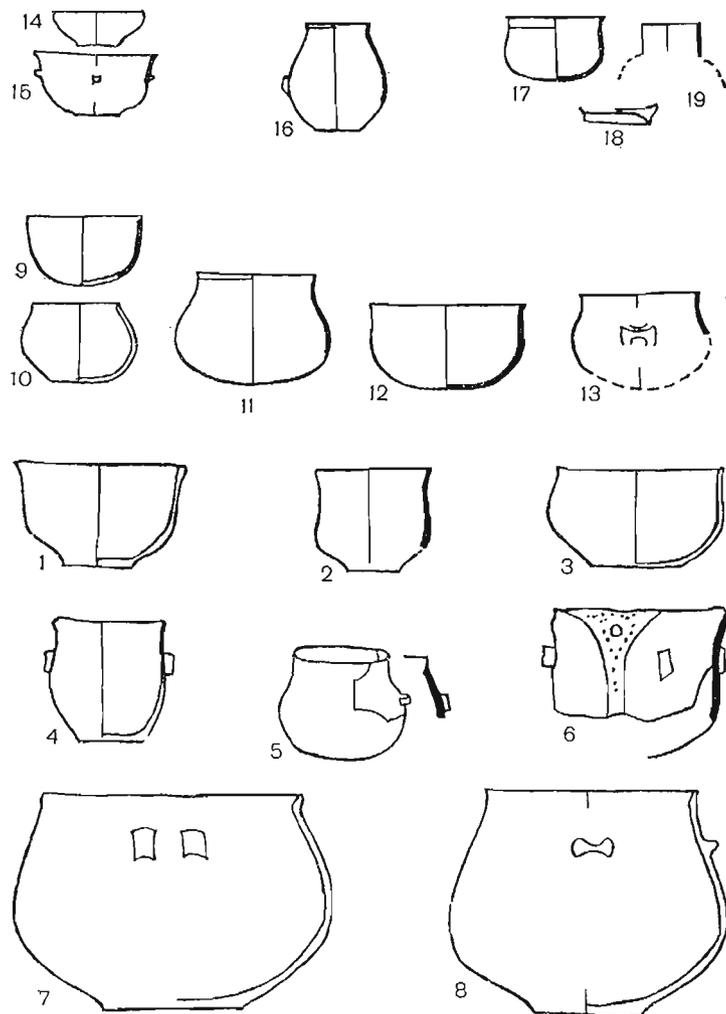

Рис. 142. Фрагменты керамики. Неолит-энеолит. Западная Анатолия. Хаджылар.

ного варианта (рис. 142, 1—8). Все слои неолитического Хаджылара представляют собой остатки вполне оседлых земледельческих поселений. Для самого нижнего керамического (IX) слоя, из-за значительной глубины его залегания и наличия более поздних слоев, удалось зафиксировать лишь обмазанные глиной полы и ямки от столбов. Нечто подобное отмечается и для докерамических горизонтов.

В более высоких слоях (VIII—VI) характер архитектурных остатков выяснен лучше. Преобладают развалины прямоугольных домов в виде

остатков глинобитных полов и дерево-земляных или каменных стен¹¹⁴.

В составе керамического комплекса неолитического Хаджылара, почти полностью еще относящегося к группе «монохромной» посуды, отмечаются кубки с вертикальными стенками, глубокие миски с закругленными стенками и плечом ниже середины высоты и, наконец, численно преобладающие сужающиеся кверху бомбообразные горшки кремоватого, красноватого и черного цвета. Все сосуды имеют простые плиточные донца. Некоторые из них, особенно горшки, снабжены попарно размещенными ушками. Изредка встречаются сосуды с примитивной росписью красноватого цвета по светлому (белому) покрытию¹¹⁵ (рис. 142, 6).

На основании радиоуглеродных данных неолитические слои Хаджылара датируются временем около 5400 лет до н. э.¹¹⁶

На границе верхней части неолитической толщи (слой VI в) и нижней части следующей серии отложений (слой V) были найдены следы пожара, исследование остатков которого радиоуглеродным методом дало дату 5590 лет до н. э., находящуюся в явном противоречии с датами подстилающих слоев. Поздний неолит Хаджылара на основании ряда признаков, как нам кажется, не вполне убедительно сопоставляется Меллаартом с «протосескловским» слоем Фессалии, в частности с соответствующим слоем телля Отцаки—Магула¹¹⁷ *.

5. Ранний халколит — все перекрывающие неолит слои Хаджылара (V—III и IIa, IIв, Ia) — отнесены Меллаартом к раннему халколиту. Поздний халколит в Хаджыларе отмечен лишь на соседнем телле — Хаджылар II, где наряду с материалами типа Хаджылар I встречались остатки бейчесултанского типа¹¹⁸.

Слой V—III отражают существование трех последовательных этапов развития поселения — телля. Стратиграфическое положение этих слоев, а также своеобразие представляющего их археологического инвентаря позволило Меллаарту выделить их в «нижний ранний халколит».

По названным выше причинам, затрудняющим выявление архитектурных комплексов в неолитических слоях местонахождения, архитектурные остатки «нижнего древнего халколита» Хаджылара не раскрыты достаточно полно. Тем не менее проводимые работы показывают,

* В последнее время эти данные несколько скорректированы получением других радиоуглеродных дат Хаджылара, а именно: Хаджылар I — 4976±95; II — 5219±139; VI — 5399±85; IX — 5487±119 (Anat Stud XI, стр. 74).

что и в этой области сохраняется преемственная связь с предшествующим периодом, а также очевиден несомненный прогресс, достигнутый жителями энеолитического Хаджылара в строительном деле.

Так, например, в IV слое Хаджылара были зафиксированы остатки глинобитного четырехугольного жилища со следами деревянных столбов, а в других — отмечено присутствие обожженных глинобитных полов и следы ямок от деревянных столбов. В III слое была зафиксирована картина фортификации всего поселения. Любопытна сделанная в этом же слое находка белой штукатурки со следами росписи красной краской ¹¹⁹.

Более полную картину архитектурных остатков установлено для поздних «раннехалколитических» слоев Хаджылара. Во II слое, например, был обнаружен обширный жилой блок, прямоугольный в плане, объединенный внешней оборонительной стеной из сырцового кирпича мощностью до 3 м.

Внутри оборонительной стены находилась система крупных жилых глинобитных помещений прямоугольного плана, построенных из сырца, а также из дерева и камня. Интересно наличие остатков простенков, состоявших из деревянного каркаса, обмазанного глиной ¹²⁰.

В дальнейшем, на протяжении четырех строительных периодов I слоя, Хаджылар по-прежнему развивался как укрепленное поселение. В результате раскопок 1958—1959 гг., проводившихся на восточной оконечности телля, было выяснено, что поселение этого времени имело общую оборонительную стену из сырцового кирпича, достигавшую 2 м мощности и объединявшую большое количество подпрямоугольных жилых построек. Помещения имели глинобитные полы и, как показала уникальная находка одной архитектурной детали, были перекрыты плоскими обмазанными глиной кровлями ¹²¹.

Хотя такие укрепленные поселения мы не можем, вслед за Меллаартом, назвать «крепостями» (Fortess), оборонительный характер их все же очевиден.

В этой связи не лишне отметить, что уже первое укрепленное поселение телля, т. е. поселение III слоя, несет следы гибели от пожара. Слой IIa, лежащий выше, накапливался при создании нового укрепленного поселения, погибшего, в свою очередь, почти полностью от пожара. Во IIb слое, расположенном над слоем IIa, также имеются следы пожара и восстановления укрепленного поселения. То же отмечено и для всего I слоя. Позднее поселение Хаджылар вообще заустало, а сменившее его поселение возникло в другом месте и, в основном,

уже на другой культурно-исторической основе ¹²².

Приведенные выше признаки насильственного вмешательства в плавное развитие Хаджылара следует оценивать не только с точки зрения документации реальных межплеменных столкновений, но и с точки зрения взаимодействия двух различных в культурном отношении компонентов, едва ли различимых в настоящее время ¹²³.

Важным признаком, объединяющим нижние халколитические слои Хаджылара, является широкое распространение расписной глиняной посуды. На генетическую связь культуры этого периода с местным поздним неолитом указывает как сохранение ряда «сквозных» форм посуды, например приземистых горшков, кубков и мисок, так и сохранение группы архаической монохромной — нерасписной посуды (рис. 142, 9—19).

Примерно с такой же двойственностью состава глиняной посуды, т. е. с объединением в одном комплексе монохромной и расписной посуды, мы имеем дело на примере культуры фессалийско-македонского и болгарского («карановского») районов. Для Старчева и Кереша устанавливается во многом отличная картина. Здесь состав керамического комплекса еще проще: расписной посуды мало и ее роль нередко играет так называемая монохромная посуда, а функцию кухонной выполняют грубые, специально изготовлявшиеся сосуды с примесью мякины, украшавшиеся барботинным и ногтевым орнаментом. Буго-днестровский керамический комплекс еще проще: расписной посуды здесь почти нет, ее место занимает монохромная тонкая посуда, которая в сравнении с толстостенной, изготовлявшейся с грубыми примесями посудой образует довольно незначительную группу. Состав керамических комплексов других неолитических культур Украины еще примитивнее.

Особая ценность халколитической толщи Хаджылара заключена в том, что здесь в довольно выразительных формах можно проследить процесс возникновения, развития и отмирания расписной посуды.

В этом направлении Меллаартом были произведены интересные подсчеты керамического материала, полученного в первом сезоне раскопок, т. е. в 1957 году, когда накапливались данные по стратиграфии памятника. Так, например, в IX—VII слоях телля расписной керамики не было встречено вообще. В VI слое она была представлена одиночными находками, а в V—II слоях составляла 50%. Однако уже в I слое количество ее упало до 30%, а численность фрагментов монохромной посуды соответственно увеличилась до 70% ¹²⁴.

Необходимо также остановиться и на тех различиях, которые, помимо самой росписи, отличают «халколитическую» посуду от неолитической. В этом смысле следует заметить, что, начиная с V слоя, появляются плошки на ножках, а главное — распространяются сосуды кувшинообразной формы, снабженные горизонтальными, так называемыми рогами, ушками¹²⁵.

Нельзя не напомнить, что нечто подобное наблюдается и в позднейшем неолитическом слое Мерсина (XXIV), когда возникает древнейшая в Киликии расписная посуда и с ней — древнейшие ушки¹²⁶.

Вероятно, где-то около этого же времени в культурном комплексе Хаджылара появляются так называемые псевдоушки, которые документально установлены уже для III слоя¹²⁷.

В III слое Хаджылара получают широкое распространение различные кувшины и амфоры с ручками или без них, а также широкооткрытые профилированные миски с высоким положением плеча, т. е. формы, хорошо известные по данным многих южноевропейских древнеземледельческих культур¹²⁸.

Характер росписи посуды этого времени как в отношении цвета, так и в отношении орнаментальных схем представляет собой ценный документ для определения хронологического положения южноевропейских древнеземледельческих неолитических культур дорасписной и расписной керамики.

Вполне естественно, что крупный интерес представляет уже сама возможность выяснить хронологическое положение той группы расписной посуды, которая по фессалийским нормам отнесена к группе АВ₃, т. е. роспись красного цвета по белому покрытию. Как показали наблюдения Меллаарта в Хаджыларе, роспись этого рода характерна, прежде всего, для времени перехода от «нижнего древнего халколита» к «верхнему древнему халколиту», т. е. для III и II слоев. В этой связи важно помнить, что именно к этому же роду расписной керамики принадлежит «древнейшая протосескловская» керамика Фессалии¹²⁹*, керамика из нижнего горизонта югославского поселения Вршник, имеющая аналогии в группе А₃ («белое по красному») ¹³⁰.

Значение этого факта усиливается еще и тем, что роспись различных оттенков красного цвета (малинового, алого, красно-коричневого, темно-красного и др.) по светлому фону (кремово-белому, кремовому, желтому, цвета слоновой

* В этом смысле особенно показательно, что на территории Греции, в дорасписном еще слое поселения Элатей, датированном по радиоуглероду 5520±70 лет до н. э., спорадически встречается посуда с красной росписью по белому покрытию (см. Hesperia, XXXI, 2, стр. 207).

вой кости и др.) является абсолютно характерной для всего хронологического протяжения Хаджыларского энеолита (слои V—I)¹³¹.

И вместе с тем приходится подчеркивать культурную и хронологическую близость к Протосескло и его аналогам не всего энеолита Хаджыларе, а лишь его средней части, т. е. III и II слоев. Основанием для такого сближения стили росписи (АВ₃) служит также сходство ленточных, угловатых и лицевых орнаментальных мотивов, встречающихся как на посуде из Хаджыларе, так и на многих сосудах древних южноевропейских культур расписной керамики¹³².

Для уточнения хронологического положения отмечаемой выше культурной близости немалое значение имеет дата, полученная для соответствующих отложений Хаджыларе радиоуглеродным методом — 5219±131 лет до н. э.¹³³, которая в определенной мере могла бы быть принятой в качестве даты досескловского слоя Отцаки-Магула, нижнего слоя Вршника*, так как она хорошо сочетается с хронологическим положением древнейшей Элатей — 5520±70 — 5080±130 лет до н. э.**

Не менее важные анатолийско-балканские связи и, следовательно, возможность для синхронизации соответствующих типов культуры намечаются и для заключительной поры Хаджыларского энеолита — для I слоя.

Как уже отмечалось, для этого времени легко установить ряд общих форм глиняной посуды для Западной Анатолии и Южных Балкан¹³⁴.

Не менее показательным является заметное уменьшение количества расписной посуды в Хаджыларе, в Отцаки-Магуле (слой Buntpolierteckeramik), в старческом кругу и увеличение монохромной посуды, а также появление белой росписи по натуральной подшошенной поверхности, что указывает на начало заключительной фазы анатолийской расписной посуды, после которой уже следует господство посуды канхассанского типа, а затем и монохромной посуды бейчесултанского типа. В качестве примеров называем почти весь энеолит Кан-Хассана, нижний слой Алишара, поздний энеолит Бейчесултана¹³⁵.

Вероятно, именно к этому критическому в истории культуры расписной керамики моменту и относятся такие болгарские памятники, как

* Такое хронологическое определение отнюдь не противоречит дате III слоя Вршника — 4915±150 лет до н. э. и подтверждается наличием в этом слое большего количества коричневой монохромной посуды и появлением черной росписи по красному фону.

** Средняя часть стратифицированной толши Элатей (2,55 м) дает наиболее близкую дату — 5230±100 лет до н. э. (Hesperia, XXXI, 2, стр. 207).

Кремиковцы, нижний слой Каранова, Банята, Деветакская пещера и др. При таком сближении становится ясным, что исчезновение росписи уже в Iв (II) слое Каранова объясняется относительным единством путей развития как Западной Анатолии, так и Причерноморских Балкан. Почти в том же плане придется сказать и о следующем III слое Каранова, культурно почти неотличимом от синхронно развивавшихся форм западноанатолийской культуры¹³⁶.

Хронологическое положение этого исключительно важного процесса находит выражение в датировке радиоуглеродным методом остатков из первого слоя Хаджылар — 5037 ± 190 лет до н. э.¹³⁷, что в конечном итоге хронологически почти идентично времени III слоя Вршника (4915 ± 150 лет до н. э.).

В заключение экскурсии в область древней земледельческой культуры Восточного Средиземноморья следует сделать несколько общих замечаний.

Во-первых, необходимо подчеркнуть высокий уровень культурно-экономического развития населения древней Западной Анатолии, который был отнюдь не ниже засвидетельствованного для племен соответствующих периодов Ирана, Палестины и Киликии, а в иных случаях, если принять во внимание приморское положение территории, — и намного выше его.

Во-вторых, следует признать обоснованность мнения о том, что древнейшая земледельческая культура Южной Европы по отношению к более древней древневосточной, включая в первую очередь западноанатолийскую, находится в прямых дочерних отношениях. В этом смысле не может быть взят под сомнение целый ряд фактов — заимствование культуры злаков, вкладышевых серпов из рога оленя, приемов домостроительства, проявляющихся в создании небольших прямоугольных жилищ со стенами из самана или из глины на плетеном деревянном каркасе, с глиняными полами, восприятие принципа организации жилищ в особые поселки, на которых повторяющееся сосредоточение глинобитных домов приводило к возникновению теллей или обычных многослойных поселений.

В той же генетической связи придется рассматривать и заимствование двух типов глиняной посуды — монохромной, лощеной, изготовлявшейся из отмученной глины, а также наиболее архаической расписной посуды.

В заключение следует признать исключительно большую древность западноанатолийских памятников, характеризующихся дорасписной керамикой, которые вполне выдерживают сравнение с древностью туркменского памятника Джебел, иранских памятников Бельт,

Хоту, Джармо, «первостанников» культуры Иерихона, Мерсина и др.

Наконец, следует особо подчеркнуть наличие памятников, родственных хаджыларской культуре вне пределов Анатолии — к западу от ее берегов, по крайней мере, на островах Хиосе и Косе, что разрешает ожидать открытия сходных памятников в Трояде, на Лесбосе, а далее — к северу от Босфора.

Иными словами, при открытии и начале успешного исследования хаджыларской культуры, установлении связей древнейших земледельческих культур Южной Европы с культурами Восточного Средиземноморья обычно допускается сильная переоценка значения эгейского пути связей и в то же время — явная недооценка пути восточнобалканского, причерноморского. Уже сам факт существования на крайнем восточном фланге европейской земледельческой ойкумены такого яркого явления, как буго-днепровская культура, говорит о том, сколь многое еще предстоит открыть археологам, работающим между Македонией и Ю. Бугом*.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ БАЛКАНЫ

Для выяснения форм культурного взаимоотношения — прямого или опосредованного, существовавшего у племен буго-днепровской культуры с земледельческим миром, так же, как и для уточнения хронологического положения отдельных ее фаз, немаловажное значение имеют культурно-стратиграфические наблюдения, осуществленные в последние годы на Балканском полуострове. Среди них на первое место необходимо поставить наблюдения на таких исследованных В. Милойичем фессалийских памятниках, как Гремнос¹³⁸ и Отцаки-Магула¹³⁹.

Телль Отцаки-Магула в числе этих памятников является едва ли не самым значительным, ибо составляющая его мощная стратиграфическая свита заметно изменила традиционные представления о путях развития древнейших земледельческих культур Южной Европы, не оставив в стороне и культурно-хронологические построения самого Милойича.

Как показали раскопки Отцаки-Магула, в определенные периоды развития древнеземледельческих культур на Балканах происходило переплетение нескольких течений культурно-экономического развития, которые в чистом виде были связаны то с более северными — придунайскими территориями, то с более южной — малоазийской частью Восточного Средиземно-

* Этот вывод был сделан автором еще до ознакомления с результатами раскопок на греко-македонском поселении Неа Никодемеда, обнаруживающем черты опосредованного контакта с памятниками первой керамической фазы буго-днепровской культуры.

морья. Имеются также основания полагать, что до этой, казалось бы, далекой от Украины территории в измененном виде доходили также и формы историко-культурного развития, которые отвечали самчинской фазе буго-днестровской культуры и гнилопятьской фазе культуры днепро-донецкого ареала.

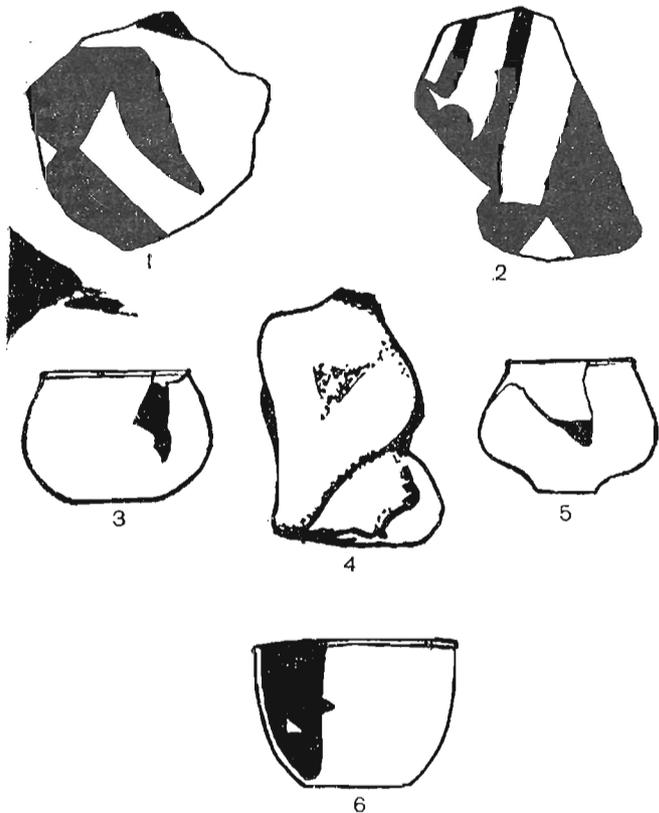

Рис. 143. Центральные Балканы. Фессалия. Отцаки-Магула. Керамика и пластика из слоя Протосескло.

Кратко остановимся на культурно-стратиграфических данных, полученных в последние годы для фессалийской и отчасти македонской частей Балкан.

Если не считать позднейших наслоений, верхнюю часть телля¹⁴⁰ Отцаки-Магула составляло последовательное залегание культурных остатков типа Лар-иса, Димени и Сескло до 2,5 м от поверхности, что вполне соответствовало установленному еще Вейсом и Томпсоном порядку развития местного неолита¹⁴¹.

Не было неожиданностью и то, что ниже этих отложений залегал горизонт с гребенчатой керамикой (Kardium), что отнюдь не противоречило концепции Милойчича, предполагавшего, что времени Сескло должно предшествовать время Предсескло, одной из характерных черт которой считалось распространение посуды с гребенчатым (кардиумным) орнаментом¹⁴² (рис.

144, 1—12). В круг привычных представлений вмещался и следовавший далее книзу слой с ногтевой керамикой (Nagelkeramik) (рис. 145, 1—6; 146, 1—7), имеющей еще предсескловский

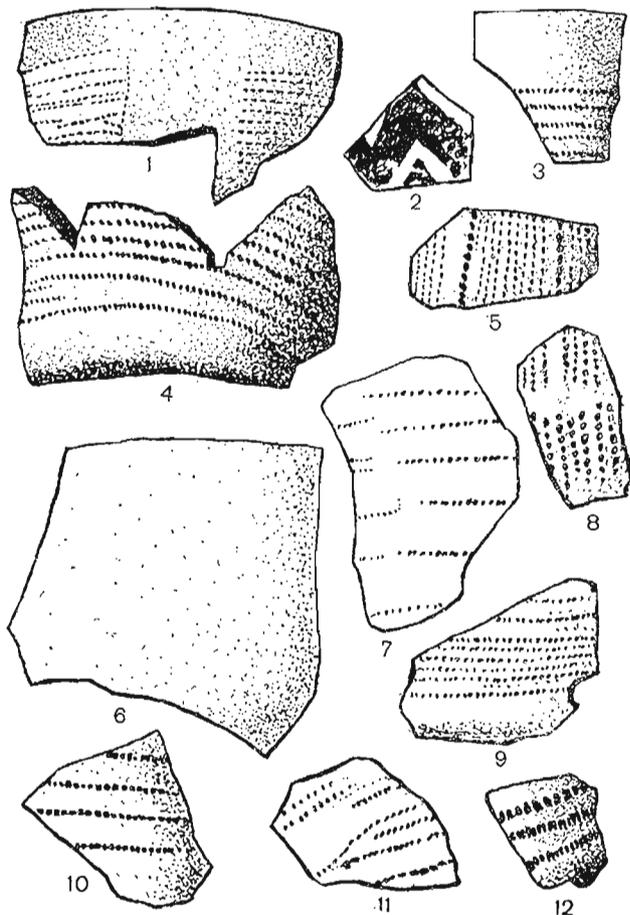

Рис. 144. Центральные Балканы. Отцаки-Магула. Фрагменты керамики из слоя с «кардиумной» (гребенчатой) керамикой (Предсескло).

характер и вместе с тем по своему характеру неотличимой от основных типов глиняной посуды памятников старчевской и керешской культурных групп¹⁴³. С картиной традиционных представлений можно согласовать и следующий за ним слой с полированной керамикой (Buntpolierkeramik), представляющий собой полную аналогию полированной посуде старчевских и керешских памятников.

Для всех названных выше горизонтов — кардиумной, ногтевой и полированной керамики — роспись глиняной посуды не была типичной, что на первый взгляд подтверждало мнение О. Менгина, В. Милойчича, Д. Гаршанина, Д. Берчу и др. о почти универсальном «циркум-медитерранном» распространении так называемой impresso-керамики, т. е. глиняной посуды, украшавшейся простейшими вдавлениями и в

том числе «кардиумным» (гребенчатым) штампом¹⁴⁴.

Очень важно отметить, что картина всей нижележащей части стратифицированной толщи оказалась в полном противоречии с циркул-медитерранной теорией — ниже слоев с

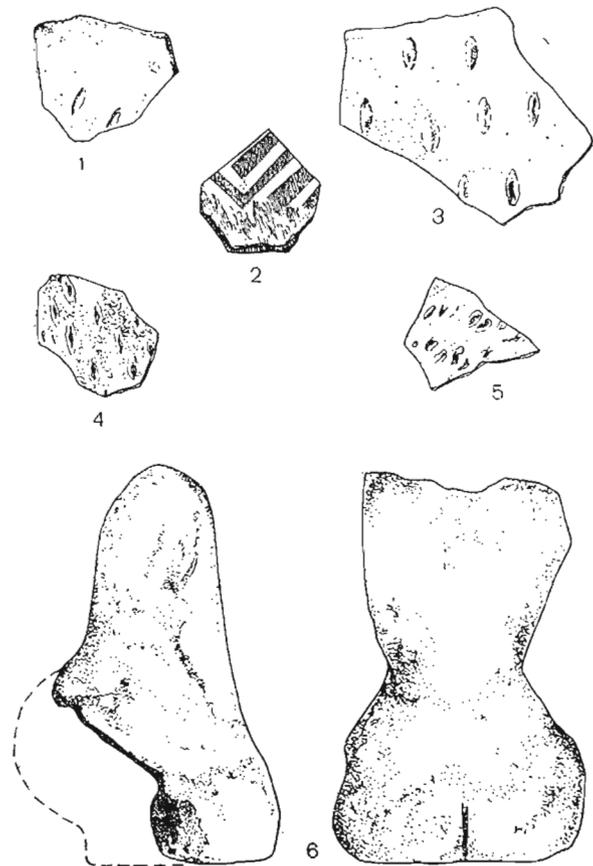

Рис. 145. Центральные Балканы. Отцаки-Магула. Фрагменты керамики.

«первичной» керамикой залегал слой протосекловский, характеризовавшийся расцветом расписной керамики и почти реалистической культурной пластики¹⁴⁵ (рис. 143, 1—6; 147, 1—10).

О том, что культурно-стратиграфическая картина, представленная данным теллем, типична для Центральных Балкан, говорят сходные данные теллей — Гремнос, Сескло и др.

Так, например, произведенные В. Милойичем раскопки телля Гремнос близ Аргисы подтвердили вхождение в культурно-стратиграфическую колонку Фессалии более древних отложений, чем протосекловский слой телля Отцаки-Магула, дающих, по-видимому, преимущественно монохромную лощеную посуду¹⁴⁶.

Как указывает автор раскопок, стратиграфическую картину Гремноса характеризуют

следующие данные: наслоения времени ранней бронзы (ЕН II—III и отчасти I); отложения типа димени, сескло, предсескло* и протосекло; ниже последнего, с глубины около 7,5 м — слой примитивной керамики, отличающейся от

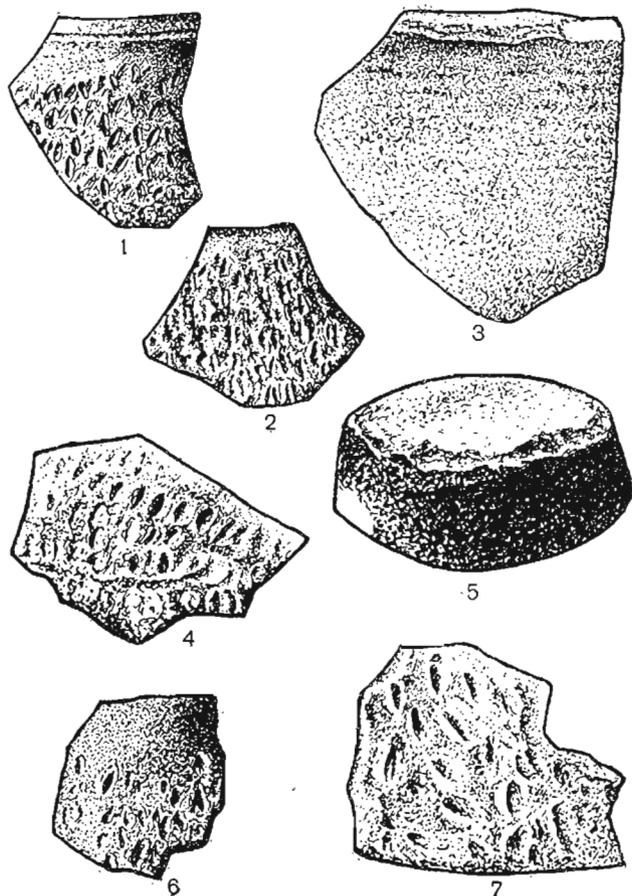

Рис. 146. Фрагменты керамики из верхнего слоя Отцаки-Магула.

протосекловской («Frühkeramik») с преобладанием монохромной лощеной керамики.

Ввиду недостаточности публикационных данных, касающихся раннекерамического слоя Гремноса, приводим ниже сведения о синхронном комплексе, происходящем из более южной части Греции. Речь идет о свите раннеэнеолитических отложений, выявленных на древнем поселении Элатея. В целом найденная здесь керамика может быть охарактеризована как монохромная, лощеная, дорасписная. Из форм типичны глубокие миски с закругленными или слегка уплощенными доньями, амфоровидные сосуды с цилиндрическим горлом, сосуды на полых поддонах и пр. (рис. 148, 1—18).

* Сравни с наличием кардиумного ногтевого горизонтов в Отцаки-Магула.

О сравнительно позднем возрасте этих отложений в рамках средиземноморского неолита говорит по меньшей мере два факта: несомненная генетическая связь комплекса расписной керамики типа Херонеа именно с этим культурным комплексом, а также радиокарбон: а

был выделен путем прокладки траншей, обнаруживавших остатки наземных жилищ в виде глинобитных полов, очагов, ямок от столбов и пр.¹⁴⁷ Среди находок особенно интересен новый для данного района набор кремневых орудий, включающий трапеции, сверла и, по-видимому, другие микролитические орудия. Заслуживают упоминания находки миниатюрных зернотерок. Отмечены также находки остатков злаков¹⁴⁸ и бобовых растений. Кости, в силу сильной раздробленности, почти неопределимы. Из числа домашних видов животных удалось определить овцу-козу¹⁴⁹.

Вероятно, что из числа памятников буго-днестровской культуры аналогом для этого слоя являются бескерамические слои поселений Заньковцы II и Сороки. С этими же отложениями Гремноса можно сравнить целый ряд докерамических слоев поселения у Каменной Могилы. Однако в докерамическом слое Гремноса мы имеем дело с одним из древнейших земледельческих поселений в Европе, в то время как в докерамических слоях Каменной Могилы мы имеем дело с культурой, возникшей на иной скотоводческой основе.

Ни для Сескло, ни для Димени в кругу памятников буго-днестровской культуры нельзя назвать близких культурных соответствий. Культура Сескло, являющаяся, по-видимому, балканским дериватом западноанатолийского энеолита, особенно далека. Иные связи следует предположить для сменившей ее дименийской культуры, имеющей в характере посуды много общего с расписной посудой таких генетически связанных с керешко-тордошской линией развития памятников, как Петрешть, Извоар II а и, по-видимому, верхний слой поселения Новые Русешты на Среднем Днестре (раскопки В. И. Маркевича).

Об известной синхронности памятников типа Димени с древнейшими кукутенно-трипольскими говорят иногда встречающиеся на них импорты расписной посуды арюждского типа¹⁵⁰.

Исходя из сказанного, можно заключить, что на раннем этапе развития трипольской культуры, когда на Побужье и Поднестровье существовали поселения вроде Флорешти¹⁵¹, Сабатиновки II¹⁵² или даже Луки-Врублевской¹⁵³, в фессалийско-македонской части Балкан возникают поселения сескловского и отчасти дименийского типа.

Вполне очевидно, что различия в характере восточноевропейских и центральнобалканских

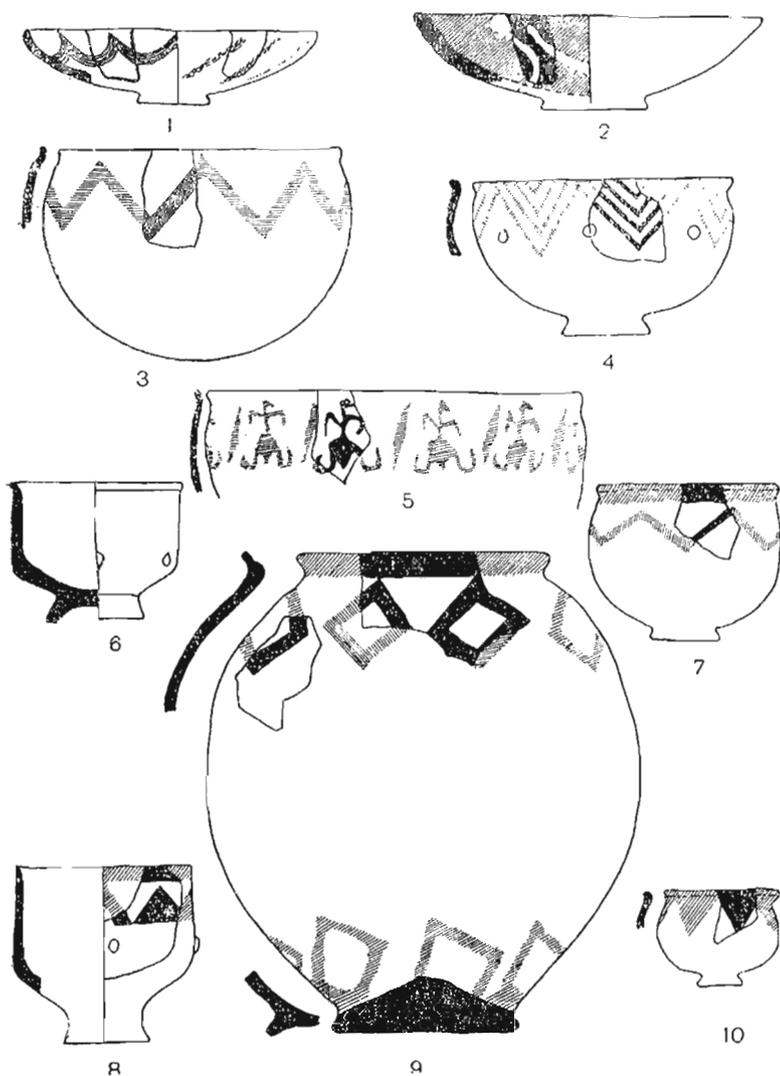

Рис. 147. Фрагменты керамики из нижнего слоя Отцаки-Магула.

дата 5520 ± 70 лет до н. э., полученная для основания исследованной здесь толщи. Вероятно, более архаичное звено той же самой культуры представляет собой нижний слой греко-македонского поселения Неа Никоমেдеа, особо важно как прямым сходством определенной части керамического комплекса со скибенецким, так и наличием радиокарбонной даты — 6220 ± 150 лет до н. э.

После необходимых отступлений снова возвращаемся к Гремносу. Ниже раннекерамического слоя оказался докерамический слой. Он

памятников этого времени говорят о разобщенности путей развития двух различных территориально удаленных групп древнеземледельческого населения Южной Европы.

Совсем о другом характере отношений говорят остатки культуры с кардиумной (гребенчатой) керамикой, предсесловский возраст которой более чем очевиден. Очевидно и то, что фиксируемый здесь культурный комплекс отнюдь не является надежным основанием для дальнейшего развития «циркум-средиземноморской» теории, предполагающей, в частности, североафриканский — западнокапсийский импульс в сложении южноевропейского раннего неолита¹⁵⁴.

Стратиграфически позднее положение этого горизонта — между слоями Сескло и горизонтами с ногтевой керамикой, несомненно синхронными с керешскими памятниками, — невольно наводит на мысль о синхронности его с памятниками самчинской фазы буго-днестровской культуры.

Как показали раскопки в Отцаки-Магула, остатки глиняной посуды, происходящей из кардиумного горизонта, принадлежат плоскодонным, а не круглодонным, как на Ю. Буге, сосудам. Впрочем, подобная разница в формах посуды не дает оснований брать под сомнение предполагаемый факт взаимосвязанности обоих явлений или отрицать присутствие в местной культуре элементов культуры восточноевропейского (днепро-донецкого) происхождения.

Отражение того же процесса следует видеть и в так называемом предсесловском комплексе, например, в архаической части македонского поселения Сервия¹⁵⁵ или в соответствующих стратиграфических подразделениях таких, казалось бы, далеких памятников, как Црвена Стена¹⁵⁶ и Зелена Печина в Западной Югославии¹⁵⁷.

Известным основанием для возражения подобному утверждению может быть тот факт, что памятники с гребенчатой керамикой все еще практически не известны на территории Нижнего Подунавья. Действительно, таких памятников здесь пока немного. Но для выявления их сделано также не слишком много, лакуна лишь только начала заполняться. Румынский автор Д. Берчу, выделивший так называемую хаманджийскую культуру, в ходе поисков «синхронного древним фазам Криша» протохаманджийского раннеолитического звена нашел в Добрудже (Колумбия) и в сопредельной части Болгарии (Бургас) неолитические местонахождения с кардиумной (гребенчатой) керамикой¹⁵⁸.

К числу фактов того же порядка относится и то, что на Днестре (Сороки) сходная керамика выступает в комплексе, сохранившем

некоторые старчевско-керешские черты. Объяснить это обстоятельство можно лишь тем, что в юго-западном направлении инфильтрация населения днепро-донецкой культуры постепенно ослабевала.

Своеобразную деформацию испытывает и синхронная земледельческая культура цент-

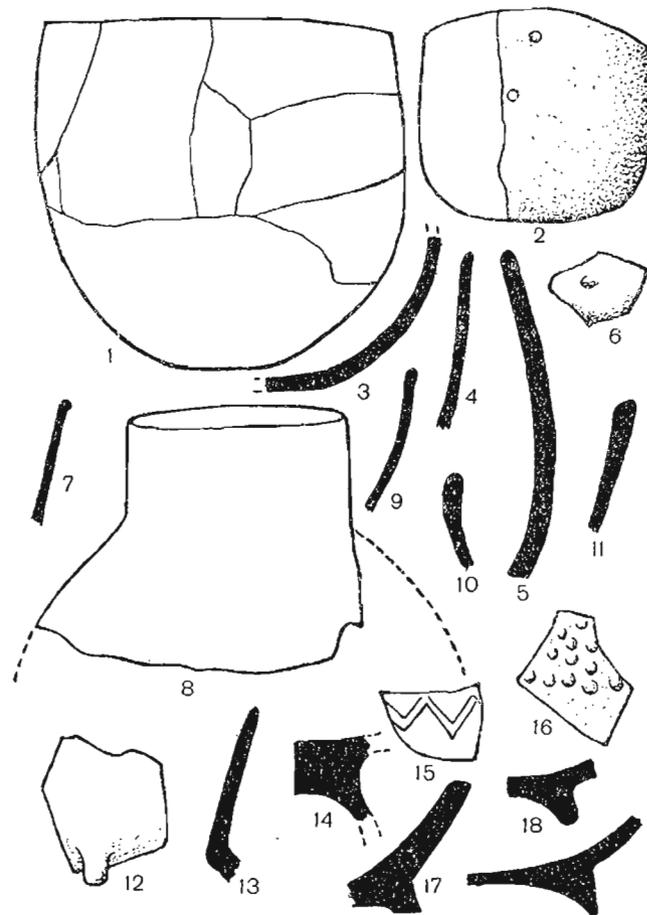

Рис. 148. Древнейшая неолитическая монохромная керамика (Центральные Балканы, Фессалия, Элатея).

ральной части Балкан. Но проходит она на более высокой основе, которую в определенном смысле можно назвать керешской.

Учитывая более высокий уровень культуры подстилающего протосесловского слоя, следует признать факт ассимиляции местной ранне-неолитической культуры расписной керамикой более примитивной культурой, представленной здесь тремя поименованными выше горизонтами — полированной, ногтевой и кардиумной керамики. Не подлежит сомнению, что следовавший затем процесс восстановления протосесловской культуры на новом сесловском этапе означал как возобновление южных связей, так

и ассимиляцию чуждого, проникшего с северо-востока этнокультурного клина.

Попутно следует отметить, что картина эволюции старчевской культуры, предложенная Д. Гарашаниным¹⁵⁹, в целом оказалась правильной, хотя она и не объясняет признаков упадка этой культуры на заключительном этапе

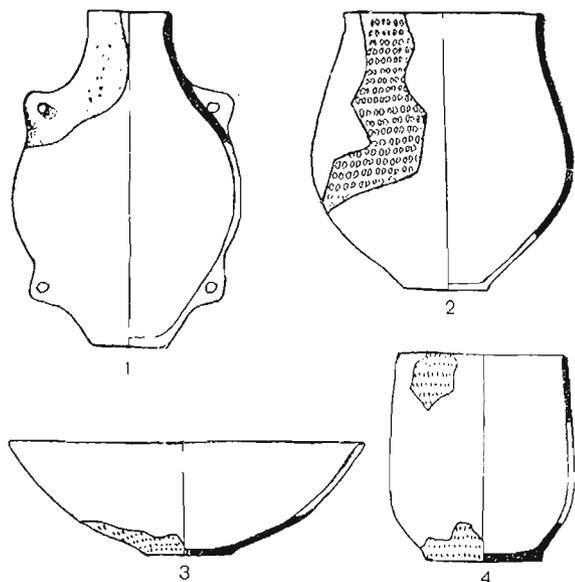

Рис. 149. Западные Балканы. Тип Црвена Стена — Зелена Печина. Образцы древнейшей керамики с углубленным и защитным орнаментом.

развития. Вместе с тем следует признать более или менее доказанным, что керешский этап от старчевского отличается не столько более поздним возрастом и не столько незначительным изменением состава культуры, сколько расширением ареала этой культуры к северу, северо-востоку от Дуная, что проявилось не только в возникновении самого керешского варианта старчевской культуры, но и в появлении памятников сходных с ним типов в Моравии¹⁶⁰, Словакии¹⁶¹, Румынии¹⁶², на юге Польши¹⁶³ и даже на Ю. Буге.

Значение этого явления для древнеземледельческого ареала в Европе было, несомненно, положительным. Однако для Центральных Балкан этот процесс, вполне прогрессивный для севера, например для Побужья и Южной Польши, означал очевидное падение темпа развития, что отразилось в почти полном исчезновении расписной посуды и в замене ее ногтевой, а затем и кардиумной посудой; в замене реалистической культовой: пластики грубыми, условно трактованными антропоморфными изображениями¹⁶⁴.

СТАРЧЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

В последние годы в результате проведенных в Югославии раскопок стратифицированных памятников, мало чем отличающихся от синхронных фессалийских, было выяснено, что и западная часть Балканского полуострова также входила в орбиту обрисованных выше явлений.

В этом смысле весьма показателен пример многослойного поселения Вршник, ур. Штипа. Исследования, проведенные здесь М. и Д. Гарашанин, привели к выявлению нескольких слоев, объединяющихся по признаку переживания одинаковых глинобитных жилищ, но отличающихся характером глиняной посуды¹⁶⁵.

Так, например, для Вршник I (горизонт V) характерно употребление грубой керамики с оттисками пальцев и ногтей, присутствие посуды переходного типа, монохромной посуды красноватых оттенков и, наконец, расписной посуды, которой присуща красная роспись по белому фону¹⁶⁶.

Вршник IIa (горизонт IV) представлен грубой и переходной посудой с барботинным (намазным, бородавчатым) орнаментом, монохромной посудой сероватых оттенков с каннелюрами. Новым в характере расписной посуды является наличие темной росписи, исполнявшейся по светлому фону¹⁶⁷.

Вршник IIb (горизонт III) от предшествующего слоя отличается преобладанием темной монохромной посуды¹⁶⁸.

Вршник III (горизонт II) — наряду с черной монохромной встречается красная и темная посуда. Особо следует отметить, что для этого горизонта имеется дата, полученная радиоуглеродным методом, — 4915 ± 150 лет до н. э.

Вршник IV (позднейший горизонт) характеризуется распространением монохромной посуды с редкими каннелюрами, наличием сосудов биконического профиля, грубой, серой в обжиге посудой и, наконец, появлением в группе расписной керамики криволинейных мотивов, включая и спираль¹⁶⁹.

Нечто подобное отмечается и в приадриатической части Югославии, где исследованы пещерные поселения вроде Црвена Стена, Зелена Печина и др. (рис. 149, 1—4).

ВОСТОЧНЫЕ БАЛКАНЫ. КАРАНОВСКАЯ КУЛЬТУРА РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ

Значительным дополнением к нарисованной выше картине неолитического развития Балкан, к тому же дополнением, контролирующим все построения, касающиеся вопросов взаимоотношения Балкан с другими частями Европы, является карановский тип памятников (рис. 150,

1—24), характеризующий западноболгарскую неолитическую культуру расписной керамики (наименование Дж. Голя) ¹⁷⁰.

К настоящему времени в числе памятников болгарской культуры расписной керамики входят довольно много поселений и некоторое количество одиночных скорченных погребений. Помимо Каранова, немалое количество материала происходит из нижних слоев таких местонахождений, как Кремиковцы, Деветакская пещера ¹⁷¹, Капитан Димитриево (Банята) ¹⁷² и многие другие, объединяющиеся по признаку посуды с белой росписью по натуральному фону.

Наиболее известен среди них памятник — телль (Селишна Могила), находящийся у с. Караново возле Софии. Караново представляет собой важный многослойный памятник, сопоставимый с другими балканскими теллями, не исключая Отцаки-Магула, Гремнос, Вршник и др.

В рассматриваемом плане наибольший интерес представляют самые древние отложения телля — слои I и II, выше которых, вплоть до самого верха, шли уже слои иных культурно-генетических связей ¹⁷³.

На примере карановской группы памятников мы имеем дело с этнографически самостоятельным явлением, постепенно изменяющим свой характер при переходе от II к III слою *.

Так, например, отличительными особенностями памятников III карановского слоя являются бочкообразные кухонные горшки, украшенные валиковыми налестками, рядами надрезов и различных наколов, нередко подтреугольных ¹⁷⁴ (рис. 150, 22—24). В то же время для I карановского слоя типичны сосуды тонкой выделки — амфоры, высокогорлые кувшины, кубки на полых поддонах и др., покрытые красноватым ангобом и росписью, преимущественно белой и лишь изредка темной ¹⁷⁵ (рис. 150, 1—3).

Керамика Каранова II отличается от керамики предшествующего слоя большим разнообразием форм, в частности, значительным количеством сосудов на поддонах, имеющих гладкую коричневатую поверхность, лишенную росписи, но иногда украшенную каннелюрами (рис. 150, 8—13) **.

Важно подчеркнуть, что в обоих нижних горизонтах этого памятника присутствует особый тип кухонной посуды, не имеющий прямых аналогий ни в старчевском, ни в керешском комп-

лексах. В карановском комплексе, как правило, отсутствует настоящая старчевско-керешская кухонная посуда с пышным защитным орнаментом. О том, что карановский тип культуры представляет собой явление, далекое от началь-

Рис. 150. Восточные Балканы. Болгария. Образцы керамики из комплексов Караново I (1—7), II (8—13), III (14—24).

ного этапа неолитической эпохи, говорит развитость форм глиняной посуды, а также преобладание в нижнем слое посуды с белой росписью по красному фону. Несмотря на то что в отношении стиля росписи карановских сосудов сильно отличается от росписи сосудов памятников центральнобалканской группы, некоторые точки сопоставления здесь все же имеются. Речь, в частности, должна идти об одной из групп расписной посуды памятников димензийской группы — βζα, для которой характерна белая роспись по красному полированному фону ¹⁷⁷. Нечто подобное дают и некоторые синхронные памятники Югославии ¹⁷⁸.

В отношении рассматриваемого признака к древнейшей карановской посуде гораздо ближе

* Нумерация слоев по классификации Г. Георгиева, см. его статью в сборнике пражского симпозиума 1961 г.

** Попутно отмечаем очень характерные для этих слоев вкладышевые серпы из оленьего рога, которые с немалым основанием могут быть названы серпами карановского типа ¹⁷⁶, хотя и отражают целый этап развития евразийского древнего земледелия.

стоит посуда поздних энеолитических памятников Западной Анатолии, речь о которых шла выше. Не вдаваясь в подробности рассмотрения вопросов, связанных с карановским типом балканской древнеземледельческой культуры, заметим, что, с одной стороны, она в целом находится в стороне от старчевско-керешского, т. е. в определенном смысле придунайского пути развития, а с другой — тяготеет к культурам внеевропейским, анатолийским. Надеемся, что в меру того, как на территории Болгарии будут открываться более древние неолитические памятники, генетические связи их с анатолийской древнеземледельческой культурой будут проявляться все больше. Это, надо полагать, многое объяснит в процессах, происходивших на Нижнем Дунае и, естественно, в буго-днестровской части Восточной Европы.

КЕРЕШСКАЯ КУЛЬТУРА

Керешская культура, выявленная в свое время на территории Венгрии Я. Баннером¹⁷⁹ и монографически исследованная И. Кутциан¹⁸⁰, обычно считается позднейшим ответвлением старчевской культуры. В настоящее время памятники этой культуры известны во многих районах Румынии и прослеживаются на территории Румынской Молдавии¹⁸¹ (рис. 151, 1—8).

В аспекте хронологического расчленения этой культуры сделано немного, потому подвергать представляющие ее памятники подробному рассмотрению нет необходимости, тем более, что полная синхроничность поздних пещерских памятников с керешскими памятниками типа Перини нами уже неоднократно отмечалась.

И тем не менее на одном из них, а именно на поселении Лец, находящемся близ г. Тыргу-Сокувей в верховьях р. Олта, все же следует остановиться.

Лец представляет собой местонахождение с тремя стратиграфически четко определившимися слоями. Два верхних слоя отличаются довольно многочисленной и разнообразной расписной посудой, что в целом сообщает сходство этого памятника с памятниками старчевской и карановской групп.

Мнение о том, что памятники типа верхних слоев Леца представляют собой генетическую подоснову всей местной культуры расписной керамики, интересно, но нуждается в дополнительной хронологической аргументации.

Памятники типа Старчево-Караново I и II, а также керешские некоторыми исследователями, например Е. Комшей, не без некоторых оснований объединяются в одну культуру¹⁸². Принято думать, что своеобразие Леца опреде-

ляется его культурной близостью к Каранову, а возможно, и более глубокой, чем позднерешские памятники, древностью.

СООТНОШЕНИЯ С ПРИДУНАЙСКИМ РАЙОНОМ КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ

Уже отмечалось, что в самчинском слое Базькова острова помимо обычных для этого культурного комплекса находок были также найде-

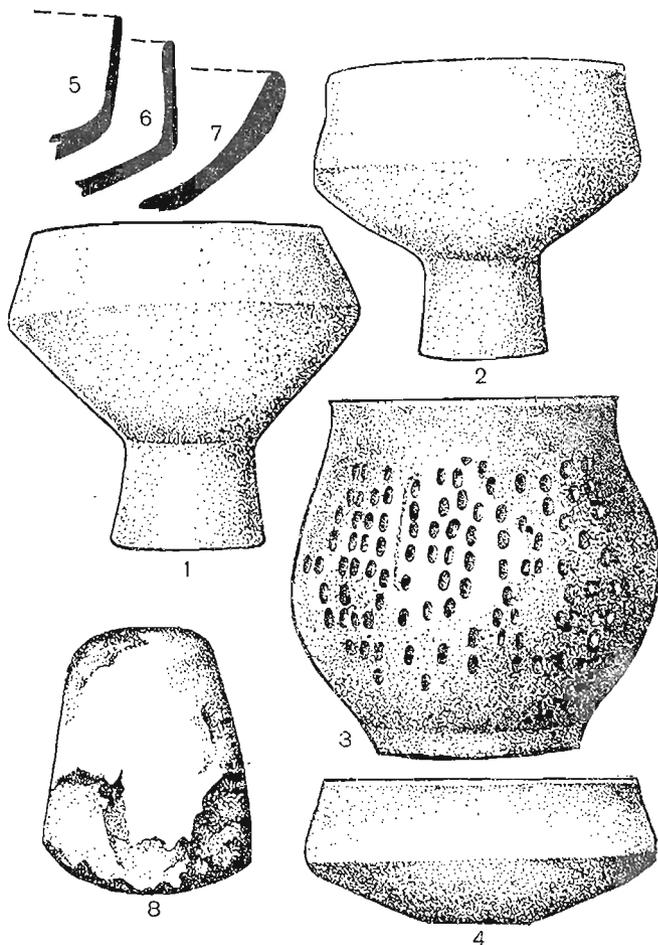

Рис. 151. Румыния. Перинь. Керамика керешской (кришской) культуры.

ны части нескольких сосудов, импортированных из области культуры линейно-ленточной керамики. Речь конкретно идет о фрагментах нескольких тонкостенных чаш из отмученной глины, украшенных типичным линейно-ленточным орнаментом. Условия залегания и однотипность импортной керамики не оставляют сомнения в правильности их приурочения именно к самчинскому слою.

На Средний Буг названные выше изделия попали скорее всего откуда-нибудь с Подне-

стровья, где известен целый ряд синхронных памятников¹⁸³, имеющих аналогии в Румынии¹⁸⁴, Польше¹⁸⁵, придунайской Средней Европе, т. е. на коренных землях культуры линейно-ленточной керамики.

Положение самчинской фазы в культурно-стратиграфической колонке, как известно, определяется не только открытием самчинского слоя на Базьковом острове, но и стратиграфическими наблюдениями на других памятниках. Всюду, где имелась достаточно полная стратиграфическая картина, материалы самчинского времени неизменно перекрывали материалы печерского (керешского) времени. Наличие импортов линейно-ленточной керамики в самчинском слое Базькова острова говорит о синхронности памятников этого времени с развитой порой неолита линейно-ленточной керамики.

После Йиры¹⁸⁶, Аксамита¹⁸⁷ и А. Стоцкого¹⁸⁸, занимавшихся вопросами периодизации и происхождения культуры линейно-ленточной керамики, этими же вопросами успешно занимаются молодые чехословацкие ученые Б. Соудский¹⁸⁹, Е. Неуступный¹⁹⁰ и Р. Тихий¹⁹¹. Хотя дискуссия между этими исследователями еще не закончена, их объединяет общее мнение об особом значении керешского импульса в сложении культуры линейно-ленточной керамики.

В основу своих построений Б. Соудский и Е. Неуступный берут традиционные разрезы в Тешинской пещере и затем дополняют их различными данными «горизонтальной» стратиграфии.

Так, например, Б. Соудский в существовании культуры линейно-ленточной керамики различает три периода — А-образный, средний и младший. Первый период, по его мнению, характеризуется обилием мисок широкооткрытых, на ножках и др. Уже здесь появляется небольшое количество лент с точечным заполнением. В орнаменте господствующее положение занимают А-образные композиции, состоящие из трех замкнутых линий¹⁹².

Для второго периода характерно распространение сосудов более закрытых форм. Типичен ленточный орнамент с заполнением круглыми и продолговатыми наколами¹⁹³.

Третий период отчасти совпадает с понятием о памятниках Прага-Шарковского типа. Для орнамента этого времени типичны встречающиеся (пересекающиеся) спирали, состоящие из многих линий, на которых нанесены округлые вдавления, а затем — нарезки и точки¹⁹⁴.

Первый период культуры линейно-ленточной керамики Б. Соудский синхронизирует с II—III периодами развития старчевской культуры по схеме Д. Гарашанин¹⁹⁵. Для дальнейшего уточнения предложенной им схемы Б. Соуд-

ский также намечает возможность разделения средней и младшей фазы на две самостоятельные¹⁹⁶, что равнозначно признанию пяти, а не трех фаз в развитии неолита линейно-ленточной керамики.

Если же такое деление провести до конца, то соответствующие материалы Базькова острова пришлось бы отнести к III или к IV фазе, т. е. ко времени довольно уже позднему в системе внутренней хронологии культуры линейно-ленточной керамики.

Е. Неуступный культуру волжатовой керамики рассматривает в аспекте пяти фаз. Для своих построений он пользуется, по существу, теми же данными, что и Б. Соудский, но расширяет круг источников за счет привлечения новой категории инвентаря — глубоких чаш с носиками. Сами носики (vylevki) Е. Неуступный делит на 4 типа (А—Д) и синхронизирует их с соответствующими подразделениями Винчи (А—Б)¹⁹⁷.

Первая ступень развития культуры линейно-ленточной керамики, с точки зрения названного автора, генетически связана с культурами керешско-старчевского типа. Это проявляется в наличии мисок на поддонах или на нескольких ножках, а также в ряде второстепенных признаков — растительная примесь в глине, обмозка сосудов, переживающий барботинный орнамент, защитной орнамент по срезу венчиков и др. Однако, по его же мнению, хронологической идентификации этой фазы с поздним проявлением Кереша-Старчева противоречит найденная в Босковштейне фигурка идола¹⁹⁸, имеющего аналогии уже в нижней части стратиграфической толщи Винчи¹⁹⁹.

Вторая ступень в целом отвечает первой фазе схемы Б. Соудского. Как утверждает Е. Неуступный, эта фаза отличается от первой появлением орнамента в виде лент, заполненных наколами или нарезками, т. е. приемами, пришедшими якобы из области Средиземноморья через культуру Винча²⁰⁰.

Третья ступень характеризуется дальнейшим образованием локальных типов культуры. Наряду с мисками появляются все еще редкие банкообразные сосуды. Широко применяется ленточный орнамент, заполненный наколами или нарезками, а также настоящие нотные композиции — округлые углубления в начале линий или же на их поворотах. Ниже среза венчика встречается обрамление в виде двух горизонтальных линий²⁰¹.

Для четвертой ступени характерно широкое распространение сосудов бомбообразной формы с отогнутым горлом. Миски проще, чем прежде. Часто они совсем не орнаментированы. Ленточный орнамент с накольчатым заполнением переживает; линейно-ленточные композиции

составляются из густо прочерченных линий, пересекаемых вдавлениями в одном общем направлении — в виде нот на отдельных линиях или в виде сплошного ряда вдавлений, пересекающих все линии вместе²⁰².

Третья и четвертая ступени схемы, по мнению Е. Неуступного, отвечают времени «средней» ступени Соудского²⁰³.

Пятая ступень идентифицируется со временем памятников типа Прага-Шарка, для которых, как известно, характерен сложный линейно-ленточный орнамент с частыми наколами. В числе вновь появившихся форм керамики отмечаются грушевидные сосуды, т. е. бомбовидные горшки со стяннутым верхом²⁰⁴.

Далее должны следовать неоговоренные в схеме Е. Неуступного позднейшие памятники линейно-накольчатой керамики, также, вероятно, хронологически неоднородные.

Существенным в схеме названного автора является подчеркивание генетических связей данной культуры с старчевско-керешской, а также утверждение о ее синхронности с древним подразделом Винчи (А—В), что, согласно принятой тогда хронологии В. Милойчича, означало примерно 2600—2300 лет до н. э.²⁰⁵

Схема Е. Неуступного определенным образом перекликается с выводами других археологов. Речь, в частности, идет о Р. Тихом, выделяющем на основании анализа ряда моравских памятников особую керешско-волютовую фазу в развитии культуры линейно-ленточной керамики²⁰⁶.

В составе инвентаря таких памятников, как Жопы, Босковштейн, Бояновицы, уезд Жадловице и др., явственно проступают черты поздней старчевско-керешской культуры. Здесь в полной мере представлены плоскодонные миски, сосуды на высоких поддонах, фляги со многими массивными ручками и другие сосуды, украшенные различными типами орнамента, преимущественно связанными с керешско-старчевскими памятниками — зашипами по венчику и ниже его среза, а также исполненными в той же технике целыми композициями по тулову сосуда, рельефными полосами с подобными украшениями, линейно-угловатыми и зигзаговыми композициями из широких проглаженных линий и др.²⁰⁷

Комплекс кремневых орудий, отвечающий подобному набору керамики, вполне микролитичен и содержит геометрические формы²⁰⁸.

Не останавливаясь подробно на вопросе о культурно-хронологическом взаимоотношении культур старчевско-керешской и линейно-ленточной керамики, заметим только, что Р. Тихим, по-видимому, установлено явление крупного исторического плана, не ограничивающееся уз-

кими территориальными рамками Моравии. Подлинный объем этого явления подчеркивает присутствие сходных памятников на территории Словакии²⁰⁹, Австрии (Мольд, Лангенлуис)²¹⁰. Южной Польши, где выступает особый тип памятников, объединяющих в себе признаки как керешской культуры, так и дунайской с линейно-нотным орнаментом.

Выделенную керешско-волютовую ступень развития культуры линейно-ленточной керамики Р. Тихий синхронизирует с Сескло в Фессалии, со Старчево II в Югославии, с Дудешти в Румынии и др., что не всегда соответствует действительности.

Вместе с тем становится очевидным, что схема Д. Гарашанина, согласно которой Кереш может отвечать только заключительной поре существования старчевской культуры, не является настолько стройной, насколько это представляется многим исследователям²¹¹.

Учитывая то, что в буго-днестровском районе не зафиксированы случаи перекрытия самчинских отложений печерскими, не было обнаружено их совместного залегания, а неизменно отмечалось перекрытие печерских отложений самчинскими, следует заключить, что между печерской и самчинской фазами должно существовать значительное хронологическое различие. То же следует думать и о самчинском слое Базькова острова, имеющем линейно-ленточные керамические импорты, синхронные, по Е. Неуступному, IV фазе развития линейно-ленточной керамики. Отсюда следует вывод, что культура линейно-ленточной керамики уже существовала в пору расцвета старчевско-керешской культуры.

Иными словами, старчевско-керешская культура развитой поры неолита не является прямой генетической подосновой культуры линейно-ленточной керамики, а была только источником мощного культурно-экономического влияния, захватившего ко времени существования поселений типа Вршник III не только Балканы и обширные прикарпатские районы Средней Европы, но и соседние придунайские районы нынешней Чехословакии, где существовал какой-то ранний тип памятников культуры линейно-ленточной керамики.

Истоки культуры линейно-ленточной керамики, несомненно, находятся не в явлениях старчевско-керешского круга. К тому же и в хронологическом плане они достаточно глубоки. О древности ее истоков говорят, по меньшей мере, два факта. Во-первых, в отношении форм и в отношении технологических данных посуда этой культуры имеет немало общего с древнейшей полированной керамикой Балкан. Во-вторых, нельзя игнорировать и тот факт, что линейный орнамент этой культуры имеет много

общего с древнейшей керамикой буго-днестровской культуры.

Этот вопрос для оценки явлений буго-днестровской культуры представляет интерес и по другим причинам. Во-первых, приведенные выше данные не подтверждают хронологическую однослойность проникающего в пределы Восточной Европы Кереша; во-вторых, они подтверждают мысль о глубокой древности культуры линейно-ленточной керамики; в-третьих, с их помощью можно поставить вопрос о какой-то роли в этих процессах буго-днестровской культуры ранних фаз развития.

О хронологическом масштабе рассматриваемого процесса говорят некоторые радиоуглеродные даты старчевской культуры (Вршник III — 4915±150 лет до н. э.; Горна Тузла — 4440±75 лет до н. э.)²¹² и культуры линейно-ленточной керамики (нотная — Ситтард — 4150±150 лет. до н. э.)²¹³.

В то же время следует напомнить, что имеются данные, указывающие на доживание керешской культуры до тех сравнительно поздних времен, когда из Средней Европы началось движение племен с линейно-нотной керамикой. Мы имеем в виду линейно-нотную керамику из керешского местонахождения Рупя в Юго-Восточной Трансильвании²¹⁴, остатки сосуда с цилиндрическим поддоном, вероятнее всего позднекерешского, найденного на линейно-ленточном поселении Звенячин Черновицкой области²¹⁵, и, наконец, синкретический характер ряда керешских местонахождений Южной Польши.

Приведенные выше данные, вытекающие из необходимости объяснить присутствие дунайских импортов в самчинском слое Базькова острова, говорят о синхронности, пусть хотя бы неполной, целого ряда культур, представляющих самые различные территории древней Европы — позднего кереша, культуры волютовой керамики с нотным орнаментом, самчинской фазы буго-днестровской культуры и, наконец, одного из средних подразделений днепро-днепровской культуры, что, как показано выше, помогает довольно реально ощутить некоторые важные явления древнейшей этнической истории Средней и Восточной Европы.

СООТНОШЕНИЕ С ПОЗДНИМ НЕОЛИТОМ НИЖНЕГО ДУНАЯ

ПРЕДТРИПОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Особое значение археологических культур Нижнего Подунавья и сопредельных с ним районов Балкан в процессе сложения трипольской культуры ни у кого не вызывает сомне-

ния, хотя переоценка их значения нам также не представляется оправданной.

Прежде всего, следует вспомнить некоторые важнейшие открытия на территории Румынии, положенные в основу значительных теоретических обобщений²¹⁶. Это новые открытия в области мезолита²¹⁷, выявление неизвестных до войны памятников керешской (кришской) культуры²¹⁸ (рис. 149), памятников культуры линейно-ленточной керамики²¹⁹, а также, что в рассматриваемом плане особенно важно, выделение особой культуры Хаманджия²²⁰ и создание культурно-стратиграфической колонки Боянской культуры²²¹.

К настоящему времени установлено, что кришские памятники румынских археологов являются прямым территориальным продолжением керешских памятников Венгрии.

Керешские памятники Румынии, по-видимому, относятся к сравнительно узкому хронологическому периоду. Поиски особой докришской или раннекришской культуры на территории Румынии не дали положительных результатов. В частности, мысль о комплексности кремня с чертами переживания граветтской культуры с особой протокришской керамикой (Дырцу-Чахлэу) нам не представляется достаточно обоснованной²²².

Открытые в послевоенные годы памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории Румынии аналогичны известным на территории Польши, Молдавии, в украинском Поднестровье и в соседних с ними районах. Вполне очевидно, что все они относятся к весьма узкому хронологическому периоду, характеризующемуся распространением посуды с линейно-нотным орнаментом. Отсутствуют также и памятники дунайской культуры более древних или более поздних этапов развития, что указывает на крупную, но непродолжительную экспансию племен этой культуры, закончившуюся ассимиляцией всего расселившегося за пределы первичной ойкумены избытка дунайского населения. Причины этого расселения, несомненно происходившего через Словакию, достаточно ясны. Возможно, здесь играло роль относительное перенаселение всего Среднего Подунавья, обусловленное экстенсивностью мотыжного земледелия. Однако нельзя не заметить, что время этого расселения на обширных территориях Анатолии и Балкан совпадает с процессом исчезновения архаических культур расписной керамики, процессом, сопровождавшимся стремительной ломкой всего строя развивавшейся здесь культуры. Многие говорят о том, что именно в это время началось сложение памятников типа Кан-Хассан, типа энелитического пласта в Алишаре²²³, начинает формироваться бейчесултанский тип культуры²²⁴, проис-

ходит формирование памятников типа Караново II—III²²⁵, а вскоре и памятников типа Тордош²²⁶ и Винча²²⁷.

В свете современных археологических открытий становится все более очевидным, что все названные выше культуры еще и сейчас,

турных взаимоотношений. Ответ на вопрос о содержании движущей силы этой поры заложен в своеобразии хозяйственного развития и, прежде всего, в быстром переходе к пашенному земледелию. Вероятно, в обстановке Южной Европы переход от мотыжного земледелия к пашенному отразился во второй волне карановских теллей, в быстром возникновении и интенсивном развитии таких древнеземледельческих культур палеометаллической эпохи, как Дудешть, Винча, Тордош, Караново III, Хаманджия, Боян и древнейшее триполье.

Таким образом, представляется наиболее правдоподобным, что импульсом происходившей на Юге Европы этнокультурной перегруппировки, по-видимому, явилось возникшее вместе с примитивным пашенным земледелием относительно перенаселение Восточного Средиземноморья, в частности Малой Азии. Переселение оттуда на Юг Европы части местного населения привело к возникновению в причерноморской части материка новой историко-культурной зоны, оказывавшей влияние на племена придунайской области*.

Выход для последнего был в освоении, с целью дальнейшего развития мотыжного земледелия, более северных территорий Европы — обширной области, лежащей между Карпатами, Балтийским морем, Днпром и Горынью. В свою очередь это переселение должно было стимулировать продвижение к югу племен днепродонецкой культуры. Низкий уровень культурного и экономического развития последних обусловил скорейшую их ассимиляцию, проявившуюся в обстановке Среднего Поднепровья в восприятии местным населением элементов савранской фазы буго-днепровской культуры, что, как уже отмечалось, для самой буго-днепровской культуры означало возобновление традиционных связей с племенами балкано-дунайского ареала, переживавшими в это время поворот в своем развитии. Исключительно большой интерес представляют архаические звенья таких придунайских земледельческих культур, как Хаманджия и Боян.

Д. Берчу выделил в Добрудже и в сопредельной части Болгарии особую, так называемую хаманджийскую, культуру²³¹ (рис. 152, 1—7).

Выделение этой культуры органически связано с осуществлением обширной программы археологических исследований на Нижнем Дунае. Вначале речь шла о переоценке случайной находки, обнаруженной на месте древнего кур-

* Применительно к раннему триполью, опираясь на соответствующие указания К. Маркса²²⁹, вопрос «о давлении избытка населения на развитие производственных сил» подробно разрабатывался С. Н. Бибиковым²³⁰.

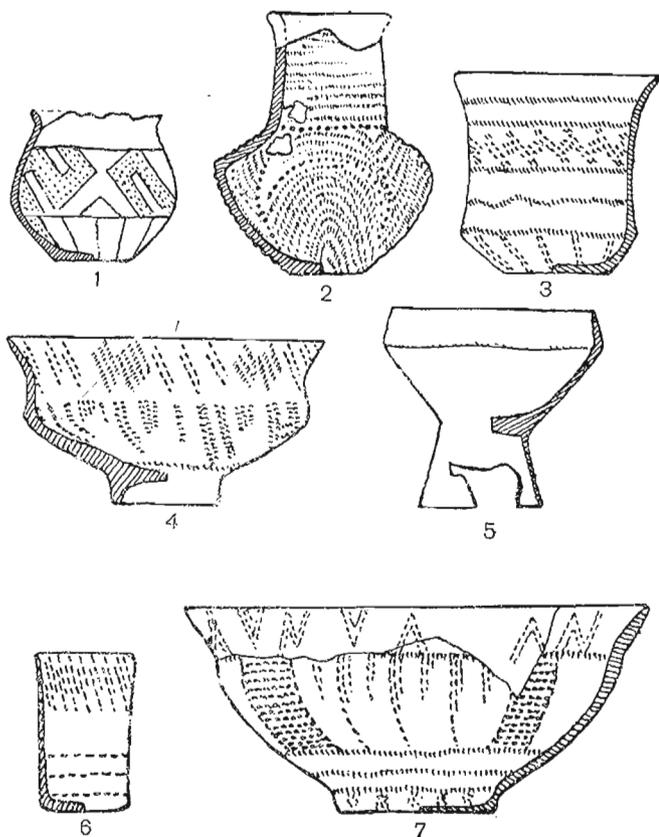

Рис. 152. Румыния. Керамический комплекс культуры Хаманджия.

лишь в силу существующей традиции, многими специалистами именуются неолитическими. Между тем, если учитывать историческую сторону процесса, все они уже относятся к палеометаллической эпохе, а некоторые анатолийские культуры определенно входят в круг явлений раннего бронзового века²²⁸. Вполне естественно, что упомянутые выше южноевропейские культуры в сравнении с синхронными восточсредиземноморскими культурами представляли собой явления органически более низкого уровня историко-культурного развития. Кроме того, далеко не везде существовали условия для интенсивного развития древней металлургии. Однако едва ли можно сомневаться в том, что в сущности у всех этих культур было и нечто общее, обуславливавшее саму возможность культурного схождения, а следовательно, до некоторой степени обуславливавшее паритетные формы хозяйственных и куль-

гана у с. Бая-Хаманджия, раскапывавшегося В. Пырваном еще в 1925 г.²³², и в 1952 г. Д. Берчу было выяснено, что курган возник на месте древнего поселения, о чем свидетельствует несколько горизонтов обитания, оставшихся от периода развития культуры нового типа²³³. Существенным достижением проведенных тогда работ было открытие ряда жилищ, относящихся к трем строительным периодам. От более древних сохранились ямы неправильной округлой и овальной формы глубиной до 1,5 м и диаметром 2—3,2 м, неровное дно которых в различных жилищах находилось на разных глубинах. Вход в землянки обычно устраивался с запада. В жилищах была обнаружена печина с отпечатками дерева, мякины, соломы и пр.

Второй, несколько более поздней группой жилищ являются полуземлянки, углубленные в грунт всего на 30—40 см и оказавшиеся более обширными по размерам — 5×5 м²³⁴.

Третью, и последнюю, группу представляют наземные жилища предположительно округлой формы, которые опознаются на основании находок мелких кусков обожженной глины²³⁵.

Археологический материал из этих трех горизонтов довольно разнообразен: зернотерки, фрагментированная посуда, кремневые орудия, каменные топоры, кости животных, рыб и пр.

Кремневый инвентарь, по определению авторов раскопок, «мезолитико-микролитический» — трапедии, скребки простые, двойные и дисковидные, микропластинки и изредка крупные пластинки. Каменные топоры, обычно полированные, довольно разнообразные по форме и размерам. Из числа роговых и костяных изделий следует назвать мотыги и шила. Зернотерки встречаются во всех жилищах. Преобладают кости домашних животных: овец, коз, свиней, быка и собаки. Об охоте свидетельствуют кости кабана и оленя, о рыбной ловле — кости рыб²³⁶.

О довольно древнем возрасте памятника свидетельствуют не только позитивные данные, но и указания негативного порядка: полное отсутствие находок металла, сверленных орудий из камня, прясел и пр.

Из находок, указывающих на развитие явлений надстроечного порядка, следует назвать антропоморфный сосудик, подвески и браслет «средиземноморского» происхождения, изготовленный из раковины.

Чрезвычайно интересна глиняная посуда, различная по формам и назначению: грубоватая кухонная посуда и посуда тонкой и тончайшей выделки. Грубая посуда — бомбовидные и биконические сосуды — в керамической массе содержит минеральные примеси, обжиг неравномерный, излом стенок — черный, поверхность — красная. Орнамент их прост — круглые

выпуклости и углубления, а также простой линейный рисунок. Сосуды второй группы — обиходные, изготовлялись из отмученной глины с примесью мелкого песка, что обуславливало тонкость их стенок и хороший обжиг — до звона. Большинство сосудов имеют ангоб на внешней поверхности стенок — черного, красного или коричневого цветов. Наиболее распространенной формой являются миски с плоскими или несколько вогнутыми доньями. Размеры мисок самые разнообразные — от 40 см в диаметре до миниатюрных. Второй типичной формой являются кубки — сосуды почти цилиндрической формы — с плоскими закругленными доньями или бомбовидные с высокими стенками. Из других форм отмечаются сосуды с цилиндрической шейкой и бомбовидным туловом, а также кувшины с высокой верхней частью. Орнамент сложнее, чем у сосудов первой группы. Его представляют композиции в виде зигзагов и треугольников, дополняемые горизонтальными линиями. Техника нанесения орнамента двоякая — врезанные или же наклепчатые линии, исполненные острым инструментом. Углубления нередко заполнялись белой пастой. Изредка употреблялся вырезной орнамент, как и на сосудах культуры Боян. Особо отмечается обработка поверхности сосудов каннелюрами²³⁷.

Замечательными особенностями открытого здесь поселения является его несомненно земледельческий характер. Мысль Д. Берчу о хаманджийской культуре как о передаточном нижнедунайском звене, связывающем Восточную Европу со Средиземноморьем, несомненно, заслуживает внимания²³⁸.

В Добрудже, помимо Бая-Хаманджия, исследовался ряд новых поселений хаманджийской культуры: Джамурулуй де Сус, Капидава, Гура Доброджей, Констанца, Лиман, Мангалия, а также целый узел поселений и могильников в районе Чернаводы²³⁹.

Как показали раскопки в Черनावоде (ур. Колумбия), для культуры Хаманджия оказались характерными могильники, состоящие из небольшого числа вытянутых погребений²⁴⁰. Исследования антропологического материала, проведенные О. Некрасовой, установили, что носителем этой культуры являлось население, включавшее пять расовых типов человека. Среди них доминировал длинноголовый тип людей средиземноморского склада, а также присутствовала и позднейшая кроманьонская форма²⁴¹.

В настоящее время представления о культурном комплексе Хаманджия значительно шире, чем после первых публикаций. Расширению знаний об этой культуре содействовал доклад, прочитанный Берчу на X конгрессе историков в Риме в 1955 году²⁴².

В свете новейших исследований* Хаманджия предстает перед нами как высокоразвитая земледельческая культура, характеризующаяся разнообразной, но вместе с тем очень выдержанной по составу глиняной посудой, включающей горшки, миски, миски на поддонах, кубки, кувшины, настоящие амфоры и др. Одним из основных признаков этой посуды является накольчатый орнамент, составляющий зигзаговые, разделенные горизонтальными полосами композиции, а также свисающие вертикальные поля в виде треугольников и прямоугольников. Гораздо реже применялся линейный проглаженный орнамент, составляющий фигуры, подобные описанным выше. В отдельных случаях встречаются меандровые ленты, заполненные наколами. Особый интерес представляет каннелюрный орнамент. Он применялся для украшения сосудов разнообразных форм — в первую очередь кубков и узкогорлых кувшинов²⁴³.

Так же, как и посуда памятников культур Винча, Боян, трипольской — каннелюры и здесь составлены в определенных орнаментальные схемы, меняющиеся в зависимости от морфологических особенностей самих сосудов. Любопытен прием обрамления структурно обособленных групп каннелюр округлыми углублениями²⁴⁴. Нечто подобное отмечается как для раннебоянских²⁴⁵, так и для раннетрипольских памятников²⁴⁶. Исключительно интересна культурная пластика, изготовленная из глины. В составе последней преобладают изображения сидящей полной женщины с подчеркнута длинной шеей, с поджатыми ногами и руками, поддерживающими грудь. В равной степени должны быть отмечены и стоящие статуэтки, иногда довольно стилизованные, передающие, по-видимому, тот же самый персонаж. Иногда встречаются и почти реалистические статуэтки, отличающиеся большой экспрессией. Некоторые из сидящих статуэток украшены накольчатым или линейным орнаментом, который скоординирован в виде сочетания горизонтальных и вертикальных зигзагов²⁴⁷.

Уже в первой обобщающей работе, посвященной предварительным итогам изучения хаманджийской культуры, Берчу выступил с утверждением о том, что она охватывает все хронологическое протяжение неолитической эпохи²⁴⁸.

Основываясь на находке керамики с гребенчатым орнаментом на одном из хаманджийских поселений, сопоставляемой им с соответствующей группой находок из лигурийской пещеры Арена Кандида²⁴⁹ и из третьего слоя пещеры Црвена Стена в Черногории²⁵⁰, Берчу, руко-

водствуясь к тому же соображениями «циркум-медитерранной» теории, приходит к выводу о возникновении хаманджийской культуры еще в раннем керамическом неолите²⁵¹. Здесь уважаемый автор, стремящийся доказать неолитическую первозданность открытой им культуры, определенно вступает в противоречие с реальной исторической перспективой. В этой же связи он неоднократно отвергал возможность сопоставления открытых им материалов с керамикой соответствующей части стратиграфической толщи Отцаки-Магула²⁵², которая в действительности ничем не отличается от предсескловской керамики Милойчича, считавшего ее, до его собственных сенсационных открытий в Фессалии, древнейшей керамикой Балкан²⁵³.

Со своей стороны мы не видим достаточных оснований ни для предложенного Берчу расчленения Хаманджии на пять фаз, ни для выделения особого протохаманджийского этапа, синхронизируемого им с древними фазами керешской культуры, которые для территории Румынии и до сих пор являются понятием весьма расплывчатым.

Естественнее думать, что монолитность и единообразие культурного комплекса Хаманджии говорит не о длительности периода ее развития, а наоборот, о значительной хронологической компактности периода ее существования.

Против большой древности Хаманджии говорит и дата, полученная радиоуглеродным методом для средней части хронологического протяжения культуры — 3681 ± 70 лет до н. э.²⁵⁴ Если учесть, что на одном из поселений этой культуры (Чернавода — Колумбия, «А» и «С») были найдены черепки от импортных сосудов начала второй фазы культуры Боян (Джулешти)²⁵⁵, станет очевидным, что культура Хаманджия в целом относится к концу савранской фазы, к хмельникской фазе и началу раннего триполья, а следовательно, к рубежу неолитической и палеометаллической эпох.

Насколько об этом можно судить в настоящее время, подобное хронологическое положение этой культуры получает наилучшее подтверждение в материалах заключительной — хмельникской фазы буго-днестровской культуры и в материалах ее хронологических аналогов — позднейших памятников сурско-днепровской культуры.

В подтверждение этого мнения приводим несколько фактов, относящихся прежде всего к буго-днестровской культуре.

Во-первых, необходимо напомнить, что к концу развития буго-днестровской культуры получают повсеместное распространение широкооткрытые миски, украшенные угловатыми зигзаговыми композициями, составленными из наколов.

* Недавно вышла монография названного автора, специально посвященная этой культуре.

Во-вторых, в комплексе поселения Миколина Брояка, являющегося одним из наиболее поздних памятников савранской фазы, наряду с остатками полусферической миски было найдено несколько гладкостенных черноглиняных фрагментов посуды, украшенных полями, состоящими из наколов, что говорит о проникновении на Ю. Буг именно в это время сосудов, имеющих аналоги в комплексах хаманджийской культуры²⁵⁶.

В-третьих, не лишне назвать несколько аналогий из области сурско-днепровской культуры, соприкасавшейся на этом этапе с памятниками поздней поры савранской фазы буго-днестровской культуры. Так, в нижнем слое поселения сурско-днепровской культуры на Стрильчей Скеле было найдено несколько фрагментов импортного сосуда, вероятнее всего, узкогорлого кувшина, украшенного тщательно исполненными горизонтальными каннелюрами. Эта находка почти наверняка свидетельствует о взаимосвязях с областью хаманджийской культуры²⁵⁷ (рис. 139, 2).

Связями того же порядка следует объяснить и наличие в комплексе Никольского могильника амфоры с парными отверстиями для скрепления с крышкой-колпачком, украшенной сложным линейным «лицевым» мотивом, сопровождающимся горизонтальным фризом из наколов²⁵⁸.

Разумеется, не во всех приведенных выше случаях мы имеем дело с хаманджийскими изделиями, попавшими на территорию украинской части Северо-Западного Причерноморья непосредственно из Добруджи. Среди изделий рассматриваемого типа выделяются местные, возникшие под непосредственным балкано-дунайским воздействием — тордошским, хаманджийским и раннебоянским. Не исключено, что переносным звеном являлась какая-то только намечающаяся, находящаяся в украинском Подунавье древнеземледельческая культура балкано-дунайского типа.

Приведенные выше материалы, подтверждающие хронологическую близость, если не синхронность хаманджийской культуры с позднейшими подразделениями буго-днестровской и сурско-днепровской культур, важны не только для установления существовавших между ними конкретных временных соответствий. Дело еще и в том, что эти данные в определенном смысле могут свидетельствовать о том, что буго-днестровская и сурско-днепровская культуры являлись возможными компонентами хаманджийской.

Очевидно ведь, что далеко не все в этнокультурной индивидуальности хаманджийской культуры можно объяснить прямым привнесением из области Восточного Средиземноморья. Более того, названные выше культуры — сурско-днепровская и буго-днестровская и, тем более,

днепро-донецкая, еще совершенно не учитываемые Д. Берчу, были достаточно древними и достаточно сильными в этнокультурном отношении, чтобы оказать влияние на культурное развитие древнего населения Нижнего Подунавья. Можно предполагать, что именно из Восточного Поднестровья, в пору продвижения сюда племен днепро-донецкой культуры, в области Ха-

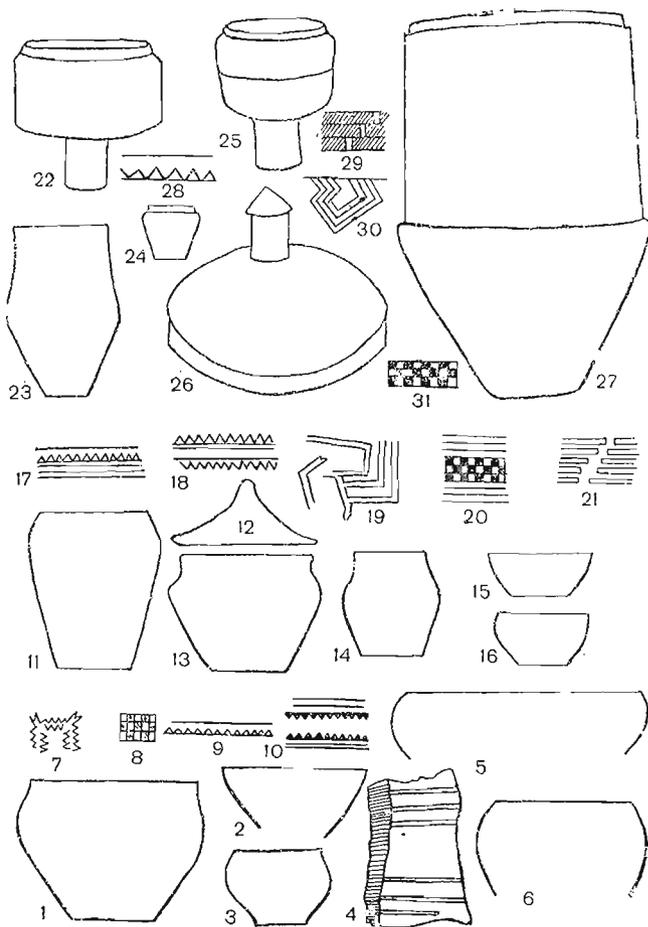

Рис. 153. Румыния. Керамика и образцы ее орнамента ранних фаз культуры Боян.

манджии появляются могильники с вытянутыми захоронениями и с погребенными в них людьми пережиточно кроманьонского типа.

Следующей культурой, граничащей на западе с буго-днестровской, является культура Боян (рис. 153, 1—31). В ней нас интересуют только архаические звенья, так как ее вторая половина, вплоть до трансформации ее в культуру Гумельница, уже относится ко времени, следующему за периодом существования буго-днестровской культуры²⁵⁹.

В отличие от хаманджийской культуры, выявленной пока лишь только в границах неболь-

шого участка причерноморской части Нижнего Подунавья, культура Боян известна на протяжении почти всей предгорной полосы Южных и Восточных Карпат и ее территория представляет собой обширную дугу, южный конец которой опирается на румыно-болгарскую часть Подунавья, а восточный — на средний Прут.

Боянская культура представляет собой известную противоположность хаманджийской культуре в том смысле, что присущие ей памятники нередко имеют вид стратифицированных местонахождений (Тангыру, Глина и др.) и дают возможность воссоздать довольно полную картину ее развития.

В настоящее время румынскими археологами Е. Комша и Д. Берчу созданы две схемы историко-хронологического развития боянской культуры. Если схема Е. Комши фиксирует четыре фазы, основанные на различиях археологических остатков, то схема Д. Берчу более подробная. Она включает помимо фазы протобоян еще не менее пяти основных фаз, некоторые из них в свою очередь подразделяются на ряд более мелких этапов (например, Боян II *a—c*, Боян V *a—c*)²⁶⁰.

Правда, в последнее время и Е. Комша начал подразделять фазы на этапы, именуемые по названиям эпонимных местонахождений (Гряка, Алдень, Джулешти), что заметно сблизило обе схемы²⁶¹.

Для наших целей достаточно первоначальной схемы Е. Комши, основанной на археологических различиях, настолько осязаемых, что возможность принять локальные особенности культуры за более важные в рассматриваемом плане хронологические различия в значительной степени исключена.

Главным в содержании схемы Е. Комши является то, что, несмотря на отсутствие прямых стратиграфических данных, автор поставил памятники типа Болинтиняну, прежде относившиеся к особой, независимой от Бояна культуре, в основание культурно-стратиграфической схемы боянской культуры, т. е. доказал их генетическую связь²⁶².

Вместе с тем необходимо оговориться, что названная схема в процессе накопления новых материалов претерпевает определенные модификации, в частности, в связи с выделением некоторых этапов, например Кэцелу, наименование первой фазы культуры — Болинтиняну — стало весьма условным, так как по последним заключениям Е. Комши вся эта фаза представлена единственным памятником — Кэцелу, а сам эпонимный памятник — Болинтиняну — значит уже в более позднем подразделении²⁶³.

Надеясь, что в ходе будущих исследований отмеченные шероховатости в схеме Е. Комши будут устранены, ниже приводим ее модифици-

рованный вариант в нашем собственном переложении.

Фаза I — Болинтиняну (этап Кэцелу). Поселение Кэцелу расположено близ реки, на краю надпойменной террасы. Зафиксирован тип жилища — полуземлянка овальной формы. Кремневый инвентарь микролитический, содержит геометрические формы.

Набор глиняной посуды, исключительно плоскодонной, включает три основных группы: грубую кухонную, обиходную каннелированную и орнаментированную. Первая группа отличается примесью растительной массы в глине. Среди форм установлены банки и бокастые горшки, украшенные простейшим проглаженным орнаментом и налепными украшениями²⁶⁴.

Во вторую группу входят изготовлявшиеся из отмученной глины плечистые горшки, украшенные выступающими псевдоручками, а также горизонтальными каннелюрами²⁶⁵.

Третью, наиболее типичную группу глиняной посуды, представляют сосуды, орнаментированные специфическим орнаментом, о котором речь пойдет особо. Характерны открытые миски с округлыми стенками, а также горшки-чаши почти полусферической формы.

В отношении характера орнамента третья группа посуды Кэцелу — болинтинянской фазы представляет собой исключительное явление. Самой яркой особенностью украшения посуды этого времени является стремление разделить всю внешнюю поверхность сосуда на несколько обособленных орнаментальных полей. Насколько это устанавливается в настоящее время, в обоих случаях применялись различные приемы сходных орнаментальных схем — угловато-меандровых рисунков. В одном случае их применяли в виде системы проглаженных лент, в другом — в виде врезанных линий, дополнительно украшенных подтреугольными наколами. Следует также отметить употребление криволинейно-волютовых ленточных рисунков с точечным заполнением²⁶⁶. Уже для этого времени развития культуры Е. Комша отмечает присутствие культовой глиняной пластики в виде «дородных» женских изображений²⁶⁷, украшенных сложным ленточным рисунком.

Фаза II — Джулешти (этапы Гряка и Алдени). Сохраняется тот же тип поселений и жилищ (Хотареле ла Слом). Не произошло, видимо, изменений и в характере кремневой индустрии, по-прежнему сохраняющей микролитический характер. Источники — поселение Букурешти — Флоряска. Поселение Болинтиняну, прежде бывшее эпонимным памятником «болинтинянской» фазы, позволяет судить о типе орудий, предназначавшихся для обработки дерева (каменные топоры-тесла плоскоовального и прямоугольного сечения).

В составе глиняной посуды обоих этапов джулештской фазы продолжают существовать все три названные выше группы сосудов: кухонные, обиходные тонкостенные, украшенные каннелюрами и тяготеющие к ним в отношении формы сосуда с линейным орнаментом.

В группе кухонной посуды преобладают банки и горшки. Встречаются цеделки. Техника орнамента архаическая, восходящая к керешским временам: округлые налепы под венчиком, а также намазные линии, образующие зевронные и реже меандровые композиции.

Сохраняют свое значение и тонкостенные горшки, украшенные каннелюрами и рельефными налепами, размещаемыми по верхней части сосудов. Орнамент распространяется вплоть до плечиков (Алдени) или спускается ниже их (Хотареле ла Слом).

Сосуды, украшенные линейным орнаментом, как и прежде, сохраняют двойственный характер стилистических приемов, выражающихся в существовании обычного линейно-ленточного орнамента и орнамента также линейного, но осложненного подтреугольными наколами или вырезами. Весьма специфичен прием нанизывания на одну линию небольших треугольных углублений, повернутых острыми углами в противоположные стороны, что превращает их в своеобразный нотный ряд.

Из форм сосудов этой группы называем глубокие миски с выпуклыми стенками, горшки S-видного профиля, а также миски («вазы») на ножках²⁶⁸.

В числе произведений культовой пластики называем стоящую и сидящую женские статуэтки из Богата²⁶⁹, а также статуэтку из Хотареле ла Слом²⁷⁰.

Главным основанием для хронологического обособления памятников типа Гряка от памятников типа Альдени является различие в характере линейного орнамента, в одном случае сопровождающегося подтреугольными наколами, в другом — вырезами.

Памятники типа Гряка фиксируют своеобразный прием слияния линий и наколов, компонентов в пары — для удобства заполнения орнамента белой инкрустацией, которая в это время получает широкое распространение²⁷¹. Для памятников типа Альдени характерен прием нанизывания на одну линию сходных треугольников, обращенных острыми углами в разные стороны²⁷². Глиняные изделия памятников типа Гряка украшаются особым шахматным орнаментом, состоящим из вырезанных квадратов, заполнявшихся белой краской²⁷³, и напоминающим сходный орнамент памятников типа Дудешть.

Особо следует сказать о поселении Хотареле ла Слом. Вероятно, что в числе памятников,

объединенных понятием фазы Джулешти, оно представляет довольно позднюю группу, фиксирующую постепенный переход к явлениям фазы Видра, т. е. ко времени памятников типа Боян «А»²⁷⁴.

В подтверждение этой мысли отмечаем присущую этому памятнику большую развитость тонкостенной посуды, украшенной каннелюрами. Последние, хотя и образуют обычные орнаментальные схемы, занимают на поверхности сосуда уже другое положение. Каннелированная зона спускается ниже плечиков, а сами орнаментальные схемы приобретают вытянутые пропорции. Несомненно новым в характере каннелированного орнамента является и возникновение особого приема отделять некоторые части каннелированных композиций линиями из округлых наколов или включать в состав композиций поля различной формы, состоящие из подобных же круглых наколов²⁷⁵.

Фаза Видра (этапы Гелецулуй и Верэшти) фиксирует уже то состояние культуры, которое в первых публикациях определялось как Боян «А»²⁷⁶. Фаза Петру Рареш (этапы Спанцов и Петру Рареш), как это убедительно показывает в своих исследованиях Е. Комша, уже отвечает процессу постепенной перекристаллизации культуры Боян в гумельницкую культуру²⁷⁷.

Обе последние фазы боянской культуры — Видра и Петру Рареш — по хронологическому положению позднее буго-днестровской культуры существовали и тогда, когда на территории последней племени трипольской культуры уже переживали первые этапы своего развития.

Как было показано выше, культура Боян в сравнении с культурой Хаманджия исследована, особенно ее внутренняя хронология, лучше. Зато синхронизация отдельных ее фаз с соответствующими фазами соседних культур оказалась довольно нелегкой задачей, хотя некоторые данные для решения подобных задач все же имеются.

Во-первых, существует возможность синхронизировать фазу Джулешти культуры Боян с памятниками типа Хаманджия, подкрепляемая отмечавшимися уже находками на поселении Колумбия «А» и «С» остатков боянских импортных сосудов времени Хотареле ла Слом²⁷⁸.

Во-вторых, должна быть отмечена техника украшения тонкостенных сосудов каннелюрами с обрамлением из круглых вдавлений. Такая техника свойственна памятникам как культуры Боян (Хотареле ла Слом), так и культуры Хаманджии (Мангалия)²⁷⁹.

В-третьих, нужно указать, что хорошо представленные в ранних фазах культуры Боян тонкостенные широкооткрытые сосуды с каннелюрами более архаического типа отвечают архаическим же формам подобной посуды памятников

винча-тордошской группы. Именно в этой связи отметим, что аналогии для архаических приемов орнаментирования таких сосудов каннелюрами (до плечиков, как в фазах Болинтиняну и Джулешти) имеются в нижней части стратифицированной толщи Винчи (до времени Винча «С») ²⁸⁰. Более развитые формы орнамента, фиксируемые уже памятниками типа Хотареле ла Слом, имеют прямое продолжение в более поздних фазах Бояна, в Гумельнице и в раннем триполье, что в целом должно отвечать времени перехода от Винчи «В» к Винче «С» ²⁸¹.

Обоснованная выше синхронность фаз культур Боян-Болинтиняну и Джулешти (до времени Хотареле ла Слом) с культурой Винчи «А—В», а Хотареле ла Слом с поздней порой культуры Хаманджия (Колумбия «А» и «С» — Мангалия) находит подтверждение в данных радиоуглеродного метода.

Как известно, Винча «А» в настоящее время датируется временем 3930 ± 85 лет до н. э. ²⁸², а время Винчи «Д» — временем 3600 ± 160 лет до н. э. ²⁸³, что разрешает поместить ранние даты Бояна в тесные рамки начала IV тысячелетия до н. э. Такому заключению не противоречат и радиоуглеродные даты «середины» культуры Хаманджия — 3681 ± 70 лет до н. э.

Следует также отметить еще один факт, важный как с точки зрения синхронизации соответствующих явлений, так и с точки зрения выявления существовавших генетических связей. Речь идет о том, что в Анатолии, а именно в энеолитических горизонтах Алишара, встречается керамика с наколами вроде хаманджийской или боянской, а также керамика с врезным орнаментом, напоминающим боянский ²⁸⁴, что и разрешает считать соответствующие черты в комплексах Бояна и Хаманджии анатолийским привнесением.

В комплексах самой буго-днестровской культуры отсутствуют непосредственные данные для синхронизации с памятниками боянской культуры. Они были получены окольным путем, через днестровские пороги, куда в виде импортов достигали керамические изделия как из областей буго-днестровской культуры, так и с Нижнего Дуная.

Так, например, в одном из горизонтов поселения Вовчок, наряду с позднейшими импортами буго-днестровской керамики, отвечающими времени и особенностям памятников типа Гард — Миколина Брояка, были встречены обломки сосуда, происходящего из области дудештской — предбоянской культуры или комплекса памятников Зэнэштского типа (рис. 139, 1). Тут же были найдены обломки ребристого сосуда, напоминающего хаманджийские горизонтальными каннелюрами и часть тонкостенного

сосуда шаровидной формы, вероятно, также дунайского происхождения.

Упомянутый слой Вовчка в системе неолитических памятников Днестровского Надпорожья представляет один из ярких примеров памятников шестой вонигской фазы сурско-днестровской культуры, которые, как уже отмечалось, фиксируют время ее распада. Они синхронны с позднейшими памятниками савранской фазы и датируются временем до середины IV тысячелетия до н. э., что в целом разрешает считать первую половину IV тысячелетия до н. э. временем заката буго-днестровской и возникновения трипольской культуры.

ДАННЫЕ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ

Выше были приведены данные, характеризующие основные фазы развития буго-днестровской неолитической культуры. Были выяснены формы ее историко-культурных связей и уточнены хронологические соответствия, отвечающие каждой из них. Осуществленная работа позволила определить место и значение буго-днестровского неолита в системе неолитической эпохи вообще, и именно тех районов Старого Света, где скотоводство и земледелие выступают в наиболее архаических формах.

Можно считать установленным, что на территории Украины сложение неолитической культуры, начавшееся в степной полосе, к востоку от Днестра, в значительной степени было равнозначно сложению скотоводческого хозяйства. Начало сложения буго-днестровской культуры, как подтверждают нижние слои Митькова и Базькова островов, характеризовалось распространением особой шиподонной посуды, ранние аналогии которой можно проследить к востоку от Днестра, вплоть до туркестанского Прикаспия (Джебел, слой V), где подобная посуда выступает вместе с наиболее архаическими формами керамики Восточного Средиземноморья (Киликия, нижние слои Мерсина, Гозлю-Кюле, в Западной Анатолии, пещера Бельдиби и поселение Кизилкая). Сходная с ней посуда Эгейской области (Элатея) определено позднее и датируется серединой VI тысячелетия до н. э. Приняв во внимание установленные к настоящему времени радиоуглеродные даты, можно заключить, что абсолютный возраст всех этих памятников определяется временем не позднее конца VII — начала VI тысячелетия до н. э.

В частности, такая дата (6220 ± 150 лет до н. э.) получена для нижнего слоя Неа Никомеда, дающего близкие аналогии для некоторых типов керамики скибенецкой фазы. Что же касается бескерамического неолита, установленного на Ю. Буге (нижние слои поселений Зань-

ковцы II и Сороки), то он не может быть датирован позже второй половины VII тысячелетия до н. э., тогда как докерамические слои Каменной Могилы гораздо древнее этого времени и в хронологическом плане могут соответствовать более древним, подлинно докерамическим слоям Сосуко, Джебела, Бельта и Джармо.

Первая керамическая фаза буго-днестровской культуры — скибенецкая — синхронна с самыми древними памятниками сурско-днестровской культуры (Сурской остров I, нижний слой; остров Кизлевый; нижний слой Похилого острова и др.). С ними синхронны некоторые ранне-неолитические памятники Крыма (Ат-Баш), а также, видимо уже с концом периода, и древнейшие памятники днепро-донецкого ареала (например, тип Струмель).

Вторая фаза буго-днестровской культуры — соколецкая — еще сохраняет черты родства со скотоводческими культурами соседних территорий. Ее хронологический диапазон определяется промежуточным положением между временем существования памятников первой фазы развития культуры (около конца VII тысячелетия до н. э.) и временем дальнейшего усиления контакта с областью балканского раннего неолита, где-то около середины и второй половины VI тысячелетия до н. э. В Надпорожье к началу этого времени следует относить виноградовскую фазу развития сурско-днестровской культуры.

Общим признаком здесь являются остродонные горшки S-видного профиля, украшенные линейным, сначала врезанным (остров Виноградный), а позже проглаженным (остров Кодачек и др.), орнаментом. Видимо, к этому же времени относятся днепро-донецкие памятники типа Заваловка, а также такие крымские памятники с остродонной посудой, украшенной линейным орнаментом, как Таш-Аир I, Кая-Арасы и, вероятно, Балин Кош.

Третья фаза буго-днестровской культуры — печерская, вначале представленная памятниками типа Гайворон-Полижок, а в конце — Сокольцами и Печорой, проходила под знаком культурной и экономической активности населения старчевско-керешской культуры. В Южной Европе эта активность привела к сложению керешской культуры, к инфильтрации ее носителей на территории Австрии, Чехословакии, Южной Польши²⁸⁵, Румынии, Правобережной Украины (переход на печерскую фазу буго-днестровской культуры). Результатами такой инфильтрации явилось возникновение земледелия в северных широтах Средней Европы, приведшее если не к сложению культуры линейно-ленточной керамики, то, по крайней мере, к ее бурному развитию. Возможно, тот же процесс привел и к возникновению памятников серовской (цедмарской) группы²⁸⁶ и, наконец, к переходу к чет-

вертой фазе развития сурско-днестровской культуры.

Активность старчевской культуры естественнее всего связывать с порой ее расцвета, т. е. с серединой V тысячелетия до н. э. Завершение этой фазы следует отнести к концу расселения по территории Польши, Румынии и Западной Украины племен линейно-ленточной керамики с нотным орнаментом (около 4200 лет до н. э.).

Четвертая фаза буго-днестровской культуры — самчинская — была сравнительно непродолжительным (рубеж V—IV тысячелетий до н. э.), но исключительно динамичным периодом, протекавшим в обстановке расселения племен днепро-донецкой культуры по р. Донец, в область Днестровского Надпорожья, отчасти в область буго-днестровской культуры, на р. Днестр и, как о том говорят предсскло и его аналогии в виде Црвеной Стены, в приадриатическую Югославию, вероятно, также и в дунайско-балканский ареал.

Для Донеччины этот процесс означал возникновение памятников типа Бондарихи, т. е. превращение культуры из днепровско-припятской в днепро-донецкую; для Поднепровья — упадок и интенсивную ассимиляцию сурско-днестровской культуры; для Побужья — возникновение самчинского культурного комплекса, как неоднократно подчеркивалось, гораздо более примитивного, чем печерский; в Поднепровье он привел к возникновению синкретического комплекса, включавшего керешские и самчинские черты; в дунайско-балканском ареале — к некоторому упадку местной земледельческой культуры, где, в частности, начинает распространяться кардиумная и накольчатая керамика. Имеющиеся данные позволяют отнести начало этой фазы к самому началу IV тысячелетия до н. э.

Пятая фаза — савранская — характеризуется своеобразным восстановлением традиционных черт буго-днестровской культуры, обусловленных культурно-экономической ассимиляцией проникших на юг племен днепро-донецкой культуры. Возрождение буго-днестровской культуры вызвало заметное видоизменение строя материальной культуры у племен Поднепровья (тип Бузьки в северной части Среднего Поднепровья и нижний слой Стрильчей Скели в Надпорожье), а также характеризовалось возобновлением контакта с племенами Нижнего Подунавья, а именно, с племенами тордошской, хаманджийской и протобоянской культуры. Хронологическое положение этой фазы может быть определено как начало IV тысячелетия до н. э.

Шестая фаза — хмельникская — относится к предтрипольскому времени. Получает распространение накольчатая керамика. Для этой фазы характерно дальнейшее усиление влияния

балкано-дунайских культур, которое проявилось как в области буго-днестровской культуры, так и на Поднепровье. Хронологическое положение этой фазы, благодаря наличию заимствований и импортов, шедших из областей названных выше культур, определяется временем первой половины IV тысячелетия до н. э. Этой фазой оканчивается трехтысячелетняя история племен буго-днестровской культуры, которая именно в это время, в обстановке культурно-экономического влияния со стороны балкано-дунайских племен, трансформировалась в трипольскую культуру.

Сложение трипольской культуры не было узколокальным процессом, захватывавшим лишь конкретный район европейской древнеземледельческой области. Очевидно, что этот процесс органически смыкался с теми побудительными про-

цессами, которые возникали в Восточном Средиземноморье, а затем перебрасывались в Южную Европу.

Не менее важно подчеркнуть и то, что параллельно со сложением Триполья, к востоку от Днепра и Дона, где происходила ассимиляция переживаний вклинившихся днепро-донецкой и азово-днепровской культур, начался процесс формирования древнейшей этнокультурной области, а к северу от нее — развился процесс сложения культур ямочно-гребенчатой керамики.

Как показано в последнем разделе настоящего труда, все эти процессы, будучи исторически обусловленными, составляют различные стороны развивающегося первого общественного разделения труда и одновременно — новую эпоху этноисторического развития древнего населения Юго-Восточной Европы.

ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

В идеологическом развитии древнего общества, исследуемого по правилам дешифровки археологических реалий, привлекают не столько искусствоведческий или познавательный моменты, сколько возможность расшифровать с их помощью древние мифы, что в конечном итоге позволяет судить об этнической принадлежности этих реалий и, таким образом, хотя бы частично компенсировать отсутствие письменных источников, столь необходимых при изучении вопросов этнической истории.

В частности, с целью проникновения в характер религиозно-космогонических представлений носителей буго-днестровской культуры автором был собран и проанализирован большой материал, произведены необходимые сравнения и дешифровки, приведшие к выводу, что система их религиозно-космогонических представлений является предстацией системы воззрений населения трипольской культуры. Обе эти системы представляют собой локально-хронологическое проявление более общей религиозно-космогонической системы, для которой характерно развитие надстроечных явлений восточно-средиземноморской части Старого Света на протяжении неолитической и палеометаллической эпох.

Любой локальный вариант этой системы, и среди них — буго-днестровский, трипольский и т. д., определяется, прежде всего, стилистическими приемами выражения конкретных образов и идей, своеобразием этнографического момента и — затем — спецификой космогонических представлений.

Особо рассматриваются данные, характеризующие скотоводческий и охотничье-скотоводческий аспекты религиозно-космогонических воззрений, что только подтвердило общий вывод.

Религиозно-космогонические воззрения племен буго-днестровской культуры и генетически связанного с нею триполья были, бесспорно, индоевропейскими, что получает подтверждение в индоиранской и, особенно, в древнегреческой мифологии и символической.

В развитии воззрений этих племен различаются по меньшей мере три стадии: «охотничья Артемиды», характеризующейся видением мира через комплексы Великой матери и благородного оленя; «скотоводческой Артемиды», проявляющейся в образах Великой прама-тери скотоводческого периода и ее супруга, у которых характер видения мира обусловлен разведением крупного рогатого скота; с одной стороны, «земледельческой Деметры» и ее производных — детей, супруга и др., сохраняющих черты предыдущего периода и в то же время, со стороны самой «Деметры», олицетворяющих силы земли — женское начало, атрибутируемое черепахой, жабой, змеей и растительными протомами, а с другой — силы неба — мужское начало, атрибутируемое змием, крылатым драконом, птицами, луной и солнцем¹.

Первая — охотничья стадия получает отражение в материалах буго-днестровской культуры и только отчасти в материалах триполья.

Среди материалов, полученных при раскопках поселения на Митьковом острове, а также при раскопках поселений Гайворон-Полижок и Саврань, были найдены примитивные антропоморфные статуэтки из камня. Одна из них, найденная на Митьковом острове, была украшена сложным линейным орнаментом, характерным для земледельческих культур и дешифрующимся как воспроизведение небесного солнечно-водного змия-дракона (рис. 155, 1). Бесспорно присутствие этих же образов и в орнаменте глиняной посуды (рис. 155, 2, 3).

В подобной комбинации образ женщины должен быть понят как отражение образа, противоположного силам неба и, таким образом, уже олицетворяющего плодоносящую Землю.

Женское божество этого времени распространено значительно шире, чем «Артемиды» и «Деметры» последующих времен. С одной стороны, это — всерождающая Мать, с другой — оно находится в тесной связи с охотничьим производством того периода, когда по всей терри-

Рис. 155. Предметы, отражающие религию и космологию.

1 — статуэтка из мергеля, Митьков остров; 2—5, 13 — сложный зооморфный орнамент на сосудах (2 — Митьков остров, 3 — Сокольцы II, 4 — Таврия, 5 — Сурский остров II, 13 — Сабатиновка II); 6 — изображение рогатой антропоморфной фигуры на сосуде культуры линейно-ленточной керамики; 7 — Культурные предметы из раннетрипольской землянки, Сабатиновка II (а — череп быка, б — статуэтка); 8 — Рогатый троник, Сабатиновка II (а — вид сверху, б — сбоку); 9 — Рогатая антропоморфная статуэтка, Голерканы; 10, 11 — Рогатая антропоморфная статуэтка, Пятигорск; 12 — статуэтка с зооморфным орнаментом, Берново-Лука.

тории Европы олень-лань был главным охотничьим животным и, следовательно, главной формой обожествления сил природы.

Не исключено, что древность этого образа восходит к доиндоевропейским временам Европы. Об этом, в частности, говорит широкое распространение этого образа в юго-западной части материка, где в самых разнообразных способах выражения широко распространен символ женщины с чертами космичности, неизменно сопровождаемый изображениями оленей и, по-видимому, собаки.

В конкретном случае буго-днестровской культуры отражением этого же образа следует считать довольно часто встречающиеся культовые ямки, содержащие преднамеренные захоронения костей кабана (Базьков остров) или оленя (Гайворон-Полижок).

Особенно интересно захоронение костей оленя на Гайворон-Полижке. В одном случае в ямке диаметром всего около 40 см и глубиной около 70 см были найдены остатки черепов и конечностей сразу четырех оленей, а в другом — особое захоронение фрагментированного черепа оленя с рогами.

Налицо случаи «посева» в землю остатков тех самых животных, которые составляют основу охотничьей добычи, т. е. отражение тех же направленных на возрождение убитого зверя магических действий, которые так хорошо известны по этнографическим материалам.

В конкретном случае трипольской этнокультурной области этот же образ выступает в сильно осложненном за счет присутствия скотоводческого и земледельческого компонентов виде.

Образ «Артемиды», достаточно уже близкий к древнегреческому, присутствует на известной усатовской стеле, где отмечается изображение по-коровьи (т. е. по-скотоводчески) рогатой женской фигуры, которая как «охотница» сопровождается изображением оленя, как покровительница стад — изображениями лошадей, а как божество, сопричастное небесным силам, — изображением лунного серпа и двулезвийного топора* (рис. 156).

Так мы постепенно перешли к скотоводческому этапу развития рассматриваемого образа и, конкретно, к истолкованию некоторых сторон культа усатовских племен, образывавших обособленную группу, возникшую на пограничье двух миров — трипольского и степного — скотоводческого. Возвращаясь к конкретному случаю усатовской культуры, следует подчеркнуть необходимость связывать с культом первобытной «Артемиды» находки известных по Усатову

следов человеческих жертвоприношений, захоронений реальных и скульптурных голов быка, изображения собаки и др.

В материалах буго-днестровской культуры мы не находим прямых указаний на существование особого женского скотоводческого божества, что следует объяснить особой стадильной древ-

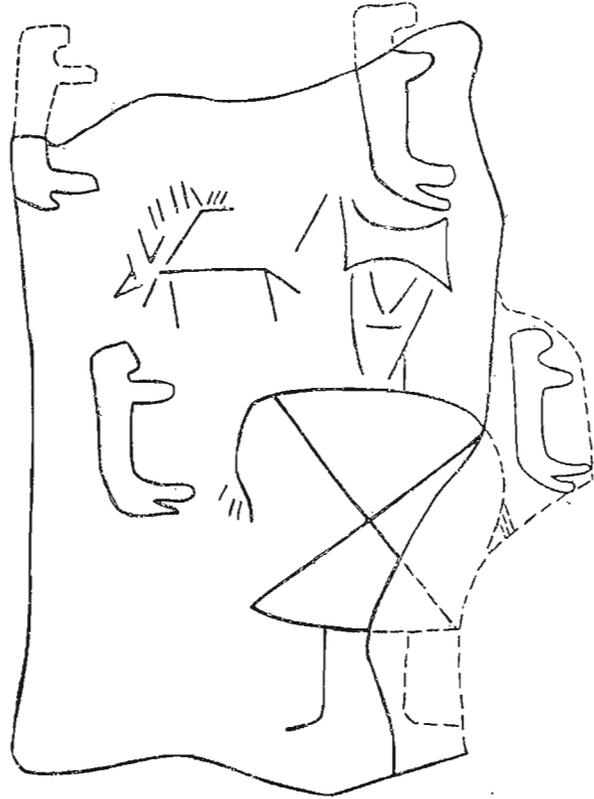

Рис. 156. Стела из Усатова.

ностью культуры и тем, что в системе хозяйства ее носителей роль скотоводства была исключительно незначительной.

С большой степенью выразительности обожествление крупного рогатого скота, а в конкретных случаях и слияние соответствующих символов с антропоморфными мы можем отметить для приазовской и сурско-днепровской культуры, где ряды букраниев образуют своеобразные ленточные композиции (рис. 155, 4, 5), вероятно, ближе стоящие к семантическому комплексу Неба.

В раздвоенном уже виде этот зооморфно-ленточный символ присутствует в орнаменте культуры линейно-ленточной керамики, где иногда встречаются своеобразные композиции, состоящие из зигзаго-воллютовой ленты, символизирующей воду, сопровождаемой снизу и сверху

* Подробнее об этом см.: Нариси стародавньої історії Української РСР, стр. 69-70.

так называемыми а-образными знаками, обращенными остриями друг к другу, т. е. букраниями, представляющими небесную и земную сферы.

В материалах триполья образ Великой матери с чертами идеологии скотоводческой стадии проявляется с достаточной очевидностью, хотя

Рис. 157. Сосуд из полуземлянки поселения Сабатиновка II.

в сравнении с женским земледельческим божеством он как бы отодвинут на второй план.

Именно с этим образом следует связывать известные по ряду памятников захоронения лобных частей черепов быков, используемых иногда

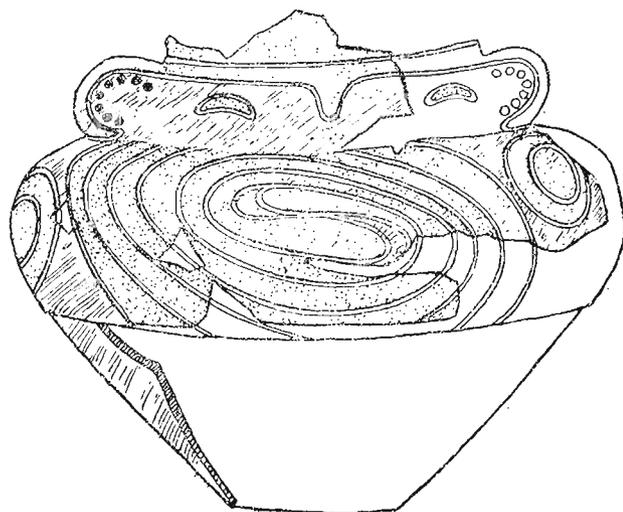

Рис. 158. Сосуд из Русе, Болгария.

в качестве тронов «богинь», глиняные рогатые троники, на которые помещаются статуэтки, пластические и статуарные воспроизведения букраниев и, наконец, очень редкие изображения рогатых женщин (рис. 155, 7—9).

О генетической увязке трипольского варианта этого образа с прикавказским Востоком говорит присутствие именно в этом ареале культу-

рых рогатых изображений женщин. Из их числа следует выделить недавно найденную А. П. Руничем в районе Пятигорска статуэтку сидящей женщины с почти трипольским «нимбом» — ушами на голове — и по-восточному трактованными рогами (рис. 155, 10, 11).

Как уже отмечалось ранее, женское божество третьей, т. е. земледельческой, стадии развития в материалах самой буго-днестровской культуры находилось еще на начальном этапе становления. И это вполне естественно, если учитывать мотыжный характер земледелия, делавшего к тому же свои первые шаги.

Здесь, вероятно, еще нет места первобытной «Деметре», как таковой. Однако и образ женщины, и сопутствующий ей символ небесного змия-дракона уже на этапе буго-днестровской культуры представляет собой наиболее архаическое сочетание именно тех древнеземледельческих образов, которые, в частности, известны по материалам триполья и по данным некоторых стадияльно близких к нему культур.

Для того чтобы убедиться в том, что трипольские племена в своем религиозно-космогоническом развитии уже достигли стадии земледельческой «Деметры», достаточно вспомнить о примешивании к тесту статуэток зерен пшеницы; об украшении многих статуэток сложными линейно-ленточными композициями, дешифрующимися как изображения небесных водно-сол-

Рис. 159. Изображение змееногой богини с коровьей головой (скифо-античное время), Крым.

нечных драконов (рис. 155, 12); о наличии сходных орнаментальных композиций на трипольских и сходных с ними сосудах, обладающих признаками женщины и в то же время обвитых змиями-драконами (рис. 157; 158).

Исключительно яркий пример сочетания обоих космических «супругов» — Неба и Земли — мы наблюдаем на известном грушевидном сосу-

де из Сабатиновки II, где присутствует повторяющаяся композиция, включающая сверху — со стороны Неба — символы рогатого, крылатого дракона, а снизу — со стороны Земли — символы рогатой змеи с раздвоенным туловом — вероятный прототип змееной богини более позднего Причерноморья (рис. 159).

Приведенный выше очерк о религиозно-космогонических воззрениях древних обитателей восточноевропейского Причерноморья предельно краток. О сложности этих представлений, а отчасти и о трудности раскрытия их смысла, можно судить по недавним исследованиям Б. А. Рыбакова.

Надеясь, что в будущем мы сможем предложить вниманию читателя более пространное построение на тему об идеологии древних жителей Юго-Восточной Европы, переходим к столь же краткому освещению других вопросов этноисторического плана.

О СЛОЖЕНИИ ТРИПОЛЬСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЛАСТИ

Решение вопросов о сложении трипольской и древнеямной этнокультурных областей как бы является своеобразным мостом между дописьменным неолитическим периодом и раннеисторическим периодом энеолитической эпохи, от которого до наших дней дошли древнейшие письменные источники.

Исследуя вопрос о сложении культуры трипольской этнокультурной области, мы приходим к выводу, что она возникает в зоне многовекового контакта, еще на заре неолитической эпохи, у племен евразийского охотничье-скотоводческого массива с племенами балкано-дунайского охотничье-земледельческого массива.

В процессе этого контакта существовали периоды доминирования восточного компонента — особенно на раннем этапе неолита — на протяжении кукрекской стадии, а также и на протяжении сменяющих ее древнейших керамических фаз таких культур, как приазовская, сурско-днепровская, крымская и, на раннекерамических фазах, буго-днепровская.

Однако уже на этапе печерской фазы связи буго-днепровской культуры с охотничье-скотоводческим ареалом ослабевают и она смыкается с культурой старчевско-керешского ареала, переживавшей в это время период своего подъема.

Установление более тесного контакта с балкано-дунайскими формами развития содействовало повышению стадийного, т. е. историко-экономического, уровня буго-днепровской культуры, но не нарушило традиционных форм ее этноисторического развития.

Именно для печерской фазы буго-днепровской культуры следует подчеркнуть органическую близость представляющего ее комплекса с древнейшим трипольским, что получает выражение в формах и орнаменте кухонной и обиходной посуды, в наборе производственного инвентаря и даже в типах поселений и формах домостроительства.

Однако уже для следующей самчинской фазы развития этой же культуры приходится подчеркивать появление мощного северо-восточного эпикроманьонского клина, продвижение днепродонецкой культуры, что привело к частичной ассимиляции сурско-днепровской, приазовской, крымской культур и к переселению на восток части их населения. Этот же процесс привел к частичной ассимиляции самой буго-днепровской культуры к продвижению днепродонецкого компонента в балкано-дунайский ареал, а в целом — к новым осложнениям в процессе формирования как древнеямной, так и трипольской культур.

Савранская фаза буго-днепровской культуры отражает явление регенерации традиционных черт дотрипольского неолита.

С одной стороны, явление подобной регенерации можно объяснить восстановлением этноисторической активности той части буго-днепровского населения, которая под нажимом племен днепродонецкой культуры должна была сместиться к югу — в Причерноморье (памятники типа Миколина Брояка); с другой — еще для конца печерской фазы следует предполагать возникновение особого балкано-дунайского ответвления буго-днепровской культуры, реминисценцией которого, например, могут быть памятники типа Дудешть, содействовавшие в процессе восстановления естественных связей восстановлению дотрипольского характера культуры.

Хмельникская фаза — время перехода от буго-днепровского неолита к медному веку. Она представляет собой локальный случай перехода на особую тордошскую стадию этнокультурного развития, стимулированную усилением анатолийских связей, историчность которых подтверждается сходством таких территориально удаленных этнокультурных явлений, какими являются энеолит Алишара², островов Восточной Эгиды³, Караново III⁴, Дудешть⁵, Тордош⁶, Протобойан-Кэцелу⁷ и, наконец, памятники хмельникской фазы буго-днепровской культуры.

Основными признаками этой стадии развития культуры, вероятно помимо начинающейся металлургии меди, следует считать переход к пашенному земледелию, начало патриархата и, как показали находки в комплексе трансильванского тордошского поселения Тэртэрия, начало предкинописной — пиктографической письменности⁸.

Далее уже идет время раннего триполья А, для которого следует привести такие восточные и западные соответствия:

Восток:	Запад:
I. Гайворон	I. Флорешты, Извоар Ia, Зэнэшт (в боянском ареале—Джулешть)
II. Сабатиновка II (землянки)	II. Извоар I в
III. Сабатиновка II (площадки)	III. Солончены I
IV. Греновка	IV. Бернова-Лука, Лука-Врублевцевская

Таким образом, в наши прежние представления о сложении триполья на двойственной основе — местного неолита с гребенчатой керамикой и боянской культуры⁹ — необходимо внести некоторые уточнения в том смысле, что сложение трипольского этнокультурного единства происходило, с одной стороны, на основе буго-днестровской культуры, а с другой — на основе особой балкано-дунайской энеолитической культуры, возникшей под прогрессивным анатолийским воздействием и тяготеющей к кругу культур тордошского типа. Подтверждением этой мысли является наличие в Малой Азии памятников кан-хассанского типа, а также сходных с ними памятников на восточных островах Эгейского моря.

Оставляя в полной силе и тезис о том, что боян и триполье являются параллельными линиями этнокультурного развития¹⁰, следует особо подчеркнуть, что факт существования буго-днестровской культуры разрешает говорить о существовании особого, очень древнего неолитического пласта в Южной Европе, без учета которого нельзя понять не только процесс сложения самого триполья, но также и процесс формирования его балкано-дунайских аналогов, включая Дудешти, Боян, Вэдастру¹¹ и, вероятно, также и Винчу¹².

СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕЯМНОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЛАСТИ — ПЕРВОЙ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ СТЕПНОГО ЭНЕОЛИТА

В связи с тем, что многие материалы, раскрывающие процесс сложения древнеямной культуры, до сих пор не получили достаточного освещения в литературе, раздел о ее сложении нам придется рассматривать с некоторыми археологическими подробностями.

Приведенные ранее данные позволяют думать, что первопричины сложения древнеямной этнокультурной области следует искать в формах дальнейшего развития таких культур неолитической эпохи, как приазовская, сурско-днепровская, крымская и прикаспийская (Джебел).

Так возникает необходимость разыскания именно тех остатков названных культур, которые, несмотря на вторжение с северо-востока позднекроманьонского клина, обусловившего возникновение днепро-донецкой и азово-днепровской культуры (Мариупольский могильник и др.), все же сохранились, развивались и при переходе к энеолиту с его полукочевыми формами пастушеского хозяйства вошли в древнеямный комплекс.

Следует также учитывать, что процесс сложения древнеямной культуры в условиях конкретных районов прерывался также и за счет той особой линии развития южного энеолита, которая представлена нижним слоем Михайловки, Пивихой, кемиобинской культурой и др.¹³ Иными словами, процесс сложения древнеямной культуры никак не был проще процесса сложения триполья.

Процесс сложения древнеямной этнокультурной области ныне рисуется как процесс последовательного расселения с волго-каспийского Востока пастушеского европеоидного населения, испытавшего в конце V — в начале IV тысячелетия до н. э. все возрастающее давление со стороны непрерывно расширявшейся, в самых различных направлениях, протоугрофинской кельтеминарской этнокультурной области.

Расселение пришельцев с востока в пределы азово-черноморского ареала, заселенного достаточно густо, было вызвано процессом ассимиляции с местным населением.

В одних случаях привнесенные формы культуры побеждали, и процесс сложения древнеямной культуры охватывал обширные территории — от Прикаспия до Поднепровья; в других — волна пришельцев наткнулась на непреодолимое противодействие со стороны индоевропейских массивов, и из области сложения древнеямной культуры выпадали ее западные, в основном приднепровские, районы.

Из всего сказанного выше возникает естественное желание рассматривать исключительно сложный процесс формирования древнеямной этнокультурной области в аспекте единой периодизационной схемы, но состоящей из ряда хронологически определенных этапов.

Рассматривая процесс в хронологическом расчлененном виде, для конца V — начала IV тысячелетия до н. э., прежде всего отмечаем период разрыва в цепи развития названных раннеохотничье-скотоводческих культур, т. е. период развития вклинившихся с северо-востока днепро-донецкой и азово-днепровской культур. Уже для этапа формирования последней констатируем наличие кельтеминарского контакта (распространение скорописно-накольчатого орнамента).

В настоящее время в процессе сложения и развития древнейшей этнокультурной области или, говоря иначе, в процессе взаимодействия приходящего с востока пастушеского населения с местными формами развития различается три крупных исторических периода, расчленяющихся на соответствующее количество более мелких фаз.

Первый — китянский — период развития древнейшей культуры объединяет две фазы: каспийско-днепровскую и чигиринско-китянскую.

Каспийско-днепровскую характеризует происходившее под давлением кельтеминарских племен расселение в азово-черноморские степи какой-то части каспийско-азовских племен с типом культуры, близким к позднему джебелскому¹⁴. Известны следы поселений этого времени (Джебел, район Астрахани, Нижний Дон, Северский Донец, Надпорожье), курганные захоронения (станция Политотдельская на Волге, с. Архаринское в Калмыкии) и курганы с кромlechами (район Кировограда). Основным признаком культуры — начало пастушества с коневодством. Для материального комплекса характерны — яйцевидные горшки со стянутым верхом, иногда с воротничковым завершением венчика, а также округлодонные или плоскодонные чаши. Для сосудов типична примесь раковины и украшение их накольчатыми композициями. Именно к этому времени относятся являющиеся атрибутами власти патриарха каменные навершия, среди которых, наверное, уже присутствуют и скипетры в виде стилизованных лошадиных голов¹⁵.

Вторая — китянско-чигиринская — фаза лучше изучена в пределах днепровского бассейна — с низовьев реки до Канева¹⁶, а также в границах Донеччины и Приазовья. Известны следы поселений и погребения — курганы с использованием камня при сооружении (ящики, заклады и др.) и скорченными захоронениями¹⁷.

В целом фазу характеризуют эволюционные формы развития пришлой с востока культуры и ассимиляция ею возникшей здесь ранее азово-днепровской культуры.

Во внешнем проявлении материальной культуры отмечается широкое распространение традиционных горшков со стянутым верхом и плоскодонных кубков. Характерно широкое применение состоящих из оттисков гребенчатого штампа ленточно-зигзаговых композиций. Среди украшений появляются изделия из меди (гривны из каменного ящика у Золотой Балки на Херсонщине). Несомненное доминирование кремня мариупольского типа; среди кремневых изделий привлекают внимание двусторонне ретушированные формы — наконечники дротиков и серпы закавказского типа.

Подчеркиваем наличие особой группы памят-

ников с керамикой, по технологическим данным близкой к китянской, но плоскодонной и поэтому напоминающей «кухонную» трипольскую посуду (сосуды из Капуловского могильника)

Второй — среднестоговский — период развития древнейшей культуры объединяет три фазы — бережновскую, скелянскую с этапами скелянским и среднестоговским и дереивскую.

Памятники бережновской фазы известны по поселениям (район Астрахани, Нижний Дон, хут. Александрия на Харьковщине, остров Похилый на Днестре и др.), а также в виде курганных погребений со скорченными захоронениями (Бережновка¹⁸ и, вероятно, Новочеркасск¹⁹).

Для этого периода типичны яйцевидные горшки с невысоким отогнутым венчиком, украшенные композициями из струйчатых и накольчатых линий, в целом являющиеся несомненным показателем кельтеминарского этнокультурного контакта.

На основании трипольских находок в степных комплексах (например, в энеолитическом слое поселения на острове Похилый, в Надпорожье) и древнейших в трипольских (Сабашиновка I, Березовская ГЭС на Ю. Буге, Новые Русешты — на Пруте) памятники этого типа должны датироваться временем перехода от триполья А к триполью В (Кукутени А₁₋₂).

Памятники скелянской фазы и одноименного этапа в настоящее время определяются от Степного и Лесостепного Подонья (следы поселений в районе Цимлянской ГЭС²⁰, курганные захоронения у хут. Попова²¹ и др.) до Степного и Лесостепного Поднепровья включительно (Средний Стог на Стрильчей Скеле и, вероятно, какая-то часть памятников типа Сунка на Среднем Днестре²²).

Типичными чертами материального комплекса этого времени являются переживания позднего комплекса кремневых изделий мариупольского типа — концевые скребки; простые и остроконечные ножи; небольшие топоры, а также наконечники дротиков и изредка стрел, ретушированных с двух сторон; распространение топоров овального сечения из кристаллических пород, а также распространение плечистых с отогнутым венчиком яйцевидных сосудов, украшенных скорописно-накольчатыми композициями, являющимися переживаниями кельтеминарского контакта предыдущего периода, и реже таких же горшков, но украшенные композициями из оттисков гребенчатого штампа.

Наличие импортных расписной и каннелюрованной трипольской керамики в среднем слое Стрильчей Скелы²³ разрешает синхронизировать эти памятники с триполем В (Кукутени А₂₋₃).

Среднестоговский этап той же фазы в настоящее время зафиксирован пока лишь в При-

окраинным трипольем, испытывавших ассимилирующее воздействие проникающего сюда неолита ямочно-гребенчатой керамики. Иными словами, продолжалось взаимодействие тех же этнокультурных компонентов, о которых речь шла при рассмотрении явлений дереивской фазы сложения древнеямной культуры.

И тем не менее не подлежит сомнению, что развитие древнеямной культуры в целом и теперь продолжалось с неменьшей степенью интенсивности, чем прежде, но что эпицентр процесса в начале этого периода находился где-то в узком междуречьи степных и лесостепных Волги и Дона.

Сопоставление инвентаря некоторых древних поселений из района Астрахани⁴², древнейших погребений из Быкова на Волге⁴³ и, наконец, из поселения возле хутора Репина на Дону⁴⁴ говорит об их почти полной идентичности. С ним сходен инвентарь и некоторых древнейших ямных курганов Северного Кавказа⁴⁵.

Отличительную особенность памятников репинского типа составляет керамический комплекс глиняной посуды с обильной примесью раковины в массе, включающий две формы — глубокие яйцевидные горшки со сравнительно короткими венчиками, украшенные жемчужным орнаментом по основанию и оттисками грубого шнура по тулову, а также глубокие чаши, отличающиеся от описанных выше горшков приземистостью, слабо выраженным венчиком и простым орнаментом.

Сопоставление инвентаря названных памятников с инвентарем бережновского типа говорит о том, что сложение древнеямной культуры в восточной половине ее ареала теперь происходит в несколько иных (на собственно бережновской, а не на среднестоговской основе) и при этом в более эволюционных формах, чем на Приднепровском Западе.

Иными словами, для возобновления процесса развития древнеямной культуры в его прежнем — волго-днепровском — территориальном объеме требовалось распространение на Приднепровский Запад особой волны восточных — «репинских» племен, отличающихся, как оказывается, подчеркнута коневодческим характером пастушеского хозяйства.

О том, что такое продвижение происходило в действительности, говорит наличие соответствующих керамических изделий как в среднем слое Михайловки, так и в составе комплекса Скелы-Каменоломни.

Однако утверждение, что в условиях Поднепровья сложение собственно древнеямной культуры было результатом слияния киево-кирилловского этнокультурного типа с репинским, еще не выражает всего существа вопроса, ибо в составе культурного комплекса Михайловки II

(Михайловка, Скелы-Каменоломня) довольно явно проступает еще и третий компонент — так называемая пивихинская культура.

Последняя, как показывают данные настоящего времени, локализуясь между Пслем и Стугной, характеризуется комплексом плоскодонной посуды, близкой к киево-софиевской, но отличающейся своеобразной раковинной примесью, а главное — обилием и разнообразием жемчужного орнамента. Известна антропоморфная пластика нетрипольского облика, а также своеобразные погребения под курганами.

В конкретном случае появление пивихинского компонента в Степном Поднепровье можно объяснить продвижением его к югу под давлением племен культуры киево-кирилловского типа, в свою очередь испытывавшей давление со стороны углубившихся в это время в пределы Восточной Европы двух так называемых мегалитических культур — шаровидных амфор⁴⁶ и малопольской. Помимо общих соображений и хронологических сопоставлений, о реальности продвижения мегалитических культур говорит также наличие соответствующих керамических импортов в комплексах ряда памятников (Мнево под Черниговом, Никольская Слободка в районе Киева и др.).

Далее следуют две последовательные фазы в развитии древнеямной культуры — Михайловка II и Михайловка III, исчерпывающе освещенные Е. Ф. Лагодовской и О. Г. Шапошниковой⁴⁷.

Не останавливаясь на деталях, подчеркиваем только то, что является главным в их историко-археологической характеристике.

Для фазы Михайловка II (конец III тысячелетия до н. э.) прежде всего необходимо отметить несомненное смещение эпицентра развития древнеямной культуры к западу и северу. О расширении древнеямного ареала к западу прежде всего говорит проникновение в Днепровское Правобережье ямных погребений яцковичского типа⁴⁸, а также проникновение ямных памятников на Нижний Дунай и даже в Болгарию⁴⁹. В то же время о двусторонности взаимоотношений с населением Правобережья говорят усаатовские керамические импорты в культурном комплексе Михайловка II⁵⁰.

О расширении древнеямного ареала к северу говорит появление древнейших памятников деснинской группы среднднепровской культуры⁵¹, а также возникновение первичного — сошнуровой керамикой — московского ядра фатьяновской культуры⁵².

Фаза Михайловка III (III и II тысячелетия до н. э.) — время обычных памятников древнеямной культуры. Сложение их происходило в обстановке относительной стабилизации этнокультурного процесса. Исчезло последнее влия-

ние триполья и северных мегалитических культур. Древнеямная культура доминирует на обширном пространстве Степи и Лесостепи — от Волги и до Дуная.

Впрочем, эта стабилизация не была ни полной, ни длительной, ибо уже на данном этапе развития древнеямной культуры, а точнее, в комплексе Михайловка III, появилась особая группа чернолощеной керамики, имеющая соответствия как на Северном Кавказе⁵³, так и в Крыму — в позднейших памятниках кемиобинской культуры⁵⁴.

Этот, на первый взгляд незначительный факт, как мы полагаем, свидетельствует о начале важного процесса — вклинения в древнеямный ареал проникающего с востока этнокультурного клина, дальнейшее развитие которого привело к сложению древнейшего прикавказского ядра катакомбной этнокультурной области.

Вероятно, в определенной связи с процессом проникновения в древнеямный ареал племен катакомбной культуры находится также отрыв и продвижение от Волги к востоку — в пределы Казахстана — части племен древнеямной культуры, что в конечном итоге и привело к сложению так называемой афанасьевской культуры⁵⁵.

Заключительный — ямнокатакомбный (городцовский) этап развития древнеямной культуры в развернутой характеристике не нуждается. Представляющие его памятники хорошо известны со времен эпохальных открытий на Северском Донце, приведших В. А. Городцова к необходимости выделить особую древнеямную культуру⁵⁶. Выделению и изучению ее ранних звеньев посвящено несколько работ автора⁵⁷.

Речь в данном случае идет о тех древнеямных памятниках, синхронность которых с ранними катакомбными памятниками неоднократно подтверждалась, как подтверждалась и генетическая связь некоторых позднейших древнеямных памятников с некоторыми катакомбными⁵⁸.

Наметившийся перелом в этнокультурном развитии означал, что на широких просторах восточноевропейских степей древнеямная стадия этнокультурного развития перерастала в катакомбную стадию — особый период, характеризующийся выходом на авансцену истории новых этнических массивов, представляющих новую и во многом особую линию развития палеометалла Юго-Восточной Европы.

ВТОРАЯ АЗОВО-ПРИЧЕРНОМОРСКАЯ ЛИНИЯ РАЗВИТИЯ СКОТОВОДЧЕСКОГО ЭНЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Точное терминологическое обозначение этой линии этнокультурного развития едва ли возможно, так как только в недавние годы стало выяс-

няться, что южная, в основном приморская, полоса Восточной Европы в отдельные периоды развития была занята населением с культурой, близкой к майкопской. Следует напомнить, что вопрос об этой линии развития впервые был поставлен автором сразу же после раскопок кромехов у с. Осокоровки на Херсонщине⁵⁹.

Высказанное предположение подтвердилось открытием нижнего слоя Михайловки⁶⁰ с его плоскодонной, насыщенной раковинной лощеной посудой⁶¹.

В том же плане следует напомнить и о памятниках пивихинской группы, расположенных к северу от ареала Михайловки I и отличающихся от нее посудой красноватого цвета, иным типом раковинной примеси и наличием жемчужного орнамента⁶², что только усиливает сходство местной посуды с майкопской.

Важным открытием того же плана следует считать и уточнение характера энеолитических памятников Крыма, для которых можно назвать по крайней мере две фазы — раннюю (верхний слой Таш-Аира, энеолитические комплексы Фатьма-Кобы, Кукрека и др.), материальный комплекс которой исключительно близок к майкопской культуре⁶³, и позднюю — кемиобинскую, обоснованную А. А. Щепинским путем раскопок поселений и погребальных памятников.

В числе достижений последнего времени следует назвать и важное в силу географического положения открытие нижнего энеолитического слоя у с. Ливенцовки на Нижнем Дону, где в ходе раскопок С. Н. Братченко был выделен тип культуры, сходный с нижним слоем Михайловки, но с чертами Деревки.

Наконец, в роли промежуточного звена между памятниками Северного Кавказа и Северо-Западного Причерноморья следует рассматривать и верхние слои многослойного поселения Ракушечный Яр, а также и отвечающие им погребения (раскопки Т. Д. Белановской)⁶⁴.

Если рассматривать дальнейшее продвижение на восток, то помимо хорошо известной майкопской культуры⁶⁵ в виде особого южного ответвления этой же линии развития следует назвать и куро-араксский энеолит⁶⁶, который в свою очередь получает непосредственное продолжение в энеолите Анатолии с его монохромной лощеной посудой⁶⁷.

Особый интерес в рассматриваемом плане приобретает и тот факт, что в свете раскопок М. И. Артамонова на Маныче, а И. В. Симицына и В. П. Фисенко в Калмыкии⁶⁸ местная — «предкавказская», вероятно, очень архаическая в своих истоках катакомбная культура, в отличие от северо-донецкой, является по характеру глиняной посуды настолько близкой к куро-араксскому энеолиту, что можно предположить наличие в ее составе немалого количества насто-

ящих импортов, полученных в обмен от оседлых племен более южных районов.

По признаку редкости или отсутствия раковинной примеси в массе глиняной посуды из числа названных выше культур в особую подгруппу выделяются майкопская, предкавказская, катакомбная, куро-араксская и кирбет-керакская культуры, что не только подчеркивает своеобразие путей их развития, но и тот факт, что керамика с примесью раковины получила более широкое распространение в относительно северном ареале — на контакте с архаическими звеньями древнеямной культуры.

В свете приведенных данных исключительное значение приобретает уяснение того факта, что именно Восточный Прикаспий с его Джебелом, узбойской⁶⁹, суярганской культурами⁷⁰, которые по всем признакам должны быть отнесены ко второй линии развития степного энеолита, образуют собой подлинный эпицентр развития культур, исконно отличающихся от многих других распространенностью технического приема примешивать в массу глиняной посуды толченую раковину.

Вероятно, где-то здесь впервые произошло раздвоение некогда единой линии развития скотоводческих племен, из которых северную составила древнеямная культура с присущим ей разведением крупного рогатого скота и коневодством, и южную, представленную в конкретном случае суярганской культурой, отличающейся от северной, как мы полагаем, более тесными связями с древнеземледельческим миром, а также преобладанием иной, основанной на разведении мелкого рогатого скота формой пастушества. Это предположение подтверждается данными фаунистических комплексов целого ряда родственных культур, а именно — майкопской⁷¹, энеолитом Дагестана⁷², культурой нижнего слоя Михайловки⁷³, усатовской культурой⁷⁴ и др.

Приведенные выше данные определяют крупные территориальные масштабы рассматриваемой южной линии развития скотоводческого энеолита Юго-Восточной Европы и подчеркивают ее крупное этнокультурное значение.

Однако нарисованная картина оказалась бы неполной в самой существенной — западной ее части, если не попытаться в свете приведенных данных уточнить подлинные взаимоотношения триполья со степным миром, представленным, как оказывается, не одной, а двумя линиями этнокультурного развития.

Памятники, отвечающие второй линии развития южного энеолита, появляются в Северном Причерноморье не позднее первого этапа формирования древнеямной культуры, но локализируются они преимущественно в Причерноморье,

несколько южнее древнеямной этнокультурной области.

Одним из древнейших свидетельств возникновения этой линии развития в Причерноморье является недавно исследованный О. Г. Шапошниковой могильник близ с. Капуловка, близкий по типу и массовости захоронений к Мариупольскому могильнику, но давший два целых плоскодонных горшка, которые, будучи в отношении технологических признаков прямым повторением квиянских, в то же время являются прообразом того нового типа трипольской кухонной посуды, который при переходе от триполья А к триполью В сменяет во всей восточной части трипольского ареала кухонную посуду старого типа.

В прямой связи с процессом продвижения нового типа культуры в западном направлении находится и появление в Надпорожье поселений и погребений с кромлехами со сходным типом посуды (поселение на острове Похилый, кромлехи на острове Сурской⁷⁵) и, что особенно показательно, появление нового типа кухонной посуды в трипольских комплексах типа Сабатиновка I (Сабатиновка I, Березовская ГЭС, раскопки автора и В. П. Цибескова).

Позднее в условиях Надпорожья эта линия развития обрывается и наступает время существования поселений с культурой среднестоговского типа.

На Нижнем Днепре подобное развитие, вероятно, сохраняется и позднее (Михайловка I), вплоть до проникновения туда племен с репинским типом древнеямной культуры, а в предгорном Крыму она едва ли вообще прерывалась.

Из всего сказанного выше становится все более очевидным, что перелом в развитии триполья, отмечающийся при переходе от раннего этапа к среднему и проявившийся, с одной стороны, в проникновении с запада расписной посуды, а с другой — восточной кухонной посуды с примесью раковины в массу, в определенной степени был обусловлен этноисторическими событиями также и второй линии развития степного энеолита (степной компонент в трипольских памятниках типа Сабатиновка I). Только в конце кукутенской фазы (Солончены II) в процесс этнокультурной консолидации с трипольем включаются и древнеямные племена с культурой среднестоговского типа. Впрочем, переоценивать значение среднестоговских связей не приходится. Доминировала вторая линия развития, и едва ли подлежит сомнению, что относящаяся к более позднему времени синкретическая скотоводческо-земледельческая усатовская культура была порождением именно этой особой линии развития позднего степного энеолита.

Так, шаг за шагом, то путем установления генетических связей триполья и древнеямной

культуры с формами энтокультурного развития неолитической эпохи, то путем ретроспективной историко-археологической реконструкции мы пытались восстановить картину этнокультурного развития Юго-Восточной Европы и примыкающих к ней областей Азии на протяжении эпохи неолита и энеолита (см. рис. 154).

Наиболее существенной особенностью этой картины является то, что все охарактеризованные ею линии развития по мере продвижения в датируемые VII—VI тысячелетиями до н. э. глубины неолитической эпохи восходят к тем формам развития, которые возникали в области евразийского пограничья, приблизительно очерченной Восточным Приазовьем, Прикаспием и Южным Уралом. В первую очередь сказанное относится к суярганской культуре, чьи генетические связи через узбойскую культуру с Джебелом достаточно очевидны. В то же время вероятно и то, что через ряд посредствующих прикавказских звеньев эта культура сольется с единым этноисторическим ареалом, представленным памятниками типа Михайловка I — Осокоровка — кеминбинская культура.

Следующая за ней древнейшая культура, в этногенетическом развитии которой каспийско-азовский компонент на определенных этапах развития также доминировал, а приднепровский хотя и присутствовал, все же не играл решающей роли.

Дальше других находится буго-днестровско-трипольская линия развития, отделившаяся от восточного ареала еще в начале неолитической эпохи, а затем непрерывно находившаяся под воздействием балкано-дунайского компонента.

КОММЕНТАРИЙ К ИНДОВЕРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

Вполне вероятно, что три определенные выше линии этноисторического развития, имеющие давние генетические связи, составляли часть древнейшей индоевропейской ойкумены. Однако дать в этом смысле точную идентификацию любой из них, да и вообще доказать их индоевропейскую принадлежность, — дело нелегкое.

И все же все три очерченные выше линии этнокультурного развития в определенной степени являются именно теми «недостающими звеньями единой цепи развития», которые можно сопоставить с определенными положениями исторических выводов современного языкознания.

Однако, прежде чем сопоставить некоторые этноисторические выводы археологии с выводами языкознания, представляется целесообразным применительно к эпохам неолита и энеолита попытаться обрисовать внешние контуры индоевропейского ареала, т. е. попытаться

воссоздать меняющуюся в своих очертаниях и размерах «раму» индоевропейской картины.

Для этого из числа древних индоевропейских областей необходимо исключить присредиземноморскую Юго-Западную Европу и прежде всего район, ограниченный на западе Пиренейским полуостровом, а на востоке — Западной Адриатикой. И поздний палеолит, и мезолит, и неолит с его *impresso*-керамикой здесь неизменно имели капсийский характер, что с некоторыми ограничениями следует распространить и на культуру колоколовидных кубиков, указывающую на тесные генетические связи с Северо-Западной Африкой⁷⁶.

Вероятно, что именно баски с их берберскими и иберокавказскими языковыми связями представляют собой реликт того этнического массива, который некогда доминировал в границах этой территории⁷⁷.

Далее следуют Западные и Центральные Балканы с примыкающим к ним на севере дунайским пограничьем. Здесь картина намного сложнее. На этой территории от позднего палеолита до позднего энеолита отмечаются те же формы этнокультурного развития, что и для Юго-Западной Европы. Однако здесь в то же время с полной очевидностью прослеживается и восточно-средиземноморское влияние, с одной стороны, отразившееся в раннем проникновении сюда монохромной лощеной посуды, присутствующей в комплексах Протосескля, Херонеа, Старчево-Кереш, а также и в комплексе культуры линейно-ленточной керамики, а с другой — получившее отражение в достаточно раннем распространении на Балканах расписной посуды с линейно-угловатыми композициями, т. е. посуды, несомненно восходящей к восточно-средиземноморским прототипам.

Неиндоевропейская принадлежность этой входящей линии развития подчеркивается органическим сходством представляющих ее реалий с соответствующими компонентами неолитических и энеолитических комплексов Ближнего Востока, в частности, с данными неолита сироккилийской области и Западной Анатолии, к этническим оценкам которых нам еще придется обратиться.

Рассматривая этноисторическую картину Балкан и прилегающих к ним районов Подунавья, следует отметить и особую — третью линию этнокультурного развития, проявляющуюся в нескольких этапах распространения керамики с волотовым и меандровым орнаментом. Сначала напомним о расписном орнаменте, проникающем, несомненно, с востока в комплекс старчевской культуры⁷⁸.

Позднее — на раннем этапе энеолита, как мы полагаем, вследствие усиления связей с балкано-дунайским Востоком, в границах Западных

Балкан и прилегающей к ним части Подунавья возникает культурный комплекс данило-каканьского типа⁷⁹, который в процессе дальнейшего продвижения на запад проникает в Италию и захватывает Южную Францию⁸⁰.

На крайнем западе Европы усиливается балкано-дунайское влияние на неолит impresso-керамики и на его производные, а затем оно вновь ослабевает за счет новой северно-африканской инфильтрации⁸¹.

Последним отголоском той же волны, в последующем также смешавшейся с местными течениями этнокультурного развития, являются памятники, для которых характерна керамика с волютово-меандровой росписью, представляющая культуру, несомненно, восточного и, говоря точнее, балкано-трансильванского происхождения⁸².

Классическим выражением этой культуры в условиях Балкан является дименийская культура, пришедшая, как мы полагаем, из карпато-балканского пограничья и оказавшая влияние на сескловскую культуру, принадлежащую к иной линии этноисторического развития.

Подобно предшествующей волне, представляющие ее явления распространяются по Италии и Южной Франции, захватывая также и примыкающие к Пиренеям острова Средиземного моря.

Мы стоим на позиции признания индоевропейской принадлежности именно этой третьей линии этноисторического развития, что позднее — при рассмотрении этнических оценок буго-днестровско-трипольской линии развития — будет обосновано более подробно.

Для культур эпох неолита и энеолита Восточных Балкан и соседних с ними районов Подунавья прежде всего желательно подчеркнуть то, что отличает их от соответствующих форм развития западно-балканского ареала. Во-первых, обращает на себя внимание иной характер местной неолитической (ранней карановской) кухонной керамики, лишенной хорошо проявляющихся на западе признаков impresso-орнамента, во-вторых, более широкое распространение посуды с волютовым орнаментом, начиная с раннего карановского комплекса, что следует объяснить устойчивостью северных забалканских связей, уже в энеолите приобретших характер органического смыкания этнокультурного развития Восточных Балкан и Нижнего Подунавья.

Необходимо отметить некоторые изменения, протекавшие в глубинах Ближнего Востока и дошедшие до Южной Европы в виде двух последовательных волн.

Первая из них, связанная с распространением монохромной лощеной керамики (Караново II и др.), в качестве импульса, по-видимому,

имела этнокультурную перегруппировку, захватившую южную половину Анатолии. Наиболее активным районом последней мы склонны считать тяготеющие к Южному Прикаспию районы Анатолии и Ирана, т. е. те районы, где впоследствии произошло сложение куро-аракского энеолита и связанной с ним кирбет-керакской культуры.

Вторая — связана с распространением чернолощенной посуды, украшенной углубленным орнаментом с красочной инкрустацией (Караново III). Ее истоки мы склонны видеть в глубинах Анатолии (энеолит Алишара⁸³).

Значение этой волны, принесшей в Южную Европу пашенное земледелие, металлургию меди, подтолкнувшей сдвиг населения этой территории в направлении перехода на патриархальный этап развития и, наконец, стимулировавшей становление Тордоша, Бояна, Триполья и др., уже подчеркивалось. Ни одна из этих волн, разумеется, не могла быть индоевропейской.

Далее переходим к рассмотрению некоторых вопросов этнической истории Анатолии и Древнего Ирана.

В первую очередь следует присоединиться к основанному на наличии первых письменных памятников весьма распространенному мнению о том, что до массового расселения индоевропейцев здесь обитали азиантические народы, которых раннеписьменная история знает как в виде шумерского пласта в Месопотамии⁸⁴, так и в виде народа Хатти, обитавшего в Анатолии, чья «кавказионская» принадлежность признается многими исследователями⁸⁵. Отнюдь не исключено, что где-то здесь же обитали и протоаккадяне, т. е. семиты, более или менее точная локализация которых на данном этапе развития науки не представляется возможной⁸⁶.

Если попытаться расположить в хронологической последовательности первые волны проникших на Древний Восток индоевропейцев (рис. 160), то вначале придется поставить лувийцев (не позднее середины III тысячелетия до н. э.)⁸⁷, за ними следуют несийцы — хетты (не позднее рубежа III—II тысячелетий до н. э.), явившиеся создателями прочного государственного образования⁸⁸, позже становятся известными миттанийцы — ветвь индоиранского массива (первая половина II тысячелетия до н. э.), создавшие на пограничье Анатолии и Ирана миттанийское царство, которое в определенной степени следует рассматривать в качестве предшественника древних Мидии и Персии⁸⁹. Существует заслуживающее внимания мнение о том, что гиксосы — «цари-пастухи» Древнего Египта были своеобразным, далеко выдвинувшимся на запад форпостом этой же волны индоевропейцев⁹⁰.

Вопрос о том, откуда и в каком «археологи-

ческом» выражении могли проникнуть на Ближний Восток перечисленные выше волны индоевропейцев, будет рассматриваться позднее — при рассмотрении вопросов об идентификации в рамках индоевропейской группы народов перечисленных ранее линий этнокультурного развития. В настоящее время более целесообразно

лежит Кавказ — эта обширная и древняя лаборатория народов. Однако если мыслить большими категориями, то сразу же придется отбросить славянский и тюркский компоненты — ввиду их несомненно позднего продвижения на Кавказ — и остановиться только на вопросе о двух главных линиях местного этноисторического развития — на собственно кавказской и в какой-то степени — на иранской.

Главным в данной части построения является вопрос о древности кавказского этнического массива.

Еще с позднего палеолита, а также в мезолите и в керамическом неолите с его своеобразной плоскодонной посудой, иногда украшенной особым *impresso*-орнаментом, Кавказ представлял собой возвышающийся на востоке остров капсийского мира. Мы говорим «остров», ибо долго переживающие на Кавказе черты капсийского историко-культурного комплекса здесь сохранились гораздо дольше, чем на Ближнем Востоке (вспомним присутствие настоящих геометрических микролитов как в комплексах поселений⁹², так и в погребальных комплексах майкопской культуры⁹³). Нечто подобное в отношении длительного переживания капсийских элементов в культуре можно назвать только для присредиземноморского юго-запада Европы⁹⁴, а также и для всего Южного Присредиземноморья⁹⁵.

В свете указанного сопоставления мы можем позволить себе высказать предположение о том, что признаваемые многими языковедами кавказско-баскские связи не являются фикцией⁹⁶, но восходят к далекому мезолито-капсийскому прошлому.

В последние годы получила распространение и известное признание точка зрения Е. И. Крупнова и Л. Н. Соловьева о том, что в так называемом куро-аракском энеолите и в родственных с ним культурах следует видеть историко-археологическое отражение древнего кавказского этнокультурного («кашского» — по Б. Грозному⁹⁷) единства⁹⁸. Если помнить о тесных связях культур этого типа с Закавказьем и со смыкающимися с ним районами Анатолии, такая мысль представляется вполне оправданной. В то же время следует помнить, что в противоположность Закавказью — Северный Кавказ и примыкающее к нему Предкавказье стали кавказскими только благодаря продвижению сюда закавказского компонента — культуры новосвободненского типа. В значительно меньшей степени такие же связи следует предположить и для прикавказской катакомбной культуры Кеми-Обы и даже Михайловки I, а на востоке — и для суярганской культуры. Впрочем, отмечая возможность этно-

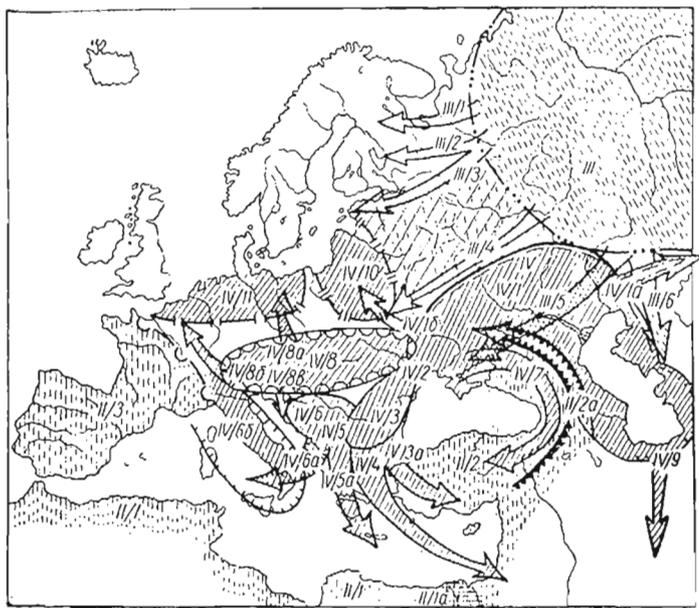

Рис. 160. Схема размещения индоевропейцев в начале письменной истории (середина III — первая половина II тысячелетия до н. э.).

I — зона контакта палеоевропейцев, протогрофинских и древних индоевропейских племен; III/1 — южнокапсийские племена; III/1a — капсийцы — палеохамиты — семиты — древние египтяне; III/2 — восточнокавсийские палеокавказские племена; III/2a — миграция палеокавказских племен; III/3 — палеонберийцы (протобаски); III — палеоуфрофинские (палеосамодийские) племена; III/1 — приполярная миграция самодийских племен; III/2 — миграция палеофинских племен (Сперрингс); III/3 — миграция племен культуры Нарва-Акали; III/4 — миграция палеоуфрофинских племен (тип Вольтцево); III/5 — миграция протоэо-днепровских племен; III/6 — миграция кельтеминарских племен; IV, IV/1 — палеотохары; IV/1a — начало миграции палеотохарских племен на восток; IV/1b — экспансия древнеямных племен; IV/2 — палеофракийцы; IV/3 — палеодакомизийцы; IV/3a — луэцкая миграция; IV/4 — пеласская миграция; IV/5 — палеогреки; IV/5a — палеогреческая миграция; IV/6 — протопалеороманцы; IV/6a — миграция палеороманцев; IV/6b — палеороманцы; IV/7 — хеттская (несийская) миграция; IV/8 — палеониллийцы; IV/8a, 8b — рессенская экспансия; IV/8a — палеониллийская миграция (протоалбанцы); IV/9 — палеониндоиранцы и митаннийская миграция; IV/10 — палеобалтославяне; IV/11 — палеокельтогерманцы.

ограничиться только указанием на то, что наиболее западный и вместе с тем наиболее древний — «лувийский» остров индоевропейцев на территории Малой Азии может оказаться весьма древним⁹¹ и, возможно, связанным с сельскохозяйственным аспектом южноевропейского неолита-энеолита (элемент сходства с ними в хаджыларской культуре), что вовсе не противоречит положению о том, что все основные районы Ближнего Востока на протяжении эпох неолита и энеолита определенно находились за пределами индоевропейской ойкумены.

На пути дальнейшего движения на восток

языкового контакта с собственно кавказским миром для культур, представляющих вторую линию степного энеолита, мы не видим оснований считать их вообще неиндоевропейскими. Как это будет показано далее, имеются основания считать эту линию индоевропейской и, конкретно, иранской или индоиранской.

Следующим, заведомо неиндоевропейским этнокультурным массивом, который в продолжение многих веков неолита и энеолита распространялся по громадной территории и оказал влияние на этнокультурный процесс основных районов современного Казахстана, Урала, Зауралья и многих южных и северных районов Восточной Европы, был кельтеминарский этнокультурный массив. В конкретной связи рассматриваемых вопросов важнее всего отметить наличие особого — связанного с Кельтеминаром — сперрингского этапа в этнокультурном развитии неолита ямочно-гребенчатой керамики, который отмечается как для Северо-Восточной Европы (собственно Сперрингс), так и для ее южных районов (тип Волинцево). Контакт с явлениями того же порядка можно предполагать и у племен энеолитической азово-днепровской культуры и, как уже отмечалось, у племен различных этапов древнеямной культуры.

Этническая идентификация кельтеминарской линии развития, в силу совпадения восточной части ее ареала со многими областями коренного обитания угро-финских племен, не представляет большого труда, и мы полностью разделяем точку зрения В. Н. Чернецова, П. Н. Третьякова и др. о протоугро-финской этнической принадлежности этой линии развития⁹⁹.

Во внешнем проявлении материальной культуры к кельтеминарскому комплексу, несомненно, близок и комплекс днепро-днепровской культуры. Сопоставим с ним и комплекс неолита ямочно-гребенчатой керамики, в различных частях ареала имеющий генетические связи как с Кельтеминаром и Сперрингсом, так и с днепро-днепровской культурой.

В качестве глубокого субстрата неолита ямочно-гребенчатой керамики в последнее время нащупываются позднейшие переживания свидерской культуры¹⁰⁰.

Это обстоятельство позволяет видеть в памятниках неолита ямочно-гребенчатой керамики памятники палеоевропейского населения, вытесненного из более западных районов Восточной Европы проникшими туда из Приатлантики северотардуназскими племенами.

Палеоевразийская (эпикроманьонская) принадлежность основных памятников днепро-днепровской культуры представляется достаточно вероятной. Однако это обстоятельство еще не решает вопроса о ее этнической принадлежности. Считая мнение Д. Я. Телегина о балто-сла-

вянской принадлежности этой культуры лишенным необходимой аргументации и полагая, что в представлявших ее языках еще должны были доминировать восточно-палеоевропейские элементы, мы все же считаем, что племена днепро-днепровской культуры имели языковые контакты как с индоевропейцами, обитавшими южнее, так и с угро-финнами, теснившими их на востоке. В связи с вопросом о возможности переживания восточнопалеоевропейских элементов в языке племен этих культур немалый интерес представляет гипотеза Б. А. Серебrenикова о доугро-финском топонимическом субстрате, широко распространенном в древнем ареале неолита ямочно-гребенчатой керамики¹⁰¹.

Переходя к вопросу о послепалеолитическом этнокультурном развитии Западной Прибалтики и примыкающей к ней с юга зоны Северной Европы, прежде всего необходимо указать на интересный факт: почти с начала позднего палеолита вся эта территория, главным образом благодаря течениям, проникавшим сюда по побережью Атлантики из Средиземноморья, находилась в самой тесной связи с провинциально-капсийскими формами этнокультурного развития. Не отрицая переживаний на этой территории также и западнопалеоевропейского компонента, мы должны признать доминирование здесь, по меньшей мере в мезолите, неиндоевропейского юго-западного компонента¹⁰².

Представляется вероятным, что так называемый нордический тип населения проник сюда из северной зоны Восточной Европы еще в виде раннеэнеолитических племен с макролитической индустрией. Что же касается начала индоевропейзации населения этой территории, то ее следует относить к еще более позднему периоду — к началу формирования культуры Эртебелле, глиняная посуда которой имеет отмечавшиеся ранее юго-восточные связи¹⁰³.

Итак, создание «рамы» индоевропейской ойкумены в основном завершено. Внутри нее находятся культуры михайловско-суярганского типа, древнеямная этноисторическая область с ее неолитическим охотничье-скотоводческим субстратом, трипольская культура и ее многочисленные аналоги в балкано-дунайской области, восходящие к неолиту буго-днепровского облика, тяготеющая к ним бюккская культура и, наконец, обширная этнокультурная область неолита линейно-ленточной керамики.

Нам кажется, что обоснование индоевропейской принадлежности некоторых из оказавшихся внутри обрисованной выше «рамы» культур следует начать с ссылки на существование тохарского единства, выпавшего из индоевропейской языковой общности еще в III тысячелетии до н. э., вероятнее всего, еще до проникновения хеттов в Малую Азию¹⁰⁴.

Как это доказано современной лингвистикой, тохарские языки, с одной стороны, характеризуются органической близостью с балтийскими и славянскими языками, а с другой — с фракийским, греческим и армянским, а также с хеттскими языками. Ощутима их близость с германскими и кельтскими языками и, наконец, имеются следы языкового контакта с угрофинскими и, возможно, кавказскими племенами¹⁰⁵.

Среди этнокультурных образований второй половины III тысячелетия до н. э. мы не знаем иного более подходящего претендента, кроме афанасьевской культуры, на роль той части прототохарского массива, который продвинулся в пределы северо-западной части современного Китая.

Наиболее вероятно, что ядро будущей афанасьевской культуры примерно до середины III тысячелетия до н. э. представляло собой часть приволжской группы древнеямных племен, а затем, под нажимом двигавшейся с юга волго-маньчской катакомбной культуры, оторвалось от древнеямной области и двинулось через кельтеминарское «море» на восток.

Таким образом, возникает возможность идентифицировать прототохарский эпицентр с древнеямной этнокультурной областью. Только эта область могла иметь на северо-западе древние контакты с формирующимися германо-кельтами, отразившимися в мегалитических культурах, только она, особенно в восточной своей части, должна была иметь стоговский контакт с протоугро-финским (палеосамодийским) массивом, реальными следами которого являются признаки кельтеминарского влияния. Не могла эта область избежать и этнокультурного контакта с древними кавказцами, именно в тех районах, где намечалось соприкосновение древнеямных племен с племенами куро-араксского неолита. Наконец, для запада и юго-запада этой же области был неизбежным этноязыковой контакт с дако-мизийским, фракийским и протогреческим этническими массивами, получающими выражение в буго-днестровско-трипольской линии развития и в многочисленных родственных ей культурах Южной Европы.

Отмечаем, что для раннего неолита к линии этноисторического развития, которую мы условно именуем прототохарской, довольно близко стояло первичное ядро буго-днестровской культуры, связанные с ним древнейшие проявления струмельско-дубечайской линии развития и, наконец, первичное ядро культуры Эртебелле.

Переходя к вопросу об этноисторической детерминации буго-днестровской культуры и триполья, следует сразу же указать, что они не могли принадлежать к одной и той же группе индоевропейского населения, но, вероятно, вхо-

дили в обширный балкано-дунайский этноязыковой ареал, населенный относительно родственными индоевропейскими племенами.

Существует также необходимость предположить неиндоевропейскую инфильтрацию в Южную Европу, и при этом в периоды, совпадающие с поворотными моментами в истории Большого Восточного Средиземноморья.

Так, например, фиксируя явления вклинивания в Южную Европу особой передневозточной волны, стимулировавшей переход от Кереша к Тордошу или Бояну, от Караново I к Караново II—III, от савранской к хмельникской и гайворонской фазам буго-днестровской и трипольской культуры и т. д., следует помнить, что процесс их кристаллизации совпадал с переломными периодами в истории Ближнего Востока, позднейший из которых совпал с зарождением шумеро-аккадского государства¹⁰⁶.

И тем не менее мы думаем, что в этноисторическом развитии балкано-дунайского ареала этого времени все же доминировали индоевропейские элементы¹⁰⁷.

Этническому идентификацию этих элементов целесообразно начать с тех районов, где прослеживается линия этнокультурного развития, представленная памятниками с расписной керамикой типа Петрешть — Ариудж — Кукутени.

Ее особое значение заключено в том, что на определенном этапе развития представляющие эту линию племена продвигались как на восток (Кукутени А — Новые Русешты), так и на запад (Димени и энеолитические памятники с расписной керамикой в северо-западной части Средиземноморья).

В факте продвижения в западном направлении культуры с расписной керамикой трансильванского типа нельзя не видеть подтверждения старой гипотезы Б. Грозного, в соответствии с которой западная *ken-tum*-ная часть индоевропейцев связывалась им с культурами расписной керамики трипольского типа¹⁰⁸.

В настоящее время гипотезу Б. Грозного следует уточнить в смысле идентификации крайнего на западе фланга рассматриваемой линии этнокультурного развития с формирующейся протороманской группой индоевропейцев.

Приобретает значение названная гипотеза Б. Грозного и в свете последних достижений науки, а именно — дешифровки крито-минойского письма, оказавшегося раннегреческим¹⁰⁹.

Изучение других памятников минойской культуры способствовало частичному раскрытию проблемы пеласгов, для которых устанавливаются связи как с фракийским миром, так и с древней семитской Палестиной¹¹⁰. Это положение приобретает важное значение в том смысле, что разрешает думать о присутствии семитского компонента в составе дораспис-

ного неолита и энеолита Крита, а также и сходных с ним проявлений древней культуры Восточного Средиземноморья.

Таким образом, для оставшейся в пределах очерченной области буго-днестровско-трипольской линии этноисторического развития появляется возможность идентифицировать ее со слагающимися дако-мизийским и фракийским массивами, а точнее, если руководствоваться соображениями болгарского исследователя Г. И. Георгиева, с формированием дако-мизийского массива следовало бы связать более северную зону области, а со сложением фракийского — более южную¹¹¹, имеющую древние связи со второй линией развития южного энеолита.

В то же время следует отметить, что этногенетические и глоттогонические связи триполья с субстратом буго-днестровской культуры следует понимать как процесс постепенного отхода от прототохарских норм и постепенной перекристаллизации их в языки протодако-мизийской, а на юге — протофракийской группы.

Нарисованная картина, несмотря на свою очевидную гипотетичность, все же основана на анализе вновь суммированного историко-археологического материала и поэтому ее следует завершить попыткой этнической идентификации той особой линии развития южного неолита, которая на Днестре представлена Михайловкой I, в Крыму — кемиобинской культурой, на Северном Кавказе — в какой-то части поздней майкопской культурой, в Предкавказье — архаическим ядром катакомбной культуры и, наконец, в Прикаспии — узбойской, суярганской и, вероятно, заманбабинской культурами¹¹².

В определении этой линии этнокультурного развития как протоиндоиранской, по нашему мнению, решающую роль играет восточная — южнокаспийская локализация входящих в ее эпицентр культур, что как нельзя лучше перекликается с фактом произошедшей во II тысячелетии до н. э. инфильтрации индоиранского населения в Переднюю Азию, с возникновением Миттанийского государства, сложения древних Мидии и Персии, среднеазиатской локализацией ираноязычных саков¹¹³ и, наконец, с тем, что приход арийцев в Индию и связанный с ним упадок доарийской культуры расписной керамики так или иначе совпали с приходом туда племен, изготовлявших монохромную, почти неорнаментированную глиняную посуду¹¹⁴.

Признание обозначенной выше линии этноисторического развития протоиндоиранской и, вероятно, на достаточно уже раннем этапе иранской, как нам представляется, археологически подкрепляет мнение о языковом родстве фракийцев с иранцами и, конкретно, с киммерийцами и скифами¹¹⁵.

Скрещение этих, иногда излишне противопоставляемых, линий глоттогонического развития могло начаться исключительно рано — с момента проникновения в раннетрипольскую среду пастушеского населения с посудой капуловско-михайловского типа и продолжаться до времени перехода за Дунай племен усатовской культуры, экспансии к северу племен кемиобинской культуры, а затем и во времена продолжающих родственную им линию развития катакомбной культуры и культуры многоваликовой керамики.

Продолжавшееся несколько веков расширение границ очерченной выше этнокультурной области в немалой степени было обусловлено исчезновением не только древнейшей, но и отчасти связанной с ней майкопской культуры.

Как оказывается, анализ некоторых сторон этого процесса дает в руки исследователя новый материал для освещения такого все еще исключительно сложного вопроса, как переселение хеттов-несситов в Малую Азию. В этом смысле привлекает внимание тот факт, что происходившая на Северном Кавказе смена майкопской культуры курганно-мегалитической нововосвободненского типа и сходная с этим процессом ломка этнокультурного развития в Закавказье¹¹⁶ хронологически совпадают с появлением в Анатолии курганов типа Аладжа-Гуюк, сходных с большими майкопскими курганами, но уже заведомо принадлежащих царственным всадникам¹¹⁷.

Сопоставление этих фактов подтверждает мысль о приходе хеттов в Малую Азию не с Балкан, а с Северного Кавказа, и если учитывать, что в прикаспийско-кавказском ареале этого времени происходило расширение области куро-аракского энеолита, то ее следует уточнить в смысле признания большей вероятности причерноморско-кавказского пути продвижения хеттов в Малую Азию.

Подчеркивая главное в этническом развитии неолитической и энеолитической Юго-Восточной Европы и суммируя сказанное, считаем возможным предположить существование в Европе пяти линий этнокультурного развития (рис. 160, 161):

1. Прототохарская — на начальном этапе представлена охотничье-скотоводческими культурами неолитической эпохи и генетически с ними связанной древнейшей культурой;

2. Протоиндоиранская — на начальном этапе скорее всего связана с прикаспийским неолитом джебельского типа, а на позднем — с целым рядом сходных культур, которые на западе представляют тип Михайловка I и кемиобинская культура, а на востоке — суярганская и заманбабинская культуры.

3. Протохеттская — на раннем этапе неолитом Северного Кавказа (и, вероятно, Крыма), а на позднем — ранним энеолитом Крыма и майкопской культурой.

4. Протодако-мизийская — на раннем этапе неолитом буго-днестровского типа, еще обна-

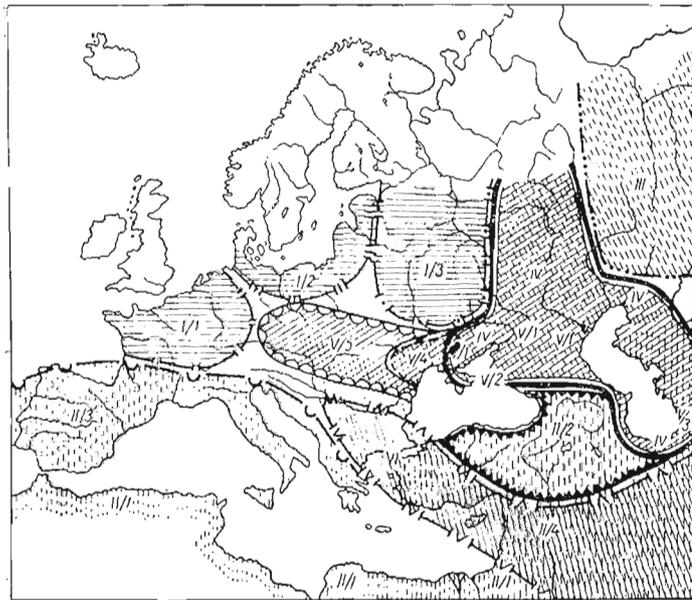

Рис. 161. Схема размещения индоевропейцев в конце мезолита — начале неолита (VIII—V тысячелетие до н. э.).

I/1 — западные палеоевропейцы; I/2 — северные палеоевропейцы; I/3 — восточные палеоевропейцы; II/1 — южные палеокаспийские племена; II/2 — восточные каспийско-протокавказские племена; II/3 — западные каспийско-протобалканские племена; III — протоугро-финские (протосамодийские) племена; IV — ареал становления индоевропейцев в зоне контакта палеоевропейских, палеосамодийских и протокавказских племен; V/1 — прототхарский ареал; V/2 — протохеттский (протонессийский) ареал; V/3 — протиндоиранцы; V/4 — протодакомизийцы; V/5 — протониллирийцы; VI — Восточно-Средиземноморские древнеземледельческие племена с расписной керамикой.

руживающим черты этнокультурного родства с первой прототхарской линией развития, а на позднем — с трипольской культурой.

5. Протофракийская — культурами зоны контакта между трипольем, памятниками типа Михайловка I и, вероятно, поздней Гумельницей.

Следует подчеркнуть, что три первых линии этнокультурного развития обнаруживают органическую связь с находящимися на Востоке евразийским пограничьем, в то время как четвертая и пятая линии — уже тяготеют к балкано-дунайской зоне контакта, где переплетаются палеоюжноевропейское, восточноевропейское и проникающее сюда с востока евразийское этнокультурное течение.

Сказанное о двух последних линиях в смысле синкретичности присущих им форм этнического развития еще в большей степени имеет отношение к Средней Европе, где следует раз-

личать по меньшей мере две линии этнокультурного развития. Первая из них представлена буюкской культурой, материальный комплекс которой обнаруживает осязаемое сходство с буго-днестровским комплексом, что разрешает считать ее реликтом очень древнего неолитического пласта, этнически связанного с названными ранее четвертой и пятой линиями этноисторического развития. Не противоречит такому утверждению и то, что буюкская культура очень быстро перерастает в тисскую, ибо и последняя также связана с окраинными формами этнического развития индоевропейцев.

Вторую линию представляет средневропейская область неолита линейно-ленточной керамики, отличающаяся, как мы полагаем, весьма сложными формами этноисторического развития.

Сложность путей этноисторического развития носителей этой культуры (вернее, ряда родственных культур) определялась ее синкретическим характером уже на этапе сложения.

При рассмотрении вопроса о сложении этнокультурных типов неолита линейно-ленточной керамики¹¹⁸ приходится считаться и с мезолитическим субстратом средиземноморско-атлантического склада¹¹⁹, затем — с пришедшей из Восточного Средиземноморья культурой с округлодонной монохромной лощеной глиняной посудой переднеазиатского типа и, наконец, с восточноевропейской струей, проявившейся здесь в повсеместном распространении линейно-ленточного орнамента, имеющего контаминации в ареалах буго-днестровской, сурско-днепровской и, если помнить о наскальных изображениях Каменной Могилы, приазовской культуры.

Вероятно, к несколько более позднему времени относится этнокультурный контакт со старчевско-керешской областью, который осложнил пути этноисторического развития населения неолита линейно-ленточной керамики.

Пора расцвета культуры совпала с периодом наивысшего развития присущих ей орнаментальных линейно-ленточных мотивов; а затем следовал период быстрого перерождения культуры волютовой керамики в культуру линейно-накольчатой, а также смещение всего ареала культуры к северу.

Не подлежит сомнению, что своеобразие нового периода развития культуры в значительной степени было обусловлено общими историческими условиями, во-первых, наличием связей с Восточной Европой, куда эта культура распространилась еще на этапе линейно-ленточной керамики, во-вторых, давлением с юга культур расписной керамики, что в немалой степени

способствовало перерастанию культуры линейно-накольчатой керамики в культуру рессенскую. Последняя, в свою очередь, оказывает влияние на эртебелльскую культуру, и затем, в результате их скрещивания, возникает этнокультурный массив мегалитических культур¹²⁰, вероятность этнической идентификации которого с протогермано-кельтским массивом уже отмечалась.

Не исключено, что и та часть древнего населения культуры линейно-ленточной керамики, которая, оставшись на исконных землях Придунайского Юга, несмотря на ассимилирующее воздействие культур балкано-дунайского ареала, сохраняла специфику своего этноисторического развития и образовывала особую этноисторическую группу, была связана с протоиллирийской линией развития.

Таковы общие черты предлагаемого нами археологического аспекта индоевропейской проблемы, при разработке которой мы учитывали труды многих исследователей, среди которых особое место занимают работы П. Н. Третьякова¹²¹, В. Пизани¹²², В. Георгиева¹²³, Б. В. Горнунга¹²⁴ и многих других ученых, рассматривавших более частные вопросы.

Нетрудно заметить, что от распространенной точки зрения на индоевропейскую проблему, согласно которой Балканы являются эпицентром формирования индоевропейцев, предлагаемая нами точка зрения отличается стремлением увидеть наиболее архаические этапы их развития, которые, как это нам подсказывает сам археологический материал, увязываются с восточными — евразийскими районами и с тем, что в аспекте идентификации конкретных этнокультурных образований с определенными формами этноглобтогонического развития главное место в нашем построении занимает прототохарская проблема.

Если не бояться повторения и придать нарисованной картине динамический характер своеобразной периодизации, значение восточного компонента на древнейшем этапе индоевропейской истории выступит еще с большей рельефностью.

В силу признания особого значения ретроспективного момента в предлагаемой нами периодизационной схеме на первое место ставится позднейшее раннеисторическое звено.

Таким образом, отталкиваясь от факта начавшегося на рубеже III—II тысячелетия до н. э. продвижения индоевропейцев из Европы на Ближний Восток, европейский материк этого времени следует признать почти полностью индоевропейским, объединяющим ряд этноглобтогонических ареалов, среди которых в первую очередь можно различить протокельто-германский, протороманский, протогреческий, прото-

фракийский, протоиранский и прототохарский массивы, а также отметить проникновение в границы Древнего Востока части протогреческого, протофракийского (пеласгийского), протоиндоиранского массивов, переселение в Малую Азию хеттов (несситов) и, наконец, проникновение в Среднюю Азию части прототохарского массива.

В энеолите, IV—III тысячелетия до н. э., этот ареал индоевропейцев менее обширен и восточная локализация его эпицентра более очевидна. Так, например, для Восточной Европы этого времени и для пограничных с ней районов Средней Азии и Ближнего Востока следует допустить существование протоиндоиранского, прототохарского, протохеттского массивов; для пограничья Восточной Европы и балкано-дунайского ареала — протодако-мизийского массива; для балкано-дунайского ареала — протофракийского и протогреческого массивов; для северо-запада Европы — протокельто-германского массива; для крайнего юго-запада Европы — первой инфильтрации индоевропейского населения, приведшей к образованию протороманского ареала.

В керамическом неолите — конец VII — начало IV тысячелетия до н. э. — индоевропейская ойкумена включает южные широты Восточной Европы, прикаспийско-прикавказское пограничье Азии, а в виде маргинальных областей — Среднюю и даже Северную Европу.

Для ранней поры этого же периода следует подчеркнуть особое значение охотничье-скотоводческих культур восточной части ойкумены, для которых характерно распространение чернолощенной керамики и по этому признаку обнаруживающих несомненную близость к неолитическим культурам Ближнего Востока, но отличающихся от них распространением глубоких шиподонных сосудов, содержащих в массе толченую раковину (прикаспийская, приазовская, крымская, сурско-днепровская и ранняя буго-днепровская культуры). Несомненным дериватом культурных проявлений этой в целом юго-восточной области являются некоторые памятники Приладжья, нарвская культура, памятники струмельско-серовского типа и, наконец, эртебелльская культура, т. е. ряд культур Северной Европы, развивавшихся в маргинальных районах индоевропейской ойкумены.

К числу маргинальных явлений следует отнести и средневропейскую культуру линейно-ленточной керамики, которая в отношении формальных данных сильно отличается от всех перечисленных выше культур, но в то же время через балканские звенья тесно увязывается с земледельческим, почти наверняка неиндоевропейским неолитом Ближнего Востока. И вместе

с тем окраинно индоевропейский характер этой культуры у нас не вызывает сомнений, ибо в таком существенном признаке, как линейный орнамент глиняной посуды, она несомненно смыкается с большинством перечисленных выше восточноевропейских культур. Этноисторическое развитие носителей всех названных выше культур в немалой степени осложнялось грандиозными этнокультурными перегруппировками населения заведомо неиндоевропейской принадлежности — движением с запада неолита *impresso*-керамики с керешским форпостом на востоке, с юго-запада — Приуральским Заволжьем, линии индоевропейско-днепро-донецкой культуры, с востока — Кельтеминара и др.

Не исключено, что в этноисторическом развитии временами наступали процессы «деиндоевропеизации». Однако все же несомненно, что в четырехугольнике, ограниченном на западе Восточным Приазовьем, на юге — Прикаспием, на севере — Лесостепным Подоньем и на востоке — Приуральским Заволжьем, линии индоевропейского этноисторического развития отличались значительной стойкостью и архаизмом, что в первую очередь следует распространить на прототохарскую, протохеттскую и протоиндоиранскую линии этнического развития.

Уже подчеркивалось, что формирование этих линий этноглобтогонического развития происходило в обстановке самого тесного контакта с земледельческо-скотоводческими культурами Переднего Востока, этническое выражение которых не всегда ясно. Установлено, что весьма древними этноисторическими образованиями Ближнего Востока являются шумеры и аккадяне (семиты). Однако мы не можем считать их коренным населением Ближнего Востока, ибо в тестах тех и других упоминаются древние переселения, в частности, очень интересен миф о приходе шумеров в Месопотамию из «страны Аралу», локализация которой для современной науки еще является недоступной¹²⁵.

Следует упомянуть еще об одной линии развития, реминисценции которой сохраняются в наименованиях «Кавказ», «Каспий» и в этнониме «*gaš-gaš*», т. е. Кашки¹²⁶. Речь идет о «каспийско-кавказском» массиве, позднее получающем выражение в куро-араксском энеолите.

Разумеется, сказанное — только предположение, но согласовывается с мыслью о каспийско-средиземноморских связях палеокавказцев, с одной стороны, и с намечающимися связями их с палеоиндоевропейцами — с другой¹²⁷.

Докерамический неолит — VIII—VII тысячелетий до н. э. — время восточной, евразийской локализации индоевропейской ойкумены и, вероятно, время ее сложения.

Основное в этноисторическом процессе этого времени можно свести к следующему. Откуда-

то с Южного Урала в западном — волго-донском — направлении происходило продвижение охотничьих племен, являвшихся носителями особого типа позднемезолитической микровкладышевой техники, отличавшейся от периферийно-каспийского позднего мезолита и соприкасавшихся с ним явлений отсутствием геометрических микролитов. Восточные — зауральские и сибирские аналогии разрешают предполагать его неиндоевропейскую принадлежность¹²⁸.

Вероятно, где-то еще в Заволжье культура описываемого типа смыкается с местными формами развития. Возникает скотоводство — разведение крупного, а не мелкого рогатого скота, как на Ближнем Востоке¹²⁹. Возникает новый синкретический тип культуры — архаиконеолитический. Можно догадываться, что этот тип культуры был близким к кукрекскому и для него было характерно и дальнейшее развитие микровкладышевой техники, и появление — вследствие контакта с Капсией — редких геометрических микролитов.

Зона контакта с последней, т. е. с периферией Капсия, была достаточно обширной в Прикаспии, где в это время аккумулировались нижние слои Джебела, на Северном Кавказе, где открыты памятники типа Сосруко и Чоха, и, наконец, в Подонье, где также имеются памятники близкого им типа¹³⁰.

Вероятно, уже на этом этапе развития, т. е. еще в докерамическом неолите, в результате скрещения двух линий этноглобтогонического развития, за которыми, возможно, стояли языки типа *A* и типа *B* Уленбека¹³¹, произошло сложение первичного ядра индоевропейцев.

Инфильтрация кукрекского импульса в азово-черноморский ареал и скрещение его с местным мезолитом привело к сложению таких неолитических культур, как приазовская, крымская, сурско-днепровская и даже буго-днепровская, возникновение которых уже знаменовало индоевропеизацию всего юго-востока Европы, который становится на какое-то время эпицентром индоевропейской ойкумены.

В системе обрисованной выше картины положение архаической буго-днепровской культуры было особым, ибо в ареале ее сложения к формам восточноевропейским подключались формы развития, близко стоящие к каспийским и ведущие, с одной стороны, в Северное, а с другой — в Восточное Средиземноморье.

Подключение к процессу этноисторического развития новых периферийно-каспийских компонентов только осложняло развитие этноглобтогонического процесса, и оно, как мы полагаем, обуславливало возникновение балкано-дунайского эпицентра индоевропейской ойкумены, но не знаменовало первого акта этноглобтогонического самосложения индоевропейцев.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археологічні пам'ятки
АИЧПЕ	— Ассоциация по изучению четвертичного периода
Тр. АИЯЛИ	— Труды Абхазского института языка, литературы, истории
Бюллетень КИЧП	— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВОККр	— Вісник Одеської комісії краєзнавства
ВЯ	— Вопросы языкознания
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии наук УССР
ИАИ	— Известия на Българския археологически институт
ИГАИ МК	— Известия государственной академии истории материальной культуры
ИРОМКр	— Известия Ростовского областного музея краеведения
ИзКрОГО	— Известия Крымского отдела географического общества СССР
КСт	— Киевская старина
КЗВУАК	— Коротке звітлення Всеукраїнського археологічного комітету
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения ИА АН СССР
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения ИА АН УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
САИ	— Свод археологических источников ИА АН СССР
СБМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР
САнтр	— Советская антропология
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография
СтІз	— Старовинності Ізюмщини
ТрАС	— Труды археологического съезда
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея, Москва
Тр. КИЧП	— Труды комиссии по изучению четвертичного периода
Тр. ЮТАКЭ	— Труды южнотуркменской археологической комплексной экспедиции
УЗКБНИИ	— Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
ФИАК	— Фонд императорской археологической комиссии
ActaA	— Acta Archaeologica
AAASH	— Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
AJA	— American Journal of Archaeology
AAA	— Annals of Archaeology and Anthropology, Liverpool
Anat Stud	— Anatolian Studies
АНun	— Archaeologia Hungarica
ArchAnz	— Archäologische Anzeiger
ArchIPH	— Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine
ArchTNL	— Archiwum tow. naukowego we Lwowie
Arch Ert	— Archaeologiai Ertesitő
AR	— Archeologické rozhledy
BASPR	— Bulletin of the American School of Prehistoric Research
DissPan	— Dissertationes Pannonicae
EthnArchF	— Ethnographisch — Archäologische Forschungen
FA	— Folia Archaeologica

GZMS	— Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu
JHS	— Journal of Hellenic Studies
JNES	— Journal of the Near Eastern Studies
JRAI	— Journal of the Royal Anthropological Institute
MCA	— Materiale și cercetări arheologice
OP	— Obzor prehistorický
RA	— Památky Archeologické
PAN	— Polska Akademia Nauk
PZ	— Praehistorische Zeitschrift
PrzArch	— Przegląd Archeologiczny
ProcPS	— Proceedings of the Prehistoric Society
PA	— Revue Archéologique
RGKommB	— Römisch-Germanische Kommission d. Deutschen Arch. Inst., Berichte
SLAr	— Slovenská Archeológia
SbdGEG	— Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft
SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche
WA	— Wiadomości archeologiczne
ZfE	— Zeitschrift für Ethnologie

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

- ¹ Дж. Леббок. Происхождение цивилизации, 1888.
- ² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1952, стр. 21.
- ³ L. Kozłowski. Młodsza epoka kamienna w Polsce (neolit). Lwów, 1924. Один из типичных примеров построения, в котором собственно неолит, а также энеолит и ранний бронзовый век не различаются.
- ⁴ К. М. Кенуон. Digging up Jericho. London, 1957, стр. 51.
- ⁵ R. I. Braidwood. The Near East and the Foundations of Civilization. Oregon, 1952.
- ⁶ С. С. Сооп. Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951, стр. 44, табл. IV—V, стр. 69, 77 и др.
- ⁷ V. L. Milošević. Argissa Magula. Das präkeramische Neolithikum. Bonn, 1962, стр. 1—25.
- ⁸ Аркадій Добровольський. Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану р. 1927.—Збірник Дніпропетровського краєвого історико-археологічного музею. Дніпропетровськ, 1929, стр. 61—160, особливо стр. 103.
- ⁹ В. М. Даниленко. До питання про ранній неолит Південної Наддніпряни.—Археологія, т. III. К., 1950, стр. 119—147.
- ¹⁰ І. Г. Підоплічко. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. Вип. 2. К., 1956, стр. 10, 54.
- ¹¹ А. Я. Брюсов. Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху. Производительные силы и производственные отношения в эпоху неолита.—СА, XXV. М.—Л., 1956, стр. 35—63.
- ¹² Sonia Cole. The neolithic Revolution. London, 1959.
- ¹³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 26. Принципиальное различие между дикостью (палеолитом) и варварством (неолитом), с одной стороны—присвоение готовых продуктов природы, с другой—«период введения скотоводства и земледелия, период усвоения методов повышения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности», т. е. первобытное воспроизводящее хозяйство.
- ¹⁴ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., т. I, 1887, стр. 122, 129, табл. I, II, IV, 2, 9.
- ¹⁵ Н. Ф. Беляшевский. Несколько новых стоянок каменного века по Днепру и его притокам.—КСт., т. III, 1891, стр. 433—444; его же. Первобытный человек на берегах р. Днепра вблизи г. Киева.—КСт., т. IV, 1891, стр. 1—21; его же. Следы первобытного человека на берегах р. Днепра вблизи Киева.—Тр. VIII АС, т. III, стр. 19—30.
- ¹⁶ В. В. Хвойка. Каменный век Среднего Приднпровья.—Тр. XI АС, т. I. М., 1901, стр. 736—812.
- ¹⁷ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года.—Тр. XII АС, т. I. М., 1905, стр. 174—225, табл. XVI.

- ¹⁸ И. А. Федоровский. Древности окрестности с. Райгородка.—Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС. Харьков, 1902, стр. 72—77; В. Спесивцев. Находки в Райгородке.—Тр. XII АС, т. I. М., 1905, стр. 153—156.
- ¹⁹ П. П. Ефименко. Стоянки каменного века в окрестностях г. Изюма.—Ст. Из, т. III. Изюм, 1928, стр. 5—10.
- ²⁰ М. Рудинський. Деякі підсумки та ближчі завдання палеоетнологічних вивчень в межах УРСР.—Антропологія, т. IV. К., 1931, стр. 145—179.
- ²¹ А. А. Спицын. Изюмская керамика.—Ст. Из, т. III. Изюм, 1928, стр. 14—15.
- ²² Аркадій Добровольський. Звіт за археологічні дослідження; его же. Восьма Ігріньська неолітична стоянка.—АП, II. К., 1949, стр. 243—252; и другие его работы.
- ²³ Б. С. Жуков. Раскопки и обследование стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской Яйле в июле 1927 г.—«Крым», 1927, № 2/4. М., стр. 99—107.
- ²⁴ О. Н. Бадер. Изучение эппалеолита Крымской Яйлы.—СА, т. V, 1940, стр. 93—100.
- ²⁵ М. В. Сибильов. Ст. Из, вып. I—IV.
- ²⁶ Д. А. Крайнов. Новые позднелеолитические и раннеолитические стоянки Крыма.—Тезисы доклада на II Конференции по изучению ископаемого человека. Киев, 1939.
- ²⁷ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работах Крымской экспедиции 1935.—СА, I. М.—Л., 1936, стр. 195—212.
- ²⁸ М. Рудинський. Стоянки з мікролітичним інвентарем на острові Кизлевому.—АП, II. К., 1949, стр. 264—273.
- ²⁹ А. Добровольський. Восьма Ігріньська неолітична стоянка.—АП, II. К., 1949, стр. 243—252.
- ³⁰ О. Бодянский. Неолітична стоянка на острові Шулаевому.—АП, II. К., 1949, стр. 253—263.
- ³¹ Д. Я. Телегін. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха.—Археологія, т. IX. К., 1954, стр. 158—167.
- ³² Ю. Г. Колосов. Археологические исследования в Степном Крыму в 1952 году.—ИзКРОГО, вып. 4. Симферополь, 1957, стр. 77—82.
- ³³ В. М. Даниленко. До питання..., стр. 119.
- ³⁴ Ст. Из, вып. I—IV.
- ³⁵ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі.—Археологія, т. X. К., 1958, стр. 36—49.
- ³⁶ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма.—МИА, № 91. М., 1960.
- ³⁷ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа.—МИА, № 102. М., стр. 89—123.
- ³⁸ Ю. Г. Колосов. Новые палеолитические стоянки Крыма.—КСИА АН УССР, вып. 7. К., 1957, стр. 13—16.
- ³⁹ В. М. Даниленко. Приазовська експедиція

1947 р.— АП, т. IV. К., 1952, стр. 66—69. Отчет о раскопках находится в архиве ИА АН УССР.

⁴⁰ В. Н. Даниленко. Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры.— КСИА АН УССР, вып. 9, 1959, стр. 3—9.

⁴¹ Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР.— САИ, вып. Б 1—11. М., 1963.

⁴² Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре.— СА, № 4, 1961, стр. 26—40.

⁴³ Д. Я. Телегин. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины.— СА, № 4. М., 1962, стр. 28—36.

⁴⁴ И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 130—140.

⁴⁵ В. М. Даниленко, М. Я. Рудинський, Д. Я. Телегин. Новий кам'яний вік (неоліт).— Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957, стр. 36—52.

⁴⁶ І. Г. Шовкопляс. Основи археології. К., 1964, стр. 80—94.

⁴⁷ В. М. Даниленко. Приазовська експедиція..., стр. 66—69.

⁴⁸ О. Н. Бадер. Очерк работ азово-черноморской экспедиции.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 174—180.

⁴⁹ Г. И. Горецкий. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогенных осадков.— Бюллетень КИЧП, № 20. М., 1955, стр. 16—38.

⁵⁰ Разведочные раскопки В. Н. Гладилина 1963 г. Материал хранится в ИА АН УССР.

⁵¹ О работах в Ракушечном Яре, проводимых Т. Д. Белановской, нам известно по докладам автора раскопок и по представленным ею материалам для ознакомления, за что считаем приятным долгом выразить Т. Д. Белановской свою благодарность.

⁵² Г. И. Горецкий. О возможностях..., стр. 16.

⁵³ Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму.— КСИИМК, вып. 36. М.—Л., 1951, стр. 87—96.

⁵⁴ П. И. Борисковский. Палеолит Украины.— МИА, № 40. М.—Л., 1953, стр. 274, рис. 135/1; И. Г. Пидопличко. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности.— КСИА АН УССР, 2. К., 1953, стр. 65—68.

⁵⁵ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г., рис. 7а.

⁵⁶ Д. Я. Телегин. Третий Васильевский могильник.— КСИА АН УССР, № 7. К., 1957, стр. 9—12, особенно стр. 11, рис. 2, 3.

⁵⁷ Н. В. Сибилев. Разгадка одной из тайн микролитов.— Ст. Из, IV, стр. 16.

⁵⁸ В. М. Даниленко. До питання..., табл. I; II, 2, 5, 6.

⁵⁹ О. В. Бодянский. Неолітична стоянка на острові Шулаєвому, табл. II, 33, III, 18.

⁶⁰ М. Я. Рудинський. Стоянки..., стр. 264—273.

⁶¹ І. Г. Пидопличко. Указ. соч.

⁶² В. М. Даниленко. Про наскальні зображення Кам'яної Могили.— Археологія, т. IV. К., 1950, стр. 78—90.

⁶³ І. Г. Пидопличко. Указ. соч., стр. 16—17.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ В. М. Даниленко. Про наскальні зображення...; М. Рудинський. Кам'яна Могила. К., 1961; В. М. Гладилин. До питання про вік наскальних рисунків Кам'яної Могили.— Археологія, т. XVI. К., 1964, стр. 82—88.

⁶⁶ М. Рудинський. Кам'яна Могила, табл. XV (в центре); В. М. Даниленко. До питання..., рис. 2, 3.

⁶⁷ Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут.— СА, XII, 1950, стр. 247—286; А. А. Формозов. Неолит Черноморского побережья Кавказа.— МИА, 102, стр. 124—149.

⁶⁸ J. Mellaart. Early cultures of the South Anatolian Plateau.— Anat. Stud. XI, стр. 159.

⁶⁹ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет...

⁷⁰ С. Н. Бибииков. Грот Мурзак-Коба — новая позд-непалеолитическая стоянка в Крыму.— СА, V. М.—Л., 1940, стр. 159—178.

⁷¹ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир...

⁷² Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба № 1.— Труды ГИМ, вып. VIII. М., 1938.

⁷³ Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка...

⁷⁴ А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 104.

⁷⁵ Б. С. Жуков. Раскопки и обследования..., стр. 104; О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита..., стр. 97, рис. 3 (слева).

⁷⁶ Там же, рис. 3 (справа).

⁷⁷ Ю. Г. Колосов. Дослідження пам'яток неолітичного часу на Керченському півострові.— Археологія, т. XIV. К., 1962, стр. 156—166.

⁷⁸ С. Н. Замятин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосуко в 1955 г.— УЗКБНИИ, т. XIII. Нальчик, 1957, стр. 431—443.

⁷⁹ Ю. Г. Колосов. Новые палеолитические стоянки Крыма, стр. 13—16.

⁸⁰ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир..., стр. 18.

⁸¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита.— Труды II Международной конференции АИЧПЕ, V, 1939, стр. 114—183, табл. IX и табл. после стр. 168; Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек..., стр. 87—95, особенно стр. 93.

⁸² Е. Л. Дмитриева. Фауна крымских стоянок Замиль-Коба II и Таш-Аир I.— МИА, № 91. М., 1960, стр. 166—170.

⁸³ Там же.

⁸⁴ А. А. Формозов. Неолит Крыма...

⁸⁵ В. И. Маркевич. Исследования неолита на Среднем Днестре.— КСИА СССР, вып. 105. М., 1965, стр. 85—90, рис. 17, 38, 41.

⁸⁶ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир..., стр. 35—46, табл. XXX—XLIV.

⁸⁷ А. А. Формозов. Неолит Крыма...

⁸⁸ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет..., стр. 203, рис. 3.

⁸⁹ С. Н. Бибииков. К вопросу о неолите в Крыму, стр. 26—31.

⁹⁰ Ю. Г. Колосов. Дослідження післяпалеолітичних стоянок Криму.— Археологія, XVI. К., 1964.

⁹¹ Раскопки С. Н. Бибиикова и Ю. Г. Колосова. Материал сохраняется в ИА АН УССР.

⁹² А. А. Формозов, А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае.— СА, № 2, 1960, стр. 103—114, рис. 6, 8.

⁹³ Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры.— Тр. АИЯЛИ, т. XXIX. Сухуми, 1958, стр. 135—184, табл. II, III, V.

⁹⁴ А. А. Формозов. Неолит Крыма..., рис. 10 (1—6).

⁹⁵ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир..., табл. XLV, табл. L и частично табл. XLVI.

⁹⁶ Там же, стр. 106.

⁹⁷ Л. Н. Соловьев. Новый памятник..., табл. IV.

⁹⁸ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963.

⁹⁹ А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму.— СА, № 3, 1963, стр. 38—46.

¹⁰⁰ Л. Н. Соловьев. Новый памятник..., стр. 158.

¹⁰¹ С. Н. Братченко. Археологические работы Ростовского музея в низовьях Дона в 1962 г.— Доклад в ИА АН УССР в 1963 г.

¹⁰² О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. К., 1962, стр. 22—38.

¹⁰³ Ю. Г. Колосов. Некоторые позднепалеолитические стоянки порожистой части Днепра (Осокоровка, Дубовая балка, Ямбург).— САИ, вып. А1—5. М.—Л., 1964, стр. 42—46, табл. XXXIII, 22—38.

- ¹⁰⁴ В. Н. Даниленко. Волошский эпипалеолитический могильник.— СЭ, № 3, 1955, стр. 56—61.
- ¹⁰⁵ Ю. Г. Колосов. Некоторые позднепалеолитические стоянки..., табл. XXI, 3—6.
- ¹⁰⁶ Там же, табл. XXIII, 1—21; табл. XXIV, 1—58.
- ¹⁰⁷ L. Sawicki. Przemysł swiderski I stanowiska wydowego Swiedry Wielkie I.— Prz. arch., VI, с. 1—23.
- ¹⁰⁸ Д. Я. Телегин. Третий Васильевский могильник, стр. 10—11.
- ¹⁰⁹ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет..., стр. 202; его же. Грот Мурзак-Коба, стр. 159.
- ¹¹⁰ С. Н. Бибииков. Раскопки в навесе Фатма-Коба в 1956 г.— КСИА АН УССР, № 8. К., 1959, стр. 114—121, рис. 4 (средний ряд) — нами сопоставляются с наконечниками стрел сходной формы.
- ¹¹¹ Д. Я. Телегин. Третий Васильевский могильник; его же, Васильевский третий некрополь в Надпоріжжі.— Археологія, т. XIII. К., 1961, стр. 3—19.
- ¹¹² В. М. Даниленко. До питання..., табл. I/11.
- ¹¹³ Там же, стр. 119.
- ¹¹⁴ А. В. Добровольський. Розкопки на острові Виноградному, на порозі Будилівському 1930 р.; Архив ИА АН УССР, ф. 18, № 61—64.
- ¹¹⁵ О. В. Бодянский. Неолитична стоянка на острові Шулаєвому, стр. 253—263.
- ¹¹⁶ В. М. Даниленко. До питання..., стр. 124—125, рис. 2, 3.
- ¹¹⁷ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, табл. после стр. 30.
- ¹¹⁸ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 172—178.
- ¹¹⁹ А. Добровольський. Восьма Ігринська неолітична стоянка, рис. 4, 1—4.
- ¹²⁰ А. В. Бодянский. Древнейшее ямное погребение в Южном Приднепровье.— КСИА АН УССР, № 3. К., 1954, стр. 95—98.
- ¹²¹ А. Добровольський. Звіт за археологічні дослідження..., стр. 103; В. Н. Даниленко. Стрилька Скеля (раскопки 1946 г.). Научный архив ИА АН УССР.
- ¹²² Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г.— КСИА АН УССР, № 12. К., 1962, стр. 13—17.
- ¹²³ Матернали изучены в фондах археологического музея Института истории АН Молд. ССР. Автору сборов И. А. Кетрару выражаем искреннюю признательность.
- ¹²⁴ R. J. Rodden. Excavations at the Early Site at Nea Nikomedeia, Greek Macedonia (1961 Season).— Proc PS, N. S. XXVIII. Cambridge, 1961, стр. 267—288.
- ¹²⁵ Т. С. Пассек, К. Черныш. Памятники культуры линейно-ленточной керамики.— САИ, вып. 61—II. М., 1963, стр. 5—39.
- ¹²⁶ V. Dumitrescu. Şantierul arheologic Trajan.— SCIV. VI, № 3—4. Bucureşti, 1955, стр. 478.
- ¹²⁷ І. Ф. Левицький. Дослідження стоянки на горфовищі Моства в 1948 р.— АП, т. IV, К., 1952, стр. 70—77.
- ¹²⁸ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р., стр. 142—175.
- ¹²⁹ В. Н. Даниленко. Неолит территории Украинской ССР. Архив ИА АН УССР.
- ¹³⁰ Д. Я. Телегин. К вопросу..., стр. 34, примечание 9.
- ¹³¹ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва 1949 р.; Д. Я. Телегин. Неолітичні поселення..., стр. 70, рис. 2, 3.
- ¹³² Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита-меди в Надпорожье.— КСИА АН УССР, № 11. К., 1961, стр. 20—26; А. В. Бодянский. Лысогорский неолитический могильник.— КСИА АН УССР, № 11. К., 1961, стр. 32—37.
- ¹³³ М. Я. Рудинский. Вовнигские позднелиитические могильники (к вопросу об оформлении могильников марнупольского типа).— КСИА АН УССР, № IV. К., 1955, стр. 147—151; его же. Перший вовнигський пізньонеолітичний могильник.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 151—161.
- ¹³⁴ Микола Макаренко. Маріупольський могильник. К., 1933.
- ¹³⁵ J. Bguk. Kultury epoki kamiennej na wydmach zachodniej części Wolynia.— Arch. TNL, dz. U. t. V. Lwów, 1928, стр. 25.
- ¹³⁶ Археологическая достоверность хвалибоговичского комплекса серьезно оспаривается. См.: Н. Н. Гурина. К вопросу о позднелиитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии.— МИА, № 126. М.—Л., 1966, стр. 14—34. Это обстоятельство, однако, не снимает наше положение о резкой смене культурного развития — от «палеолитического» Свидера к мезолитическому Тарденуазу, когда получают распространение поселения так называемого плудского типа.
- ¹³⁷ Іван Левицький. Стация в ур. Піщаному біля Народич.— Антропологія, вып. I. К., 1930, стр. 191—232, особенно стр. 199.
- ¹³⁸ Там же, стр. 200, фиг. 2—6; стр. 208, фиг. 7—21, 27.
- ¹³⁹ Раскопки В. И. Неприной 1963 г., любезно разрешившей автору изучить полученный в результате их материал, за что выражаем ей искреннюю признательность.
- ¹⁴⁰ М. Рудинський. Смячка.— КЗ ВУАК за 1926 р. К., 1927, стр. 118—122; его же. До питання про культури мезолітичної доби на Україні.— Антропологія, т. I. К., 1928, стр. 73—91, табл. V—IX.
- ¹⁴¹ М. Я. Рудинський. Деякі підсумки..., стр. 163, фиг. 8, 1—40.
- ¹⁴² М. Я. Рудинський. Передісторичні розшуки у Північно-Східній Чернігівщині; его же. Смячка, стр. 13—32, см. п. XIII, табл. III.
- ¹⁴³ М. В. Сибільов. СтІз, вып. IV, стр. 17, табл. I—XXII.
- ¹⁴⁴ Д. Я. Телегин. Названная статья.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р., стр. 174.
- ¹⁴⁷ Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой культуре.— СА, № 4, 1961, стр. 26—40, подчеркнута употребляется термин «культура гребенчато-накольчатой керамики», а буго-днепровская культура даже названа культурой «линейно-меандровой керамики».
- ¹⁴⁸ Там же, стр. 31, рис. 3 (левый). В поселении Мутыхи, раскапывавшемся В. С. Драчуком, сосудов с линейным орнаментом гораздо больше половини.
- ¹⁴⁹ В. Н. Даниленко. Неолит территории Украинской ССР. Архив ИА АН УССР.
- ¹⁵⁰ Разведки В. И. Канивца и автора в 1950 г.; А. П. Савчука в 1951 г. Материал хранится в ИА АН УССР.
- ¹⁵¹ Раскопки Ю. Н. Захарука в 1948 г. Материал хранится в ИА АН УССР.
- ¹⁵² Раскопки и разведки автора 1940—1950 гг. Материал хранится в ИА АН УССР.
- ¹⁵³ Раскопки Д. Я. Телегина и В. А. Круца в 1963 г. Материал хранится в ИА АН УССР.
- ¹⁵⁴ Сборы В. А. Товкачевского 1950 г. Коллекция хранится в ИА АН УССР.
- ¹⁵⁵ Д. Я. Телегин. Неолітичні пам'ятки Києва та його околиці.— Вісник АН УРСР, № 3, 1956, стр. 42—46.
- ¹⁵⁶ В Черниговском областном краеведческом музее сохраняется почти полный сосуд, происходящий из ур. Провалля, близ с. Евминка.
- ¹⁵⁷ Находки мотыг из с. Табурище изучались автором в Кировоградском областном краеведческом музее.
- ¹⁵⁸ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р. Отпечатки зерен пшеницы обнаружены автором только в 1964 г.
- ¹⁵⁹ Д. Я. Телегин. Отпечатки зерен ячменя на неолитических сосудах.— «Природа», 1956, № 5, стр. 106.
- ¹⁶⁰ И. И. Артеменко. Из археологических работ в Верхнем Приднепровье в 1958 г.— КСИА, № 84, 1961,

стр. 63—68. Небольшую коллекцию керамики этого типа из района Лучина нам удалось изучить в 1959 г.

¹⁶¹ В. П. Левенюк. Археологические работы Трубчевского музея.—КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 95—99.

¹⁶² Любезное сообщение Р. К. Римантиене-Яблонските.
¹⁶³ W. Gaertge. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 34—35, рис. 22; его же. Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg, 1927, стр. 45—91.

¹⁶⁴ Н. Н. Гурина. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии.—МИА, № 131. М.—Л., 1965, стр. 141—203, особенно стр. 179.

¹⁶⁵ Д. Я. Телегин. Названная статья, стр. 158—167.

¹⁶⁶ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р., стр. 172—178.

¹⁶⁷ І. Ф. Левіцький. Дослідження стоянки на торфовищі Моства в 1948 р., стр. 70, рис. 77.

¹⁶⁸ Применительно к памятникам типа Бузьки, тяготеющим к памятникам савранского типа, см.: Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой культуре, стр. 29.

¹⁶⁹ R. Indreko. Vorläufige Bemerkungen über die Kunda-Funde. Sbd GEG, 1934. Tartu, 1936, стр. 225—298; его же. Die mittlere Steinzeit in Estland, Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, del 65. Stockholm, 1948.

¹⁷⁰ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайгы (Эстонская ССР). Таллин. 1959, стр. 325.

¹⁷¹ А. В. Добровольський. Восьма Ігринська неолітична стоянка, стр. 243.

¹⁷² В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р., стр. 175.

¹⁷³ Д. Я. Телегин. Оскольская экспедиция 1955—1956 гг.—КСИА АН УССР, № 8. К., 1959.

¹⁷⁴ Д. Я. Телегин. О хронологии поселений..., стр. 32, рис. 3, 1, 4.

¹⁷⁵ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки у с. Вети Могилевской области.—КСИА АН СССР, № 97. М.—Л., 1964, стр. 120—126.

¹⁷⁶ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 72—74; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 25; Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита..., стр. 355; Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР.—МИА, № 87. М.—Л., 1961, стр. 154.

¹⁷⁷ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

¹⁷⁸ И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях древнего населения рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э.—КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 102; Д. Я. Телегин. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины.—СА, № 4, 1962, стр. 28—36.

¹⁷⁹ Д. Я. Телегин. О хронологии поселений..., стр. 33.

¹⁸⁰ В. А. Товкачевский. Неолитическое поселение у с. Поповка на р. Хороле.—КСИА АН УССР, № 11, стр. 80—81.

¹⁸¹ М. Рудинський. Дюні стайці неолітичної доби з побережжя Ворскли.—Записки Наукового товариства на Полтавщині. Полтава, 1920, стр. 1—19; его же. Матеріали до вивчення неолітичної доби сточища р. Ворскли. Київ, 1926, стр. 3—14.

¹⁸² Д. Я. Телегин. О хронологии поселений..., стр. 34.

¹⁸³ Д. Я. Телегин. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола.—МИА, № 79. М.—Л., 1960, стр. 176—187.

¹⁸⁴ М. Я. Рудинський. Погорілівка (з матеріалів середньодеснянської експедиції 1949 р.).—АП, т. VI. К., 1956, с. 163—170.

¹⁸⁵ Там же, рис. 3, табл. II, 3, 4; его же. Деякі підсумки, фиг. 16.

¹⁸⁶ И. Г. Розенфельдт. Стоянка мыс Очкинский. стр. 130.

¹⁸⁷ Д. Я. Телегин. О хронологии поселений..., стр. 32.

¹⁸⁸ М. В. Воеводский. Отчет о работах Деснянской экспедиции 1946 года. Научный архив ИА АН УССР.

¹⁸⁹ М. Рудинський. Передісторичні розшуки в Північно-Східній Чернігівщині, стр. 28.

¹⁹⁰ Там же, стр. 30.

¹⁹¹ Д. Я. Телегин. О хронологии поселений..., стр. 32, рис. 3, 12.

¹⁹² Там же, стр. 31.

¹⁹³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года.—Тр. XII АС, I. М., 1905, стр. 176.

¹⁹⁴ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия.—КСИА АН УССР, № 9. К., 1959, стр. 10—20.

¹⁹⁵ Д. Я. Телегин. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола, стр. 182.

¹⁹⁶ Там же, стр. 176.

¹⁹⁷ Д. Я. Телегин. О хронологии поселений..., стр. 34 и сл.

¹⁹⁸ Н. Евстропов. Неолитические стоянки в районе Волчанска. Научный архив ИА АН УССР.

¹⁹⁹ М. Рудинський. Дюні стайці...; его же. Матеріали до вивчення неолітичної доби сточища р. Ворскли; а также сборы Ю. Н. Захарука 1948 г.

²⁰⁰ В. А. Товкачевский. Неолитическое поселение у с. Поповка на р. Хороле, стр. 80.

²⁰¹ Д. Я. Телегин. Неолітичні поселення Лісостепового Лівобережжя і Полісся України.—Археологія, т. XI. К., 1957, стр. 70—85, рис. 5, 6.

²⁰² И. Г. Розенфельдт. Стоянка мыс Очкинский, 1950, стр. 130—140; его же. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э., стр. 92—102.

²⁰³ К. М. Поликарпович. Дагістарычныя стоянкі сярэдняга і ніжняга Сажа.—Працы катедры археалогіі, I. Менск, 1928; его же. Дагістарычныя стоянкі сярэдняга Сажа.—Працы археалогічнай камісіі, II. Менск, 1930; И. И. Артеменко. Памятники эпохи неолита и бронзового века верхнего Поднепровья.—КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 34—42; его же. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья.—КСИА АН СССР, № 88, 1962, стр. 64—73, рис. 19, 1—4; его же. Неолитические стоянки у с. Вети Могилевской области, стр. 120—126; Н. В. Гаврилова. Дюнная стоянка Романовичи.—КСИА, № 97, стр. 113—119.

²⁰⁴ В. П. Левенюк. Археологические работы Трубчевского музея, стр. 95—99; Н. В. Валуйкинскій. Матеріали к археологической карте территории г. Воронежа.—СА, X. М.—Л., 1948, стр. 291—301, особенно стр. 1, рис. 3.

²⁰⁵ Д. Я. Телегин. О хронологии поселений..., стр. 31, 95—99; его же. Неолит среднего участка Верхней Десны.—КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 60—66.

²⁰⁶ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 51.

²⁰⁷ В. П. Левенюк. Раннеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону.—КСИА АН СССР, № 92. М.—Л., 1962, стр. 76—83; его же. Работы деснинского отряда 1956 г.—КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 25—36.

²⁰⁸ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 44.

²⁰⁹ А. Добровольський. Звіт за археологічні дослідн., стр. 179—190, табл. X, рис. 7.

²¹⁰ М. Рудинський. Деякі підсумки..., фиг. 16, 1—7; его же. Погорілівка..., рис. 3, табл. II, 3, 4.

²¹¹ Вл. Антоневич. Древнейшие остатки человека в Северо-Восточной Польше и Литве.—Труды II Международной конференции АИЧПЕ. М.—Л., 1939, стр. 28—44, табл. X.

²¹² Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник.—МИА, № 47. М.—Л., 1956, стр. 65.

²¹³ В. П. Левенюк. Раннеолитическая стоянка у с. Долгое..., стр. 76—82.

- ²¹⁴ П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала.—МИА, № 21. М.—Л., 1951; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 147, рис. 32.
- ²¹⁵ R. Indreko. Vorläufige Bemerkungen; его же. Die mittlere Steinzeit...
- ²¹⁶ Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник, стр. 65, рис. 34, 36, 37, 39, 40, 41 и др.
- ²¹⁷ М. В. Воеводский. К изучению гончарной техники первобытного коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР.—СА, I. М.—Л., 1936, стр. 5¹—77, табл. 111, 8—17; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 17, 63, рис. 11/26.
- ²¹⁸ Гусеничный, т. е. имитирующий гребенчатый штамп шнуровой орнамент, а также и обычный шнуровой орнамент появляются в трипольском комплексе вместе с жемчужным орнаментом где-то на этапе В₂. Периодизация Т. С. Пассек. См.: Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.—МИА, № 84. М., 1961, стр. 122, рис. 31.
- ²¹⁹ Аркадій Добровольський. Звіт за археологічні дослідження..., табл. X, рис. 3, 47—64.
- ²²⁰ В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики.—КСИА АН УССР № 4. К., 1955, стр. 126—128.
- ²²¹ Д. Я. Телегин. О хронологии поселений..., стр. 32.
- ²²² Д. Я. Телегин. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола рис. 3—5; его же. О хронологии поселений, рис. 4 и др.
- ²²³ Материалы из сборов Н. П. Амбургер 1950 г. Сохраняются в фондах ИА АН УССР.
- ²²⁴ Д. Я. Телегин. О хронологии поселений..., рис. 13.
14. Основной материал в фондах ИА АН УССР.
- ²²⁵ Н. Евстратов. Неолитические стоянки...
- ²²⁶ Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 154;
- Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита..., стр. 329.
- ²²⁷ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита..., стр. 26, особенно стр. 122—143, IV—XXII; XXXV; рис. 29, 31 и др.
- ²²⁸ Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 236, рис. 63—78.
- ²²⁹ Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура.—СА, № 3, 1958, стр. 31—45.
- ²³⁰ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних поселень...; И. И. Артеменко. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья.—КСИИМК, вып. 68. М., 1962, стр. 64—73; его же. Неолитические стоянки у с. Ветин..., стр. 120—126; A. Gardawski. Zagadnienie kultury «ceramiki grzebykowej» w Polsce.—WA, t. XXV, 4, 1958. Warszawa, стр. 387—410.
- ²³¹ В. Н. Даниленко. Археологические исследования 1956 года в Чигиринском районе.—КСИА АН УССР. № 8, 1959, стр. 13—21, рис. 2, 3.
- ²³² А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. (К вопросу о происхождении самодийских племен).—СА, № 1, 1957, стр. 26—55.
- логічні дослідження... Збірник № 1 Дніпропетровського історико-краєзнавчого музею. Дніпропетровськ, 1929.
- ⁷ М. Рудинський. Деякі підсумки..., стр. 157
- ⁸ Е. Ю. Кричевский. Основные проблемы украинского неолита. IV наукова конференція Інституту археології Академії наук УРСР (29 січня—1 лютого 1941 р.).—Тези доповідей і повідомлень (гектограф).
- ⁹ Ф. А. Козубовський. Археологічні дослідження..., стр. 32.
- ¹⁰ М. Л. Макаревич. Середнебузька експедиція по дослідженню пам'яток трипольської культури.—АП, т. VI. К., 1956, стр. 89—95.
- ¹¹ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському поселенні в 1949 р.—АП, т. VI. К., 1958, стр. 134—144.
- ¹² В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі в 1949 р.—Археологія, т. X. К., 1956, стр. 36—49.
- ¹³ В. Н. Даниленко. Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры.—КСИА АН УССР, № 9. К., 1959, стр. 3—9.
- ¹⁴ П. И. Хавлюк. Стоянки развитого неолита в средней части течения Ю. Буга.—КСИИМК, вып. 75. М., 1959, стр. 169—173.
- ¹⁵ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі в 1949 р.
- ¹⁶ П. И. Борисковский, В. И. Красковский. Памятники древнейшей человеческой культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1961, стр. 15.
- ¹⁷ Там же, стр. 26.
- ¹⁸ В. Красковский, А. Кремер. Михайлівська епіпалеолітична стоянка.—Матеріали з археології Північного Причорномор'я, II. Одеса, 1959, стр. 126—130.
- ¹⁹ Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка...
- ²⁰ В. М. Даниленко. Приазовська експедиція 1947 р.—АП, т. IV. К., 1952, стр. 67—69.
- ²¹ Е. К. Черныш. Многослойный памятник у с. Печеры на Южном Буге.—Археологический сборник, I, Гос. Эрмитаж. Л., 1959, стр. 166—201, особенно стр. 183, рис. 13/12.
- ²² О. П. Черныш. Дослідження на Дністрі в 1950—1951 рр.—АП, т. VI. К., 1956, стр. 189—193.
- ²³ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському поселенні..., стр. 134.
- ²⁴ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая.—МИА, № 38. М.—Л., 1953, стр. 13, рис. 1, 2.
- ²⁵ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений.—МИА, № 10. М.—Л., 1949, стр. 48, 56, 79.
- ²⁶ Габриель и Адриан Мортилье. Доисторическая жизнь. СПб., 1903, стр. 18, 19, 195; В. А. Гордолов. Археология, т. I, Каменный век. М.—Л., 1923, стр. 304.
- ²⁷ V. Milošević. Die erste präkeramische bauerliche Siedlung der Jungsteinzeit in Europa. Germania, Jg. 34, 1956, H3/4.
- ²⁸ M. Mazalek. Na okraj československeho mezolitu.—Anthropozoikum IV. Praha, 1955, стр. 373—386.
- ²⁹ А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР.—СА. XVI. М.—Л., 1954, стр. 38—51.
- ³⁰ М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита Восточной Европы.—Тр. II Конференции АИЧПЕ, вып. 4, стр. 230—244.
- ³¹ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая, стр. 102—106; А. П. Черныш. Новые данные о палеолите и мезолите на Днестре.—КСИИМК, вып. XXXII. М.—Л., 1950, стр. 26—39.
- ³² А. П. Черныш. Палеолит Среднего Приднестровья.—Тр. КИЧП, XV. М., 1959, стр. 106—115, особенно стр. 113—114.
- ³³ Там же, стр. 175, 190—195.
- ³⁴ В. Н. Даниленко. Волошский эпипалеолитический могильник, стр. 61.
- ³⁵ Там же.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II

- ¹ Ф. А. Козубовський. Археологічні дослідження на території Богесу. К., 1933, стр. 20—34.
- ² Там же, стр. 45, табл. 28 в.
- ³ Там же, стр. 20.
- ⁴ Ion Nestor. Zur Chronologie der rumänischen Stein- und Kupferzeit. PZ, XIX. Berlin, 1928, стр. 110—145; его же. Der Stand der Vorgeschichtes in Rumänien, 22. RG Komm B, 1934, стр. 54—56; Christescu. Les stations préhistoriques du lac du Boian.—Dacia, III. București, 1925, стр. 249—276.
- ⁵ J. Banner. Das Tisza-Maros-Körös-gebiet bis zur Entwicklung der Bronzezeit. Leipzig, 1942.
- ⁶ Аркадій Добровольський. Звіт за архео-

- ³⁶ П. И. Борисковский, В. И. Красковский. Памятники древнейшей человеческой культуры..., стр. 15—22; П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка под Одессой.— КСИИМК, вып. 86, 1961.
- ³⁷ П. И. Борисковский. Палеолит Украины.— МИА, № 40. М.—Л., 1953, стр. 330, 352—362.
- ³⁸ П. И. Борисковский, В. И. Красковский. Памятники древнейшей человеческой культуры..., стр. 20.
- ³⁹ Там же, стр. 15—16.
- ⁴⁰ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 330, 353.
- ⁴¹ О. П. Черниш. Володимирівська палеолітична стоянка. К., 1953, стр. 11—12 (положение верхних слоев).
- ⁴² М. Рудинський. Досліди в Журавці.— Антропологія, П. К., 1929, стр. 140—148.
- ⁴³ В. Н. Даниленко. Волошский эпипалеолитический могильник, стр. 60.
- ⁴⁴ С. Н. Замятнин. Палеолит Западного Закавказья.— Сб. МАЭ АН СССР, XVII. М.—Л., 1957, стр. 487—494, рис. 23—26; А. К. Каландадзе, Д. М. Тушабрамишвили. Новые раскопки в пещере Гварджилас-Клде.— КСИА АН УССР, № 4. К., 1955, стр. 155—157.
- ⁴⁵ М. Д. Гвоздовер. Разведки палеолита на Нижнем Дону в 1957—1958 гг.— ИРОМКр, № 1(3). Ростов, 1959, стр. 5—12, особенно стр. 8—11.
- ⁴⁶ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 330.
- ⁴⁷ Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий.— МИА, № 59. М.—Л., 1957, стр. 277 сл.
- ⁴⁸ В. Н. Даниленко. Волошский эпипалеолитический могильник.
- ⁴⁹ М. Рудинський. Досліди в Журавці.
- ⁵⁰ D. Gagrod. Excavations in the Cave Vacho Kiro Northeast Bulgaria.— BASPR, 15, стр. 46—78.
- ⁵¹ R. Stämpfuss. Die ersten Kohlfinde in Griechenland. Mannus, Jg. 34, H. 1—2, стр. 132—147.
- ⁵² M. Vgodar. Crvena Stijena—1956.— GZMS, XIII, 1958, стр. 43—61.
- ⁵³ R. Pittioni. Urgeschichte des Osterreichisches Raumes. Wien, 1954, стр. 85—86, 105, рис. 41—42, 62, 63.
- ⁵⁴ L. Coulonges. Les gisements prehistoriques de Sauveterre—la—Lemance.— Arch IPH, Memorie 14. Paris, 1935, стр. 4, 6—12.
- ⁵⁵ Применительно к Восточной Европе в последние годы этот вопрос рассматривался П. П. Ефименко (П. П. Ефименко. Первобытное общество. К., 1953, стр. 316, 325; его же. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы.— СА, XXVI, 1955, стр. 28, особенно стр. 47).
- ⁵⁶ П. П. Ефименко. Новое в вопросе о происхождении культуры позднего палеолита в Средней и Восточной Европе.— АААН, 7. Budapest, 1956, стр. 281, особенно 288.
- ⁵⁷ R. Pittioni. Urgeschichte..., стр. 49.
- ⁵⁸ Г. Ф. Дебеч. Череп из эпипалеолитического могильника у с. Волошского.— СЭ, № 3. М., 1955, стр. 62.
- ⁵⁹ Т. С. Кондукторова. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I.— САНтр, № 1—2. М., 1957.
- ⁶⁰ С. Н. Замятнин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 г., стр. 431—452.
- ⁶¹ В. Красковский, А. Кремер. Михайлівська епіпалеолітична стоянка.
- ⁶² В. Н. Даниленко. Волошский эпипалеолитический могильник, стр. 60.
- ⁶³ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет..., стр. 195—213; Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка «Замиль-Коба №1», стр. 7—32; С. Н. Бибииков. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-Коба в Крыму.— КСИИМК, вып. XIII. М.—Л., 1946, стр. 126—130; его же. Грот Мурзак-Коба...
- ⁶⁴ В. Красковский, А. Кремер. Михайлівська епіпалеолітична стоянка.
- ⁶⁵ Названные работы С. Н. Бибиикова, Д. А. Крайнова, А. А. Формозова и многих других.
- ⁶⁶ С. Н. Замятнин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 г.
- ⁶⁷ C. S. Nicolăescu-Ploșșor. Industries microlithiques en Olténie.— Dacia, VII—VIII. București, 1941, стр. 1—12.
- ⁶⁸ Там же, стр. 8, 10, 11.
- ⁶⁹ Там же, стр. 8, фиг. 2.
- ⁷⁰ Там же, фиг. 2, рис. 24, 25, 26—29.
- ⁷¹ Там же, стр. 10, фиг. 3, рис. 19—23.
- ⁷² Там же, стр. 10—11, фиг. 5.
- ⁷³ Там же, стр. 11, фиг. 4, рис. 3; фиг. 6, рис. 16.
- ⁷⁴ Nicolăescu-Ploșșor. Diskuții pe marginea paleoliticului de sfârșit inceputurilor neoliticului nostru.— SCIV, X/2. București, 1951, стр. 233—235.
- ⁷⁵ C. S. Nicolăescu-Ploșșor, M. Petrescu-Dîmbovița. Principiale rezultate ale cercetărilor arheologice de la Bicáz.— MCA, vol. V. București, 1959, стр. 45—52.
- ⁷⁶ L. Sawicki. Przemysł swiderski I Stanowiska wydowego Swiedry Wielkie.— Prsz. Arch, V. sesz. I. Poznań, 1935, стр. 1—23.
- ⁷⁷ Г. Ф. Коробкова. Тарденуазская стоянка Гребеники на Нижнем Поднестровье.— КСИИМК, вып. 67. М., 1957, стр. 59—62.
- ⁷⁸ Г. Ф. Коробкова. Тарденуазская стоянка Гребеники..., стр. 59.
- ⁷⁹ Там же, стр. 60, рис. 22.
- ⁸⁰ Там же, рис. 22, 8, 9.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Н. Джамбазов. Към въпроса за проучването на палеолитична култура в района на Побитите камъни— Дикили-Таш.— ИАИ, XXII. София, 1960, стр. 269—293.
- ⁸³ Там же, стр. 269—270, рис. 1.
- ⁸⁴ Там же, стр. 279.
- ⁸⁵ Там же, стр. 272, 283.
- ⁸⁶ Там же, стр. 281.
- ⁸⁷ Там же, стр. 282, рис. 12, л, о.
- ⁸⁸ Там же, рис. 12.
- ⁸⁹ Там же, стр. 283.
- ⁹⁰ Там же, стр. 283—293.
- ⁹¹ A. L. Păunescu, I. Pop. Săpăturile de la Gilma.— MCA, VII. București, 1961, стр. 33—35.
- ⁹² N. Zahăria. Descoperiri în Moldova efectuate între 1952 și 1957.— Arheologia Moldovei, I. București, 1961, стр. 11, особенно стр. 28, табл. V, 78—83 и др.
- ⁹³ Т. С. Кондукторова. Палеоантропологические материалы...
- ⁹⁴ Ю. Г. Колосов. Дослідження пам'яток неолітичного часу на Керченському півострові.— Археологія, т. XIV. К., 1962, стр. 166—166.
- ⁹⁵ Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка..., стр. 87—96.
- ⁹⁶ А. П. Черныш. Некоторые итоги исследования палеолита Поднестровья (1946—1957); Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960, стр. 3—9, особенно стр. 16, рис. 8.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ D. Arandelejević-Gagašanić. Starčevačka kultura. Ljubljana, 1954, стр. 67, табл. VII, рис. 26.
- ⁹⁹ А. В. Добровольский. Перше сабатинівське поселення.— АП, т. IV. К., 1952, стр. 78—87.
- ¹⁰⁰ Наша мысль о глубокой древности на Балканах лощеной монохромной керамики уже после написания настоящей работы получила полное подтверждение. См. S. S. Weiberg. Excavations at Prehistoric Elateia, 1959. Hesperia, v. XXX, p. 2, стр. 159—209, особенно стр. 167—172, фиг. 5, табл. 52, 53; VI. Milojević. Die deutschen Ausgrabungen an der Argissa—Magula in Thessalien. Bonn, 1962, стр. 21—23, табл. 21.
- ¹⁰¹ VI. Milojević. Vorbericht über die Versuchgrabung an der Otzaki Magula bei Larisa.— ArchAnz, № I/II, 1954,

стр. 22—23, рис. 21—22; I d a K u t z i a n, A. K ö r ö s c u l t u r a. — Dissertationes Pannonicae, II, № 23. Budapest, 1944, табл. XII, 10.

¹⁰² D. B e r g s i u. Une civilisation neolithique recemment decouverte en Roumanie: La civilisation de Hamangia. Bucurest, 1955, стр. 1—18, особенно стр. 12, рис. 4, 5.

¹⁰³ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі в 1949 р., стр. 47, рис. 3, 1—3.

¹⁰⁴ J. C s a l o g. Die Chronologie der Bukker und der Theisskultur. — FA, III—IV. Budapest, 1941, стр. 17—27.

¹⁰⁵ V. M i l o j e i c. Указ. соч., стр. 28; его же. Vorbericht über die Ausgrabungen auf der Otzaki. Moggla 1954. ArchAnz. III/IV, 1955, стр. 161—162, фиг. 3, рис. 4—6.

¹⁰⁶ J. M e l l a a r t. Excavations at Hacilar. First Preliminary Report. — Anat Stud, t. VIII. London, 1958, стр. 127—156, особенно стр. 141—144, фиг. 7, рис. 1—125; фиг. 8, рис. 1—40.

¹⁰⁷ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на П. Бузі, стор. 47—48.

¹⁰⁸ V. I. M i l o j e i c. Vorbericht... 1954. — ArchAnz, III/IV, 1955, фиг. 3, рис. 4 и 6.

¹⁰⁹ J. M e l l a a r t. Excavations at Hacilar, First Preliminary Report. — Anat Stud, t. VIII. London, 1958, стр. 142, фиг. 7, рис. 1, 2; стр. 145, фиг. 8.

¹¹⁰ H. P e t r e s c u - D i m b o v i t a. Sondajul stratigrafic de la Perieni. — MCA III. Bucuresti, 1957, стр. 70, фиг. 3/6.

¹¹¹ Там же, стр. 70, фиг. 3/11.

¹¹² Там же, стр. 71, фиг. 4, рис. 1, 2; его же. Contributions au probleme de la culture Criş en Moldavie. — Acta AASH, 9. Budapest, 1958, стр. 53—68, особенно стр. 61, фиг. 4, рис. 5 (из Валя Лупулуй).

¹¹³ J. M e l l a a r t. Excavations at Hacilar, Third Preliminary Report. — Anat Stud, 1960, стр. 83—104, фиг. 3, 4; табл. XIII, а, в; фиг. 5 и др.

¹¹⁴ F. S c h l e t t e. Die Ältesten Haus- und Siedlungsformen des Menschen etc. — EthnArchF, 5. Berlin, 1958, стр. 73—90, табл. 27—39.

¹¹⁵ V. M i k o v. The prehistoric mound of Karanovo. — Archaeologia, vol. 12, № 2. Washington — New York, 1959, стр. 88—97, особенно рис. на стр. 90; его же. Культура неолита, энеолита и бронзы в Болгарии. — СА, № 1, 1958, стр. 47—55; особенно стр. 49, рис. 2.

¹¹⁶ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі, стр. 44, рис. 1.

¹¹⁷ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському поселенні..., стр. 135, рис. 1.

¹¹⁸ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, стр. 33, рис. 17; Е. К. Черныш. Поселение трипольской культуры в с. Незвиско. — МИА, № 102, стр. 26, рис. 17, 24.

¹¹⁹ I. K u t z i a n. The Körös cultura. — Diss. Pan. Budapest — Leipzig, 1944—1947. Альбом, табл. XXXVII, 2, 6, 8, 13 — 17.

¹²⁰ Там же, альбом, табл. XXXI, 2; XX, 3; XXI, 4 и др.

¹²¹ Там же, альбом, табл. XXX, 3, 9.

¹²² Там же, альбом, табл. XXIV, 2, 4 и др.; P e t r e s c u - D i m b o v i t a. Sondajul..., стр. 71, рис. 1, 3, 7—9, фиг. 4.

¹²³ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі, стр. 37—43.

¹²⁴ В. М. Даниленко. Допитання..., стр. 119—147.

¹²⁶ Их уже нет в инвентаре Мариупольского могильника. См.: Микола Макаренко. Указ. соч.

¹²⁶ В. М. Даниленко. До питання..., стр. 129, табл. II, 1—5, 10, 11, 17—19; табл. I, 11.

¹²⁷ М. Рудинський. Стоянки..., стр. 264—274.

¹²⁸ В. М. Даниленко. До питання..., стр. 129, табл. II, 13—15, 20, 21.

¹²⁹ В. М. Даниленко. Приазовська експедиція 1947 р., стр. 66—69.

¹³⁰ О. В. Бодянский. Неолітична стоянка на

острові Шулаєвому, стр. 253—263, особенно стр. 260, табл. II, 6—12; В. М. Даниленко. Допитання..., табл. I, 2, 3; табл. II, 1—6.

¹³¹ Микола Макаренко. Указ. соч., стр. 98, рис. 72, 292.

¹³² I. K u t z i a n. The Körös...; Petrescu-Dimbovita. Contributions..., Criş...

¹³³ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі, стр. 37.

¹³⁴ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському поселенні..., стр. 137, табл. I; Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднелеолитических культур Дунайско—Днестровского междуречья. — СА, № 1, 1959; Кремневый инвентарь неизданного поселения Гайворон (раскопки М. Л. Макаревич).

¹³⁵ М. Л. Макаревич. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури. — АП, т. IV. К., 1952, стр. 89—95; Э. А. Симонович. Раннетрипольское поселение у с. Данилова балка. — КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 104—110; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие..., стр. 64, рис. 8—10; С. M ä t a s ä. Deux stations a ceramique peint de Moldavie. — Dacia, VII—VIII. Bucuresti, 1937—1940, стр. 69.

¹³⁶ F. S c h l e t t e. Die Ältesten..., стр. 27 и др.

¹³⁷ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському поселенні..., стр. 137, табл. I, 8, 9; Т. С. Пассек. Новые открытия..., стр. 44, рис. 10, 6, 7; его же. Раннеземледельческие..., стр. 66, рис. 14, 4.

¹³⁸ Ф. А. Козубовський. Археологічні дослідження..., стр. 45, табл. 28, в.

¹³⁹ H. D u m i t r e s c u — r e s p o n s ä b i l; Şantierul arheologic Traian. — SCIV, V, № 1/2, Bucuresti, 1954, табл. I, 11; табл. III, 7, 9.

¹⁴⁰ О. П. Черныш. Володимирівська палеолітична стоянка. К., 1953; Т. С. Пассек. Периодизация..., стр. 79.

¹⁴¹ Ф. А. Козубовський. Археологічні дослідження..., стр. 20, табл. 2.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ В. П. Харлампович. Матеріали з археології та історії Первомайщини. — ВОККр, № 4—5. Одеса, 1930, стр. 83—85.

¹⁴⁴ Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. — МИА, № 2. М.—Л., 1941, стр. 246—247.

¹⁴⁵ Ф. А. Козубовський. Археологічні дослідження..., стр. 21.

¹⁴⁶ В. П. Харлампович. Матеріали з археології..., стр. 83.

¹⁴⁷ Ф. А. Козубовський. Археологічні дослідження..., табл. 4.

¹⁴⁸ Там же, стр. 21.

¹⁴⁹ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському поселенні..., табл. I, 1, 2; О. В. Бодянский. Неолітична стоянка на острові Шулаєвому.

¹⁵⁰ Микола Макаренко. Указ. соч., стр. 65—66, рис. 23.

¹⁵¹ В. П. Харлампович. Матеріали з археології..., рис. 6.

¹⁵² D. B e r g s i u. Une civilization... Hamangia, стр. 8, фиг. 3, 1, 2, 6, фиг. 4, 11.

¹⁵³ E. C o m ş a. Consideraţii cu privire la evoluţia culturii Voian. — SCIV, V, № 3—4. Bucuresti, стр. 361—398, фиг. 9, 4, 5, 7.

¹⁵⁴ Е. Ю. Кричевский. О процессе..., стр. 246.

¹⁵⁵ Ф. А. Козубовський. Археологічні дослідження, стр. 28.

¹⁵⁶ Там же, стр. 34.

¹⁵⁷ Там же, стр. 30.

¹⁵⁸ Там же, стр. 30—37.

¹⁵⁹ Часть коллекции из Гарда сохраняется в фондах ИА АН УССР.

¹⁶⁰ Ф. А. Козубовський. Археологічні дослідження..., стр. 29.

¹⁶¹ Е. К. Черныш. Многослойный памятник у с. Печеры..., стр. 116—201, рис. 13, 2.

¹⁶² А. В. Добровольський. Перше Сабатинівське поселення.

¹⁶³ Э. А. Симонович. Раннетрипольское поселение в с. Данилова балка.

¹⁶⁴ О. Ф. Лагодовська. Пізньотрипольське поселення у с. Сандраках.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 118—129.

¹⁶⁵ M. Roska. Die Sammlung...— Zsófia von Torma Kolozsvár, 1941, табл. XCIII, 9, 12, 26 и др. (сосуд углового плана с насечками по ребрам), фрагменты сосудов с украшениями в виде многочисленных налепных шишек, табл. CXIV, 13—20 и др.

¹⁶⁶ Там же, см. пластическое воспроизведение человеческого лица подтреугольного плана на сосуде, табл. CXII, 2; CXLI, 8 и сходного типа пластике, воспроизводящей лицо у статуэток, табл. CXXXVIII, 3, 4, 10, 11; CXXXIX, 13.

¹⁶⁷ О. Ф. Лагодовська. Пізньотрипольське поселення у с. Сандраках.

¹⁶⁸ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, стр. 155, рис. 61.

¹⁶⁹ О. П. Черныш. Дослідження на Дністрі в 1950—1951 рр.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 189, особенно стр. 192.

¹⁷⁰ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, табл. 65—69, среди них в число «не характерных» отнесена часть материала без достаточных оснований, например табл. 67, а, б; 69, б, ж. Это обычная трипольская керамика.

¹⁷¹ О. П. Черныш. Дослідження на Дністрі..., стр. 193.

¹⁷² Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского понизья в неолитическую эпоху.— КСИИМК, вып. VIII. М.—Л., 1940, стр. 49.

¹⁷³ Е. Ю. Кричевський. Ранній неоліт і походження трипольської культури.— Палеоліт і неоліт України, т. I. К., 1949, стр. 323—401, особенно стр. 351, рис. 10; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 27 сл.

¹⁷⁴ М. Рудинський. Деякі підсумки..., стр. 145—179, особенно стр. 157, фиг. 6, 1—6.

¹⁷⁵ О. П. Черныш. Дослідження на Дністрі..., стр. 192—193.

¹⁷⁶ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, стр. 55, рис. 65, табл. 65—69.

¹⁷⁷ О. П. Черныш. Дослідження на Дністрі..., стр. 193.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

¹ А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности.— СА, XXVI. М., 1956, стр. 7—27. Вопрос этнического определения археологических культур в зарубежной литературе и обоснованию необходимости комплексного метода посвящена реферативная статья Г. С. Кнабе (см.: Г. С. Кнабе. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе.— СА, № 3. М., 1959, стр. 243—257).

² J. Filip. Právéke Československo. Praha, 1948, стр. 115.

³ Ф. П. Филин. О значении историко-лексикологических исследований для освещения прародины славян.— Тезисы докладов на VII пленарном заседании комиссии, посвященной проблемам сравнительно-исторической лексикологии. М., 1961, стр. 17—18.

⁴ Г. Ф. Коробкова. Тарденуазская стоянка Гребеники..., стр. 59—62.

⁵ C. S. Coon. Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951, стр. 20—32, 44—46, 69—76, особенно стр. 31—32 и др. в аспекте позднего мезолита.

⁶ О докерамических слоях Каменной Могилы в предварительной публикации см.: В. М. Даниленко. Приазовская экспедиция...

⁷ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I... Имеются в виду все докерамические слои памятника, которые мы считаем нужным датировать не концом палеолита — тарденуазским временем, а ранним неолитом (в частности, по признаку наличия костей домашних животных).

⁸ Т. С. Пассек. Новые открытия..., стр. 28, рис. 10.

⁹ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському поселенні..., стр. 135.

¹⁰ I. Kutzian. The Körös cultura. — DissPan Ser., II, № 23. Budapest, 1947. Табл. XXIV, 4 — кухонные горшки, табл. XXV, 2, 3 — кувшин-фляга, табл. XXIX, 10 — чаши на поддонах.

¹¹ В отношении глиняной посуды и ее орнамента см.: D. A. Grandjevič-Garašanin. Starčevačka kultura. Ljubljana, 1954, стр. 62—130.

¹² Там же, стр. 62—73.

¹³ Там же, стр. 73—80, табл. XXVI—XXXIII.

¹⁴ I. Kutzian. Указ. соч., табл. XLIV, 2; XLIV, 9.

¹⁵ VI. Milojević. Die erste präkeramische bauerliche Siedlung der Jungsteinzeit in Europa. Germania, Jg. 34, 1956, H. 3/4, стр. 208—210, табл. 14, 15.

¹⁶ I. Kutzian. Указ. соч., табл. XLVIII, 5.

¹⁷ F. Schachermeyer. Die ältesten Kulturen Griechenlands. Stuttgart, 1955. Еще недавно эта мысль усиленно пропагандировалась В. Милойичем, Д. Гарашанин и многими другими. См.: V. Milojević. Chronologie der jungeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas, 1949; A. Grandjevič-Garašanin. Starčevačka kultura...

¹⁸ В. М. Даниленко. До питания... В отношении состава фауны в археологических комплексах сурско-днепровской культуры см.: I. Г. Підопличко. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР, стр. 16—18, 21—23.

¹⁹ См. приложение Е. Л. Дмитриевой в работе: Д. А. Крайнов. Таш-Аир I..., стр. 166.

²⁰ Г. И. Горецкий. О возможностях..., стр. 16—38.

²¹ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры Прикаспийских племен Туркмении.— Тр. ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 11—220.

²² W. Radimsky. Die neolitische Station von Butmir bei Sarajevo in Bosnien. Wien, 1895; F. R. Fiala. Die neolitische etc. Wien, 1898.

²³ M. Garašanin. Hronologia vinčanske grupe. Ljubljana, 1951.

²⁴ V. Mikov. The Prehistoric Mound of Karanovo... J. Mellaart. Anatolia and the Balkans.— Antiquity, XXXIV, № 139. London, 1960, стр. 270—278.

²⁵ E. Coșea. Stadiul cercetărilor despre viața oamenilor din faza Bolintineanu a culturii Boian.— SCIV, VI, № 1—2, 1955, стр. 13—45.

²⁶ D. Berger. Une civilisation neolithique récemment decouverte en Roumanie: La civilisation de Hamangia. Bucurest, 1955, стр. 1—18; его же. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări. București, 1961, стр. 72—79.

²⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1948, стр. 103.

²⁸ О. Т. Діброва. Географія Української РСР. К., 1958, стр. 91, 96.

²⁹ В. М. Даниленко. До питання..., стр. 119—122.

³⁰ Ф. Энгельс приводит классические примеры о разграниченных участках между родоплеменными территориями. См.: Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 103—104.

³¹ Типичными примерами первобытных теллей в Восточном Средиземноморье являются древний Иерихон, Мерсин, Троя. См.: K. Kenyon. Digging up Jericho. London, 1957; J. Garstang. Prehistoric Mersin; W. Dörpfeld. Troja und Ilion. Athen, 1902. Важнейшими теллями первобытных Балкан в настоящее время следует считать Оттаки-Магула и Караново. См. VI. Milojević. Vorbericht

- über die Versuchsgrabung an der Otzaki-Magula... Arch. Anz., № 1/II, 1954; его же. Vorbericht über die Ausgrabungen auf der Otzaki-Magula, 1954.— ArchAnz., № III/IV, 1955; V. Mikov. The Prehistoric Mound of Karanovo...; В. Миков. Культура неолита, энеолита и бронзы в Болгарии (по данным раскопок за последние годы).—СА, № 1, 1958; G. I. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein-und der kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien).— L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Praha, 1961, стр. 45—100.
- ³² G. I. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein..., стр. 45.
- ³³ Л. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934; J. Neustupny. Právek lidstva. Praha, 1946, стр. 448.
- ³⁴ M. Petrescu-Dimbovița. Sondajul stratigrafic de la Perieni.— MCA, III. București, 1957, стр. 68; D. Bergiu. Les fouilles de Verbița.— MCA, V. București, 1959, стр. 75; K. Horedt. Săpăturile de la Morești.— MCA, V. București, стр. 83; E. Comșa. Săpăturile de la Dudești, стр. 91.
- ³⁵ B. Stöcky. Právek zeme Česke. Praha, 1926, стр. 46, особенно стр. 60—63, рис. 25.
- ³⁶ F. Schlette. Die Ältesten Haus und Siedlungsformen..., стр. 73—90, табл. 27—34.
- ³⁷ M. Stekla. Pohřby lidu s volutovou a vypichanou keramikou.— AR, R. VIII, ses. 5. Praha, 1956, стр. 697; M. Geršanić. Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonien.—39, RGKommB, 1958. Berlin, 1959, стр. 6—7, f. 1; E. Comșa. Citeva date despre Ritul funerar al culturii Boian.— SCIV, IX, 2. București, 1958, стр. 401; I. Kutzian. The Körös culture, стр. 11—12.
- ³⁸ П. И. Борисковский. Разведки памятников каменного века между Тирасполем и Раздельной.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, I. Одесса, 1957, стр. 4—10; Г. Ф. Коробков. А. Тарденуазская стоянка Гребеники..., стр. 59—61; Г. В. Григорьева. Новые данные о тарденуазской стоянке Гребеники в Нижнем Поднестровье.— Записки Одесского археологического общества, I (34). Одесса, 1960, стр. 226.
- ³⁹ Т. С. Пассек. Новые открытия...
- ⁴⁰ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському поселенні..., стр. 134—144, табл. 1.
- ⁴¹ A. Stöcky. Právek..., dil I. Praha, 1926, стр. 58—60, табл. XVII, 24, 25; XVIII, 18, 19; XXIII, 19.
- ⁴² F. Tompa. Die Bandkeramik in Ungarn. Die Bükker und Theiss Kultur. Budapest, 1929, стр. 65, t. XXVI, 3, 5, 12; XXVII, 2, 4.
- ⁴³ M. Petrescu-Dimbovița. Sondajul... Perieni, стр. 73, fig. 7, 13; V. Mikov. The prehistoric Mound Karanovo, стр. 87.
- ⁴⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество. К., 1953, стр. 378.
- ⁴⁵ J. Brøndsted. Danmarks Oldtid, I, Stenalderen, København, 1938, стр. 56, фиг. 31; стр. 64, фиг. 38; стр. 106, рис. 65; стр. 111, фиг. 71.
- ⁴⁶ K. Jazdewski. Kultura puharow lejkatych w Polsce Zachodniej i Srodkowej. Poznań, 1936, стр. 291 (автор считает эти орудия роговыми имитациями каменных топоров), см. табл. V, 37; LXIV, 1058, 1065.
- ⁴⁷ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I..., стр. 154, табл. XXXVIII.
- ⁴⁸ I. Kutzian. The Körös cultura, табл. XLVIII, 5.
- ⁴⁹ Г. Георгиев и Н. Ангелов. Разкопки на селищната могила до Русе през 1948—1949.— ИАИ, XVIII. София, 1962, рис. 102, в правом верхнем углу; рис. 160, 4; и х.е. Разкопки на селищната могила до Русе през 1950—1953 гг.— ИАИ, XXI, рис. 26, 1, 2.
- ⁵⁰ П. П. Ефименко. Первобытное общество..., рис. 163—165. По-видимому, следствием неуверенности в определении функций этих орудий в качестве мотыг говорит и то, что Ефименко называет их «орудиями для обработки дерева», «теслами» и «кайлами».
- ⁵¹ П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II; стр. 51 сл., табл. VIII—IX.
- ⁵² С. А. Семенов. Костяные землекопательные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкири I.— СА, XVI. М.—Л., 1952, стр. 120—128.
- ⁵³ П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II, стр. 53.
- ⁵⁴ J. Brøndsted. Danmarks Oldtid, I, стр. 29, фиг. 6; стр. 32, фиг. 9.
- ⁵⁵ До войны в районе с. Волошское (на Порогах, на противоположном месте Ямбургской стоянки мысе р. Суры), в отложениях лесса на уровне верхних слоев Ямбурга А. В. Бодянский нашел прекрасный образец подобного орудия. Сохраняется в Киевском государственном историческом музее.
- ⁵⁶ А. П. Черныш. Палеолит Среднего Приднестровья. — Тр. КИЧП, XV. М., 1959, стр. 84—85.
- ⁵⁷ E. Schultdt. Hohen Viecheln. Berlin, 1961, табл. 113, 114.
- ⁵⁸ В. М. Даниленко. До питания..., стр. 159, табл. II, 9.
- ⁵⁹ C. Coon. Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951, стр. 74, табл. IX, 7, 8, 9 (все орудия из «мезолитических» слоев).
- ⁶⁰ Прекрасные образцы натуйфийских серпов изданы F. Turville Petre. Excavations in the Mugharet el Kabarah.— JRAI, 62, 1932; D. A. Garrod and D. Bate. The Stone Age of Mount Carmel. Oxford, 1937, стр. 36, табл. XIII, фиг. 216; XIII, фиг. 23.
- ⁶¹ V. Mikov. The Prehistoric Mound of Karanovo..., стр. 90.
- ⁶² D. Agrandjević-Geršanić. Stračevačka Kultura, стр. 142—143.
- ⁶³ С кремневыми наконечниками этого типа, по-видимому, связаны так называемые трапеции и подтреугольные острья, появившиеся еще в мезолите. См.: M. Mazalek. Otkazka vztahů mezolitu a neolitu.— Anthropozoikum, III. Praha, 1955.
- ⁶⁴ Близкие к нашим, но еще более близкие к раннетрипольским, микролитические наконечники стрел ромбической формы имеются в комплексе Эртебелле. См.: Danmarks Oldtid, стр. 106, фиг. 65, 6.
- ⁶⁵ J. Mellaart. Excavations at Hacilar.— Anat Stud, VIII London, 1958, стр. 127, 132.
- ⁶⁶ Классическим свидетельством дома с двускатной кровлей в энеолите Средней Европы является, например, глиняная модель дома из Стржилице. См.: J. Filippi. Práveke Československo. Praha, 1948, стр. 117, рис. 18.
- ⁶⁷ C. V. Blegen. The Roof of the Mycenaean Megaron.— AJA, vol. XLIX, № 1, 1945, стр. 35—44.
- Новую находку модели двускатного дома из Русе см.: Г. Георгиев и Н. Ангелов. Разкопки...— ИАИ, XXI, стр. 58, рис. 20.
- ⁶⁸ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 75, рис. 32, 33 (модель из Коломыйщины II с аналогиями). В 1961 г. С. Н. Бибиковым при раскопках поселения Гребени найдена модель похожего, но более сложного дома.
- ⁶⁹ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 227, рис. 135, 5—9.
- ⁷⁰ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, рис. 34 (в сводной таблице основных находок среднего (B II) этапа триполья).
- ⁷¹ К. Кепуоп. Digging up Jericho.
- ⁷² М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР.— МИА, 29. М., 1952; Н. Н. Гурин. Древняя история северо-запада Европейской части СССР.— МИА, 88. М.—Л., 1961. Названные авторы не приводят ни одного примера неолитических глиняных прясл. Последние на этой территории редки даже в эпоху металла.
- ⁷³ Карл Маркс. Капитал, т. I; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. М., 1960, стр. 191.
- ⁷⁴ Там же Маркс подчеркивает, что органическая потреб-

ность в «сосудистой системе» возникает только на определенном этапе развития производительных сил. Приводится пример — «в химическом производстве».

⁷⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 30. Несмотря на то что к настоящему времени выяснена большая древность каменных сосудов в сравнении с глиняными, не подлежит сомнению правильность мысли Энгельса о глубокой древности плетеных и деревянных сосудов, т. е. сосудов, первоначально предназначенных для хранения пищи. См., например, К. Кепуоп. Digging up Jericho, стр. 51, табл. 12, 13 (guch mat.).

⁷⁶ J. Vanner. Das Tisza-Maros-Körös-gebiet bis zur Entveicklung der Bronzezeit. Leipzig, 1942, стр. 38, табл. I, II.

⁷⁷ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие..., стр. 57, рис. 10, 9, 10; С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, стр. 116, табл. 27—28.

⁷⁸ К числу родственных триполью культур следует называть в первую очередь гумельницкую, а затем боянскую, вздастрскую, винчанскую и уже затем дименийскую (см.: D. Vergsü. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări. București, 1961).

⁷⁹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 54—71.

⁸⁰ Там же, стр. 48, 97.

⁸¹ Там же, стр. 55—56.

⁸² В. М. Даниленко. До питания..., стр. 119—120.

⁸³ О сегментации племен в процессе расселения см.: А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общины, стр. 5—27.

⁸⁴ Р. Питтиони вообще считает возможным называть неолит «керамикомом» и выделяет культуры лишь на основании формальных различий в керамике. См.: R. Pittioni. Urgeschichte des östereichisches Raumes..., стр. 122.

⁸⁵ J. Andersson. Researches — into Prehistoric of the Chinese. The Museum of for Eastern Antiquities. Stockholm, 1943. Хотя культура Яньшао и ее северокитайские аналоги и составляют элемент единой европейско-азиатской зоны культур расписной керамики, все же формальное и смысловое сходство присущих ей и триполью изобразительных сюжетов в целом основано на конвергентно-стадиальном моменте.

⁸⁶ B. Soulsky. Nejstarši zěmèdelske civilizace v Pjèdnl Asii.—OP, R. XIV, sv. I. Praha, 1950, стр. 5—162; R. Hrozny. Die Älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens. Prag, 1943, стр. 21—56.

⁸⁷ Ю. Неступный приводит пример миски с расписным «трипольским» орнаментом... из Новой Мексики. См.: J. Neustupny. Prävèk..., стр. 451, рис. 270.

⁸⁸ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 65—77.

⁸⁹ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі, стр. 42—43, 47—48; его же. Неолит Побужья..., особенно стр. 6.

⁹⁰ В. Даниленко. До питания про пам'ятки раннього трипольського часу на Україні.—Археологія, т. II, К., 1948, стр. 212.

⁹¹ Francis Laszlo. Les types vases peints d'Ariusd (Erösd) — Dacia, I. București, 1924, стр. 1—27.

⁹² О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу.—Археологія, т. VIII, К., 1953, стр. 95—107.

⁹³ Речь идет об этнической диффузии, для которой мы предполагаем элементы расселения самих носителей конкретных достижений («интрузии», «миграции»), а не так называемую культурную диффузию или «заимствование культурных элементов». См.: А. Я. Брюсов. К вопросу о теории диффузии.—СА, № 1, М., 1957, стр. 7—12.

⁹⁴ А. В. Десницкая. Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков.—ВЯ, № 4, М., 1952, стр. 39—58.

⁹⁵ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индо-

европейских языков. М.—Л., 1938, стр. 403; М. М. Гухман. Готский язык. М., 1958, стр. 259.

⁹⁶ О. И. Тереножкин. Курган Сторожова Могила.—Археологія, т. V, К., 1951, стр. 183—191, особенно стр. 186, рис. 3—7.

⁹⁷ I. Vanner. Die Peceler Kultur. Budapest, 1956. Автор приводит одну из древнейших в Европе глиняных моделей повозки, табл. СХХ.

⁹⁸ Одним из древнейших в Европе изображений арбы являются некоторые рисунки Каменной Могилы. См.: М. Я. Рудинский. Кам'яна Могила, табл. XXVI, 1.

⁹⁹ А. Мейе. Указ. соч., стр. 402—403.

¹⁰⁰ А. Десницкая. О хеттском языке (Вступительная статья к книге: И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952), стр. 2—40.

¹⁰¹ J. Vanner. Die Peceler Kultur.—АНУП, S. № XXV. Budapest, 1956, табл. СХХ.

¹⁰² О. И. Тереножкин. Курган Сторожова Могила.

¹⁰³ См. отчеты Н. И. Веселовского (ОАК за 1909—1910 гг., стр. 154). Любопытно, что модель фургона арбы-кибитки В. И. Марковин называет «моделью хижины» (См.: В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.—МИА, 93, М., 1960, стр. 68, рис. 29).

¹⁰⁴ N. D. Mironov. Arian Vestiges in the East of the Second Millenary b. c., (отд. отт.), стр. 167; Фг. Hrozny. Указ. соч., стр. 132.

¹⁰⁵ Фг. Hrozny. Указ. соч., стр. 133; А. Мейе. Указ. соч., стр. 395.

¹⁰⁶ Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957, стр. 77.

¹⁰⁷ Факт особенно широкого распространения прясел, т. е. развития прядения и ткачества, хорошо известен по примеру позднетрипольских памятников. См.: Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 186, рис. 84.

¹⁰⁸ W. Dögrfeld. Troja..., стр. 424—428 и приложения (таблицы) 47, 48.

¹⁰⁹ В. Н. Даниленко. Археологические исследования 1956 года в Чигиринском районе, стр. 13—21; О. Г. Шапошникова. Новые данные о Михайловском поселении.—КСИА АН УССР, вып. 11, К., 1961, стр. 38—42.

¹¹⁰ Фг. Hrozny. Указ. соч., стр. 245; А. В. Десницкая. О хеттском языке..., стр. 15.

¹¹¹ См. обсуждение этого вопроса с самых противоположных позиций — G. Kossina. Die Indogermanische Frage archeologisch beantwortet.—ZfE 1902, стр. 161—222; E. Majewski. Hipoteza Kossiny o germanskim pochodzeniu Indoeuropejszczyków a prawda w nauce.—Swiatowit, VI, 1905, стр. 89—144; Е. Ю. Кричевский. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный; Из истории докапиталистических формаций.—ИГАИМК, Вып. 100, Л., 1933; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Л., 1948, стр. 17. J. Filip. Prävèke Československo. Praha, 1948, стр. 143; М. И. Артамонов. Происхождение славян. Л., 1950, стр. 43 и другие.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV

¹ G. F. A. Schaefer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1938.

² Об отнесении культуры к концу boreального — началу атлантического периода см.: П. М. Долуханова, О. М. Знаменской. Палеогеографические принципы построения стратиграфии археологических культур на северо-западе РСФСР.—Методы естественных и технических наук в археологии. Тезисы докладов. М., 1963, стр. 87—90.

³ С. П. Бурлацкая. Датирование археологических объектов палеоклиматологическим методом. Методы естественных и математических наук в археологии. Тезисы докладов. М., 1963, стр. 9—11.

- ⁴ И. Г. Пидопличко. Новый метод определения геологического возраста ископаемых костей четвертичной системы. К., 1952.
- ⁵ Л. Р. Серебряный. Радиоуглеродный метод и его применение для изучения палеогеографии четвертичного периода. М., 1961. В приложении дан обширный список литературы, характеризующий все основные направления использования радиоуглеродного метода датировки.
- ⁶ V. I. Milošević. Zur Anwendbarkeit der C-14-Datierung in der Vorgeschichtsforschung.— *Germania*, 35, H. 1/2. Berlin, 1953, стр. 102—110; *Germania*, 36, H. 3/4. Berlin, 1958, стр. 409—418; *Germania*, 39, H. 3/4. Berlin, 1961, стр. 434—452.
- ⁷ Л. Р. Серебряный. Радиоуглеродный метод..., стр. 10—11; Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. Развитие техники жидких синтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (С—14).— *СА*, № 2. М., 1959, стр. 7—34; и х же. О критике углеродного метода определения возраста.— *СА*, № 2. М., 1959, стр. 255—262.
- ⁸ Л. Р. Серебряный. Радиоуглеродный метод..., стр. 19.
- ⁹ См. данные, суммированные в книге V. I. Milošević. *Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas*. Berlin, стр. 5—15.
- ¹⁰ V. G. Child. Comparison of archaeological and radiocarbon datings.— *Nature*, vol. 166, 1950.
- ¹¹ R. J. Rodden. Excavations at the Early Neolithic Site at Nea Nicomedeia, Greek Macedonia (1961 Season).— *ProcPS*, for 1964, № 3, vol. XXVIII. Cambridge, стр. 267—288.
- ¹² C. S. Coon. Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951; е го же. *Seven Caves*. London, 1957.
- ¹³ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.— *Тр. ЮТАКЭ*, VII. Ашхабад, 1956, стр. 11—219.
- ¹⁴ C. S. Coon. Cave explorations in Iran 1949; H. Pohlhausen. *Jäger, Hirten in der aralokaspischen Mittelsteinzeit*, 35.— *RGKommB*, 1954. Berlin, 1956, стр. 1—20 (культурно-исторический очерк, основанный главным образом на анализе фаунистических данных).
- ¹⁵ C. S. Coon. Cave explorations in Iran 1949, стр. 44, табл. IV. A; IV, B; V, A; V, B.
- ¹⁶ Подробно этот вопрос анализирует H. Pohlhausen. Указ. соч., стр. 40.
- ¹⁷ C. S. Coon. Cave explorations in Iran 1949, стр. 46; H. Pohlhausen. *Jäger, Hirten in der...*, стр. 4.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ А. П. Окладников. Пещера Джебел... (Приложение В. И. Цалкина), стр. 221.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же, стр. 220—221.
- ²⁵ R. I. Braidwood. *The Near East and the Foundations of Civilization*, стр. 23 сл.
- ²⁶ V. M. Masson. *The First Farmers in Turkmenia*.— *Antiquity*, vol. XXV/№ 139. Cambridge, 1961, стр. 203—214.
- ²⁷ В. М. Даниленко. Приазовська експедиція 1947 р.; в отношении состава фаунистических остатков см.: I. Г. Пидопличко. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР вип. 2, стр. 54. Недостатком этой публикации является обобщение данных о фауне, относящейся к разным слоям. Приводимые нами данные основаны на дифференцированной (последней) оценке фаунистических остатков.
- ²⁸ О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки усатівського типу, стр. 95—108.
- ²⁹ В. Н. Даниленко. Археологические исследования 1956 г. в Чигиринском р-не, стр. 14.
- ³⁰ Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г.
- ³¹ Информация И. В. Синицына.
- ³² Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I..., стр. 123—140.
- ³³ Там же (приложение Е. Л. Дмитриевой), стр. 166—187, табл. 3, 4.
- ³⁴ Там же, табл. I—X, стр. 18—29, 141—144.
- Доклад автора «Происхождение древнейшей культуры в освещении современных археологических данных», прочитанный на пленуме ИА АН СССР в Москве в 1958 г. Н. Я. Мерперт разделяет нашу мысль о восточном происхождении древнейшей культуры. См.: Н. Я. Мерперт. Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой.— *КСИА АН СССР*, вып. 83. М., 1961, стр. 3—8.
- ³⁵ H. Pohlhausen. Указ. соч., стр. 16—17.
- ³⁶ Там же, с севера — «...eingeführte Nomadenrind»; в позднейших слоях (4—1) — «das Bauerrind der Schweinezüchter».
- ³⁷ D. A. Garrod and D. M. A. Bate. *The Stone Age of Mount Carmel*, vol. 1. Oxford, 1937, стр. 9, табл. VIII—X1; F. Tugvill-Petrie. *Excavations in the Mugharet-el-Kebarah*.— *JRAI*, vol. LXU, 1932.
- ³⁸ R. J. Braidwood. *The Near East...*
- ³⁹ С. Н. Замятин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 году, стр. 431.
- ⁴⁰ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет...; и ряд других работ названного автора.
- ⁴¹ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 128—129, рис. 64.
- ⁴² О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита...
- ⁴³ Г. И. Горецкий. О возможностях..., стр. 25—26, табл. III, I, 2; IV, 1—4.
- ⁴⁴ О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита...
- ⁴⁵ В. М. Даниленко. До питания..., стр. 145, табл. V, 2, 4, 7, 10, 13, 14 и др.
- ⁴⁶ J. Brøndstedt. *Danemarks oldtid*, 1, Stenalderen. København, 1938, стр. 112, рис. 72.
- ⁴⁷ W. Gaertle. *Urgeschichte Ostpreussens*. Königsberg, 1929, стр. 34—35, рис. 22.
- ⁴⁸ Устное сообщение польского археолога А. Гардавского.
- ⁴⁹ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 106, рис. 61, 2; стр. 128, рис. 76, 9, 11. Все фрагменты изучены автором данной работы, что и дает ему право делать некоторые уточнения в реконструкции сосудов.
- ⁵⁰ J. Garstang. *Prehistoric Mersin*. Oxford, 1953, стр. 18—26, фиг. 10, 1—5; 11, 1—34.
- ⁵¹ H. Goldman. *Excavations at Göslü Kule, Tarsus*. New-Jersey, 1951, стр. 11, фиг. 215, 216.
- ⁵² J. Mellart. *Excavations at Hacilar*.— *Anat Stud*, VIII. London, стр. 141—143, фиг. 7, 1—2; стр. 62—65, фиг. 7, 1—20.
- ⁵³ V. Masson. *The First Farmers...*, стр. 205, фиг. 2; *Garstang*. Указ. соч., стр. 54—63, фиг. 34, 11, 12, 40, 41; 36, 43—48; стр. 78, фиг. 52, 1—7.
- ⁵⁴ C. Coon. *Cave explorations in Iran 1949*, стр. 77—78.
- ⁵⁵ V. Masson. Указ. соч., стр. 206, фиг. 2; C. Coon. *Cave explorations in Iran 1949*, стр. 75.
- ⁵⁶ C. Coon. *Seven Caves*. London, 1957, стр. 66.
- ⁵⁷ Там же, стр. 168, 197, особенно синхронная таблица на стр. 200.
- ⁵⁸ Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. Развитие техники..., стр. 32. Автор раскопок А. П. Окладников в письме к автору настоящей работы указал, что дата IV слоя Джебела посчитана от «н. э.», а не от «сейчас». Дата 6030 ± 240 лет до н. э. в нашем представлении хорошо согласуется с характером IV слоя Джебела. Однако из имеющихся публикаций можно сделать вывод, что дата Джебела IV посчитана от «сейчас» и, таким образом, получается, что он позднее Джейтуна. Проверить в это трудно.
- ⁵⁹ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 22, рис. 10; стр. 201—202; C. Coon. *Cave explorations in Iran 1949*, табл. XVI, 3.
- ⁶⁰ T. J. Agnew. *Excavations at Shah Tepe*. Iran, Report

from the Scientific Expedition to the North Western Provinces of China.— Publication, 27, VII, Archaeology, 5. Stockholm, 1935, стр. 180.

⁶¹ S. Lloyd and J. Mellaart. Beycesultan Excavations, 1957.— Anat Stud, VIII. London, 1958, стр. 93—113, особенно стр. 113; J. Mellaart. Pottery from the lower levels of Beycesultan.— Anat Stud, VIII, стр. 113, в частности стр. 121—122, фиг. 3.

⁶² А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 76. Думаем, что часть чаши происходит из нижележащего IV слоя, сравни рис. 46, 2 и рис. 47, 4.

⁶³ Там же, стр. 202, 203.

⁶⁴ С. П. Голстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 59—66

⁶⁵ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры.— СЭ, № 1, 1957, стр. 25—45.

⁶⁶ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 95, рис. 56, 3.

⁶⁷ Там же, стр. 104, рис. 61, 3.

⁶⁸ С. Сооп. Cave explorations in Iran 1949, стр. 3, 20—31, карта на стр. 4; его же. Seven Caves..., схема на стр. 39.

⁶⁹ С. Сооп. Cave explorations in Iran 1949, стр. 37; его же. Seven Caves..., стр. 168, табл. на стр. 200.

⁷⁰ J. Garstang. Prehistoric Mersin, стр. 27, фиг. 20, фиг. 23.

⁷¹ V. Masson. The first..., фиг. 2; его же. Джейтаун и Кара-Депе.— СА, № 1, 1957, стр. 143—147, рис. 3; его же. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.— Тр. ЮТАКЭ, VII. Ашхабад, 1956, стр. 291, табл. 1; Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.; там же, стр. 271, рис. 42 (табл. В).

⁷² А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 117, рис. 68, 8, 10.

⁷³ R. I. Braidwood. The Near East..., стр. 23, из Карим Шахира, где они встречаются вместе с наконечниками стрел кельтеминарского типа — фиг. 13.

⁷⁴ А. А. Формозов. Энеолитические стоянки Кустанайской обл. и их связь с ландшафтом.— Тр. КИЧП, № 15. М.—Л., 1950, стр. 64—76. Собранные названным автором материалы из сборов на поверхности в результате недостаточной изученности неправильно датированы.

⁷⁵ Д. Н. Эдинг. Новые находки на Горбуновском торфянике.— МИА, № 1. М.—Л., 1940, стр. 41—57, особенно стр. 45, табл. II, 4.

⁷⁶ См. один из обычных для культуры примеров — В. М. Даниленко. До питания..., табл. II, 24; Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-днепровской неолитической культуре, стр. 26—40, рис. 2, 7.

⁷⁷ R. Vaufrey. Prehistoire de L'Afrique, t. I; Le Magreb; Paris—Tunis, стр. 192, табл. XXXI, 19, 20, после стр. 250 табл. XXXVII, 7, перед стр. 347 табл. I, 23, 28.

⁷⁸ Случайная находка у с. Ясенево Одесской обл.

⁷⁹ О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита..., стр. 93, рис. 3; его же. Неолит Крыма..., стр. 99, рис. 3.

⁸⁰ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир..., стр. 96, 161, табл. XLIII, XLIV.

⁸¹ А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 105, рис. 10.

⁸² С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции.

⁸³ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир..., стр. 154, табл. XVIII.

⁸⁴ Там же, стр. 41, 160, табл. XLII, 8.

⁸⁵ И. Ф. Левицкий. Дослідження стоянки на торфовищі Моства в 1948 р.— АП, т. IV. К., 1952, стр. 70—77.

⁸⁶ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р., стр. 172—175.

⁸⁷ Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-днепровской неолитической культуре.

⁸⁸ Там же, рис. 3, 4.

⁸⁹ Там же, стр. 30, рис. 2, 37. О таком же хронологическом сближении говорят и микролитические наконечники стрел ромбовидной формы, подобные савранским и ранне-трипольским. Там же, рис. 2, 26; 27.

⁹⁰ А. Добровольский. Восьма Ігринська неолітична стоянка, стр. 243—252.

⁹¹ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия, стр. 10—20.

⁹² М. Я. Рудинский. Вовнигские позднеолитические могильники, стр. 147—152; Микола Макаренко. Мариупольский могильник.

⁹³ Т. С. Кондукторова. Череп из вовнигских позднеолитических могильников.— КСИА, № 6. К., 1956; ее же. Материалы по палеоантропологии Украины.— Антропологический сборник I. Труды Института этнографии АН СССР, т. XXXIII. М.—Л., 1956.

⁹⁴ Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье.— КСИА, II. К., стр. 20—26, особенно стр. 13, рис. 6, 7.

⁹⁵ Микола Макаренко. Мариупольский могильник. Хронологическое положение и культурная принадлежность Мариупольского могильника, почти не давнего глиняной посуды, ныне определились тем, что на Днепровских порогах вещи мариупольского типа находились в могильниках, которые благодаря находкам керамики удалось связать с поселениями азово-днепровской неолитической культуры типа Собачки-Вовчок.

⁹⁶ Г. И. Горецкий. О возможностях..., стр. 16—39 (см. второй Романовский перекат).

⁹⁷ Ю. Г. Колосов. Археологические исследования в Степном Крыму в 1952 г., стр. 79, рис. 2, 3.

⁹⁸ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия, стр. 11—15. Здесь днепровская посуда отнесена автором к 1-ой группе и относится обобщенно к энеолиту.

⁹⁹ J. Garstang. L'Art neolithique in Jericho.— Syria, t. XVI, fasc. 4, 1935; его же. Prehistoric Mersin. Gümmük Tepe in Southern Turkey. Oxford, 1953.

¹⁰⁰ K. Kenyon. Digging up Jericho...; ее же. Early Jericho.— Antiquity, № 103, 1952, стр. 116; ее же. Jericho and its Setting in Near Eastern History — Antiquity, № 120, 1956, стр. 184; F. E. Zeuner. The Radiocarbon Age of Jericho; там же, стр. 195; R. J. Braidwood. Jericho and its Setting in Near Eastern History.— Antiquity, № 122, 1957, стр. 73; там же, стр. 195.

¹⁰¹ J. Garstang. L'Art... etc.

¹⁰² J. Garstang. AAA. Liverpool, № 22, 1935, стр. 166; AAA, № 23, 1936, стр. 69.

¹⁰³ K. M. Kenyon. Digging up Jericho, табл. 14.

¹⁰⁴ F. E. Zeuner. The Radiocarbon age..., стр. 197.

¹⁰⁵ J. Garstang. Prehistoric Mersin etc. В сводной таблице на стр. 2.

¹⁰⁶ Там же, стр. 11, 18, фиг. 10, 11, табл. IX, 14, 15.

¹⁰⁷ H. Goldman. Excavations at Göslü Kule. New-Jersey, 1956, стр. 11, фиг. 215—216.

¹⁰⁸ J. Garstang. Prehistoric Mersin, стр. 45—101; S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna, Excavations by the Iraq Gouvernement Directorate of Antiquities in 1943 and 1944.— JNES, IV, 1945, стр. 255—284; B. Soudek. Nejstarší zemědělské civilizace v Přední Asie.— OP, Ročník XIX, Sv. I. Praha, 1950, стр. 20.

¹⁰⁹ J. Mellaart. Excavations at Hacilar, Third Preliminary Report.— Anat Stud, X, 1959, стр. 82—104, особенно стр. 88, фиг. 2.

¹¹⁰ J. Mellaart. Excavations...— Anat Stud, VIII—XI.

¹¹¹ J. Mellaart. Excavations...— Anat Stud, X, стр. 84.

- ¹¹² Там же, стр. 84—86.
- ¹¹³ Там же, стр. 86—87.
- ¹¹⁴ Там же; J. Mellaart. Excavations...—Anat Stud, VIII, стр. 134.
- ¹¹⁵ J. Mellaart. Excavations...—Anat Stud, VIII; IX, стр. 62—65, фиг. 7.
- ¹¹⁶ E. L. Kohler and E. K. Ralph. C—14. Dates for Sites in the Mediterranean Area.—AJA, vol. 65, № 4, 1916, стр. 357—367; Anat Stud, X, стр. 86.
- ¹¹⁷ J. Mellaart.—Anat Stud, X, стр. 90—92.
- ¹¹⁸ Там же, стр. 86.
- ¹¹⁹ Anat Stud, VII, стр. 133—134; Anat Stud, X, стр. 99.
- ¹²⁰ Anat Stud, X, стр. 97, фиг. 3—6, табл. XIII, 6, XIV/a.
- ¹²¹ Anat Stud, VIII, стр. 130—131; Anat Stud, IX, стр. 52; Anat Stud, X, стр. 92. О плоской кровле.—Anat Stud, VIII, стр. 132.
- ¹²² Anat Stud, X, стр. 92, стр. 96.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Anat Stud, VIII, стр. 134—135.
- ¹²⁵ Там же, стр. 145, фиг. 8, 32, 36, 40.
- ¹²⁶ J. Garstang. Prehistoric Mersin, стр. 54, фиг. 34, 28—32. Интересно, что этот слой Мерсина и V слой Хаджылар Меллаартом синхронизируются по другим основаниям. см. Anat Stud, стр. 153 сл.
- ¹²⁷ J. Mellaart. Anat Stud, VIII, стр. 145, фиг. 8, 14, 15, 19, 20.
- ¹²⁸ Там же, фиг. 8, 7; фиг. 4, 1—7; табл. XII, a, в; XIII, a; фиг. 6, 5; фиг. 4, 14, 19.
- ¹²⁹ V. I. Milošević. Vorbericht...—ArchAnz, 1955, стр. 162, фиг. 3, 1, 3; ArchAnz, 1956, стр. 162, фиг. 6.
- ¹³⁰ М. Гарашанин, Д. Гарашанин. Ископавања у Таринцима на локалитету «Вршник» (Предходни извештај).—Зборник на штипскиот народен музеј, I, 1958—1959. Штип, 1959, стр. 64. Таким образом, если исходить из сопоставления с Хаджыларом, нижний слой Вршника должен быть несколько позднее протосекло Отцаки-Магула и, возможно, синхронизироваться с нижним Карановом.
- ¹³¹ J. Mellaart. Anat Stud, VIII, стр. 134, фиг. 4—6.
- ¹³² J. Mellaart. Anat Stud, IX, табл. VIII, в; XII, в и др.
- ¹³³ E. L. Kohler, E. K. Ralph. C—14 Dates..., стр. 360.
- ¹³⁴ H. N. Osten. The Alishar Hüyük. Chicago, 1957, стр. 28.
- ¹³⁵ S. Lloyd and J. Mellaart. Beycesultan Excavations, Fourth preliminary Report 1957.—Anat Stud, VIII, стр. 122, фиг. 4, в частности фиг. 4, 3 и 11.
- ¹³⁶ J. Mellaart. Anatolia and the Balkans.—Antiquity, XXXIV (№ 136), 1960, стр. 270—278.
- ¹³⁷ E. L. Kohler, E. K. Ralph. C—14. Dates..., стр. 260.
- ¹³⁸ V. I. Milošević. Die erste Präkeramische bauerliche Siedlung der Jungsteinzeit in Europa.—Germania, 34, H. 3/4. Berlin, 1956, стр. 208—210, табл. 14, 15.
- ¹³⁹ V. I. Milošević. Vorbericht über die Versuchgrabung an der Otzaki-Magula bei Larisa.—ArchAnz, 1954, H. 1/2, стр. 1; ArchAnz, 1955/III—IV, стр. 157.
- ¹⁴⁰ V. I. Milošević. Vorbericht...—ArchAnz, 1954/I—II, стр. 11, рис. 2, 7—14; его же. Vorbericht...—ArchAnz, 1955/III—IV, стр. 169, рис. 5, 6.
- ¹⁴¹ A. Wace and M. Thompson. Prehistoric Thessaly. Cambridge, 1912, стр. 13—23.
- ¹⁴² V. I. Milošević. Vorbericht...—ArchAnz, 1954/I—II, стр. 22—23, рис. 2, 16; его же. Vorbericht...—ArchAnz, 1955/III—IV, стр. 165, 166, рис. 4/4—8.
- ¹⁴³ V. I. Milošević. Vorbericht...—ArchAnz, 1954/I—II, стр. 23—24, рис. 2, 19, 20; ArchAnz, 1955/III—IV, стр. 165—166, рис. 4, 9—11.
- ¹⁴⁴ Новейшую формулировку мнений этого рода см.: A. Wepač. Crvena Stijena — 1955 (I—IV stratum) — GZMS, N. S., XII. Sarajevo, 1957, стр. 19—50, особенно стр. 42—43.
- ¹⁴⁵ V. I. Milošević. Vorbericht...—ArchAnz, 1955/II—IV, стр. 176, рис. 3, 1.
- ¹⁴⁶ V. I. Milošević. Die erste... etc.
- ¹⁴⁷ Там же, стр. 209—210.
- ¹⁴⁸ Там же, стр. 210.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ H. D. Hansen. Early civilization in Thessaly.—The Johns Hopkins University Studies in Archaeology, № 15. 1933.
- ¹⁵¹ Т. С. Пассек. Новые открытия..., стр. 28.
- ¹⁵² В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському поселенні...
- ¹⁵³ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевца.
- ¹⁵⁴ A. Wepač. Crvena Stijena — 1956. I—IV, stratum.—GZMS, XIII, 1958, стр. 38.
- ¹⁵⁵ W. A. Heurtley. Prehistoric Macedonia. Cambridge, 1939, стр. 63.
- ¹⁵⁶ A. Wepač. Crvena Stijena — 1955. I—IV, stratum, стр. 19—50; его же. Crvena Stijena — 1956, стр. 21—42, табл. I—XXI.
- ¹⁵⁷ A. Wepač. Zelena Pečina.—GZMS, XII, 1957, стр. 62—86.
- ¹⁵⁸ D. Bergiu. Contribuții la problemele neoliticului, стр. 76; его же.—ИАИ, XXIII. София, 1959, стр. 264.
- ¹⁵⁹ A. Grandjevič — Gašašani. Starčevačka kultura, стр. 131—141, особенно стр. 136.
- ¹⁶⁰ R. Tichy. K nejstarší volutové keramice na Morave.—PA, 1960, LI, č. 2, стр. 415—438.
- ¹⁶¹ В какой-то степени об этом говорит часть материалов из поселения Вельки Грот в Западной Словакии. См.: В. Сторговский. Príspevek k problematike neolitickeho osídlenia Zap. Slovenska.—SLAr, VI/I. Bratislava, 1958, стр. 21, табл. IX—X.
- ¹⁶² D. Bergiu. Contribuții la problemele...; M. Petrescu. Dimbovița. Contributions au probleme de la culture Criș en Moldavie.—Acta—A, IX, 1—4. Budapest, 1958, стр. 53.
- ¹⁶³ E. Gajewski. Ślady kultury krzyskiej (Körös Kultur) w Malopolsce w swietle odkryć archeologicznych na lewym brzegu Wisły.—Sprawozdania z posiedzeń komisji.—PAN. Kraków, стр. 1—8.
- ¹⁶⁴ V. I. Milošević. Vorbericht..., 1954, I—II, стр. 24—28, рис. 21—25.
- ¹⁶⁵ М. Гарашанин, Д. Гарашанин. Ископавања у Таринцима на локалитету «Вршник»..., стр. 61.
- ¹⁶⁶ Там же, стр. 64.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Там же, стр. 65.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ J. Gaul. The neolithic period in Bulgaria, 1948, стр. 1—252, табл. I—LXIX.
- ¹⁷¹ В. Миков, Н. Джамбазов. Деветашката пещера. София, 1960, стр. 33—47.
- ¹⁷² П. Детева. Селищната могила Банята при Капитан Димитриево.—Годишник на народния археологически музей Пловдив, II. София, 1950.
- ¹⁷³ V. Mikov. The Prehistoric Mond of...; его же. Культура неолита...
- ¹⁷⁴ V. Mikov. The Prehistoric Mond of...; рис. на стр. 91.
- ¹⁷⁵ Там же. Левый нижний рисунок на стр. 91; Детева. Указ. соч., стр. 4, рис. 7—11; 8; 9; табл. III, IV, V VI, XI и др.
- ¹⁷⁶ V. Mikov. The Prehistoric Mond of, рис. на стр. 90.
- ¹⁷⁷ A. Wace, M. Thompson. Prehistoric..., 16.
- ¹⁷⁸ В комплексе памятников породинского типа. См.: М. Гаšašанин. Neolithikum..., стр. 114—118.
- ¹⁷⁹ J. Banner. Das Tisza — Maros — Körös — gebiet bis zur Entwicklung der Bronzezeit. Leipzig. 1942.
- ¹⁸⁰ I. Kutzian. The Körös cultura...

- ¹⁸¹ M. Petrescu-Dîmbovița. Contributions au probleme de la culture Criș în Moldavie.— ActaA, IX, 1—4. Budapest, 1958, стр. 53; E. Comșa. Considerații în privire la cultura Criș pe teritoriul R. P. R.— MCA, VII.
- ¹⁸² Еуджен Комша. К вопросу об относительной хронологии и развитии неолитических культур на юго-востоке Румынской Народной Республики и на востоке Народной Республики Болгарии.— Dacia, N. S., VI. București, 1962, стр. 53 сл., карта 1.
- ¹⁸³ Е. К. Черныш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье.— МИА, № 102, стр. 11; Т. С. Пассек. Новые открытия..., стр. 28, особенно стр. 41.
- ¹⁸⁴ E. Comșa. Betrachtungen über die Linearbandkeramik auf dem Gebiet der RVR und angrenzenden Länder.— Dacia, N. S., III. București, 1959, стр. 35—57.
- ¹⁸⁵ J. Kostrzewsky. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955.
- ¹⁸⁶ J. A. Jirsa. Malovaná keramika neolitická v Cechach. — Pravek, VI, 1910, стр. 17—36.
- ¹⁸⁷ J. K. Ahamit. K problemom naši praehistorie.— PA, Praha, 1928—1930, стр. 115.
- ¹⁸⁸ A. Stocky. Pravek zřímé Česke, I. Praha, 1926, стр. 46—56, 139—141.
- ¹⁸⁹ B. K. Soulský. K methodice třidení volutové keramiky.— PA, XLV, č. 1—2, 1954, стр. 75—102; его же. K relativní chronologii volutové keramiky.— AR, VIII, s. 3, 1956, стр. 408—412.
- ¹⁹⁰ E. K. Neustupny. K relativní chronologii volutové keramiky.— AR, VIII, 1956, стр. 386—406.
- ¹⁹¹ R. Tichý. K nejstarší volutové keramice na Morave.— PA, LI, č. 2. Praha, 1960, стр. 415—438.
- ¹⁹² B. K. Soulský. K relativní..., стр. 408—409.
- ¹⁹³ Там же, стр. 410.
- ¹⁹⁴ Там же, стр. 411.
- ¹⁹⁵ Там же, стр. 412.
- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ E. K. Neustupny. K relativní..., стр. 387—388.
- ¹⁹⁸ Там же, стр. 387.
- ¹⁹⁹ Там же, стр. 392.
- ²⁰⁰ Там же, стр. 394.
- ²⁰¹ Там же, стр. 396.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Там же, стр. 398.
- ²⁰⁴ Там же, стр. 397.
- ²⁰⁵ Там же, стр. 400.
- ²⁰⁶ R. Tichý. K nejstarší..., стр. 437 — 438, рис. 28.
- ²⁰⁷ Там же, стр. 415, рис. 26—27.
- ²⁰⁸ Там же, стр. 416, рис. 6.
- ²⁰⁹ B. Chropovský. Príspevka..., стр. 24; L. Hajek. Nova skupina paskove keramiky na Vychodnim Slovensku.— AR, IX. Praha, 1957, стр. 3—8.
- ²¹⁰ R. Pittioni. Urgeschichte..., стр. 126 — 128, рис. 75.
- ²¹¹ V. I. Milošević. Chronologie..., стр. 163; M. Garašanin. Neolithikum..., стр. 4; D. Garašanin. Starčevačka kultura ..., стр. 131—141, особенно стр. 136—137.
- ²¹² V. I. Milošević. Zur Anwendbarkeit... II. Teil, стр. 414.
- ²¹³ Там же.
- ²¹⁴ V. I. Dumitrescu. O descoperire cu ceramica Criș cu ceramica liniara.— Omagiu lui Daicovicu. București, 1960, стр. 161—165, особенно стр. 162, рис. 1.
- ²¹⁵ Раскопки в с. Звезьячии Заставнянского района Черновицкой области, проведенные Ю. Н. Захаруком в 1954 г., любезно предоставившим соответствующую информацию (инв. № 5103; 5229).
- ²¹⁶ Istoria României. C. Daicovicu. București, 1960, стр. L.
- ²¹⁷ C. S. Nicolăescu-Plopșor. Sur la presense du Swiderien en Roumanie. — Dacia, N. S., II, 1958, стр. 5—34; E. Comșa. Microlitelé de la Băile Herculane.— SCIV, VIII, № 1—4. București, 1957, стр. 17—25.
- ²¹⁸ E. Comșa. La civilisation Criș sur le territoire de la R. P. Roumanie.— Acta Archaeologica Carpatica, I, 2. Varsovie, 1959.
- ²¹⁹ E. Comșa. Betrachtungen über die Linearbandkeramik...
²²⁰ D. Berciu. Une... neolithique... civilization la Hamangia etc.
²²¹ E. Comșa. Considerații cu privire la evoluția culturii Boian.— SCIV, V, № 3—4, 1954. D. Berciu. Contribuții..., стр. 58—72.
²²² D. Berciu. Neolithic preceramic în Balcani.— SCIV, IX, № 1, 1958. București, стр. 91—99; его же. Contribuții..., стр. 76.
²²³ H. N. Osten. The Alishar Hüyük. Chicago, 1937, стр. 56.
²²⁴ S. Lloyd, I. Mellaart. Beycesultan Excavations: Fourth Preliminary Report, 1957.— Anat Stud, VIII, 1958, стр. 93—136; S. Lloyd, J. Mellaart, D. Stronach. Excavations at Beycesultan. — Anat Stud, IX, 1959 стр. 35—43; S. Lloyd. Beycesultan, 1959.— Anat Stud, X, 1960, стр. 31—43. Особенно интересно исключительно раннее появление чернолощеной керамики с белой росписью (время телья Галафа). См.: Anat Stud, IX, стр. 43—46, фиг. 4 и 5. Радиокарбонным путем конец развитой поры бейчесултанского халколита (слой XXXVI) датируется временем 3014 ± 50 лет до н. э. (см.: E. K. Ralph, E. L. Kohler. C—14. Dates..., стр. 260), а его начальная пора (слой XI), по-видимому, достигает середины IV тысячелетия до н. э.
²²⁵ G. J. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein — und Kupferzeit in der Ebene im Thrazien (Bulgarien)...
²²⁶ M. Roșka. Die Sammlung Zsofia von Torma in der numismatische-archeologischen Abteilung des siebenbürgischen Nationalmuseums. Kolozsvár, 1941.
²²⁷ M. Garašanin. Neolithikum..., стр. 12.
²²⁸ Провести историческую грань между поздним халколитом и ранней бронзой, разумеется, нелегко. По этому вопросу см.: Anat Stud, VIII, стр. 118, 125; Anat Stud, IX, стр. 46—47; несомненным шагом вперед в этом направлении является проблемная статья Меллаарта в «Antiquity», № 136, стр. 270.
²²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. Вынужденная эмиграция. М., 1952, стр. 333.
²³⁰ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевкая, стр. 278.
²³¹ D. Berciu. Une civilization... Hamangia etc.
²³² D. Părgvan. La statue-menhir de Hamangie.— Dacia, II. București, 1925.
²³³ D. Berciu. Șantierul Histria.— SCIV, 1953, № 1—2. București, стр. 123.
²³⁴ Там же, стр. 123.
²³⁵ Там же.
²³⁶ Там же.
²³⁷ Там же, стр. 125—126.
²³⁸ Там же, стр. 127—128.
²³⁹ S. Morintz и др. Șantierul arheologic Cernavoda.— SCIV, 1955, VI, № 1—2, стр. 151; D. Berciu. Une civilization... Hamangia; D. Berciu. Contribuții, стр. 72—79.
²⁴⁰ S. Morintz. Șantierul..., стр. 154; D. Berciu, S. Morintz. Săpăturile de la Cernavoda, стр. 99.
²⁴¹ O. Necrasov, M. Cristescu. Observații preliminare asupra materialul osteologic uman descoperit în 1956 la Cernavoda.— MCA, v. V. București, 1959, стр. 106—110.
²⁴² D. Berciu. Une civilization etc...
²⁴³ Там же, фиг. 4, 5, 9 (горшки); фиг. 3, 2, 6; фиг. 4, 11 (миски); фиг. 3, 1; фиг. 4, 7 (миски на поддонах); фиг. 2, 1—6; фиг. 3, 4 (кубки); фиг. 3, 3; фиг. 4, 3, 4 (кувшины); D. Berciu, S. Morintz. Săpăturile de la Cernavoda.— MCA, V. București, 1959, стр. 99—106, фиг. 4; 1—3 (амфоры).

- ²⁴⁴ D. Vergiu. Une civilization... Hamangia, фиг. 2; 1 и фиг. 4; 3.
- ²⁴⁵ E. Comşa. Stadiul cercetărilor despre viața oamenilor din faza Bolintineanu a culturii Boian, стр. 13 сл., фиг. 11; 10—12; O. Vergiu. Une civilization... Hamangia, фиг. 4/3.
- ²⁴⁶ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, табл. 34, б, в, г; 35, а, в, г; 37, а; 38, д, е; 47 и мн. др.
- ²⁴⁷ D. Vergiu. Une etc...
- ²⁴⁸ Там же, стр. 13, особенно в работе «Contribuții...», стр. 19, 27, 131.
- ²⁴⁹ L. Veghabo Vgea. Gli scavi nella caverna della Arene Candide, 1946.
- ²⁵⁰ A. Venaş. Статьи в сборн. — GZMS, XII, XIII.
- ²⁵¹ Ярче всего такой неумеренный хронологический «запрос» сформулирован D. Vergiu. Contribuții etc., стр. 12, фиг. 1.
- ²⁵² V. Milojević. Vorbericht... — ArchAnz, стр. 22—23, рис. 16; ArchAnz, 1955/1—11, рис. 4, 4—8.
- ²⁵³ V. Milojević. Chronologie..., стр. 38, табл. на стр. 40 и табл. 5.
- ²⁵⁴ D. Vergiu. Contribuții..., стр. 15.
- ²⁵⁵ SCIV, VI, 1—2, стр. 152—154, рис. 3, 1, 4. Новое уточнение хронологического положения некоторых памятников хаманджийской культуры дают находки фрагментов посуды Боян-Видра на поселении Дялул-София (тип Чамурия-де-Жос). См. D. Vergiu, S. Morintz. Săpăturile de la Cernavoda. — MCA, V, București, 1959, стр. 95 — 112.
- ²⁵⁶ D. Vergiu. Une civilization... Hamangia, фиг. 2, 5; фиг. 1, 3, 6 и др.
- ²⁵⁷ Там же, фиг. 4, 1 (горло кувшина).
- ²⁵⁸ В качестве аналогий для этой формы в кругу хаманджийских памятников см.: D. Vergiu, S. Morintz. Cernavoda... (точнее, Колумбия-Джулешти-Зэнэшти. — В. Д.), стр. 102, фиг. 4, 1, 2.
- ²⁵⁹ E. Comşa. Considerații cu privire la evoluția culturii Boian. — SCIV, V/3—4. București, 1955, стр. 361—392; е го ж е. Săpături de salvare la Bogata și Boian. — MCA, V, București, 1959, стр. 115—125, в частности, уточнение прежней периодизации, стр. 121 и др.
- ²⁶⁰ D. Vergiu. Contribuții..., стр. 58—72, особенно стр. 61 (Протобоян), 64 (Боян а—с), 65 (Боян III, IV), 68 (Боян V а—с). Заслуживает внимания мысль о своеобразии типа Зэнэшти (стр. 67—«гетерогенный характер» культуры).
- ²⁶¹ E. Comşa. Săpături... la Bogata, стр. 121.
- ²⁶² E. Comşa. Considerații..., стр. 372.
- ²⁶³ E. Comşa. Săpături... la Bogata, стр. 121.
- ²⁶⁴ E. Comşa. Considerații..., стр. 365, рис. 1; стр. 368, Фиг. 5; стр. 373, фиг. 9; е го ж е. Stadiul cercetărilor despre viața oamenilor din faza Bolintineanu a culturii Boian. — SCIV, VI, № 1—2. București, 1955, стр. 13, фиг. 1—4, фиг. 13 (грубая посуда).
- ²⁶⁵ E. Comşa. Stadiul cercetărilor..., фиг. 10, 11 и табл. III (тонкая посуда).
- ²⁶⁶ Там же, фиг. 3—9, особенно фиг. 8; 4.
- ²⁶⁷ Там же, стр. 24, фиг. 14. Впрочем, полной уверенности в глубокой древности этой находки высказать нельзя, т. к. она сильно напоминает более поздние боянские и гумельницкие антропоморфные статуэтки (см. D. Vergiu. Contribuții... «Боян IV» — фиг. 191, 5, 6; «Гумельница I в» — фиг. 248, также Г. Георгиев и Н. Ангелов. Раскопки на селищна могила до Русе... — ИАИ, XVIII. София, 1952, фиг. 163, 3; и х же. Раскопки... — ИАИ, XXI. София, 1957, фиг. 66, 3. Названные вещи настолько близки, что возникает вопрос об археологической однородности материала с поселения Кэцелу и о праве последнего возглавлять эволюционный ряд культуры Боян.
- ²⁶⁸ E. Comşa. Considerații..., стр. 373; G. Stefan și E. Comşa. Săpăturile arheologice de la Aldeni. — MCA, III. București, 1957, стр. 93—101; E. Comşa. Săpături de salvare și cercetări de suprafața în regiunea București. — SCIV, VI, № 3—4. București, 1955, стр. 411—427. Обращают
- внимание землянка — фиг. 1, а также формы сосудов фиг. 3, 9—10.
- ²⁶⁹ N. Anghelescu. Cercetări și descoperiri în raioanele Calarași și Slobozia. — SCIV, 1955, V, № 1—2, стр. 318, фиг. 7, 1, 2.
- ²⁷⁰ E. Comşa. — SCIV, VI/3—4, 1955, стр. 421, фиг. 8, 1.
- ²⁷¹ E. Comşa. — MCA, V, стр. 116, фиг. 1, 1—7.
- ²⁷² E. Comşa. — MCA, III, стр. 99, фиг. 4, 1—9.
- ²⁷³ E. Comşa. — MCA, V, стр. 116, фиг. 1, 4.
- ²⁷⁴ E. Comşa. Considerații..., стр. 375, фиг. 11, 16; SCIV, VI, 3—4, 1955, стр. 441.
- ²⁷⁵ См.: SCIV, VI/3—4, стр. 420, фиг. 7, 4, 7, 9.
- ²⁷⁶ E. Comşa. Săpături de salvare la Bogata și Boian. — MCA, V. București, 1955, стр. 115—121; V. Christescu. Les Stations prehistoriques du lac du Boian. — Dacia, II, 1925. București, стр. 249—276; D. Rozetti. Săpăturile de la Vidra, Raport preliminar. — Publicațiile Muzeului Municipiu lui București, 1939, № 1.
- ²⁷⁷ E. Comşa. Considerații etc..., стр. 364, фиг. 6, 7, 8, 11, 12, 17 и др., имеющие многочисленные аналогии в энеолитических слоях селищных могил Болгарии — Русе, Боян, Коджа-Дермен и мн. др.
- ²⁷⁸ О синхронизации фаз развития культур Хаманджия и Боян см.: V. Milojević. Zur Anwendbarkeit, II — Teil.
- ²⁷⁹ D. Vergiu. Une civilization... Hamangia, стр. 10, фиг. 4/1; E. Comşa. — SCIV, VI/3—4, стр. 419, фиг. 7, 4, 7, 9.
- ²⁸⁰ M. Vasuh. Пренсториска Винча. IV. Београд, стр. 14.
- ²⁸¹ V. Milojević. Zur Anwendbarkeit, II — Teil, стр. 414.
- ²⁸² Там же.
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ H. N. Osten. The Alishar Hüyük. Chicago, 1937, стр. 56, рис. 64—66.
- ²⁸⁵ L. Gajewski. Slady kultury krzyskiej... etc.
- ²⁸⁶ W. Gaerte. Urgeschichte, стр. 34.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V

¹ Первые выступления автора по этому вопросу — см.: В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському поселенні..., стр. 134; Нариси стародавньої історії Української РСР, стр. 69—70.

² H. N. Osten. The Alishar Hüyük, v. I. Chicago, 1937, стр. 28—108, особенно стр. 52, рис. 63—77.

³ A. Furness. Some early pottery of Samos, Kalimnos and Chios. — Proc PS, 1956, XXII, стр. 173—212.

⁴ G. J. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein- und kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien), стр. 65—71, табл. X—XIV.

⁵ E. Comşa. Săpăturile de la Dudesti. — MCA, V, стр. 91—97.

⁶ M. Roska. Die Sammlung Zsofia von Torma..

⁷ E. Comşa. Stadiul cercetărilor despre viața oamenilor din faza Bolintineanu a culturii Boian. — SCIV, VI, № 1—2, 1955, стр. 13—43, рис. 5, 4—40; 7, 2, 4; 8, 4; 9, 1; 12, 1—6; 13; 14.

⁸ N. Vlassa. Chronology of the neolithic in Transylvania, in the light of the Tărtăria settlements stratigraphy. — Dacia, VII, № 3, 1963, стр. 485—494.

⁹ В. Даниленко. V Научная конференция Института археологии АН УССР — Археология, т. II. К., 1948, стр. 212—213.

¹⁰ Там же.

¹¹ C. N. Mateescu. Săpături arheologice la Vădastra. — MCA, №. S., V—VII.

¹² M. V. Garašanin. Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonien. — RGKommB, 39, 1958, Berlin, 1959, стр. 12.

¹³ А. А. Шепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. — СА, № 2, 1962.

¹⁴ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 52.

¹⁶ Выразительные образцы таких наверший скипетров см.: А. А. Иессен. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом.—КСИИМК, вып. XLVI. М., 1952, стр. 48.

¹⁷ В. Н. Даниленко. Археологические исследования 1956 г. в Чигиринском районе, рис. 2, 1.

¹⁸ А. В. Бодянский. Древнейшее ямное погребение в Южном Поднепровье.—КСИА, № 3. К., 1954, стр. 95—98.

¹⁹ И. В. Сеницын. Археологические исследования Заволжского отряда.—МИА, № 60. М., 1959, стр. 39, особенно стр. 64, рис. 14, 3; 17, 8.

²⁰ Гранки каталога музея Войска Донского, готовившиеся к печати Х. И. Поповым около 1914 г., рис. 1.

²¹ Г. И. Горецкий. О возможностях..., стр. 16—38.

²² А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг.—МИА, № 62. М., 1958, стр. 348—416, особенно стр. 384—386, рис. 27.

²³ В. Н. Даниленко. Археологические исследования 1956 г. в Чигиринском районе, стр. 13, рис. 2, 4—6.

²⁴ В. Н. Даниленко. Стрильча Скеля; Отчет А. В. Добровольского за 1946 г. Оба отчета в архиве ИА АН УССР.

²⁵ Аркадій Добровольський. Звіт за археологічні дослідження..., стр. 103—140.

²⁶ М. А. Миллер. Памятники родового общества на Игринском полуострове.—ПИДО, № 9—10. М.—Л., 1935, стр. 162—178; А. В. Добровольский. Восьма Игринська неолітична стоянка, стр. 243—251.

²⁷ В. Н. Даниленко. Археологические исследования в 1956 г. в Чигиринском районе, стр. 14—16, табл. 1, 1—6.

²⁸ Там же.

²⁹ Аркадій Добровольський. Звіт за археологічні дослідження..., табл. IX, 5, 6.

³⁰ Г. И. Горецкий. О возможностях...

³¹ В. Н. Даниленко. Археологические исследования в 1956 г. в Чигиринском районе, рис. 2, 3 (до выделения деревенской фазы ошибочно относился к квинтанско-чигиринской фазе).

³² А. Добровольський. Неолітична стаяна на острові Виноградному, 1929—1930. Научный архив ИА АН УССР; Материалы в Киевском государственном историческом музее и ИА АН УССР.

³³ Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции, рис. 2, 3.

³⁴ Там же.

³⁵ О. Г. Шапошникова. Поселение раннебронзового века у с. Волошского.—КСИИМК, вып. 67. М., 1957, стр. 94—96; связь ямочно-гребенчатых импортов с деревенской фазой была установлена позднее—после выделения автором соответствующего комплекса на Скеле-Каменоломне.

³⁶ И. В. Сеницын. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Поднепровьем.—КСИА, № 7. К., 1957, стр. 32—35.

³⁷ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення.

³⁸ В. А. Гордцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии.—Тр. XII АС, т. II, стр. 174—225.

³⁹ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, стр. 22—38; В. Д. Рыбалова. Могильник эпохи бронзы в с. Осокорівці.—АП, т. IX. К., 1960, стр. 5—13, рис. 5—6.

⁴⁰ В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуrowой керамики.—КСИА, вып. 4. К., 1955, стр. 127—128.

⁴¹ О. Г. Шапошникова. Новые данные о Михайловском поселении.—КСИА, вып. 11. К., 1961, стр. 38; В. В. Хвская. Каменный век Среднего Приднепровья.—Тр. XI АС. К., 1899, стр. 736—812.

⁴² Труды VIII АС, т. IV, табл. LXXVIII—LXXX.

⁴³ Разведки 1957 г. в районе Астрахани (пункты близ Досанга, Исык-Кея и др.) В. Д. Белецкого. Материал сохраняется в Государственном Эрмитаже. За возможность воспользоваться им выражаем искреннюю благодарность автору.

⁴⁴ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы.—МИА, № 78. М., 1960, стр. 221, 227—230, рис. 22, 3, 2, 12.

⁴⁵ И. В. Сеницын. Памятники ямной культуры..., стр. 32.

⁴⁶ Н. И. Веселовский. Отчеты.—Научный архив ЛО ИА АН СССР, ф. ИАК, 1902—1903 гг. Материал хранится в ГИМ.

⁴⁷ Ю. Н. Захарук. Вопросы хронологии культуры энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни.—КСИА, вып. 12. К., 1962, стр. 48—54.

⁴⁸ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення.

⁴⁹ A. I. Bydlowski. Mogiły w Jackowicy.—Swiatowit, VI. Warszawa, 1905, стр. 8—30.

⁵⁰ Н. Я. Мерперт. Балканы и Северное Причерноморье в бронзовом веке.—Тезисы докладов первого симпозиума по археологии и этнографии юго-запада СССР. Кишинев, 1964, стр. 16—19.

⁵¹ О. Г. Шапошникова. Новые данные о Михайловском поселении, стр. 38, рис. 4.

⁵² Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре.—КСИИМК, вып. 16, 1947, стр. 34—51.

⁵³ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры.—КСИИМК, вып. 16, 1947, стр. 22—23.

⁵⁴ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика.—МИА, № 3. М.—Л., 1941, стр. 185, табл. IX, XI, 5 и др.

⁵⁵ А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела...

⁵⁶ А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока.—КСИИМК, вып. 9. М.—Л., 1941, стр. 5; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 43—44.

⁵⁷ В. А. Гордцов. Результаты археологических исследований...; его же. Культуры бронзового века в Средней России.—Отчет исторического музея за 1914 г. М., 1915.

⁵⁸ В. Н. Даниленко. О ранних звеньях..., стр. 127—128.

⁵⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры.—Тр. ГИМ, VIII. М., 1938, стр. 33—38.

⁶⁰ В. Д. Рыбалова. Могильники эпохи бронзы..., стр. 5.

⁶¹ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, стр. 22.

⁶² Там же, стр. 30.

⁶³ В. Н. Даниленко. О ранних звеньях...; его же. Отчет об археологических исследованиях первобытного отряда Кременчугской археологической экспедиции за 1956 г. Научный архив ИА АН УССР, ф. Э, № 2677, 1956/1а.

⁶⁴ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I..., стр. 46—52, табл. XLVII—LII. Большой материал получен в результате раскопок последних лет С. Н. Бибикина и Ю. Г. Колосова в Фатма-Кобе, гроте Водопадном и др.

⁶⁵ Т. Д. Белановская—автор раскопок и ряда докладов, позволяющих судить об основных чертах этого стратифицированного местонахождения.

⁶⁶ А. А. Формозов и А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае.—СА, № 2, 1960, стр. 103—114; А. А. Формозов. Археологические исследования в верховьях реки Белой в Краснодарском крае.—Сборн. материалов по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961, стр. 39—62; А. Д. Столяр. Мешкопоселение майкопской культуры.—Сборн. материалов по археологии Адыгеи, т. II, стр. 73—98.

- ⁶⁶ Е. И. Крупнов. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность.— Доклад на XXVI Международном конгрессе востоковедов. М., 1963.
- ⁶⁷ T. N. Chubinišvili. The interconnection between the Caucasian («kura-agaxes») and the Near East cultures in the third millenium. Tbilisi, 1964.
- ⁶⁸ М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г.—СА, IV, М.—Л., 1935, стр. 93—132.
- ⁶⁹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 32, рис. 14.
- ⁷⁰ С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры.—СА, № 1. М.—Л., 1960, стр. 14—35.
- ⁷¹ А. А. Формозов. Археологические исследования..., стр. 67—68; Хаджох III дает костей мелкого рогатого скота в четыре раза больше, чем крупного. На первом месте кости свиньи, в Мешко — преобладают кости свиньи и крупного рогатого скота.
- ⁷² В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане.—Материалы по археологии Дагестана, т. II. Махачкала, 1961, стр. 57—67; его же. О хозяйстве населения горного Дагестана.—СА, № 3. М.—Л., 1965, стр. 5—13.
- ⁷³ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошников, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, стр. 168; В. І. Бібікова, А. І. Шевченко. Фауна Михайлівського поселення, стр. 206—245.
- ⁷⁴ І. Г. Підоплічко. До питання про свійські тварини трипільських поселень.—НЗІІМК АН УРСР, кн. 2. К., 1937, стр. 97—119, особенно стр. 113 и табл. на стр. 116.
- ⁷⁵ О. Лагодовська. Кам'яні закладки Наддніпряжжя.—АП, т. II. К., 1949, а также раскопки автора 1946 г.; см. о них отчет в архиве ИА АН УССР.
- ⁷⁶ R. Vaufrey. Prehistoire de l'Afrique, t. I. Paris, 1955, стр. 342, фиг. 197—205; табл. LI—LII и мн. др.
- ⁷⁷ Fг. Hрозну. Die älteste Geschichte..., стр. 50, 123, 127, 138 и мн. др.
- ⁷⁸ E. Comşa. Materiale de tip Starčevo descoperite la Liubcova (г. Moldova Noua).—SCIV, № 2, 1966, стр. 355—361.
- ⁷⁹ Šime Batović. Neolitsko nalazište u Smilčiću; Diadora, 1/1959; Zadar, 1960, стр. 5—24 и Diadora 2/1960—1961; Zadar, 1962, стр. 31—105.
- ⁸⁰ G. Bailloud et Mieg de Boofzheim P. Les civilisations néolithiques de la France. Paris, 1955, стр. 54, табл. XXIII.
- ⁸¹ G. Bailloud et Mieg de Boofzheim P. Les civilisations..., главные пути диффузии из Северной Африки в Южную Европу, стр. 6, табл. I, 2 (карта), а также стр. 154, табл. LXVII (карта). Эллипс культурных колоколовидных кубков — Иберия. См.: L. Balout. Algérie Préhistorique. Paris, 1958, стр. 116, особенно стр. 143.
- ⁸² Примеры для запада — G. Bailloud. Les civilisations..., стр. 74, табл. XXXIII, для востока — F. Laszlo. Fouilles à la station primitive de Erösd (1907—1912). Dolgozatok, Kolozvár, 1914.
- ⁸³ Н. Н. Остен. Alishar..., стр. 52.
- ⁸⁴ Fг. Hрозну. Die älteste Geschichte..., стр. 32.
- ⁸⁵ Fг. Hрозну. Die älteste Geschichte..., стр. 123.
- ⁸⁶ Там же, стр. 7, 13, 24, 31.
- ⁸⁷ Там же, стр. 129.
- ⁸⁸ Там же, стр. 141 сл.
- ⁸⁹ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 139.
- ⁹⁰ N. D. Mironov. Arian Vestiges in the Near East of the Second Millenary B. C.—Acta Orientalia, XI, 1933, стр. 140.
- ⁹¹ Fг. Hрозну. Указ. соч., стр. 129.
- ⁹² А. А. Формозов. Археологические исследования...
- ⁹³ Н. И. Веселовский. Отчет в ОАК за 1897 г., стр. 6, рис. 16 (оригиналы хранятся в Государственном Эрмитаже).
- ⁹⁴ См.: Realexikon der Vorgeschichte, red. M. Ebert, Znt. Bd. Berlin 1927—1928; см.: Pyrenäenhalbinsel, стр. 348.
- ⁹⁵ R. Vaufrey, Prehistoire... стр. 340.
- ⁹⁶ См. материалы дискуссии (участники — Ю. В. Зыцарь, А. С. Чикобава, Е. А. Бокарев, С. С. Какабадзе, К. В. Ломтатидзе и др.), помещенные в журнале «Вопросы языкознания», № 5, 6, 1955. См. также сб «Народы мира», под редакцией С. А. Токарева и др. М., 1965, стр. 498—499.
- ⁹⁷ Fг. Hрозну. Die älteste Geschichte..., стр. 60.
- ⁹⁸ Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Вороново-пещеры.—Тр. Абхазского института языка, литературы и истории, т. XXIX. Сухуми, 1958, стр. 135—184, особенно стр. 160.
- ⁹⁹ В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951, стр. 31; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 14.
- ¹⁰⁰ В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры.—СА, № 2. М.—Л., 1964, стр. 188—191, рис. 2.
- ¹⁰¹ Б. А. Серебряников. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР.—ВЯ, № 6. М., 1955, стр. 19—31.
- ¹⁰² Д. Я. Телегин. Об этнической принадлежности днепро-донецкой культуры.—Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964, стр. 16—20.
- ¹⁰³ J. Vгønsted. Danemarks oldtid, I, Stenalderen, стр. 112, рис. 72.
- ¹⁰⁴ Тохарские языки. М., 1959, стр. 5—37, 39—47, 90—108 и др.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Fг. Hрозну. Die älteste Geschichte..., стр. 44.
- ¹⁰⁷ Б. В. Горнунг. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности (протоевропейские компоненты или иноязычные субстраты).—Расширенная редакция доклада на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964; В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. Здесь лингвисты учитывают этноисторические построения П. Н. Третьякова. См.: П. Н. Третьяков. О происхождении славян.—Вопросы истории, № 11, 1953, стр. 62—82.
- ¹⁰⁸ Fг. Hрозну. Die älteste Geschichte..., стр. 121 и карта после стр. 164.
- ¹⁰⁹ M. Ventris—I. Chadwick. Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives.—JHS, LXXII, 1953, стр. 84—104; и х же. Documents in mycenaean Greek. Cambridge, 1955.
- ¹¹⁰ V. Georgiev. Les deux langues des inscriptions cretoises en linéaire A.—Linguistique balkanique, VII, t. I. София, 1963 г.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба.—СЭ, № 2, 1958, стр. 26.
- ¹¹³ С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965, стр. 97 и др.
- ¹¹⁴ С. П. Толстов. Новые археологические открытия в Хорезме и некоторые проблемы древней истории Индии.—Индия в древности. М., 1964, стр. 135—142, особенно стр. 136—137 (об участии в процессе «поздней суярганской культуры»).
- ¹¹⁵ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- ¹¹⁶ П. Н. Соловьев. Новый памятник..., стр. 135, табл. V.
- ¹¹⁷ C. F. A. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, стр. 278—301, табл. XI—XIII.
- ¹¹⁸ A. Stocky. Pravek Zěmě Českě, I, Vek kammenný. Praha 1926.

¹¹⁹ J. Barfa. Pleistocénne piesočne duny pri Seredi a ich paleolitické a mezolitické osídlenie.— SLĀ, V/1. Bratislava, 1957, стр. 5—72.

¹²⁰ C. I. Becker. Über den Ursprung von Michelsberg und der Trichterbecherkultur. L'Europe à la fin de l'âge de la pierre etc., стр. 595—601; G. E. Daniel. The Date of the Megalithic Tombs of Western Europe, стр. 575—583.

¹²¹ П. Н. Третьяков. Этногенетический процесс и археология.— СА, № 4 М.—Л., 1962, стр. 3—16; его же. О происхождении славян...

¹²² O. Pizani. Saggi di linguistica storica. Torino, 1959; его же. К индоевропейской проблеме.— Вопросы языкознания, № 4 М., 1966, стр. 3.

¹²³ В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию...; его же. Българска етимология и ономастика. София, 1960.

¹²⁴ Б. В. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963 г.; его же. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. М., 1964.

¹²⁵ Fr. Hrozny. Die älteste Geschichte..., стр. 66.

¹²⁶ Там же, 60.

¹²⁷ Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965.

¹²⁸ Г. Н. Матюшин. Мезолит Урала.— Доклады и сообщения археологов СССР, VII Международный конгресс доисториков и протодисториков. М., 1966, стр. 72—74.

¹²⁹ H. Pohlhausen. Jäger, Hirten in der aralokaspischen Mittelsteinzeit, 35.—RGKommB, 1954. Berlin, 1956, стр. 1—20.

¹³⁰ Н. О. Бадер. Культуры Кавказа в конце верхнего палеолита — начале мезолита.— СА, № 4. М.—Л., 1965; С. Н. Замятнин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 г., стр. 431—443; Г. И. Горецкий. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье.— СА, XVI. М.—Л., 1952, стр. 302—319.

¹³¹ C. C. Ulenbeck. The indogermanic mather language and mather tribes complex.— American Anthropologist, v. 39, № 3, 1957, стр. 385—393.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.

ГЛАВА I. НЕОЛИТ УКРАИНЫ КАК СОВОКУПНОСТЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЕДИНСТВ	7—45
Историография вопроса. Приазовская культура. Крымская культура. Сурско-днепровская культура. Некоторые вопросы истории буго-днепровской культуры. Некоторые вопросы истории культуры линейно-ленточной керамики. Развитие неолитической культуры в днепро-днепровской области. Этнокультурная область неолита с ямочно-гребенчатой керамикой. Неолит как период истории.	
ГЛАВА II. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ БУГО-ДНЕСТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	46—147
Историографические сведения. Принципы изложения материала. Главные естественно-исторические положения. О мезолите Северо-Западного Причерноморья. Мезолитические культуры на Украине. Конец палеолита. Ранний мезолит. Поздний мезолит. Неолитические памятники в бассейне Ю. Буга. Памятники позднеолитического времени. Вопрос о памятниках хмельницкого типа. Первые памятники на Днестре и Ингуле.	
ГЛАВА III. БУГО-ДНЕСТРОВСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	148—174
Вступительные замечания. Система периодизации и относительная хронология буго-днепровской культуры. Территория и явления зональности. Население. Экономическое развитие. Общественная организация. Особенности идеологического развития. Состав культуры. Этноязыковая принадлежность.	
ГЛАВА IV. ВОПРОСЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И СИНХРОНИЗАЦИИ	175—218
Вступительные замечания. Историко-хронологические соотношения с культурами охотничье-скотоводческого ареала. Неолит Прикаспия и его соответствия в неолите Юго-Восточной Европы. Начало скотоводства. Периодизация и синхронизация сурско-днепровской культуры. К хронологии неолита Приазовья и Крыма. Периодизация и синхронизация неолита днепро-днепровской области. Некоторые вопросы синхронизации неолита ямочно-гребенчатой керамики. Историко-хронологические соотношения с культурами древнеземледельческого ареала. Старчевская культура. Восточные Балканы. Карановская культура расписной керамики. Керешская культура. Соотношения с Придунайским районом культуры линейно-ленточной керамики. Соотношение с поздним неолитом Нижнего Дуная. Данные абсолютной хронологии.	
ГЛАВА V. ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ	219—238
О сложении трипольской этнокультурной области. Сложение древнейшей этнокультурной области — первой линии развития степного энеолита. Вторая азово-причерноморская линия развития скотоводческого энеолита Восточной Европы. Комментарий к индоевропейской проблеме.	
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	239
ПРИМЕЧАНИЯ	241—258

ДАНИЛЕНКО ВАЛЕНТИН НИКОЛАЕВИЧ

НЕОЛИТ УКРАИНЫ

*Главы древней истории
юго-восточной Европы*

Печатается по постановлению ученого совета
Института археологии Академии наук
Украинской ССР

Редактор *Л. Л. Ващенко.*
Художественный редактор *С. П. Квитка.*
Оформление художника *Р. К. Пахолька.*
Технический редактор *А. М. Колодиева.*
Корректор *А. М. Лимар.*

БФ 04215. Зак. № 90. Изд. № 485. Тираж 1000. Бу-
мага № 1, 84 × 108^{1/16}. Печ. физ. листов 16,25+1 вкл.
Условн. печ. листов 27,51. Учетно-издат. лис-
тов 31,31. Подписано к печати 29/VIII 1969 г. Цена
2 руб. 70 коп.

Издательство «Наукова думка» Киев, Репина, 3.
Киевская книжная типография № 5 Комитета
по печати при Совете Министров УССР,
Киев, Репина, 4.